наш XX век

ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ

КРЮЧКОВ

★

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

ТРИ ДНЯ И ВСЯ ЖИЗНЬ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Автор книги — бывший председатель КГБ СССР, член просуществовавшего три дня в августе 1991 года Государственного комитета по чрезвычайному положению (ГКЧП), — делясь с читателем воспоминаниями о собственном жизненном пути, размышляет о важнейших исторических событиях, свидетелем или непосредственным участником которых он был. Значительное место в мемуарах В.А. Крючкова уделено деятелям высшего эшелона партийно-государственного руководства. Опираясь на тот огромный объем информации, которым автор располагал как председатель КГБ СССР, во второй части своих воспоминаний он рассказывает о горбачевской перестройке, о нелегкой работе органов госбезопасности в этот период, о деятельности спецслужб иностранных держав в нашей стране, анализирует процессы, приведшие к распаду СССР.

- Владимир Александрович Крючков
  - Предисловие
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Вместо послесловия
  - Приложения

Владимир Александрович Крючков
Личное дело. Три дня и вся жизнь

Издательство благодарит С.В. Крючкова за помощь в издании книги

Предисловие

Писать книгу воспоминаний с изложением своего видения происшедшего и происходящего я начал еще в «Матросской тишине» в сентябре 1991 года, там же и был закончен ее первый вариант.

Шестьдесят лет свободы, честной, ничем не запятнанной жизни, и вдруг тюрьма! Арест, следствие и предстоящий суд… После ареста приходишь в себя не сразу, да и придешь ли когда-нибудь полностью? Вряд ли! Жизнь, если можно назвать пребывание в тюрьме жизнью, идет в особом измерении. Порой кажется, что ты находишься в каком-то кошмарном сне! Вот сейчас он наконец-то закончится и ты снова окажешься на свободе, в привычной для тебя среде, а сон этот останется в памяти просто неприятным воспоминанием… Но, к сожалению, жестокая реальность не дает «проснуться», и ты начинаешь мучительно осознавать, что жизнь действительно сыграла с тобой такую злую шутку…

В «Матросской тишине» для меня первым, совершенно необычным чувством оказалось в корне изменившееся ощущение времени. Долгие годы время представлялось мне чуть ли не самым дорогим, что у меня было. Его всегда не хватало, и я берег каждую минуту, искренне жалел о каждой потере. Причем жалел просто до отчаяния! И вдруг все разом изменилось — время как будто остановилось, оказалось совсем ненужным и даже обременительным.

Трудился в камере, естественно, украдкой и при плохом освещении, не имея под рукой никаких материалов. Соседи с пониманием и одобрением относились к моему творчеству, старались по мере сил создать хоть какие-то условия для работы, но, следуя неписаным тюремным законам, стремления ознакомиться с содержанием моих записей не выказывали. Помогали же тем, что соблюдали тишину, прикрывали от глаз охраны, проявляя при этом недюжинную смекалку, и старались достать для меня хоть какие-нибудь материалы, принося после встреч с адвокатами или родственниками газеты или интересные вырезки, а то и просто устные новости, которые, по их мнению, могли бы мне пригодиться.

Большая часть воспоминаний написана, таким образом, мною по памяти. Даже оказавшись на свободе, я так и не получил доступа ни к каким документам Комитета госбезопасности, ЦК КПСС или правительства. Пришлось довольствоваться лишь тем, что можно было почерпнуть из открытой печати. По этой причине

в изложении некоторых событий отсутствуют точные даты, мало цитат, однако суть описываемых событий доводится до читателя без искажений. За это могу поручиться.

Помню, как-то в тюрьме я потерял несколько десятков уже готовых страниц рукописи, и мне пришлось заново восстанавливать их. Я сделал это, кляня себя за небрежность и за этот напрасный труд, как всегда сожалея о потерянном времени. Спустя несколько месяцев утраченные листочки, будь они неладны, все же нашлись. Каково же было мое удивление, когда после сверки я обнаружил почти полное совпадение текстов — старого и написанного мною вновь. Я обрадовался не только тому, что в очередной раз проверил свою память, но и мысли о том, что так и должно быть всегда, когда человек говорит правду.

Постоянно я ощущал пусть и незримую, но очень важную для меня поддержку, которая исходила от тысяч и тысяч незнакомых мне людей. Их голоса не только доносились через толщу тюремных стен, звучали в печати, по радио и телевидению, раздавались на площадях и улицах, но и доходили в виде множества писем, которые нескончаемым потоком шли в «Матросскую тишину», моим адвокатам и родственникам. Именно эти люди, а также те, кто пусть и не выражал свои чувства открыто, но в душе продолжал и продолжает поддерживать нас, носят это гордое имя «народ», делу служения которому я и посвятил без остатка всю свою жизнь!

Не считая нужным кардинально менять что-либо в написанном пять лет назад предисловии к двухтомнику, не могу не сказать о тех обозначившихся в самое последнее время внутренних и внешних обстоятельствах, которых я не мог не учитывать во время работы над новым изданием книги.

Во-первых, с официальной политической арены ушел бывший президент России Б. Ельцин. И хотя он еще не оказался в рамках политического небытия, тем не менее можно утверждать, что к концу 1999 года завершился период трагического, мрачного, разрушительного правления этой личности и начался новый этап в жизни России.

О роли Б. Ельцина в истории нашей страны можно будет объективно говорить лишь после того, как с годами выйдет наружу вся правда о «делах» и «творениях» этого человека.

Вместе с Ельциным займет свое позорное место и первый президент Советского Союза М. Горбачев. До последнего времени у нас в стране и за рубежом (преимущественно среди наивных людей) возникали споры о том, что в действиях и политике Горбачева по развалу Советского Союза было случайным или вызванным стечением сложившихся обстоятельств, а что

преднамеренным, осознанным. Ответ на этот немаловажный вопрос всем недавно, в августе 2000 года, на семинаре в Американском университете в Турции дал сам Горбачев, прямо заявивший: «Целью моей жизни было уничтожить коммунизм, невыносимую диктатуру над людьми» (газета «Советская Россия» от 19.08.2000).

В этом интервью Горбачев окончательно саморазоблачается как безусловный предатель тех многих миллионов людей, которые шли за ним, веря в его разглагольствования о коммунизме и социализме. Показывает неприглядную роль своих ближайших сподвижников — А. Яковлева и Э. Шеварднадзе. Трусливо пытается полностью переложить вину за развал СССР на Ельцина. Кстати, десять лет подряд он не переставал кричать, что Советский Союз развалили гэкачеписты.

Во-вторых, в конце 1999 — начале 2000 года на российском государственном Олимпе появилась новая политическая фигура — Владимир Владимирович Путин. Избрание В. Путина президентом Российской Федерации было положительно встречено не только теми, кто проголосовал за него, но в общем-то подавляющей частью населения страны. Люди, включая левый и правый электорат, связывали и связывают с его приходом к власти большие надежды.

Как бы то ни было, уже сейчас очевидно одно: новый президент во всех отношениях лучше прежнего (ведь хуже Ельцина трудно себе представить). Другое дело — как эти надежды людей оправдываются…

Президент демонстрирует огромную работоспособность, энергию, организованность и довольно терпимое отношение к тем, чьи взгляды наверняка не разделяет. Он сменил на государственных должностях наиболее одиозные фигуры и быстро наладил деловые взаимоотношения с законодательными органами. На международном поприще совершил целый ряд полезных визитов и принял в стране видных деятелей отдельных государств, в развитии отношений с которыми Россия заинтересована.

С другой стороны, реальные изменения в жизни людей происходят медленнее, чем хотелось бы.

Думается, рудименты политики ельцинского периода, направленной на разрушение всего и вся, не позволяют рассчитывать на быстрое преодоление глубочайшего кризиса, в который оказалась ввергнутой Россия. Тем более что сохраняются внутренние и внешние угрозы для страны. Что касается внутренних угроз, то основная из них — это тяжелейшее положение с отечественным производством. Не работает

основной источник пополнения жизненных ресурсов государства. Расчет лишь на рыночные механизмы — грубейшая ошибка. Ни одно высокоразвитое капиталистическое государство ни в прошлом, ни сейчас не избавлялось от кризисных явлений без определяющей роли государственных институтов. Россия, экономика которой совсем недавно была почти полностью государственной, не может рассчитывать только на рынок. Такая политика будет сопровождаться новыми кризисными вспышками, загоняя вглубь то, что разрушает общество и страну.

Что касается внешних угроз, то они, к сожалению, сохраняются и, более того, становятся еще рельефнее. Республиканская партия США, идя на президентские выборы 2000 года, абсолютно четко заявила: «Республиканцы — это партия, выступающая за мир с позиции силы». Такой же политики придерживаются и американские демократы. И те и другие заявляют, что установившееся лидерство США в мире будет обеспечиваться и далее всеми имеющимися у американцев средствами. Для нас такое положение — жестокая реальность. Если Россия эту реальность проигнорирует, то придет время и целостность нашего государства окажется под угрозой.

Возможности для защиты Отечества создаются не в одночасье. Для этого требуются время, надлежащие силы, политическая воля, облеченная в соответствующую внутреннюю и внешнюю политику.

Новый президент России обладает необходимыми личными качествами и потенциалом, так что дело за решимостью употребить их на благо возрождения великой России.

При подготовке настоящего варианта своих воспоминаний, учитывая интерес читателей, дополнил текст характеристиками трех президентов США — Картера, Рейгана и Буша. Именно при них разворачивались события, связанные с Советским Союзом и затем Россией, происходившие в описываемый период. Книга пополнилась также размышлениями о ведущих фигурах американского политического истеблишмента того времени — Киссинджере и Бжезинском. Кроме того, в настоящее издание включены дополнительные материалы о последних месяцах жизни Ю. Андропова, сведения о некоторых политических деятелях советского и постсоветского периода, а также отдельные дополнения и уточнения описанных ранее событий.

Ряд прогнозов, сделанных автором в предыдущих изданиях «Личного дела», пришлось подкорректировать: к сожалению, события развивались и пока развиваются по худшему варианту, чем можно было предположить прежде.

В работе над этой книгой автору оказали большую помощь

бывшие сослуживцы, адвокаты, родные и близкие друзья. Всем им моя огромная искренняя благодарность.

Пользуясь случаем, автор благодарит читателей, приславших отзывы о предыдущем издании книги, поддержавших его позицию и высказавших свои суждения о трагических событиях, обрушившихся на нашу Отчизну в последние годы.

1995–2002

Глава 1
Начало жизненного пути

И до тюрьмы, и за те полтора года, что я провел в камере, не проходило дня, чтобы передо мной так или иначе не возникал образ отца. Чисто детские картинки — воспоминания сменялись долгими беседами, в ходе которых я часто в мыслях искал у отца совета и поддержки.

Мой отец, Крючков Александр Ефимович, родился 19 ноября 1889 года в городе Царицыне — затем Сталинграде, ныне Волгограде — в семье рабочего-котельщика. Жили большой семьей небогато, но за счет своего трудолюбия были сыты, худо или бедно, но обуты и одеты. Ютились то в землянке, то в небольшом домишке на окраине города, где снимали угол. Лишь со временем родителям отца удалось приобрести свой крохотный глинобитный домишко, наполовину вросший в землю, который поначалу не имел даже деревянного пола. Много лет спустя к этому однокомнатному строению, разделенному внутри лишь символической перегородкой, приделали сени, прорубили еще одно оконце. Так постепенно эта полуземлянка превратилась в нечто отдаленно похожее на жилой дом. В нем-то и прожили мои дед с бабушкой до конца своих дней. Вот о них мне хотелось бы немного рассказать.

Дед, Ефим Николаевич Крючков, работал на нефтебазе шведского капиталиста Нобеля поначалу простым рабочим, а затем писарем. Сам выучился читать и писать, причем писал довольно складно, грамотно и красивым почерком. По просьбе рабочих дед бесплатно составлял всякого рода письма, ходатайства и прошения. Эта грамотность, мягкий и отзывчивый характер в один прекрасный день, как это водится на Руси, обернулись для деда большой бедой. А история такова.

Жизнь у рабочего человека была в те времена крайне тяжелой. Трудились на износ, едва волочили ноги к субботней получке, а после нее шли в кабак, чтобы хоть как-то отвлечься от повседневных тягот. В воскресенье приходили в себя, с тем чтобы с понедельника вновь впрячься в лямку. Так и шли недели, месяцы, годы. Ясно, что старость и болезни в таких условиях долго себя ждать не заставляли. А с ними человек неизбежно лишался работы, обрекая себя на полуголодное, чтобы не сказать хуже, существование. Хорошо тому, у кого есть работящие дети, которые могут помочь, а как быть остальным? Вот мой дед и решил как-то помочь нескольким бедолагам, которых уволили с

работы по болезни. В связи с тем что причиной их нетрудоспособности явилась авария, случившаяся на заводе, мой дед составил от имени потерпевших прошение, да не кому-нибудь, а самому царю. Ответ, разумеется, был отрицательным, впрочем, на другую реакцию особенно и не рассчитывали.

Полученный отказ окончательно обрекал бедняг на полуголодную жизнь и медленное умирание. Это обстоятельство и толкнуло деда на отчаянный шаг: он искусно подделал текст ответного письма, обязав хозяина выплатить пострадавшим единовременное пособие и установить пенсию за причиненные увечья. Однако подлог в конце концов все-таки вскрылся, в результате чего деда самого выгнали с работы и даже на какое-то время взяли под стражу. А вот покалеченных рабочих «выхлопотанного» с таким риском пособия уже не лишили, так что в результате пострадал лишь мой дед. Он и до этого имел больное сердце, а тут вся эта история и вовсе добила его: год спустя, в 1910 году, его нашли на улице умершим от разрыва сердца.

Бабушка — Крючкова Лидия Яковлевна — человек во всех отношениях незаурядный. Она была немкой по национальности, но глубоко русской по воспитанию, духу и образу мышления. Да и сама бабушка всегда с неизменной гордостью подчеркивала, что является русской, любила русскую культуру, с почитанием и даже каким-то благоговением относилась к истории нашего народа. Ее родители были поволжскими немцами, предки которых приехали в Россию еще во времена Екатерины II, да так и осели в Царицыне. Со временем они вконец обрусели, и их потомки также навеки остались жить в России, преимущественно в этих же самых местах. Трудовую жизнь бабушка начала рано, с 16 лет. Была рабочей, мыла цистерны из-под нефтепродуктов. Труд тяжелый и крайне вредный, но за него неплохо платили. Надолго здоровья, однако, не хватило, так что пришлось оставить прежнее место и подрабатывать в других местах — то сторожем, то шитьем в мастерской. Так же как и ее муж, Лидия Яковлевна сама выучилась грамоте и очень любила читать.

Выйдя в 1870 году замуж за моего деда, бабушка рассталась не только со своей девичьей фамилией Шрайнер, но и вообще со всем немецким. Национальные черты характера, такие как бережливость, аккуратность и пунктуальность, проявлялись у нее, пожалуй, лишь в быту, во всем же остальном, в том числе и в облике, была она типично русской женщиной. Хоть и знала бабушка немецкий язык, но при мне старалась никогда им не пользоваться, даже в тех случаях, когда ее навещали жившие по соседству подруги-немки.

Я же очень хотел выучить немецкий и не раз просил ее помочь мне в этом, но она всегда отказывалась, неизменно приговаривая: «Не нужно, не потребуется тебе это». До сих пор не понимаю, почему она столь упорно противилась моим просьбам, никаких объяснений на этот счет добиться мне так и не удалось. Вполне возможно, что бабушка хотела уберечь меня от каких-то неприятностей, тем более что шли 1930-е годы и волна репрессий уже направо и налево косила и русских, и немцев, причем последних и вовсе без разбора. Хоть и не повезло мне с немецким, я все же многому научился от бабушки. Вообще нас с ней связывали очень теплые отношения — меня она выделяла из всех своих внуков, с детства почему-то прочила большое будущее…

Бабушка была глубоко верующим человеком, и я частенько заставал ее склонившейся над старинной Библией, напечатанной готическим шрифтом. Читала она вслух, но так тихо, что слов разобрать было невозможно. С этой Библией в соответствии с ее завещанием бабушку и похоронили. Умерла она в 1938 году, намного пережив своего супруга. Это была первая смерть на моих глазах очень дорогого мне человека…

Национальность моей бабушки никак не сказалась на «русскости» всего нашего рода, может быть, именно потому, что она сама так не хотела этого. Во время Великой Отечественной войны мои родственники-немцы разделили тяжелую судьбу русских людей, многие жестоко пострадали от фашистских оккупантов, а некоторые поплатились своими жизнями. Муж моей тетки — дочери Лидии Яковлевны — также был немцем, а их сын Иван Шульц, летчик-истребитель, погиб в первые дни Великой Отечественной войны в Латвии — был сбит в неравном бою. Тетка же вместе со своим мужем была насильно угнана в Германию. Там они подвергались крайне жестокому обращению, издевательствам и лишь каким-то чудом остались живы. Пожалуй, именно от них я слышал самые негативные отзывы о немецких оккупантах.

После смерти бабушки мой отец остался в большой семье за старшего. К этому времени он уже был начальником цеха на сталинградском заводе «Баррикады», на котором работал, кстати, с девяти лет. Начинал с того, что помогал котельщикам, подносил материалы и инструмент, просто бегал в магазин за продуктами для рабочих. Но уже в одиннадцать лет отец выполнял хотя и несложные, но самостоятельные работы, а с пятнадцатилетнего возраста и вовсе трудился наравне со взрослыми, правда получая за это гораздо меньшую плату.

Всю жизнь отец отдал родному заводу, занимаясь, хотя и в

разных должностях, все тем же котельным делом. Иногда он вместе с другими товарищами артелью ненадолго выезжал на заработки, чтобы прокормить семью, но это было тогда обычным явлением, одной зарплаты никогда не хватало. Такие поездки позволяли не только подзаработать, но и повидать страну, что сделать в ту пору иным способом было невозможно.

Я до сих пор помню рассказы отца об этих «путешествиях». Он говорил не только о том, что видел на Кавказе, Украине или в Средней Азии, но и о людях, с которыми доводилось там встречаться. Именно отец с детства привил мне чувство уважения к людям другой национальности, которое я сохранил на всю жизнь. Я и сейчас часто задумываюсь над тем, что сказал бы отец и вообще люди его поколения, если бы им выпала доля увидеть, во что сейчас превратили нашу многонациональную Родину, в которой одной семьей жили все населявшие ее народы.

В годы Гражданской войны отец воевал за советскую власть, прошел через суровые испытания. Однажды был схвачен белыми и чудом избежал расстрела, осуществив вместе с группой красноармейцев дерзкий ночной побег накануне казни. Всю жизнь отец прошагал в ногу с советской властью. В 1924 году после смерти В.И. Ленина вступил по ленинскому набору в партию. Помнится, отец положительно отзывался о нэпе, считал такой ленинский шаг очень мудрым решением, реально облегчившим жизнь народа. Правда, говорил он, невесть откуда вдруг появилось немало утопающих в роскоши богачей, но им советская власть особенно разгуляться не давала, а самое главное, не позволяла наживаться за счет эксплуатации простого люда.

Экономика обескровленной в ходе Гражданской войны страны получила столь необходимую ей подпитку, заметно улучшилось положение дел с промышленными товарами, вздохнула свободнее деревня, что не замедлило сказаться и на продовольственном рынке.

После введения нэпа жизнь начала постепенно меняться к лучшему, появился достаток и в нашей семье. Отец теперь все реже выезжал на заработки, да и на заводе дела у него пошли в гору. Вскоре он уже стал мастером, а в начале 30-х получил назначение на должность начальника котельного цеха завода «Баррикады».

В 1928 году рядом с лачугой бабушки родители построили небольшой деревянный дом. В нем мы прожили до сентября 1942 года, но в войну дом не уцелел — сгорел во время очередной фашистской бомбежки.

30-е годы запомнились мне, тогда еще ребенку, тем, что отец очень много работал, домой приходил поздно, а утром, чуть свет,

опять отправлялся на завод. Отдыхал лишь по воскресным дням, да и то не каждую неделю. Но жалоб от отца ни я, ни мать никогда не слышали. В редкие праздники в доме собирались друзья отца. Разговор всегда шел о заводе, о стране, все чаще и чаще затрагивалась тема войны — о ней говорили как о чем-то неизбежном. Никто не сомневался в том, что война будет, как, впрочем, никто не сомневался и в победе.

На нашей небольшой улице жили несколько парней призывного возраста. Настал черед проводить своих сыновей в армию и моим родителям — один из них стал летчиком-истребителем, другой — моряком. Три моих двоюродных брата уже служили: один в авиации, другой был танкистом, третий — пехотинцем. Служба сыновей в армии была предметом особой гордости родителей, хотя, помню, мать часто плакала по ночам — видимо, предчувствовало материнское сердце скорую гибель сыновей в предстоящей войне.

В 1937 году пошли аресты, не обошли они стороной и нашу улицу. Внезапно исчезал кто-то из соседей, а спустя некоторое время доходил слух о том, что он оказался «врагом народа». Помню, только двоим из них удалось вернуться, по сути дела, с того света. Один был уже совсем больным и вскоре умер (лишь много лет спустя я узнал, что на самом деле он покончил жизнь самоубийством).

Конечно, никто вслух не ставил тогда под сомнение действия властей и тем более не связывал происходящее с именем Сталина — об этом не могло быть и речи. Вместе с тем недавние друзья не спешили заклеймить позором своего попавшего в беду соседа, не пытались отмежеваться от него, скорее аресты вызывали чувство сострадания и недоумение.

Однажды мутная волна репрессий чуть-чуть не накрыла и нашу семью. Отец как-то пришел с работы неожиданно рано, еще до обеда. Я подумал сначала, что он заболел. Причина, однако, была совсем в другом. Когда утром отец, как обычно, явился на работу, его вдруг не пропустили на завод, задержав на проходной. Под предлогом того, что нужно кое в чем разобраться, сначала попросили немного подождать, а потом, спустя часа два, объявили, что он свободен, и отпустили домой. Когда можно будет выйти на работу, пообещали сообщить позже.

В тот же день стало известно об аресте директора и некоторых других руководителей завода «Баррикады»… В доме воцарилось предчувствие страшной беды. К счастью, для нашей семьи тогда все обошлось благополучно. Через пару дней отца вызвали на завод, и он вновь стал работать в своей прежней должности начальника цеха. Кто-то потом рассказал отцу, что его

спасла безупречная биография и служба сыновей в армии. Отец тогда произнес слова, которые я запомнил на всю жизнь: «А разве от биографии зависит, виновен человек или нет?»

Несмотря на репрессии, в стране невиданными темпами осуществлялось социалистическое строительство, масштабы которого до сих пор поражают воображение. Происходило это в основном за счет самоотверженности советских людей, их напряженного, изнурительного труда. Да, пожалуй, другого выхода тогда и не было. Помощи ждать было неоткуда, поэтому полагаться приходилось только на собственные силы. Выручала не только природная выносливость русского человека, его неприхотливость, способность к самопожертвованию, но и глубокая вера в торжество коммунистической идеи, ожидание светлого будущего, которое, казалось, уже не за горами.

Огромные перемены происходили в социальной области, шла настоящая культурная революция. В кратчайшие сроки удалось повсеместно ликвидировать неграмотность — учились все — и стар и млад. Для пожилых организовывались вечерние школы, курсы, кружки в клубах, а то и прямо на квартирах. Работали передвижные библиотеки.

На нашей улице учебой не были охвачены всего две или три пожилые женщины да один старик, которому в ту пору уже перевалило за девяносто. Не было ни одного ребенка старше семи лет, который не ходил бы в школу. Каждая семья выписывала хоть одну газету или журнал, да еще обменивалась прочитанным с соседями.

В районе, где мы жили, еще в 1934 году провели электричество, а вскоре в домах заработали и радиоточки. В середине 30-х годов у нас появились первые выпускники отечественных вузов — собственные инженеры, врачи, преподаватели, агрономы и даже один геолог. До неузнаваемости изменился облик обитателя сталинградских окраин и большинства остальных жителей города.

Слыханное ли дело, что еще вчера забитый и в массе своей неграмотный заводской люд потянулся к искусству — люди стали ходить в театры, кино, на концерты, посещать выставки и музеи, участвовать в художественной самодеятельности.

Эти несомненные успехи омрачались, однако, предчувствием страшной беды, нависшей над нашей Родиной, — с каждым днем становилась все ощутимее угроза войны. Это сплачивало людей, дисциплинировало, повышало их ответственность. Войну не просто ждали, к ней серьезно готовились.

И все-таки застала она нас врасплох. Тот, кто пережил 1941 год, никогда не забудет, как он узнал о начале войны, при каких обстоятельствах услышал первое сообщение о нападении Германии на Советский Союз и начале Великой Отечественной войны.

В жаркий воскресный день 22 июня сбылась моя давняя мечта: родители собрались на базар покупать мне велосипед. Долго выбирали, приценялись и, наконец, нашли подходящий вариант — осталось только оплатить покупку.

Именно в этот момент и заработал репродуктор, висевший на фонарном столбе. Сначала объявили о том, что сейчас будет передаваться важное сообщение. Все как-то сразу притихли. И вот раздался голос Вячеслава Михайловича Молотова — Германия совершила вероломное нападение на Советский Союз, первые бомбежки советских городов, бои на границе. В заключение Молотов произнес слова, которые облетели потом весь мир: «Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!»

О покупке велосипеда, конечно, больше не было и речи. Люди на базаре торопливо завершали свои дела и расходились. Заспешили домой и мы. Возвращались молча, погруженные в свои мысли. Дома нас встретили со слезами на глазах. Хоть о войне давно уже говорили как о чем-то неизбежном, в душе все еще продолжали на что-то надеяться, думали: а вдруг пронесет?

Когда весть о войне облетела город, все поспешили к своим семьям, а вечером, наоборот, людям захотелось собраться вместе — буквально весь город высыпал на улицы. Растерянности и тем более паники заметно не было. Лица были суровы, но спокойны, многие решили немедленно идти на фронт. Все считали, что война не продлится долго, и уж тем более были уверены в том, что на свою территорию врага мы ни за что не пустим. Мы ведь воспитывались тогда в духе непобедимости.

А по радио тем временем объявляли один указ за другим. Ждали сводок, и они скоро действительно пошли — одна тяжелее другой. Но и тогда еще надеялись, что дела на фронте вот-вот поправятся. Никто не предполагал, что придется воевать целых четыре года, что война докатится до Сталинграда и полностью разрушит его, что она обернется для страны такими огромными жертвами…

В начале июля 1941 года наша семья первой на улице получила похоронку — извещение о гибели моего брата Константина. Нам сообщили, что он был смертельно ранен и похоронен 25 июня 1941 года в Латвии в районе города Даугавпилса. Брат был участником финской войны, там он тоже воевал летчиком-истребителем и был удостоен высокой награды

— ордена Красной Звезды. Он был любимцем всей семьи, человеком редкой души, общительным, музыкально одаренным, заботливым и нежным сыном, мужем, отцом, братом и внуком. И вот Кости не стало…

Ну а потом похоронки стали приходить на нашу улицу все чаще и чаще. Почтальон шел тяжелой походкой, сгорбившись, на его лице, казалось, навсегда застыла печать глубокой скорби. Говорил нехитрые слова утешения, а сам при этом украдкой смахивал слезы.

В конце июня 1941 года вместе с одноклассниками я написал заявление с просьбой отправить меня на фронт. У здания военкомата собралось, казалось, полгорода. Некоторые пришли по повесткам, но основную массу составляли добровольцы. Выстояв длинную очередь, мы наконец пробились в кабинет военкома. Едва взглянув на наши документы, он вернул их обратно — возрастом не вышли. Даже справка об окончании курсов Осоавиахима и права на управление мотоциклом, на которые я так рассчитывал, не возымели действия. Все наши уговоры военком оборвал словами: «Идите и не мешайте работать!» Выйдя за дверь, мы тут же приняли решение помогать фронту другим, единственно возможным тогда для нас способом — работой на оборонных заводах.

Я оставил школу и пошел разметчиком на завод «Баррикады», туда, где трудился мой отец. Было мне тогда 17 лет.

Прежде на «Баррикадах» я бывал только во время школьных экскурсий. Спустя два месяца сдал экзамен и получил четвертый разряд по механической разметке. Работал по 12 часов в сутки при одном выходном в неделю, который давали, когда позволяла обстановка.

Часто вспоминаю это время, мой первый рабочий коллектив, чистые, бесхитростные отношения между людьми. Рабочие всегда что думали, то и говорили, горой стояли друг за друга. Мастер Николай Михайлович досконально знал всю свою бригаду, не только требовал план, но и проявлял искреннюю заботу о людях. Подойдет, бывало, ночью и скажет: «Вижу, устал, иди поспи часок!» Да еще при этом даст «концы» — промасленные тряпки — подложить под голову. Сам же потом и разбудит.

На своем веку мне приходилось работать в разных коллективах, но самые яркие и сильные впечатления у меня остались именно от рабочей среды.

…Пролетел первый военный год. Враг вплотную подошел к городу. Воздушные тревоги объявлялись по нескольку раз на день, но бомбежек пока не было. И вот 23 августа 1942 года около пяти часов вечера в район тракторного завода прорвалось первое

танковое подразделение немцев, а два часа спустя начался массированный налет немецкой авиации.

У меня в тот день был выходной, и я находился как раз в центре города, когда раздались первые разрывы бомб. Это был кромешный ад! Вокруг рушились здания, после прямого попадания они разом оседали на землю, поднимая высоко к небу клубы дыма и плотной пыли. Люди же почему-то искали защиты от бомб и осколков именно вблизи строений, сотнями погибая под их обломками. Вокруг раздавались крики, стоны, начались пожары, а самолеты волнами все шли и шли на город.

Перед бомбометанием летчики делали большой разворот и, пикируя, заходили с востока, из-за Волги, уклоняясь таким способом от огня наших зениток, расположенных в западной части города. Вечером от разлившейся нефти, горевших пароходов и барж заполыхала Волга. Зрелище горящей реки производило впечатление какого-то кошмара!

Ночью немцы бомбили уже не так сильно, но с утра налеты возобновились с прежней интенсивностью. Мне каким-то чудом удалось живым выбраться из центра города. Один раз близким разрывом меня бросило на землю и привалило сверху деревом. Домой я смог попасть лишь глубокой ночью, а к утру, несмотря на сильную боль в ушибленной спине, побежал на завод.

На «Баррикадах» тушили многочисленные пожары, спасали уцелевшее оборудование и наиболее ценное сырье. Стало ясно, что нормальная работа предприятия в условиях непрекращающихся бомбежек и обстрелов уже невозможна. Поэтому было принято решение вывезти все, что только можно, на другой берег Волги.

Задача была очень непростой, работать приходилось день и ночь. Помню, как-то раз мы переправили очередную партию цветных металлов и, вместо того чтобы этим же пароходом, как обычно, сразу вернуться назад, вынуждены были задержаться на том берегу до прихода куда-то запропастившихся машин. Не бросишь же груз просто так на берегу. Капитан парохода торопился назад и ждать нас не стал, пообещав забрать вторым рейсом. Когда его небольшое суденышко было уже на середине реки, налетели немецкие самолеты. На наших глазах пароход был потоплен, никто из находившихся на его борту не спасся…

В ноябре началась эвакуация баррикадцев в Горький на завод № 92 имени И.В. Сталина. Но уже в апреле 1943 года, сразу же после открытия навигации, первыми пароходами мы вернулись всем коллективом в Сталинград, на свой родной завод. Весь город был в руинах, сильно пострадали и «Баррикады».

В то время на заводе работало всего 76 человек, но задания

давались большие, сроки устанавливались самые сжатые. На фронт никого не отпускали, специалистов и так не хватало. А вот работать на завод брали всех, кто мог держать в руках инструмент. Восстанавливали завод на ходу, ни на минуту не прекращая производственного процесса.

Вскоре пошла наша первая военная продукция — орудия, прицепы для перевозки снарядов, отремонтированная армейская техника. Завод быстро набирал темпы, вновь превращался в крупное оборонное предприятие, каким и остался впоследствии — вплоть до недавнего времени.

В 1943 году летом меня пригласили в Баррикадный районный комитет партии на беседу к первому секретарю Романенко. Познакомились, поговорили о заводских делах, а потом без всякого перехода он неожиданно делает мне предложение: «А не попробовать ли вам себя на комсомольской работе?» Я даже не сразу взял в толк, о чем идет речь. Мне пояснили, что в наш район для работы на заводе и стройках прибыло несколько тысяч юношей и девушек, им надо помочь наладить быт, насколько это возможно в условиях разрушенного города, поскорее втянуться в трудовой процесс и создать комсомольскую организацию. Возглавить этот участок должен комсорг ЦК ВЛКСМ. В этой связи и возникла моя кандидатура.

На следующий день меня вызвали на заседание бюро райкома ВКП(б), где было принято решение о направлении меня на работу комсоргом ЦК ВЛКСМ Особой строительно-монтажной части № 25 Министерства СССР по строительству. Через месяц на общем собрании комсомольской организации я был избран секретарем заводского комитета комсомола. А в июле следующего, 1944 года меня избрали первым секретарем Баррикадного райкома ВЛКСМ.

В этом же году происходит еще одно очень важное в моей жизни событие — я вступаю в Коммунистическую партию, становлюсь на всю оставшуюся жизнь коммунистом!

И вот наконец долгожданная победа! Трудно описать те чувства — действительно это была радость со слезами на глазах, ведь не было ни одной семьи, которую миновало бы горе утраты близких. Но жизнь брала свое — выплакали последние слезы безутешные матери, вернулись те, что остались в живых, и вся страна ринулась на очередной подвиг, теперь уже трудовой — восстанавливать разрушенное народное хозяйство. До сих пор не перестаю удивляться, как удалось справиться с этой поистине грандиозной задачей в такие рекордные сроки!

Отгремела война, и теперь уже можно было всерьез заняться

дальнейшей учебой, мысль об этом никогда не покидала меня. Еще в 1944 году в Сталинграде были открыты вечерние школы рабочей молодежи. Я начал учиться в 10-м классе (9-й класс окончил в 1941 году) и в следующем году получил аттестат зрелости. В том же 1945 году я поступил в Саратовский юридический институт, но на очном отделении довелось проучиться лишь год. Отец ушел на пенсию, у матери ухудшилось здоровье, в большой нужде жила сестра с пятью детьми, старшему из которых было 9 лет. Нужно было им помогать, и в 1946 году я перевелся на заочное отделение. Летом того же года меня избрали вторым секретарем Сталинградского горкома комсомола. Однако трудиться на комсомольском поприще мне довелось недолго: я принял решение перейти на работу в органы прокуратуры, с тем чтобы совмещать заочную учебу в институте с приобретением практических навыков, необходимых для будущей специальности.

В органах прокуратуры в общей сложности я проработал около пяти лет: был следователем, прокурором следственного отдела областной прокуратуры, прокурором района.

В те годы борьбе с преступностью придавалось очень большое значение. Эффективно действовали сами правоохранительные органы, но главное было в другом — у нарушителей закона не было никакой социальной базы, с ними боролась не только милиция, но и широкие слои общественности, весь народ. Даже после массовой послевоенной демобилизации, амнистии, в условиях, когда места недавних боев были завалены горами неубранного оружия, неизбежный всплеск преступности, особенно тяжкой, — такой как убийства, бандитизм, грабежи, — был очень незначительным, с ней удалось быстро справиться. Да, принимались самые жесткие меры, но они были обоснованными и получали полную поддержку у населения. Любое тяжкое преступление в районе являлось предметом особого разбирательства на всех уровнях, за ходом расследования осуществлялся неустанный контроль. Раскрываемость поэтому была почти стопроцентной, в подавляющем числе случаев виновным не удавалось уйти от наказания. Что же касается хозяйственных правонарушений, то они вообще носили единичный характер, а суммы причиненного ущерба при этом были незначительны.

Допускаю, что такая по нынешним временам прямо-таки идиллическая картина некоторым может показаться неправдоподобной, но ведь и нам в свое время даже в голову не могло прийти, что возможны такие масштабы преступности, какие мы имеем сегодня.

В 1946 году, когда я уже работал в прокуратуре, вышел на пенсию отец. Здоровье у него к тому времени было порядком подорвано. Еще в 1928 году в результате производственной травмы он лишился глаза. В конце жизни ему было уже трудно разбирать буквы и он просил меня или мать читать ему вслух.

Отец всегда живо интересовался событиями, имел на многие вещи собственную точку зрения. Так, например, он считал, что у нас в стране напрасно полностью зажимается частная собственность, не поощряется рост личного благосостояния, часто повторял, что народ и так уже много сделал ради высоких идеалов, теперь в жизнь должна постепенно входить материальная заинтересованность. Воспитание трудом отец считал непременным условием здорового развития человека и общества. Он и на пенсии не переставал много работать в нашем нехитром подсобном хозяйстве, причем делал это с явным удовольствием.

Умер отец 5 июля 1951 года, проститься с ним пришло на удивление много народу. Друзья по работе поставили скромный обелиск из нержавеющей стали, обнесли его нехитрой оградкой. За могилой до сих пор ухаживают две мои племянницы — дочери сестры, — которые так и живут в родном городе.

Совсем по-другому сложилась бы и моя судьба, останься и я навсегда в Сталинграде.

В 1951 году произошел, однако, резкий поворот в моей жизни. К тому времени мне уже удалось окончить (в 1949 году) юридический институт, я был прокурором Кировского района Сталинграда и ни о какой другой работе даже не помышлял.

Но вот в начале лета 1951 года Сталинградский обком партии впервые получил разнарядку направить двух кандидатов для учебы в Высшей дипломатической школе МИД СССР. Никто из местных руководителей не имел ни малейшего представления о том, какими качествами должны обладать эти избранники. Кандидатов поначалу было много, но в итоге решили остановить свой выбор на двух, имевших высшее юридическое образование, одним из этих двоих был я.

В июле 1951 года мы выехали в Москву для прохождения мандатной комиссии и сдачи экзаменов.

Так я впервые в жизни попал в столицу. Сколько же было волнений, ярких впечатлений и открытий! Ансамбль Московского Кремля, бесчисленные музеи, театры, огромные здания и, как мне тогда показалось, широченные улицы, буквально запруженные автомобилями, забитые товарами магазины — все это произвело на меня, провинциала, просто ошеломляющее впечатление!

Никогда не забуду, как в первый раз оказался возле Большого

театра, спустился в московское метро. Поразила и необыкновенная чистота московских улиц — по ночам по городу до самого утра ездили машины, подметая и поливая и без того стерильные мостовые. Эти мои первые впечатления от Москвы глубоко врезались в память.

Первые дни в столице были посвящены собеседованиям, заслушиваниям на различных комиссиях и сдаче экзаменов. Проходило все это в старом здании МИД на Кузнецком Мосту, в доме по соседству с выразительным памятником Воровскому и… с будущим новым зданием КГБ СССР, в котором находился мой последний служебный кабинет.

Помнится, возглавлял приемную комиссию известный советский дипломат А.В. Богомолов, бывший тогда заместителем министра иностранных дел СССР. Я волновался, конечно, — непривычная обстановка способствовала этому. Но все обошлось благополучно. Поначалу, когда со стороны Богомолова посыпались многочисленные вопросы, я грешным делом подумал, что меня хотят «завалить». Но председатель комиссии, видимо уловив мои мысли, сказал, что ему нравятся мои ответы и он просто хочет познакомиться со мной поближе.

На следующий день были собеседования с остальными членами комиссии, потом начались экзамены по предметам. В результате и этот этап был успешно преодолен. А вот моему земляку из Сталинграда повезло меньше, он, к сожалению, не прошел.

После сдачи экзаменов меня, как это было тогда принято, пригласили на Старую площадь для беседы в ЦК ВКП(б). Напоследок задали вопрос и о том, почему я согласился отправиться на учебу в дипшколу. Было заметно, что этой теме придается особое значение.

Чувствовалось, что мои ответы произвели хорошее впечатление. Однако, опять-таки в духе того времени, ничего определенного мне не сказали, посоветовали лишь возвращаться в Сталинград, куда, мол, мне и сообщат о принятом решении. В полном неведении относительно своей будущей судьбы я пребывал вплоть до конца августа, когда наконец пришло долгожданное извещение о моем зачислении в ВДШ.

Это было радостным событием не только для меня, моих родных и многочисленных друзей, но и для сослуживцев, знакомых и просто соседей. Ведь я был первым сталинградцем, который отправлялся на учебу в Высшую дипломатическую школу МИД СССР! Но уже тогда я глубоко задумался над тем, что ждет меня впереди, как сложится дальнейшая судьба, как эта резкая перемена в жизни отразится на семье… Конечно, тогда мне и в

голову не могло прийти, что когда-нибудь эта новая стезя приведет меня на московскую улочку с таким грустным и поэтическим названием Матросская Тишина!

В последний день августа 1951 года я прибыл в Москву и поселился в общежитии ВДШ, находившемся недалеко от Павелецкого вокзала, в Стремянном переулке, дом 29, которое, по-моему, существует по сей день. У меня была небольшая, рассчитанная на двух человек комнатка площадью около 6 квадратных метров (умывальник, туалет и кухня были общими), в которой я и прожил все три года учебы, — по тем временам условия вполне приличные. Заниматься приходилось много: осваивал два языка — венгерский и немецкий, штудировал новые для меня науки. Ежедневно, кроме воскресенья, вставал в шесть часов утра, а завершал свой рабочий день в час-два ночи. И так от каникул до каникул. Помогали молодость и огромное желание учиться!

Впервые в жизни у меня была возможность заниматься только учебой. Здание дипшколы находилось в тихом переулке недалеко от Красных Ворот — в Большом Козловском, в доме № 4. Помещения были небольшими, поэтому использовался буквально каждый квадратный метр, в том числе и подвал, где располагался уютный буфет. Больше всего меня поразила своим богатством библиотека дипшколы, с самого первого дня учебы я буквально не вылезал из нее.

Первое занятие в ВДШ было у меня по венгерскому языку. В группе насчитывалось трое слушателей. Преподаватель начал с рассказа о трудностях венгерского языка, в котором 28 падежей, нет рода, непривычное для русских построение предложений, сложное произношение и так далее в том же духе. Он явно хотел настроить нас на напряженный труд, но эффект получился прямо противоположный — на втором занятии группа состояла уже из двух человек, а вскоре я и вовсе остался в одиночестве. Оба моих товарища сочли, что освоить венгерский им не под силу, и обратились к руководству школы с просьбой о замене им языка. Специалисты требовались не только по Венгрии, поэтому их просьбу легко удовлетворили. Так и получилось, что из всего нашего потока все три года венгерскому языку обучали меня одного.

Кстати, наш преподаватель понял, что допустил оплошность, и, видимо испугавшись перспективы потерять последнего ученика, резко сменил тактику — теперь он внушал мне, что не такой уж и сложный этот венгерский, да и вообще не так страшен черт, как его малюют! Меня, помню, порядком забавляли его постоянные сентенции о том, что этот пресловутый язык учу не я

первый, мои предшественники с этой задачей тоже неплохо справлялись, да и надбавку к зарплате за знание венгерского языка платят повышенную… Мне пришлось даже успокаивать беднягу, заверять, что не собираюсь отступать.

В конечном счете все вошло в норму, а я стал, как шутили мои однокашники, «самым дорогим» с точки зрения материальных затрат слушателем — ведь у меня была отдельная языковая группа с «персональным» преподавателем. После бегства моих товарищей долго потом еще на меня показывали пальцем и говорили: «Вон идет тот самый чудак, который учит венгерский».

Ну а язык тем не менее у меня пошел. Довольно быстро разобрался с грамматикой, понял ее внутреннюю логику и налег вовсю на словарный запас. Разработал удобную для себя методику и стал постоянно увеличивать количество выученных за день слов. Через какой-то короткий промежуток времени этот ежедневный рацион перевалил за сотню слов, что удивляло даже опытных педагогов. Но секрет был прост — я всюду носил с собой специальные карточки, на которые выписывал заучиваемые слова, и при малейшей возможности — в метро ли, в перерывах между занятиями — доставал их из кармана и начинал вновь просматривать, тасуя как попало. Если к вечеру выявлялось хотя бы одно забытое слово, то за этим следовало наказание — переписывание заново всей сотни слов и словосочетаний, составлявших мою ежедневную норму.

Буквально через несколько дней после начала занятий параллельно с венгерским пришлось заняться еще и немецким языком. На этот раз в группе был полный комплект — три человека. Одной из преподавательниц у нас была Софья Борисовна Либкнехт, жена Карла Либкнехта. Ей было уже за семьдесят. От возраста и пережитого она с трудом передвигалась, но сохраняла поразительную живость ума. Человеком она была в высшей степени образованным, от природы одаренным, интеллигентным и очень тактичным. Немецкая пунктуальность чувствовалась во всем — семидесятилетняя, не очень здоровая женщина ни разу не опоздала на занятия!

В 1953 году осенью она побывала в ГДР, посетила Западный Берлин, постояла на месте гибели мужа. Делясь своими впечатлениями от увиденного, Софья Борисовна часто повторяла, что немцы в ГДР живут лучше, чем советские люди, но явно проигрывают в жизненном уровне своим западным собратьям. «Если в ГДР, — говорила она, — снабжение хорошее, то в Западной Германии блестящее: рано или поздно такая ситуация приведет к возникновению большой и крайне опасной «немецкой проблемы». Помню, что нас удивляла ее обеспокоенность, ведь

мы воспитывались в другом духе, когда соображения материального порядка вообще не играли заметной роли.

Надо сказать, я охотно занимался немецким. Этот язык напоминал мне о Сталинграде. О своей бабушке по отцу я уже рассказывал. Кроме того, на нашей улице, в соседнем дворе, жила в землянке одна немецкая семья. Глава этого семейства работал на заводе «Баррикады» и был, как рассказывал мой отец, уважаемым специалистом и очень хорошим работником. Я подружился с его старшим сыном, девятилетним мальчиком, моим сверстником. Мы часто ходили друг к другу в гости, постоянно держались вместе на улице — даже в играх всегда норовили оказаться в одной команде. Русский язык мой немецкий друг еще не очень освоил. Я, как мог, помогал ему, а он в ответ учил меня немецким словам. Вот тогда и зародилось желание выучить немецкий язык, я даже дал себе слово непременно сделать это. Наша детская дружба продлилась почти семь лет. Потом началась война, а через несколько дней немецких семей в соседних дворах уже не оказалось: всех немцев выслали. С тех пор я потерял след моего друга, но память о нем, о совместных детских годах и нашей дружбе сохранилась навсегда.

Трехлетняя учеба в ВДШ в 1951–1954 годах дала мне невероятно много. Впервые появилась возможность серьезно заняться языками да плюс к тому десятками других предметов, как специальных, так и общеобразовательных. Я изучал советскую и зарубежную литературу, получил широкий доступ к документальным источникам, общался в буквальном смысле с элитой профессорско-преподавательского состава. Все это создавало отличные условия для приобретения знаний и освоения азов будущей профессии. Надо особо указать на одну важнейшую примету того времени — на качественный сдвиг, происшедший в учебном процессе после смерти Сталина.

На траурном митинге, состоявшемся в ВДШ, выступавшие не могли скрыть слез, причем восхваляли Сталина даже сильнее, чем при его жизни. При этом каждый задавался вопросом: как жить дальше, что ждет всех нас впереди? Первые недели шли пока в прежнем русле, однако чувствовалось, что накопившееся за годы внутреннее напряжение вот-вот вырвется наружу. Тем не менее все еще по инерции продолжали бояться открыто говорить про то, о чем думали, хотя страх постепенно начал уходить. Решительный же перелом в сознании людей произошел лишь с арестом Берии. Именно тогда начался отсчет нового времени, характерной чертой которого явилась переоценка ценностей, которыми общество жило до той поры. Не случайно тогдашний президент США Эйзенхауэр заметил: «Со смертью Сталина в

Советском Союзе окончилась одна эпоха и началась другая». К сожалению, переходный процесс, который неизбежно сопровождает смену эпох, у нас явно затянулся. Порой мне кажется, что он продолжается и по сей день.

1954 год, июнь. Позади ВДШ, красный диплом, распределение на работу в МИД, на венгерское направление. Отшумел торжественный выпускной вечер, впереди долгожданная дипломатическая работа, а пока что месячный отпуск, который получили выпускники.

Мы с женой решили использовать эту возможность для того, чтобы получше отдохнуть в преддверии работы на новом поприще.

Поскольку нам рассказали, что новоиспеченным дипломатам положена форма, мы с женой решили, что мне незачем иметь два пальто — хватит и одного, «форменного». Поэтому прежнее мое добротное «гражданское» пальто мы продали, получив таким образом дополнительные «отпускные». А 1 августа, когда я вышел на работу в МИД СССР, нам объявили, что форму для дипломатов отменили… Так и пришлось потом еще целый год донашивать совсем старое пальто, которое, по счастью, сохранилось от прежних лет.

Так вот и жили, порой с трудом дотягивая «от зарплаты до зарплаты», хотя оптимизма и веры в лучшее будущее было не занимать. Историю со злополучной формой и так неосмотрительно, по-цыгански проданным пальто вспоминали со смехом, без какого-либо сожаления.

В венгерской референтуре, куда я был распределен, работало восемь человек. Сидели все в небольшой комнате на 17-м этаже высотного здания на Смоленской площади, куда к тому времени переехало Министерство иностранных дел. У каждого свой небольшой канцелярский стол, чуть больших размеров — у заведующего референтурой. Здесь знакомились с почтой, готовили документы, обсуждали общие дела, спорили, изредка принимали посетителей из других ведомств.

К концу дня в голове шумело от разговоров, телефонных звонков и табачного дыма. Но в этой тесноте были и несомненные плюсы — мы не только были в курсе всего происходящего на венгерском участке, но и очень хорошо знали друг друга.

Мнение, которое я составил тогда о своих товарищах, неоднократно подтверждалось затем даже спустя десятки лет. А окружавшие меня люди, конечно, были самыми разными — и характерами, и поведением, и манерой работать, да и в целом отношением к жизни.

В памяти отложилось выступление министра иностранных дел В.М. Молотова перед партийным активом в апреле 1955 года. Обсуждался вопрос о работе и задачах нашего ведомства. Слово взял А.А. Громыко, бывший в ту пору первым заместителем министра. В своем выступлении он подверг острой критике стиль работы Молотова, говорил о необходимости выработки нового подхода во внешней политике, причем делал это в довольно резких выражениях.

Зал реагировал сдержанно, очень уж непривычными были в ту пору подобные заявления. Заключительное слово Молотова длилось более часа. Начал он традиционно с анализа обстановки в стране, потом перешел к делам международным, подчеркнул важность всемерного укрепления социалистического лагеря перед лицом возрастающей угрозы со стороны мирового империализма, в заключение остановился на задачах коллектива. На критические замечания Громыко в свой адрес Молотов при этом вообще не отреагировал, хотя было видно, что они его больно задели.

Поначалу Молотов сильно нервничал, даже заикался. Впрочем, он быстро взял себя в руки и, как всегда, начал уверенно выдавать формулы, делать привычные оценки. В общем-то это было заурядное выступление, но зал слушал затаив дыхание, так как всем было ясно, что сейчас решается, кому быть министром: по-прежнему Молотову или Громыко.

Хотелось, конечно, большей определенности и конкретности, людям надоели одни лишь лозунги, общие призывы к удвоению усилий в борьбе за светлое будущее народов и т. п. Расхожие пропагандистские фразы никак не настраивали на творческий подход в вопросах внешней политики. С другой стороны, приверженцы старых порядков с явной опаской относились к молодому, энергичному Громыко, не были готовы к ломке привычного уклада своей жизни. Поэтому речь Молотова звучала для многих гарантией стабильности, а свежие ветры сулили одни неожиданности, да и было пока непонятно, в каком направлении они дуют.

Несмотря на то что Молотов продолжал руководить МИДом, время брало свое, и обстановка в министерстве постепенно менялась. Медленно, но неумолимо наполнялась новым содержанием работа, менялся ее стиль, да и просто распорядок жизни сотрудников. Дипломаты вдруг стали «развязывать языки», начали глубже задумываться над недавней историей и происходящим сейчас, ставить все больше и больше вопросов. К сожалению, ответов было значительно меньше, чем этих вопросов…

Ветер перемен коснулся не только производственной сферы,

но и личной жизни людей. При Сталине весь состав МИДа работал по крайне изнуряющему ночному графику. Рядовые сотрудники уходили со службы часа в два-три ночи, а наутро в девять ноль-ноль снова были уже на своих местах. Правда, днем на перерыв отводилось по два-три часа. У руководства же график был несколько иным — рабочий день начинался часа на два позже, а завершался чуть раньше, чем у остальных. Все шло от «отца»!

Годами, день за днем, кроме воскресений, люди жили в таком нечеловеческом ритме. В результате личная жизнь как таковая теряла свой естественный смысл. У сотрудников в принципе не должно было быть личных дел. Уйти с работы пораньше, например часов в десять вечера, можно было лишь с разрешения довольно высокого начальства, да и то только в случае веских причин. Мид овцы теперь с ужасом вспоминали эти порядки, хотя еще не так давно безропотно тянули лямку и другой жизни для себя просто не представляли. Человек привыкает ведь ко всему!

Получив наконец нормальный рабочий день, дипломаты смогли теперь выбираться в кино, театр, да и просто проводить время с семьей, выходить на прогулки, чего раньше они были практически лишены. Все это не замедлило сказаться на облике сотрудников — они менялись буквально на глазах, воспрянули, стали раскованнее, в глазах появился какой-то блеск.

В воздухе витало предчувствие дальнейших перемен. Пока только в личных беседах, так сказать, в кулуарах, но все же можно было услышать откровенные суждения, интересные мысли и идеи. На бесчисленных же собраниях — партийных и профсоюзных — или в ходе производственных совещаний, которые мало отличались от тех, которые мы знали по сталинским временам, такое, конечно, услышать было нельзя. Впрочем, и здесь иногда раздавались смелые речи, не получавшие, впрочем, ни поддержки, ни осуждения присутствующих. Во многом это объяснялось позицией руководства, где процесс пробуждения нового сознания явно отставал от настроений масс, а какого-то реального размежевания сил в верхних эшелонах пока так и не произошло.

К концу лета 1955 года я получил назначение на работу в нашем посольстве в Будапеште. В это же время состоялось мое знакомство с человеком, который сыграл, пожалуй, самую значительную роль в моей дальнейшей судьбе. Я имею в виду Ю.В. Андропова, бывшего тогда послом СССР в Венгрии. Юрий Владимирович позвонил мне по телефону и сообщил, что вопрос о моем назначении решен и в октябре он ждет меня в Будапеште.

Итак, первая загранкомандировка. Для любого дипломата это

важный этап не только с точки зрения карьеры, но и для всей его жизни. Именно в ходе первой командировки, на мой взгляд, происходит становление будущего дипломата, завершается, если хотите, первый цикл подготовки нового специалиста, начавшейся на учебной скамье и продолженной в период работы в центральном аппарате министерства.

Первая работа за границей сказывается и на формировании личности человека — люди, попав в новые для себя условия, в отрыве от дома, родных и друзей, очутившись в общем-то в небольшом коллективе, неизбежно раскрываются, полнее проявляя не только деловые, но и личные качества.

Впрочем, все это я осознал позже, а после назначения меня одолевали совсем другие мысли и чувства. Волновался оттого, что рассматривал работу в посольстве как своего рода серьезный экзамен на звание настоящего дипломата. Думал о родных, которых долго теперь не увижу, о своей семье, в очередной раз вынужденной резко сменить образ жизни и отправиться со мной в мир, для нас совершенно неведомый. Очень жалко было расставаться с новыми друзьями, ведь мы отчетливо сознавали, что расстаемся, скорее всего, надолго, так как бродячая и полная перипетий жизнь дипломатов может разметать нас по разным уголкам земного шара!

На перроне вокзала собрались близкие друзья. Позади недолгие и совсем необременительные сборы. Жена, преподаватель русского языка и литературы, с большим сожалением оставившая школу и своих учеников (многие из которых, кстати, пришли проводить свою учительницу), пятилетний сын, наш первенец, и радостно-тревожное ощущение прыжка в новую, как мы были уверены, интересную и полную романтики жизнь…

Таким мне запомнилось это осеннее утро на Киевском вокзале столицы. Паровоз издал протяжный гудок, медленно тронулся с места и, отчаянно пыхтя, покатил вперед, все дальше и дальше увозя нас от сравнительно спокойного и привычного прошлого…

За окном мелькали знакомые поля и леса, нечастые переезды и деревеньки, а в глазах у нас уже стояла Венгрия, и я питал самые радужные надежды, связанные с увлекательной и манящей дипломатической службой. Конечно, не мог я тогда предположить, что предстоящая командировка принесет с собой суровые испытания и станет первым шагом по трудной и каменистой дороге, которая приведет меня в заоблачные высоты большой политики, а затем и в тюремную камеру, где я украдкой, ночами и писал эти строки…

Жалею ли я о том, что встал на этот путь? Оглядываясь назад, на свою долгую жизнь, могу твердо сказать, что нет, не жалею, что, довелись начать все сначала, я и в следующий раз прошел бы его так же, не свернув в сторону.

Через сутки с небольшим поезд пересек границу, и мы оказались на территории Венгрии. За окном замелькали совсем другие пейзажи, так непохожие на те, что мы видели всего несколько минут назад. Чужая земля, совсем иная жизнь, незнакомый народ. Вагон раскачивало из стороны в сторону — сказывалась узкая колея венгерской железной дороги, — а я жадно всматривался в эту теперь уже немножко и «мою» страну, разглядывая названия маленьких полустанков и переводя жене надписи на венгерских вывесках.

Первое, что бросалось в глаза, — это бесчисленные наделы крестьян-единоличников, узкие делянки, на которые были нарезаны зеленые, несмотря на уже наступивший октябрь, поля вдоль дороги. Техники почти никакой, но удивительно много лошадей, тяглового скота. Не очень уж богатые хутора с домами средних размеров и хозяйственными постройками. Всюду копошились люди, причем работали и стар и млад. На проходящий поезд никто не обращал никакого внимания — некогда.

По внешнему виду крестьяне мало отличались от наших, только чувствовалось, что они посдержаннее, но вместе с тем, как я потом убедился, такие же добрые по характеру и с каким-то особым, не сразу понятным иностранцу внутренним миром. Подростки трудились в поле наравне со взрослыми — возили на арбах собранный урожай, стебли кукурузы, солому, разбрасывали навоз.

Венгерские крестьяне, как, впрочем, и все венгры, исключительно трудолюбивы. Делают все неторопливо, тщательно, увлеченно и с достоинством. Среди крестьянских угодий особой ухоженностью отличались виноградники. Вообще к винограду у венгров отношение совсем иное, чем к остальным сельскохозяйственным культурам, — они вкладывают в него всю душу, работают на виноградниках с особым удовольствием.

Городские картины тоже отличались от наших, и не только архитектурой. Любой, даже самый маленький городишко имеет все присущие своим большим собратьям черты — в каждом есть центральная площадь, главная улица, магазины с яркой рекламой, внушительных размеров собор, парадное здание для городских властей. Архитектурные памятники очень бережно охраняются, венгры не просто гордятся ими, но и хорошо знают

их историю.

Вообще надо сказать, что отношение венгров к собственной истории необычайно уважительное. Это святое. Здесь кроются корни венгерского патриотизма, отсюда проистекает и явный национализм, также характерный для этого народа. Понимание и учет венгерского национализма необходимы для того, чтобы правильно строить отношения с этой страной, понимать существо происходящих в ней процессов. Тот, кто недооценивает эти факторы, в итоге все равно просчитается — исторических примеров тому более чем достаточно.

Мы получили жестокий урок в 1956 году, расплатившись в какой-то мере и за собственные ошибки, за пренебрежительное отношение к чувствам, традициям венгерского народа.

Сила венгерского национализма в чем-то напоминает мощный селевой поток. Его невозможно остановить, пренебрегать им опасно. Но разрушительные последствия потока можно значительно уменьшить, если направить несущуюся массу в нужное русло, дать ей выдохнуться, иссякнуть.

Было бы неверно думать, что в национализме как таковом нет ничего положительного, никаких созидательных начал. Когда надо направить энергию народа на что-то весьма значительное, добиться выполнения труднейшей задачи, то именно национализм может явиться здесь единственным подспорьем. Благодаря национализму Венгрия уцелела в борьбе за независимость и свободу, сохраняла дух народа даже в самые трудные времена.

Живучесть венгерского национализма проявляется хотя бы в том, что ни в одной нации венгры не растворялись, чаще они сами вбирали в себя выходцев из других стран. Трудолюбие, прилежность, терпимость к лишениям, организованность, любовь к порядку, высокая порядочность — вот те качества, которые сделали венгерскую нацию такой сильной, выносливой и жизнеспособной.

Есть и еще одна характерная для венгров черта — это их исключительное гостеприимство и дружеская расположенность к иностранцам. На дружбу венгров можно смело полагаться, но если они оказались по другую сторону баррикад, то вы столкнетесь с весьма серьезным противником.

…7 октября 1955 года к вечеру наш поезд прибыл на Восточный вокзал Будапешта. Я жадно вслушивался в долетающие из толпы голоса и вдруг ощутил, что понимаю лишь отдельные слова, но никак не фразы целиком. На обращения ко мне венгров я не смог ответить ничего путного — так и не понял толком, чего же все-таки от меня хотят. Это явилось для меня

жестоким ударом! Я настолько был поглощен своими переживаниями, что даже на вопросы встретивших меня на вокзале товарищей из нашего посольства порой отвечал невпопад. Несколько успокоило лишь разъяснение одного из дипломатов, который, по его словам, испытал такой же шок, когда впервые ступил на венгерскую землю. «Такое происходит с каждым, — заверил он меня, — через пару недель все войдет в норму».

Отчетливо помню также, что жена на вокзале крепко держала за руку сына, прижимала его к себе, не отпуская мальчишку ни на полшага. По-моему, она ничего не замечала вокруг и была занята лишь одной мыслью — не дать потеряться сыну в этой многолюдной незнакомой толпе.

Мы вышли из крытого вокзала и оказались на широком, обрамленном могучими липами проспекте Ленина, по обеим сторонам которого высились старинные дома прекрасной архитектуры. А спустя всего пятнадцать минут посольский автобус уже въезжал на территорию жилого дома нашего посольства на улице Лендваи.

С интересом осматривали мы место, где нам предстояло провести несколько лет. А жить поначалу пришлось в одной комнате большой трехкомнатной квартиры с обшарпанной мебелью, общей кухней и прочими очень знакомыми по Москве атрибутами коммунального быта. Впрочем, должен сказать, эти условия были настолько уже привычными, что не произвели на нас особого впечатления.

Так вот и началась моя первая (и вместе с тем последняя) зарубежная командировка на дипломатической службе, открывшая совершенно новую и очень яркую страницу в моей жизни — венгерскую. Эта командировка оказалась довольно бурной, сопряженной с большими трудностями и испытаниями. Именно венгерский этап во многом и определил мою дальнейшую судьбу, связал меня на целых 29 лет с Юрием Владимировичем Андроповым — человеком, который, едва блеснув в политическом зените нашей страны, сумел тем не менее оставить такой яркий след в ее истории.

У каждого посольства есть своеобразная летопись, связанная не столько с событиями и делами, сколько скорее с теми послами, которые их возглавляли. В период после 1945 года, когда советско-венгерские отношения были особенно насыщенными, об Андропове после говорили, пожалуй, как о самой яркой личности. Он стремительно завоевывал симпатии и уважение в среде послов других социалистических стран и даже, я бы сказал, в дипкорпусе в целом. Беседы с ним были неизменно содержательными и

интересными, никогда не носили лишь протокольного характера.

Юрий Владимирович поражал собеседников своей эрудицией, легко мог вести разговор на философские темы, демонстрировал недюжинные познания в области истории и литературы. Единственное, в чем он, и пожалуй, не без некоторых оснований, считал себя профаном, — так это область экономики, чего он, кстати, и не скрывал.

Чем большим багажом знаний располагал Андропов, тем сильнее была его тяга к ним. Он много читал, любил и умел слушать.

В посольстве регулярно проходили целевые совещания, на которых велись откровенные дискуссии, поощрялись высказывания самых различных точек зрения. Андропов не боялся принимать ответственных решений, но при этом проявлял разумную осмотрительность, избегал чрезмерного риска. Если же вдруг возникала опасная ситуация, он никогда не терял головы, не лез напролом, но и не сдавал без боя свои позиции. Может быть, именно поэтому его сослуживцы всегда чувствовали себя с ним как за каменной стеной, никогда не впадали в панику, даже когда в силу каких-то обстоятельств Андропов делал ошибочный шаг.

Все знали, что Юрия Владимировича, если он действительно не прав, всегда можно переубедить и он откажется от ранее принятого решения, на какой бы стадии исполнения оно ни находилось.

Андропов редко сам прибегал к шутке, я не слышал от него ни одной забавной истории, ни одного анекдота, но вместе с тем он ценил юмор, не обижался, даже когда подшучивали над ним. Реагировал на это заразительным смехом, но никогда не подтрунивал над другими. Правда, веселью Юрий Владимирович отводил мало времени и быстро переключался на серьезный настрой.

Андропова всегда отличало чувство высокой ответственности за любое дело — большое или малое. Не помню ни одного случая, чтобы он пытался переложить ответственность на другого, скорее брал вину на себя, даже в тех случаях, когда, казалось, для этого не было никаких оснований.

По прибытии в Будапешт я с первых же дней начал активное знакомство со страной. Охотно откликался на приглашения посетить столичные предприятия, научные и учебные заведения, культурные центры, часто бывал в музеях, а пару раз в месяц отправлялся и в более далекие поездки.

Венгрия производила впечатление благополучной страны. Обилие товаров и продовольствия, низкие цены, отличное

соотношение денежной и товарной массы. Хорошо помню, что в 1955–1956 годах на каждую денежную единицу в один форинт приходилось товаров на сумму три форинта.

По нескольку раз в год для сбыта товаров проводились распродажи по бросовым ценам. Огромное количество товаров Венгрия поставляла в Советский Союз. Венгры — самые различные по своему социальному положению — говорили, что никогда еще они не жили так хорошо, как в 1955 году.

В стране не было безработицы, люди стали получать от государства бесплатное жилье, в невиданных масштабах шло строительство. Энтузиазм охватил широкие массы, и казалось, ничто не угрожало устоям новой народной власти.

Венгры ценят уважительное отношение к их стране, поэтому мои выступления на венгерском языке всегда воспринимались аудиторией с большим одобрением. Венгры — гордый и независимый народ. Дорожат всем своим, национальным и не нуждаются ни в чем чужом.

Как-то один наш товарищ, журналист, с похвалой отозвался о великом композиторе и исполнителе Ференце Листе, назвав его венгерским. Аудитория тотчас же шумно возразила, напомнив, что Лист — австриец.

Отношение к Советскому Союзу было отличным. Советские люди, находившиеся в Венгрии, чувствовали это в своей повседневной жизни. Торгово-экономические связи наших стран расширялись и углублялись по всем направлениям. Обмен делегациями, специалистами, частные поездки людей приобрели постоянный характер. Казалось бы, небо в советско-венгерских отношениях было безоблачно и ничто не предвещало мрачных перемен.

Но вот наступил 1956 год, ознаменовавшийся XX съездом КПСС и разоблачением культа личности Сталина. Доклад на съезде Н.С. Хрущева произвел прямо-таки ошеломляющее впечатление. Сразу воспринять все сказанное было просто невозможно, настолько тяжелыми и неожиданными оказались впервые обнародованные факты столь масштабных нарушений законности и чудовщщных репрессий сталинского периода. Нужно было как следует осмыслить все сказанное, понять, как такое могло произойти в социалистической стране.

Ни одна коммунистическая партия, включая КПСС, пережить XX съезд без потрясений, издержек так и не смогла. То, что впереди нас ждут драматические события, стало ясно сразу же после доклада Хрущева.

XX съезд КПСС — это точка отсчета нового периода в истории КПСС и Советского государства, всего коммунистического

движения, переломный этап в развитии стран народной демократии. В стратегическом плане выбранный курс был единственно верным, без него невозможно было здоровое развитие общества. Тактически же мы совершили серьезную ошибку, пойдя на этот шаг без соответствующего пропагандистского обеспечения.

В Москве явно недооценили опасности переноса тяжести обвинений на всю партию, на всех ее членов, на все Советское государство. Некоторые зарубежные коммунистические партии вообще не смогли перенести этого удара и прекратили свое существование. Огромные же массы советских людей оказались в положении без вины виноватых, испытывая чувство горького разочарования и опустошенности.

Руководители братских партий не были заранее проинформированы о содержании предстоящего доклада Хрущева на XX съезде КПСС под предлогом сохранения намеченного шага в секрете. Но сразу же после съезда доклад стали передавать за рубеж всем руководителям партий, нисколько не заботясь о том, что он немедленно, без каких-либо разъяснений, станет достоянием самой широкой общественности. Все это поставило КПСС и другие братские партии в крайне тяжелое положение.

Тогдашнее руководство Венгрии во главе с Матиасом Ракоши попыталось ослабить негативную реакцию, произведенную на общественность своей страны материалами XX съезда КПСС. С этой целью в апреле 1956 года был проведен будапештский партийный актив с закрытым докладом на тему о советском съезде. Прений не открывали, было лишь подчеркнуто, что необходимые выводы нужно сделать и венгерским коммунистам (какие именно, при этом не сказали — на этот счет имелось в виду определиться позднее). Участники актива осознавали всю серьезность ситуации, но никто толком так и не понял, что же конкретно нужно делать в этой обстановке, с тем чтобы избежать чрезмерных издержек для партии в целом.

По стране тем временем поползли самые невероятные слухи о докладе Хрущева о культе личности Сталина. При этом подбрасывалась мысль о том, что подобные беззакония не обошли и Венгрию, только здесь, мол, власти пытаются скрыть беззакония, обмануть народ.

Ракоши чувствовал надвигавшуюся опасность, судорожно искал выход, пытался советоваться с Москвой, но, разумеется, никаких вразумительных ответов не получал, кроме призывов «действовать по обстановке». Ракоши неоднократно обращался за помощью к нашему послу в Будапеште Ю.В. Андропову, интересовался его личным мнением, просил выяснить позицию

Москвы по некоторым вопросам, но все было тщетно. Андропов сам ломал голову над тем, что же все-таки происходит в Москве, поскольку никаких четких ориентировок не получал.

А тем временем опасные для венгерского руководства слухи стали обретать еще более драматическую окраску, продолжая все сильнее будоражить общество. Любые россказни принимались за чистую монету. В результате каждый факт обрастал леденящими душу подробностями, из уст в уста передавались постоянно завышавшиеся цифры репрессированных венгерских граждан. А ведь в самой Венгрии, как и в других социалистических странах, хотя и были нарушения законности, но дело обошлось сравнительно малыми жертвами.

Надо отдать должное Ракоши: он не дал разгуляться репрессиям, устоял перед советским примером.

По официальным данным, в Венгрии с 1949 по 1953 год было незаконно репрессировано в судебном порядке несколько сот человек, из них расстреляно двенадцать, в том числе известный политический деятель Ласло Райк. Это во многом объяснялось тем, что Ракоши числился в любимчиках у Сталина и тот позволял и прощал ему больше, чем многим руководителям других стран.

Обстановка тем временем продолжала накаляться, сказывалось отсутствие решительных действий венгерских коммунистов, которые, вместо того чтобы выработать самостоятельную линию, все еще по привычке продолжали ждать директив из Кремля. Кризис власти приобрел угрожающий характер.

Чтобы хоть как-то разрядить ситуацию, в июне 1956 года Ракоши по настоятельному совету Москвы взял шестимесячный отпуск и выехал на лечение в Советский Союз. Тогда он еще не знал, что навсегда прощается с Венгрией, в которую после многолетней ссылки в Советском Союзе вернется уже мертвым, чтобы быть похороненным в Будапеште на кладбище для заслуженных ветеранов…

…Трагически сложилась судьба этого человека, впрочем, как и многих других видных деятелей мирового коммунистического и рабочего движения. Его слава и личная драма — отражение той сложной эпохи, в жерновах которой погибла целая плеяда замечательных людей, пламенных революционеров, решивших в свое время полностью отдать жизнь борьбе за интересы народа и до конца дней сохранивших верность своим идеалам.

Ракоши был одним из руководителей Коминтерна, работал с Лениным, считался его соратником. Об этом он и сам говорил с неизменной гордостью. В 1924 году Ракоши нелегально

перебрасывается из Москвы в Венгрию для организации там партийной работы. Но в том же году его арестовывают и бросают в тюремные застенки. В заключении он проводит целых 16 лет! Держался Ракоши достойно, не раз смотрел смерти в глаза, но не сдался, выстоял.

В то время в Советском Союзе был образован комитет за освобождение Ракоши и его товарищей. Возглавила эту общественную организацию замечательная женщина, якутка по национальности, Феня Федоровна Корнилова.

В 1940 году Ракоши и его товарищи были обменяны на венгерские знамена, захваченные Россией в Первую мировую войну. Так Ракоши наконец оказывается на свободе. В Советском Союзе он возглавляет венгерских коммунистов. У нас обретает вторую родину, обзаводится семьей. Кстати, его женой становится та самая якутка, которая возглавляла когда-то комитет за его освобождение и теперь решила до конца дней разделить нелегкую судьбу мужа.

В 1944 году часть Венгрии была освобождена советскими войсками, и Ракоши возвращается домой. После войны он становится во главе объединенной Венгерской партии трудящихся и до 1956 года бессменно остается на этом посту. Одаренный, широкообразованный, Ракоши производит сильное впечатление на всех, кто с ним работает, просто соприкасается.

В 1947 году на одной из пресс-конференций для венгерских и иностранных журналистов в Будапеште он поражает присутствующих своей образованностью, эрудицией. На семи языках без услуг переводчиков Ракоши свободно отвечает на вопросы (пятью языками — русским, немецким, французским, английским, итальянским — он владел в совершенстве). Мировая пресса тогда писала, что в лице Ракоши на небосводе коммунистического движения взошла новая яркая звезда.

Рассказывали, что однажды поздно ночью Ракоши застали в его рабочем кабинете поглощенным каким-то занятием. На вопрос, что он с таким усердием делает, Ракоши ответил, что решил выучить румынский язык, возможно, это поможет ему глубже понять эту страну и тем самым добиться улучшения венгеро-румынских отношений. «Нужно лучше узнать друг друга, все-таки соседи», — заметил он.

Будучи даже такой яркой личностью, Ракоши не нашел в себе силы вырваться за пределы жестко насаждаемой нами линии, выйти на простор проведения самостоятельной политики Венгрии с учетом ее особенностей. Да это и сложно было сделать. Он был бессилен перед общим потоком, в который попали практически все европейские социалистические страны, да и не только

европейские.

Спустя несколько лет, уже находясь в Советском Союзе, на обвинения тогдашнего руководства Венгрии в том, что его деятельность в стране привела к «извращениям, искривлениям, пренебрежениям национальными особенностями», он саркастически ответил, что только недалекие люди могут не учитывать наличия в то время общих источников как великих побед, так и совершенных ошибок.

Однако, несмотря на всю свою проницательность, Ракоши до последних дней так и не понял суть и причины событий, произошедших в Венгрии осенью 1956 года. Он винил прежде всего самого себя, но корень зла видел лишь в том, что напрасно поддался давлению Москвы и дал согласие оставить высший партийный пост и покинуть Венгрию. Объективное видение реальностей изменило даже ему, и он продолжал жить в другом, далеком от действительности измерении.

Ошибка одной-единственной личности, а за нее приходится расплачиваться целому народу, всей стране, причем не только ей одной. Хотя, разумеется, нельзя сваливать все на Ракоши: его суждения об общих источниках поразивших страны социализма бед не лишены оснований.

В 1961 году мне, тогда уже сотруднику аппарата ЦК КПСС, было поручено присутствовать на беседе двух представителей руководства Венгерской социалистической рабочей партии с Ракоши, которая состоялась в Краснодаре (этот город по просьбе венгерского руководства был определен в качестве места жительства для опального политического деятеля). Представителями ВСРП были Иштван Ногради — руководитель Центральной контрольной комиссии Венгерской социалистической рабочей партии и Дьердь Ацел — член ЦК партии.

Беседа длилась более восьми часов, из которых более шести говорил Ракоши. Цель посланцев из Венгрии состояла в том, чтобы высказать Ракоши претензии в связи с фактами его «антипартийной деятельности, подстрекательскими письмами и нежелательными встречами с некоторыми венгерскими гражданами».

Ракоши с ходу отверг все предъявленные ему обвинения, а на угрозу собеседников принять меры по разоблачению его поведения перед венгерской и мировой общественностью бросил фразу, которую я хорошо запомнил и, уверен, точно воспроизвожу по памяти: «Вы не забывайте, что перед вами единственный оставшийся в живых руководитель Коминтерна, работавший с Лениным под его личным руководством. Шестнадцать лет я

провел в хортистских застенках в Венгрии, вел себя достойно, не сдался, выдержал все испытания. Во время войны еще раз доказал, что являюсь другом Советского Союза. Под моим руководством в Венгрии победила социалистическая революция, а вот без меня в 1956 году произошла контрреволюция».

Беседа была завершена, представители ЦК ВСРП поняли, что не смогут переубедить Ракоши, что взгляды его останутся неизменными.

Да, действительно, Ракоши до корней волос был революционером в том понимании этого слова, которое было присуще его времени. Но на смену одному этапу исторического развития неизбежно приходит другой, и он несет в себе уже иные понятия и реалии. Далеко не каждому дано осознать это, избавиться от прежних стереотипов, продолжать шагать в ногу со временем. Не был исключением, к сожалению, и Ракоши. Что это? Трагедия, беда человека или неумолимая логика эпохи, жестокая закономерность?

Пройдет время — и история, вернее, «мудрые», как всегда, историки задним числом во всем разберутся, разложат все и вся по нужным полочкам. К сожалению, для многих это будет слишком поздно…

С конца весны 1956 года обстановка в Венгрии накалялась угрожающими темпами. Тон задавала часть творческой интеллигенции, прежде всего писатели, журналисты, деятели искусства. В круговерть социально-политических событий стремительно вовлекалась городская молодежь, в первую очередь студенческая. Все сильнее проявляли себя средства массовой информации. Причем наибольшую активность (как часто все повторяется в этом мире!) нередко демонстрировали именно те, кто еще вчера слыл коммунистом и даже сталинистом.

Такие люди делятся на две категории. Одни прежде искренне заблуждались и теперь под влиянием всплывших на поверхность фактов захотели встать на чистую дорогу в жизни, решили исправить положение дел в стране. Другие же действовали из сугубо карьеристских соображений: однажды уже совершив восхождение в своем общественном и служебном положении в рамках старых порядков, они и теперь вознамерились сделать очередной рывок, отталкиваясь от нового трамплина.

Ставший в июне 1956 года во главе партии Эрнё Герё, не обладая необходимыми личными качествами политического руководителя, сухой по характеру, лишенный какого бы то ни было ораторского дара (а для венгров, да и не только для них, это качество имеет очень большое значение), с самого начала показал

свою беспомощность и не только не приобрел влияния на массы, но и растерял последние остатки авторитета партии.

6 октября 1956 года состоялся массовый траурный митинг в связи с захоронением останков необоснованно репрессированных в сталинские времена Ласло Райка и его шести товарищей. В митинге приняло участие до 300 тысяч человек. Это была генеральная репетиция перед основными событиями. Правда, сам митинг прошел организованно, не вышел из-под контроля официальных властей и не отличался особым накалом страстей или экстремизмом. Но именно он положил начало открытой подготовке к решающему выступлению против партии, правительства, самого социалистического строя. Было очевидно, что решающая схватка не за горами и что вопросы будут решаться теперь не в кабинетах, а на улицах.

Однако и в этой экстремальной ситуации высшее руководство ВНР продолжало бездействовать, вместо того чтобы предпринять хоть какие-то политические акции, дать понять широким массам, что их чаяния, тревоги и заботы понимаются наверху. Разрыв между руководством и народом все увеличивался. Несовершенство государственной системы, зародышевое состояние подлинно демократических институтов, неспособность к искусным маневрам, отсутствие опыта — все это и привело к таким далеко идущим последствиям. А ведь венгерские события по своим глубине и масштабам были первым такого рода кризисом в социалистическом лагере.

Уход в отставку тогдашнего венгерского руководства или хотя бы его основной части уже дал бы необходимый выигрыш во времени и внес бы столь желаемую разрядку в обстановку. Руководство же во главе с Герё хоть и было обречено, но продолжало цепляться за власть, ибо другие подходы были тогда социалистической практике неведомы.

23 октября Герё возвратился из поездки в Югославию. Что означал в такое время этот визит — беспечность или незнание подлинной ситуации в своей собственной стране? Пожалуй, и то и другое.

Вечером этого же дня на улицах Будапешта начала разыгрываться трагедия. Состоялась демонстрация, затем митинг. В общей сложности на улицах города собралось тогда до 100 тысяч человек. Лозунги произносились самые разные — от социалистических до откровенно фашистских. Просматривалась и антисоветская настроенность, но не у большей части людей. Общим скорее был антисталинский порыв.

Знание венгерского языка позволило мне вместе с другими сотрудниками посольства побывать на улицах и площадях,

узнать, что говорилось на митингах.

Около десяти вечера раздались выстрелы в районе радиоцентра: его атаковала группа молодежи. Появились первые убитые и раненые. Солдат, подъезжавших на машинах к радиоцентру, тут же разоружали.

Эту картину я наблюдал лично, оказавшись у здания радиоцентра именно в этот драматический момент.

Начались нападения на магазины, появились крепко подвыпившие молодые люди. Город за час-полтора изменился до неузнаваемости, начали действовать законы толпы, где уже совсем другая, не поддающаяся предсказанию логика.

Толпа двинулась на площадь имени Сталина, чтобы разрушить находившийся там памятник вождю. Спустя три часа удалось свалить статую. Ее низвержение сопровождалось безудержным ликованием собравшихся. Казалось, большего восторга и счастья никто из присутствовавших в своей жизни не испытывал. Сначала памятник с помощью автомашины раскачали из стороны в сторону, а затем, подрезав автогеном часть фигуры чуть выше сапог, тягачами свалили навзничь (так и стоял потом еще несколько дней на площади постамент с одними сапогами на нем, что дало повод жителям Будапешта тут же окрестить это место «площадью сапог»). Повергнутая статуя мгновенно скрылась под телами забравшихся на нее людей. Площадь огласилась каким-то диким ревом.

И вдруг — то ли от еще сохранившегося страха перед этим человеком, то ли просто отрезвев от отвратительной сцены варварства — люди как-то разом притихли и стали поспешно уходить, вернее, даже убегать прочь от зловещих обломков. Через минуту бегство приобрело массовый характер, толпа была буквально охвачена паникой.

В этот момент кто-то запел национальный гимн. Все замерли на месте. Гимн разом привел толпу в чувство, успокоил, хотя люди и продолжали постепенно расходиться. Когда стихло пение, у поверженной статуи осталась сравнительно небольшая инициативная группа, которая и приняла решение организовать «траурный кортеж», с тем чтобы доставить бронзовую фигуру вождя «на родину» — во двор советского посольства — и там похоронить ее.

Уже в пути планы, однако, изменились: статуя была отвезена к берегу Дуная и сброшена в воду. По пути значительную часть памятника растащили по кусочкам на сувениры.

Здесь уместно вспомнить, что в марте 1953 года Венгрия очень тяжело переживала смерть «вождя народов». Его там в ту пору действительно почитали, причем уважение и любовь к нему

в народе были неподдельными.

В ночь на 24 октября 1956 года положение в столице полностью вышло из-под контроля властей. Во многих местах слышалась стрельба, начались повальные грабежи магазинов, учреждений, работа общественного транспорта была полностью парализована, жители стали спешно покидать город. Положение осложнилось активным вовлечением в беспорядки учащейся молодежи.

Венгерское руководство по телефону правительственной связи рвалось в Москву к Хрущеву, настоятельно убеждая советскую сторону оказать необходимую помощь в нормализации обстановки в Будапеште. Несмотря на бесчисленные призывы, Андропов отказался ставить перед Москвой вопрос о вводе наших войск в столицу, поэтому Герё стал решать этот вопрос напрямую с Хрущевым.

24 октября утром советские воинские части вошли в Будапешт. На некоторых направлениях завязались бои с применением орудий, бронемашин и танков.

25 октября Герё наконец-то заявил о своей отставке. Ушли со своих постов и некоторые другие руководители. Но было слишком поздно: этот шаг уже не сыграл своей конструктивной роли.

Выдвижение на пост премьер-министра Андраша Хегедюша — молодого, энергичного, прогрессивного и бесспорно талантливого руководителя — также не спасло ситуацию. В условиях политической неразберихи власть в итоге перешла в руки Имре Надя — этой поистине роковой фигуры в венгерской истории.

Об этом человеке следует сказать особо. Его жизнь была тесно связана с Советским Союзом. Во время Первой мировой войны он попал в плен и на целых 26 лет остался в нашей стране. До Второй мировой войны Надь принимал активное участие в работе венгерской секции Коминтерна, особых постов он, правда, там не занимал, но был, как говорится, на виду.

Сталинские репрессии больно ударили по венгерским коммунистам, погиб их руководитель Бела Кун, но Надя они как-то обошли стороной — что ж, не всех ведь постигла тяжелая участь, повезло и ему. Так, по крайней мере, полагали сами венгры.

В 1945 году Надь возвращается в Венгрию, где принимает участие в строительстве новой жизни. Репрессии в этой стране, имевшие место в сталинский период, его тоже не затронули.

После 1953 года Надь занимал ряд высоких постов, в том числе был премьер-министром. Между Ракоши и Надем постоянно возникали серьезные разногласия по принципиальным

вопросам социалистического строительства. В числе прочего Надь обвинялся в поддержке сил, выступавших за «буржуазные» порядки, подвергался критике за националистические настроения, непоследовательность в политике. Все подмечали у него склонность к демагогии. Короче говоря, вскоре Надь оказался не у дел.

Когда летом 1956 года обстановка в Венгрии стала накаляться, о нем вспомнили. Инициативу, кстати говоря, проявил Анастас Иванович Микоян.

Надо сказать, что Микоян верил Надю и полагал, что на него можно делать ставку. Правда, поддержки в этом вопросе ни среди советских специалистов, ни у венгров Микоян не находил. Тогда он решил лично убедиться в обоснованности своей позиции.

В июне 1956 года Микоян попросил Хрущева разрешить ему встретиться с Надем в здании советского посольства в Будапеште. Андропов поручил мне (я был тогда пресс-атташе посольства) созвониться с Надем и в случае его согласия привезти гостя в посольство.

На наше предложение о встрече Надь без промедления ответил согласием, и вскоре я отправился за ним. По дороге Надь с теплотой рассказывал о своем пребывании в Советском Союзе, говорил, что привык к советской прессе, особенно к «Правде», регулярно слушает московское радио. По поводу своей дочери мой спутник заметил, что она вообще больше русская, чем венгерка, как по воспитанию, так и по языку. Сам Надь по-русски говорил совершенно свободно, без всякого акцента. В машине он ненавязчиво обронил несколько фраз о том, что не мыслит Венгрию без тесного союза с Советским государством, дал понять, что лучше его кандидатуры Москва не найдет, что с ситуацией в стране только он в состоянии справиться.

Как мне рассказывали, беседа Микояна с Надем носила характер глубокого зондажа и завершилась обоюдным выводом о целесообразности взаимного сотрудничества. Но, как отмечали венгерские друзья, Надь часто говорил одно, а делал совсем другое. С одной стороны, он вроде бы давал заверения в сохранении дружбы с Советским Союзом, но наряду с этим продолжал принимать активное участие в подготовке антиправительственных акций.

Когда в конце октября 1956 года он занял пост премьер-министра, его первыми шагами стали выход Венгрии из Организации Варшавского договора и обращение к Западу за помощью. Прослеживалась явная ориентация Надя на появлявшиеся новые антисоциалистические партии и организации, в его выступлениях звучали призывы к реставрации

капитализма. Не преминул сделать Надь и ряд резких антисоветских заявлений.

Но все это стало очевидным потом, пока же Надю удалось заручиться поддержкой Микояна, а тот, в свою очередь, сумел убедить советское руководство в том, что именно Надь способен вывести Венгрию из тяжелейшего кризиса.

Эта ошибка дорого стоила и нам, и нашим венгерским друзьям. Юрий Владимирович рассказывал мне, что 1 ноября 1956 года на заседании Президиума ЦК КПСС деятельность А.И. Микояна на венгерском направлении была подвергнута весьма суровой критике, но было поздно, к тому времени Надь успел уже натворить много бед…

30 октября советские воинские подразделения покинули Будапешт, так как их дальнейшее пребывание там, казалось, было лишено всякого смысла.

Действительно, власть к тому времени полностью перешла в руки Надя, Герё и Хегедюш оказались не у дел, а Янош Кадар вообще вынужден был уйти в подполье. Нашим войскам в этих условиях просто не на кого было опереться. Кроме того, у многих были еще иллюзии насчет того, что венгры смогут сами во всем разобраться и, по крайней мере, навести порядок в столице.

В те самые часы, когда советские воинские части покидали венгерскую столицу, состоялась встреча Микояна с известным политическим деятелем, лидером партии мелких сельских хозяев Венгрии Тильди Золтаном. Беседа проходила прямо на улице — до событий это был проспект имени И.В. Сталина, во время событий — Венгерской молодежи, затем, когда стихли бои, Народной Республики, а сейчас — имени Андраши. Даже по неоднократной смене всего за каких-то два месяца названий этого проспекта — одного из центральных в Будапеште — можно судить о тех бурных изменениях, которые происходили в тот период в политической жизни страны.

Микоян сообщил Тильди Золтану о начавшемся выводе советских войск из Будапешта и выразил надежду, что новым властям удастся самостоятельно навести общественный порядок в городе. Он поинтересовался оценками собеседника перспектив дальнейшего развития обстановки в Венгрии и будущего советско-венгерских отношений.

Тильди Золтан, который явно уже видел себя в роли президента государства, приветствовал уход советских войск из столицы, заверял, что безобразия в Будапеште и других городах страны прекратятся и сразу же наступят мир и спокойствие. По его словам, отношения между Венгрией и Советским Союзом получат всестороннее развитие. «Конечно, — заметил он, —

придется пересмотреть кое-что во внутренней и внешней политике, но венгерская сторона будет активно консультироваться с Москвой». Уверенность исходила от каждого слова собеседника.

Жизнь, однако, не замедлила опровергнуть такой «прогноз». Тотчас же после ухода наших войск начался дикий разгул грабежей и насилия. Самосуды вершились один за другим. В Будапеште на фонарных столбах вешали коммунистов, «агентов Москвы».

В беседах с совпослом Надь говорил о чувстве дружбы к Советскому Союзу, а в своих публичных заявлениях приветствовал улицу, призывал и дальше «развивать революцию». Надо было срочно спасать положение, а этого можно было добиться только одним путем — вернуть назад наши войска, выведенные из Будапешта всего пять дней назад.

И вот 4 ноября части Советской армии вновь вступили в город, для того чтобы исправить ошибки политиков.

В конце октября — начале ноября 1956 года наступил, пожалуй, самый критический момент. Значительно осложнилась и ситуация вокруг советских учреждений, посольство оказалось в осаде, каждый выход из здания был сопряжен с опасностью. Дипломаты давно уже перешли, по существу, на казарменное положение, ночевали в своих служебных кабинетах и лишь изредка, да и то только после возвращения наших войск, на полчаса поочередно вырывались на армейских бронетранспортерах домой, чтобы навестить семьи, которые оставались в жилом доме, расположенном в нескольких кварталах от посольства. Вскоре членов семей, к счастью, удалось эвакуировать в Союз, и с наших плеч свалился тяжелый груз постоянных опасений за их судьбу.

Надо сказать, что для тревоги за жизнь близких были серьезные основания. Ведь первое время жилой дом вообще оставался без охраны, и его несколько раз занимали вооруженные мятежники. Лишь после 4 ноября несколько наших солдат стали постоянно дежурить в здании, обеспечивая хоть и символическую, но все же защиту его обитателей.

Советское посольство работало в те дни в крайне напряженном ритме. Необходимо было давать подробную информацию в Москву, продолжать работать с местными властями, решать массу сложных вопросов, возникавших в той ситуации буквально ежеминутно. Одной из первейших задач, стоящих тогда перед нами, было спасение венгерских друзей, жизнь которых в те дни буквально висела на волоске.

Вспоминаю бессонные ночи, выходы для сбора информации

на обезлюдевшие улицы, тайные встречи с венгерскими товарищами, порой при весьма небезопасных обстоятельствах. Мы помогали найти убежище тем, кому угрожала расправа, находили возможность для контактов с дипломатами из посольств других социалистических стран.

Знание венгерского языка позволяло вступать в разговор с венграми, получать свежую информацию прямо из центра событий. Хорошо, если перед тобой оказывался благожелательный собеседник, но частенько попытки завязать беседу заканчивались тем, что приходилось в буквальном смысле слова уносить ноги, как только по акценту в тебе распознавали русского.

Выполнение официальных поручений, сопряженных с посещением соответствующих учреждений и ведомств, тоже было отнюдь не простым делом, до них ведь надо было как-то добраться, а затем еще с документами вернуться обратно в посольство. Не обходилось, конечно, и без серьезных ЧП. Об одном из них следует рассказать особо.

В ночь на 24 октября 1956 года в Будапешт должен был прилететь А.И. Микоян с группой товарищей. Встречать его на военный аэродром выехал Андропов вместе с военным атташе. На окраине столицы они попали в засаду, были обстреляны, при этом их пробитая пулями автомашина, угодившая к тому же еще в завал из деревьев, полностью вышла из строя. Пассажирам пришлось глубокой ночью в течение более двух часов пешком добираться до своего посольства.

А на улицах Будапешта было неспокойно, бродили толпы возбужденных и вооруженных людей. Андропов шел твердой походкой, даже неторопливым шагом. Не раз на них обращали внимание, несколько раз пытались остановить, но каким-то чудом все обошлось благополучно. Сопровождавшие Андропова лица с восхищением рассказывали о его выдержке и самообладании. Сам же Юрий Владимирович признался потом, что это происшествие стоило ему огромного нервного напряжения.

Для иллюстрации настроений в Будапеште в то время стоит рассказать об одном случае. Больше года я был знаком с одним венгерским другом, довольно известным в стране ученым, доктором наук Ласло Вартаи. Знал хорошо его семью, неоднократно бывал у него дома. Это были нормальные отношения советского дипломата с одним из представителей венгерской науки. Во время встреч речь часто заходила об обстановке в стране, о советско-венгерских отношениях, о путях и перспективах развития венгерского общества. По своему настрою Вартаи был ближе к левым, демократическим силам. К

Советскому Союзу относился неплохо, но явно тянулся и к Западу.

Когда начались описываемые события в Венгрии и наши войска вошли в Будапешт, у моего друга это вызвало бурю негодования, он однозначно осудил наше военное вмешательство. Мне показалось тогда, что я потерял его навсегда.

Но вот 30 октября 1956 года советские воинские подразделения покинули венгерскую столицу, и сразу же началась настоящая охота на коммунистов, сотрудников органов госбезопасности. Будапешт захлестнули акты насилия и грабежи.

2 ноября в посольстве раздался телефонный звонок, и кто-то, назвавшись незнакомым мне именем, на немецком языке спросил меня. По голосу я сразу понял, что это Вартаи. Намеками договорились о времени и месте срочной встречи, на которой настаивал мой собеседник.

И вот в ночь на 3 ноября мы встретились. Каково же было мое удивление, когда Ласло начал разговор с извинений за свои недавние слова по поводу вмешательства наших войск. Он поведал мне о страшных фактах разгула реакции (так он сам выразился), причем не только в Будапеште, но и в провинции, с волнением говорил о том, что страну утопят в массовых репрессиях, если вовремя не поспеет прямая военная помощь со стороны Советского Союза. Я не верил своим ушам! Всего пять дней назад Вартаи нахваливал Имре Надя, а сейчас называл его не иначе как предателем.

Потребовалось всего несколько дней, чтобы в душе человека произошла настоящая революция — от осуждения нашего вмешательства до призывов к немедленному оказанию вооруженного содействия! А ведь лично ему, Вартаи, как известному демократу и прозападно настроенному ученому, ничто не угрожало…

За истекшие годы оценка событий в Венгрии менялась неоднократно, но кардинально — лишь дважды. Тем не менее, по моему глубокому убеждению, последнее слово историей пока еще не сказано. Отнюдь не претендую на такое слово и я. Представляется, что однозначного ответа вообще нет, да и быть не может. Те десятки тысяч, что вышли на улицы Будапешта 23 октября и в последующие дни, едва ли были контрреволюционерами, какой-то реакционной силой. Но разве те, кто на сей раз оказался по другую сторону баррикад и принимал участие в убийствах, грабежах, в других преступлениях, кто насильственно низвергал властные структуры, кто силой принуждал принимать решения, угодные одним и противоречащие интересам других, разве они вправе называть

себя истинными революционерами?!

Так уж получилось, что к коммунистам примазывалось немало случайных попутчиков, которые своими действиями нанесли невосполнимый урон всему движению, сплотили против себя мощный фронт сопротивления, куда вошли и те, кто изначально стоял на куда более правильных позициях, нежели сами эти псевдокоммунисты.

В этой связи стоит воспроизвести оценки бывшего члена высшего партийного руководства Венгрии, директора института общественных наук ЦК ВСРП Дьердя Ацела. Этот общественно-политический деятель, ученый, политолог всегда отличался неординарным, самостоятельным мышлением. Он никогда не находился во власти конъюнктурных подходов, отчего нередко испытывал лишения, подвергался критике то слева, то справа. При Ракоши он был репрессирован, осужден и вышел на свободу уже после смерти Сталина. При Яноше Кадаре на последнем этапе входил в высшее партийное руководство, стоял на социалистических позициях, но последовательно выступал за обновление существовавшей общественно-политической системы, за что стал мишенью для критики слева. А в последнее время, уже после Кадара, за мужественное отстаивание социалистических идей и призывов к сохранению основополагающих начал народной власти подвергался гонениям уже справа. Так что его суждения, даже по одним лишь этим примерам, можно считать вполне непредвзятыми и поэтому заслуживающими особого внимания.

В статье «У демократизации нет альтернативы», опубликованной в июле 1989 года в журнале «Проблемы мира и социализма», Ацел так описывает октябрьские события (1956) в Венгрии: «Сегодня оживились дискуссии о его (митинге 23 октября 1956 года в Будапеште) характере, направленности: революция это была или контрреволюция? Народное восстание или мятеж реакционных сил, сумевших обманом вывести народ на улицы? Но однозначного ответа на эти закономерные вопросы пока нет. Важно учитывать, что состав участников и объективное содержание их выступлений менялись по мере развития событий. Так, в массовой демонстрации вечером 23 октября определяющим было требование обновления социализма, коренной демократической реформы. Наряду с этим в последующие две недели характерным стало смешение многообразных сил и целей: лозунгам обновления вторили голоса в пользу народно-демократического устройства власти, установленной после 1945 года. Оживились и сторонники старого, свергнутого более десяти лет назад режима, силы, желавшие в несколько

модернизированной форме — парламентской демократии западного типа — вернуться к прошлому. Имели место также экстремистские проявления: стали поднимать голову консервативно-националистические и крайне правые, антикоммунистические, хортистские, христианско-националистические силы, вплоть до деклассированных, преступных и реваншистских элементов».

Думаю, эти высказывания Ацела содержат важный ответ на непростой вопрос.

4 ноября 1956 года, когда советские воинские части вновь вошли в Будапешт, Имре Надь с группой своих единомышленников бежал в югославское посольство, где и получил временное убежище. 22 ноября по договоренности между Венгрией, Югославией, Румынией и Советским Союзом он вместе со своими четырьмя сообщниками был вывезен в Румынию, так как югославы по целому ряду соображений были не в состоянии продолжать держать мятежников в своем оказавшемся в изоляции посольстве в Будапеште. Да и венграм пребывание Надя в Будапеште доставляло немало хлопот.

Советская сторона также была заинтересована в скорейшем разрешении этого конфликта в интересах снижения напряженности в стране в целом. Спустя несколько месяцев имренадевцы были, однако, возвращены в Венгрию и переданы в руки властей. В июле 1957 года они предстали перед судом, были приговорены к высшей мере наказания и казнены. А спустя 33 года последовала реабилитация, в столице на государственном уровне состоялась официальная траурная церемония перезахоронения останков Надя и других казненных с ним лиц.

Янош Кадар называл историю с Надем своей личной трагедией. Кадар немного не дожил до того дня, когда стали известны достоверные материалы о причастности Надя к репрессиям против группы венгерских эмигрантов в Советском Союзе в 30-х годах. Как видно из материалов, переданных венгерской стороне в 90-х годах, Надь, будучи агентом НКВД (псевдоним Володя), сделал ложный донос о якобы имевшей место антисоветской деятельности ряда венгерских эмигрантов (в эту группу попало более 200 человек). Многие из них были осуждены, а некоторые даже расстреляны.

Вряд ли кто будет оспаривать, что этот важный штрих в биографии Надя представляет всю историю с ним в совершенно ином свете. Хотел бы подчеркнуть, что ни Ракоши, ни Кадар, ни другие венгерские друзья понятия не имели об этой до последнего времени тайной стороне биографии Надя, хотя кое-какие слухи на этот счет в Венгрии все же циркулировали.

Говорил мне об этом как-то и сам Кадар. В Советском Союзе соответствующие документы в архивах КГБ были обнаружены лишь в 1990 году.

К 10–11 ноября 1956 года бои в Будапеште утихли, в стране начался сложный и болезненный этап восстановления нормальной жизни. Возглавил этот процесс Янош Кадар — человек необычной судьбы, редких дарований, патриот и в то же время яркий интернационалист, искренний друг Советского Союза. О нем речь впереди, а сейчас очень кратко о том, как Венгрия стала выходить из тяжелейшего кризиса.

В те мрачные ноябрьские дни среди венгров, да и у нас тоже преобладали пессимистические прогнозы. Казалось, процесс нормализации затянется на многие годы, не удастся избежать периодических вспышек социальных конфликтов. Как переломить ситуацию? Как внушить людям, что у правительства Кадара самые добрые намерения, горячее стремление быть вместе с народом, в полной мере учитывать его чаяния?

Созданная в дни событий, в самом начале ноября, Венгерская социалистическая рабочая партия (вместо распущенной Венгерской партии трудящихся) провозгласила содержательную программу обновления общества, его демократизации и опоры на широкие слои населения. Были сняты ограничения на индивидуальную и частнопредпринимательскую деятельность. Правительство пошло на значительное повышение жизненного уровня, рост которого в январе 1957 года составил 22 процента.

Это был, конечно, чрезмерный скачок, что в последующем пагубно сказалось на экономике страны и негативно повлияло на политическую обстановку, порождая у населения все новые и новые запросы и требования повышения заработной платы.

Но в целом ситуация в стране улучшалась, причем даже быстрее, чем предполагали в Венгрии и за ее пределами. Расстановка социально-политических сил в обществе при ее глубоком и объективном анализе в целом была не такой уж плохой. Около 8—10 процентов населения активно действовали против власти, до 20 процентов стояли на позициях венгерского руководства, хотя и проявляли себя при этом куда менее активно. Остальные, приблизительно 70 процентов, оставались пассивной массой и тем самым представляли собой как бы резерв для первых и вторых, но все-таки больше симпатизировали социалистическому выбору.

Улучшению политической обстановки, развитию народного хозяйства, расширению и углублению демократических процессов во многом помогали активность, укрепляющиеся связи руководителей всех уровней с народом. Главным в своей

деятельности партия определила лозунг «борьбы за массы» и последовательно проводила его в жизнь.

1 мая 1957 года в Будапеште состоялся грандиозный митинг с участием 500 тысяч человек. Такого прежде Венгрия не знала. Кадар произнес блестящую речь. Главное содержание первомайского митинга сводилось к необходимости продолжения строительства социализма, поддержки правительства Кадара, укрепления дружбы с Советским Союзом. Было очевидно, что страна вышла из острейшего кризиса 1956 года и встала на путь обновления. Такой политике народ оказал внушительную поддержку. Огромная заслуга в этом принадлежала самому Кадару.

Тридцать два года занимал этот человек высшие посты в партии и правительстве. Как и у многих революционеров-коммунистов, у Кадара была непростая судьба, от жизни он нередко получал тяжелые удары, но всякий раз поднимался — порой, казалось бы, уже из политического небытия — и энергично включался в активную партийную и государственную деятельность, неизменно занимая видное положение в обществе.

Янош Кадар родился 26 мая 1912 года в полу славянской бедной семье. Жил с матерью, так как отец ушел к другой женщине. Рано вступил в рабочее движение, в компартию. Из хортистской Венгрии Кадар не уезжал, представляя именно местную часть коммунистического движения Венгрии (в отличие от Ракоши, Герё, И. Реваи и других, которые возглавляли так называемую промосковскую группу). Между этими частями никогда не было полного мира и согласия, напротив, трения иногда приобретали настолько серьезный характер, что кое-кому это стоило не только постов, но и жизни.

При хортистском режиме Кадар не раз подвергался арестам, но сравнительно легко отделывался. В 1944 году он активно включился в работу по созданию новой Венгрии, казалось, ближе сошелся с Ракоши. В конце 40-х — начале 50-х годов был министром внутренних дел, и именно в это время была арестована группа Ласло Райка. Инициатива ареста принадлежала не Кадару, это известно, и сам он не раз подчеркивал это обстоятельство. Райк попал под жернова сталинских репрессий, их венгерского ответвления.

В 1951 году арестовывается сам Кадар по стандартному обвинению в шпионаже, но в 1954 году он снова на свободе, и все обвинения против него сняты за полной их необоснованностью. Находясь под арестом, Кадар испил до дна всю горькую чашу унижений и мучений, вплоть до бесчеловечных пыток. Это оставило у него глубокую, так до конца дней и не зажившую рану.

Он часто в разговорах возвращался к своему аресту, хотя для него эти воспоминания были тяжелой мукой.

Кадар, пожалуй, больше чем кто-либо из руководителей других социалистических стран понимал настоятельную потребность в глубоких и всесторонних реформах общественного развития. Будучи однозначным приверженцем социалистического пути, он тем не менее был сторонником радикальных перемен в подходах к проблемам общественного и государственного строительства, выступал за политический плюрализм, за согласие и сотрудничество всех социальных сил.

Еще в середине 60-х годов Кадар заговорил об исчерпании источников экстенсивного роста экономики, о необходимости повышения гибкости социалистической системы хозяйственного управления, ее всеобъемлющей реформы. С 1968 года в Венгрии действительно стали последовательно проводиться реформы.

В экономике сразу почувствовались глубокие перемены. Предоставление большей свободы предприятиям, наделение их правом самостоятельного выхода на внешний рынок, акцент на экономические рычаги, установление прямой зависимости субъектов производства в промышленности и сельском хозяйстве от эффективности их работы, а также многое другое — вот реальные результаты политики Кадара в этой области.

За Кадаром заслуженно утвердилась слава реформатора. На таких же реформистских, прогрессивных позициях стоял он и в вопросах литературы, искусства, культурной жизни общества в целом. Этого творческого запала хватило Кадару надолго.

В течение первой половины своего пребывания на посту лидера он выступал за периодическую сменяемость руководителей в высших эшелонах власти, причем не просто говорил об этом, но и пытался подать личный пример, подняв в 1972 году на заседании политбюро ЦК ВСРП вопрос о своем уходе на пенсию. О намерении уйти в отставку Кадар неоднократно говорил Ю.В. Андропову, контактов с которым никогда не прерывал. Делился такими замыслами Кадар и со мной.

Его близкие друзья поняли, что у Кадара действительно созрело такое решение. Вот тут-то и начались песни на старый, до боли известный мотив: «Что будет с Венгрией, если Кадар уйдет с поста руководителя партии?»

В правовом отношении вопрос о сменяемости высших руководителей, об их уходе с постов по истечении определенного времени тогда отрегулирован не был, такой, казалось бы, нормальной практики не было ни в одной социалистической стране. Поэтому в ход пошли и в конечном счете одержали верх чисто обывательские доводы (подбрасываемые, в частности, и с

нашей подачи) — нет, мол, замены, сложный момент (хотя тогда ситуация в Венгрии в общем-то была неплохой), народ не поймет, что скажут в мире, и прочее словоблудие на ту же тему.

В результате решили так: пусть Кадар продолжает занимать свой пост, но работает при этом (с учетом состояния здоровья) ограниченное количество часов в день, для стабильности этого будет, дескать, вполне достаточно. Уговорили на такой вариант и Кадара, который согласился остаться на посту лидера партии, несмотря на все свои благие намерения, и занимал его потом еще целых 16 лет!

Но эти годы уже не шли ни в какое сравнение с предыдущими: не те силы, отсутствие прежней тяги к новому, неспособность сколотить новую, молодую и энергичную команду, привычка к прежнему стилю работы и многое другое.

Результат не заставил себя ждать — Венгрия начала заметно терять в темпах и качестве развития.

Руководство, живя лишь старым багажом, стало отрываться, изолироваться от масс, недовольство все острее ощущалось и справа, и слева, и в центре. Кадар еще как-то держался на старом авторитете и на своих личных качествах — таких как честность, порядочность, демократизм, терпимость к инакомыслию, но долго продолжаться это не могло.

Одним из первых шагов Кадара после прихода к власти в 1956 году было дальновидное и по тем временам принципиально новое решение — ввести порядок, согласно которому высшие руководители получали бы сравнительно небольшую зарплату и не имели бы никаких особых привилегий. Питание, жилье, пользование дачами — все должно было оплачиваться руководством, включая и самого Кадара, из собственной зарплаты. Путевки в санатории и дома отдыха, посещение охотничьих хозяйств, квартиры и коммунальные услуги — все эти расходы также покрывались начальством самостоятельно. А источник один — зарплата.

Надо сказать, Кадар строго следил за соблюдением установленного порядка и сам никогда не нарушал его. Не случайно вопросы этики, честности, проблемы с финансовыми расходами ни в период пребывания Кадара у руководства, ни после его ухода никогда никем не поднимались, хотя, приди к власти в Венгрии оппозиция, она не преминула бы воспользоваться порочащими своих предшественников фактами, если бы таковые имелись.

На одной особенности характера Кадара следует остановиться особо, поскольку она представляется весьма поучительной. Кадар и как человек, и как политик был, в

сущности, одинаков. Все его личные качества находили адекватное выражение в нем как в политическом деятеле. Так, он был исключительно постоянен в отношениях с людьми. Его личные друзья были близкими к нему и по политической деятельности, трудились вместе с ним.

Но Кадар, к сожалению, оказался заложником своих привязанностей. На протяжении многих лет он держал вокруг себя практически одну и ту же команду, мало обновлял ее состав, не приближал к себе свежих людей, деятелей с политическими взглядами, отличными от его собственных. Достойные всяческой похвалы качества Кадара-человека, его отношения с близкими к нему людьми мешали делу, когда речь шла о Кадаре-политике. Личные привязанности сковывали его действия, зачастую тяготили, но освободиться от этой черты Кадар так и не смог.

С этим были сопряжены серьезные издержки. Ведь многие, в том числе и весьма способные, люди тянулись к Кадару, относились к нему с искренним уважением, но, видя его нежелание сотрудничать с ними, отходили в сторону или даже оказывались в стане оппозиции.

Еще одна, тесно связанная с первой ошибка заключалась в том, что Кадар и на других людей смотрел через призму личного постоянства, не замечал ни их роста, ни появления у них отрицательных черт, ни даже перерождения некоторых из них. В его представлении люди на каком-то уровне как бы застывали в своем развитии. Впрочем, эта особенность Кадара в последние годы распространялась не только на людей, но и на его видение обстановки, процессов, происходящих в обществе.

И все-таки Кадара никак нельзя назвать консерватором. Он все время пытался найти какие-то свежие решения в социально-экономической области, демонстрировал неординарные подходы к формам и методам управления. При этом он отнюдь не держался мертвой хваткой за свой пост, продолжал постоянно думать об уходе, о необходимости передачи власти в другие руки, но в решении этого центрального кадрового вопроса был настолько привередлив, что долго не мог сделать свой выбор. В результате такой необходимый шаг запоздал как минимум лет на восемь.

Последние два-три года Кадар руководил страной, будучи уже далеко не в лучшей форме, здоровье заметно сдавало. К сожалению, это в той или иной мере было характерно для всех бывших социалистических стран. Пример же, что греха таить, подавали мы сами. Смена лидера выросла в такую проблему, что порой заслоняла собой все остальные интересы государства! За эти ошибки в итоге мы так жестоко и поплатились.

Отношение Кадара к Советскому Союзу всегда отличалось не только искренним чувством дружбы и глубокого уважения, но и неизменной честностью и принципиальностью: он без колебаний доводил до советского руководства свои критические оценки по тем или иным аспектам внутренней и внешней политики нашей страны. Не мог скрывать и своего отношения к некоторым из советских руководителей. До конца дней не потерял своего уважения к Хрущеву, ценил дружбу с Андроповым, а вот с Брежневым так и не сошелся.

В целом же Кадар оставил глубокий след в истории венгерского народа, добрую память о себе и своих делах. Его бескорыстие, самоотдачу высоко ценили не только в стране, но и за рубежом. Беспристрастный взгляд на политический курс и практическую деятельность Кадара за три десятилетия его руководства поможет высветить немало поистине исторических достижений в жизни венгерского общества.

В 1958–1959 годах, то есть всего за два года, в Венгрии по инициативе сверху была совершена аграрная революция. Была практически полностью кооперирована деревня, причем без применения насильственных методов. Признавался и допускался только один путь — убеждение крестьян-единоличников в преимуществах коллективной формы ведения сельского хозяйства.

Учет венгерских особенностей, местных условий и традиций, крестьянской психологии, положительный пример действовавших сельскохозяйственных кооперативов и государственных хозяйств позволили, с одной стороны, безболезненно в социально-политическом отношении решить проблему кооперирования, а с другой — избежать падения сельхозпроизводства. В одних производственных кооперативах личный скот содержался в общем стаде, в других коллективное поголовье отдавалось для откорма в приусадебные хозяйства крестьян — членов кооператива. В зависимости от размера обобществленного надела своей земли каждый член кооператива получал пожизненную земельную ренту. С самого начала кооперативам была предоставлена широкая хозяйственная самостоятельность.

Социалистическое сельское хозяйство Венгрии поражало своей эффективностью. Продовольственная проблема в стране в своей основе была решена, причем в кратчайшие сроки. Тяготы жизни хортистской Венгрии, которую обоснованно называли страной «трех миллионов нищих», ушли в прошлое.

После себя Янош Кадар оставил в общем-то небедную страну. До него венгры жили намного хуже, а вот как они будут жить в ближайшие годы — надо еще посмотреть. Характерно, что Кадара

никогда не поносили в средствах массовой информации, над ним иногда подшучивали, но по-доброму, с чувством уважения.

Случилось так, что как раз в день утверждения на сессии Верховного Совета СССР моей кандидатуры на пост председателя КГБ, 8 августа 1989 года, Венгрия прощалась с Яношем Кадаром. В похоронах приняло участие более 500 тысяч человек, причем люди пришли сами, без каких-либо призывов сверху, чтобы проводить в последний путь этого человека и тем самым отдать дань его неоспоримым заслугам.

В августе 1959 года моя командировка в Венгрию завершилась, и я возвращался в Москву. Закончился один из весьма насыщенных событиями периодов в моей жизни. Я достаточно обстоятельно узнал и полюбил эту страну, изучил историю, язык, обычаи и культуру венгерского народа. В Венгрии я приобрел хороших друзей из интеллигенции, рабочих, крестьян, близко сошелся со многими венгерскими руководителями. За работу в посольстве, в том числе во время событий осени 1956 года, меня удостоили высокой правительственной награды — ордена Трудового Красного Знамени.

Из Венгрии мы вернулись уже с двумя сыновьями: в 1957 году у нас родился второй ребенок. На родину возвращались с радостью, хотя понятия не имели, что нас ждет впереди: жилья ведь в Москве у нас не было никакого, не знали даже, куда ехать с вокзала. Друзья, однако, заранее побеспокоились и сняли для нас номер в гостинице «Бухарест».

И вдруг на следующий день после приезда в Москву неожиданность — меня попросили позвонить в ЦК КПСС, в отдел, которым заведовал наш бывший посол Юрий Владимирович Андропов.

Так я попал на работу в аппарат ЦК КПСС и с того момента уже не распоряжался своей судьбой, трудился на тех участках, куда меня направляли. Конечно, согласие формально спрашивали, но отказываться тогда было не принято. Поэтому все мои последующие назначения осуществлялись сверху, а мне, со своей стороны, оставалось каждый раз лишь благодарить за оказанное доверие.

Первой моей ступенькой в отделе ЦК КПСС по связям с рабочими и коммунистическими партиями социалистических стран была должность референта в секторе по Венгрии и Румынии, то есть я продолжал трудиться на полюбившемся мне венгерском направлении.

Должен сказать, что это меня вполне устраивало. В соответствии с действовавшим тогда порядком всеми наиболее

серьезными проблемами наших отношений с социалистическими странами занималась Старая площадь. МИДу в этих условиях отводилась довольно скромная роль ведения текущей, по большей части технической работы на двустороннем направлении. Вся кухня большой политики варилась в здании ЦК КПСС. Даже моя скромная должность референта в отделе ЦК открывала доступ к таким вершинам наших отношений с Венгрией, к которым в МИДе допускалось разве что самое высокое руководство. Так что сомнений в правильности выбранного, к тому же и не мной, пути у меня не было и быть не могло.

Помимо прочего, работа в аппарате ЦК позволила быстро решить жилищную проблему: вскоре наша семья из пяти человек получила 2-комнатную квартиру площадью 29 квадратных метров. Радости нашей не было предела! Пожалуй, я был чуть ли не единственным из советских венгроведов, кто получил в те времена отдельную квартиру. Поэтому много лет подряд Новый год и другие праздники мы отмечали с друзьями в нашей семье.

Жена легко нашла работу по специальности — устроилась в соседнюю среднюю школу преподавателем русского языка и литературы. Работа двух человек в семье в ту пору гарантировала стабильный достаток. Кроме того, мне удавалось подрабатывать переводами с венгерского, а иногда еще получать гонорары за статьи и брошюры. Пожалуй, впервые мы узнали, что такое нормальная, вполне благоустроенная жизнь.

К сожалению, то относительное благополучие, в котором мы застали страну по возвращении из командировки, продлилось недолго. Вдруг словно что-то надломилось. Беднее стал ассортимент, прежде всего продовольственных товаров. На колхозных рынках резко повысились цены на мясо и другую сельскохозяйственную продукцию.

Было ясно, что начала сказываться политика Н.С. Хрущева по ограничению, а затем и откровенному зажиму приусадебных хозяйств, сопровождавшаяся передачей скота из личного пользования в колхозы и совхозы. Повсеместно пошел неконтролируемый убой скота и птицы, стали сокращаться площади под индивидуальными садами и огородами. Тогда еще мало кто отдавал себе отчет в том, к каким катастрофическим последствиям приведет такая политика, насколько далеко назад будет отброшено наше сельскохозяйственное производство. Ведь отрицательные последствия хрущевского волюнтаризма мы продолжаем ощущать и по сей день!

Но главное даже не в сокращении производства продуктов сельского хозяйства, а в том, что люди из активных тружеников

не по своей воле превращались в чистых потребителей, иждивенцев на шее государства. Крестьянина отлучили от труда во имя утопических идей скорейшего торжества коммунистических отношений на селе. А неполадки (мягко выражаясь) в деревне потянули за собой и промышленность. Беда в том, что заносило Хрущева, к сожалению, не только в этом.

Плод его неуемной инициативы — постоянные реорганизации по вертикали и горизонтали, манипуляции с партией, выражавшиеся в попытках разделить ее на городскую и сельскую организации, масштабная химизация, рассматриваемая как панацея решительно от всех трудностей в нашей экономике, удары по металлургии, по кирпичному производству (блочные дома, метко прозванные в народе «хрущобами», до сих пор уродуют вид наших городов), в социальной области — то заигрывания с интеллигенцией, то удары по ее представителям, на внешнеполитическом фронте — сначала многочисленные мирные инициативы, а затем скатывание вплотную к войне с последующим поспешным отступлением ради сохранения мира.

Ведущие политики мира нередко сбивались с толку, пытаясь дать оценку отдельным внешнеполитическим шагам Хрущева и хоть как-то спрогнозировать дальнейшее развитие событий. Хотя зачастую не было никакого смысла искать глубинные мотивы того или иного нашего шага.

Помню, как-то в ответ на просьбу Кадара дать пояснения по поводу очередного заявления советского лидера Хрущев простодушно признался: «Сморозил я, а мир гадает, что это означает. Да ни хрена не означает!»

Немудрено поэтому, что стабильности и ответственности в стране становилось все меньше и меньше. Нетерпимость ко всему, что не укладывалось в господствующие стереотипы, губила те ростки демократии, которые взошли благодаря политике самого же Хрущева в первоначальный период его правления. Народ устал от нескончаемых перегибов, шараханий и не только не одобрял многочисленные изменения в политике, экономике, государственном устройстве, но толком и не понимал их значения, тем более что жизнь становилась все хуже, росла неуверенность в завтрашнем дне и вместе с ней социальная напряженность.

В этих условиях октябрь 1964 года — смещение Хрущева — лег как бы на созревшую для этого почву. Люди ждали солидной политики, стабильного курса. Никто не верил в широко провозглашенные лозунги с точными сроками построения коммунизма, решения продовольственной, жилищной и других острейших социально-экономических проблем.

Вместе с тем для многих приход к руководству Л.И. Брежнева также не представлялся идеальным решением. Было очевидно, что это — фигура весьма заурядная, слишком приверженная старому стилю, в сути которого люди уже разобрались и в душе не поддерживали его. Но провозглашенная Брежневым программа все же больше импонировала прежде всего своим спокойным подходом, уверенностью, приземленностью. Намечались совершенно конкретные меры по улучшению жизненного уровня, четко заявлялось о необходимости развития личных подсобных хозяйств. Были отменены меры, вызывавшие у людей наибольшее раздражение и непонимание: упразднены совнархозы, поломавшие сложившиеся вертикальные и горизонтальные связи в народном хозяйстве, сняты ограничения на индивидуальную трудовую деятельность в городе и деревне, прекращено разрушение металлургической промышленности и многое другое.

Брежнев покончил с делением партии на городскую и сельскую (то же самое деление при Хрущеве было осуществлено и для структур советской власти на местах). Все эти меры дали быструю отдачу — жизнь в стране на глазах стала входить в нормальную колею, чему в немалой степени помогало и то, что главное внимание теперь уделялось производству: централизованные и плановые начала еще сохраняли определенные резервы и упор делался на их максимальное использование.

Однако по-прежнему давала о себе знать наша главная ошибка, которая состояла в том, что мы продолжали идти по пути сохранения и усиления административно-командной системы.

Ритмичная работа, относительно четкие планы, активизация внешнеторговых связей, лишенный ненужной эмоциональности подход давали определенные результаты, но все же довольно скромный в целом жизненный уровень народа повышался в основном за счет увеличения продажи другим странам сырья, прежде всего нефти. Получаемую валюту почти целиком тратили на закупки продовольствия и ширпотреба. В общем, шел нездоровый процесс простого воспроизводства и проедания с таким трудом созданных накоплений.

В политике, экономике, практике и теории — повсюду свирепствовал догматизм, ни о каких серьезных реформах не было и речи. Для многих было очевидно, что мы пожираем самих себя.

Не могло не вызывать озабоченности и то обстоятельство, что государству стало все труднее сводить концы с концами. Поэтому повсюду начали приукрашивать, манипулировать фактами, играть показателями.

Как всегда бывает в таких случаях, появилось стремление компенсировать внутренние трудности за счет чего-то положительного во внешней политике. И здесь, надо признать, многое было сделано. Активизировался процесс переговоров по разоружению, по проблемам безопасности и сотрудничества в Европе, расширилось наше участие в различного рода международных конференциях.

Надо отдать должное Брежневу — много внимания уделялось отношениям с социалистическими странами, наши связи получили заметное развитие. Регулярно проходили встречи на высшем уровне, активно велись двусторонние переговоры по конкретным направлениям сотрудничества, исключительно широким стал обмен делегациями, опытом. Однако внешнее благополучие не могло скрыть те негативные процессы, которые зарождались как в недрах отдельных союзных государств, так и в соцлагере в целом. В отношениях СССР с другими социалистическими странами нередко возникали трения.

Вспоминается в этой связи один, на мой взгляд, весьма характерный эпизод.

Леонида Ильича Брежнева продолжало волновать сдержанное отношение Кадара к смещению Хрущева. Контакты у Кадара с Брежневым никак не налаживались, сохранялась какая-то взаимная настороженность. А тут еще Кадар все время подливал масла в огонь, продолжая оказывать Хрущеву знаки внимания: время от времени присылал ему к праздникам то фруктов, то хорошего венгерского вина. При этом он пояснял, что считает Хрущева своим товарищем и не собирается отворачиваться от него.

После некоторых колебаний Брежнев решил первым сделать шаг навстречу. В конце февраля 1965 года Брежнев и Подгорный решили нанести визит в Будапешт и обстоятельно побеседовать с Кадаром.

Я уже работал заведующим венгерским сектором отдела ЦК КПСС, и поэтому мне было поручено сопровождать руководство в этой поездке.

Кадар пригласил на официальную встречу с Брежневым еще нескольких товарищей из политбюро ЦК ВСРП. Складывалось впечатление, что один на один разговаривать он не захотел, и это явно не понравилось Леониду Ильичу.

В ходе беседы обменялись информацией об обстановке в своих странах, подчеркнули намерение и дальше развивать двусторонние советско-венгерские отношения, но — вопреки сложившейся практике — никаких комплиментов в адрес друг друга собеседники не произносили. Вопрос о смещении Хрущева

Брежнев не затрагивал, чем хотел подчеркнуть, что рассматривает этот шаг как сугубо внутреннее дело Советского Союза.

После завершения официальной части Кадар пригласил советских гостей поехать на охоту в одно хозяйство на юге страны, под городом Печем. Приглашение было с готовностью принято — Брежнев и Подгорный были заядлыми охотниками.

В путь отправились специальным поездом. В вагон-салоне Кадар старался разговорить гостей, подбрасывал то одну, то другую тему, предлагал в менее официальной обстановке обсудить ряд конкретных проблем, но беседа как-то не клеилась. Всем показалось, что Брежнев, не имея под рукой заранее заготовленных материалов (а существом дела он не владел), просто растерялся. В конце концов, по-моему, понял это и сам Кадар.

Перешли на охотничьи темы, и тут уж беседа пошла вовсю. Особенно был активен Подгорный. У него наготове была масса охотничьих историй, приключившихся будто бы лично с ним. Успел он, правда, рассказать не больше двух-трех, так как краткостью явно не отличался.

Венгерские друзья слушали с показным вниманием, тактично реагировали на россказни, иногда — в порядке подтверждения своего интереса — задавали даже уточняющие вопросы, на которые тут же получали самые исчерпывающие ответы. Так и пролетели все четыре часа путешествия в поезде.

По прибытии на станцию назначения пересели в машину и через тридцать минут въехали уже на территорию охотничьего хозяйства с приличной, по венгерским масштабам, площадью несколько сот гектаров. Затем уже на повозках, запряженных лошадьми, поехали по лесной дороге к месту охоты. Из густых зарослей кустарника иногда показывались кабаны, то здесь, то там перебегали дорогу косули. Лес вокруг стоял девственный, с могучими деревьями неописуемой красоты.

Вскоре прибыли на место. Наблюдал я охоту впервые, и она мне запомнилась на всю жизнь. Охотники заняли места и изготовились к стрельбе. Я стрелять отказался, сославшись на то, что не охотник.

Егеря тем временем начали выгонять фазанов, которые буквально сотнями стали вылетать из зарослей, многие из них тут же падали камнем, сраженные меткими выстрелами. Кадар и его товарищи стреляли редко, больше просто наблюдали, обмениваясь между собой впечатлениями. Брежнев же палил вовсю! С ним рядом находился порученец специально для того, чтобы перезаряжать ему ружья.

Леонид Ильич, отстрелявшись в очередной раз, не глядя

протягивал пустое, еще дымящееся ружье порученцу и принимал от него новое, уже заряженное. А бедные фазаны, которых до этого прикармливали несколько дней, все продолжали волнами лететь в сторону охотников…

Эта бойня, которая и по сей день стоит у меня перед глазами, прекратилась лишь с наступлением темноты.

У охотничьего домика разложили трофеи, к фазанам добавили еще нескольких зайцев, двух кабанов. Кадар и его товарищи взяли по одной птице — таков порядок, за следующий трофей надо уже платить коммерческую цену. На гостей, разумеется, эти порядки не распространялись.

Вечером состоялся дружеский ужин. Первым охотником был признан Брежнев, вторым — Подгорный. Как и в поезде, начался обмен впечатлениями, опять пошли бесчисленные охотничьи байки. Впрочем, Кадар все-таки ухитрился затеять серьезный разговор, причем весьма полезный. Речь пошла о реформах.

Он сказал, что Венгрия намерена идти путем реформ, стоять на месте больше нельзя. Венгры должны рассчитывать только на себя, подчеркивал Кадар. Скоро будет решена проблема производства достаточного количества зерна, что улучшит ситуацию в стране на продовольственном фронте (так оно и произошло!).

Кадар говорил, что следует оживить коммунистическое движение, оно и так застоялось, критически отзывался о работе Совета экономической взаимопомощи. Пожаловался он и на плохое качество как венгерской, так и советской промышленной продукции.

Брежнев не спорил, хотя конкретных ответов не давал, отделываясь обещаниями во всем разобраться и обязательно вернуться к этим вопросам в будущем. Мысли его, по-моему, все еще вертелись вокруг недавней охоты, приятные впечатления от которой он не хотел портить никакими серьезными разговорами.

По итогам визита было опубликовано совместное коммюнике. Оно получилось теплым. В общем, лед начал таять. Кадар остался доволен, что все-таки именно Брежнев с Подгорным первыми приехали к нему, самолюбие его было удовлетворено. Брежнев же понял, что не может не считаться с авторитетом, которым пользовался Кадар, в том числе и в Советском Союзе.

Постепенно советско-венгерские отношения полностью вернулись в нормальное русло. Однако заниматься венгерской проблематикой мне оставалось уже недолго: не зависящие от меня обстоятельства в очередной раз круто изменили мою судьбу.

В 1967 году Андропову неожиданно предложили перейти из

ЦК КПСС на работу в КГБ СССР. Сам Андропов узнал об этом лишь в тот день, когда ему было сделано это предложение. Идея назначения на этот пост именно Юрия Владимировича родилась не случайно и явилась следствием тех непростых отношений, которые сложились тогда в высшем руководстве, и в частности у Л.И. Брежнева с А.Н. Косыгиным.

К тому времени я уже два года работал помощником Андропова (как секретаря ЦК КПСС), что позволяло быть в курсе многих дел, связанных с обстановкой в высших эшелонах власти. Должен сказать, что заседания политбюро и секретариата ЦК КПСС проходили тогда бурно и подолгу. Речь на них часто шла не только о каких-то сугубо конкретных вопросах, но и в более широком плане о путях дальнейшего развития советского общества.

Брежнев был сторонником постепенных перемен, предлагал проводить их без спешки, без потрясений, без революционной ломки. Косыгин же выступал за путь более радикальных реформ. Отстаивая свои идеи, он проявлял редкостное упорство, не выносил возражений, болезненно реагировал на любые замечания по существу предлагаемых им схем и решений. Экономику он вообще считал своей вотчиной и старался не подпускать к ней никого другого. Этим Косыгин настроил против себя многих членов высшего руководства.

На определенном этапе накал разногласий в политбюро достиг апогея, и вопрос встал о выборе между двумя подходами к развитию нашего общества. Линия Брежнева взяла верх. Он стал укреплять свои позиции в руководстве, но в порядке уступки Косыгину все же был вынужден согласиться с его предложением о перемещении Андропова с участка социалистических стран и, главное, из аппарата ЦК КПСС.

Надо сказать, что тогда пост секретаря ЦК КПСС, который до своего нового назначения занимал Андропов, являлся весьма влиятельным. Не следует думать, что в основе конфликта Косыгина с Андроповым лежали лишь политические разногласия. По наблюдениям многих товарищей, для их отношений была характерна и какая-то личная несовместимость. Не раз на это сетовал, кстати, и сам Андропов. Очередная стычка с Косыгиным действовала на него порой просто удручающе.

И все же спор между ними имел явную политическую подоплеку — Андропов опасался, что предлагаемые Косыгиным темпы реформирования могут привести не просто к опасным последствиям, но и к размыву нашего социально-политического строя.

Назначением Андропова на пост председателя КГБ СССР в

мае 1967 года Брежнев, с одной стороны, как бы сделал уступку Косыгину, а с другой, значительно укрепил свои позиции, сделав этот важнейший участок полностью безопасным для себя. И действительно, с этого направления Брежневу до самых последних дней уже ничто не угрожало. Андропов всегда сохранял к нему полную лояльность, стремился всячески помогать.

Помимо выполнения своих прямых обязанностей председателя КГБ, он принимал активное участие в подготовке всех наиболее важных речей и докладов генсека, готовил многие предложения по вопросам внешней и внутренней политики, причем всегда делал это с полной самоотдачей. Андропов часто спорил даже с Леонидом Ильичом, отстаивал свои взгляды, но неизменно делал это с большим тактом, вел дискуссию исключительно корректно. Если же его удавалось в чем-то переубедить, то он не просто вставал на позицию другой стороны, но и твердо придерживался достигнутой договоренности.

Брежнев понимал значение Комитета госбезопасности, был внимателен к чекистам и хорошо осведомлен о положении дел в органах, черпая информацию от тех сотрудников КГБ, которых лично знал, а также из курировавшего Комитет госбезопасности отдела административных органов ЦК КПСС. Во всяком случае, кадровую политику в комитете из своего поля зрения Брежнев никогда не выпускал.

Вместе с Андроповым на работу в Комитет государственной безопасности перешел и я. Предложение Юрия Владимировича не явилось для меня неожиданным, ведь к тому времени мы уже проработали вместе около тринадцати лет и нас связывали не только общие взгляды, но и личные отношения, основанные на взаимном доверии и уважении.

Нет нужды говорить, что до того самого дня я меньше всего ожидал, что когда-нибудь стану чекистом! Еще труднее было предположить, что с КГБ будет связана вся моя последующая трудовая жизнь, что в этой организации я пройду долгий и нелегкий путь от помощника председателя, начальника секретариата КГБ, заместителя и начальника главка до председателя Комитета!

Глава 2
Годы в разведке

Долго и даже с некоторыми опасениями думал я над тем, как подойти к описанию своей работы в разведке. До последнего времени ни один руководитель советской разведки не писал мемуаров. Исключение составляют вышедшие в 1992 и 1993 годах две книги сменившего меня на посту начальника Первого главного управления КГБ СССР Леонида Шебаршина, в которых его работа в разведке описана без претензий на освещение деятельности службы в целом в течение длительного периода и показа ее как одной из структурных составляющих государственности.

Это и понятно — секретный характер организации, невозможность использования сведений, почти целиком представляющих государственную тайну, опасение подвести сотрудников, находящихся еще в строю, раскрыть агентов и помощников, особенно тех, кто сейчас там, за рубежом.

Сейчас, когда я побывал под арестом и мое положение отличается от положения предшественников, к вопросу о хотя бы кратких воспоминаниях бывшего руководителя советской разведки в 1974–1988 годах позволительно подойти иначе. Но не мое положение является определяющим. Кардинально изменилась обстановка в стране, ситуация вокруг органов госбезопасности, в их работе стало больше гласности, перед отечественной и мировой общественностью открылись многие аспекты деятельности специальных органов, в том числе и разведслужб бывшего Союза.

Кстати, в гласность работы органов госбезопасности, и в частности разведки, мне довелось внести вклад, став, как говорится, первопроходцем. Мною было дано немало интервью средствам массовой информации — отечественным и зарубежным, опубликован ряд статей по вопросам деятельности Комитета госбезопасности. Затем следовали многочисленные выступления в печати руководящих и рядовых сотрудников органов в центре и на местах, встречи с представителями общественности.

Разумеется, своими воспоминаниями я не должен причинить вреда никому лично и разведслужбе в целом. Поэтому не буду называть многих имен, опущу ряд конкретных операций, дел и стран. Если кому-нибудь из моих бывших «однополчан»-разведчиков доведется прочитать эти воспоминания, я уверен,

они без труда узнают себя и в душе, возможно, дополнят их другими деталями, эпизодами, историями, которые мною опущены то ли в стремлении рассказывать о самом главном, то ли по причине несовершенства памяти.

В Комитете госбезопасности СССР я проработал в общей сложности 24 года и три месяца, из них более 17 лет в разведке: три года был первым заместителем начальника Первого главного управления и затем в течение 14 лет — руководителем ПГУ. Правда, после августа 1991 года я числился в органах госбезопасности формально, был уволен в отставку 4 октября 1994 года.

До сих пор считаю, что годы, проведенные в разведке, являются самыми яркими в моей жизни. Для меня это был период творческого подъема, становления не только как профессионала, но и как политика. Огромный объем информации, который ежедневно стекался ко мне, позволял не только быть в курсе международных событий, но и взглянуть как бы со стороны, с разных точек зрения на процессы, происходившие в нашей стране. Думаю, что в этом плане именно разведка предоставляет поистине уникальные возможности.

В Первое главное управление я пришел по приказу Андропова летом 1971 года, хотя принципиальное решение на этот счет Юрий Владимирович принял задолго до этого, еще в июле 1970 года. Целый год он не решался отпустить меня с должности начальника секретариата КГБ СССР, все подыскивал, как он говорил, подходящую замену. Да и после того, как на мое место кандидатура была найдена, у председателя все еще оставались сомнения — ведь к тому времени мы проработали с ним бок о бок уже 17 лет, сошлись, привыкли друг к другу, и предстоящее «расставание» для нас обоих было сопряжено с необходимостью преодоления определенного психологического барьера.

Но решение в конце концов все же созрело, этому в немалой степени способствовали постоянные просьбы тогдашнего начальника ПГУ Сахаровского, который собирался уходить на пенсию. Да и заместители председателя Комитета поддерживали его предложение, настоятельно советовали Андропову отпустить меня.

Памятный для меня разговор накануне назначения состоялся июньским вечером 1971 года, когда были завершены все неотложные дела, умолкли телефоны и у Юрия Владимировича, как всегда в такое время, появилась возможность спокойно поговорить по душам.

— Ну что ж, больше тянуть нельзя, пора определяться с твоей дальнейшей работой. На меня давят со всех сторон, да я и сам

понимаю, что в ПГУ действительно нужен свежий зам. Ты подходишь со всех точек зрения, хотя и здесь ты мне нужен тоже. Как сам-то думаешь?

Я искренне ответил, что готов на любой вариант: разведка, конечно, манит новизной, привлекает в профессиональном отношении, но мне тоже не по себе от мысли, что работать придется на некотором удалении друг от друга. Я не скрывал от Андропова и испытываемых мной опасений, поскольку нетрудно было представить, как сложна работа в разведке, а позади уже большая часть трудовой жизни. Андропов промолчал, но я понял, что решение он уже принял, причем еще до нашего разговора.

Вот так я стал разведчиком. Вернее, стал-то я им значительно позже, после того как освоил премудрости этой сложной и весьма необычной (хотя и говорят, что она одна из древнейших) профессии, а пока с головой окунулся в работу, стараясь побыстрее входить в дела.

Знакомство с подразделениями, заслушивание резидентов, других сотрудников резидентур и центрального аппарата, тщательное изучение проводимых операций быстро расширяли мои познания. Складывались первые впечатления о разведчиках. Высокообразованные, компетентные, ищущие, работают не за страх, а за совесть, переживают за дело, за неудачи, а их, с сожалению, у разведчиков случается немало. В случае провала быстро берут себя в руки и идут к новым целям. Почти у всех неплохие знания о стране, по которой работают, хорошее владение иностранными языками.

Но одно качество меня наполняло особенным чувством удовлетворения: ради дела, решения задач подавляющее большинство разведчиков готовы были пожертвовать карьерой, личным благополучием.

С самого начала поставил перед собой цель вникнуть в задачи каждого оперативного работника, во все детали разведывательной деятельности. Тот участок, курировать который мне поначалу поручили, — европейские оперативные отделы, архивный отдел, информационно-аналитическое управление, а затем и отдел по сотрудничеству с соцстранами (кроме КНР, Кубы и Вьетнама), — позволил близко познакомиться с важными сторонами деятельности разведки, характерными для работы на других участках, в том числе и на главном направлении, которым всегда считалось американское.

В целом в ПГУ меня приняли хорошо, хотя и с некоторой настороженностью: пришел, мол, человек председателя, будет устанавливать свои порядки (хотя этого как раз я делать и не собирался). Некоторому предубеждению против меня

способствовало и то обстоятельство, что сразу же поползли слухи о моем скором назначении на должность начальника ПГУ.

Мне трудно сказать, действительно ли Андропов переводил меня в ПГУ с таким дальним прицелом, но решение на этот счет вскоре действительно у него созрело, и долгое время это оставалось тайной, пожалуй, только для меня. Важнее было другое — преодолеть отношение к себе как к человеку со стороны, не прошедшему азы разведслужбы, никогда не работавшему в поле. Разведка ведь всегда отличалась своей кастовостью и определенным снобизмом.

Работа разведчика сопряжена с реальной, практически повседневной опасностью, требует крайнего напряжения физических и интеллектуальных сил, воли, мужества и абсолютного самопожертвования. И это не пустые слова. Разведчик вынужден жить двойной жизнью — та, реальная, скрыта от чужих глаз, а на поверхности лишь маска, расставаться с которой на людях не просто нельзя, но и опасно. Лишь немногие будут в курсе его достижений и успехов: даже самые близкие люди, жена и дети, так никогда и не узнают, какие подвиги подчас совершает их муж и отец. А вот всю тяжесть провала они всегда испытывают на себе — ведь в лучшем случае за этим следует выдворение из страны, а то и тюремное заключение, долгие годы тревожного ожидания. Случается, что платой за поражение является жизнь…

Непременное качество разведчика — высокая общеобразовательная подготовка, интеллектуальный уровень. Наличие как минимум двух высших образований — общегражданского и специального разведывательного — во многом предопределяет личность разведчика, помогает ему в политическом и профессиональном диалоге с иностранными представителями, делает его интересным, привлекательным собеседником.

Деляческий подход к разведке неприемлем, более того, пагубен, он намного сократил бы ее эффективность, сузил возможности по привлечению и сотрудничеству лиц, симпатизирующих или, напротив, враждебно настроенных к нашему государству.

Разумеется, всему, что нужно разведчику, не научишь, многие качества должны быть попросту врожденными, но специальная подготовка играет большую роль.

Разведка имеет свой институт по подготовке кадров с давними традициями. Началось с небольшой школы еще до войны, сегодня это первоклассное высшее учебное заведение, которое готовит кадры с разносторонними знаниями, отличной

профессиональной и языковой подготовкой. Институт в определяющей мере удовлетворял потребности органов госбезопасности в кадровых разведчиках. В нем осуществлялась также переподготовка сотрудников Первого главного управления, велась научно-исследовательская работа. В штате института доктора, кандидаты наук, в его распоряжении многочисленные научные труды, учебные материалы. В 1984 году после смерти Андропова институту было присвоено его имя.

Есть еще один, чисто психологический аспект, который играет важную роль в судьбе разведчика. Ведь ему суждено постоянно нарушать большинство библейских заповедей, действовать вопреки всему тому, чему учили с детства.

Представьте себе «шпиона», который свято следует завету «не укради», или говори только правду, как этого требовали с детства! В том-то и дело, что ему приходится — в высших интересах дела, разумеется, — постоянно идти на такие поступки, которые в обычной жизни, мягко говоря, не украшают человека. И тут ни в коем случае нельзя перейти грань, чтобы не превратиться в циника, сохранить чистоту души и веру в идеалы.

Должен сказать, что в разведслужбах разных стран эта общая для них проблема решается по-разному, а от этого в общем-то напрямую зависит и результативность их деятельности. Одна лишь грубая сила, беспринципность, лозунг «цель оправдывает средства» не только не могут принести должного результата, но и являются главным уязвимым местом в работе ряда спецслужб, причиной морального разложения кадров, многих поражений. Именно поэтому советская разведка всегда уделяла большое внимание воспитательной работе, мы выработали своеобразный кодекс поведения, правила игры, если хотите, от которых никогда не отступали.

В последнее время с этим стали считаться и наши противники, из арсенала даже самых жестких и беспардонных спецслужб, к числу которых я отношу прежде всего спецслужбы США и ФРГ, мало-помалу стали исключаться наиболее бесчеловечные методы работы. Думаю, что в перспективе они вполне могли бы уступить место более цивилизованным формам борьбы!

До самого последнего времени идут споры о том, следует ли смешивать разведывательную деятельность с политикой. Мне подобные споры представляются беспредметными и даже странными. Разведывательная деятельность — это неотъемлемая часть политики, но ведется она особыми, специфическими средствами и способами, и поэтому всю полноту ответственности за нее должны нести политики, руководители страны самого

высокого уровня. Назначение в свое время Буша, бывшего председателя Национального комитета Республиканской партии, на пост директора ЦРУ подтвердило, по крайней мере в США, как правоту такой точки зрения, так и плодотворность тесного переплетения разведывательной и политической деятельности.

Выступая в Нью-йоркском клубе коммерческого факультета Гарвардского университета, Буш-старший признавал, что «тайная разведывательная деятельность необходима как альтернатива посылке морских пехотинцев». Еще более примечательны на этот счет высказывания Киссинджера. «Наша политика по установлению более рациональных и надежных отношений с Советским Союзом, которую принято называть разрядкой, — говорил он, — оказалась бы невозможной без надежных разведывательных данных». И еще: «Деятельность разведок имеет решающее значение для будущего нашей страны… Не имея эффективного разведывательного потенциала, Соединенные Штаты окажутся ослепленными и беспомощными».

Другой вопрос, какими методами действует разведка. Убийство неугодных политических и общественных деятелей, организация заговоров, переворотов, экономический саботаж и блокада и другие такого рода способы были взяты на вооружение многими спецслужбами капиталистических стран, в том числе и Соединенных Штатов, что в общем-то и не скрывалось. Бывший директор ЦРУ Колби в 1976 году признавал, что возглавляемая им американская разведка пыталась организовать покушение на Фиделя Кастро, но это не удалось.

В последнее время американские официальные лица говорят в открытую об организации не одного десятка покушений на Ф. Кастро, причем это преподносится как нечто обычное, соответствующее нормам международной жизни. Более того, высказывается сожаление по поводу этих неудавшихся попыток физически убрать кубинского лидера, поскольку удачное покушение сняло бы многие проблемы для США.

Американская сторона не без гордости признает факт своего участия в свержении режима Альенде в Чили, вмешательство в дела на Гренаде, в Панаме, в ряде других латиноамериканских, африканских, азиатских, арабских стран. На все эти акции, называемые тайными, с согласия высшей исполнительной и законодательной власти выделялись специальные средства.

Такая практика идет еще со времен Даллеса, считавшего, что «в тоталитарном государстве убийство может оказаться единственным средством для свержения современного тирана». Разумеется, право решать, какое государство считать тоталитарным, а какого руководителя — тираном, автор этих

слов целиком присваивает себе.

В 1976 году известный американский политолог Тейлор Бренч на страницах журнала «Нью-Йорк таймс мэгэзин» утверждал: «Достопочтенные джентльмены из ЦРУ разрабатывали планы убийства неугодных деятелей вместе с гангстерами из мафии».

Итак, с одной стороны, тайные акции, с другой — порождаемая ими бесконтрольность спецслужб. Есть ли какой-нибудь выход из создавшегося положения? Есть — подвести легитимную основу под деятельность разведывательных служб в национальном и международном масштабе. Ни одно уважающее себя государство, облеченное естественной ответственностью за свою безопасность, не откажется от разведывательной деятельности, и потому на смену лицемерию должна прийти узаконенная разведка с выполнением ею своих функциональных обязанностей в допустимо приемлемых для межгосударственных отношений рамках.

В 1981 году Рейганом было издано так называемое распоряжение по разведке относительно функций и обязанностей руководителей министерств и ведомств по оказанию помощи Центральному разведывательному управлению. По этому распоряжению главы всех министерств и ведомств должны в соответствии с законом и порядками, одобренными министром юстиции, обеспечивать директору ЦРУ доступ ко всей информации, необходимой для удовлетворения Соединенных Штатов в разведывательных сведениях, и надлежащим образом рассматривать обращения директора ЦРУ об оказании соответствующей поддержки деятельности разведывательных органов. По полученным нами в то время сведениям, далеко не все в вашингтонском руководстве поддерживали этот шаг своего президента.

Ничего подобного советским законодательством не предусматривалось. Не было даже практики запросов в министерства и ведомства о направлении в разведку информации, материалов, документов, справок по отдельным вопросам. Но поскольку нужда в таких материалах была, то нашей разведке волей-неволей приходилось вести настоящую разведывательную деятельность в своих же государственных и общественных организациях, что, разумеется, не укладывалось ни в какие правовые нормы. В этом отношении американская практика выгодно отличалась от советской. Кстати, наша разведка пыталась воспользоваться американским опытом, но это нам не удалось — мы не были поняты.

Центральное разведывательное управление и остальные

разведки США вообще чувствовали себя куда вольготнее, в том числе и материально, чем разведки — внешнеполитическая и военная — Советского Союза. Так, советская разведка финансировалась в строго определенных центральными инстанциями рамках — ни больше ни меньше. По данным же, которыми располагала советская разведка, разведывательные органы США, включая Агентство национальной безопасности, весьма существенную часть своих средств получали из «черных» фондов, в частности за счет бюджета Пентагона. Причем эти расходы ни в каких официальных сметах не фигурируют, не говоря уже о расходах на тайные операции, полная стоимость которых никогда не была известна общественности и вряд ли когда-либо станет достоянием гласности.

Нет большего заблуждения, чем высказываемая иногда точка зрения, что разведка якобы вносит напряженность в межгосударственные отношения. Разведывательная деятельность действительно может быть причиной эпизодического осложнения в отношениях между теми или иными государствами. С этим согласиться можно. Однако практика показывает, что такие осложнения носят временный характер и существенным ущербом не оборачиваются.

Но вместе с тем именно разведка способна содействовать смягчению напряженности и укреплению доверия, снимая неоправданные подозрения и тем самым внося ясность в сложные ситуации.

Соединенные Штаты всегда выступали за большую «прозрачность» в военной области, добивались на переговорах по разоружению принятия самых строгих мер контроля, отмечая важность этого фактора для предотвращения обхода достигнутых договоренностей и поддержания тем самым стратегической стабильности. В век научно-технической революции для поддержания паритета особенно важно исключить возможность неожиданного появления в руках одной стороны принципиально новых видов оружия с невиданной до сих пор мощью. Но ведь разведка и здесь способна сыграть первостепенную роль.

Наличие разведок уже конституциировано практически во всех странах, где эти службы есть. Контакты между различными странами по линии разведок говорят о наступлении времени, когда их деятельность может быть узаконена межгосударственными соглашениями, что послужит важным шагом на пути к признанию разведслужб институтом международного права и несомненным фактором стабильности. Собственно говоря, речь идет о том, чтобы признать и узаконить давно уже существующую реальность, и не более того.

Под влиянием перемен в мире в последние годы стали устанавливаться контакты между руководителями спецслужб. Считаю подобную практику нормальным, полезным явлением. Контакты помогают лучше понимать друг друга, смягчать удары, предупреждать неприятные ситуации.

В ходе обмена мнениями по политическим проблемам раскрываются взгляды сторон, тут и совпадения, и совершенно различное видение событий, и несовместимость интересов. Последнее наиболее важно, в итоге оно определяет все остальное.

Естествен интерес к личностям. До прямого контакта думаешь о том, кто по ту сторону, только как о противнике, он ведь работает против тебя, твоя же задача — переиграть его в интересах своего государства. Степень его знаний о тебе, твоей организации, как правило, тайна, и потому неизвестно, кто перед тобой вдруг окажется.

Первый контакт официального представителя советской разведки с руководителем Центрального разведывательного управления США Гейтсом состоялся в декабре 1987 года в Вашингтоне во время посещения этой страны Горбачевым. Тогда я был в числе сопровождавших его лиц.

Неофициальная встреча с Гейтсом состоялась в одном небольшом ресторане с участием в общей сложности шести человек. Когда мы расселись, я в полушутливой форме заметил, что до сих пор мы работали друг против друга под столом, теперь же сидим за столом и ведем оживленную беседу.

О Гейтсе впечатление складывается не сразу. Раскрывается он со временем, часто отмалчивается, вопросы задает прицельные, жестами, обрывками фраз дает понять, что ему известно о собеседнике больше, чем последний думает.

На вопрос, что из спиртного подать к столу, я попросил виски. На это Гейтс заметил, что знает даже сорт виски, который предпочитает начальник советской разведки. Он действительно знал. Я заметил, что это не такая уж важная тайна, но, во всяком случае, он не мог узнать ее от тех из наших, кто перешел на службу к американцам, поскольку ни с кем из них я никогда не выпивал.

Участники встречи избегали разговоров по существенным вопросам, беседа велась вокруг познавательных, но близких нам тем, связанных с Советским Союзом и Соединенными Штатами.

Спустя пару лет, в 1990 году, Гейтс посетил Москву в качестве гостя американского посольства (Гейтс был директором ЦРУ в 1991–1993 годах). У нас состоялась встреча в гостевом доме Комитета госбезопасности в центре Москвы, в Колпачном переулке. Гейтс — специалист по Советскому Союзу, по истории

нашего государства, увлекается периодом Ивана Грозного, Петра Первого, имеет научные труды.

Американский собеседник проявил, и это было заметно, повышенный интерес к национальному вопросу. Он прямо спросил, не хочу ли я узнать точку зрения ЦРУ на то, что будет с Советским Союзом в 2000 году — начале будущего века. Из его скупых слов можно было понять, что он сомневается, сохранится ли к тому времени СССР. Гейтс выразил намерение передать нам соответствующий аналитический прогноз, подготовленный в ЦРУ США.

Я, разумеется, сказал, что мы с признательностью восприняли бы передачу такого материала и сообщили бы свою точку зрения на него. Этот материал так и не был передан нам американской стороной, хотя в Вашингтоне мы находили возможность напомнить об этом Гейтсу.

Конечно, такому разговору с Гейтсом было придано большое значение, его серьезность и важность не вызывали сомнений в нашей службе. Думал я о трагическом прогнозе для Советского Союза и тогда, когда произошел его развал. Правда, Гейтс говорил о более позднем сроке: случившееся опередило развитие событий примерно на десять лет! Нашлись ловкие исполнители, которым оказалось по плечу приблизить трагедию, осуществить ее значительно раньше и масштабнее.

Гейтс — выразитель интересов тех, кому верно служил многие годы, он патриот Америки и воспитывался в годы господства холодной войны, когда Советский Союз считался врагом США номер один. Гейтс исходил из объективного несовпадения интересов США и СССР, не без основания усматривал в нашей стране главное препятствие на пути Америки по распространению и усилению влияния в мире. Он всегда нелояльно относился к Советскому государству, стоял на экстремистских позициях и впредь будет делать все для усугубления развала Союза и, можно с уверенностью предположить, дальнейшего ослабления и самой России.

По имеющимся данным, Гейтс настороженно относился к возможному тесному сближению СССР и Китая, усматривая в этом опасность для США.

Последнее характерно не только для Гейтса. Опасность развития советско-китайских отношений для Америки усматривали и предшественники Гейтса на посту директора ЦРУ. Тут следует исходить из реального представления в Вашингтоне о линии Москва — Пекин. Надо полагать, что в обозримом будущем в этом вопросе изменений в американской позиции не произойдет.

Встречался я и с бывшими директорами ЦРУ — Колби (возглавлял эту организацию в 1973–1976 годах) и Тернером (1977–1981) — во время их приезда в Москву в 1990–1991 годах как частных лиц. И при одном и при другом американская разведка добилась существенных успехов в приобретении агентуры из числа советских граждан, в том числе среди сотрудников наших внешнеполитической и военной разведок. Оба усматривали в Советском Союзе главного противника США, вели огромную работу по бывшим социалистическим странам и в государствах третьего мира. Таким образом, в принципиальном плане различий между всеми тремя названными директорами ЦРУ нет.

Посещение Тернером и Колби Советского Союза было вызвано их желанием лично увидеть главного противника по разведывательной работе и посмотреть, что же с ним происходит. Они проявили неподдельный интерес к идущим у нас процессам, не скрывали своего удивления и непонимания. В центре их внимания опять-таки был национальный вопрос, отношения между республиками. Тернер в то время писал книгу о своей работе в разведке и попросил меня написать короткий комментарий, если мне память не изменяет, ко второму изданию книги, что я и сделал, и он был помещен в книге.

Тернер и Колби положительно отзывались о нашей стране, ее культурной жизни, в частности о театрах. Москва и Ленинград произвели на них впечатление оживленных, красивых, полных содержательной жизни городов. По-моему, они на это не рассчитывали. Примечательна в этом отношении фраза, брошенная Колби в беседе со мной: «А вы знаете, социализм не так уж плох!»

Думаю, что мои встречи с Гейтсом, Тернером, Колби, контакты КГБ с представителями американских спецслужб на разных уровнях положили для КГБ начало более широких связей по этой линии не только с американцами, но и с представителями других стран.

Надо признать, что к назначению на должность руководителей ЦРУ, ФБР и других спецслужб в Вашингтоне неизменно подходили весьма основательно как в периоды республиканского, так и демократического правления. С точки зрения национально-политических интересов страны, определяемых существующим режимом, в этом вопросе никаких зигзагов не было. Это в последние месяцы существования Советского Союза, а затем в России, как и в других странах — членах СНГ, в смутные 90-е годы на руководящие посты в органах госбезопасности назначались приверженцы откровенно

противоположных социально-политических взглядов, причем с нулевой профессиональной компетентностью в этой области. Именно такие люди сначала парализовывали, разрушали деятельность вверенных им спецслужб, а затем направляли их усилия на подрыв устоев «тоталитарного» государства, а фактически на разрушение государства как такового. Ничего подобного в Соединенных Штатах никогда не наблюдалось.

Из директоров ЦРУ — профессионалов стоит выделить Уильяма Кейси. Рейган хотел видеть ЦРУ более мощной организацией (или ему внушили, что она должна быть таковой). В подборе руководителя для реализации этой задачи он не ошибся. Кейси обладал острым умом, решительностью и вместе с тем необходимой гибкостью. Он был способен серьезно анализировать факты, события, что усиливало его цепкость прагматика.

Его прагматизм не был сиюминутным — он не уходил от решения долгосрочных вопросов, что находило проявление в укреплении как ЦРУ в целом, так и отдельных направлений его деятельности. Правда, натура ирландца давала о себе знать, в частности, в импульсивности работы американской разведки. Так, несмотря на начавшиеся в 1980-е годы провалы своей агентуры в Советском Союзе, ЦРУ продолжало упорно поддерживать активность своей агентурной сети, чем советские спецслужбы эффективно пользовались. Как-то в американской печати про Кейси сказали, что он не может сколько-нибудь продолжительное время держать себя в руках. По-моему, подмечено точно.

В целом же для Советского Союза Кейси был неудобным руководителем ЦРУ. Бюджет этой организации при нем стремительно увеличивался: по некоторым данным, до 20 % в год. Число сотрудников возросло с 14–15 до 18 тысяч человек.

Именно при Рейгане и Кейси получили развитие силы специального назначения. По официальным данным, расходы на них возросли с 441 млн долларов в 1982 году до 1,2 млрд долларов в 1986 году, а численность увеличилась с 11 до 15 тысяч человек.

В Москве обратили внимание на то, что в 1986 году конгресс США узаконил проведение так называемых тайных операций и даже определил их классификацию. К крупным он отнес те операции, для которых требовались затраты от 5 до 7 млн долларов и которые были нацелены на свержение иностранных правительств. Как видите, определяющим являлись деньги, а возможные жертвы, материальный ущерб и другие негативные последствия остались за рамками, как бы не принимались в расчет.

Любопытным образом в этот период складывались отношения между Капитолийским холмом и разведывательным сообществом США. По оценке советской разведки, они носили напряженный характер, и ЦРУ, несмотря на браваду, все-таки побаивалось конгресса. Надо признать, что законодательная власть в США влиятельна, сильна и достаточно правомочна для принятия основополагающих решений, в том числе и по судьбе действующего президента. (В этом отношении полная противоположность ситуации в России.) Разногласия были отрегулированы в пользу… обеих сторон. Кейси не допустил чрезмерного контроля за ЦРУ со стороны конгресса, прежде всего за оперативной деятельностью. В свою очередь конгресс не лишился права контролировать строго определенные направления деятельности ЦРУ специально выделенными для этих целей конгрессменами и при их полной ответственности за сохранность секретов.

Когда в 1991 году, еще в бытность Комитета госбезопасности СССР, в Верховном Совете рассматривался проект закона о советских органах госбезопасности, то американский опыт о соотношении законодательной власти и КГБ был учтен. Однако принятый у нас закон был куда более «демократичным», более толерантным, чем американская система безопасности, — достоинство, честь, интересы, права человека надежно защищались государством и любая тайная операция по американскому образцу исключалась. Даже проверка на детекторе лжи считалась нарушением прав человека, и если кто-либо подвергался этой процедуре, то лишь с согласия испытуемого и скорее в научно-экспериментальном плане, ни к чему и никого не обязывающем.

Но вернемся к Кейси. Он все-таки скорее выполнял роль исполнителя, чем творца политики и инициатора разработки глобальных решений, основополагающих инициатив Вашингтона в международных делах. В частных беседах сотрудники ЦРУ воздавали должное Кейси в «наведении порядка» в этой организации, в повышении ее престижа, чему способствовали его жизненная школа и опыт как ветерана — разведчика времен Второй мировой войны.

Любое государство должно иметь гарантии от неприятных неожиданностей, чувствовать себя уверенным. Без усилий разведок это недостижимо. Другое дело — правила игры, обусловленность: какие методы и приемы в работе допустимы, а за какие рамки переходить нельзя. По этим вопросам возможны и целесообразны переговоры, соглашения, договоренности — пусть даже только джентльменские, лишь бы они соблюдались.

Разведка — сложный организм, который живет, действует и развивается в зависимости от конкретных исторических условий, во многом определяемых той внешней и внутренней политикой, которую проводит данное государство. Есть у нее, правда, задачи, которые остаются неизменными на протяжении веков.

Главная из них состоит в том, что любая разведслужба — это глаза и уши государства. Жизненно важная информация, как правило, либо поступает к руководству страны по каналам разведки, либо перепроверяется с использованием ее возможностей.

Хотя чисто разведывательные сведения, добытые агентурным путем или с помощью технических средств, составляют далеко не весь объем в общем информационном потоке, включающем сведения из открытых или дипломатических источников, тем не менее именно на их основе принимается значительная часть принципиальных решений на политическом уровне.

Все возрастающее значение в последнее время приобретает информационно-аналитическая деятельность спецслужб. Это и понятно, ведь только в их руках может концентрироваться информация из всех источников — как собственных, так и иных, в то время как другие ведомства имеют ограниченный доступ к разведданным, не могут оценить ни степень их достоверности, ни возможность их использования в безопасном для агентуры плане.

Наконец, именно разведслужбы обладают наиболее обширным арсеналом приемов и средств для получения нужных сведений, в первую очередь тех, которые хранятся за семью печатями и составляют государственную тайну.

С развитием международных связей возрастает потребность в защите интересов государства и обеспечении безопасности его граждан за рубежом. И здесь у разведки и ее подразделения — внешней контрразведки особые задачи и возможности. По сути дела, именно она осуществляет основную работу в этом направлении.

На резидентурах и наших представителях за рубежом лежит вся ответственность по охране зданий и персонала дипломатических представительств, обеспечению безопасности шифросвязи и выполнению многих других связанных с этим задач.

К числу задач разведки относилась передача денежных средств зарубежным компартиям. Возможно, это и не дело разведки, однако других надежных и безопасных путей для этого у нашего государства тогда попросту не было. Не говоря уже о том, что тогда было другое время, существовали иные порядки, другая соподчиненность партийных и государственных органов.

Промышленный шпионаж — довольно развитое явление в странах Запада. Были вынуждены заниматься подобными делами и мы, только в гораздо более сложных условиях. От нас свои секреты оберегали не только конкретные фирмы, на их стороне стояло еще и государство, да плюс к тому международные механизмы, такие как КОКОМ. Как минимум тройной кордон! Но и в этих условиях удавалось достичь ценных результатов, речь о которых пойдет чуть ниже.

И до меня, и при мне в разведке шли острые дискуссии о дальнейших путях развития службы, формирования оптимальных направлений оперативной деятельности. Только внешне казалось, что в Первом главном управлении все решается и делается по накатанному пути, без каких-либо дискуссий и споров. В действительности острые и горячие обсуждения проходили на всех уровнях, по служебной, партийной линиям, на производственных совещаниях и научно-теоретических конференциях.

Неизменно возникал вопрос: что является главным, основополагающим в решении оперативных задач? Такой вопрос обсуждался не только у нас, в советской разведке. Споры по нему шли, и довольно открыто, в ЦРУ США, а также в спецслужбах Франции, Англии, ФРГ и других стран.

Под воздействием достижений научно-технической революции, появившихся благодаря этому дополнительных возможностей стала распространяться точка зрения, согласно которой в век столь важных открытий в науке и технике агентурная работа в разведке закономерно должна отойти на второй план. Не обошлось здесь и без активных мероприятий со стороны некоторых западных спецслужб. До нас регулярно доводилась целенаправленная информация о том, что ЦРУ постепенно отказывается от приоритета агентурной работы и делает главную ставку в добыче информации на технические средства, на использование открытых сведений.

Кстати, то же самое происходит и сегодня, что видно из официальных заявлений представителей иностранных спецслужб, аналитических исследований, публикаций в печати. Расчет ясен: дать пищу тем, кто настойчиво старается любым путем ослабить деятельность наших органов госбезопасности и их неотъемлемой части — разведки, если не лишив, то, по крайней мере, принизив значение ее важнейшего оперативного средства — агентуры.

Глубокий и всесторонний анализ этой проблемы, а также опыт работы спецслужб различных стран говорят о том, что агентура была и на обозримое будущее останется основным звеном оперативной деятельности. Именно агентурным путем

спецслужбы добывают наиболее ценную информацию. К агентурному проникновению другой стороны следует относиться как к неизменному и вполне закономерному явлению. Вопрос в том, кто наберет здесь, образно выражаясь, больше очков.

В то время как шли дискуссии о значении и роли агентурной работы, решали, сокращать ее удельный вес или нет, и ЦРУ и КГБ темпов оперативной деятельности по приобретению агентурных позиций не снижали. Этого не позволяла делать сама жизнь. Более того, именно в 60—80-х годах, когда особенно активно муссировались слухи о предстоящем уменьшении значения агентурной работы, ЦРУ и некоторые другие западные спецслужбы добились особенно серьезных успехов в приобретении агентуры в Советском Союзе и бывших социалистических странах.

ЦРУ, например, удалось внедриться в ряд советских учреждений, научно-производственных объединений и получить доступ к важнейшим государственным секретам. По подсчетам экспертов, ущерб, который понес Советский Союз в результате агентурной деятельности западных спецслужб, исчислялся многими миллиардами тех полнокровных рублей, особенно в отраслях оборонной промышленности и науки.

Еще об одном аспекте, связанном с деятельностью разведывательных органов США, и прежде всего ЦРУ. Во всем мире главным объектом критических нападок, виновником чуть ли не всех бед считается ЦРУ. Такое же мнение бытовало и в Советском Союзе. Именно оно «разрабатывает», «инициирует», «реализует» все зловещие планы против человечества. А ведь это далеко не так! Конечно, роль и значение ЦРУ нельзя недооценивать, однако при всем при том эта организация является всего лишь исполнителем воли и решений вашингтонской администрации, президента, конгресса. Не больше и не меньше! Забвение этой истины приводит к тому, что благодаря такому преувеличенному подходу к месту ЦРУ в системе американской государственности за бортом заслуженной критики остается политический Вашингтон, его правящая верхушка.

Поясню эту точку зрения на следующем примере.

С каждым годом горбачевской перестройки мощь Советского Союза, его позиции на международной арене таяли. Мы получали достоверную информацию о том, что ЦРУ верно улавливало эту тенденцию и пришло к выводу, что Москва стала не так уж грозна, как прежде, и американская политика по отношению к ней может быть смягчена. Но это не устраивало кое-кого в Вашингтоне. И вот в марте 1990 года разногласия по этому

вопросу вылились на страницы американской печати. Газета «Нью-Йорк таймс» поведала читателям, что между директором ЦРУ и министром обороны США существуют разногласия по вопросу о том, будет ли Советский Союз и впредь представлять серьезную военную угрозу для Америки и Запада. Эта полемика, отмечала газета, скрываемая администрацией от общественности, возникла после слов директора ЦРУ Уильяма Уэбстера о том, что эксперты разведки считают маловероятным, чтобы Советы представляли серьезную угрозу с точки зрения обычных вооружений в обозримом будущем, даже если на смену Горбачеву придут сторонники жесткого курса.

Эта оценка Уэбстера вызвала резко критическую реакцию министра обороны Чейни, заявившего, что высказывания директора ЦРУ не содействуют его усилиям с целью добиться одобрения предложений администрации Буша по увеличению расходов на оборону.

В итоге упомянутую опенку ЦРУ просто замолчали, а Пентагон получил просимые им ассигнования на военные цели.

ЦРУ в целом верно оценивало ход и результаты перестройки в СССР. Так, к лету 1991 года ЦРУ и РУМО США представили президенту доклад о состоянии советской экономики. В докладе, в частности, отмечалось, что «через шесть лет после того, как президент СССР Михаил Горбачев начал проводить политику реформ, получившую известность под названием перестройки, советская экономика оказалась в кризисе. Выпуск продукции сокращается со все возрастающей скоростью, инфляция грозит выйти из-под контроля, межрегиональные торговые связи разорваны, а центр и республики оказались втянутыми в ожесточенную политическую борьбу относительно будущего всего многонационального государства».

В то время как ЦРУ объективно подмечало провальное положение в Советском Союзе из-за горбачевской перестройки, Буш и другие высокопоставленные американские деятели не уставали расточать похвалы своему «другу Майклу», восторгаясь его «новым мышлением», приверженностью «общечеловеческим ценностям», подталкивая этого, мягко выражаясь, недалекого человека к дальнейшему разрушению Советского государства.

Вовсе не хочу придать хотя бы некоторой части деятельности ЦРУ прогрессивный характер. Речь идет об организации, призванной и имеющей возможность объективно отображать действительность. Другое дело, как она поступала на самом деле. Ясно одно: и администрация, и ЦРУ работали в одном ключе, дополняли друг друга, во всяком случае, американская разведка выступала в роли исполнительницы воли и политического курса

вашингтонской олигархии. Вся их практическая деятельность была тесно переплетена.

В 1988 году специальный помощник президента США и директор разведывательной программы Совета национальной безопасности Кеннет де Граффенрейд заметил, что «конец 80-х — 90-е годы, вероятно, будут характеризоваться беспрецедентной вовлеченностью президента в решение проблем разведывательно-политического характера во всех аспектах».

Так оно и происходило.

Выявление и пресечение деятельности иностранной агентуры всегда требовало исключительно сложной, кропотливой и, как правило, весьма длительной работы. Отправной точкой подчас служил какой-то отдельный признак утечки информации или же просто предчувствие, возникающее при скрупулезном анализе огромного потока информации. Для того чтобы добраться до истины, нужно было осторожно, чтобы не порвать тонкую нить, размотать весь клубок до конца. Почувствуй противная сторона, что мы напали на след, и дело можно считать проигранным — агент ляжет на дно, и добраться до него будет уже гораздо труднее.

Как-то мне было поручено посетить одну страну специально для проведения встречи с человеком, являющимся весьма ценным источником информации. Оперативно та встреча была обеспечена на должном профессиональном уровне, с соблюдением всех мер предосторожности, чтобы ни в коем случае не поставить под удар агента. Встреча длилась целых 26 часов! Когда усталость совсем валила нас с ног, тут же и дремали, отводя на это не более двух часов. Не хотели тратить время на сон ни наш зарубежный друг, ни я, ни два наших товарища, которые обеспечивали встречу.

Источник информации сотрудничал с нами на идейной основе, искренне уважал наше государство, был благодарен советским людям за победу в Великой Отечественной войне, которая спасла его и его близких от верной смерти. Он сам никогда не бывал в Советском Союзе и о жизни у нас знал лишь понаслышке. В последние годы агент далеко не по всем вопросам обладал конкретной информацией, но его связи, знания, опыт, характеристики отдельных лиц, глубокие оценки политической и экономической ситуации в стране представляли для нас поистине уникальный интерес.

По ходу разговора им была обронена одна случайная фраза, которая в сочетании с другой информацией, полученной нами ранее совсем из другого источника, явилась ключом к важной разгадке. Последовал целенаправленный поиск, всесторонний

анализ, проверка возникших версий, оперативные игры, в результате чего был разоблачен опасный агент, длительное время работавший на зарубежную разведку. Но, прежде чем это случилось, прошло более десяти лет…

О значении агентуры говорит и тот факт, что сведения об агентах — святая святых — самая оберегаемая тайна любой разведслужбы. Ничто, ни методы и приемы разведдеятельности, ни даже конкретные задачи и цели, не охраняется так тщательно, как сами источники получения информации. Зачастую приходится отказываться от реализации полученных важнейших данных, если это может засветить агента или просто дать противнику ниточку для его локализации.

Агенты оберегаются столь тщательно, за их деятельностью так пристально следят из центра, что факты их случайной расшифровки чрезвычайно редки. А уж когда речь идет о раскрытии источника информации, скажем разведслужбой противника, то можно почти однозначно сказать, что причина кроется в предательстве и искать ее нужно у себя дома. В последнее время появились и такие провалы, которые можно объяснить лишь одним — нашу агентуру выдают, других причин быть просто не может!

Советская разведка всегда работала бок о бок со службами наших ближайших союзников, многие задачи решались нами сообща, в тесном взаимодействии. Но никогда мы не обменивались данными о своих агентурных сетях — таков непреложный закон конспирации.

Как-то раз руководитель разведывательного ведомства одной из социалистических стран предложил передать мне перечень своей агентуры и даже протянул подготовленный документ. Я решительно отказался от этого «подарка», объяснив удивленному коллеге, почему не следует этого делать. С получением такой информации мы не просто взвалили бы на себя огромную ответственность, но и в случае любого провала значительно затруднили бы выявление его причин, ведь для того, чтобы докопаться до истины, потребовалось бы расширить круг поиска до неопределенных пределов.

Сейчас, наблюдая за происходящим, я мысленно крещусь, вспоминая об этом решении. Даже трудно представить, какими последствиями для наших друзей могла обернуться ситуация, если бы в Москве имелись подобные списки!

В самом конце 1974 года решился вопрос о моем назначении на должность начальника Первого главного управления КГБ СССР, то есть начальника разведки. По традиции со мной должен был побеседовать генеральный секретарь ЦК КПСС.

Брежнев принял меня 30 декабря в своем кабинете в Кремле. Там же был и Андропов. Перед беседой Юрий Владимирович предупредил меня, чтобы я не очень удивлялся, если генсек покажется мне не в форме, главное, мол, говорить погромче и не переспрашивать, если что трудно будет разобрать в его словах. Так что в Кремль я прибыл уже подготовленным, но то, что я увидел, превзошло все мои ожидания.

За столом сидел совершенно больной человек, который с большим трудом поднялся, чтобы поздороваться со мной, и долго не мог отдышаться, когда после этого буквально рухнул опять в кресло. Андропов громким голосом представил меня. Брежнев в ответ только и сказал: «Что ж, будем решать».

Я произнес несколько слов в порядке заверений, и на этом официальная часть процедуры была закончена. Прощаясь, Леонид Ильич снова кое-как встал, обнял меня, пожелал всего доброго и даже почему-то прослезился.

В комитет мы возвращались с Андроповым вместе. В машине, против обыкновения, всю дорогу ехали молча — все еще находились под впечатлением встречи. Уже в кабинете Юрий Владимирович рассказал мне, что со здоровьем у Брежнева в последнее время стало совсем худо, именно по этой причине и была отменена его поездка по ряду стран Ближнего Востока, хотя официально это объяснялось соображениями политического характера.

Тут раздался звонок по спецсвязи — это был Устинов. Я поднялся, чтобы уйти, но Андропов жестом остановил меня, предложив присутствовать при разговоре. Устинов поинтересовался, как выглядит Брежнев, — видно, хотел проверить собственные впечатления.

— Совсем плохо, вот и на Крючкова его вид произвел удручающее впечатление. Пора, наверное, найти какой-то мягкий и безболезненный вариант постепенного отхода Брежнева от дел. Продолжать и дальше управлять страной в таком состоянии он уже не может физически.

Устинов ответил, что придерживается такого же мнения. Я часто потом вспоминал этот разговор, думая о том, что «постепенный отход» затянулся на целых восемь лет!

Да, это был трудный период в истории нашего государства. Здоровье Брежнева, несмотря на кратковременные просветы, продолжало неуклонно ухудшаться. Он уже ничем и никем не управлял, управляли им. Тягостное это было зрелище, в конечном счете это безвременье и повлекло за собой многие наши последующие беды, создало ту самую затхлую атмосферу застойного периода, в которую свежим ветерком перемен так

легко впорхнула потом перестройка.

По мере ухудшения состояния здоровья Брежнева к концу 1974 года пришли в движение, активизировались те члены высшего советского руководства, которые до тех пор ничем особенным себя не проявляли. Это можно было почувствовать по официальным речам, высказываниям во время встреч с сотрудниками различных советских организаций и ведомств. Каждый старался «набирать очки», всячески пропагандируя прогрессивность своих взглядов. В результате к концу 70-х — началу 80-х годов расстановка сил в высшем эшелоне власти более или менее определилась.

А.А. Громыко, Д.Ф. Устинов и Ю.В. Андропов работали в тесном сотрудничестве и всегда находили между собой общий язык. Их объединяла исключительная лояльность к Брежневу.

А.П. Кириленко пытался играть свою собственную роль, опираясь при этом на часть партийного аппарата.

М.А. Суслов активности не проявлял, стоял особняком и ни с кем не был тесно связан ни личными, ни деловыми отношениями.

А. Н. Косыгин олицетворял собой довольно влиятельное совминовское лобби.

В. В. Щербицкий старался быть ровным со всеми, тянулся к Андропову, хотя близко они так и не сошлись.

Н.А. Тихонов, К.У. Черненко, А.П. Кириленко и В.В. Гришин однозначно стояли на позициях личной преданности Брежневу, однако сколько-нибудь заметной роли в государственных делах они не играли.

Страна хотя и медленно, но верно катилась под гору. Не все, надо сказать, делалось так уж плохо, но тем не менее самая верхняя часть государственной пирамиды была парализована, и это не могло не сказываться на ситуации в стране.

В обществе возник и все больше распространялся опасный вирус апатии и пассивного ожидания перемен в высшем руководстве. Если у кого-то возникали смелые идеи, радикальные предложения, то никто не хотел брать на себя смелость добиваться их реализации. Так все и топтались на месте, пребывая в молчаливом ожидании.

А тем временем в стране созревали потенциальные условия для роста социальной напряженности, усиливались кризисные явления в политике и экономике, свидетельствовавшие о том, что общество поражено серьезным недугом. И этот недуг олицетворял собой прежде всего сам Брежнев.

Умер Л.И. Брежнев в ноябре 1982 года, то есть спустя восемь лет с той памятной для меня беседы в Кремле. И все это время состояние его здоровья оставалось крайне неровным и тяжелым.

И все-таки, подводя итоги правления Брежнева, нельзя говорить лишь о серьезных ошибках и недостатках. Объективный анализ свидетельствует о том, что на многих направлениях удалось достичь и позитивных результатов.

Тогдашнее руководство на протяжении всего периода пребывания у власти твердо стояло на позициях защиты внешнеполитических интересов Советского Союза и в целом не допускало ухудшения положения и ослабления влияния нашей страны в мире. У Л.И. Брежнева, в отличие от Хрущева, не было чрезмерных иллюзий насчет возможности решительного улучшения отношений с западными странами, США и Японией, хотя попытки активизировать связи с упомянутыми государствами, прежде всего в торгово-экономической области, настойчиво предпринимались.

Немало было сделано для укрепления обороноспособности родины. Тому, кто пытается сейчас возложить на СССР ответственность за гонку вооружений и холодную войну, нелишне напомнить о том, что именно в брежневский период был достигнут военностратегический паритет с США.

Период Брежнева ознаменовался заключением важнейших советско-американских договоров в области ограничения стратегических наступательных и оборонительных вооружений, что привело к некоторой разрядке напряженности.

С другой стороны, политическое, экономическое и военное противостояние с Западом рассматривалось нами как нечто неизбежное и оставалось незыблемым краеугольным камнем нашей внешней политики. Ни одна из сторон не предпринимала сколько-нибудь серьезных попыток радикального смягчения противостояния, хотя столицы ведущих государств отдельными своими внешнеполитическими шагами демонстрировали стремление к сотрудничеству и миру. Пример тому — Хельсинкские соглашения по вопросам безопасности и сотрудничества в Европе, которые, в отличие от более поздней пустой трескотни по поводу «построения общеевропейского дома», явились в свое время пусть скромным, но все же реальным шагом на пути длительного процесса оздоровления обстановки не только на Европейском континенте, но и в мире в целом.

США и Советский Союз внимательно следили за тем, чтобы установившийся баланс сил в мире не был опасно нарушен в пользу той или иной стороны. Поэтому реакция на любые посягательства изменить статус-кво не заставляла себя ждать и была довольно решительной.

Советский Союз сохранял свои позиции в Восточной Европе, Азии, на Ближнем Востоке, в ряде стран Африки и Латинской

Америки. Это стоило нам определенных расходов в виде прямой, преимущественно военной помощи.

Однако со многими странами шел активный и значительный торгово-экономический обмен, который приносил нам существенные выгоды, во всяком случае, для экономики нашей страны польза была вполне ощутимой. Мы получали валюту, сельскохозяйственные и промышленные товары, крупные заказы на строительство объектов. Наше прочное положение позволяло легко получать кредиты на выгодных условиях, мы не ходили в должниках. Но, разумеется, все это далеко не покрывало реальных потребностей, было несоизмеримо с масштабами нашего государства. По-прежнему слишком много в нашем экспорте было сырьевых товаров и очень мало готовой продукции — на торговле с нами наживались больше, чем мы получали от нее. В приобретении позиций в третьем мире Советский Союз, да и другие социалистические страны скорее видели лишь возможность укрепить свое геополитическое положение, иметь больше друзей, выстоять в глобальном противостоянии, которое в то время было очевидной реальностью. Должных экономических выгод при этом мы не получали, да и целей таких перед собой, похоже, не ставили.

Политика, целиком и полностью основанная на идеологии и лишенная здравого прагматизма, разумеется, не являлась оптимальной и рано или поздно должна была претерпеть изменения. Но это означало бы коррекцию политического курса, отказ от устоявшихся стереотипов мышления. Беда социалистических стран, включая и Советский Союз, состояла в том, что они так и не решились на этот шаг, не смогли заглянуть вперед, спрогнозировать развитие событий даже на ближайшую перспективу. Этому мешало наше закоснелое мировоззрение, которое с ходу отвергало любые идеи, не укладывавшиеся в строгие рамки чрезмерно идеологизированной официальной доктрины.

Китайская проблема неизменно занимала важнейшее место в сфере внешнеполитической деятельности Советского Союза. Андропов никогда не выпускал ее из поля зрения, много занимался ею. Причины очевидны: Китай — не просто соседнее государство, но и держава, великая по любому параметру.

Неосторожное обращение Хрущева с китайским соседом в конце 50-х — начале 60-х годов дорого обошлось СССР. Конечно, нельзя сводить все только к личности самого Хрущева, к его взглядам и заблуждениям. Были обстоятельства и объективного свойства — потенциально сохранявшийся территориальный вопрос, наличие различных подходов по ряду международных

проблем, к примеру по Монголии, Вьетнаму, Лаосу, Камбодже (так, по крайней мере, тогда представлялось), существенные различия во взглядах на строительство социалистического общества.

Но все же доминирующими были именно субъективные факторы, которые мы, к сожалению, привыкли почему-то недооценивать. А ведь несовершенство общественно-государственных систем во всем мире волей-неволей обуславливает первостепенную роль и значение личности, особенно оказавшейся во главе государства.

Если в период правления Хрущева наши отношения с Китаем достигли высшей точки накала и стороны, казалось, неудержимо и бесповоротно шли по пути обострения ситуации, то приход к руководству Брежнева положил конец этой тенденции, привнес новые элементы в политику Советского Союза по китайскому вопросу. С нашей стороны начали предприниматься искренние и целеустремленные попытки нормализовать советско-китайские отношения. Проявлялись выдержка, терпение, но вовремя остановить начатое еще при Хрущеве сползание к опасной конфронтации было уже трудно.

Отсюда и трагический конфликт в районе острова Даманский в марте 1969 года. Начался он 2 марта расстрелом китайцами девяти советских пограничников и захватом острова, а закончился 15 марта освобождением Даманского, хотя, разумеется, последствия этого военного столкновения имели свое продолжение еще в течение длительного времени.

Военный инцидент на Даманском разразился на небольшом клочке земли и уже по одному этому признаку мог показаться сугубо локальным. Но его значение определялось не географией, а теми принципами, подходами к решению территориальной проблемы, которые продемонстрировало китайское руководство, стремлением китайской стороны во что бы то ни стало показать, что Китай является независимой державой со своим собственным лицом и намерен решать вопросы исключительно по собственному разумению.

Китайские руководители хотели любой ценой заставить считаться с ними. Правда, способ проявить себя в этом качестве выбрали жестокий — ведь конфликт, несмотря на всю его ограниченность, с самого начала принял кровавый характер.

Для советской стороны инцидент в общем-то был неожиданным. После гибели группы пограничников советское руководство оказалось если не в шоке, то в состоянии близком к этому. Начался мучительный поиск выхода из создавшегося положения. Даже локальный конфликт представлял огромную

опасность, поскольку в любой момент мог перерасти в полномасштабное военное столкновение.

На узком совещании у Андропова было выработано следующее предложение: во-первых, локализировать конфликт, ограничив его рамками чисто пограничной проблемы, а во-вторых, попытаться урегулировать возникший инцидент только силами пограничников, ни в коем случае не допуская участия в боевых действиях регулярных воинских подразделений. Помню, Юрий Владимирович все время убеждал, что с Китаем надо договариваться, призывал проявлять максимальную выдержку. Он настоятельно рекомендовал также избегать спешки, просил отвести для решения проблемы побольше времени.

Несмотря на то что существовала и другая точка зрения, сторонники которой предлагали воспользоваться предоставленным китайской стороной поводом для того, чтобы развернуть широкомасштабное наступление и задействовать для этого крупные воинские соединения, Брежнев поддержал мнение именно Андропова. Оба они — и Брежнев, и Андропов — хорошо понимали, что тот успех, который сулила нам крупная военная операция, все равно носил бы временный характер, раны же потом пришлось бы залечивать значительно дольше.

Дальнейшее развитие событий полностью подтвердило правильность именно такого подхода. Спустя некоторое время после событий на Даманском советско-китайские отношения стали постепенно нормализоваться. Правда, для этого нужно было отойти в лучший мир Мао Цзэдуну.

Те позитивные перемены в международных отношениях, которых удалось добиться в последний период правления Брежнева, реальные ростки разрядки и снижения напряженности мало отразились на положении нашей разведки. В лице Москвы, несмотря на свои миролюбивые заверения, Запад по-прежнему усматривал источник зла и корень всех бед. Ну а под рукой Москвы всегда подразумевали Комитет государственной безопасности, а вернее, его передовой отряд, действующий в непосредственной близости, — советскую внешнюю разведку. Поэтому острие подрывной деятельности против Советского Союза было направлено на его органы госбезопасности.

До сих пор продолжают муссироваться слухи о мнимой причастности спецслужб Болгарии, а заодно и Советского Союза к покушению в 1981 году на главу Римско-католической церкви папу Иоанна Павла II. По сути дела, речь идет о крупнейшей за последние десятилетия политической провокации, развернутой против нас и наших союзников.

В высших эшелонах государственной власти США, Италии, да

и многих других стран никто всерьез в так называемый болгарский след, по-моему, не верил. Американские и западноевропейские спецслужбы прекрасно знали, что болгары никогда не пошли бы на подобную акцию, тем более что она была лишена всякого смысла, но антисоветскую и антисоциалистическую шумиху тем не менее усиленно подогревали.

Воспользовались целым рядом совпадений, на полную катушку эксплуатировали предубеждения западного обывателя, всюду видевшего руку Москвы, умело обыгрывали и то обстоятельство, что папа (бывший кардинал Войтыла) был известен своим антисоветизмом, твердо стоял на позициях неприятия социализма.

Должен признаться, что на определенном этапе целенаправленные действия в первую очередь американских спецслужб заставили кое-кого даже в Москве засомневаться, а до конца ли искренни наши болгарские друзья, нет ли хоть малейшей, пусть даже опосредованной связи между Софией и тем инцидентом, который произошел в Ватикане. Вопросы эти поднимались в контактах с болгарами на высшем уровне. Мне тоже поручили провести откровенный разговор с министром внутренних дел Болгарии Стояновым, что я и сделал, хотя сам, разумеется, полностью исключал причастность болгарских коллег к покушению.

Дополнительную проверку с использованием наших оперативных возможностей мы все же провели. Вывод был однозначным — болгары здесь ни при чем. Хотя должен признаться, что масштабы умело раздуваемой истерии достигли таких размеров, что однажды я поймал себя на мысли, что и меня настораживает чрезмерное волнение болгарских коллег после ареста Антонова.

Последовала команда еще об одной проверке, результаты которой уже не оставляли никакого места для сомнений. Со временем доказательств того, что дело Антонова от начала до конца сфабриковано, становилось все больше и больше. Американцы засветились, когда пытались склонить некоторых своих агентов из числа советских граждан дать ложные показания о том, что к покушению на папу причастен КГБ, — именно в таком духе обрабатывали в США Виталия Юрченко.

То, что Агджа — фигура подставная, сейчас уже очевидно, хотя, несмотря на все старания, нам в свое время так и не удалось докопаться до всех деталей, получить доказательства, которые однозначно указывали бы на главного организатора этой акции. Но правда об этом происшествии, истинная подоплека всего дела

наверняка известна в Ватикане. Не случайно после встречи один на один с осужденным Агджой Иоанн Павел II обронил фразу о том, что теперь он знает правду, но почему-то предпочел не предавать ее огласке.

Грязной выглядит вся эта история, она не делает чести ее организаторам. Мало того что «болгарское дело» в течение длительного периода отравляло международный климат, у него есть и другие последствия. Я имею в виду искалеченную судьбу болгарского гражданина Антонова, его начисто подорванное за годы пребывания в тюрьме и мучительного судебного процесса здоровье, страдания его семьи.

Политика часто перемалывает судьбы людей, но подобная расчетливая жестокость лично у меня всегда вызывала искреннее возмущение и осуждение.

Советский Союз часто обвиняли в связях с международным терроризмом. Комитету госбезопасности, естественно, отводилась роль безжалостного исполнителя этой политики. Приемы использовали чисто шулерские — раз Москва поддерживает национально-освободительные движения, в том числе и те, которые вынуждены прибегать к вооруженной борьбе, значит, она является пособником любого экстремизма, несет ответственность за деятельность ультралевых организаций террористического толка.

При этом тщательно замалчивалось то обстоятельство, что именно последовательное осуждение нами террора в любых его проявлениях являлось не только главным сдерживающим фактором в распространении международного терроризма, но и приводило к тому, что мы сами часто становились мишенью для террористов в качестве «предателей» дела мировой революции и «пособников» мирового империализма.

Кстати, если в наши руки когда-то и попадала информация о готовящемся теракте, мы использовали все возможности для того, чтобы предотвратить его — независимо от того, против кого была направлена акция. Это хорошо знали и сами террористы, поэтому они тщательно охраняли свои секреты, в том числе и от нас.

Помнится, мы оказывали посильную помощь американцам при освобождении заложников в Бейруте, предоставляли им сведения об угрозе совершения покушений на Буша и Рейгана в третьих странах. Американская сторона благодарила за эту информацию, но сама, насколько я помню, с нами подобными данными никогда не делилась. Может быть, потому, что не располагала такими сведениями.

Для подтверждения мифа о «жестокости» и «коварстве» советской разведки часто ссылаются на историю исчезновения в

конце 1975 года бывшего советского военно-морского офицера Артамонова, известного также под фамилией Шадрин, который еще в 1959 году, будучи командиром эсминца, входившего в состав нашей эскадры в Гданьске, бежал на военном катере в Швецию, а затем, перебравшись за океан, стал работать на Разведывательное управление министерства обороны США (РУМО).

Утверждается, что КГБ похитил и намеренно ликвидировал этого перебежчика с тем, чтобы наказать его за измену Родине, а заодно и преподать урок другим предателям. Во всех красках история с похищением Ларка (псевдоним Артамонова) была расписана Калугиным, который в свое время как раз и был непосредственным руководителем нашей опергруппы, получившей приказ принять захваченного в Вене Артамонова на австрийско-чехословацкой границе и доставить его (живым и невредимым, замечу!) в Прагу. При этом используется избитый прием — вроде бы в целом правдиво рассказывается о «деле Артамонова-Шадрина» (привирается разве что по мелочам), приводится масса животрепещущих подробностей, но преднамеренно опускается несколько «мелких» деталей, которые проливают на это происшествие совсем иной свет.

Итак, Артамонов действительно нарушил присягу, бежал на Запад и стал работать на американские спецслужбы против СССР. За это преступление он в соответствии с действующим законодательством был заочно осужден и приговорен к высшей мере наказания — расстрелу.

В начале 70-х годов нашей разведке удалось выйти на Артамонова, установить с ним в Вашингтоне контакт, на который он поначалу пошел неохотно. Перед ним открылась возможность искупить свою вину перед Родиной, и Артамонов согласился работать на советскую разведку. Однако мы никогда не расценивали это как «крупное достижение вашингтонской резидентуры», прекрасно понимая, что имеем дело с предателем, который в любой момент может изменить еще раз.

Не буду отрицать, что в течение определенного периода мы склонялись к тому, что Ларк искренне раскаялся и сможет оказаться нам полезным, хотя подозрения все же оставались. Затем эти подозрения не только переросли в уверенность, но и были подтверждены оперативным путем. Вскоре в его настроении произошла заметная перемена, он вдруг активно потянулся к нам, стал форсировать отношения с советским разведчиком, что несколько настораживало, но не более того. А вскоре были получены достоверные данные о том, что американцы затеяли с его помощью игру с нами с далеко идущими провокационными

целями.

Тогда-то и встал вопрос о том, чтобы выманить предателя и доставить его в Центр, разумеется, отнюдь не для того, чтобы просто привести в исполнение смертный приговор, вынесенный ему еще в 1960 году. Во-первых, мы давно отказались от подобных методов, а во-вторых, слишком уж сложный это вариант для такого случая, как говорится, овчинка выделки не стоит. Просто были обстоятельства, требовавшие беседы с Артамоновым в Москве, о некоторых из них Калугину, кстати, знать не полагалось… Ради этого и планировалась вся операция.

При разработке ее рассматривалось несколько вариантов того, как избежать сопротивления Артамонова и безопасно переправить его в Чехословакию, причем именно этой стороне дела придавалось ключевое значение. Предлагалось вообще не прибегать к медицинским препаратам либо, в крайнем случае, ограничиться безобидным хлороформом. На этом настаивали все разработчики операции, включая медперсонал. Были веские основания полагать, что для успеха операции этого будет вполне достаточно.

За применение «более эффективных» медицинских средств решительно выступал один Калугин. Несмотря на прямое поручение, чисто технические детали в должной мере им проработаны не были, что и привело к провалу операции в задуманном варианте. Не были приняты во внимание и настоятельные предупреждения медиков, в том числе и врача, сопровождавшего «пациента», о создании во время транспортировки необходимых условий «комфорта» (тепло, отсутствие физических нагрузок, введение препаратов, снимающих воздействие хлороформа и т. и.). Более того, вопреки обстоятельствам Калугин ввел Артамонову еще одну дозу снотворного. Тогда это было расценено как стремление перестраховаться.

Принимающая группа на границе оказалась слишком далеко от места передачи, и подопечного пришлось метров двести — триста волоком тащить по снегу (кстати, никаких носилок, вопреки утверждениям Калугина, под рукой не оказалось). Долго, минут десять-пятнадцать, ждали подхода застрявшей машины, оставив человека лежать на снегу. В единственную легковую машину набилось шесть человек, «пациенту» досталось место на холодном металлическом полу, где он и пролежал еще более часа. Все это и привело к неожиданному для нас летальному исходу.

По заключению медицинской экспертизы, даже с больным сердцем (о чем мы, естественно, не знали) Артамонов при

выполнении всех требований врачей пережил бы транспортировку нормально.

Обо всем этом мне сразу же подробно доложил мой заместитель Усатов, который, вылетев в Прагу, руководил оттуда проведением операции. Усатов обратил особое внимание на то обстоятельство, что все участники принимавшей группы тяжело переживали случившееся, за исключением одного Калугина, который — и это заметили даже его товарищи — как будто был даже удовлетворен таким исходом.

Задуманная операция окончилась неудачей. Мы не только не получили Артамонова для работы с ним в Центре, но и вызвали неприятный для нас международный резонанс — ведь советские спецслужбы обвинялись в похищении человека на территории суверенного государства и совершении преднамеренного убийства. Разумеется, доводы о том, что речь идет о предателе, приговоренном к смертной казни советским судом в строгом соответствии с действующим законодательством, в расчет никем не принимались. Да, впрочем, этот аспект мог явиться разве что смягчающим обстоятельством и никак не снимал с нашей службы ответственности за допущенную ошибку. Но и наказывать участников операции оснований тоже не было.

В конце концов, главной причиной смерти явилось непредвиденное обстоятельство — больное сердце Артамонова, о чем мы не знали, упомянутые же выше технические просчеты при проведении операции не оказались бы фатальными для здорового человека. Кстати, при вскрытии обнаружилось, что у Артамонова был еще и рак печени в довольно запущенной стадии, так что жить ему оставалось, по оценкам врачей, максимум полгода…

Нельзя было сбрасывать со счетов и то, что погиб преступник, фактически дважды предавший Родину. Этот момент тоже играл не последнюю роль. Непосредственных участников операции было решено все же наградить, включая и Калугина, в отношении которого было признано нецелесообразным делать какое-то исключение, хотя именно на нем лежала главная ответственность за допущенный сбой. Ну а рассказанную им «трогательную» историю о том, что ему якобы самому было предложено выбрать себе орден, иначе чем бреднями не назовешь.

Мы ни разу не использовали недозволенных методов в работе против наших противников, решительно порвав с практикой прежних лет, когда принцип «око за око» служил оправданием нарушения норм международного права и законности. К сожалению, взаимностью нам не отвечали — с нашими людьми не церемонились, позволяя себе грубые провокации, сопровождавшиеся жесткими мерами не только

психологического, но подчас и физического воздействия.

В арсенале средств, используемых западными спецслужбами против Советского Союза, было и такое, как массовые выдворения советских работников из ряда стран. Эти акции всегда сопровождались усиленно раздуваемой антисоветской истерией и приводили не только к резкому ухудшению двусторонних отношений, но и похолоданию международного климата в целом.

Поводом — не причиной, подчеркиваю, а именно поводом — для таких эксцессов мог послужить любой инцидент — будь то провал агента, предательство или что-нибудь еще в этом же роде. Цель ослабления нашей резидентуры в данной стране носила при этом скорее побочный характер — в конечном счете уехавшие из страны работники заменялись на новых, хотя, конечно, это был непростой процесс и мы несли большие потери в оперативном плане — обрывались многие связи, отменялись намеченные операции и так далее. Все это сопровождалось временным снижением нашей активности на каком-то направлении.

Местные спецслужбы использовали массовые выдворения для того, чтобы избавиться от наиболее активных и потому представлявшихся им опасными работников в наших представительствах за рубежом, независимо от того, являются ли они разведчиками или, скажем, «чистыми» дипломатами, журналистами и торговыми представителями. Хотя, конечно, в первую очередь под прицелом были наши работники и сотрудники Главного разведывательного управления Советской армии (ГРУ).

Часто при принятии решения о высылке руководствовались и просто низменным чувством мести, ведь реальная отдача от этой акции чаще всего была невелика, к тому же можно было нарваться и на ответные меры. Так что главной целью при проведении подобных акций надо однозначно назвать политику — стремление во что бы то ни стало подорвать позиции Советского Союза в мире, отравить международный климат.

Подобные приемы имели место на протяжении всего периода существования Советской державы, но то, что происходило в 70—80-х годах, превзошло все, что было ранее. В 1971 году изменил Родине сотрудник разведки Лялин, работавший в Англии под прикрытием торгового представительства. Особо важных секретов он не знал, поскольку был на рядовой работе, но тем не менее даже косвенные сведения, переданные им противнику, наносили нам существенный оперативный и политический ущерб.

Воспользовавшись этим предательством, правительство Великобритании объявило персоной нон грата 105 сотрудников совза-гранучреждений в этой стране, включая и тех, кто работал

там в прошлом. По своей масштабности предпринятая Лондоном акция не знала аналогов. Дело происходило в августе 1971 года, спустя всего две недели после того, как я начал работать в разведке в качестве заместителя начальника службы, курирующего, в частности, английское направление. Так что боевое крещение получилось непростым. Опыт, который я тогда приобрел, к сожалению, потребовался мне еще не раз.

Наша ответная реакция была откровенно слабой и неадекватной — советская сторона, по существу, пропустила удар. Выдворенные сотрудники вместе с членами семей эвакуировались на специально присланном для этого корабле под щелканье фото- и телекамер и улюлюканье возбужденной пропагандой и непривычным зрелищем толпы.

Все зарубежные средства массовой информации долго еще в оскорбительном для нас тоне смаковали эту историю… Предатель, надо сказать, поработал старательно: английская сторона решила пойти на крайне жесткие меры, сверх всякого мыслимого уровня. Следует заметить, что в числе выдворяемых сотрудники КГБ и ГРУ составляли меньшую, даже незначительную часть.

Вслед за Англией серию антисоветских акций провели и другие страны Европы, Латинской Америки и Африки: по всему миру прокатилась волна выдворений.

Тогда мы не знали, что в разведке действовала внедренная ранее агентура противника, которая снабжала иностранные спецслужбы необходимой информацией для организации подобного рода провокаций.

Размах шпиономании достиг такого уровня, что дело доходило до курьезов — в Боливии одним махом объявили персонами нон грата 116 человек. Поскольку такого числа сотрудников, да и вообще советских граждан в этой стране у нас вообще никогда не было, в список включили даже туристов, сугубо частных лиц, в разное время посетивших ее. Так, в числе советских «шпионов» оказался, например, поэт Евгений Евтушенко, который когда-то, да и то проездом, имел неосторожность несколько часов провести в этой стране.

В последующие годы акции по выдворению, хотя и не такие значительные, с завидной регулярностью проводились то в одной, то в другой стране. Советская сторона отвечала тем же, но в полную меру сделать это было невозможно из-за малой численности сотрудников в посольствах этих стран в Москве. А сколько-нибудь действенных мер политического характера руководство страны предпринимать почему-то по-прежнему не решалось — вместо того чтобы хоть раз проявить решительность

и тем самым положить конец этой порочной практике, к чему мы, кстати, хоть и с большим опозданием, но все же пришли. Тогда предпочитали сдержанную реакцию, мотивируя это иллюзорными интересами сохранения разрядки.

В марте 1983 года разразился очередной крупный скандал. Франция, воспользовавшись очередным предательством, объявила о выдворении из страны и лишении права на въезд в нее в будущем 47 советских сотрудников, большая часть которых никакого отношения к разведке никогда не имела. Французы проявили здесь элементарную мстительность.

Так что же вызвало у французов такое раздражение? А поводом послужило разоблачение нами завербованного французскими спецслужбами сотрудника Первого главного управления Ветрова.

Грязная это история. К тому же от нее за версту попахивает вульгарной уголовщиной — на чем, кстати, и попался ее «герой».

Вот краткая суть этого дела. В 1982 году Ветров предложил своей подруге (тоже, кстати, работавшей в этом же управлении) совершить небольшую прогулку в окрестностях Москвы. Между ними произошло бурное объяснение, вызванное тем, что Ветров отказался от ранее данного обещания развестись с женой и узаконить отношения со своей новой пассией. Помимо неприятностей чисто бытового характера расставание с любовницей представляло для Ветрова и другую, куда более грозную опасность, потому что она, как он полагал, догадывалась о его второй жизни. Поэтому, когда они оказались в достаточно уединенном месте, Ветров попытался убить свою спутницу, нанеся ей удар бутылкой по голове.

На свое несчастье, рядом оказался случайный прохожий, который попытался вмешаться в конфликт. Заметая следы, Ветров нанес ему удар ножом. В результате женщина получила тяжелое ранение, а невольный свидетель был убит.

Спустя какое-то время убийца решил проверить, не осталась ли в живых его недавняя любовница, и вернулся на место преступления. Его тут же опознали и арестовали.

Вина Ветрова была полностью доказана, и суд приговорил его к десяти годам лишения свободы. Никаких других обстоятельств, кроме попытки покушения на жизнь любовницы и убийства, на суде не фигурировало, хотя у нас имелись основания полагать, что степень морального падения осужденного зашла дальше того, за что он был наказан.

Насторожил и тот факт, что в ходе следствия Ветров слишком уж охотно признавал свою вину и подробно описывал все подробности содеянного. Росло подозрение, не является ли это

попыткой скрыть другое, возможно, еще более тяжкое преступление. Но тогда это так и осталось лишь версией, не нашедшей своего подтверждения. Прямых доказательств шпионской деятельности Ветрова получить тогда так и не удалось, хотя именно эта версия по целому ряду причин активно нами разрабатывалась. Поэтому Ветров и в камере продолжал оставаться под пристальным наблюдением.

Улик накапливалось все больше, а вскоре Ветров совершил роковую для себя ошибку: дал следствию необходимое доказательство, собственноручно написав письмо жене с просьбой проинформировать своих французских друзей обо всем случившемся с ним. Он опасался, как бы французы не начали разыскивать своего неожиданно пропавшего агента и тем самым не засветили его.

Письмо было нами перехвачено. Все стало на свои места. Остальное, как говорится, было уже делом техники. Ветрова срочно этапировали в Москву, где он под тяжестью неопровержимых улик дал подробные показания по поводу своей шпионской деятельности.

Выражаясь профессиональным языком, он был инициативником, то есть в свое время сам предложил услуги французским спецслужбам. В конце 1984 года Ветров был приговорен за измену Родине к высшей мере наказания.

В ходе расследования выяснилось, насколько топорно работали французы с Ветровым в Москве!

Остается только диву даваться, как все это просмотрела наша контрразведка! Кстати, полученный урок был в полной мере использован для того, чтобы сделать соответствующие выводы насчет эффективности системы наружного наблюдения в Москве, и французы (и не только они) сразу же почувствовали это на себе.

Ветров справедливо опасался, что, потеряв связь с ним, французы могут предпринять расшифровывающие его шаги. Его недавние покровители, нимало не заботясь о его судьбе, поспешили реализовать полученную от него информацию, чтобы нанести удар по нашим позициям в Париже, и пошли на массовое выдворение из Франции сотрудников советских учреждений. Типичная история предательства, которая, мягко говоря, не украшает ни одно из действующих в ней лиц!

Высшее политическое руководство СССР после долгих колебаний решило в конечном счете — к великому удивлению даже французской стороны — на ответные меры вообще не идти, ограничившись лишь заявлением резкого протеста.

До сих пор не могу понять мотивов подобного решения, принятого, кстати, Андроповым, ставшим к тому времени

генеральным секретарем ЦК КПСС. Возможно, он полагал, что в случае ответных мер его, как бывшего председателя КГБ, могли заподозрить в небеспристрастном подходе, другого объяснения дать просто не могу. Тем более что МИД СССР и сам Громыко заняли правильную позицию и выступали за ответные меры, хотя и носящие ограниченный характер.

Когда в Париже наконец поверили, что советская сторона отказалась от ответных мер, то причины такого решения поставили всех в тупик. От нас, видимо, ожидали какого-то подвоха и даже пытались в неофициальном плане получить разъяснения по поводу столь странного поведения советской стороны. А когда все немного успокоились, то по всему миру прокатилась очередная волна выдворений, сопровождавшихся к тому же ограничением численности и прав сотрудников советских учреждений за рубежом.

Вот и все «дивиденды», которые принесло наше благородство и сдержанность!

В сентябре 1985 года на очередную крупную провокацию вновь пошли англичане, теперь уже в лице правительства Тэтчер, предложив 31 советскому сотруднику, якобы уличенным в недозволенной деятельности, срочно покинуть страну. Поводом послужило предательство изобличенного нами сотрудника ПГУ Гордиевского, которого английской резидентуре в Москве к тому времени удалось нелегально вывезти из Советского Союза.

Надо отдать должное Горбачеву — он ответил, как говорится, по полной: на следующий день Москва объявила о выдворении из Советского Союза 31 английского сотрудника.

Тогда Лондон, решив, по всей видимости, испытать нас на прочность, назвал еще шесть советских сотрудников, которым предлагалось покинуть пределы Англии. Советская сторона ответила тем же. Причем Горбачев во время обсуждения сложившейся ситуации предложил и далее отвечать строго адекватными мерами вплоть до того, как он выразился, чтобы пойти по нулям, то есть до последнего сотрудника.

Столкнувшись с такой непреклонной позицией Москвы, Тэтчер, которая в то время находилась с визитом в Египте, сделала в Александрии официальное заявление о том, что Англия прекращает акции по выдворению советских сотрудников и считает инцидент исчерпанным.

Достойная позиция Москвы сыграла положительную роль в дальнейших переговорах с Лондоном по урегулированию возникшей проблемы. Характерно, что другие страны на этот раз не проявили солидарности с англичанами и, вопреки практике прежних лет, воздержались от проведения подобных акций в

отношении представителей Советского Союза.

Во всех наших внешнеполитических ведомствах такая решимость советского руководства была воспринята с явным одобрением. Особое удовлетворение она, естественно, вызвала в Первом главном управлении и в среде наших военных коллег. Разведка ведь не может рассчитывать на снисходительное отношение к себе, с ней будут считаться лишь в том случае, если она не только сильна сама по себе, в частности кадрами, опытом, высоким профессионализмом, но и если за ней стоит государство, на поддержку которого она всегда может рассчитывать.

После этого случая был еще один поединок, который советская сторона выиграла. На этот раз инициатором стали Соединенные Штаты Америки, которые до этого сами не прибегали к подобной практике, ограничиваясь науськиванием и подстрекательством своих союзников.

В ответ на массовое выдворение советских дипломатов нами был предпринят нетрадиционный, но крайне эффективный шаг: из посольства США в Москве был отозван весь обслуживающий персонал, состоящий из советских граждан. Буквально в считаные дни работа посольства была полностью парализована, и американская сторона начала лихорадочно искать пути к урегулированию конфликта. Мало того что наши ответные меры оказались такими действенными, администрация США стала мишенью весьма едких насмешек собственной прессы.

Пожалуй, впервые предпринятая Вашингтоном антисоветская акция привела к критике действий американской стороны с тыла, причем в самой уничижительной форме. Многие до сих пор вспоминают остроумный и едкий фельетон Арта Бухвальда, в котором высмеивается ситуация тех дней вокруг посольства США в Москве: американский резидент, несмотря на окрики из Вашингтона, отказывается предоставить политическое убежище мифическому советскому генералу ввиду того, что в здании после ухода советских специалистов отсутствуют элементарные условия для проживания.

Каждый случай выдворения, особенно массового, становился предметом специального разбирательства и тщательного анализа. Выводы могли быть самыми разными. Когда речь идет об элементарной провокации — тут все ясно, нужна ответная реакция, и чем она жестче, тем лучше.

Но ведь бывали ситуации, когда провал настолько очевиден, что оспаривать его нет никакого смысла. Становиться в позу, когда ты действительно сам во всем виноват, было даже вредно, при любых обстоятельствах нужно сохранять чувство собственного достоинства. Хотя и здесь противник не вправе

перебарщивать, допускать некорректность и пользоваться оскорбительными приемами, тем более рассчитывая при этом на безнаказанность. Разведслужба — это не подпольная организация, а вполне официальное учреждение, являющееся к тому же одним из важнейших атрибутов государства.

Говоря о подрывной деятельности иностранных держав и их спецслужб против СССР, необходимо учитывать то обстоятельство, что она не являлась каким-то абстрактным политическим процессом, — речь идет о конкретных действиях, которые были направлены против государства и острие которых проходит по живому — по судьбам людей, про которых не ради красного словца говорят, что они находятся на передовой.

Выдворение из страны, шельмование — это, пожалуй, самое легкое из того, что подстерегает разведчика в его повседневной жизни. Хотя и это является весьма ощутимым ударом — как правило, на долгие годы человеку закрывается въезд не только в эту, но и во многие другие страны, а значит, насмарку идут долгие годы подготовки, сужаются возможности применения сил на наиболее интересном участке оперативной работы.

Однако последствия бывают и куда более серьезными, особенно когда разведчик сам допускает оплошность и дает в руки противника хоть малейший повод для провокации. Тут уж пускается в ход весь незатейливый, но порой весьма эффективный арсенал спецслужб — вербовочные подходы, угрозы, запугивание, шантаж, — любые методы, лишь бы они привели к желаемому результату, помогли сломить человека.

Здесь особенно важно, чтобы разведчик до конца верил, что за его спиной стоит его собственная служба, на помощь и поддержку которой он всегда может рассчитывать. Именно поэтому человеческий фактор имеет такое огромное значение, без его учета любая, даже самая строгая дисциплина бессильна в условиях жестокой тайной войны.

Еще в самом начале моей карьеры в Первом главном управлении произошел один довольно характерный случай. В 1973 году в Тунисе была совершена провокация в отношении нашего молодого сотрудника, работавшего в этой стране под журналистским прикрытием. Его арестовали с применением грубого физического воздействия, в течение двух суток без перерыва допрашивали, бросили в общую камеру с уголовниками, в тюрьме вновь жестоко избили и даже имитировали расстрел.

Наш товарищ вел себя достойно, стойко выдержал все издевательства, не пал духом и не поддался на запугивания, хотя провокация стала возможной именно из-за нарушения им самим элементарных норм поведения и служебной дисциплины — он

пошел на встречу с малознакомым человеком без разрешения своего непосредственного руководителя. Уже после он рассказывал, что испытывал определенные сомнения, но надеялся на оперативный успех и не предвидел столь грубой провокации.

Тунисские власти внушали арестованному, что совпосольство отказалось от него и не намерено добиваться его освобождения. С большим трудом нам все же удалось сообщить попавшему в беду товарищу о предпринимаемых нами мерах.

В конце концов решительные протесты, ответные меры, в частности выдворение из Советского Союза лица, в котором была заинтересована тунисская сторона, наш демарш на высшем уровне и угроза международного скандала по поводу провокационных действий в отношении советского сотрудника дали результат — через два месяца арестованный был освобожден.

По возвращении попавшего в переделку сотрудника в Союз с ним пожелал встретиться председатель КГБ Андропов. Перед ним предстал молодой, еще не закаленный ни работой, ни жизнью разведчик, который в своей первой командировке попал в такую переделку. Он не без волнения рассказал о случившейся с ним истории, не пытаясь скрыть своих ошибок и просчетов. Он понимал, что попал в беду по собственной вине, грубо нарушив нормы оперативной работы, и этим, конечно, причинил службе и оперативный, и политический ущерб. Его оправдывали молодость, желание добиться успеха и необстрелянность во всех отношениях.

Андропов, несмотря на это, занял непреклонную позицию, в нехарактерной для него жесткой манере заявил, что сотруднику нет оправдания, что он заслуживает самого серьезного наказания, а в заключение вообще выразил сомнение в возможности его дальнейшей работы в разведке.

Парень и этот удар снес молча, хотя, видимо, не рассчитывал, что получит столь резкую оценку на таком высоком уровне. Как мне показалось, особенно больно задело его то обстоятельство, что мужественное поведение в тюрьме вообще не было принято во внимание.

Как только мы с Андроповым остались наедине, я счел необходимым высказать свое отношение как к тональности состоявшейся беседы, так и к принятым председателем решениям.

— Юрий Владимирович, а за что, собственно, вы предлагаете — уволить парня из органов? Что он такого натворил, если разобраться? Да, нарушил дисциплину, ошибся, не распознал ловушку. Но ведь от подобных ошибок не застрахован ни один разведчик, даже самый опытный! Как будто мы в первый и

последний раз горим на этом. А что касается нарушения режима, то он, во-первых, за это уже получил сполна еще в тунисской тюрьме, а во-вторых, сделал это в общем-то ради дела, в надежде получить положительный результат. Ну, допустим, доложил бы он о своих планах резиденту, и что дальше? Все равно данных о том, что намечается провокация, не было, скорее всего, встречу ему все равно бы санкционировали, и итог был бы почти таким же.

— Так что ты предлагаешь, по головке теперь его гладить? Завтра же у тебя все начнут вытворять, что им заблагорассудится, а мы только и будем делать, что вызволять их из каталажек да объясняться по этому поводу с Громыко! Так что ты этот свой либерализм оставь для более подходящих случаев!

— Если мы за каждый проступок будем гнать работника в шею, — стоял я на своем, — то начисто отобьем у людей охоту вообще что-то делать. Этот как раз получил урок на всю оставшуюся жизнь, могу ручаться, что второго такого прокола у него уже не будет. Моя бы воля, так я еще и орденом наградил бы его за проявленное мужество!

— Ладно, не горячись, пусть пока работает, а там видно будет, — ворчливо пошутил Андропов.

Спустя несколько дней Юрий Владимирович вновь вернулся к этой теме:

— Знаешь, я тут подумал еще раз над всем этим делом и решил, что ты, наверное, прав: я действительно перегнул тогда в разговоре. Ты как-нибудь доведи до него эту мысль, но только так, чтобы он не воспринял это как полное прощение…

Для меня эта давняя тунисская история послужила хорошим уроком. Я понял, что нельзя допускать даже тени несправедливости к тем, кто попал в беду — пусть даже из-за собственной грубой ошибки, но затем искупил вину.

Я считал и считаю, что битый разведчик вправе рассчитывать на реабилитацию, критика его действий не должна носить обидный и тем более унижающий человеческое достоинство характер, только при этом условии она будет иметь воспитательное значение. Ни в коем случае нельзя создавать у сотрудника комплекс вины, постоянно напоминать о его грехах, оставлять на душе тяжелый осадок необоснованных подозрений.

В своей дальнейшей работе в разведке, а затем и на посту председателя Комитета госбезопасности я никогда не позволял добивать провинившегося, возвращаться к критике товарища, который, однажды совершив проступок, уже понес наказание, извлек из этого уроки.

До сих пор сожалею о том, что руководство Комитета

госбезопасности не пошло тогда на представление к правительственной награде попавшего в беду частично по своей вине сотрудника, но в итоге выдержавшего суровое испытание. Ошибка, к сожалению, тогда перевесила мужественное поведение и стойкость.

В чем-то похожая, хотя гораздо более сложная и запутанная история произошла и с Виталием Юрченко. К моменту моего перехода на должность председателя КГБ в октябре 1988 года вопрос с Юрченко уже окончательно прояснился, и сейчас можно рассказать о том, что же произошло на самом деле, за исключением той части, которую и сегодня по оперативным соображениям раскрывать пока нельзя. Однако сути случившегося это никак не исказит.

2 ноября 1985 года уже под вечер у дежурного советского посольства в Вашингтоне раздался телефонный звонок. Мужской голос скороговоркой сообщил, что звонит Юрченко, попросил срочно открыть ворота в жилой комплекс посольства и приготовиться к его встрече.

Юрченко, до этого долго работавший офицером безопасности в нашем посольстве в Вашингтоне, прекрасно ориентировался в расположении зданий, знал все входы и выходы, поэтому конкретность, с которой он изложил свою просьбу, сомнений в личности звонившего не вызывала.

Дежурный сразу же доложил о необычном звонке, который вызвал переполох в резидентуре, но ворота, несмотря на опасения провокации, все же открыли и приготовились к встрече. Через 15 минут из темноты, еще более сгустившейся из-за сильного дождя, вынырнула фигура человека в плаще с поднятым воротником и в низко опущенной шляпе. Сомнений не оставалось — встречавшие тотчас опознали полковника Юрченко, сотрудника Первого главного управления КГБ СССР, тремя месяцами ранее, казалось бы, бесследно исчезнувшего в Риме, куда он был направлен для выполнения специального задания…

Пропал Юрченко 1 августа, когда все дела уже были завершены и он готовился к отлету домой. Напоследок пошел прогуляться по Вечному городу и в посольство не вернулся.

Спустя несколько часов его хватились, начались поиски, но все впустую. Подключили итальянские власти, но и это не дало никакого результата — человек словно в воду канул. Наиболее правдоподобное объяснение было одно: что-то произошло — то ли несчастный случай, сердечный приступ, то ли Юрченко стал жертвой преступления. В возможность его перехода на сторону противника никто сначала не верил.

Первичная проверка в Москве ничего подозрительного тоже

не выявила: на работе и в семье вроде все нормально, с женой и сыном видимых проблем нет. Насторожил один, на первый взгляд, незначительный штрих — в последнее время Юрченко частенько жаловался на здоровье, проявляя при этом явно ненормальную мнительность. От медицины эта деталь ускользнула, о ней знали лишь самые близкие.

Этот факт тут же был взят на заметку. Пусть и слабая зацепка, но она все же заставляла попристальней взглянуть на версию добровольного ухода к противнику, хотя и под несколько иным углом зрения…

Спустя несколько дней итальянцы намекнули: нельзя исключать, что Юрченко добровольно покинул пределы Италии и находится в другой стране, например в США, не стоит ли поискать его там.

Первые запросы к американской стороне результатов не дали. Лишь наши повторные настойчивые обращения в государственный департамент, а также запрос по конфиденциальному каналу КГБ — ЦРУ в конце концов дали эффект, и нас проинформировали, что Юрченко действительно находится в США, причем прибыл туда якобы по своей воле.

Полученное известие наводило на серьезные размышления: ведь совсем недавно анализ имевшихся у нас сведений о Юрченко, мнения сослуживцев о нем сводили к нулю вероятность тривиального предательства. Конечно, сомнения в правдоподобности навязываемой нам версии ухода оставались, но полностью сбрасывать со счетов этот самый неблагоприятный для нас вариант мы также не имели права. От наших источников в итальянской столице, а затем и в Вашингтоне вскоре поступили сведения, позволившие довольно точно воссоздать истинную картину его исчезновения. Она, кстати, во многом совпала затем и с рассказом самого Юрченко, который мы услышали спустя три месяца после его возвращения. С его слов, дело было так.

Во время прощальной прогулки по Риму Юрченко вдруг почувствовал себя плохо, присел отдохнуть и потерял сознание. Когда очнулся, увидел склонившихся над ним незнакомых людей. Остальное помнит как в тумане: самолет, уединенный двухэтажный дом уже, как он понял, в Штатах.

Затем начались допросы, сопровождавшиеся интенсивным применением медицинских препаратов. На какое-то время воля была полностью парализована, и Юрченко с трудом отдавал себе отчет в том, что происходит. Временами наступали прояснения и вместе с ними осознание всего трагизма ситуации, в которой он оказался. Были моменты, когда Юрченко считал, что все кончено и обратного пути у него уже нет. Эти настроения почувствовали

работавшие с ним американцы и решили, что главные трудности у них уже позади…

Но Юрченко все же нашел в себе силы не сдаться. Он задумал, казалось бы, невероятное — вырваться к своим — и стал целенаправленно готовиться к этому. Для начала необходимо было скорректировать свое поведение, с тем чтобы полностью усыпить бдительность опекавших его сотрудников ЦРУ и ФБР.

Трюк удался, и режим содержания постепенно становился все менее суровым. Вскоре в сопровождении своих «новых коллег» Юрченко позволили выезжать в город, посещать рестораны, магазины, совершать прогулки. Разумеется, опека все еще оставалась довольно плотной, но это уже был шанс.

То ли Юрченко действительно настолько вошел в доверие к американцам, то ли те просто пытались покрепче привязать его к себе, но ему стали оказывать внимание на очень высоком уровне. Однажды его даже пригласил на обед бывший тогда директором ЦРУ Кейси.

Юрченко превосходно знал Вашингтон и решил, что без труда сможет незаметно добраться до посольства, если только сумеет оторваться от своих покровителей. Спустя пару месяцев у него окончательно созрел план побега, и он приступил к его поэтапной реализации.

Прежде всего установил близкие, даже доверительные отношения с постоянно сопровождавшим его сотрудником, а затем наметил для очередного посещения тот ресторан, который хорошо знал и который находился в двух шагах от жилого комплекса нашего посольства. Субботний день тоже выбран был не случайно — это только у нас спецслужбы работают, невзирая на выходные…

В ресторанах Юрченко уже давно позволяли одному отлучаться на короткое время: то ли действительно притупилась бдительность, то ли просто ленились вместе с ним ходить в туалет. Все остальное было делом техники — короткий звонок в посольство и побег через запасной выход, который был примечен еще в прежние времена.

Как оказался Юрченко у своих, читатель уже знает. Через час после его появления шифровка об этом лежала у меня на столе. В воскресенье 3 ноября 1985 года в здании нашей разведки в Ясеневе собрались все руководители ПГУ, имевшие отношение к делу Юрченко. На совещание приехал и председатель КГБ СССР Виктор Михайлович Чебриков — ситуация ведь весьма необычная, подобного оборота дела никто не ожидал. Нужно было срочно готовить письменное сообщение Горбачеву с детальными предложениями о наших дальнейших шагах.

Вновь проанализировали все известные центру обстоятельства, обстановку вокруг советских учреждений в Вашингтоне (наблюдение за ними американцы тотчас же усилили). Вопросов возникало много — как и когда вывозить Юрченко на родину, каких действий можно ожидать со стороны американских властей, что сообщать в средствах массовой информации, поставить ли в известность семью Юрченко еще до появления первых публикаций в печати и передач в эфире и т. и.

Было решено немедленно поставить перед Госдепартаментом США вопрос о безотлагательном и беспрепятственном выезде Юрченко из страны. Поддержали и предложение совпосольства о проведении в Вашингтоне пресс-конференции Юрченко, в ходе которой он должен был рассказать о том, что с ним произошло.

Американцы, судя по всему, пребывали в состоянии шока и поставили лишь одно условие, потребовав личного появления Юрченко в Госдепартаменте. С нашими предложениями о выезде Юрченко они согласились.

Пресс-конференция в посольстве и процедура в Госдепартаменте прошли успешно, американцы, все еще не оправившись от растерянности, реагировали на все происходящее на удивление вяло, без присущей им напористости. Оперативность, с которой мы действовали, отличная координация усилий Министерства иностранных дел и Комитета госбезопасности СССР обеспечили успех операции по вывозу Юрченко из Штатов, не дали возможности американской стороне затянуть это дело.

Настало время рассказать об одной, образно выражаясь, попутной операции, которую мы осуществили, воспользовавшись ситуацией с Юрченко. Дело в том, что мы давно установили утечку информации к противнику из нашей вашингтонской резидентуры и с большой долей достоверности вычислили агента, завербованного ЦРУ из состава оперативных работников.

Проверочные мероприятия полностью подтвердили самые худшие подозрения. Вопрос, однако, состоял в том, как вывезти этого человека в Союз.

По имевшимся данным, в ЦРУ догадывались, что мы если еще и не локализовали полностью их агента, то, во всяком случае, достаточно близко подобрались к нему. Поэтому при малейших признаках опасности агенту был бы обеспечен немедленный уход. Вот мы и решили воспользоваться сложившейся ситуацией и организовать выезд предателя в Союз в числе сопровождавших Юрченко лиц. Потребовалось, таким образом, создать специальную оперативную группу только ради того, чтобы включить в нее единственное интересующее нас лицо.

Мы понимали, что после объявления о предстоящей поездке сотрудник попросит разрешения сходить на квартиру, чтобы собрать вещи и подготовиться к отъезду. Заранее было решено не препятствовать этому, дабы не вызывать никаких подозрений, хотя мы прекрасно понимали, что он использует это время для связи со своими шефами в ЦРУ и получения от них соответствующих указаний.

Так оно и вышло. Об этом он сам потом рассказал, когда уже находился под арестом в Москве. Но можно себе представить, чего стоили всем нам эти часы томительного ожидания, пока Мартынов (именно так звали предателя) совещался со своими хозяевами из Лэнгли и не появился наконец в посольстве!

Американцы, как мы и предполагали, посоветовали ему лететь и попытаться узнать, что же все-таки произошло с Юрченко, не был ли он с самого начала специально заслан советской разведкой и каким образом, с чьей помощью он оказался в советском посольстве. Соблазн для наших коллег из американских спецслужб узнать эти так интересующие их подробности воистину был слишком велик, раз уж они решили рискнуть своим агентом. Собственно, на это мы и рассчитывали!

Таким образом, в самолете пришлось оберегать не Юрченко, тут проблем никаких не было, а «сопровождавшего» его Мартынова.

В промежуточном аэропорту Гандера в Канаде было дано указание из самолета никому не выходить. Пассажирам пояснили, что возможна, мол, провокация и рисковать не стоит, лучше всем остаться на борту.

Вот тут наш «сопровождающий» и занервничал, но было уже поздно. В полете у него было теперь достаточно времени, чтобы обо всем как следует поразмыслить. По прибытии в Москву он был арестован прямо в аэропорту, психологический шок был настолько велик, что он тут же стал давать подробные показания. Оказалось, что лететь в Москву Мартынов с самого начала боялся, чуяло, как он выразился, сердце, но хозяева из ЦРУ были неумолимы, сказали, что лететь все равно придется.

В Москве Юрченко сообщил нам массу сведений, представлявших значительный оперативный интерес. В политическом плане операция с делом Юрченко также оказалась выгодна Советскому Союзу, остудила пыл западных спецслужб, наглядно продемонстрировав, что безнаказанно осуществлять провокации против советских сотрудников за рубежом не удастся.

История с Юрченко, изложенная в его интерпретации, в частности об обстоятельствах его перемещения из Италии в США, в общем-то совпадает с теми данными, которые были получены

нами по другим каналам. Но были и нюансы. О некоторых из них он откровенно рассказал мне в ходе многочасовой беседы с глазу на глаз.

Но есть ли смысл затрагивать эту деликатную тему, выворачивать наизнанку всю подноготную жизни человека? Главное, как мне представлялось тогда и в чем я убежден сегодня, состоит в том, что уход от американцев и возвращение в Союз были сознательно осуществлены самим Юрченко. Это стало возможным благодаря его смелым и решительным действиям и в этом плане имеет огромное положительное значение.

Руководство разведки подошло к Юрченко без предвзятости, с точной оценкой баланса положительного и негативного, а первое в итоге несомненно перевешивало второе. Он продолжал работать в службе, хотя и не в прежнем качестве.

Еще перед тем как случилась эта история, Юрченко был отмечен ведомственной наградой — знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», который по возвращении и был вручен ему в торжественной обстановке. Полученные от Юрченко оперативные сведения были активно использованы в работе и принесли ряд интересных результатов.

Но главное, пожалуй, даже не в этом. И без того изломанная судьба человека, подчеркнутое презрение со стороны некоторых сослуживцев, которое до сих пор сопровождает Юрченко, — более чем достаточная кара за его прегрешения. Вместо того чтобы добивать споткнувшегося, нужно протянуть ему руку, тем более что ее действительно есть за что пожать!

Вообще разведчики заслуживают более бережного отношения к себе. Я уже говорил об опасностях, которые подстерегают их буквально на каждом шагу.

Хочу рассказать об одном случае. В конце 70-х годов в Ливане было совершено террористическое нападение на машину, в которой находились сотрудники советского посольства в Бейруте, в том числе и один наш работник, армянин по национальности, Роберт Мартиросян. Пуля лишь слегка задела один из шейных позвонков, но ранение оказалось для него роковым. В результате были парализованы нижние конечности и пострадавший навсегда остался прикованным к постели.

Он стойко переносил тяжелый недуг, и мы решили не увольнять его на пенсию по состоянию здоровья. Как и положено, сотрудник повышался по должности, хотя работал преимущественно дома, занимаясь в основном аналитическими исследованиями. Причем проявил себя на этом поприще с самой лучшей стороны: его уму и работоспособности оставалось только удивляться. Часто болезнь обострялась, принося неимоверные

страдания, но он все равно держался, не падал духом.

Как-то я навестил его в больнице, там увидел его жену и двух чудесных ребятишек. Каждый, включая и самого пострадавшего, понимал, что болезнь рано или поздно одержит верх, но оптимизм и исключительная воля человека помогали ему выжить. Любимая работа, чувство, что он еще нужен, в сочетании с заботой и вниманием, которой он был окружен в семье и среди сослуживцев, оказались лучше всяких лекарств!

Но в 1991 году состояние его здоровья резко ухудшилось, и нашего товарища не стало. Мы сделали все, чтобы облегчить ему жизнь, помочь семье, но были бессильны перед лицом неумолимого недуга…

Вспоминаю, что во время одной финансовой проверки нам было сделано замечание — нарушаем, дескать, закон, держим на работе инвалида первой группы. Я объяснил ситуацию, заявив, что мы сознательно пошли на этот необычный шаг, что намерены и впредь придерживаться выбранной линии. Никто, конечно, наше решение не отменил, и наш товарищ так и оставался до конца своих дней в рядах действующих разведчиков.

История разведки изобилует полными трагизма человеческими судьбами. Когда говорят о нашей работе, на ум человека со стороны приходит прежде всего овеянная романтикой жизнь разведчиков-нелегалов. Да, в какой-то мере это верно! Есть и романтика, и окутанные завесой глубокой тайны биографии, яркие дела. Буквально считаные люди знают об их существовании, тем более видели в лицо. Человек есть, а вроде бы его и нет. Вместо него на виду совсем другой — вернее, тщательно отработанная ходячая легенда.

Работа разведчика-нелегала невероятно трудна и опасна. В случае провала самое легкое, что его ожидает, — это выдворение из страны, а в худшем случае — и тюрьма. Процесс вызволения путем обмена, как правило, затягивается на годы, которые, конечно же, дорого обходятся нашим товарищам и их семьям.

Впрочем, у нелегала зачастую вообще нет семейной жизни, по крайней мере в нормальном понимании этого слова: нередко он возвращался из командировки с уже взрослыми детьми, которые не знают не только родного языка, но и то, что они советские люди. Бывало и так, что перевоспитать их уже невозможно, и возникала не просто проблема отцов и детей, но и непримиримая вражда…

Становится ясным, какими уникальными качествами должен обладать нелегал, насколько глубоко преданным он должен быть по отношению к своей Родине!

Длительное время возглавлял эту службу опытный,

влюбленный в свою профессию генерал-майор Дроздов. В прошлом сам был на нелегальной работе, однажды сыграл роль фашистского офицера. Знал каждого сотрудника лично, гордился ими, их успехами, переживал неудачи, когда попадали в беду, делал все, чтобы выручить. У него почти никогда не сдавали нервы. Недавно ушел на заслуженный отдых.

Свой опасный путь разведчики-нелегалы выбирают сознательно, в полной мере отдавая себе отчет в том, какие испытания и опасности поджидают их впереди. И как бы трагически порой ни заканчивались их судьбы, я не встречал ни одного из них, кто пожалел бы потом, что избрал для себя такой нелегкий путь. И дело не только в поистине нечеловеческих условиях работы — вдали от Родины, от родных и близких, без привычных условий жизни, в постоянном напряжении, когда расслабиться нельзя ни днем ни ночью, и так порой десятки лет — ведь любая, даже самая незначительная оплошность может стоить не только свободы, но и жизни.

Об одной трагической судьбе, которая глубоко врезалась мне в память, я и хочу рассказать. Эта история часто возвращала меня к размышлениям о людях этой профессии и всякий раз только усиливала чувство глубочайшего уважения к ним.

Подошел срок окончания подготовки нашего разведчика для выезда в загранкомандировку на многие годы, может быть, и на всю жизнь. Отправляться в путь пришлось в срочном порядке, и, едва увидев своего новорожденного ребенка, через два дня он был уже в самолете на пути к цели. Лишь спустя шесть лет ему представилась возможность проездом побывать в Москве и в течение нескольких дней повидаться с сыном. Затем вновь потянулись долгие годы разлуки.

А сын тем временем по-прежнему рос без отца и почти отчаялся когда-нибудь увидеть его снова. Обстоятельства складывались таким образом, что прервать пребывание нашего разведчика за рубежом все никак не удавалось — такой уж важной оказалась занимаемая им позиция, малейший перерыв в работе мог обернуться для нас серьезными издержками, да и для него самого даже кратковременное отсутствие было бы сопряжено с большим риском.

Тем не менее в конце концов нам все же удалось изыскать возможность вызова разведчика в одну европейскую страну, откуда он тайно перебрался в соседнюю, где мы организовали для его сына отдых в пионерском лагере. К тому времени парню минуло уже 16 лет. Две недели, отведенные для свидания отца с сыном, были самыми счастливыми в их жизни — они ни на минуту не отходили друг от друга, казалось, хотели наговориться

за все прошлые годы.

Время пролетело быстро, и вот уже настала пора прощаться. Отец уверял расстроенного сына, что через год, максимум два вернется домой и тогда уже ничто не сможет разлучить их. Но какое-то смутное предчувствие грядущей беды никак не оставляло разведчика — на душе словно лежал тяжелый камень.

Разведчик вернулся «домой», а его сын продолжал свой отдых. Мы хотели хоть как-то скрасить жизнь юноши, сгладить горечь расставания. Но случилось непоправимое — во время купания в озере мальчику вдруг стало плохо — у него свело судорогой ноги, и он утонул. Его быстро нашли, пытались откачать, но все было тщетно, врачи оказались бессильны…

Каждый из нас воспринял это как личную трагедию. Отцу тотчас же сообщили о постигшем горе и разрешили немедленно прервать командировку. К моменту, когда он сумел вернуться в Союз, сын уже был похоронен. У меня до сих пор в горле стоит ком, когда я представляю, как он, стоя на коленях, обнимал еще свежий могильный холмик…

На следующий день мы встретились в служебном загородном доме под Москвой. Долго сидели молча, затем вспоминали былое, всю жизнь нашего боевого товарища. Конечно, много говорили о постигшем его горе, но слова утешения помогали мало — своих слез не стыдились ни он, ни я.

Бесценные результаты его работы, проявленный им героизм и стойкость при выполнении важнейшего задания были высоко оценены — ему было присвоено звание Героя Советского Союза. Если бы существовала более высокая награда, он был бы достоин и ее!

Спустя полгода наш герой опять выехал в заграничную командировку и пробыл там около пяти лет. Затем вернулся в Советский Союз и больше уже никуда не выезжал.

У разведчика-нелегала особое ощущение Родины, особая тяга к ней. Сколько мыслей, раздумий там, на чужбине. Какая тоска по белой березке, по родным и друзьям, по родной земле. А ведь жизнь-то одна, и когда нелегал оказывается на своей земле, то он никогда не проводит свое время лишь в стенах московской квартиры.

Он стремится выехать в другие города, села, жадно всматривается в жизнь, оценивает происшедшие перемены, бурно переживает недостатки, трудности, с которыми сталкивались советские люди, черпает новые силы для дальнейшей борьбы. Он лучше начинает понимать, в чем нуждается страна, отчего его работа становится результативнее.

Можно привести множество добрых дел, совершенных

разведчиками-нелегалами на благо Родины. Обо всем не расскажешь, объем книги не вместит их. Но кое о чем все-таки хотелось бы еще поведать читателям.

…В конце апреля 1986 года в стране случилась большая беда — авария на Чернобыльской атомной электростанции. Тогда мы еще до конца не представляли масштабы трагедии.

Усилиями нелегальной разведки еще за несколько лет до чернобыльской аварии мы получили уникальный доступ к иностранным материалам по проектированию, строительству и эксплуатации атомных станций. Удалось вывезти несколько чемоданов документации по указанным проблемам.

Особый интерес представляла информация по обеспечению безопасности атомных станций. Кстати, эта часть информации нам досталась труднее, с осложнениями, пришлось пойти на риск, в результате чего нашему сотруднику вскоре пришлось спешно покинуть страну пребывания. Добытая информация получила во всех центральных организациях положительную оценку.

За все надо платить, в том числе и за безопасность. Так вот, гарантия полной безопасности атомной станции обходилась примерно в 15 процентов ее стоимости. Решение простое — все опасные блоки, части станции сооружаются под землей, предусматриваются также другие меры предосторожности. Соответственно меняется конструкция и технология.

Несмотря на положительные оценки полученной информации, нам стало известно, что ее не собираются использовать в отечественной атомной промышленности. Тогда по своей инициативе разведка вышла на ряд ученых в некоторых удаленных от центра областях с целью получения их оценки и заключения. Отовсюду — только положительные отзывы.

Была организована встреча нелегала с небольшой группой советских специалистов, в ходе которой последние получили весьма квалифицированные разъяснения. Однако в реализацию информация не пошла.

Уже после Чернобыля в начале 1987 года мне позвонил министр энергетики СССР Майорец. Он сказал, что министерство вновь вернулось к нашей информации, признало ее исключительно ценной, особенно ту часть, которая касается безопасности. Министр принес извинения за прежнее руководство, которое допустило явный просчет, отказавшись от ее использования.

Кстати, наш разведчик был награжден орденом Красного Знамени, который в скромной обстановке вручил ему автор этих строк.

1988–1991 годы для разведчиков, особенно нелегалов, были исключительно трудным временем. Они старались работать активно, проявляли инициативу, стремились в полном объеме выполнять поставленные задания. Какие тревожные, тяжелые письма они направляли в Центр! Сколько в них было переживаний, непонимания!

Как сейчас помню начальные строки одного письма: «Уважаемый Владимир Александрович! Что происходит с нашей страной, с моей Родиной? Куда мы идем? Здесь в открытую говорят, что скоро не будет Союза. Злорадствуют по этому поводу. Я вне себя от отчаяния».

Это письмо относилось к началу 1990 года и было доложено руководству страны. Да ведь и мы понимали, куда идем, что-то старались делать, но, увы, Союза уже нет, и того разведчика-нелегала наверняка будоражит мысль: «Я ведь писал».

Еще один нелегал из другой страны с болью писал, что ему тяжело слушать, как недруги, потирая от удовольствия руки, говорят, что все спецслужбы мира, вместе взятые, не сделали бы с Советским Союзом то, что русские сами творят со своей страной.

Нахлынувшие воспоминания в который раз заставляют горько задуматься над тем, как можно сейчас, после всего того, что произошло с нашей Родиной, смотреть в глаза таким людям, отдавшим ей все самое ценное, что было в их жизни!

Работа разведчика полна опасностей, порой совсем неожиданных. Главная опасность — провал. Часто это происходит вообще по не зависящим от него обстоятельствам — из-за предательства, небрежности или провала другого разведчика или агента, а порой и в силу простой случайности, предугадать которую трудно.

Конечно, бывает и так, что работник засыпался сам, совершил ошибку или просто недооценил опасность. Причин может быть много, но результат один.

Хорошо, если разведчик работал под дипломатическим прикрытием, здесь в большинстве случаев особых проблем не возникает: выдворение, как я уже говорил, — это самая меньшая из всех возможных бед.

Сложнее, когда дипломатическим иммунитетом не прикроешься и приходится отвечать по всей строгости местных законов. Длительный срок тюремного заключения в таком случае можно считать гарантированным.

Мы никогда не бросали на произвол судьбы своих попавших в беду людей — независимо от того, шла ли речь о гражданине нашей страны либо об агенте. Какие только операции не проводились, чтобы вызволить из неволи наших товарищей!

Попытки в случае необходимости предпринимались неоднократные, лишь бы был положительный результат. В подавляющем большинстве случаев в конечном счете все же удавалось добиться успеха — за последние два-три десятка лет не было ни одного случая, чтобы разведчик остался отбывать свой срок на чужбине.

В последние годы установилась и все шире использовалась практика обмена задержанными разведчиками. Правда, не всегда на равной основе, но тут уж все зависит от обстоятельств и от того, как удастся договориться.

Часто наших «хватали» специально для того, чтобы обменять на интересующее противную сторону лицо. В таком случае обмен совершался довольно быстро.

Но бывали случаи, когда менять было просто не на кого, тогда на выручку приходили друзья-коллеги из бывших социалистических стран, чаще всего из Германской Демократической Республики. Для освобождения попавших в беду товарищей ни они, ни мы никогда не жалели усилий, шли на любые финансовые затраты, иногда прибегали к ответным мерам в отношении лиц, причастных к спецслужбам противника, — задерживали и предавали их суду.

В подавляющем большинстве случаев наши разведчики попадались на «подставе» — способе внедрения своего человека в агентурную сеть противной стороны, — с самого начала организуемой спецслужбами с целью раскрытия нашего работника. При этом задержание со всеми вытекающими последствиями применялось независимо от того, совершались ли разведчиками какие-либо уличающие их действия или нет.

Ну что ж, борьба есть борьба. Часто вопрос решался исходя из жестокого, неумолимого подхода: кто кого. На грубые провокации и мы отвечали адекватно — иначе было просто нельзя, но первыми такие методы никогда не применяли.

Аналогичную корректность не проявляли, к сожалению, наши противники. Правила хорошего тона были для них лишь исключением.

И все же наибольшей беспардонностью и жестокостью отличались спецслужбы США и ФРГ — часто они действовали, даже не пытаясь хоть как-то завуалировать истинную цель своих акций, шли на «подставы», невзирая на то что порой это было сопряжено с передачей ценных материалов. А уж о таких приемах, как грубый шантаж и запугивание, прямое склонение к измене Родине, — говорить и вовсе не приходится.

Одним психологическим прессингом, впрочем, дело почти никогда не ограничивалось, в ход шло и физическое воздействие,

а также сочетание обоих методов — в виде, например, помещения в одну камеру с уголовниками.

В мае 1978 года в Нью-Йорке были арестованы два сотрудника представительства СССР при ООН и один чиновник этой организации. Все они были нашими разведчиками и попались на «подставе», умело организованной американской контрразведкой.

Сомнения в источнике, на контакт с которым выходили, были, принимались максимально возможные меры предосторожности, обеспечивалась подстраховка. Но американцы работали у себя дома, где, в отличие от нас, им и стены помогали.

По пути к месту операции разведчики заметили пролетавшие на небольшой высоте самолет и вертолет, возникли сомнения из-за необычности их появления, да к тому же прямо на маршруте. Посчитали совпадением, а после случившегося еще раз вспомнили, что в разведке мелочей нет.

Улик против наших товарищей не было, но американская контрразведка обошлась и без них. Одного нашего товарища — сотрудника ООН, обладавшего дипломатическим иммунитетом, отпустили сразу. Других ожидали арест и тюрьма, бесконечные допросы, шантаж, склонение к измене Родине, обещания хорошей жизни и т. п. В случае согласия работать на американцев гарантировали даже оказание помощи для достижения «успеха» в оперативной деятельности.

Наши товарищи держались стойко, ни на какие угрозы не поддались.

Начались переговоры об условиях обмена, который получился довольно сложным. Поначалу дело продвигалось туго. Тогда подключились друзья из ГДР и Болгарии. За двух наших сотрудников предлагалось семь человек, в числе которых были лица, представлявшие интерес для ФРГ.

В результате многосторонних переговоров оба наших сотрудника через несколько месяцев были освобождены из тюрьмы, а спустя год вернулись на родину. Они были выпущены под залог с обязательством прибыть на суд. На суд, конечно, не явились (для этого и были уплачены деньги!) и были заочно осуждены на 50 лет лишения свободы каждый.

Ряд аналогичных дел имел место и в ФРГ. Наши сотрудники задерживались там на срок от нескольких дней до года. Немецкая сторона никогда не шла на равный по числу обмен — всегда требовала от нас многократного превышения, так как знала, что в обмене все равно будут участвовать наши друзья из ГДР, а в их руках всегда находились люди, в которых была весьма

заинтересована западногерманская сторона.

Немцы и здесь проявляли свою неизменную педантичность, строго оговаривая не только условия и порядок обмена, но и весь сценарий его осуществления, вплоть до мельчайших деталей. Мы, разумеется, тоже опасались подвохов и потому были не менее педантичны, чем немцы.

Сложнее всего было вызволять разведчиков-нелегалов — им и в этом вопросе было труднее других. Они, в отличие от других разведчиков, не только не имели никакого официального прикрытия, но и вообще находились в той или иной стране, в сущности, совершенно незаконно, по подложным документам.

Было время, когда разведчик-нелегал ни при каких обстоятельствах не имел права открывать свою принадлежность к СССР и в случае ареста должен был действовать по обстановке, полагаясь только на собственные возможности (они были весьма скромными). Это диктовалось как бы высшими государственными интересами и в то время, пожалуй, действительно было жестокой необходимостью.

В последние два десятка лет мы, однако, от такой практики решительно отказались. Теперь любой наш сотрудник в случае, если он сочтет это для себя полезным, мог рассчитывать на советский флаг и встать под защиту своего государства.

Казалось бы, совершенно естественное решение, но еще совсем недавно наши разведчики и не помышляли о таких «благах», знали, что в случае ареста рассчитывать на открытую помощь Родины не придется. И стойкости тем не менее у них от этого не убавлялось!

Когда в 1973 году я перешел на работу в Первое главное управление, положение дел в разведке в общем-то было неплохим. Накопленный опыт, хорошо подготовленные кадры и отлаженная система работы давали положительные результаты. Разведка в целом справлялась с теми задачами, которые в то время на нее возлагались. Правда, ощущался какой-то застой, слишком уж многое делалось по старинке, по раз и навсегда заведенным правилам. А вот новые, причем очень важные, направления разведывательной деятельности, вытекающие из современной обстановки, на мой взгляд, должного развития не получали, что приводило к явным перекосам и нарушению приоритетности в работе.

Разговоры о необходимости развития разведслужбы велись довольно активно, решений на этот счет принималось тоже немало, однако отсутствие четкой линии толкало на принятие поспешных и мало продуманных решений, порождало однодневные концепции.

Одни утверждали, что наступил век решения

разведывательных задач преимущественно техническими средствами, и потому ратовали чуть ли не за полный отказ от агентурной работы.

Агентуристам возражали аналитики, которые считали, что всесторонний и скрупулезный анализ открытых материалов, поднятый на качественно новый уровень, может вполне компенсировать значительное сокращение традиционной разведывательной деятельности и т. п.

Жизнь быстро опровергала подобные взгляды и все ставила на свои места. Но дело от этих шараханий из стороны в сторону явно страдало, становилось все очевиднее, что наша разведка не в полной мере соответствовала задачам сегодняшнего дня, не была сориентирована на реальные потребности политической и экономической жизни страны.

Необходимо было органичнее вписать разведывательный аппарат в структуру государственного механизма, наладить более тесную обратную связь с другими организациями и ведомствами. Устранение недостатков такого рода — вещь очень непростая: мало правильно наметить цели и задачи, нужно еще произвести соответствующую перестройку работы конкретных направлений разведки, скорректировать ее структуру.

Все это требовало глубокого и всестороннего анализа и соответствующих условий, поэтому я с самого начала твердо решил избегать скоропалительных выводов и не допускать неуместной спешки.

Разведка была неотъемлемой частью системы органов госбезопасности, но как-то сложилось, что между Первым главным управлением и другими подразделениями Комитета, и прежде всего контрразведкой, отношения были далеки от идеальных. Имели место взаимные нарекания, разговоры о том, кто лучше и больше сделал, кто профессиональнее работает.

Сотрудников Первого главного управления называли белой костью, упрекали в высокомерии, стремлении выделиться, оторваться от общего чекистского коллектива.

Мои личные наблюдения еще с позиции начальника Секретариата КГБ уже тогда убеждали в том, что все это беспочвенно. А что касается отношений между коллективами разведки и контрразведки, то многое, если не все, зависело от того, какую позицию избрали руководители подразделений и партийных организаций, на которых лежала основная ответственность за воспитание сотрудников и моральный климат в коллективах.

Был, конечно, элемент зависти: сотрудники Первого главного управления чаще имели возможность выезжать за границу, то ли

на постоянную работу, то ли во временные командировки, и это, конечно, делало их служебное положение более привлекательным, ставило их в более выгодное материальное положение.

Попав в разведку, я сразу ощутил неприятные отзвуки таких настроений и твердо решил сделать все от меня зависящее, чтобы положить конец и создать условия для здоровых товарищеских отношений между разведчиками и контрразведчиками, а также сотрудниками других подразделений Комитета.

Мы инициировали регулярные встречи между руководством разведки и контрразведки, активизировали рабочие контакты на разных уровнях, уделяли внимание более частому и системному проведению совместных операций и акций за рубежом и в Советском Союзе. По инициативе Первого главного управления в разведку был направлен ряд сотрудников контрразведывательных подразделений, а в последние мы командировали на работу группу разведчиков.

Это сразу сказалось на общей атмосфере взаимоотношений между подразделениями. Правда, до конца эта проблема так и не была решена. Дело в том, что не было разработано положение, точно регламентирующее функции, круг задач, решаемых разведкой с одной стороны и контрразведкой — с другой.

Но уже после первых шагов заметно усилились координация между разведкой и контрразведкой, эффективность оперативной работы.

Об одном контрразведчике хотелось бы упомянуть. В 1979 году в разведку, первым заместителем начальника управления был направлен один из заместителей начальника Второго главного управления Маркелов. Он имел более чем сорокалетний опыт работы в органах госбезопасности, отличался трудолюбием, порядочностью в отношениях с товарищами, преданностью делу и долгу. При всем многообразии проблем умел выделить главное и, как правило, находил оптимальные пути выполнения задач.

В ПГУ он занялся вопросами внешней контрразведки, и тут его опыт пригодился. Коллектив разведчиков отнесся к нему с доверием.

В свою очередь, Маркелов был чуток к товарищам, не кичился своим опытом, прислушивался к мнению сослуживцев. Люди видели, что это шло от души.

В 1986 году Маркелов вернулся в контрразведку и был назначен начальником Второго главного управления. С этого момента никаких трудностей во взаимодействии между разведкой и контрразведкой не возникало. С пользой для дела он использовал опыт работы в разведке и контрразведке. К

сожалению, возраст, ухудшение здоровья сделали свое дело, и в 1990 году Маркелова не стало.

Важнейшим в деятельности разведки оставалось политическое направление. В международных отношениях сохранялась напряженность, стороны активно вооружались, что, естественно, само по себе уже являлось серьезным источником опасности.

Лучшие умы, новейшие достижения науки и техники отдавались в распоряжение военной машины. СССР и США настолько запугали друг друга, что любые миролюбивые заверения воспринимались лишь как попытки усыпить бдительность противника.

Запад предпочитал действовать с позиции силы, постоянно наращивая усилия по подрыву ситуации в Советском Союзе и других социалистических странах, возводил все новые барьеры на пути развития торгово-экономических отношений капиталистических стран со странами социалистического содружества.

Надо признать, что в существовавшей тогда международной напряженности была доля и нашей вины. Часто у нас не хватало выдержки перед лицом политических и военных вызовов. Мы неоправданно сужали круг тех политических сил и отдельных лидеров в капиталистических странах, с которыми можно было договариваться на базе взаимных уступок.

Наталкиваясь в очередной раз на попытки разговаривать с нами языком силы и отказ Запада учитывать наши законные интересы, мы разом сворачивали дальнейшие усилия по поиску компромиссов. В итоге — новый виток международной напряженности и осложнение отношений Советского Союза с ведущими западными странами.

Логика неизбежности противостояния двух мировых систем неизменно диктовала и методы политической борьбы.

Добываемые разведкой материалы говорили о подготовке стран НАТО к войне.

Конечно, мы понимали, что между подготовкой к войне и ее возможным началом — дистанция огромного размера, но в большой политике пренебрегать такими факторами непозволительно, тем более что в нашей истории уже был печальный опыт недооценки военной угрозы. Поэтому к войне готовились и мы, хотя у нас никогда и не было намерения ее начать.

Бремя военных расходов становилось для нас все более непомерным, и США вместе со своими союзниками умело

использовали это обстоятельство для того, чтобы и дальше выматывать нашу и без того не столь уж безупречную экономику. Нас втягивали то в один, то в другой дорогостоящий виток гонки вооружений. Порочный круг этого бесконечного марафона все туже затягивался петлей на нашей шее…

В 70-х годах структура разведки и основные направления ее деятельности были достаточно устоявшимися и во многом традиционными для подобных служб во всем мире. Ключевой являлась политическая разведка, построенная по весьма простому принципу — географическому.

Общее руководство резидентурами осуществлялось географическими отделами. Это означало, что у каждой загранточки в центре есть свой куратор.

Научно-техническая разведка сформировалась как отдельное направление и в последние годы переживала бурное развитие, набирала темпы, укреплялась кадрами. Результаты ее работы все в большей мере чувствовала наша экономика, действовала обратная связь, количество заявок от министерств и ведомств постоянно увеличивалось.

Далеко не все они принимались к исполнению, речь могла идти только о тех, которые действительно имели значение для нашей экономики.

Внешняя контрразведка прошла длительный путь становления и в итоге также оформилась в самостоятельное направление. Оно было призвано выявлять и пресекать деятельность иностранных спецслужб против Советского государства и его граждан. Обеспечение безопасности КГБ, и в частности его Первого главного управления, также вменялось в обязанность управлению внешней контрразведки.

В ПГУ работала обладавшая, пожалуй, наиболее давними традициями нелегальная разведка. Это особо засекреченное, я бы сказал, элитное подразделение отличалось высоким профессионализмом, собственными формами и методами работы, спецификой подготовки кадров.

Важным звеном, постоянно работающим в напряженном ритме, по существу формирующим внешний облик разведслужбы, являлось информационное подразделение. Сначала это была всего лишь небольшая группа, затем она стала отделом, службой, а в итоге оформилась в Управление разведывательной информации. Это управление привлекало к своей работе лучших аналитиков, обладающих к тому же и большим опытом оперативной работы.

Весь этот хорошо отлаженный разведывательный механизм работал как единое целое, все его звенья тесно

взаимодействовали между собой. Сбой только лишь на одном участке сразу же сказывался на всех остальных направлениях.

Это и понятно, ведь структура, которую я описал, складывалась годами, была тщательно выверена и обеспечивала наибольшую эффективность работы разведки в целом. Поэтому когда в камере «Матросской тишины» я услышал по радио об упразднении подразделения, которое занималось, как было сказано диктором, дезинформацией (по нашей терминологии — служба «А»), я был просто ошарашен.

На самом деле речь идет о службе активных мероприятий.

В мировой практике все спецслужбы широко используют проведение акций, которые содействуют созданию наиболее благоприятных условий для решения тех или иных государственных — политических, экономических и военных — задач. Не менее активно пользуются этим и частные компании, фирмы и другие организации. В мире противоречивых интересов, когда противостоящие силы идут на использование неофициальных приемов и методов ради достижения своих целей, защита по своему характеру вправе быть адекватной.

Служба дезинформации, о которой речь шла в радиопередаче, не раз оказывала нам неоценимые услуги, а иногда даже позволяла разрядить ситуацию, предотвратить опасное развитие событий в той или иной стране и даже в целом регионе, как это было, например, в случае с Кипром, о чем, пожалуй, следует упомянуть отдельно. Тогда достичь своей цели удалось давно известным и сравнительно простым способом, который тем не менее не раз доказывал свою эффективность.

В августе 1974 года была совершена попытка государственного переворота в столице Кипра Никосии. Президентский дворец, где находился глава государства архиепископ Макариос, был подвергнут мятежниками массированной бомбардировке с воздуха и получил сильные повреждения. Под обломками здания погибло много людей, еще больше было раненых.

Нападавшие передали по радио сообщение о том, что в ходе бомбардировки был убит и сам Макариос. Смерть президента означала падение самого режима, тем более что в руках у Макариоса была сосредоточена не только светская, но и церковная власть в стране.

В Москве информация о предпринятом штурме была получена спустя час-полтора после его начала.

Нам сразу же показалось странным то обстоятельство, что сообщение о смерти Макариоса было передано по радио слишком уж поспешно. Расчет был понятен: внести дезорганизацию и

панику в ряды сторонников законного президента, с тем чтобы с ходу полностью овладеть ситуацией на острове.

Реагировать нужно было, не теряя ни минуты. Мы приняли единственно правильное в этой обстановке решение: инспирировать от имени Макариоса радиосообщение о том, что он жив и призывает своих сторонников, всю греческую общину дать решительный бой заговорщикам.

Предпринятый нами шаг дал немедленный эффект: силы, стоявшие за Макариосом как в Никосии, так и в Афинах, активно включились в борьбу за сохранение законной власти. Мятежники получили достойный отпор и потерпели поражение.

Каково же было наше удивление, когда спустя несколько часов вдруг выяснилось, что Макариос действительно остался в живых, каким-то чудом уцелев под руинами дворца, и вновь приступил к исполнению своих обязанностей! Нетрудно предположить, какая участь ожидала его, не появись вовремя сообщение, опровергавшее его гибель.

На первый взгляд все кажется очень просто: одно лишь послание в эфир — и такой эффект! Только не стоит забывать о том, что сначала нужно было столь оперативно получить всю необходимую информацию, хорошо знать расстановку сил не только в стране, но и за ее пределами, располагать средствами для проведения активных мероприятий. А за всем этим стоит многолетняя кропотливая работа и бесценный опыт сотен людей!

Когда впоследствии Макариос узнал, от кого на самом деле исходило сообщение о том, что он остался в живых, он был просто поражен тем обстоятельством, что в момент передачи в эфир мы не располагали решительно никакими данными о его судьбе — лишь смутные подозрения, вызванные слишком поспешным объявлением о его «гибели»…

Этот пример, не говоря уже о многих других операциях, говорит сам за себя, свидетельствует о необходимости иметь в разведке такую, к сожалению, ныне упраздненную бездарными руководителями службу. Так сколько же еще дел натворят дилетанты — бакатины и им подобные — в своем «реформаторском» порыве?!

Время от времени появляются желающие подсчитать и поспекулировать на том, каково соотношение в разведке и контрразведке руководящего и рядового состава. В этом вопросе очень легко можно заблудиться.

Аппарат этих служб от руководителей до рядовых является работающим, добывающим и реализующим информацию. Все, невзирая на должность, приобретают источники, поддерживают с ними контакты, в равной мере отчитываются о проделанной

работе, готовят информационно-аналитические материалы.

Игнорировать специфику — значит лишить значительную часть сотрудников возможности продвигаться по служебной лестнице, не говоря уже о том, что в этом случае не был бы использован и оценен в полной мере их политический и оперативный потенциал.

Подобный вывод можно пояснить на многих примерах. В разведке, к примеру, работает немало ярких умов, которым под силу сложные операции, требующие политического и оперативного опыта, всесторонних знаний, интеллекта, соответствующих личных качеств и, не в последнюю очередь, огромного напряжения, самоотдачи.

В разведке вообще много парадоксов. Ее можно хвалить с утра до вечера и, наоборот, ругать чуть ли не ежедневно. Каждый день — удачи и поражения. Первых больше, но, к сожалению, хватает и вторых. Это и понятно: на войне как на войне. Работали мы, но и против нас шла постоянная борьба, причем куда большими силами.

Нам удалось добиться серьезного прорыва на некоторых направлениях и по целому ряду стран. Были получены важнейшие документальные материалы о военно-политических планах США и НАТО. Они могли бы составить честь любой разведслужбе. Сведения раскрывали планы наших противников на ближайшие годы и более длительную перспективу. Они получили высочайшую оценку Министерства обороны. Прежде подобных материалов нам добывать не удавалось.

Должен сказать, что разведка, помимо всего прочего, является, пожалуй, наиболее рентабельной структурой в стране. Ее затраты окупаются сторицей, и, когда мы научимся действительно считать деньги, извлекать прибыль из получаемых по ее каналам уникальных сведений, разведке будет выделяться ровно столько средств, сколько она в состоянии освоить. А у нас, к несчастью, добытые с таким трудом материалы отнюдь не всегда использовались подобающим образом.

Только одна из проведенных совместно с друзьями операций, по оценке весьма компетентной комиссии, дала нашей экономике не менее 500 миллионов долларов. Информация касалась космических проблем. Позже разведчик, сыгравший главную роль в проведении операции, был раскрыт и арестован. Опять же с помощью друзей из ГДР нам удалось выручить его.

Наша медицина остро нуждалась в препарате для лечения и предупреждения такого тяжелого и широко распространенного недуга, как диабет. Покупка лицензии на производство инсулина вылилась бы в кругленькую сумму, равную одному миллиарду

долларов, а импорт лекарства обошелся бы еще дороже. Но главное даже не в этом — не решалась сама проблема и сохранялась зависимость от зарубежных поставщиков. Научно-техническая разведка сумела добыть документацию, необходимую для производства инсулина, истратив на это всего-навсего 30 тысяч долларов!

В 70—80-х годах во всем мире в сельском хозяйстве стали все шире применяться биостимуляторы. В 1981 году разведка получила достоверные данные о типах используемых на Западе биостимуляторов, способах их применения, эффективности, стоимости. Речь шла о биостимуляторах для повышения плодородия почвы, силосования зеленой массы кукурузы, сохранения свежести силоса, обеспечения микробиологических реакций, предупреждения гнилостных процессов.

Поначалу информация о производстве биостимуляторов была неполной: нужны были образцы и технологии на разных этапах производственного цикла. Задача была непростая, но и ее удалось решить.

Интерес у наших специалистов к информации был огромен. Правда, прошло пять лет, прежде чем было дано добро на промышленное производство и применение отечественных биостимуляторов — все изучали их возможное воздействие на человека. А в стране, где были приобретены материалы, биостимуляторы продолжали с успехом применяться в сельском хозяйстве и уже появилось следующее поколение этих препаратов.

Существенный вклад научно-техническая разведка вносила во многие отрасли промышленного производства, но особенно в развитие электроники. Все попытки Советского Союза получить официальный доступ к новейшим технологиям производства электронно-вычислительной техники оказывались безрезультатными — ни одно государство не отваживалось нарушить запрет КОКОМ.

В сотрудничестве с разведками некоторых социалистических стран нам удалось приобрести не только документацию по производству изделий электроники, но даже и отдельные технологические линии.

Были случаи, когда объемы доставляемой разведкой в Союз, например, компьютерной техники и оборудования для производственной линии по их выпуску были настолько значительны, что для их доставки приходилось фрахтовать морские суда. Это были сложнейшие и крайне рискованные операции, в благополучном исходе которых мы не были уверены до тех пор, пока суда не отшвартовывались у наших причалов.

Мы, как говорится, лезли из кожи вон, добывая жизненно необходимые для страны материалы и технологии, а некоторые наши ученые корифеи тем временем вели пустопорожние диспуты на тему о том, следует ли использовать добытую документацию и образцы или же в науке и технике нужно действовать полностью автономно от Запада и выходить к сияющим вершинам самостоятельно…

В области военной техники западные страны вели разработки более масштабно и с большим заделом на будущее. Они намного опережали Советский Союз по лазерным технологиям, по авиации, военно-морскому флоту, некоторым видам обычных вооружений.

Наши затраты не шли ни в какое сравнение с их расходами. Одни США выделяли на военные цели куда больше средств, чем Советский Союз и социалистические страны, вместе взятые. Да и американские союзники были побогаче наших.

Вооруженные силы США обладали большими возможностями для создания и оснащения передовой техникой сил быстрого реагирования — один лишь их авианосный флот представлял как по числу авианосцев, так и по качеству их вооружений внушительную силу с колоссальными возможностями. Они активнее нас вели военное освоение космоса, полностью используя свои преимущества в экономике и общем уровне развития страны. Война в Персидском заливе наглядно продемонстрировала возможности и высокий уровень научно-производственного и технологического потенциала США.

В этих условиях на разведку падала ответственная задача не только по отслеживанию военных приготовлений американцев, но и по добыче документации и образцов зарубежной военной техники, с тем чтобы по мере возможности не допускать опасного качественного отставания в отечественной оборонной отрасли.

Бесценные материалы были приобретены по геологической тематике для нефтяной промышленности. За эти сведения советская сторона готова была платить валютой, причем не считаясь с расходами, но система эмбарго напрочь перекрывала для нашей страны каналы получения ее легальным путем.

Большой личный вклад в развитие научно-технической разведки внес ее руководитель с 1975 по 1992 год Леонид Зайцев, энтузиаст, разносторонне образованный, хороший оперативник. Он имел три высших образования, знал три языка, из них два в совершенстве. Опыт работы в центре и за рубежом, отменное знание механизма взаимодействия разведки с министерствами и ведомствами страны позволяли Зайцеву успешно решать многие задачи.

Насколько было сложно добывать информацию, настолько же порой нелегко было добиваться ее реализации, давать ей путевку в жизнь. Был очевиден системный характер трудностей.

В последние годы все же удалось создать государственный механизм формирования заданий, их финансирования, оценки и реализации. Но, к сожалению, после 1991 года созданный с таким трудом механизм был разрушен.

Многое сделал для обработки и реализации ценнейшей информации прирожденный аналитик, патриот этого направления разведки Юрий Баринов. Он обладал исключительной работоспособностью, усердием и, я бы сказал, дотошностью. На счету аналитической службы, где работал Баринов, сотни блестящих информационных исследований с серьезными выводами и прогнозами. По многим из них были приняты важные решения директивных органов. Уверен, что если бы разведка поставила свою работу на коммерческую основу, то только за информационно-аналитические материалы она могла бы получать значительные денежные средства.

На базе этой службы в 1970 году был создан Информационноаналитический институт научно-технической разведки ПГУ. В июле 1979 года он был преобразован в Научно-исследовательский институт разведывательных проблем (НИИРП). Институт занимался анализом и подготовкой информационно-аналитических записок по крупным проблемам в ЦК КПСС, Совет министров, Академию наук СССР, министерства и ведомства.

Институт прошел большой путь в своем развитии, в нем сложился высококвалифицированный коллектив аналитиков и оперативников, которому под силу стала подготовка материалов, нередко содержащих свои, отличные от других организаций оценки состояния и перспектив развития по актуальным политическим и научно-техническим проблемам государственного и международного значения. Материалы освещали такие вопросы, как процесс интеграции в Европе, его значение для судеб не только континента, но и мира; роль трех мировых центров — США, Западной Европы и Японии, основные направления развития этих центров и характер взаимоотношений между ними; научно-техническая революция и ее влияние на расстановку политических сил в мире; используемые пути и методы развития сельскохозяйственного производства; положение и перспективы развития обстановки в Африке, Латинской Америке, Азии; ислам и его влияние на мировую политику и в отдельных регионах и т. д.

Помню, какой большой интерес вызвала записка института о

формах и методах стимулирования труда в Японии, — казалось бы, тема, не свойственная разведке. Материал был разослан во многие министерства, ведомства, профсоюзы. Один из важнейших ее выводов сводился к тому, что в Японии высокая дисциплина труда является естественным состоянием работающего и что она формируется и поддерживается целой системой мер. К этому японец готовится в семье, школе, к этому его подталкивает вся окружающая обстановка.

Начальником Научно-исследовательского института разведывательных проблем с самого начала его образования, с 1979 года, и по ноябрь 1991 года был Эдуард Яковлев. Он вложил в работу института, в его развитие душу и отдал ему здоровье.

Институт наладил деловые контакты с аналогичными подразделениями в других ведомствах и министерствах, а также с научно-исследовательскими институтами, занимавшимися схожими проблемами.

С самого начала было обращено внимание на приток в институт свежих кадров с разносторонней профессиональной подготовкой и знаниями, опытом информационно-аналитической работы, знающих и понимающих нужды государства. Спустя примерно три-четыре года институт представлял собой подразделение, вобравшее в себя немало интересных специалистов с ярким умом и желанием заниматься творческой деятельностью. Если прежде в научно-исследовательские подразделения, информационно-аналитические службы и группы оперативные работники шли неохотно и рассматривали это как ссылку, ущемление их профессионального достоинства, то вскоре люди потянулись в НИИРП.

Спустя какое-то время сотрудники института возвращались на работу в оперативные подразделения. Короче говоря, была налажена ротация кадров, что очень важно, поскольку это вносило свежую струю и в работу института, и в работу оперативных подразделений. В масштабах страны институт был уникальным подразделением, поскольку располагал закрытой и открытой информацией.

Любые успехи разведки, в том числе и те, о которых я рассказал выше, были бы попросту невозможны, не располагай мы агентурной сетью за рубежом. Одними нелегалами, число которых довольно ограничено, все задачи выполнить невозможно. К тому же трудно предугадать, какие сведения потребуются завтра, и заранее внедрить наших разведчиков на все необходимые позиции. У разведчиков же, работающих в стране под официальным прикрытием, возможность добывать интересующие нас сведения только одна — через местных

граждан и граждан других стран. А когда речь идет о целенаправленной информации, тем более носящей секретный характер, то достичь ожидаемого результата можно только с помощью агентуры. Даже самая современная техника здесь оказывается малоэффективной. Поэтому важнейшей составляющей в деятельности разведки по-прежнему является агентурная работа. На этом направлении успехи советской разведки неоспоримы.

Многие из наших агентов работали на советскую разведку, руководствуясь своими убеждениями, в других случаях превалировал чисто меркантильный интерес, по крайней мере в начале сотрудничества. Что касается материальных затрат на оплату работы наших источников, то они, я считаю, были минимальными.

Материальная сторона дела вообще не была определяющей в наших отношениях с агентами. Расходы на оплату услуг ценнейших источников информации окупались с лихвой. Однако ни наша служба, ни тем более сам агент не допускали небрежности в передаче и расходовании полученных от нас средств, отлично сознавая, что этот деликатный момент таит в себе немало опасностей.

Часто американцы пытаются утверждать, что выявление того или иного нашего агента явилось результатом его неосторожного обращения с денежными средствами, привлекшего внимание соседей или соответствующих налоговых органов. Могу с уверенностью сказать, что это весьма неуклюжий способ скрыть истинную причину провала агента.

В случаях с ценнейшей агентурой причиной провала почти на сто процентов является предательство в нашей среде или, что тоже бывало, хотя и редко, донос кого-то из ближайшего окружения агента, включая его родственников. В этом мы убедились не на одном примере, и потому в последние годы каждый провал исследовался прежде всего исходя из подобных предположений.

Есть, конечно, еще одна опасность. В ходе длительной работы волей-неволей притупляется бдительность, появляется чувство безнаказанности, и провал может произойти из-за элементарной неосмотрительности. Но этого никогда не случалось с наиболее ценными и потому особо оберегаемыми нами источниками — ведь все понимали, что ставкой в этой рискованной игре чаще всего является сама жизнь.

У нас был один ценнейший агент, который работал на советскую разведку около 40 лет. Многое было сделано им для укрепления нашей обороноспособности. Он работал, не считаясь

с риском, и при этом наотрез отказывался от какого-либо вознаграждения. Будучи в душе искренним другом Советского Союза, тем не менее среди своих сослуживцев и даже дома он слыл оголтелым антисоветчиком, в таком же духе воспитал и своих детей.

Одной нашей резидентурой были получены достоверные данные о том, что среднего уровня чиновник, имевший доступ к весьма ценной военно-политической информации, попал в крайне тяжелое материальное положение и испытывает в связи с этим серьезные трудности. Прямой выход на него советского разведчика вряд ли имел бы шансы на успех из-за патологической ненависти чиновника к Советскому Союзу. Поэтому было признано целесообразным использовать в работе с ним чужой флаг.

Усилиями резидентуры в сопредельной стране были созданы условия для более глубокого и всестороннего изучения объекта вербовки и подведения к нему нашего опытного разведчика-нелегала под видом гражданина третьей страны. Первый контакт посеял у нас немало сомнений в реальности достижения поставленной цели — иностранец воспринял зондаж довольно холодно.

Тем не менее работа с ним была продолжена, и благодаря мастерству и находчивости нашего разведчика дела постепенно стали налаживаться, более того, со временем удалось перевести начавшееся сотрудничество в плоскость близких личных отношений.

В какой-то момент у нашего нового помощника возникли подозрения насчет принадлежности оперативного работника к той стране, от имени которой он выступал. Чтобы развеять их, приходилось регулярно подпитывать разведчика свежей информацией, в том числе и сугубо местного значения, разработать для подкрепления его легенды целый комплекс других мер.

Наши усилия увенчались успехом: контакты получили нужное развитие и сотрудничество — якобы на третью страну — пошло как и положено.

Шло время, работа продолжалась к взаимному удовлетворению обеих сторон. И тут произошло непредвиденное: один переданный источником материал, имевший особую важность и срочность, без согласования с нами был реализован Министерством иностранных дел в печати.

По этой публикации наш агент сразу понял, на кого он работает в действительности. Последовало бурное объяснение, после которого у нашего разведчика, да и в центре возникли

опасения, что мы можем потерять ценного агента. Но все, к счастью, обошлось, сотрудничество не прекратилось, интенсивность передачи материалов не снизилась, скорее наоборот, а тематика поступающих от агента данных была скорректирована в нужном для нас направлении.

Спустя несколько лет агент ушел в отставку и лишился возможности добывать нужные для нас сведения. Однако мы продолжали оказывать ему помощь, что воспринималось им, надо сказать, с большой признательностью.

За время сотрудничества с нами у этого человека в корне изменились взгляды в отношении Советского Союза — он стал не просто агентом, но и нашим соратником. Возникал даже вопрос, не организовать ли ему закрытую поездку в Советский Союз в знак нашей признательности за оказанную помощь? Но в конечном счете решили все-таки не искушать судьбу и от этой затеи отказались.

Несколько лет советская разведка поддерживала контакт с одним важным источником информации. Это был довольно необычный случай. Дело в том, что агент, хотя давно и активно работал на нас, тем не менее не раскрывал перед нами своего имени. Более того, мы даже не знали его в лицо!

На контакт с ним выходили дважды в год, причем время и место проведения операции он также всегда подбирал сам. Каждый раз он видел нас, а вот мы его нет.

Но однажды наш разведчик, прибыв на очередную встречу с этим необычным агентом, заметил у назначенного места наружное наблюдение. Операцию тут же отменили и стали дожидаться запасного варианта. Но и на следующей встрече заметили опасность — опять осечка.

Мы с большим трудом подали об этом сигнал нашему источнику, спасли его, но надолго потеряли контакт с ним. Одно время мы даже полагали, что он больше вообще не выйдет на связь. Но в советской разведке неукоснительно действует принцип: главное — безопасность источника. Кто начинал работать с нами, вскоре убеждался в этом. Кстати, такой подход оказывал благотворное моральное воздействие на наших помощников.

К числу интересных приобретений советской разведки в 80-х годах следует отнести Эдварда Ли Ховарда, гражданина США, бывшего сотрудника ЦРУ, которого планировали использовать под прикрытием посольства США в Москве для поддержания контактов с ценной американской агентурой в нашей стране. Однако перед самой отправкой в Советский Союз Ховард повздорил с начальством и вконец испортил отношения со своим

ведомством.

В ЦРУ сочли невозможным оставлять Ховарда в разведке, и он вынужден был распрощаться с прежней работой. Случившееся настолько задело самолюбие опального разведчика, что он стал подумывать о том, чтобы покинуть Соединенные Штаты и переехать на жительство в другую страну.

О выезде в Советский Союз он поначалу и не помышлял. По причинам, которые я не буду здесь обсуждать, Ховард случайно попал под подозрение американской контрразведки. Она не только не выпускала Ховарда из виду, но и установила за ним плотное наружное наблюдение.

Обнаружив слежку, Ховард принял окончательное решение покинуть США и направиться в Советский Союз. В сентябре 1985 года в одной из европейских стран наша служба установила с ним контакт и помогла благополучно добраться до Москвы.

Начался непростой период адаптации Ховарда к условиям жизни в Советском Союзе. Будучи широко образованным и интеллектуально развитым человеком, он, однако, обладал крайне неустойчивой психикой, был легко раним. Тяжело переживая разлуку с семьей, прежде всего с женой и сыном, к которым был искренне привязан, Ховард часто впадал в депрессию. Настроение его менялось по нескольку раз на день, причем, казалось бы, без всякой на то причины.

От безудержного веселья через минуту могло не остаться и следа, доброжелательность и общительность легко переходили в замкнутость и даже агрессивность. В часы нервных срывов с ним могли общаться только наиболее близкие ему люди.

Но такие приступы проходили сравнительно быстро, и тогда перед нами вновь представал умный и тактичный собеседник, внимательно прислушивающийся к советам и пожеланиям, досконально выясняющий все интересующие его вопросы.

Ховард обладал широкой эрудицией, неплохо разбирался в экономике, финансовых проблемах, а бизнесмен он, как говорится, вообще от Бога. Имея денежные сбережения на счетах западных банков, Ховард активно играл на разнице курсов валют и почти никогда не оставался в проигрыше.

С согласия Ховарда несколько советских специалистов были ознакомлены с его методикой и приемами извлечения выгоды из игры на валютной бирже и дали им высокую оценку. Практическую ценность имели и предоставленные им сведения о практике работы со вкладами частных лиц в банках некоторых западных стран. Пожалуй, лишь к политике он не только не питал никакого интереса, но даже испытывал какое-то отвращение.

Ховарда с полным на то основанием можно назвать смелым

человеком, но с явным налетом авантюризма и любви к бесшабашному, не всегда оправданному риску.

Несмотря на привязанность к жене и сыну, Ховард через некоторое время общения с ними начинал испытывать потребность в смене обстановки, ему нужны были новые впечатления.

Он охотно совершал поездки по стране, старался лучше познакомиться с Советским Союзом, побывал на Кавказе, Украине, в Сибири, Прибалтике.

Конечно, по своим личным данным и моральным качествам Ховард явно не подходил для работы в ЦРУ, он это и сам понимал. Но и ему ЦРУ нравилось не больше: правдоискателю, вечно борющемуся с несправедливостью, претила сама природа этой организации, формы и методы ее работы.

А вот для советской разведки Ховард представлял значительный оперативный интерес. За многие годы это был первый сотрудник ЦРУ, готовившийся для работы в американской резидентуре в Москве, который пришел к нам по личной инициативе. Потому-то наше сотрудничество и оказалось столь эффективным.

Желание Ховарда побывать на Западе и решить там некоторые личные дела привело к тому, что он несколько раз под чужой фамилией выезжал в другие страны, с удовлетворением отмечая отменное качество изготовленных нами документов, которые выдерживали самую строгую проверку. Более того, Ховард посетил даже Соединенные Штаты, что он расценил, по-моему, как поистине упоительное приключение. Ему, как он сам признавался, доставило большое наслаждение в очередной раз провести ЦРУ. Правда, пробыл он в Штатах недолго — не стоило испытывать судьбу.

Ховард, несомненно, был патриотом своей страны, любил родину, тяжело переживал разлуку с ней. Он решился на отъезд в Советский Союз, до глубины души оскорбленный несправедливостью, которая, по его мнению, была допущена по отношению к нему. Его и в самом деле лишили заработка, расторгли договор, поломав тем самым все материальные расчеты семьи.

Ховард скрупулезно подсчитал нанесенный ему ущерб и в разговорах не раз возвращался к этой теме.

Вообще Ховард всегда крайне болезненно реагировал на ущемление своих прав. Поэтому за долгие годы жизни в нашей стране он так и не смог привыкнуть к некоторым сторонам нашей действительности, например к нашей сфере обслуживания, которая возмущала его с самого первого дня. Он частенько

устраивал разборки в магазинах, наивно пытаясь втолковать нашим продавцам такой понятный для американца принцип, что клиент всегда прав.

Потом Ховард лишился заботливого покровительства в нашем лице, и я не могу исключать того, что в один прекрасный день его могут сдать, так же как это сделали с целым рядом других помощников советской разведки. Именно поэтому я и не говорю о конкретных моментах нашего общения с этим человеком, могу только сказать, что оно явилось для нас поистине бесценным, помогло решить несколько действительно крупных проблем.

Просто для размышления могу сказать, что деятельность в пользу американской разведки бывшего сотрудника одного из наших научно-исследовательских институтов нанесла государству ущерб, исчислявшийся миллиардами долларов. Ущерб же от передачи сведений, наносящих ущерб безопасности государства, вообще не поддается какой-либо оценке, поскольку невозможно сказать, сколько стоит сама безопасность. А с помощью Ховарда нам удалось перекрыть опасные каналы утечки жизненно важной для безопасности СССР информации.

Нелепый случай преждевременно оборвал жизнь этого незаурядного человека. В июле 2002 года Ховард случайно упал на своей подмосковной даче, получил тяжелую травму и скончался. Ему было всего 50 лет. Жена с сыном приехали из Штатов в Москву и увезли урну с его прахом на родину. Не думаю, что история Эдварда Ли Ховарда на этом завершилась. Его жизнь — стоящий сюжет для художественного фильма — содержательного, захватывающего, поучительного.

Сведения на агентуру во всех спецслужбах — наиболее оберегаемые оперативные данные. Лишь весьма ограниченный круг лиц в разведке и контрразведке может быть осведомлен о действующих агентах. А о наиболее важном агенте в спецслужбе, как правило, знают всего несколько человек: три-пять, не более. Только таким образом можно снизить до минимума риск утечки.

Но в любой самой строгой системе есть свои изъяны и слабые места. По ходу работы хотя бы косвенные данные об агентах неизбежно становятся известными более широкому кругу сотрудников. Всю эту механику хорошо представляют себе в любой спецслужбе и используют малейший промах противника для того, чтобы проникнуть в его святая святых, получить доступ к информации о его агентуре.

Приобретение в последнее время нужных источников на этом направлении, то есть агентов непосредственно в спецслужбах противника, — несомненно, огромная удача советской разведки и

контрразведки, плод усилий всего коллектива.

Оперативный аспект работы с агентурой из числа сотрудников спецслужб особенно важен и сложен. Здесь нужно прежде всего остерегаться провала. Ведь в случае подозрения сотрудника спецслужбы в измене для проверки этой версии применяют весь арсенал средств, причем с учетом того, что приходится иметь дело с профессионалами, работа эта ведется особо филигранно. Кроме того, есть все возможности организовать тонкую проверку, в ходе которой представляется шанс выявить, является ли данное лицо каналом утечки информации или нет.

Поэтому к работе по спецслужбам привлекаются самые опытные сотрудники, наделенные необходимыми для этого качествами, и для них работа с источником из спецслужб становится как бы второй жизнью.

Именно благодаря агентурной работе по спецслужбам противника нам удалось выявить довольно разветвленную агентурную сеть в нашей стране. При этом первостепенное значение придавалось сведениям по агентуре противника из числа сотрудников органов госбезопасности и Главного разведывательного управления Министерства обороны.

Те, кто вышел на ценные источники из числа сотрудников спецслужб и закрепил с ними отношения, заслуживают самой высокой похвалы. Они были щедро вознаграждены и внутренне имеют все основания испытывать чувство законного удовлетворения. Но открытая слава, публичное признание придут к ним значительно позже, быть может, уже не при их жизни.

Помимо несомненных успехов, которые имела наша разведка, были, конечно, и провалы, тяжелые поражения. Это происходило в условиях все усиливающейся подрывной деятельности западных спецслужб и нашей «податливости» и уступчивости в политике по многим вопросам.

Предательство — это самое тяжелое, самое страшное событие для органов госбезопасности, и особенно для их разведывательных служб. Ущерб от такого предательства может достигать значительных масштабов, иногда исчисляется миллиардами рублей и оборачивается, соответственно, не меньшим приобретением для государства, на которое работает агент.

Наиболее трудная задача по пресечению агентурного проникновения — получение сведений хотя бы о малейших признаках деятельности источника противной стороны. Добыча же прямых, конкретных данных на агентуру — дело вообще исключительно трудное. В истории советских органов

госбезопасности таких удач было не так уж много, и эти разоблачения по праву считаются нашим крупнейшим оперативным завоеванием.

В конце 70-х годов руководство советской разведки решительно отказалось от продолжения ряда конкретных разработок по поиску агентуры противника ввиду их явной бесперспективности. Отдельные из таких оперативных дел велись по инициативе бывшего руководителя внешней контрразведки Первого главного управления Калугина.

Не хочу утверждать, что Калугин во всех случаях сознательно направлял усилия советской разведки по ложному следу, однако не вызывало сомнений другое — очевидная бесперспективность таких разработок; и при этом велись дела, которые для многих представлялись никчемными, хотя усилий на них затрачивалось немало.

Помню одно из таких дел. После очередного доклада Калугин внес предложение о возбуждении уголовного дела в отношении одного сотрудника Первого главного управления, который, по его мнению, мог быть связан с одной из западных разведок, причем, опять же по его мнению, оснований для таких подозрений было достаточно. В случае его ареста, утверждал Калугин, дело кончится положительным результатом: подозреваемый не вынесет психологических нагрузок и даст признательные показания.

Внимательное ознакомление с делом убедило меня в том, что такое утверждение не имеет под собой никакой серьезной почвы. Я решительно выступил против и предложил вообще прекратить дальнейшую разработку.

Спустя некоторое время сотрудник, в отношении которого Калугиным предлагалась такая мера, внес существенный вклад в работу на одном из важных направлений внешней контрразведки и помог в разоблачении агентуры противника.

Конечно, это наводило на размышления. Я неоднократно прокручивал в памяти этот случай и не мог отделаться от горького ощущения, что в случае принятия предложения Калугина мы не только пошли бы по ложному следу, но и поломали бы судьбу человека, что в конце концов обернулось бы трагедией для сотрудника и серьезными издержками для службы.

Лишь в начале 80-х годов ценой огромных усилий советской разведки и контрразведки удалось выйти на обширную агентурную сеть в Советском Союзе, получить не только косвенные данные, но и конкретные имена. Речь идет о разоблачении десятков агентов западных спецслужб, вербовка

которых состоялась в разное время — от одного года до тридцати лет назад.

Помимо активно действующих предателей были и такие, кто по возрасту уже отошел от дел, а некоторых к тому времени и вовсе не было в живых. Когда был подведен итог работы Калугина на посту заместителя руководителя, а затем и руководителя внешней контрразведки, то вывод оказался любопытным: за годы работы Калугина на этом участке были далеко не единичными случаи вербовки противниками наших сотрудников, а вот разоблачений, пресечений предательства — ни одного!

Наши предположения о серьезном, глубоком проникновении западных спецслужб в органы госбезопасности, военную разведку, научные центры, на важнейшие объекты промышленного производства и в некоторые другие организации, к сожалению, получали новые подтверждения, всплывали новые имена. Заново были подвергнуты основательному объективному анализу поступившие в разведку и контрразведку сигналы об агентурной деятельности противника.

Были изучены также появившиеся в разные годы публикации в средствах массовой информации, изданные за рубежом книги, а также доклады, представленные спецслужбами парламентам и руководству тех или иных стран.

Естественно, нас и раньше настораживали труднообъяснимые провалы советской разведки и контрразведки, накладки, возникавшие в ходе отдельных операций, неудачные попытки, казалось бы, вполне реального проникновения в соответствующие структуры ведущих капиталистических стран. Косвенных данных о наличии предателей накопилось множество, но ниточки, ведущие к источникам, размотать до конца никак не удавалось.

Безуспешные попытки разоблачить агентуру, разумеется, доставляли нам немало беспокойства. Появилась нервозность, от сознания собственного бессилия у некоторых буквально опускались руки.

В таких условиях важно было прежде всего сохранить моральный климат в коллективе, не дать разгуляться волне шпиономании, избежать необоснованных подозрений в отношении честных сотрудников, а главное, не ослаблять усилия и продолжать целенаправленную работу по выявлению агентуры в наших рядах.

Я, как руководитель разведки, пытался успокоить товарищей, призывал проявлять выдержку, стремился вселить в них веру в успех, хотя и сам находился под гнетом тяжелых раздумий.

Кстати, не лучшие времена переживала и наша внутренняя контрразведка. Ее сотрудники также отдавали себе отчет в том,

что в Советском Союзе действует агентура противника — соответствующие сигналы поступали и к ним. Были на счету контрразведки и отдельные разоблачения, но они погоды не делали. Солидных же успехов и у них, однако, тоже не было.

Среди контрразведчиков появилась даже довольно любопытная теория, согласно которой нашим контрразведывательным подразделениям как в центре, так и на местах якобы удается пресекать попытки агентурного проникновения в нашу страну в самом начале и тем, дескать, не допускать более глубокого внедрения агентуры в государственные структуры. Для меня же было абсолютно ясно, что подобная точка зрения является всего лишь попыткой как-то объяснить отсутствие результатов в борьбе с действующей агентурой, и не более того.

Действительно, наша контрразведка ежегодно разоблачала по нескольку инициативников, которые стремились установить контакты с представителями западных стран, в основном работавшими в посольствах. В ходе таких контактов инициативники предлагали подчас представляющие интерес для Запада материалы, однако далеко не все из них представляли серьезную опасность для нашего государства. Но эти разоблачения не могли объяснить, например, фактов многочисленных провалов, с которыми сталкивалась разведка.

Итак, не вызывало сомнений, что требуются дополнительные согласованные усилия разведки и контрразведки, а точнее, постоянное более тесное взаимодействие между ними для того, чтобы выявить каналы агентурного проникновения в нашу страну, ликвидировать уже существующую шпионскую сеть и, опираясь на полученные результаты, надежно перекрыть пути проникновения западных спецслужб в будущем.

Стоит отметить вклад бывшего начальника внешней контрразведки ПГУ Анатолия Киреева в выявлении иностранной агентуры.

Под руководством Киреева в конце 70-х — начале 80-х годов в ПГУ работала группа опытных оперативных работников специально по выявлению агентуры.

Это исключительно сложная, кропотливая, требующая длительных по времени усилий работа. В распоряжении оказывался подчас небольшой отрывочный признак, сигнал, отталкиваясь от которого оперативный работник по неведомым лабиринтам разработки добирается до цели.

Киреев лично провел ряд весьма успешных, высокопрофессиональных операций, был настойчив и целеустремлен, вкладывал много сил и старания. Смело отбросил

шаблоны, по-новому подошел к оценке и анализу когда-то проверявшихся и положенных на полки сигналов. Несколько лет назад он умер, тяжелая болезнь подкосила его.

К середине 1985 года появились первые ощутимые успехи на этом пути. Перед нами встал вопрос о том, чтобы оптимальным образом решить две главные задачи: во-первых, обеспечить безопасность каналов получения нами этой информации и, во-вторых, в полной мере реализовать добытые материалы.

Обе задачи были тесно взаимосвязаны, но в какой-то мере и исключали одна другую. На первое место, как и всегда в таких случаях, ставилась задача обеспечения безопасности нашей собственной агентуры. Это диктовалось не только интересами службы, но и морально-нравственными соображениями, продиктованными нашими обязательствами перед источниками. Реализация материалов поэтому осуществлялась поэтапно, по мере того как были предприняты все необходимые меры по выведению из-под удара того или иного нашего агента.

По предложению разведки было строго оговорено, что контрразведка не вправе самостоятельно реализовывать полученные от нас данные, предпринимать какие-либо шаги без согласия Первого главного управления. Эта договоренность в принципе соблюдалась, хотя и были достойные сожаления промахи, которые доставили нам немало хлопот и привели к серьезным издержкам.

Был случай, когда пришлось проводить очень сложную и рискованную операцию для спасения одного нашего весьма ценного источника только из-за того, что контрразведка не проявила должной выдержки и решилась на необдуманный шаг по реализации полученных от нас материалов, даже не предупредив заблаговременно разведку о готовящейся акции.

И все же, несмотря на всю сложность этой масштабной операции, в целом она проходила успешно. Органы контрразведки, а затем и следствие провели огромную работу по составлению довольно полной картины деятельности завербованных лиц, определению и локализации причиненного ущерба и принятию мер по предупреждению подобных рецидивов в будущем.

Для аналитической работы был получен богатейший материал: ранее имевшиеся косвенные сведения, отдельные сигналы, мимо которых иногда просто проходили, сопоставлялись с имеющимися теперь доказательствами.

Предварительное и судебное расследование по сугубо конкретным делам также давало богатую пищу для анализа, определения оптимальных путей дальнейшей оперативной

работы. Удалось составить поучительный портрет предателя, генезис явления предательства как такового.

Стали очевиднее изъяны в нашей кадровой работе. Почти во всех случаях выявлялась одна печальная истина: ущерб мог бы быть значительно меньшим, если бы строго соблюдались установленные нормы оперативно-служебной деятельности, секретного делопроизводства, если бы в учете и обработке информации, а также при ее реализации неукоснительно соблюдались все правила конспирации.

Причины лежали не в самой системе, а в той расхлябанности, небрежности, потере бдительности, которые, к сожалению, проявлялись у многих наших сотрудников. Что и говорить, оценки были нелицеприятными, но должные выводы из них мы сделали.

К числу наиболее ярких оперативных приобретений советской разведки и открывшихся после этого огромных, без преувеличения уникальных возможностей, причем в области исключительных интересов Советского государства, а затем и России, следует, несомненно, отнести Олдрича Эймса. Никакой оценочной шкалой невозможно измерить его значимость, и нет той награды, которая была бы достаточной для того, чтобы достойно отметить труд тех, кто работал с ним за границей и в Центре. Эймс не только был сотрудником Центрального разведывательного управления, он работал на советском направлении, то есть имел прямое отношение к агентурной работе спецслужб Соединенных Штатов в Советском Союзе и к нашей разведывательной деятельности в Америке.

На протяжении длительного времени, в течение, пожалуй, 20–25 лет, в 60-х — начале 80-х годов, советские спецслужбы — контрразведка и разведка — имели, прямо скажем, совершенно неудовлетворительные результаты в борьбе с иностранным агентурным проникновением. Были единичные случаи разоблачений — например, дела полковника Главного разведывательного управления (военная разведка) Пеньковского (1962 год), Ветрова — сотрудника внешней разведки КГБ СССР (1982 год), еще нескольких менее значимых фигур. Однако это было не очищением наших рядов, а скорее еще одним подтверждением наличия довольно разветвленной сети агентуры противника в важных государственных объектах Советского Союза. Разоблачения носили эпизодический, в принципе случайный характер. Получаемые в то время сведения не оставляли никаких сомнений в том, что наш оперативный противник не только внедрился в ряд важнейших государственных объектов, но и продолжал укреплять свои

позиции с большим заделом на будущее.

Что особенно настораживало? Необъяснимые провалы в нашей оперативной работе, упреждающие акции противника, утечка сведений, прицельные акции в отношении наших оперативных сотрудников, еще, казалось, ничего не сделавших для своей засветки. Ничем иным, как наличием агентуры зарубежных спецслужб в Министерстве обороны, Главном разведывательном управлении Генштаба, Комитете госбезопасности, Министерстве иностранных дел, Министерстве внешней торговли и ряде других ведомств и учреждений, объяснить все это было невозможно.

Нужно было спасать положение, и тут в общем-то было два выхода.

Первый — тотальная проверка целой армии сотрудников, имевших то или иное отношение к государственным секретам. Но это было бы грубым нарушением закона, прав человека, к тому же на это просто не хватило бы никаких сил и возможностей.

Второй — проникновение в те организации, в те структуры других государств, где находятся оперативные сведения на интересующих нас лиц.

Конечно, Комитетом госбезопасности принимались необходимые меры, в частности, на территории Советского Союза: оперативные игры, проверки для выявления возможных каналов утечки секретов и обнаружения признаков интереса к ним со стороны западных спецслужб. Такие игры и проверки охватывали не только отдельные объекты, но и целые отрасли, значительные территории, были длительными по срокам проведения. Все это требовало большой организаторской работы, значительных сил и средств.

Поступали представляющие интерес сведения, обобщенные материалы, в частности, о положении дел по охране секретов на закрытых объектах, но все-таки конкретных результатов мы не получали, фактов выявления и разоблачения агентуры не было.

В чем заключались основные трудности в приобретении столь нужных нам позиций в спецслужбах противника? Уже сам подход к сотруднику специальной службы — задача со многими неизвестными. Ведь речь идет о профессионале, который прошел соответствующую подготовку и приобрел опыт работы по вербовке агентуры. Он, как правило, дисциплинирован, строго соблюдает режим работы, нормы поведения, осведомлен об устремлениях и практике деятельности противной спецслужбы, и потому весьма затруднительно установить с ним прямой контакт. Профессионал, будь то разведчик или контрразведчик, отчетливо понимает смысл проявляемого к нему интереса и, как правило,

немедленно докладывает обо всем руководству. Почти всегда, за редким исключением, даже безобидный контакт с ним может послужить поводом для осложнений, неприятностей на политическом уровне. Поэтому крайне важным, даже непременным условием является добровольность, личное желание сотрудничать с нашей службой. Другое дело — на какой основе. Все зависит от мотивов решения источника работать с нами.

Почти в каждом случае приходится решать проблему материального фактора. Она неизбежно возникает, но далеко не всегда является определяющей и решающей. Обобщая, можно сделать такой вывод: в работе советской разведки материальная сторона не играла первостепенной роли. Нам не удавалось поддерживать прочные связи и добиваться необходимых результатов, если источник не проявлял хотя бы минимального понимания целей и устремлений советской разведки, интересов Советского государства. Только такое понимание создавало положительный морально-политический фон для нашей работы. Судя по всему, у России в последние годы возникли определенные трудности именно в этом отношении. В советское время, даже если источник и был политически и идейно не во всем с нами согласен, он, как правило, в более или менее значительной степени всегда разделял наши взгляды и позиции. На основе многолетнего опыта можно выделить то главное, что сближало политические позиции советского разведчика с источником из числа граждан другой страны. Это социальная политика нашего государства, достойный уровень жизни подавляющей части людей. Иностранцам импонировали общественный порядок, безопасность граждан. Уровень культурной жизни, система образования, доступ к науке вызывали глубокие симпатии. Добрые, равноправные отношения между многочисленными национальностями были предметом нашей особой гордости и вызывали большой интерес за рубежом, где во многих регионах кровавые конфликты на межнациональной почве следовали один за другим. Советский Союз демонстрировал высокие достижения в науке и технике, что было очевидно и признавалось во всем мире. Международные позиции Советского государства отличались прочностью и большим влиянием.

Что предопределило серьезные успехи советской разведки и контрразведки в приобретении в 80-х годах столь нужной нам агентуры в важных объектах за рубежом, и в частности в иностранных спецслужбах? Прежде всего становился более благоприятным политический фон. Ветер перемен в Советском

Союзе оказывал свое воздействие на умонастроения людей в других странах. На первых порах речь ведь не шла об отказе от социализма. Провозглашалось обновление общества под девизом: «Больше социализма, больше демократии!» На Западе считали, что Советский Союз усилит свое международное влияние, с чем не смогут не считаться ведущие капиталистические страны. Люди во всем мире потянулись к нам с новым интересом, увидев в грядущих переменах возможность умножения мощи нашей державы, усиления ее влияния на дела в мире. Мало кто думал в 1985–1986 годах, что перестройка обернется другой, негативной, разрушительной стороной и дела в нашей стране и в мире в целом пойдут не так, как представлялось поначалу.

Есть и еще одно весьма важное обстоятельство, которое сопутствовало успехам в нашей оперативной работе. Речь идет о методах, приемах, да и сути оперативной деятельности советской разведки. Они исключали применение насилия, грубого психологического воздействия, вообще использования приемов, унижающих человеческое достоинство. Сотрудники западных и других спецслужб хорошо знали это, хотя буржуазная пропаганда утверждала совсем другое. Сотрудники иностранных спецслужб отлично знали и то, что советская разведка неизменно проявляла заботу о личной безопасности источника. Тот, кто вступал на путь сотрудничества с нами, чувствовал это с первых же шагов. Ни одна операция по связи с агентом, ни одно оперативное мероприятие не проводились, если они таили в себе очевидную угрозу его личной безопасности.

Материальный фактор, конечно, присутствовал, когда это было главным условием сотрудничества агента с нами. Однако даже в тех случаях, когда материальное вознаграждение источнику не выплачивалось, мы старались проявлять ощутимую заботу о нем, особенно после того, когда он уходил со службы на пенсию по выслуге лет или по возрасту. Это было нужно не только источнику, но и нашим сотрудникам, поскольку воспитывало в них гуманный подход и прививало моральную ответственность перед теми, кто какое-то время был с нами вместе.

Короче говоря, для нас агент был прежде всего личностью — как по форме взаимоотношений, взаимодействия, так и по существу. Не были исключением и американцы. Молва гласит, что американцы, мол, исключительно прагматичны, переводят все на чистоган и, кроме денег, ничего не признают. Я убедился в том, что это далеко не так. Почти в каждом из них рано или поздно берет верх думающая личность.

Разумеется, агентурная работа требует соответствующего

организационного обеспечения, постоянного анализа, обобщения, учета различных ситуаций при понимании того, что прямых аналогий в разведке нет, а тем более нет готовых рецептов на все случаи жизни. Главным же звеном во всей агентурной работе является оперативник, сам агентурист, имеющий природные и приобретенные данные для занятий именно этим видом деятельности. Конечно, не каждый агентурист обладает достаточно широким политическим кругозором, умением заниматься анализом политических проблем. Хотя идеальным является сочетание хороших аналитических способностей с умением работать с людьми. Но одно несомненно: сотрудник, побуждающий гражданина другой страны работать на свое государство, должен быть интеллектуалом.

Такова совокупность наиболее значимых факторов и мер, из которых исходила советская разведка в работе по приобретению иностранной агентуры. Вместе взятые, они дали свои результаты; именно разумное сочетание политических и оперативных сторон позволило в середине 80-х годов добиться прорыва на этом направлении. Однако в 1988–1989 годах бум прошел, и главная причина состояла в том, что изжили себя те позитивные факторы, о которых шла речь выше. Перестройка не только перестала давать положительный эффект, а наоборот, все более раскачивала обстановку в СССР и порождала за рубежом сомнения в способности сохранить Советское государство. В то время уже мало кто хотел иметь с нами дело. С одной стороны, из-за опасений за свою личную безопасность, а с другой — вследствие непонимания того, что происходило у нас и вокруг нашей страны. Именно тогда мир стал свидетелем, как в Советском Союзе деструктивными силами наносился удар за ударом по армии, органам госбезопасности, по всей системе государственности, как очернялась история, как поднимали руку на то, что не только является святыней для нашего народа, но и признается таковой во всем мире. Я имею в виду прежде всего попытки бросить тень на победу Советского Союза во Второй мировой войне.

Именно на рубеже начала перестройки и завязались наши связи с Олдричем Эймсом. Вскоре мы пришли к выводу, что согласие на сотрудничество с нами было с его стороны осознанным и искренним шагом. Я долго размышлял над побудительными мотивами его поступка и помимо общих причин, о которых сказал выше, пришел к выводу, что немаловажную роль в развитии контактов с ним сыграли личные качества тех, кто, будучи сотрудниками советских спецслужб и других организаций, изменил Родине и стал работать на США. Эймс хорошо знал их и мог составить о них полную картину. Все эти люди были

ущербными в морально-нравственном отношении, склонными к злоупотреблению спиртным, меркантильными, исповедовавшими двойную мораль. Для них Родина, родители, близкие, друзья были мало что значащими понятиями. Не скажу, что все эти люди были карьеристами. Если кто-то из них и был подвержен этому, так опять-таки не потому, что испытывал обоснованное чувство ущемленности, а главным образом потому, что не мог без продвижения по службе удовлетворить свои эгоистические устремления. Некоторые из числа разоблаченных бывших сотрудников КГБ и ГРУ были приговорены к высшей мере наказания и расстреляны. На последней стадии рассмотрения их дел им было отказано в помиловании, и ни в суде, ни в комиссии по помилованию при Президиуме Верховного Совета СССР на этот счет ни разу не возникали разногласия. Как-то, уже позже, мне довелось поговорить с судьей, имевшим отношение к рассмотрению дела одного из таких лиц. Я поинтересовался побудительными мотивами столь строгого подхода. Ответ был однозначным: всеми осужденными за измену Родине двигало одно — эгоизм, корыстолюбие. Речь не шла о перемене отношения к советской идеологии, о стремлении изменить социально-политический строй в нашей стране или о коренном несогласии с внутренней и внешней политикой. Нет! Тут сомнений у них не возникало, и свои взгляды на основополагающие ценности они не меняли. Характерно, что каждый из них, анализируя в ходе следствия и суда свое перерождение, не находил для себя оправдания и считал, что весь порочный путь к трагическому финалу проделал по собственной вине.

А вот, к примеру, «кембриджская пятерка» советских агентов была совсем другой. Это были люди глубоких убеждений, верные своим идеалам, совпадающим с идеологией и политикой Советского государства, поначалу в одиночку отстаивавшего свои независимость и достоинство, мир между народами перед лицом всего международного капитала. Их вклад в борьбу Советского Союза был поистине уникальным и неоценимым.

Другим был и Олдрич Эймс. Это — цельная натура, человек думающий, ищущий. Он патриот Америки, любящий свою страну, но не воспринимающий политику и методы умножения ее богатства и мощи. Эймс не передавал нам ничего такого, что могло бы нанести ущерб США или раскрыло бы сугубо американские секреты. Он с интересом наблюдал за переменами в нашей стране, верил в миролюбивый характер советской внешней политики. Он отлично знал, кто из числа советских граждан стал на путь сотрудничества с американскими

спецслужбами, видел, что они собой представляют, и постепенно пришел к решению помочь Москве. Для него это было непростым, но в морально-нравственном отношении выстраданным и осознанным шагом.

Эймс решился на работу с нами не в одно мгновение. Да и нам поначалу не все было ясно, предстояло убедиться в искренности его намерений. Однако особого труда это не представило, поэтому очень быстро было принято решение не разочаровывать его намеком на недоверие, излишними вопросами, попытками получить от него доказательства честности и откровенности. Очень важно было ничем его не обидеть, а для этого с нашей стороны требовалось в высшей степени филигранное поведение, что и удалось соблюсти.

Должен сказать, что в общем-то мы с самого начала поверили в искренность Эймса, а если у нас и возникали вопросы, то исключительно в профессиональном плане: лишний раз проверить даже то, что, казалось бы, не вызывает каких-либо сомнений. Манера и характер его поступков, высказываний не походили на игру, не были похожи на провокацию. Даже чисто внешние штрихи его общения с советскими представителями располагали к нему, внушали доверие. Любая информация Эймса, каждое его слово находили подтверждение, хотя нередко это требовало немалых усилий, времени и соответствующей проверки. Нами предпринимались самые строгие меры по обеспечению его личной безопасности. Эти меры уверенно гарантировали конспиративность в работе, его надежную защиту в период сотрудничества с советской разведкой.

Анализируя историю дела Эймса, американцы главный упор делали на деньги. Оно и понятно — им было трудно выйти за рамки стереотипов мышления. Но деньги никогда не являлись главным условием его работы с нами. Мы, в свою очередь, в работе с Эймсом делали основную ставку на установление с ним близких идейно-политических отношений.

Эймс — профессионал высокого класса. Сотрудники спецслужб, сравнимые с его уровнем, встречаются не так уж часто. Его разведывательные и контрразведывательные навыки, плюс к этому природные данные часто освобождали нас от проявления конкретных инициатив по обеспечению его и своей безопасности. В значительной мере мы полагались на предлагаемые им условия связи и другие рекомендации.

В работе с профессионалами есть свои плюсы и минусы. И хотя первых больше, хватает и вторых. Во-первых, служба и оперативный работник попадают в определенную зависимость от источника — профессионала, с которым приходится иметь дело.

Во-вторых, источник волей-неволей переоценивает свои возможности и со временем теряет осторожность, расслабляется, начинает совершать недостаточно продуманные ходы.

Есть еще одно обстоятельство, характерное для профессионала. Психологически он настроен на то, что выполняет привычные для себя функции, кого-то разрабатывает, проводит разведывательные и контрразведывательные мероприятия. При этом он может упустить из виду, что то же самое могут совершать и применительно к нему.

Я не хочу бросить тень на показания Эймса в ходе следствия и на суде. Он неизменно производил впечатление человека правдивого, и в его положении не было смысла что-то скрывать. Многочисленные комментарии по делу Эймса не содержали даже намека на то, что он изворачивался, уходил от прямых ответов на вопросы, пытался вызвать жалость к себе. Нет, Эймс был и остался выше этого.

Я отнюдь не хочу сказать, что разоблачение американской агентуры в Советском Союзе можно отнести лишь на счет Эймса. Однако без Эймса масштабы разоблачения американской агентуры в СССР были бы иными.

Теперь о двух аспектах провала в связи с Эймсом — сначала с точки зрения американских, а затем и российских спецслужб. Могу нести ответственность за работу с Эймсом до августа 1991 года, то есть за период моего пребывания на посту начальника советской внешней разведки и председателя КГБ СССР. В этот период безопасность работы с источником обеспечивалась надежно и полностью. Во всяком случае неоднократные проверки подтверждали это. До последнего дня, то есть до моего ареста в связи с делом ГКЧП, я продолжал лично курировать работу с Эймсом и строго следил за тем, чтобы проявлялась максимальная сдержанность и осторожность. Таким образом, до этого момента провальная ситуация складывалась для американской стороны.

Эймс был арестован 21 февраля 1994 года в арлингтонском пригороде Вашингтона, что явилось отправной точкой в провальной ситуации уже для российских спецслужб. Когда ФБР напало на след Эймса и сколько они шли по этому следу — вопрос, ответ на который пока не просматривается ни в одной зарубежной или отечественной публикации. Он — в сейфах спецслужб. Версий провала может быть много, даже очень, но две из них, на мой взгляд, маловероятны: случайный выход американских спецслужб на Эймса или его ошибка, неосторожность. Подкинутая в американскую прессу причина провала — чрезмерные расходы Эймса на личные цели — скорее всего, отвлекающий маневр, попытка скрыть истинную причину

разоблачения, придумка для наивных. Уровень работы с такого рода агентом, его личные и профессиональные качества с большой долей уверенности позволяют предположить, что в данном случае мы имеем дело с предательством, с выдачей Эймса кем-то из тех, кто имел отношение к работе с ним или каким-то образом получил о нем информацию.

Фамилия агента — это еще далеко не все, чтобы его разоблачить. Нужно убедиться в его измене, неопровержимо доказать ее, и только после этого возможна реализация дела. По времени это требует порой весьма длительного срока. Если агент действующий, работающий, то с доказательной стороной, как показывает практика, дело обстоит проще. Ну а если он догадался, предупрежден и прекратил работу, то все становится значительно сложнее, если вовсе не безнадежно. Когда советские спецслужбы получали сигналы на активно работавших у нас агентов, сроки реализации дел, за редким исключением, были незначительными. Однако есть еще одно немаловажное обстоятельство: держать в секрете факты разоблачения агентуры практически невозможно, особенно после состоявшегося суда. В таких случаях часть агентуры хотя бы на время выходит из игры и, как выражаются профессионалы, «ложится на дно». И тогда неизбежен мучительный, долгий поиск и сложный путь к разоблачению агента. В советской разведке действовало непреложное правило: она никогда не обременяла своих агентов такими заданиями, которые могли повлечь для них хотя бы малейшую опасность. Тем более это не должно было быть исключением для Эймса.

В печати прошли сообщения о том, что конгресс США намеревается принять решение о предоставлении родственникам советских офицеров, погибших по вине Эймса, американского гражданства и оказания им помощи в трудоустройстве. У Эймса остался малолетний сын, проживающий ныне у бабушки в Колумбии. После шести лет пребывания в тюрьме выйдет на свободу его жена. Я считаю, что Россия тоже вправе и даже обязана проявить о них заботу. Правда, до сих пор поступки нынешнего российского руководства были совершенно иного рода. В феврале 1992 года Ельцин своим указом помиловал всех, кто отбывал наказание в исправительно-трудовых колониях за шпионаж в пользу США по статье 64 пункт «а» УК РСФСР. Некоторые из этих лиц были осуждены совсем недавно. Оказавшись на свободе, они выступили с громкими заявлениями, в которых изобразили себя невинно пострадавшими от советской власти. Они называли себя не иначе как борцами за свободу и права человека. После столь неожиданного для них освобождения

почти все они выехали в США. Там они получили причитающиеся им за шпионаж доллары, работу и сейчас живут в свое удовольствие, благодарят судьбу и радуются развалу Советского Союза. Среди них и бывший сотрудник советской разведки Южин, осужденный в свое время на 15 лет лишения свободы. Так, может быть, и американский президент последует примеру Ельцина, освободит Эймса от наказания и позволит ему выехать на постоянное жительство в Россию, а российские власти окажут ему, его семье достойное гостеприимство?

Считаю нужным внести ясность в один вопрос, связанный с нашим выдающимся разведчиком Кимом Филби, спекуляции вокруг имени которого в последнее время получили довольно широкое распространение в зарубежной и российской прессе. Речь идет о том, на какую страну в действительности работал Филби, был ли он искренне предан Москве, не являлся ли «тройным» агентом. Поводом для очередного всплеска подобных слухов о Филби послужила опубликованная в 1994 году в журнале «Нью-Йорк таймс мэгэзин» статья американского журналиста Рона Розенбаума. Автор статьи обнаружил в архиве известного писателя Грэма Грина подаренный ему Кимом Филби экземпляр своих мемуаров «Моя безмолвная война». Как известно, Грин и Филби были близкими друзьями до конца дней своих, с большим уважением относились друг к другу. Из пометок уже смертельного больного Грина, сделанных им на полях этой книги, Розенбаум пришел к заключению, что Филби, сотрудничая с советской разведкой и в силу обстоятельств оказавшись в Москве, обманывал Советский Союз, до конца оставаясь верным сотрудником английской секретной службы.

По мнению автора, о подлинной судьбе и взглядах Филби знают только он сам да еще несколько человек, в том числе руководители КГБ. По утверждению Розенбаума, а точнее, по его версии, Ким Филби искусно играл с самого начала «сотрудничества» с советской разведкой или был разоблачен английской контрразведкой позже, после чего его внедрили для агентурной работы в Советском Союзе. В обоснование автор ссылается также на недоверие, проявленное по отношению к Филби после его прибытия в Москву, куда он, опасаясь ареста, сбежал в 1963 году из Бейрута.

Ответ на эти и другие связанные с Филби вопросы я хочу дать, разумеется, не из желания помочь некоторым западным спецслужбам разобраться и установить истину, а лишь из стремления отвести даже тень навета от нашего верного товарища, кристально честного, мужественного, способного к самопожертвованию и гражданскому поступку, большой души

человека. Именно таким был Филби. Все, кто знал Филби не понаслышке, а по работе с ним, по личному общению, по многочисленным документальным материалам оперативных дел и архивов, сохранили именно такой образ этого легендарного человека, наделенного разносторонними познаниями и огромным интеллектом.

Действительно, на первых порах, когда Филби приехал в Советский Союз, к нему отнеслись без полного доверия, хотя для этого не было никаких оснований. Нельзя забывать, что сигнал о немедленном вылете в Советский Союз был дан ему именно из Москвы, потому что сведения о его предстоящем аресте были достоверными и не вызывали никаких сомнений. В Москве Филби подвергался проверке, за его квартирой велось наблюдение, телефон прослушивался, вся переписка тоже контролировалась. Но это было вызвано прежде всего мерами по обеспечению его безопасности. Безусловно, на принятии такого решения сказалось влияние стереотипных подходов, прежних традиций, инерция, перестраховка. Единственное, что может как-то оправдать жестокость подобных мер, — это необычность ситуации, неординарность личности Филби и всех обстоятельств, связанных с его приездом в СССР.

Еще в 1951 году у англичан возникли серьезные подозрения относительно возможного сотрудничества Филби с нами. Он даже вынужден был уволиться из английской разведки. После четырехлетнего следствия Филби реабилитировали и восстановили на службе. Многим эта история показалась, да и сейчас кажется, странной, однако эти события никак не повлияли на наше отношение к Филби. У Филби в Москве была уверенность в отсутствии у англичан каких-либо серьезных улик против него и его товарищей, хотя, конечно, риск его дальнейшего использования в наших интересах был весьма велик.

Вообще, любые обвинения в адрес Филби, предполагающие возможность его работы против Советского Союза и одновременно глубоко законспирированное сотрудничество с английскими спецслужбами, абсурдны, нелогичны по своей сути. Характер передаваемых Филби и его товарищами материалов, причем в течение длительного времени, был настолько тактически и стратегически важен, что уже одно это освобождает от необходимости доказывать честность и искренность источников. Многолетнее сотрудничество с нами Филби и его друзей, строгая конспиративность стали возможны благодаря, в частности, и тому, что вся работа с ними и способы реализации получаемых от них материалов постоянно являлись предметом личной заботы Сталина. Круг лиц, имевших доступ к их

материалам в Москве, был строго ограничен, и никто, кроме Сталина, не был вправе выходить за рамки установленного порядка.

Официальный Лондон или Вашингтон периодически делились с Москвой важной информацией, иногда она повторяла информацию, полученную от Филби и его друзей. Но если в основе мотивов этих людей лежало искреннее и горячее стремление помочь передаваемыми сведениями советскому народу, то Лондон же или Вашингтон, прежде чем передать Сталину материалы, раздумывали, взвешивали, насколько это соответствует американо-английским интересам, и действовали очень избирательно. Так что уже одно это обстоятельство объясняет, насколько важно для нас было то, что делала «кембриджская пятерка».

Последние полтора десятка лет жизни Ким Филби пользовался у советских друзей безграничным доверием и, что еще важнее, огромным уважением всех общавшихся с ним сослуживцев. Он регулярно встречался с сотрудниками органов безопасности в отдельности и коллективно, мог свободно посещать любое подразделение Комитета госбезопасности, был затребован во многие территориальные органы, выезжал в социалистические страны, имел все возможности для творческой работы.

Филби внимательно присматривался к советской действительности, не все понимал, что происходило в нашей стране, многое его расстраивало, в частности, наш быт он воспринимал с большим трудом. Он нередко предостерегал нас против поспешности в социально-политическом развитии страны. В 1977 году на встрече с Ю. Андроповым зашла речь о темпах развития экономики в Советском Союзе и о критике диссидентами застойных явлений в нашем обществе. И тут Андропов высказал то, что иногда звучало в его частных беседах с близкими товарищами по работе: «Возможно, кое-что следовало бы подправить в нашем общественном развитии, прибавить темпов в социальных переменах». Юрий Владимирович произнес это как бы в задумчивости, нечетко, то ли спрашивая, то ли констатируя. Реакция Филби была мгновенна. Улыбнувшись, он ответил: «Я хотя и коммунист, но сторонник английского консерватизма в мышлении». Затем, подумав, добавил: «Лучше не спешить». Андропов заразительно рассмеялся и просто подвел итог диалогу: «Очень интересно!»

Ким Филби был отмечен высокими советскими наградами, в том числе орденом Ленина. Но он, вопреки некоторым утверждениям западной прессы, не стал ни Героем Советского

Союза, ни генералом, хотя, бесспорно, заслужил и то и другое. За все время работы с нами в поведении Филби не возникло ни одного момента, который дал бы повод усомниться в его политической чистоплотности, преданности коммунистической идее и Советскому Союзу. Убежден, что такая оценка личности Филби, его деятельности и всего пройденного им жизненного пути со временем будет лишь утверждаться.

Первое главное управление осуществляло тесное взаимодействие с разведывательными службами социалистических стран. Многие годы оно было честным, глубоким, всесторонним и взаимовыгодным. Особенно полезен был обмен мнениями, оценками, информацией об устремлениях западных спецслужб в отношении социалистических стран и внутреннем положении в них.

Особенно следует отметить наше сотрудничество с друзьями из Германской Демократической Республики. Целые отрасли промышленности, науки получили у нас развитие в значительной мере благодаря усилиям немецких друзей по линии разведки. Материалы по фундаментальным расследованиям, новейшие технологии, технические образцы передавались нам безвозмездно в рамках сотрудничества. За десятки лет сотрудничества мы получили от друзей ценностей на десятки миллионов долларов.

От друзей поступала политическая информация. Она учитывалась при разработке важных внешнеполитических мероприятий, в том числе упреждающего характера.

Сколько наших разведчиков, попавших в тюремные застенки западных стран, выручили немецкие друзья. Они всегда были готовы оказать помощь. Поиски адвокатов, выходы на спецслужбы западных стран, обмен и т. д. Иногда за одного советского разведчика друзья отдавали по 10–12 человек, в которых была заинтересована противная сторона.

Они оказывали нам бесценную помощь в обеспечении безопасности советских учреждений и граждан за рубежом. Помогали предупреждать нападения, похищения людей, провокации. Мы тоже не оставались в долгу, старались помогать со своей стороны, и все-таки надо признать, что друзья из ГДР делали для нас куда больше.

Нельзя не сказать отдельно об одном нашем мужественном и верном друге, бывшем в течение трех десятков лет министром госбезопасности ГДР, — об Эрихе Мильке. Э. Мильке был, безусловно, немецким патриотом, глубоко любил свою родину, но счастье своего народа, его уверенное мирное будущее видел на путях дружбы и сотрудничества с Советским Союзом. Он был стойким коммунистом, последовательным и твердым в своих

идейных и политических убеждениях.

За огромный вклад в развитие и упрочение отношений между ГДР и СССР, в укрепление безопасности обоих государств Эриху Мильке было присвоено звание Героя Советского Союза. Это был единственный министр безопасности бывших социалистических стран, удостоенный самой высокой советской награды.

После развала ГДР Э. Мильке был осужден германским судом к шести годам тюремного заключения, отбыл наказание, вышел на «свободу» и оказался в трудных житейских условиях, но головы не склонил, достоинство не потерял. Сердце этого удивительного человека перестало биться совсем недавно, 21 мая 2000 года.

Об одном из своих единомышленников, боевом товарище Маркусе Вольфе, я хотел бы рассказать подробнее.

В конце августа 1991 года бывший руководитель разведки бывшей Германской Демократической Республики Маркус Вольф выехал из Советского Союза в Австрию с намерением попросить там политического убежища. Австрийские власти отказали ему в этом.

Думается, что Вольф ожидал такого решения. Тогда он объявил о своем намерении поехать в ФРГ и там сдаться властям, которые давно уже объявили о возбуждении против известного разведчика уголовного дела и немедленном аресте, как только он объявится в Германии.

Вольф действительно был задержан при пересечении австрийско-германской границы, а спустя несколько часов арестован. Через несколько дней Вольф был освобожден под залог 50 тысяч германских марок до суда. Ему было предъявлено обвинение в подрывной деятельности против ФРГ.

Так закончилась целая эпоха в жизни Маркуса Вольфа — этого необычного человека с необычной биографией, — но не только в жизни этой личности. Мир — свидетель окончания поучительной страницы в истории Германии и начала новой со многими неизвестными… Случай с Вольфом — всего лишь эпизод, правда волнующий и заметный, связанный с существованием в течение 40 лет целого государства — Германской Демократической Республики.

Он пошел по стопам своего отца Фридриха Вольфа — писателя, драматурга и, пожалуй, главное, — революционера, антифашиста. Этот путь его сын Маркус избрал сознательно и шел по нему до последнего. Уверен, что и сейчас он не свернет с него.

Во время Второй мировой войны Вольф был в Советском Союзе, куда приехал еще до ее начала вместе с родителями. Был

пропагандистом, диктором на радио, писал для передач на Германию, разоблачал фашизм. Вместе с советскими людьми переносил все тяготы и лишения. Об этом он вспоминал с гордостью. Именно тогда полюбились ему советские люди. Многие из них стали его личными друзьями. Осели на жительство в нашей стране его родственники. Советский Союз стал его второй родиной.

Вскоре после окончания войны Вольф был направлен на работу в органы госбезопасности. Около 35 лет был руководителем разведки Министерства госбезопасности ГДР. Искусство разведчика познал блестяще, показал способности организатора, политика, разведчика. На его личном счету много блестящих разведывательных операций. По задумкам и исполнению они соответствовали его интеллекту, профессиональной подготовке.

Высокопрофессиональным, боеспособным был и аппарат разведслужбы молодого немецкого государства. На Западе Вольфа побаивались, но и уважали. С ним считались!

А как Вольф (у нас многие звали его просто Мишей, чем он гордился) относился к Советскому Союзу, что он сделал для нашего государства?

Из нашего лексикона, к сожалению, почти исчезло понятие интернационалист. А он был им. Его уважение к нашей стране было не абстрактным, а совершенно конкретным. Это находило выражение в том огромном вкладе, который наши боевые друзья — разведчики ГДР вносили в укрепление Советского государства, в развитие его экономики, науки, в повышение обороноспособности.

Гордо и стойко занимала ГДР позиции форпоста социализма. Она признавала историческую оправданность установленных послевоенными соглашениями восточных границ с Польшей по Одеру и Нейсе. Это было непростым делом для немецких друзей. Для Польши это имеет неоценимое значение. Для новых властей Германии отход от такой позиции будет делом деликатным. ГДР стала членом ООН и начала играть все более заметную роль в мировом сообществе.

Не все делалось оптимально в лагере бывших социалистических государств, в том числе и в Советском Союзе. В политике этих стран немало было догматического, косного. От кажущейся незыблемости общественного строя появились самоуверенность, зазнайство, обозначился крен в направлении количественного развития в ущерб качественному, к волюнтаристским методам управления.

Разведка и вообще органы безопасности, в том числе и

Германской Демократической Республики, улавливали этот негатив, информировали руководство своих стран. Все было исправимо! Но беспечность пронизывала все.

Как много разговоров было у меня с Вольфом на эту тему. Разведкам удавалось заглядывать вперед куда дальше, чем некоторым стратегам из высшего руководства. Однако положение разведслужб было не настолько влиятельным, чтобы оказывать решающее воздействие на большую политику.

Сотрудничество между спецслужбами наших стран носило многосторонний и братский характер. Понятие «братский» у нас тоже ушло в небытие, а оно было наполнено глубоким смыслом.

Друзья щедро делились с нами опытом. В прошлом мы стремились всех «учить», будучи как бы постарше и имея за плечами опыт работы в течение многих лет. Но с годами все пришло в норму и обмен опытом приобрел взаимный характер. Обмен информацией, аналитическими материалами помогал раздвигать горизонт видения. Сколько поиска, споров, серьезных, интересных выводов, прогнозов и предложений! Все это ни на какие деньги не переведешь, но польза для всех была очевидна.

В самые трудные времена, и пожалуй, особенно в такие моменты, разведслужбы старались быть вместе. Степень откровенности была высокой.

Незадолго до распада ГДР Вольф ушел на пенсию, активно занялся творческой работой, писал книги. Но не прервал связи с Советским Союзом. Даже стал чаще бывать у нас, был в гуще событий, чему помогали совершенное знание русского языка, нашей действительности, большое число друзей в различных сферах советского общества.

Вольф имеет наши высокие правительственные награды. Он гордился ими.

Иногда в российских средствах массовой информации определенной направленности писали о нем с издевкой, а после ареста даже со злорадством. Мол, бывший глава разведки ГДР «выворачивается», укрывается от германского правосудия, сколько времени он еще будет на свободе и т. п.

Можно ли так поступать с друзьями, с теми, кто сердцем и душой был предан нам безгранично? Когда не стало ГДР, Вольф перебрался в Советский Союз, как он незадолго до этого выразился, в «последнее прибежище». Он опасался за развитие событий в нашей стране, за само государство, за Союз.

Нет, он не клял Германию, никогда не винил Советский Союз за то, что произошло в ГДР и вообще с нею. Осознав жестокую реальность, он вернулся в Германию, в свой родной город Штутгарт, чтобы там, на родине, доказать германским властям,

что его нельзя судить по предъявленному обвинению.

Да, он вел разведывательную работу против ФРГ, будучи руководителем соответствующей службы другого государства — Германской Демократической Республики. Но он выполнял свой государственный долг, а это в Германии, кажется, всегда признавалось как нечто значащее.

От него требовали назвать имена конкретных лиц в Германии, которые когда-то работали на ГДР. Он отказался сделать это по морально-нравственным мотивам. Его же заверения в том, что никто из бывших агентов уже ни на какую страну не работает, власти в Германии посчитали недостаточными.

Трагедия Вольфа и многих его товарищей и наших друзей в бывшей ГДР мне особенно близка и понятна. Не думаю, что российская тюрьма лучше германской. Страдания и там, и здесь.

Но особенно мучительно, когда подвергаешься наказанию за справедливое дело, которому оставался верен, которому посвятил всю свою жизнь, когда оно связано с самым священным — Родиной. Так проникнемся же благородством, благодарностью и просто человечностью к своим друзьям, таким как Маркус Вольф, и хотя бы в этом останемся людьми.

И еще про себя подумаем: как жаль, что обстоятельства не позволяли нам помочь попавшим в беду друзьям. Мы действительно были лишены такой возможности, и пусть хоть это будет нам утешением… Кстати, именно немецкие товарищи — самые преданные наши друзья — вытерпели от властей самые суровые гонения и репрессии.

Ну а Вольф? Дала ли ему борьба, жизнь, все случившееся в его стране, других социалистических странах, и прежде всего в Советском Союзе, а потом в России право распорядиться своей судьбой так, как он считал нужным? Был ли он свободен в своем выборе? По сути, он сделал выбор, вступив в единоборство с германским правосудием.

В 1993 году Вольф был приговорен германским судом к 6 годам лишения свободы, однако под стражу не был взят, поскольку решение суда не прошло все инстанции. Вольф ведет себя мужественно, стойко, не поддался на провокации, и, когда судья объявил ему приговор, он сказал, что не сомневается в том, что историей будет оправдан.

Вольф мог быть уверен: симпатии его друзей, особенно тех, которые вместе с ним сражались по одну сторону линии фронта, в одних рядах, — были на его стороне.

В конце 1995 года из Германии пришла хорошая весть: решением Конституционного суда дела в отношении Вольфа и

других граждан бывшей ГДР подлежат прекращению, поскольку они действовали по законам существовавшего тогда государства.

К середине 70-х годов правящие круги западных стран и прежде всего США окончательно определились в своей стратегической линии в отношении Советского Союза. Они пришли к выводу, что путем только внешнего воздействия, каким бы сильным оно ни было и какие бы формы ни приобретало, глобальных задач по Советскому Союзу и другим социалистическим странам решить невозможно. Единственным оставался путь подрыва изнутри.

На этот счет разведка получала достоверные данные. Да, собственно, такой расчет особенно и не скрывался. Трудностей в социалистических странах действительно было немало, да их еще и искусственно раздували, так что почва была вполне благоприятной. Ну а приход к власти Горбачева и вовсе предопределил исход дальнейшей борьбы.

У нашей системы, как оказалось, была своя ахиллесова пята: мы были абсолютно беззащитны перед лицом предательства в высшем эшелоне власти. Так что теперь приходится только отдать должное западным стратегам — в выборе средств они не ошиблись.

В то же время советская разведка стала получать данные о том, что спецслужбы США и некоторых других капиталистических стран приступили к созданию сети агентов влияния в советском обществе. Это была целая программа действий, рассчитанная на длительный период.

Американцы, да и не только они, приобрели огромный опыт в культивировании своего влияния во многих странах. Но на первое место по уникальности и масштабам таких акций несомненно следует поставить Советский Союз. Со временем эта работа стала проводиться уже в открытую, без какого-либо камуфляжа.

В течение ряда лет разведка регулярно информировала об этом руководство страны, предупреждала о назревании негативных тенденций и процессов у нас в стране и в бывших социалистических странах, наглядно демонстрировала роль, которую играли при этом спецслужбы западных государств. Разведка, в частности, вовремя заметила использование Западом, в том числе и его спецслужбами, таких факторов, как национализм; обращала внимание на целенаправленные попытки оказания влияния на интеллигенцию, заигрывания с нею; заостряла внимание и на деморализующих армию договоренностях в военно-политической области, и на многом другом.

Картина, особенно взятая в комплексе, получалась очень

тревожной. Обо всем этом разведка достаточно полно и объективно информировала руководство КПСС и Советского государства.

Беспокойство проявляли и наши друзья, но их обращения к советскому руководству неизменно наталкивались на глухую стену непонимания, вернее, нежелания понять, к чему ведут эти опасные тенденции. Все это оставляло на душе тревожный осадок, особенно в свете носящей чрезвычайный характер информации, которую в 1990 и 1991 годах нашей разведке удалось получить сразу из нескольких источников… Но об этом речь пойдет ниже.

И в бытность свою в разведке, и позже, на посту председателя Комитета госбезопасности СССР, считал необходимым знать, с кем персонально мы имеем дело на противоположной стороне. И конечно, первостепенным в этом плане и тогда, и сейчас было американское направление. В хронологическом порядке, по времени пребывания на посту президента США, остановлюсь на трех хозяевах Белого дома — Картере, Рейгане и Буше. Все они разные фигуры, но общее у них одно — биологическая приверженность американскому общественно-политическому строю, абсолютная верность интересам Вашингтона, врожденный антисоветизм. Впрочем, с другими качествами и особенностями на высший государственный пост у себя на родине они и не попали бы, будь хотя бы семи пядей во лбу. Пожалуй, в этом отношении поучительно провести сравнение между ними, с одной стороны, и Горбачевым и Ельциным — с другой, а также порассуждать о том, во что вылилось, к примеру, для Российского государства пребывание этих личностей на исторической сцене.

…Президентство Картера с точки зрения интересов Советского Союза было периодом надежд и разочарований. В ходе предвыборной кампании Картер, казалось, последовательно отстаивал необходимость разрядки, выступал за развитие отношений между США и СССР, правда, подчеркивал, что они не могут быть «краеугольным камнем американской дипломатии». Более того, отмечал, что в переговорах с Россией следует быть непреклонным, не полагаться на заверения русских, активнее использовать экономические рычаги. Картер в качестве основы отношений США с любой другой частью света выдвинул тезис заинтересованности, что в общем-то звучало не агрессивно и вполне укладывалось в рамки здравого подхода к международным проблемам. Тогда Вашингтон еще не оправился от влияния вьетнамского синдрома, и Картер не скрывал этого. Он не казался воинствующим политиканом, что, видимо, объяснялось и тем, что в большую политику Картер только начал входить. Ведь после Эйзенхауэра он был первым президентом,

ранее вообще не избиравшимся в конгресс.

Картер подавал определенную надежду и в вопросе проведения американскими спецслужбами тайных операций, заверяя избирателей, что прекратит подобную практику. Короче говоря, Картер шел к президентству как либерал, но править начал как консерватор. Это еще раз подтверждает, что личные качества президента США играют далеко не определяющую роль — главное, в какие условия поставлен глава государства и каковы интересы и установки правящей политической и экономической элиты страны. Это тем более важно учитывать, что Картер был весьма целеустремленным политическим деятелем, настойчивым в достижении поставленных задач. Его команда состояла из опытных и способных решать сложные проблемы фигур — таких, как Збигнев Бжезинский, Сайрус Вэнс, Теодор Соренсен и др.

Почти все американские президенты прежде всего теряют поддержку из-за внутренних проблем. Не избежал этой участи и Картер. Спустя несколько месяцев на Картера обрушились профсоюзы, обвинив его в отсутствии должной заботы о простых людях Америки. Было ясно, что представитель крупнейшего профсоюзного объединения США АФТ — КПП Джорж Мини, начавший критику, пел не со своего голоса, а скорее выражал интересы крупного капитала. Внутренние проблемы в американском обществе десятки лет одни и те же. Уровень их остроты колеблется в весьма незначительных пределах, и поскольку режим не меняется, а политический курс практически остается прежним, за исключением, может быть, несущественных нюансов, то личные возможности главы американского государства для крупных маневров имеют ограниченные рамки.

Вскоре Картер стал терять поддержку и во внешней политике из-за приписываемой ему некомпетентности и отсутствия видимых успехов на этом поприще, хотя именно в области внешней политики Америка не испытывала каких-либо трудностей, не подвергалась отрицательному воздействию конфликтных ситуаций. Картер — первый президент после Гувера, при котором Америка не участвовала ни в какой войне. В то же время позиции США в отдельных регионах мира начали расширяться и укрепляться за счет политических и экономических рычагов воздействия. Именно при Картере стало расти влияние США в Африке, одна из целей которого состояла в ограничении здесь присутствия Советского Союза.

Отсутствие значительной поддержки в средствах массовой информации в сочетании с другими факторами привело к тому, что к 1979 году Картер по опросам общественного мнения становится самым непопулярным президентом страны после

Трумэна. В том же году стало очевидно, что Картер не будет президентом на очередной срок. Советская разведка сделала на этот счет точный прогноз. Следует отметить такой примечательный момент: почти во всех социалистических странах Картер не подвергался резким нападкам, а Фидель Кастро даже не скрывал своего предпочтения Картера другим претендентам на пост американского президента, включая и Рейгана. Однако власть имущим на посту президента нужна была другая личность, способная проводить иную политику, в частности внешнюю, содержание которой было бы наполнено большей решительностью и даже экспансионизмом.

Конечно, Картер совершил во внешней политике и вполне очевидные ошибки. Например, по Ирану, демонстративно поддерживая шаха, хотя политический конец последнего уже мало у кого вызывал сомнения.

Впрочем, тут больше вина не Картера, а ЦРУ. А что касается провалившейся операции по спасению американских заложников в Тегеране, то ее абсурдность и неуклюжесть были так наглядно продемонстрированы перед всем миром, что ничего, кроме недоумения и отрицательной реакции, не вызвали.

Картер в общем-то ничего не сделал для улучшения отношений с Советским Союзом. С этой точки зрения время его президентства было периодом упущенных возможностей. В начале 1980 года в связи с военным вмешательством Москвы в афганские дела Картер ввел эмбарго на поставку зерна в Советский Союз. Однако это была палка о двух концах, причем еще не ясно, для какой стороны удар оказался больнее. Вскоре эмбарго следующим президентом Рейганом было отменено. Многие советские специалисты считали, что сохранение эмбарго на длительный период заставило бы нашу страну найти выход за счет собственных возможностей, не говоря уже о том, что источники приобретения зерна объявились бы в другом месте.

Итак, в 1980 году Картер решительно проиграл Рейгану и протянул руку для поздравления победителю еще до получения официального сообщения о результатах голосования. А ведь четыре года назад шансы Рейгана стать президентом многим казались совсем ничтожными.

На президенте Рональде Рейгане, как на личности, представляется нужным остановиться поподробнее, поскольку именно в период его пребывания у власти в Советском Союзе получили свое развитие разрушительные процессы. Я совсем не хочу сказать, что именно политика Соединенных Штатов была определяющей, решающей. Но то, что ее творцы и исполнители не стояли в стороне, — это исторический факт. Личность Рейгана,

его политика и практическая деятельность интересны еще и тем, что этот человек, в том числе и как политик, схож с Ельциным. К этому выводу я пришел уже позже, спустя три-четыре года после августа 1991 года.

В чем, на мой взгляд, сходство этих двух деятелей? Они демагогичны, импульсивны, оба популисты, оба обладают весьма низким уровнем компетентности в делах, которыми им приходилось заниматься в большой политике. Эти качества были на виду у широкой общественности, но удивительная везучесть этих людей постоянно сопутствовала им и в значительной мере обеспечивала их успех.

Однако есть одна отличительная особенность, без учета которой сходные черты у Рейгана и Ельцина могут быть неправильно поняты. Рейган на протяжении двух сроков пребывания на посту президента действовал исключительно в интересах своего государства, грубо пренебрегая интересами других стран, не стесняясь при этом в выборе форм и методов в достижении цели. Ельцин тоже объективно работал на Америку (даже в этом походил на Рейгана), однако при этом действовал вопреки интересам сначала Советского государства, а затем России. Его политика и практическая деятельность привели к разрушению Советского Союза, а затем нанесли ряд тяжелых, катастрофических ударов по России, «забота» о которой во всей его демагогии занимала стержневое место.

Советская разведка в конце 1979 — начале 1980 года вполне определенно предсказала победу Рейгана над Картером на президентских выборах, хотя и не такую явную, какой она стала в действительности. Успех Рейгана был ошеломляющим — он победил в 44 штатах.

Ельцин на первых порах также добивался триумфальных побед. На выборах народных депутатов в 1989 году он получил около 90 % голосов, что превзошло все ранее сделанные прогнозы, а что касается Горбачева, то это просто повергло его в шок и, пожалуй, впервые вызвало у него опасения за свою личную карьеру.

Поначалу Горбачев не мог скрыть своей растерянности, опасения за серьезность и возможные последствия этого события, но вскоре, буквально через два-три дня, взял себя в руки и, будучи наделен артистическими способностями, накинул на себя маску безразличия и нам, входившим в его близкое окружение, с напускным спокойствием говорил: «Не преувеличивайте значимость результатов этих выборов. Надо будет, я выставлю свою кандидатуру против Ельцина, и тогда у него ничего не выйдет».

Американцы подмечали, что Рейган чурается черновой работы. К президентской деятельности он подходил с непозволительной легкостью. Эта черта с абсолютной точностью совпадает со стилем работы Ельцина.

Английский политолог Роберт Чессайр в 1984 году подметил, что для Рейгана характерна интеллектуальная леность, что его не заботят детали и что в своем мировоззрении он отстал на 30 лет. Он также подчеркнул, что Рейган равнодушен к неграм и беднякам, считая последних самих виновными в том, что они не добились успеха. Как эта черта напоминает Ельцина, равнодушно взиравшего на бедность и нищету значительной части народа!

Рейгану все сходило с рук. Он обладал удивительной способностью отмежевываться от действий и результатов работы собственного правительства. Эту его черту подметил еще Артур Шлезингер. Именно Рейган ввел морских пехотинцев в Ливан, а когда в результате террористического акта около трехсот из них погибли, то ему не пришлось даже объясняться по этому поводу. У Ельцина таких кровавых историй значительно больше, они масштабнее, и пока ни за одну из них ему не пришлось отчитываться.

Весь мир был свидетелем не одной безответственной, безумной шутки Рейгана по поводу вещей, шутить о которых непозволительно даже рядовому лицу. Как-то в эфир пошло заявление Рейгана как главнокомандующего американскими вооруженными силами о ядерной бомбардировке Советского Союза. Или его слова о том, что он проехался бы дорожным катком по всему Вьетнаму, со всеми его городами, лесами и реками. Развивая эту мысль, Рейган заявил, что как один из вариантов предпочел бы сбросить на Вьетнам парочку ядерных бомб. Ельцин тоже любил шутить, но, в отличие от Рейгана, иногда от слов переходил к делу. Так, он в срочном порядке вывел советские войска из Германии, заранее не приготовив для них хотя бы сносных условий для размещения в России. На радостях дирижировал оркестром по случаю вывода войск, крепко обнимал Гельмута Коля. В октябре 1993 года за непослушание расстрелял российский парламент. При этом Ельцин не имел обыкновения объясняться за кровавые конфликты и разрушения на территории Советского Союза и России.

Ельцин никогда не жил в ладах с правдой. И тут на ум приходят проницательные слова вашингтонского политолога Марка Грина о Рейгане, полностью, по моему мнению, относящиеся и к Ельцину: «Рейган так высоко ценит правду, что прибегает к ней очень и очень редко».

Несмотря на все это и многое другое, Рейган вторично

победил на президентских выборах в 1984 году. И опять с огромным успехом. К тому времени авантюристические, милитаристские внешнеполитические взгляды Рейгана достигли, казалось бы, своего апогея. Ярый антисоветский курс ничем не прикрывался, его оголтелость была очевидной. Советский Союз Рейган называл не иначе как «империей зла», «исчадием ада», «самым большим злом в мире» и т. д. Рейган откровенно заявлял, что не склонен доверять русским, не исключал возможности обмена тактическими ядерными ударами между США и СССР.

Но вот в 1985 году к власти в Советском Союзе пришел Горбачев, и взгляды Рейгана на нашу страну стали разительным образом меняться. Из лексикона Рейгана исчезли наиболее хлесткие характеристики Советского государства. Он начал встречаться с Горбачевым, в адрес советского лидера зазвучали похвалы. Последний в узком кругу все чаще стал высказываться в том плане, что с Рейганом можно иметь дело, что важно найти точки соприкосновения, а дальше расширять рамки договоренностей и т. д. Рейган, а точнее, его советники почувствовали, что достичь глобальных целей в отношении Советского Союза и в других регионах мира можно не на путях прямой конфронтации, а другим способом — изменением политического курса советского руководства.

На этот счет советская разведка направляла руководству страны достоверные информационные материалы, которые должны были по крайней мере насторожить и заставить задуматься. В ответ ехидные замечания Горбачева: «Не надо нагнетать!»

Как показало развитие событий, этот расчет американского руководства в своей основе оказался верным. Ставка на Горбачева, а затем и на Ельцина привела к результатам, о которых противники Советского Союза совсем еще недавно и не помышляли.

Сменивший на посту Рейгана очередной президент — Буш получил непростое наследство. Но изменить политический курс, если бы даже вдруг он захотел этого, ему было почти невозможно — все было основательно сориентировано, определено и, по сути, запрограммировано в рамках курса администрации Рейгана. Единственное, что мог сравнительно легко исправить Буш, — это убрать царственную атмосферу, которой было окружено правление, весь президентский этикет Рейгана.

…Избрание Буша президентом примечательно со многих точек зрения. Его победа на выборах сомнений не вызывала, и советская разведка предсказала это со всей определенностью. Он не случайно был предметом нашего длительного интереса хотя

бы с той точки зрения, что стоял во главе ЦРУ — нашего главного оперативного соперника и противника. Но помню, при прогнозировании его шансов стать президентом некоторых смущало то, что факт пребывания на посту вице-президента США традиционно как бы обрекал политического деятеля на неуспех. Так было в течение 150 лет. Бушу предстояло преодолеть эту традицию, для чего у него были и объективные, и субъективные предпосылки.

Во-первых, Рейган и силы, которые стояли за ним, недвусмысленно поддерживали Буша. Демократы же достойного Бушу претендента на пост президента подготовить, а следовательно, и выдвинуть не смогли. Во-вторых, Буш, по нашим сведениям, начал готовить себя к президентским выборам еще в середине 70-х годов, а будучи вице-президентом при Рейгане, уделял этому много времени и сил.

В пользу Буша говорил также его послужной список — конгрессмен, бизнесмен, член Совета по иностранным делам, член трехсторонней комиссии, директор ЦРУ, посол в Китае, вице-президент. Он слыл реалистом и, считаю, в значительной мере действительно был таковым.

В то время, когда в 1988 году решался вопрос, кто станет президентом США, Буш считался превосходным знатоком внешнеэкономических проблем. Он выдвинул любопытное положение о том, что в мире больше должно царить сотрудничество, нежели соперничество. И хотя здесь было больше пропагандистского пафоса, тем не менее для американцев, не освободившихся от вьетнамского синдрома, это звучало вполне приемлемо. В общем, надо признать, что Буш за последние два-три десятка лет был, пожалуй, самым опытным американским президентом в области политики. Именно во внешней политике Буш добился ощутимых успехов, а действия американцев в войне в Персидском заливе, получившей название «Буря в пустыне», считались его наибольшей удачей. За пару лет до очередных президентских выборов, в 1992 году, второй срок президентства для Буша считался чуть ли не предрешенным делом.

Буш продолжил усилия Рейгана по налаживанию и развитию контактов с Горбачевым и затем с Ельциным. Тут он действовал исходя из представления о том, что Советский Союз — главный противник Соединенных Штатов, и потому старался не упустить шанса нанести ему как можно более ощутимые удары. С Горбачевым он расправлялся довольно бесцеремонно, при этом подхваливая его, с тем чтобы внешне ублажить честолюбие этого недалекого человека.

Следует заметить, что, по нашим достоверным данным, Буш

не допускал возможности столь скорого развала Советского Союза, но действовал по ходу складывающейся ситуации энергично, напористо и жестко. В начале 1992 года государственный секретарь Бейкер объехал столицы бывших союзных республик и активно поддержал их решения стать на путь создания независимых государств. До этого Буш лично предпринял шаги по оказанию политической, моральной и экономической помощи Эстонии, Латвии и Литве.

Когда в 1988 году я получил новое назначение и покидал разведку, то оставлял, считаю, хорошо налаженное «хозяйство». Многое удалось сделать в плане повышения результативности и эффективности ее работы. Возрос авторитет нашей службы, поговаривали даже о целесообразности ее выделения в самостоятельную организацию, против чего я, кстати, всегда возражал, доказывая, что именно в качестве неотъемлемой части Комитета госбезопасности разведка может принести гораздо больше пользы. Тем более что статус Первого главного управления и так повысился, его начальник впервые за всю историю стал одновременно и заместителем председателя КГБ.

Но если вариант выделения ПГУ в отдельную службу еще имел хоть какие-то основания в условиях Советского Союза, то в нынешних условиях создание самостоятельной Службы внешней разведки, уверен, ослабило не только разведку, но и органы госбезопасности в целом. Впрочем, похоже, сегодня это мало кого волнует, вернее, этот шаг и сделан-то был именно с таким дальним прицелом.

А ведь мощная и эффективная разведка нужна сегодняшней России! Нет больше Советского Союза, но появилось 15 самостоятельных государств, их скоро может стать еще больше. Сильная и процветающая Россия будет так же мешать США, как и прежде Советский Союз.

Лишь совсем наивный человек не заметит, что подрывная деятельность наших традиционных противников не только не ослабевает, но в условиях абсолютной безнаказанности еще больше ужесточается. Слабость обескровленной и разворованной страны лишь поощряет агрессоров. Вряд ли западные страны, Япония и некоторые другие оставят пространство бывшего СССР без своего пристального разведывательного внимания.

Какие бы заявления ни делались о значительном сокращении деятельности разведывательных служб или даже возможности ее полного прекращения, в обозримом будущем этого не произойдет.

Ни одно государство, которому небезразлична собственная безопасность, на такой риск не пойдет.

С какой ситуацией столкнется в перспективе Россия в мире, и в частности на своих границах?

Без разведывательных данных и их всестороннего анализа мы не сможем верно ориентироваться в обстановке и, следовательно, правильно формировать свою политику. Сейчас уже можно с уверенностью прогнозировать, что наши бывшие союзники — Польша, Чехословакия и Венгрия (и, вполне возможно, Румыния и Болгария) проведут перевооружение своих армий по западному образцу и тем самым полностью выйдут из орбиты России в военно-техническом плане, окончательно попадут в сферу западного влияния. А ведь у Польши и Венгрии, например, есть территориальные претензии к Украине и Белоруссии, и как этот фактор зазвучит в новых условиях, покажет уже самое ближайшее будущее.

Проблемы могут возникнуть по всему периметру российских, да и бывших союзных границ. Одно дело, когда они сваливаются неожиданно, и совсем другое, когда планы на этот счет, конкретные средства их реализации известны заранее.

Кто возьмет на себя смелость утверждать, что в решении спорных, в том числе и территориальных, вопросов с Россией и другими суверенными государствами, образованными на территории бывшего Советского Союза, силовые методы уже навсегда исключены историей? Военные конфликты — реальность современной международной жизни и в обозримом будущем, к сожалению, таковыми и останутся.

После развала Советского Союза положение России резко ухудшилось. В перспективе оно будет все более усложняться. Интерес специальных служб капиталистических стран к России и другим бывшим союзным республикам будет лишь усиливаться. С этой реальностью придется считаться. Методы работы против нас были, есть и будут самыми различными: от обычных разведывательных устремлений до так называемых «тайных операций» с их жестким прессом, силовыми приемами, радикальностью. Нет никаких признаков, указывающих на отказ Соединенных Штатов и их союзников от так называемых тайных операций.

Тайные операции — термин настолько широкого понятия, что невозможно точно обозначить границы его применения. Все — до косвенной или прямой поддержки и даже руководства крупными военными операциями на иностранных территориях.

Цель тайных операций состоит в стремлении повлиять на политику ключевых зарубежных деятелей, групп и стран в интересах государства, проводящего такие акции. Вместе с тем характер их проведения не должен давать повод для обвинения в

открытом вмешательстве в дела других стран, а в случае провала давать возможность дезавуировать свою причастность.

Можно привести многочисленные примеры проведения тайных операций Центральным разведывательным управлением Соединенных Штатов. Так, с санкции правительства и администрации Никсона в период с 1970 по 1973 год было израсходовано более восьми миллионов долларов на тайную деятельность ЦРУ в Чили. Цель этих акций заключалась в лишении президента Альенде возможности управлять страной. В сентябре 1973 года Альенде был убит во время военного переворота.

В середине 70-х годов в Соединенных Штатах Америки была создана комиссия сената и комиссия палаты представителей для разбирательства вопросов, связанных с тайными операциями. Сенатскую комиссию возглавлял сенатор Черч, а комиссию палаты представителей — конгрессмен Пайк. Разоблачения были ошеломляющими. Однако никаких судебных мер не последовало.

Примечательно высказывание сенатора Черча по итогам работы упомянутой комиссии. Вот что он сказал в конце 1974 года: «Ни одна страна не была слишком маленькой, ни один лидер не был слишком второстепенным, чтобы ускользнуть от нашего внимания. Мы направили смертельный токсин в Конго, с тем чтобы погубить Лумумбу; мы вооружили местную оппозицию в Доминиканской Республике, чтобы убить Трухильо; мы участвовали в военном перевороте, свергшем то самое правительство Южного Вьетнама, которое мы обязались защищать, а когда премьер Дьен оказал сопротивление, то он и его брат были убиты теми самыми генералами, которым мы заплатили деньги. Многие годы мы пытались убить Фиделя Кастро — операция, растянувшаяся на три администрации».

Поясню, что премьер Дьен — тот самый вьетнамский премьер, на которого американцы делали длительное время ставку, но, когда Южный Вьетнам потерпел поражение от Северного Вьетнама, он оказался не нужен.

По признанию известного американского политолога Тейлора Бранча, в 60—70-х годах США осуществили около 900 операций по вмешательству за границей, вели тайные войны по всему миру и негласно оказывали давление на некоторые иностранные правительства до такой степени, что превращали их государства в страны — клиенты Штатов.

В мае 1984 года бывший помощник президента Рейгана по национальной безопасности Роберт Макфарлейн в телевизионном выступлении прямо заявил, что Соединенные Штаты нуждаются в проведении все большего количества тайных операций, поскольку

они служат альтернативой войне или бездействию, то есть являются третьим вариантом.

К числу тайных американских операций следует отнести операции по Ирану. Этот пример весьма примечателен во многих отношениях. В 1983 году ЦРУ подкинуло режиму Хомейни списки примерно 200 человек, которые якобы являлись советскими агентами в Иране. Хомейни лично поблагодарил Аллаха за «чудесное» откровение, которое привело к аресту «предателей», бесчеловечным истязаниям и казни большинства из них.

Так действовали Соединенные Штаты, не считаясь ни с чем тогда, когда их интересы требовали подобных решений.

На одной из стен парадного вестибюля штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли сделана надпись, выложенная мозаикой, крупными буквами, так чтобы она бросалась в глаза. Надпись гласит: «И ты познаешь правду, и правда сделает тебя свободным». Но эта правда, как свидетельствует опыт, вся деятельность ЦРУ, идеология этой организации, воспитание кадров, добывается любым путем, любыми средствами. И вряд ли в будущем положение кардинальным образом изменится.

Я далек от мысли рекомендовать следовать американскому примеру и встать на путь проведения тайных операций, связанных с гибелью политических деятелей, попытками вмешиваться в дела других стран с целью изменения политического строя или смены руководства. Обеспечение интересов России любым путем, любыми средствами, не считаясь при этом с морально-этическими нормами? Нет и еще раз нет! Но реальность такова, что та сторона может пойти на это, да она, собственно говоря, никогда не прекращала заниматься тайными операциями, и мы должны с этим непременно считаться для того, чтобы противостоять, разоблачать, стремиться не допустить тяжелых последствий для нашего государства.

Опыт работы американской разведки для нас важен и поучителен. И здесь есть смысл остановиться еще на одной стороне иранской истории. Свержение иранского шаха в 1979 году, победа исламской революции выявили серьезные просчеты в политике Вашингтона и деятельности ЦРУ. Этот урок имеет актуальное значение в силу некоторых особенностей.

Вашингтон устраивала фигура иранского шаха Пехлеви, и он не мыслил себе другого варианта: шах полностью шел в фарватере американской политики. Он поддерживал американский политический курс и опирался на него, закупая огромное количество американского оружия, тем принося большие выгоды Соединенным Штатам.

Иран превратился в форпост США в своем регионе, и все,

казалось бы, шло как нельзя лучше для Вашингтона. Официальный курс шаха устраивал не одного американского президента, и ЦРУ, желая подстроиться под это желание, сообщало в официальных информациях только то, что нравилось Вашингтону, конкретному президенту. Короче говоря, ЦРУ вторило официальной американской и иранской политике.

Американская разведка не могла не видеть, что приближается конец правлению шаха, что его политика более не отвечает интересам Ирана, имеет оппозицию в светской и особенно в церковной власти, что для Ирана является исключительно важным фактором. Еще в 1973 году один из сотрудников ЦРУ — Лиф в анализе положения Ирана обстоятельно показал, что власть шаха покоится фактически на шаткой основе, что время его правления сочтено. Лифа посчитали в ЦРУ фантазером.

Кстати, в то время разведывательные органы Соединенных Штатов допустили не только эту ошибку. Они, например, не предсказали арабо-израильскую войну 1973 года. Всего лишь за несколько часов до начала боевых действий руководство разведывательных служб заявляло, что войны не будет. Начавшиеся боевые действия были для них полной неожиданностью.

Отдельные сотрудники Государственного департамента и Центрального разведывательного управления были бессильны в стремлении довести до американского президента подлинную информацию о положении дел в Иране и вокруг иранского шаха.

Допустил просчет и Збигнев Бжезинский, бывший тогда советником президента по национальной безопасности и не обративший внимания на то, что из-за миллиардных закупок оружия у американской стороны шах сталкивается с растущими и все более обострявшимися военными, социальными и экономическими проблемами, которые рано или поздно катастрофически должны сказаться на всей стране, и в частности на положении самого Пехлеви.

Соединенные Штаты в своем отношении к иранскому шаху исходили из того, что они ничего не имеют против диктатуры, пока это их диктатура. Такова была философия, в частности, ЦРУ. Американское руководство считало, что Америке нужен именно шах, забывая при этом, что куда большее значение имеет страна, а не личность. Отсюда грубые ошибки, просчеты.

Главными американскими источниками информации и оценок ситуации были донесения, основанные на заявлениях официальных лиц в Иране, сводках САВАКА (тайная полиция), которые душой и телом служили иранскому шаху и часто снабжали американскую сторону сведениями, далекими от

истины. В итоге США лишились Ирана как союзника. Это было одно из самых серьезных поражений Вашингтона в послевоенный период.

Тем не менее Вашингтону пришлось сделать выводы из иранской истории. В американской политике по отношению к другим странам и регионам личности по-прежнему играют заметную, а порой определяющую роль. Но в последнее время американцы демонстрируют большую готовность отказаться от поддержки руководителя другого государства, если того потребуют интересы самих Соединенных Штатов.

Поэтому очень важно не упустить момент, когда американцы совершают переход от ориентирования с одной личности на другую. Применительно к России мы уже были свидетелями этого. Соединенные Штаты, да и другие страны, в одно прекрасное время оценили Горбачева как отработанный пар, как отыгранную карту и откровенно взяли курс на другого человека.

Сегодня специальные службы России не только ослаблены изнутри, но и лишились дружественной помощи со стороны аналогичных организаций в других странах. В обозримом будущем российская разведка может опираться только на собственные силы. На горизонте благоприятной в этом отношении перспективы для нас тоже пока не вырисовывается.

Обретать новых друзей, когда еще совсем недавно мы, по существу, предали всех старых, дело почти безнадежное. Впрочем, новые союзники, даже если они когда-нибудь и появятся, скорее всего, предстанут перед нами уже совсем в ином качестве. Такого сотрудничества, какое было у нас с социалистическими странами раньше, нам уже не видать.

Трудно сказать, как сложатся отношения российской разведки с разведывательными службами стран ближнего зарубежья. Если возобладают отчужденность, враждебность, настороженность, нежелание работать вместе, то это породит дополнительные трудности, которые будут сказываться на деятельности российской разведки в целом.

В то время как мы остались одни, противостоящее нам западное разведывательное сообщество значительно укрепилось, расширилось, имеет достаточные материально-технические и штатные возможности, огромный опыт работы, отлаженную систему взаимодействия. Теперь нам противостоят не только спецслужбы Соединенных Штатов Америки и их ближайших союзников по НАТО, но и ряд других, в том числе и тех стран, которые в недавнем прошлом входили в сферу нашего влияния.

Фронт действий против нас со временем станет еще шире и мощнее, что приведет к еще большему неравенству сил. В этих

условиях России как никогда необходимо выработать верную тактику и стратегию.

Конечно, разведка — это лишь островок в системе государственности, и все будет зависеть от того, как дальше будут складываться дела в России, по какому пути пойдет развитие ее отношений со странами ближнего зарубежья. Именно здесь нужно искать не только корень многих наших нынешних бед, но и пути выхода из кризиса.

И еще. Разведка — обширнейшая область, через ее призму можно глубже посмотреть на многие проблемы, осветить изнутри отдельные стороны развития международной жизни, политики бывшего Советского Союза, ныне России, заглянуть в будущее и кое-что даже предсказать. Хотелось бы подробнее поделиться накопившимися впечатлениями о работе разведки, ее людях, делах и заботах. Однако это требует специальной книги. Возможно, мне удастся написать ее, если, разумеется, обстоятельства позволят. Оснований для такого желания достаточно.

80-е годы были для советской разведки исключительно значимыми, содержательными, результативными. Они войдут в ее историю как время заметных достижений. Конечно, имели место и провалы, предательства, ущерб отчего был огромен. Но тем не менее именно на этот период приходится наибольшее число разоблачений агентуры западных спецслужб. В этом проявились здоровые начала в деятельности коллектива разведчиков, их способность к самоочищению.

Пройдут годы, время позволит откровеннее рассказать о многом, и люди из конкретных фактов узнают об основополагающем вкладе Первого главного управления в разоблачение значительной агентурной сети в нашей стране, и в том числе, к сожалению, в органах госбезопасности.

В этот период разведка приобрела внушительные позиции на многих ключевых направлениях и добывала важнейшую политическую, экономическую, военную, научно-техническую и иную информацию.

Правда, благодаря заботе государства разведчики работали несравненно в более выгодных условиях, чем их предшественники, — именно в 70—80-х годах разведывательная служба получила солидную материально-техническую базу, возможность расширить подготовку кадров, укрепила правовую основу взаимодействия с соответствующими министерствами и ведомствами, начала формироваться как органически неотъемлемая часть государственности. Это была заслуга всего коллектива — профессионально подготовленного,

целеустремленного, верного своему долгу и преданного Родине, работавшего с полной отдачей сил и самопожертвованием.

Глава 3
Афганистан

Участие в урегулировании афганской проблемы явилось последним проявлением той внешней политики, которую в условиях глобального противостояния двух мировых систем была вынуждена проводить, будучи великой державой, наша страна.

Начало развала СССР, которое сегодня можно точно датировать приходом к власти Горбачева, совпало с заключительным этапом афганской эпопеи и привело к тому, что мы потеряли все, чего добились за долгие годы этой не проигранной нами войны.

В том, что мы ее не проиграли, я глубоко убежден: к моменту вывода наших войск мы решили главные задачи, которые ставили перед собой в Афганистане, хотя и заплатили за это немалую цену. Впрочем, так было не только с Афганистаном, достаточно вспомнить условия и обстоятельства вывода наших войск из Германии, когда у многих сложилось впечатление, что спустя пятьдесят лет мы без единого выстрела проиграли Вторую мировую войну…

…В апреле 1978 года в Афганистане неожиданно произошла революция. Был свергнут президент Афганистана Дауд, родственник последнего короля Афганистана Захир-шаха, которого тот же Дауд убрал пятью годами раньше. Мало кто ожидал революции в Афганистане, тем более революции, которая с самого начала провозгласила социалистические цели. Она была явно преждевременной с точки зрения объективного уровня социально-политического развития афганского общества и государства.

Страна была отсталой по всем показателям. Феодальные, полуфеодальные отношения были господствующими. В отдаленных местностях уклад жизни носил даже дофеодальный характер. Афганистан жил по закону племен, одни из которых, преимущественно слабые, признавали Кабул, подчинялись ему, другие, наоборот, выступали против центральной власти, и столица сама их боялась, ломала шапку перед мятежными вождями. Каждое племя руководствовалось своими собственными традициями, которые и определяли весь уклад его жизни.

Исламская религия в Афганистане определяет все — и образ жизни, и быт, и культуру, она является единственной господствующей силой. В стране очень слабо развито промышленное производство, сельское хозяйство тоже весьма

примитивное. Ростки культурной жизни пустили едва заметные корни, да и то лишь в нескольких крупных городах. Неграмотность населения почти тотальная — в период описываемых событий всего около 4 его процентов умело читать и писать.

На огромной территории страны в 760 тысяч квадратных километров проживает около 16–17 миллионов человек, в том числе до 8 миллионов пуштунов, 4 миллиона таджиков, 3 миллиона узбеков, около 600 тысяч туркменов, 200 тысяч белуджей и ряд других национальностей. У каждой народности свои история, обычаи, взгляды на жизнь и собственные представления о будущем.

Конечно, то, что произошло в апреле 1978 года, не было революцией в классическом толковании этого понятия. Это был дворцовый, верхушечный переворот, в ходе которого одни лишились власти, а другие взяли ее.

По целям, по устремлениям в апрельском выступлении были, конечно, признаки и революционного характера. Однако в нем не принимали участия широкие массы, совершили переворот одиночки без четкой программы, люди наивные, недостаточно цельные по своим взглядам, в действиях которых проявилось слишком много эмоциональности и отсутствовал трезвый расчет. Это были деятели с разными политическими убеждениями, идейными позициями, не имевшие каких-то определенных представлений о путях построения нового общества. Многими из них двигали чисто карьеристские устремления, другие по своему характеру попросту являлись авантюристами.

Такая довольно пестрая палитра наблюдалась, несмотря на то что участники апрельского выступления принадлежали к одной Народно-демократической партии Афганистана (НДПА). Эта партия всегда страдала от отсутствия единства, в том числе и организационного.

Она была создана в 1965 году, но вскоре в ней появилось два довольно обособленных крыла — «Парчам» («Знамя») и «Хальк» («Народ»). Первая вобрала в себя значительную часть интеллигенции, отличалась более терпимым отношением к иным политическим взглядам. Вторая опиралась на военнослужащих, на людей труда, была более догматична, отличалась жесткой дисциплиной и крайне радикальными взглядами на пути строительства нового общества.

Сторонники этой группы ратовали за социалистический путь, не считаясь с имевшимися в стране объективными условиями. В 1977 году, правда, состоялось объединение обеих фракций, но оно оказалось чисто формальным, вражда между ними так и

продолжалась.

К апрелю 1978 года обстановка в стране крайне обострилась. Дауд видел угрозу для своего режима со стороны НДПА и всячески стремился ослабить ее.

В апреле во время митинга в Кабуле был убит один из лидеров «Халька» Хайбер. Обстановка в стране накалялась и грозила вылиться в стихийное выступление против режима. Похороны Хайбера состоялись при огромном стечении возмущенных людей.

События развивались стремительно. Дауд счел нужным приступить к реализации своего плана по устранению руководящего звена НДПА и арестовал группу лиц из его состава. В этих условиях оставшиеся на свободе руководители партии, почувствовав прямую угрозу своей жизни, решили начать вооруженное выступление против Дауда.

27 апреля 1978 года Дауд, его близкие родственники и приближенные были схвачены в королевской резиденции и там же расстреляны. Власть перешла в руки революционного командования. Афганистан был провозглашен Демократической Республикой.

Переворот прошел быстро, всего за два дня, и без особого кровопролития. Еще раз была подтверждена истина, что взять власть гораздо проще, чем удержать ее.

Президентом был провозглашен 60-летний Нур Мухаммед Тараки — видный общественно-политический деятель, поэт, писатель, а премьер-министром — Хафизулла Амин — карьерист, человек исключительно авантюрного склада характера, жестокий, не стеснявшийся в средствах для достижения своих амбициозных целей.

Следует отметить, что апрельская (или, по афганскому наименованию месяца, саурская) революция 1978 года в Афганистане произошла без какой-либо инициативы и поддержки со стороны Советского Союза, более того — вопреки его позиции. Афганские революционеры поставили нас перед свершившимся фактом, испытывая от этого неподдельное чувство гордости. Вот-де, мол, посмотрите, какие мы смелые, независимые и умные! Весь 1978 и 1979 годы они на весь мир трубили о победе афганской революции и были одержимы иллюзией быстрого победоносного шествия социализма по афганской земле.

Саурская революция в Афганистане сразу же поставила перед Москвой множество проблем. Что же все-таки на деле происходит в Афганистане? Каковы истинные цели нового руководства этой страны на ближайшее время и в перспективе? Как теперь строить советско-афганские отношения в новых условиях, на кого

опираться?

Много возникло и более частных вопросов, сугубо практических, в том числе довольно срочных, не терпящих отлагательства. Например, как вести себя по отношению к многочисленным афганцам, обучавшимся в Советском Союзе, и прежде всего к тем из них, кто не признал новую власть. Поэтому было принято решение послать в Афганистан с зондирующими поездками представителей различных советских ведомств и организаций.

В июле 1978 года в Кабул отправилась делегация Комитета госбезопасности СССР. Возглавлял ее я, как начальник Первого главного управления.

В самолете по пути в Кабул я вспомнил свое первое соприкосновение с Афганистаном. Было это задолго до описываемых событий, еще в октябре 1961 года, когда в составе группы лекторов ЦК КПСС мне довелось побывать в Таджикистане.

В один из дней я оказался в городе Пяндж. Утром знакомились с городом и районом, состоялись беседы с местными руководителями, встречи с трудящимися, а во второй половине дня — мое выступление перед местным активом. К концу дня я попросил свозить меня на границу с Афганистаном. Она от города находится совсем близко — в каких-то двух километрах и проходит вдоль одноименной реки Пяндж, так что дорога много времени не заняла.

На другом берегу лежала чужая страна, с которой меня в будущем крепко и на многие годы связала судьба.

Сопровождавшие нас пограничники рассказали, что живут афганцы крайне бедно, в стране почти полная неграмотность. Жители приграничных районов с благодарностью принимают от наших пограничников помощь в виде продуктов питания или медикаментов. Охотно посещают афганцы и нашу территорию (изредка их местные власти дают на это свое согласие).

За разговором мы и не заметили, как быстро спустилась темная южная ночь. Что меня тогда поразило, так это кромешная тьма на территории Афганистана, хотя эта местность, по словам пограничников, была достаточно густо населена. Лишь где-то в предгорьях мерцал костер афганских чабанов, хижины же крестьян оставались погруженными во тьму.

Пришло время возвращаться. Мы повернулись и увидели горящий от электрических огней горизонт. Впечатление осталось на всю жизнь: мрак и свет!

Через десять минут мы уже ехали по ярко освещенным улицам Пянджа. В беседах с местными аксакалами поделились

впечатлениями от поездки. Они рассказали, что до установления советской власти жизнь таджиков почти ничем не отличалась от той, которую мы только что увидели по ту сторону границы.

Резкий отрыв произошел и продолжает увеличиваться лишь в годы советской власти.

И вот спустя семнадцать лет у меня впервые появилась возможность побывать в Афганистане, поближе познакомиться с этой страной, причем в такой переломный этап в ее истории. Я тогда и не предполагал, что теперь буду столь частым гостем в Кабуле, что за первой командировкой последует еще множество других, что за последующие двенадцать лет придется накатать по фронтовым дорогам Афганистана, налетать вертолетами и самолетами в его небе не одну тысячу километров.

Находились мы в афганской столице четыре дня. За это время у нас состоялась серия встреч с руководством страны и афганских спецслужб. Мы совсем не знали друг друга, поэтому для этих первых переговоров была характерна взаимная настороженность, нежелание раскрывать все карты. Нам были неведомы планы и намерения новых властей. Да и афганцы, судя по всему, не знали, как мы отнесемся к свержению Дауда, с которым у Советского Союза до последнего времени сохранялись неплохие отношения.

По всему чувствовалось, однако, что наших новых афганских друзей просто распирало чувство гордости за одержанную победу. Победители как-то совсем не задумывались над тем, что власть-то они взяли практически только в столице, но тогда им, наверное, казалось, что все остальное придет само собой…

На третий день после прибытия в Кабул меня принял президент Тараки. Это был широко образованный, обладающий большим жизненным опытом человек, наделенный к тому же недюжинным природным умом. Эти его неоспоримые качества сочетались тем не менее с явной политической близорукостью, которая в конечном счете стоила ему жизни.

Тараки рано начал проявлять склонность к литературе, написал много рассказов, очерков и статей, увлекался поэзией. Впрочем, на литературном поприще особой славы Тараки так и не приобрел — почти все его время и силы уходили на чиновничью работу.

Он бывал за рубежом, более года состоял на службе в американском посольстве в Кабуле, рано включился в общественно-политическую деятельность. В последние годы перед революцией Тараки возглавлял крыло «Хальк» в Народно-демократической партии Афганистана.

Он был в довольно близких отношениях с Х. Амином, а вот с Бабраком Кармалем расходился в политических взглядах. Такой

расклад в отношениях между этими тремя людьми в итоге обернулся трагедией не только лично для Тараки, но и для всего афганского народа.

Беседа с Тараки состоялась в старинном королевском дворце. Я передал привет от Л.И. Брежнева, поздравления от имени советского руководства в связи с победой Апрельской революции, но при этом прямо сказал, что в Москве не без тревоги следят за развитием обстановки в Афганистане и предвидят серьезные трудности на пути нового афганского руководства. Трудности эти носят объективный характер, поскольку условия для намеченных революционных преобразований не созрели, а объявленная цель построения социализма в столь короткие сроки, да еще в такой стране, как Афганистан, вызывает большие сомнения. Попросил поделиться соображениями афганского руководства на этот счет, рассказать о его планах, отметив, что такая информация, несомненно, с интересом будет воспринята в Москве.

Все сказанное Тараки произвело на меня тяжелое впечатление — оно было пронизано революционной романтикой, верой в социалистическое будущее и оптимизмом, за которым скрывалась неопытность политика и, я бы даже сказал, какая-то детская наивность.

Я слушал и просто диву давался: прошло всего каких-то три месяца после апрельской революции, а афганское руководство, включая президента, уже вознеслось до небес, потеряло всякое чувство реальности.

Тараки рассуждал о том, что НДПА, решившись на революцию и добившись победы, была права исторически, а вот Москва со своим скептицизмом — как раз нет. «То, что сделано в Советском Союзе за 60 лет советской власти, в Афганистане будет осуществлено за пять лет», — восклицал президент. На вопрос, какой будет позиция новой власти в отношении ислама, последовал примечательный ответ: «Приезжайте к нам через год — и вы увидите, что наши мечети окажутся пустыми».

Пожалуй, одного этого заявления было достаточно для того, чтобы понять: новый режим обречен.

Потом я неоднократно вспоминал эти высказывания Тараки и все отчетливее понимал всю глубину его заблуждений, подоплеку возникших из-за этого проблем. А ведь за ошибки недальновидных лидеров пришлось расплачиваться афганскому народу, ввергнутому в затяжное кровавое противоборство.

Тараки был пуштуном по национальности, родом из небольшого одноименного племени тараки, насчитывавшего около 50 тысяч человек. Постоянные распри с соседними племенами, споры из-за пастбищ, воды и дорог, личная вражда,

каждодневные стычки при отражении бандитских нападений — вот те атрибуты повседневной жизни родного племени, которые новый президент должен был впитать с молоком матери. Казалось бы, ему, как никому другому, следовало понять, что никакая власть не в состоянии за короткое время изменить складывавшийся веками уклад жизни, что для этого нужна длительная и кропотливая работа, смена нескольких поколений.

Межплеменные отношения — одна из проблем, недооценка которой дорого обошлась новому режиму в Афганистане, а может быть, явилась даже определяющей в его поражении.

Своими поспешными действиями, негибкостью, грубостью центральная власть умудрилась сразу открыть несколько фронтов борьбы — с духовенством, торговцами, предпринимателями, землевладельцами. Обострились и межнациональные отношения. Легкость и быстрота взятия власти в Кабуле вскружили голову руководству нового режима, решившему кавалерийским наскоком разрубить тугой узел противоречивых проблем и начать заново, как бы с чистого листа, писать историю страны.

В ходе той же поездки встретился я и с Х. Амином. На первой, носящей скорее протокольный характер встрече присутствовала вся советская делегация. Амин был по-восточному учтив и любезен, блистал красноречием. Он произвел хорошее впечатление своей кажущейся демократичностью, подробно рассказал о подготовке и ходе Апрельской революции, пытался обосновать ее неизбежность с позиций марксистско-ленинской теории. Он всячески выделял при этом свою собственную роль, но пару раз упомянул и о заслугах Тараки, подчеркивая свое самое теплое и дружеское отношение к этому человеку.

Тепло говорил Амин и о Советском Союзе, заявляя, что не мыслит себя и Афганистан без тесных связей с нашей страной. «Мы хотели бы всегда и во всем быть вместе с советскими друзьями», — не раз повторял он. Короче говоря, первое впечатление об Амине сложилось вполне благоприятное: такой молодой, энергичный, смелый и открытый собеседник иного мнения о себе оставить и не мог.

Однако вторая встреча с Амином носила уже более предметный характер, и нам бросилось в глаза, что наш собеседник совсем не тот, за кого выдавал себя в первый раз. Вел себя жестче, временами был даже резковатым в оценках, чувствовалось, что он не терпит возражений, явно пытается показать, что именно он является хозяином в стране. Более того, Амин как бы мельком обронил фразу о том, что возникающие проблемы в Афганистане следует решать военным путем. Короче, наше мнение об Амине стало меняться не в его пользу.

Третья встреча с Амином состоялась уже по нашей инициативе в день отлета на родину. Я спросил, не хотел бы он что-либо передать в Москву в дополнение к сказанному ранее? Амин сразу начал с изложения своего видения того, как нужно бороться с врагами в Афганистане. Противников, убеждал Амин, необходимо уничтожать, власть должна быть сильной и беспощадной к тем, кто поднимает на нее руку.

Мне сразу стало ясно, откуда дует ветер. Дело в том, что накануне у нашей делегации состоялась встреча с руководством афганских спецслужб. К этому моменту к нам уже поступили данные о начавшихся в Афганистане репрессиях — участившихся случаях арестов, о применении МВД и службой безопасности мер физического и психологического воздействия на заключенных.

Мною было дано указание нашим представителям выразить решительный протест по этому поводу и заявить о нашем однозначном осуждении подобных методов. К тому же я запретил нашим представителям даже обсуждать вопрос об оказании содействия в задержании ряда лиц афганской национальности на территории СССР и ориентировал товарищей на то, чтобы они на всех уровнях ясно дали понять, что мы не просто осуждаем бесчеловечные методы в работе спецслужб — в случае продолжения такой практики ни о каком сотрудничестве между нами в принципе не может идти и речи.

В последней беседе с Амином мы твердо придерживались этой линии и, несмотря на резкость и безапелляционность его высказываний, прямо заявили, что не разделяем его подхода и осуждаем любую жестокость.

Рано или поздно, предупредил я Амина, политика репрессий бумерангом ударит по новому режиму и лишь усугубит те проблемы, которые стоят сейчас перед ним. Без широкой социальной поддержки революция обречена на провал. Репрессии же способны лишь оттолкнуть массы от правительства и лишить его последней опоры.

Анализируя материалы наших переговоров, мы все сошлись во мнении, что личность Амина представляет собой реальную угрозу для судьбы афганской революции. К сожалению, не все в Москве разделили такие оценки, но последующие события полностью подтвердили правильность наших мрачных прогнозов.

Первым шагом Амина было удаление из руководства всех парчамистов во главе с Бабраком Кармалем. Укрепления власти Тараки Амин стал добиваться путем уничтожения политических противников, причем как действительных, так и мнимых.

На страну обрушилась волна жестоких репрессий. При острейшей нехватке кадров уничтожались военные, в первую

очередь офицеры, сотрудники государственных учреждений, партийные работники, руководители политических организаций, представители племен и религиозные деятели.

Был случай, когда в Кабул по приглашению властей якобы для переговоров прибыло около 500 руководителей племен, и все они были безжалостно уничтожены.

Обращало на себя внимание и то обстоятельство, что, постоянно расширяя круг репрессируемых, Амин не щадил даже халькистов, вплотную подбираясь к ближайшему окружению самого Тараки.

Так, например, по каналам разведки мы получили достоверные данные о том, что Амин решил расправиться с видными представителями движения «Хальк» Ватанджаром, Гулябзоем и Сарвари. Ватанджар вообще был ближайшим другом и соратником президента, которого он называл не иначе как отцом (кстати, Тараки платил ему ответной отцовской любовью и тоже при всех обращался как к сыну).

Было очевидно, что на очереди теперь уже сам Тараки. Разумеется, мы не могли оставаться безучастными наблюдателями готовящейся расправы над патриотами, над искренними друзьями Советского Союза.

Ватанджара, Гулябзоя, Сарвари и еще одного афганца советским разведчикам удалось уберечь от аминовской охранки буквально в последний момент. По указанию Центра сотрудники нашей резидентуры в Кабуле посадили всю четверку в автомашину и, специально попетляв по улицам, чтобы засветиться, имитировали их вывоз за город. На самом же деле афганцев доставили на нашу конспиративную квартиру, находившуюся буквально под носом аминовских спецслужб почти в самом центре Кабула. Использовавшийся для этого автомобиль был разобран по частям и разрезан сварочным аппаратом, а его остатки закопаны в землю.

С помощью этого приема и дезинформации, подкинутой службам Амина, погоню удалось направить по ложному следу, палачи долго потом рыскали по всей стране, но, разумеется, так никого и не обнаружили.

Первоначально планировалось вывезти Ватанджара и его товарищей в цинковых гробах под видом тел умерших советских специалистов, но затем был найден менее театральный, но тоже вполне надежный вариант — их погрузили в самолет в ящиках с каким-то оборудованием и отправили не в Союз, а в одну из соцстран, где они и пробыли несколько месяцев, прежде чем перебрались в Москву. Амин так никогда и не узнал, куда подевались его несостоявшиеся жертвы.

В октябре 1979 года, как мы и предполагали, был смещен с поста президента, а затем зверски убит Тараки.

Когда незадолго до этого он по пути из Гаваны с конференции движения неприсоединения сделал кратковременную остановку в Москве, Брежнев на основании данных, полученных по каналам советской разведки, лично предупредил его о грозящей опасности. Тараки поблагодарил за сообщение, сказал, что примет необходимые меры предосторожности, и все же решил, несмотря на все уговоры, лететь в Кабул. Это было всего за две недели до его гибели.

Нельзя сказать, что Тараки не поверил той информации, с которой ознакомил его Брежнев. В беседе с нашим послом, состоявшейся после возвращения в Кабул, он прямо говорил, что отнесся к ней очень серьезно. Да и поведение Амина должно было рассеять все сомнения, даже если они еще оставались: на все предложения о встрече премьер отвечал отказом и даже не являлся по вызову президента. А Тараки, со своей стороны, никаких попыток изолировать Амина или хотя бы отстранить его от исполнения обязанностей не предпринимал, верил, что тот в конечном счете одумается, да еще уповал на свой авторитет в обществе. Эти заблуждения стоили ему жизни.

Устранением Тараки по приказу Амина руководил начальник президентской гвардии генерал Якуб. Для начала он взял под контроль резиденцию президента, затем поместил Тараки под домашний арест, объясняя его отсутствие для внешнего мира болезнью. Спустя несколько дней в комнату, где содержали узника, ворвались четверо заранее подобранных Якубом гвардейских офицеров, бросили на пол матрац, повалили на него свою жертву и, придавив сверху подушкой, хладнокровно задушили.

Один из убийц вспоминал потом, что «пришлось помучиться не меньше пятнадцати минут», прежде чем наступила смерть…

Тараки тихо похоронили на кладбище в Кабуле, официально объявив, что он умер от сердечного приступа. Никто, разумеется, в эту версию не поверил, но все молчали — дворцовые перевороты были ведь здесь не в диковинку.

Во время одного из моих очередных визитов в Кабул Бабрак Кармаль водил меня по королевскому дворцу, показывал комнату, где разыгралась эта трагедия, как, впрочем, и то место, где полутора годами раньше расстреляли семью Дауда…

Трое непосредственных исполнителей этого грязного преступления, имена которых известны, вскоре бежали, сначала в Иран, затем в другую страну, где их следы затерялись, а вот четвертый после ввода наших войск вдруг объявился, и не где-

нибудь, а в советском посольстве в Кабуле!

На прием к дежурному дипломату — сотруднику МИД СССР — пришел глубоко взволнованный, на грани истерики человек и объявил, что он один из убийц Тараки. Плача и дрожа, он без устали причитал, что глубоко раскаивается в содеянном и хочет рассказать о том, как все происходило на самом деле, ответственному представителю посольства. Дежурный вовремя не сориентировался и заставил посетителя более сорока минут ждать в приемной, пока он разыскивал действительно ответственное лицо. Когда в холл вбежал наконец наш работник, след таинственного визитера уже простыл.

Двое главных виновников злодейства — Амин и Якуб — ненадолго пережили свою жертву. Спустя два месяца оба были застрелены афганскими патриотами при попытке оказать вооруженное сопротивление при аресте.

После расправы над Тараки вся власть в Афганистане перешла в руки Амина. Террор продолжал усиливаться. Прогрессивные силы ушли в глубокое подполье, многие деятели оппозиции выехали за пределы страны.

Из традиционно дружественной нам страны Афганистан превратился в опасный очаг напряженности и источник постоянной нестабильности в регионе. Амин отдавал себе отчет в том, что в его лице Советский Союз не приобрел друга и никогда не захочет иметь с ним дела, поэтому он, не колеблясь, сжег все мосты — началась расправа с просоветски настроенными людьми в Афганистане. Разгул кровавых репрессий, развязанных Амином, охватил всю страну.

Тем временем в Афганистане нарастало недовольство, усиливалась оппозиция фашистскому режиму Амина. К советскому руководству от различных афганских деятелей стали поступать обращения с просьбой об оказании помощи.

Лидер оппозиции Бабрак Кармаль находился тогда в эмиграции в Чехословакии и оттуда пытался организовать борьбу с Амином. Советское руководство поддерживало с ним контакты, и в декабре 1979 года было принято политическое решение помочь прогрессивным силам Афганистана в их борьбе с террором и произволом, оказать содействие в нормализации обстановки в стране.

Решение о вводе войск в Афганистан было, пожалуй, одним из самых трудных и драматических в послевоенной истории нашего государства. Вопрос в такой плоскости встал неожиданно, бурное развитие обстановки в Афганистане не оставляло времени для долгих раздумий.

До апреля 1978 года, то есть до саурской революции,

казалось, ничто не предвещало каких-то осложнений в советско-афганских отношениях. И вдруг в соседней стране, с которой мы имели протяженную сухопутную границу, пришли к власти крайне левые радикалы, которые в считаные дни полностью изменили ситуацию не только в самом Афганистане, но и во всем регионе. Вместо традиционно дружественного Советскому Союзу государства на нашем южном фланге реально замаячила перспектива появления крайне опасного, враждебного нам соседа.

До этого времени афганское общество, хотя и было глубоко религиозным, тем не менее не отличалось исламским фундаментализмом, что было для нас крайне важным, поскольку не создавало основы для политического экстремизма. Однако аминовские репрессии вызвали джихад — священную войну, быстро распространившуюся по всей территории страны. В результате фундаменталистский фактор не только вставал на повестку дня, но и мог оказаться доминирующим.

Какой должна была быть реакция Советского Союза?

В Москву потоком шли обращения от оппозиционно настроенных афганцев с просьбой об оказании помощи. То, что Амин и группа его приближенных не представляет сколько-нибудь значительной части населения, сомнений не вызывало. Поэтому ставка на него, особенно учитывая его бесчеловечную антинародную политику, была делом не только бесперспективным, бессмысленным, но и глубоко аморальным.

Трудно в деталях воспроизвести ход обсуждения афганской проблемы в высших эшелонах власти Советского Союза и рассказать, как конкретно принималось решение о нашем военном вмешательстве: эти обсуждения носили закрытый характер и проходили в узком составе. Правда, об их результатах председатель КГБ Ю.В. Андропов, являвшийся к тому же членом политбюро ЦК КПСС, периодически информировал руководство комитета. Таким образом я был в курсе принимавшихся решений. Категорически утверждаю, что речь неизменно шла о стратегических государственных интересах Советского Союза, которые, по глубокому убеждению советского руководства, совпадали с национальными интересами самого Афганистана, его народа.

Чем же все-таки руководствовались члены политбюро ЦК КПСС, принимая решение об оказании военной помощи в борьбе с антинародным режимом Амина?

Москва не могла безразлично относиться к тому, что происходило в Афганистане и вокруг него. Огромная протяженность совместной границы — около 2,5 тысячи километров, почти половина населения — таджики, узбеки,

туркмены, родственные народам, проживающим в республиках Средней Азии, значительные общие водные ресурсы в пограничных реках, достаточно широкие торгово-экономические связи, выгодные для обеих сторон.

Совместная советско-афганская граница имела большое стратегическое значение — она могла быть границей мира и сотрудничества и, напротив, линией раздора и междоусобиц. К Афганистану, особенно к его северным районам, проявляли интерес США, Англия, Германия и некоторые другие страны. Они предпринимали постоянные и всевозраставшие усилия по ослаблению влияния и позиций Советского Союза в Афганистане.

По линии КГБ и ГРУ поступали тревожные данные о далеко идущих военных замыслах США по использованию территорий, непосредственно прилегающих к нашей южной границе. Здесь уместно вспомнить ту жесткую конфронтацию, которая была характерна для этого периода, ведь мы, по существу, были в самом разгаре холодной войны. Все это и создавало ту атмосферу, в которой принималось решение о вводе наших войск в Афганистан.

В Москве понимали, что для нейтрализации угрозы с южного направления Советскому Союзу пришлось бы дополнительно держать в республиках Средней Азии не одну армию, создавать дополнительные оборонительные рубежи с дорогостоящей инфраструктурой, практически создавать боеспособную систему ПВО. О том, что наши самые худшие опасения имели под собой реальную почву, свидетельствуют события сегодняшнего дня.

Беспокоил исламский фактор. В Москве исходили из того, что возобладание исламского фундаментализма в Афганистане быстро перекинется и на среднеазиатский регион Советского Союза. Мусульманская часть населения СССР крайне неоднородна. Подавляющее большинство верующих ведет себя довольно пассивно.

Но не это молчаливое большинство определяет социально-политический климат в республиках, тон как раз задает меньшинство — активное в религиозном плане и весьма агрессивное политически. Именно оно является зачинщиком и организатором политических выступлений мусульман. В арсенале действий религиозных фанатиков широкий диапазон средств — вплоть до силовых.

Опыт показывает, что фундаменталисты не останавливаются перед самыми решительными действиями и этим буквально парализуют пассивное большинство. По оценкам специалистов-востоковедов, появление на наших границах исламского государства Афганистан во главе с экстремистски настроенными

фундаменталистами должно было очень быстро сказаться на положении в советских республиках Средней Азии. Неизбежные процессы, связанные с этим, создадут взрывоопасную ситуацию; последствия могут быть вообще катастрофическими: реально возникновение кровавых конфликтов, распад отдельных среднеазиатских республик, вплоть до их выхода из Советского Союза.

Негативное воздействие исламского фундаментализма не ограничится лишь Средней Азией. Оно перекинется на другие районы Советского Союза с мусульманским населением, на Кавказ. Кстати, уже в 1979 году четко просматривалось как одно из последствий и такое явление, как отток некоренного населения из этих регионов. О том, насколько точно оправдались впоследствии и эти прогнозы, говорить не приходится.

Что касается перспективы ухудшения экономических отношений с Афганистаном, то в то время они не оценивались как определяющий фактор, хотя торговые связи Советского Союза с Афганистаном сулили очень большие выгоды для обеих сторон.

По моим наблюдениям, Андропов не был инициатором ввода советских войск в Афганистан. Вряд ли кого вообще можно назвать автором такого решения. Скорее тогда существовало общее понимание, что стратегические интересы Советского Союза, самого Афганистана, советско-афганских отношений делали этот тяжелый шаг неизбежным.

Последнее слово при этом конечно же оставалось за Брежневым. Надо сказать, что Леонид Ильич не проявлял какой-то поспешности в этом вопросе. Напротив, он выжидал, тщательно взвешивал все за и против. Андропов спокойно ждал решающего слова Брежнева, не оказывая на него никакого нажима.

Как-то в середине декабря 1979 года я случайно присутствовал при телефонном разговоре Андропова с Брежневым. Последний интересовался новостями из Афганистана. Андропов информировал, что ничто, к сожалению, не меняется к лучшему: по-прежнему в стране идет волна репрессий, особенно против духовенства, Комитет госбезопасности продолжает тщательно отслеживать развитие обстановки.

Брежнев попросил держать афганскую ситуацию под особым контролем, не упускать из виду даже малейших деталей.

Надо сказать, что, отлично понимая важность для нас Афганистана в стратегическом плане, Брежнев, будучи по натуре человеком, преданным в дружбе, добрым и даже, я бы сказал, легкоранимым, очень тяжело переживал смерть Тараки, в какой-

то мере воспринимал ее как личную трагедию. У него сохранилось какое-то чувство вины за то, что именно он якобы не уберег Тараки от неминуемой гибели, не отговорив от возвращения в Кабул. «Ведь данные, что ты мне принес, я даже показывал ему, говорил, что разведка ручается за их достоверность», — не раз в разговоре с Андроповым сокрушался Леонид Ильич. Поэтому Амина после всего происшедшего он вообще не воспринимал.

К тому времени Амин уже неоднократно обращался к советскому руководству с просьбой рассмотреть вопрос о вводе в Афганистан наших воинских подразделений, прямо ссылаясь на непрочность своего положения, на потерю контроля над значительной частью территории страны. Он уже понимал свою обреченность и невозможность устоять перед широким фронтом самых разнообразных сил, который, по сути дела, сам же и создал против себя своими действиями и политикой.

Присутствие советских войск, по его замыслу, решило бы все проблемы — с одной стороны, утихомирило бы оппозицию, а с другой — нейтрализовало бы явное недовольство Москвы действиями самого Амина.

Советское руководство, однако, не спешило с ответом, поскольку тогда еще не было принято принципиального решения в отношении нашей политической линии в афганской проблеме.

В то же время к нам постоянно поступала информация об усилении активности некоторых западных стран в Афганистане. Причем в их действиях четко просматривался и становился доминирующим антисоветский аспект. Не заметить этого было просто невозможно.

В Афганистан из-за рубежа стало поступать оружие самых различных видов. Активно работали в Кабуле резидентуры западных держав и некоторых соседних государств, заметно активизировались спецслужбы Индии и Китая.

Амин, преследуя свои сугубо амбициозные планы, явно хитрил и изворачивался. Спекулируя на сохраняющихся формальных отношениях с Советским Союзом, он продолжал политику репрессий, ежедневно сотнями отправлял на тот свет своих противников, но их, надо сказать, меньше от этого не становилось, оппозиция постоянно пополняла свои ряды.

Постоянный нажим оказывали на советское руководство и представители прогрессивных сил Афганистана, находящиеся как в стране, так и за ее пределами. Приближался критический момент: или обстановка в Афганистане перерастет в широкомасштабный кризис с непредсказуемыми последствиями, или в стране к власти должны прийти прогрессивные силы,

способные покончить с произволом и вывести Афганистан из тупика. Даже оставаясь на глубоко националистических позициях, эти силы были сторонниками развития дружественных, равноправных, взаимовыгодных отношений со своим северным соседом.

Совершенно очевидно, что для Советского Союза было отнюдь не безразлично, по какому из двух возможных путей начнет развиваться обстановка в Афганистане.

Таковым был ход мыслей у Андропова, а также у всех тех, кто тогда непосредственно занимался афганской проблемой, — у Брежнева, Громыко, Устинова. Никто не отговаривал друг друга от оказания прямой военной помощи Афганистану, были лишь две разные точки зрения на то, как ее осуществить.

Одна состояла в том, что ввести надо относительно небольшой контингент советских войск, который оставался бы в Афганистане вплоть до полной нормализации обстановки, другая — оказать как бы разовую помощь здоровым силам путем переброски в Кабул одного подразделения десантных войск на сутки-двое, не больше.

В последнем варианте некоторые усматривали слишком большой риск, доказывая, что только длительное присутствие в стране наших войск, пусть даже небольших по численности, сможет гарантировать успех дела.

Нужно отметить, что специалисты из Министерства обороны и Комитета госбезопасности были сторонниками второго варианта. Сейчас, когда минуло много лет и произошло столько событий, нужно признать правоту тех, кто выступал за оказание разовой кратковременной помощи. В их числе были Н.В. Огарков, С.Ф. Ахромеев, В.И. Варенников и я.

Наряду с этим рассматривался и вопрос об осуществлении силовой акции с целью устранения Амина и передачи власти в руки патриотически настроенной оппозиции.

Политбюро заранее поручило КГБ и Минобороны разработать соответствующую операцию на случай, если в этом возникнет необходимость. Ее подготовка заняла немногим более одного месяца. Был составлен детальный план, предусматривавший взятие штурмом дворца Амина и захват ключевых объектов, прежде всего в афганской столице.

Основная роль в проведении этой акции отводилась спецподразделениям Министерства обороны и КГБ, хотя в состав атакующих сил была включена и группа афганцев. Непосредственно во дворце должны были действовать в основном бойцы из спецподразделений «Каскад», «Зенит» и «Альфа».

Власть в стране решено было передать в руки Бабрака

Кармаля, которого следовало доставить в Кабул из Чехословакии.

Я заранее вылетел в Прагу, чтобы переговорить с Бабраком и привезти его в Москву. Но когда я был уже на месте и готовился к встрече, мне вдруг позвонил Андропов и сказал: «Слушай, я тут подумал и решил, что тебе не нужно самому встречаться с Кармалем. Надо еще посмотреть, что из этого получится, а тебя мы можем сжечь. Да и вообще, стоит ли сразу выходить на уровень начальника разведки».

Так мы и не познакомились тогда с Кармалем.

Примерно за сутки до начала операции, как мне рассказывал Андропов, состоялось закрытое заседание политбюро ЦК КПСС, а после него совещание в еще более узком составе, в котором приняли участие Брежнев, Громыко, Устинов и Андропов. Это было 24–25 декабря 1979 года.

На заседании политбюро и было принято принципиальное решение об оказании прямой военной поддержки прогрессивным силам Афганистана: о вводе в страну сравнительно небольшого контингента войск, порядка 30 тысяч человек, а также о проведении, если того потребует обстановка, операции по захвату дворца Амина.

Голосовали единогласно, ни у кого, включая Горбачева, никаких возражений это не вызвало. Ни о какой оккупации Афганистана речи не шло, все исходили тогда из варианта оказания кратковременной и ограниченной по своим масштабам помощи. Подразделения Советской армии предполагалось ненадолго дислоцировать в ряде пунктов страны и в кратчайшие сроки после нормализации обстановки вернуть обратно в Союз.

Формально решение ввести в Кабул группировку наших войск было принято как бы по просьбе самого Амина (долгое время именно так мы официально оправдывали свою акцию, что в общем-то соответствовало действительности). Правда, задачи, которые при этом решались нами, не имели ничего общего с замыслами Амина: мы, разумеется, и не помышляли о том, чтобы помогать Амину в осуществлении его преступной антинародной политики.

С другой стороны, с просьбой о вводе наших войск обращалась к нам и оппозиция, возглавляемая тогда Бабраком Кармалем. То есть получалось, что нашего военного присутствия в Афганистане добивались обе политические силы, только каждая из них отводила Советской армии прямо противоположную роль в урегулировании кризиса.

Советские воинские части были переброшены по воздуху в Кабул и на военный аэродром Баграм, находящийся примерно в 70 километрах от афганской столицы.

25 декабря вся операция по переброске войск была завершена.

Амин счел первый этап своего плана выполненным и обрушил на оппозицию новые, еще более сокрушительные и жестокие удары.

В этих условиях в Кабуле назревало открытое выступление против Амина. В нем готовились принять участие сторонники Бабрака Кармаля, Нур Мухаммеда Тараки, а также те, кто еще недавно был вместе с Амином.

В Москве было принято решение оказать им помощь и осуществить заранее спланированную операцию.

Подразделения специального назначения Министерства обороны и Комитета госбезопасности в ночь на 27 декабря 1979 года вместе с группой афганцев захватили резиденцию, где находился Амин и его приближенные. Штурм самого здания и территории вокруг него продолжался около часа. В ходе боевой операции Амин был убит, хотя в наши планы входило лишь его задержание (несмотря на то что буквально накануне штурма афганская оппозиция вынесла Амину смертный приговор за совершенные им массовые преступления).

Операция по взятию аминовского дворца была хорошо подготовлена и проведена на высоком профессиональном уровне, хотя сложностей в ходе ее осуществления возникло немало. Сам дворец находится на одном из холмов на окраине Кабула, и подходы к нему крайне затруднены. Вся местность вокруг хорошо просматривается, наверх ведет только одна извилистая дорога, к тому же довольно крутая и узкая, по которой движение возможно лишь в одном направлении. Поэтому от штурмующих отрядов требовалось особое умение, быстрота маневра и реакции. Да и сами помещения дворца представляли не меньше трудностей: лабиринты залов, комнат и подсобных помещений, бесконечные лестницы, переходы и коридоры, буквально забитые многочисленной и хорошо вооруженной охраной.

Но мы были готовы к любым неожиданностям, в окружение Амина была заранее внедрена наша агентура, и штурмующие подразделения действовали не вслепую. Кроме того, мы с самого начала исключили возможность оказания организованного сопротивления — непосредственно перед началом штурма Амин вместе со своим ближайшим окружением был усыплен. Снотворный порошок незаметно подмешал в еду один наш нелегал, который работал «под крышей» в президентской охране.

Взятие дворца, пожалуй, явилось единственной операцией в Кабуле, которая потребовала проведения активных боевых действий. В ней мы потеряли убитыми восемь человек — это

были наши первые потери в Афганистане.

В ходе штурма погиб и руководитель отряда сотрудников КГБ полковник Григорий Бояринов. Уже когда все было, казалось, кончено, он вышел на площадку перед дворцом. Неожиданно сверху раздался выстрел — стрелял охранник Амина, которому удалось спрятаться в здании. Пуля попала в шею, как раз над бронежилетом, рана оказалась смертельной… Мы потеряли не просто мужественного бойца, опытного руководителя, но и человека редкой души, беззаветно преданного делу, за которое он отдал свою жизнь. Бояринов посмертно был удостоен звания Героя Советского Союза.

Весной 1980 года я приехал на его московскую квартиру, где в присутствии нескольких товарищей по работе (тогда ведь вся операция по штурму дворца Амина держалась в строгой тайне) вручил жене и сыну Григория Бояринова «Звезду» Героя Советского Союза и орден Ленина.

Помимо дворца Амина, предстояло взять под контроль Кабул, аэродром Баграм, ряд других городов и населенных пунктов, а также основные автомагистрали. В столице нужно было освободить и нейтрализовать более двадцати важных объектов: резиденцию Амина, королевский дворец, здания правительства, министерства обороны, внутренних и иностранных дел, телефонную станцию, телевидение, аэропорт, тюрьму и другие.

Удаленность их друг от друга исчислялась десятками километров. На каждом объекте была военная охрана, защитные технические сооружения и система оперативной связи с ближайшими воинскими частями.

Так вот вся операция по Кабулу и Багграму была проведена за 6 часов. В течение двух суток в заранее определенных местах страны были размещены советские воинские гарнизоны с необходимой техникой и тыловым обеспечением. Общие потери спецчастей, проводивших операцию, составили 18 человек убитыми, из них 9 были сотрудниками Комитета госбезопасности.

Были и небоевые потери: во время переброски воинских подразделений в Кабул над гористым районом из-за ошибки пилотов потерпел катастрофу транспортный самолет. Погибли находившиеся на нем солдаты и офицеры — всего около 50 человек.

Еще накануне на аэродром Баграм личным самолетом Андропова был доставлен Кармаль. Его возвращение в Афганистан едва не закончилось трагически. Когда самолет ночью заходил на посадку, афганцы, словно почуяв что-то неладное, неожиданно вырубили всю электроэнергию — пришлось экипажу сажать машину в кромешной тьме,

практически вслепую.

Специалисты говорили потом, что удачную посадку на неосвещенную полосу с выключенными аэродромными радиомаяками, локаторами и другим оборудованием можно рассматривать как чудо. Спасло Кармаля, да в какой-то степени и исход всей столь тщательно спланированной операции, высокое мастерство пилотов, награжденных потом высокими правительственными наградами.

На следующий день, 28 декабря 1979 года Афганистан проснулся уже при другой власти.

Весть о свержении Амина мгновенно распространилась по Кабулу и облетела всю страну. В столице и других городах спонтанно собирались толпы людей с единственной целью высказать свою полную поддержку и одобрение смещению этого узурпатора и палача. В народе ведь было известно, что именно Амин убийца Тараки. Так что помимо страха и ненависти народ ничего другого к нему не испытывал.

Стихийные демонстрации прокатились по всей стране, и в первую очередь, конечно, по самой столице. Их кульминацией было освобождение из находившейся в 15 километрах от Кабула центральной тюрьмы Поли-Чархи более пяти тысяч политзаключенных. Никаким экстремизмом выступления масс не сопровождались, и обстановка в стране нормализовалась буквально в один день.

В истории Афганистана наступил новый этап, который открыл перед афганским народом реальную возможность начать достойную жизнь.

…Но, к сожалению, история распорядилась по-иному.

Дальнейшие события в Афганистане не пошли по тому сценарию, который вырисовывался в самом начале. Тому был ряд причин как объективного, так и субъективного характера.

Когда в 1979 году решался вопрос о вводе советских войск в Афганистан, никто не предполагал, что их пребывание в этой стране затянется на целых десять лет. Небольшой советский воинский контингент, вопреки нашему желанию, втягивался то в одну, то в другую конфликтную ситуацию со всеми вытекавшими отсюда последствиями. Вместо того чтобы лишь оказать помощь афганцам, мы, по существу, взвалили на свои плечи всю основную нагрузку.

Много потребовалось времени для того, чтобы в Москве осознали наконец ошибочность такого подхода и взяли курс на «афганизацию» конфликта.

В общей сложности за эти годы в Афганистане побывало около 900 тысяч советских военнослужащих различных родов

войск. Их численность в отдельные периоды колебалась от 30 тысяч до немногим более 100 тысяч человек. С 1979 по 1986 год активность наших войск была довольно высокой, и лишь в последующее время их участие в боевых действиях резко снизилось.

В 1981–1984 годах был проведен ряд крупных военных операций с участием советских и афганских армейских подразделений, в том числе против бандформирований Ахмад-шаха в долине Панджшер. Мощная артподготовка и массированные удары с воздуха ничего не дали.

Буквально на следующий день после одного нашего наступления мы с маршалом Соколовым посетили места боев. На вертолете перелетели в северо-западную часть ущелья и с высоты двух километров среди отвесных скал опустились на крохотный пятачок земли на берегу горной реки.

Здесь, в небольшом селении, совсем недавно находилась одна из штаб-квартир Ахмад-шаха. Теперь деревня лежала в руинах, чудом уцелел только один дом. Все жители, за исключением глубокого старца из уцелевшей хижины, вместе с моджахедами заблаговременно покинули ущелье, так что все наши старания пропали даром.

Мы провели совещание с командирами воинских частей, подробно разобрали ход и результаты операции. Соколов честно признал ее неэффективность.

Как только наши войска спустя неделю покинули ущелье, в него вернулись бандиты и первым делом расстреляли старика, в доме которого проходило наше совещание.

Так было и в других местах: ни одна из подобных операций не заканчивалась полным разгромом противника — значительная часть моджахедов уходила в горы, рассеивалась по труднодоступной местности, а затем вновь возвращалась в банды. Классические методы ведения современного боя не давали должного эффекта: регулярные войска зачастую были бессильны в партизанской войне.

В последние годы это обстоятельство было учтено. Куда более результативными оказались применяемые на более позднем этапе локальные операции в сочетании с политическими шагами и мерами, предпринимаемыми по линии органов госбезопасности.

Вообще на плечи советских чекистов в афганских делах падала исключительно большая нагрузка. Их труд не был так заметен, но в Афганистане они постоянно были на передовой, ежедневно рисковали жизнью, совершили немало ярких подвигов.

Агентурное проникновение в бандформирования, выявление

баз моджахедов не только в Афганистане, но и на территории соседнего Пакистана, поиски путей поставок и складов оружия, боеприпасов, отслеживание военных приготовлений и получение достоверной информации о противоречиях в стане непримиримой оппозиции — вот далеко не полный перечень задач, которые стояли перед нашими чекистами. Каждый успех позволял избежать многих потерь на фронте, реально приближал нас к конечной цели.

Особое значение имела и работа по укреплению органов госбезопасности, МВД и царандоя (милиции), повышению эффективности их работы, а также помощь в создании Народной армии Афганистана, способной вести самостоятельную борьбу с вооруженным противником.

Нам повезло на представителей КГБ СССР при афганских органах безопасности, которые трудились в этой стране начиная с 1978 по 1991 год включительно. Вот их имена: Леонид Павлович Богданов, Виктор Николаевич Спольников, Николай Егорович Калягин, Борис Николаевич Воскобойников, Владимир Павлович Зайцев, Валентин Алексеевич Ревин. Все они достойно выполнили свой долг, в нелегких условиях с риском для жизни работали день и ночь. Наши представители установили добрые отношения со своими коллегами-афганцами, внесли определяющий вклад в утверждение законности в работе службы безопасности Афганистана.

Длительное время мы безуспешно пытались установить связь с вождем хазарейцев. На то были свои причины: жесткое отношение Кабула к хазарейским племенам, их вражда с пуштунами, обособленный образ жизни хазарейцев, которые обитали в труднодоступных районах далеко в горах.

Хазарейцы жили бедно, подвергались постоянным набегам со стороны других племен, их не раз обманывали, предавали. Помимо этого, они принадлежат к шиитской ветви ислама, тогда как большая часть населения Афганистана принадлежит к суннитам.

Задача установления контакта с хазарейским лидером была поручена Ревину.

Хазарейцы отнеслись к нашему предложению весьма настороженно — они вообще подозрительно относились ко всяким внешним контактам, не без оснований опасаясь провокаций, — и поэтому заранее обозначили условия, на которых могла состояться встреча.

Так вот Ревин за много километров до места переговоров с хазарейским руководством должен был оставлять машину с водителем и идти дальше пешком, причем в одиночку. Только

через два-три часа ходьбы по горной тропе он добирался до места. Спустя сутки таким же путем нужно было возвращаться назад к машине, которая подъезжала за Валентином Алексеевичем к условленному часу. Понятно, что при такой схеме гарантий безопасности не было никаких, риск был огромным, но обстоятельства вынуждали идти на это.

Результатом не одной такой ходки явилось установление полезных контактов с этим племенем и предупреждение военного конфликта в районах, примыкающих к афганской столице.

…Специальные службы Советского Союза и Демократической Республики Афганистан были достаточно хорошо осведомлены о положении в оппозиционных вооруженных формированиях. В наиболее крупных группировках, в том числе и в крайне экстремистских бандах, успешно действовала наша агентура. Через нее удавалось получать важную информацию, проводить активные мероприятия, склонять вооруженные отряды к переходу на сторону народной власти.

Наряду с нашими нелегалами в этой работе активно участвовали афганские друзья. Были здесь и тяжелые потери, связанные с разоблачением наших агентов. Обычно это происходило из-за предательства в центральных ведомствах. Заканчивалось это трагически — пытками и убийствами.

Наиболее трудными для проникновения были формирования таджикского оппозиционного лидера Ахмад-шаха Масуда, который организовал неплохую контрразведывательную работу в своих подразделениях и имел своих людей в Кабуле. В результате этого несколько попыток министерства безопасности ДРА по внедрению агентуры в окружение Ахмад-шаха, предпринятые в 1983–1988 годах, оказались раскрытыми, а агенты уничтоженными.

Особое внимание уделялось нами созданию структур органов внутренних дел и государственной безопасности, как центральных, так и на местах. Они начали работать в большинстве провинций и уездов (районов) и, по сути, стали опорой центральных и местных властей, а кое-где представляли саму эту власть.

Следует отметить, что именно органы госбезопасности были самым надежным звеном государственности Афганистана. Их численность вместе с приданными воинскими подразделениями достигала 70–80 тысяч человек, но основу составлял офицерский костяк, который выгодно отличался своей общей и профессиональной подготовкой, опытом и, самое важное, преданностью.

Среди них практически не было случаев измены или

коррупции, в своей повседневной работе и в ходе боевых операций сотрудники афганских органов госбезопасности проявляли образцы мужества и героизма, демонстрировали высокий профессионализм. На их счету предотвращение многочисленных терактов, диверсионных операций, попыток агентурного проникновения в госаппарат, армию. Они проводили огромную работу в племенах, среди полевых командиров, помогали обеспечивать безопасность советских людей, находившихся в Афганистане.

Неплохие позиции сотрудники МГБ приобрели в зарубежных афганских организациях, осуществлявших враждебную кабульскому режиму деятельность.

Кадры для афганских органов безопасности готовились с нашей помощью как в Кабуле, так и в Советском Союзе — в Москве и других городах, на краткосрочных курсах продолжительностью по 2–6 месяцев, а также в специальных учебных заведениях, в том числе высших, с более длительным сроком обучения — до 2 лет.

За 10 лет, с 1980 по 1989 год, такую подготовку прошли в общей сложности около 30 тысяч человек — сотрудников органов госбезопасности и военнослужащих МГБ. Афганские слушатели, получившие у нас соответствующее образование, как правило, в последующем оправдывали оказанное им доверие.

Была и еще одна, мало кому известная сторона совместной деятельности советских и афганских спецслужб. Корни ее уходят в далекое прошлое, к традициям ЧК времен Ф.Э. Дзержинского. Речь идет о детях-сиротах и беспризорниках, искалеченные судьбы которых становятся едва ли не самыми тяжкими последствиями любой войны.

По инициативе Комитета госбезопасности СССР при активном участии министерства госбезопасности Афганистана была проведена большая работа по организации среднеобразовательных интернатов в Советском Союзе и отбору в них афганских детей-сирот, родители которых погибли в борьбе за народную власть. Таким образом, на учебу в Союз только в 1984–1985 годах было направлено 2 тысячи афганских ребят. После окончания интерната им предоставлялась возможность продолжить учебу в высших учебных заведениях, с тем чтобы они вернулись в Афганистан хорошо подготовленными к новой жизни специалистами.

Ситуация в Афганистане требовала постоянного и пристального внимания со стороны Москвы. Часто возникала необходимость разобраться и принимать решения на месте.

Все эти долгие годы мне пришлось вплотную заниматься

афганской проблемой и, конечно, часто совершать поездки в эту страну. О первом моем визите в Кабул в 1978 году я уже упоминал, а последняя командировка туда состоялась в 1990 году.

В общей сложности я летал в Афганистан около тридцати раз. Продолжительность одной поездки составляла от двух-трех дней до двух и более недель. Времени, чтобы изучить страну, было вполне достаточно. Помимо Кабула не раз бывал в Джелалабаде, Кандагаре, Герате, Мазари-Шарифе, Кундузе, Гильменде, Шинданде и других местах.

Состоялось много памятных встреч с афганцами — от высшего руководства страны, армии и служб безопасности до простых людей, рядовых бойцов, от вождей племен, духовенства до главарей бандформирований. Запомнились, конечно, и встречи с советскими людьми — чекистами, армейскими офицерами и генералами, дипломатами.

Шли годы нашего прямого участия в афганской войне, а долгожданный мир никак не приходил на эту многострадальную землю. Общественность — наша и международная — требовала определиться с дальнейшим пребыванием советских войск в этой стране, скорректировать степень вовлеченности Советского Союза в афганские дела.

В советском руководстве и среди лиц, имевших отношение к афганской проблеме на самых разных уровнях, доминировала в общем-то одна точка зрения — пора выводить войска. Альтернативы этому варианту не было.

В целом первый период советского военного присутствия в Афганистане с 1980 по 1985 год был неоднозначным. Новая власть медленно завоевывала позиции, не так быстро, как этого хотелось, расширяла свое влияние.

В упомянутые годы удалось пройти значительный путь в создании армии, органов безопасности и внутренних дел Демократической Республики Афганистан. Вместе с отрядами самообороны (ополчения) вооруженные силы насчитывали до 340 тысяч человек, из них на службе в регулярной армии состояло до 200 тысяч бойцов. На своем вооружении афганская армия имела авиацию, танки, бронетранспортеры, артиллерию и многие другие виды современной боевой техники.

Одним из главных недостатков этой армии, который так и не удалось преодолеть до конца, была ее низкая мобильность. А ведь именно это качество имело особое значение для эффективной борьбы с небольшими летучими бандами моджахедов, наносившими то здесь, то там неожиданные удары и мгновенно рассеивавшимися затем по окрестным горам и селениям.

С одной стороны, вроде бы и шел процесс создания институтов народной власти, законодательную ветвь которой представлял Революционный Совет Демократической Республики Афганистан, а исполнительную — правительство в центре и губернаторы в провинциях. Существенно укрепились влияние и авторитет Народно-демократической партии. К 1985 году она насчитывала уже до 220 тысяч членов, что для такой относительно отсталой страны было, бесспорно, не так уж и мало. Молодежная организация по численности была значительно меньше и не превышала 100 тысяч человек, но и эта цифра кое-что значила по масштабам Афганистана.

Впервые в истории была создана Всеафганская женская организация с высокой степенью политической активности. Несколько позже появились крестьянская организация, объединение предпринимателей. Все эти структуры действовали как в Кабуле, так и в большинстве провинций, однако степень их влияния на широкие массы продолжала оставаться слабой.

Главным пороком, мешавшим становлению афганской государственности и нормальному развитию общества, по-прежнему являлось постоянное стремление забегать вперед, попытки слепо копировать советский опыт без учета местной специфики. Многие афганские руководители придерживались крайне радикальных и опасных взглядов, заявляя, что даже опыт советских среднеазиатских республик мало подходит для афганского общества, поскольку будет, мол, лишь тормозить развитие. В качестве более подходящего примера для подражания они называли немусульманскую Россию.

Неимоверно трудно было переубеждать наших афганских друзей, доказывать всю ошибочность и вредность таких сверхреволюционных взглядов и порывов!

После прихода Горбачева к власти в 1985 году у него было вполне объяснимое желание побыстрее завершить войну в Афганистане. Поначалу он намеревался достичь этой цели преимущественно военным путем и даже подвергал критике Министерство обороны за пассивность и неэффективное ведение боевых действий. Однако такой подход был крайностью, поскольку решение афганской проблемы предполагало осуществление целого комплекса мер, и прежде всего политического характера.

Все это требовало взвешенных шагов, определенного времени и усилий, а терпение у Горбачева как раз всегда было в хроническом дефиците.

Спустя полгода новое шараханье, но уже в другую крайность. Ничего не добившись от военных, он вдруг вообразил, что

афганская проблема — чуть ли не единственное препятствие на пути «нормализации» отношений между Советским Союзом и США, которое необходимо устранить любым путем. Отсюда вывод — уходить, причем как можно скорее.

Непредсказуемость в действиях Горбачева сбивала с толку афганских друзей и руководство тех стран, которые были вместе с нами на стороне кабульского режима. Бросалось в глаза, что многие афганцы, накрепко связавшие свою судьбу с нашей страной, первыми почувствовали опасность, все чаще на разных уровнях пытались выяснить, не бросит ли их Москва на произвол судьбы.

Тогда подобные опасения наших друзей казались просто наивными…

К весне 1986 года уже стало ясно, что попытка военного решения афганской проблемы полностью бесперспективна. Советское руководство твердо решило взять курс на постепенное сокращение нашего военного присутствия в Афганистане и на проведение более активной политики национального примирения по возможности всех, даже самых крайних противоборствующих сторон.

Это, однако, не было проявлением какой-то новой горбачевской линии, к такому выводу давно уже пришли почти все, кто отвечал за афганские дела.

В апреле 1986 года был предпринят первый шаг в этом направлении. Дело в том, что к тому времени у Бабрака Кармаля возникли серьезные разногласия с большинством членов высшего афганского руководства, которое склонялось к необходимости его ухода в отставку. Цель состояла в том, чтобы укрепить руководство, сделать его более динамичным и, самое главное, расширить социальную поддержку режима.

Уже тогда в воздухе витало имя Наджибуллы, пользовавшегося авторитетом энергичного и достаточно гибкого политика. Не менее важно было и то, что Наджибулла по национальности был пуштуном, а это тоже многих устраивало.

Афганское руководство обратилось к Горбачеву с просьбой переговорить с Кармалем и постараться убедить его добровольно уйти в отставку. Сам Кармаль в это время находился в Москве на отдыхе и лечении.

В связи с этим было решено обсудить афганский вопрос на заседании политбюро ЦК КПСС, которое состоялось 27 апреля. Меня тоже пригласили присутствовать на этом заседании. Политбюро решило поддержать линию на активизацию политики национального примирения в Афганистане. Горбачеву поручили встретиться с Кармалем, прозондировать его отношение к

дальнейшему сокращению нашего военного присутствия в Афганистане, а самое главное, убедить добровольно уйти в отставку.

Было решено также направить меня в Кабул для углубленного изучения положения в стране, бесед с афганским руководством и для последующей подготовки — совместно с руководителями других советских учреждений в Кабуле — развернутых предложений по афганской проблеме.

30 апреля Горбачев отправился в так называемую «кремлевскую» больницу в Кунцево, где на лечении по поводу обострившейся болезни печени уже довольно давно находился Кармаль. Вернулся он в крайне подавленном настроении — вопреки его непонятно откуда взявшимся радужным ожиданиям, беседа, как он выразился, «не получилась», Кармаль и слушать не захотел об отставке, а идти с ним на конфронтацию, конечно же, было нельзя.

Горбачев тут же перепоручил продолжение этой работы мне. Помимо наших давних весьма доверительных отношений с афганским лидером, сыграло роль и то обстоятельство, что он сам изъявил желание обсудить эту деликатную тему именно со мной.

1 мая 1986 года я вылетел в Кабул. Почти одновременно со мной туда прибыл и Кармаль, который после памятной беседы с Горбачевым сразу же решил прервать лечение и вернуться домой.

Я еще раз убедился в необходимости сворачивания нашего военного присутствия и активизации поиска политических путей урегулирования афганской проблемы; соответствующие рекомендации на этот счет были представлены в политбюро ЦК КПСС.

Но наиболее напряженными и насыщенными в ходе этой поездки оказались встречи с Кармалем, которые продлились в общей сложности свыше двадцати часов. В течение первых двух недель мая мне дважды пришлось летать в Кабул, второй раз специально для того, чтобы завершить переговоры с Кармалем.

Первая беседа происходила практически в форме его (поначалу даже гневного) монолога. Зная характер собеседника, я почти не прерывал, давая ему возможность выговориться до конца. Вскоре, однако, произошел курьезный эпизод, позволивший мне несколько охладить пыл оратора.

С улицы послышался шум прибывающей толпы, до нас стали долетать отдельные выкрики и здравицы в честь вождя.

Кармаль подвел меня к окну, показал на демонстрацию кабульской молодежи, в основном школьного возраста, и театрально воскликнул: «Вот видите, как относится ко мне народ,

как я могу идти против их воли?»

Я ответил, что этот организованный по указке сверху спектакль не производит на меня никакого впечатления, и предложил вести разговор в более деловом ключе. «Вот если бы, — заметил я, — с площади перед дворцом убрали охрану и действительно позволили населению открыто выражать свое мнение, через час здесь была бы добрая половина Кабула, причем совсем с другими лозунгами, и президенту это известно не хуже, чем мне!»

Кармаль заметно смутился и тут же при мне отдал распоряжение прекратить демонстрацию — через пять минут шум за окнами полностью стих.

Вторая и третья беседы носили уже более конструктивный характер, Кармаль теперь внимательно прислушивался к моим аргументам, не так болезненно воспринимал оценки и советы. И все же решающего перелома удалось добиться лишь с пятого или шестого захода, а окончательным согласием передать власть в руки Наджибуллы заручиться в ходе повторного визита в Кабул.

Итак, в середине мая новым президентом Афганистана стал в прошлом соратник Бабрака Кармаля доктор Наджибулла — молодой, энергичный, образованный, не по годам умудренный жизненным опытом человек.

Приход Наджибуллы внес свежую струю во внутреннюю и внешнюю политику Афганистана. Проявляя гибкость и вместе с тем последовательность, Наджибулла существенно расширил социальную базу народной власти, ему удалось укрепить связи с духовенством, частным сектором. Он провозгласил политику национального примирения, против которой выступать было просто невозможно.

Наджибулла внес серьезные коррективы в политику по отношению к полевым командирам, совершенно верно оценив это направление деятельности кабульского руководства как ключевое. Политика в отношении племен стала активным фактором, без успеха которого нечего было и думать о каком-либо продвижении вперед.

Наджибулла отбросил догмы, перегибы в политике и пошел по линии поддержки частной собственности, опоры на исламскую религию, многопартийности, уважения прав всех национальностей, предоставления возможности участвовать в политической жизни всем общественным силам, стоящим на позициях национального примирения, налаживания добрых отношений с соседними государствами.

Как-то в беседе с Наджибуллой я полушутя сказал, что у него есть два недостатка — чрезмерная цивилизованность и

молодость. Чрезмерная цивилизованность может подтолкнуть его перескочить какой-то этап в развитии афганского общества, как это уже было с его предшественниками, и тогда последствия не заставят себя ждать. Что касается молодости — сорок лет, — то для такой восточной страны, как Афганистан, где почтенные годы уже сами по себе являются свидетельством мудрости, этот фактор может повлиять на авторитет руководства. Должен сказать, что оба этих «недостатка» Наджибулла с

лихвой компенсировал своими куда более многочисленными достоинствами.

Трагически оборвалась жизнь Наджибуллы. В сентябре 1996 года талибы взяли Кабул. Они схватили Наджибуллу в помещении отделения ООН в Афганистане и спустя два дня после бесчеловечных пыток публично казнили президента ДРА, его брата и водителя на центральной площади. С 1992 по 1996 год Наджибулла пользовался убежищем под флагом ООН. Никто не выступил в его защиту.

Заслуги Наджибуллы перед собственным народом неоспоримы. Пройдет совсем немного времени, и об этом человеке начнут вспоминать с признательностью, и не только на его родине.

К тому времени, когда вопрос о выводе наших войск перешел в практическую плоскость, а это был уже 1988 год, советские военные части, по сути дела, прекратили боевые операции: войска стояли гарнизонами, армии Афганистана нами оказывалась лишь воздушная поддержка, да и то в ограниченных масштабах. Наши потери были сведены на нет. Афганцы же явно набирали силу, они ощутили ответственность, понимали, что впредь на прямую военную помощь советских подразделений в боевых действиях им рассчитывать уже не придется.

В общем-то интересы Советского Союза по афганскому вопросу сводились к тому, что мы хотели видеть Афганистан подлинно независимым, самостоятельным, территориально единым государством.

При объективном, всестороннем анализе нетрудно прийти к выводу, что советские интересы в полной мере совпадали с интересами этого региона в целом и с интересами каждой страны, входящей в него.

Советский Союз не строил и не собирался строить взаимоотношения с Афганистаном в ущерб развитию его связей с другими странами. Другое дело, если какая-нибудь держава вознамерилась бы преследовать далеко идущие цели установления политического или экономического господства над Афганистаном. Тогда Советский Союз, разумеется, не мог бы

оставаться в стороне.

Было бы наивно объяснять политику Советского Союза в отношении Афганистана имперскими замашками. Даже представители влиятельных политических кругов в Афганистане хорошо понимали, что суть политики Советского Союза ни в коей мере не противоречит коренным интересам афганского народа, его чаяниям и надеждам, его желанию идти по пути прогресса во всех областях жизни.

Вопрос о том, что будет с Афганистаном после нашего ухода — удержится ли там режим Наджибуллы, или на смену ему придет другой, — не мог, конечно, не волновать советскую сторону. Позади было почти десять лет войны, счет за которую мы оплачивали прежде всего невосполнимыми людскими потерями, явными политическими издержками, материальными расходами.

Неотступно стоял вопрос: если в Кабуле после нашего ухода режим все же поменяется, то каким он будет — дружественным (пусть даже просто лояльным) или враждебным Советскому Союзу?

Принимая решение о выводе войск, советское руководство, естественно, исходило из важности сохранения своего южного соседа на дружественных нам позициях. Намерения бросить Афганистан на произвол судьбы открыто никто не проявлял, хотя определенный разброс во мнениях, разумеется, присутствовал. В итоге все же было признано необходимым продолжать и далее оказывать Наджибулле всестороннюю помощь, сведя при этом к минимуму людские потери с нашей стороны. Такой позиции, по крайней мере внешне, долгое время придерживался и Горбачев.

Отдельно стоит остановиться на линии поведения в этом вопросе А. Яковлева. Он и здесь держался особняком. С самого начала его позиция сводилась к следующему: немедленно и без каких бы то ни было условий вывести наши войска из Афганистана, а там — будь что будет! Любопытна и тактика достижения этой цели.

До вывода войск Яковлев говорил, что наш уход можно было бы компенсировать увеличением поставок военной техники и снаряжения («Сколько надо, столько и дадим!» — с жаром повторял он), обеспечением проводки конвоев по афганским дорогам и даже оказанием воздушной поддержки с территории Советского Союза. Он высказывался за создание на территории Афганистана военных баз и учебных центров.

Но это были только слова! Самое главное для «идеолога» перестройки было добиться вывода наших войск из Афганистана, а затем бросить на произвол судьбы эту страну, а заодно с ней и

интересы Советского Союза. А ведь не мог Яковлев не отдавать себе отчета в том, что Афганистан в случае такого предательства с нашей стороны станет легкой добычей для своих собственных, да и наших общих противников!

Женевские переговоры и соглашения по Афганистану, предусматривавшие полный вывод советских войск к 15 февраля 1989 года и одновременное прекращение военных поставок из Советского Союза, Пакистана и других стран, с самого начала были лишь ширмой, видимостью конструктивного решения проблемы, слабо прикрытым желанием сохранить наше лицо в условиях полной политической капитуляции.

Советская сторона послушно выполняла и даже старательно перевыполняла условия женевских соглашений, в то время как американцы всем своим поведением доказывали, что свои собственные обязательства они попросту игнорируют и ждут лишь одного — скорейшего и окончательного ухода наших войск из Афганистана.

Соединенные Штаты Америки шли к своим целям в Афганистане прямым путем, особо их не скрывая. Цель у них была свергнуть режим Наджибуллы и привести в Кабул правителей другого толка, которые отвечали бы в полной мере интересам западных стран и ни в коей мере не интересам Москвы.

Надо вещи называть своими именами. Москва предала своих афганских друзей, они, естественно, были вынуждены прекратить борьбу, но мир в Афганистане, как и предполагалось, не наступил.

Почти все политики, особенно специалисты по афганской проблеме, предрекали, что после того, как советские войска уйдут из Афганистана, а народный режим Наджибуллы будет брошен, не только Кабул, но и весь Афганистан превратится в одно кровавое месиво, в котором будут перемалываться судьбы целых народов, тысячами гибнуть ни в чем не повинные люди. Так оно и произошло.

Жертвы, принесенные Советским Союзом в ходе военного конфликта в Афганистане, тем более давали нам право требовать учета нашего голоса в урегулировании афганской проблемы, в достижении такого мира, который принимал бы во внимание и интересы северного соседа. Мы заплатили слишком большую цену, наши интересы были непосредственным образом задеты, поскольку нас связывали с Афганистаном определенные договоры и соглашения. Мы действительно были заинтересованы в мире и спокойствии не только в Афганистане, но и в регионе в целом и потому вправе были заявлять о необходимости считаться с

нашими интересами, тем более что они ни в коей мере не противоречили нуждам самого афганского народа.

Было очевидно, что с Москвой ведут откровенную игру. А наша дипломатия тем временем продолжала делать вид, что развитие обстановки вокруг Афганистана идет в соответствии с духом женевских соглашений.

В сущности, история женевских переговоров и соглашений свидетельствует о том, что с нашей стороны шла прямая сдача союзника по всем направлениям. Во время переговоров в Женеве и после них советская сторона делала одну уступку за другой, ничего другого не оставалось и афганским друзьям.

Находившийся на переговорах в Женеве министр иностранных дел Афганистана Вакиль в знак протеста однажды даже объявил голодовку, но спустя два дня уступил, потому что идти против СССР было бессмысленно.

Как только вывод советских войск был завершен, Яковлев стал открыто выступать против дальнейшего оказания помощи Афганистану, настаивал на полном ее свертывании. Ни о каком сохранении позиций, нашего влияния в Афганистане с его стороны уже не шло и речи. На напоминания о прежних высказываниях он отвечал лишь колючими взглядами. О советской Средней Азии, об интересах ее безопасности Яковлев не хотел даже слышать.

И вот настало время пожинать плоды этой политики! Мы пришли к тому, чего, судя по всему, некоторые наши деятели и добивались. Бывший советский союзник Афганистан, оставшись без всяких поставок из России, немедленно был захлестнут новой волной гражданской войны, его народ подвергся новым трагическим испытаниям.

Хлебнули горя и наши среднеазиатские республики: постоянные нарушения границы, массовая переброска оружия, многочисленные конфликты, тысячи убитых и раненых, сотни тысяч беженцев.

По некоторым данным, в ходе гражданской войны в Таджикистане, вспыхнувшей в 1992 году, погибли сотни тысяч человек. Всем очевидно, что детонатором этой войны являются реакционные силы Афганистана. А ведь это только начало!

Проблемы в этом регионе исключительно сложные. Так, в Таджикистане проживает около трех с половиной миллионов таджиков, а в Афганистане их более четырех миллионов. Фундаменталистские настроения есть и здесь и там, отсюда происходит усиление экстремизма, который проявляется прежде всего в политике. Подогреваются настроения в пользу воссоединения братьев-таджиков обоих государств. Но какой

тяжелой и дорогой ценой это может обернуться для всех нас?

В конце XX века таджики, населяющие этот регион, разделены не только границей: их отличают два противоположных уклада жизни, несовместимость диаметрально противоположных общественных и государственных систем. В несколько иной степени, но примерно то же самое можно сказать об Узбекистане и Туркмении.

Конечно, проблемы в регионе были и прежде, но ситуацию удавалось контролировать. Сейчас же в пылу политических страстей и противоборства эти особенности одними игнорируются, недооцениваются, а другими, напротив, используются для разжигания розни.

Так что впереди нас ждут новые потрясения. По мере ослабления российского влияния обстановка будет еще более обостряться. Рано или поздно Россия и среднеазиатские государства придут к осознанию необходимости объединения усилий в борьбе за восстановление мира в этом регионе, но какие жертвы потребуются для этого осознания?

…15 февраля 1989 года последний советский воин покинул Афганистан. Вопреки многочисленным прогнозам кабульский режим не пал через один-два месяца, а продержался в течение почти трех лет и, более того, за это время даже укрепил свои позиции. И это несмотря на то, что ситуация изменилась: не стало Советского Союза, сократилась наша помощь, а с 1 января 1992 года наши военные поставки в Афганистан вообще были полностью прекращены.

В конечном счете поражение кабульского режима произошло отнюдь не потому, что он был объективно обречен изнутри, а в силу внешних причин, в первую очередь связанных с развитием ситуации в Советском Союзе. Достаточно сказать, что мы фактически признали другую воюющую сторону, и одно это конечно же в корне изменило всю ситуацию, связанную с афганской проблемой.

Впрочем, когда в январе 1989 года почти все предрекали скорый конец кабульского режима, мало кто предполагал, что наша политика в отношении Афганистана пойдет по пути полной сдачи этой страны.

22 февраля 1989 года вместе с Э. Шеварднадзе я должен был вылететь в Кабул для обсуждения с афганским руководством новой ситуации и перспектив развития в этих условиях советско-афганских отношений. Но, к сожалению, из-за болезни я не смог участвовать в поездке.

Впечатления группы Шеварднадзе от Кабула были неутешительными: месяц, от силы два — и режим Наджибуллы

падет. Правда, сам Шеварднадзе был более оптимистичен.

Я же был в полном одиночестве, когда говорил, что новый Афганистан может выстоять.

Прошел месяц, второй, а Кабул стоял, и, более того, положение вокруг столицы даже укрепилось. Спустя полгода стали свободными для транспорта дороги на Кандагар (юг страны) и на Герат (запад). Практически без перерывов функционировала автострада на Джелалабад — город на востоке страны, недалеко от границы с Пакистаном. Попытки отдельных оппозиционных сил организовать наступление на некоторых участках довольно быстро и эффективно пресекались. Для многих такое положение явилось полной неожиданностью.

У Наджибуллы, всего руководства поднялось настроение, возросла уверенность в победе.

В Кабуле возобновляли деятельность закрытые перед выводом советских войск посольства ряда стран. Заметно улучшалось отношение жителей к советским сотрудникам, находившимся в Афганистане.

Помню, позвонил мне Ахромеев (это было осенью 1989 года) и сказал, что, к большому своему удовлетворению, он ошибся в мрачном прогнозе — народный режим не только не рухнул, но, судя по всему, даже укрепился, так что Афганистан по-прежнему остается на дружественных Советскому Союзу позициях.

Проходили месяцы, а жизнь в стране продолжала медленно, но верно идти в благоприятном направлении. Кабулу удавалось все более овладевать обстановкой в некоторых районах страны, активизировались контакты с полевыми командирами, что явилось важнейшим, а в тех условиях, может быть, даже решающим фактором стабилизации обстановки в стране.

Конечно, это вовсе не означало, что проблем у Наджибуллы совсем не стало, их число просто несколько поубавилось, хотя трудностей оставалось еще немало, да плюс к тому возникало много новых вопросов. Режим Наджибуллы еще не добился коренного перелома, который однозначно решил бы вопрос: кто — кого?

Процесс национального примирения был лишь в начальной стадии. Межнациональные конфликты все еще отличались опасной жестокостью и размахом, они нередко выливались в вооруженные столкновения не только с правительственными войсками, но и между различными отрядами самой оппозиции.

Оставалась открытой граница на востоке, юге и западе страны, и просачивание боевых группировок моджахедов с территории соседнего Пакистана было практически беспрепятственным и непрерывным. Доступ у вооруженной

оппозиции к зарубежным источникам поставок оружия и живой силы, несмотря на женевские соглашения, оставался беспрепятственным.

В самом афганском руководстве, правда, так и не удалось достичь единства, оно раздиралось противоречиями по кадровым и политическим вопросам. Афганские друзья так до конца и не смогли освободиться от стремления перескочить неизбежный исторический этап развития своего общества и государственности. Видимо, они осознали свои ошибки только тогда, когда им всем пришлось смотреть смерти в глаза.

В Советском Союзе насчитывается около одного миллиона воинов-интернационалистов, которые почти за десять лет прошли суровую школу мужества в Афганистане. Им нечего стыдиться, скрывать свою принадлежность к воинам-афганцам. Они вели себя достойно, пользовались уважением у большей части населения, которое до сих пор сохраняет в своих сердцах чувство дружбы и признательности к советским бойцам.

Жители Кабула навсегда запомнят, как переброшенные из Пакистана группы террористов ночью обстреливали город, убивали мирных жителей, а днем советские воины из машин, на улицах раздавали голодающим людям муку. По целям и задачам миссия советских воинов-интернационалистов в Афганистане была благородной. Но война есть война. Она неизбежно оборачивается многочисленными жертвами и разрушениями.

Я категорически против утверждения, что мы «проиграли войну в Афганистане». Говорить так — это не просто грешить против истины, но и, по моему глубокому убеждению, оскорблять память павших, всех тех, кто честно прошел через ратный труд в этой войне! Поражение потерпели другие — авторы преступной и предательской политики, в результате которой Афганистан был брошен на произвол судьбы.

Общие наши потери за 10 лет — убитыми, умершими от ран и болезней, включая небоевые потери, — составили 13 тысяч 300 человек. Количество раненых — около 30 тысяч. Пропало без вести 311 человек, из них большая часть попала в плен. Лишь единицы перешли к противнику добровольно.

По мнению военных специалистов — советских и зарубежных, — с учетом продолжительности пребывания советских войск в Афганистане, особенностей и условий этой страны, такие потери не оцениваются как большие. Но дело, конечно, не в цифрах, а в самом факте гибели людей, получении ими ранений.

Нелишне вспомнить, что Соединенные Штаты Америки за три года активных боевых действий потеряли во Вьетнаме 54 тысячи

человек только убитыми.

Во время корейской войны в 1951–1953 годах над Северной Кореей было сбито более 1250 американских боевых самолетов, потери одного только летного состава определяются приблизительно 4 тысячами человек.

Невероятно жаль наших ребят! Однако их подвиг невозможно переоценить. Они сражались и погибали с верой в то, что делали это в интересах Родины, ради защиты ее безопасности.

Было бы в высшей степени несправедливо лишать прошедших Афганистан воинов славы, доставшейся им по праву, выстраданной кровью и лишениями. Героев среди наших ребят было много. Не запятнали себя позором и те, кто попал в плен и кому пришлось пережить там тяжелейшие испытания.

Итак, позади афганская война, десять труднейших лет в истории нашей страны. Нет уже того государства — Советского Союза, — которое в 1979 году пришло на помощь соседнему афганскому народу, ушла в прошлое и завоеванная с таким трудом народная власть в этой стране. Колесо истории остановилось, а затем, набирая обороты, стало раскручиваться в обратном направлении.

Влияние афганского фундаментализма уже почувствовали не только в Кабуле, но и в некоторых регионах бывшего СССР — он напомнил о себе постоянными нарушениями наших границ, бандитскими нападениями, новыми убитыми и ранеными с нашей стороны, полуразрушенными городами и селами, согнанными со своих родных мест таджиками, узбеками, русскими и многими нашими согражданами других национальностей. Тысячами гибнут ни в чем не повинные люди, в том числе женщины и дети.

Сейчас события красноречиво говорят о том, что граница бывшего Советского Союза с Афганистаном стала границей тревог, лишилась безопасности, не обеспечивает спокойную жизнь Таджикистана, Узбекистана и Туркмении, потому что на этой границе происходят кровавые конфликты, она постоянно нарушается группами экстремистов, боевиков из Афганистана.

В ходе многочисленных бесед с самыми различными афганскими представителями мне довелось не раз слышать о том, что определенные силы в Афганистане вынашивают весьма серьезные территориальные претензии к Советскому Союзу. Те, кто привержен идее исламского фундаментализма, считают, что узбеки, таджики, туркмены, проживающие в Афганистане, имеют историческое право на воссоединение с этнически родственными группами населения, проживающими в Средней Азии, причем на основе присоединения последних к Афганистану.

В случае, если подобным планам было бы суждено сбыться, нетрудно представить себе, какие лишения и горе, неисчислимые жертвы выпали бы на долю бывших советских людей — туркменов, таджиков, узбеков, не говоря уже о представителях других национальностей. Речь пошла бы об их жизни и смерти, поскольку семь десятков лет советской власти сделали их, или, по крайней мере, значительную часть их, совершенно «непригодными» для образа жизни исламских фундаменталистов.

Имелось ли все это в виду, когда в конце 1979 года принималось решение о вводе советских войск в Афганистан и оказании прямой военной помощи Кабулу? Да, конечно. Самые последние события подтвердили, что у таких опасений были все основания.

Еще раз хочу подчеркнуть, что формы оказания советской помощи Афганистану могли бы быть иными. Это другой вопрос. Но нельзя не учитывать суть афганской проблемы, заключающейся в необходимости учета интересов Советского государства, что в эпоху тогдашнего противостояния в мире делало это весьма серьезным аргументом.

Если некоторые полагают, что с противостоянием покончено раз и навсегда, то они глубоко ошибаются. Свидетельство этому — многочисленные военные конфликты, которые и сегодня происходят в мире. Прежде чем человечество избавится от войн, больших или малых военных конфликтов, от междоусобиц, от жесткой борьбы на мировых рынках, от политического противоборства, от силового давления, пройдет еще немало времени, и будет ли это время исчисляться десятками или сотнями лет, никто сейчас с точностью ответить не сможет.

Наши парни, сложившие голову за то, чтобы предотвратить трагическое развитие событий, предаются забвению, тех же, кто уцелел, превращают в «потерянное поколение». А тем временем каждый день на границе и даже в глубоком «тылу» гибнут все новые и новые мальчишки, такие же юные, как и те прежние, но только они, в отличие от тех, не знают, кто и зачем вложил в их руки автоматы, за какое дело они отдают свои жизни, в чье теперь небо смотрят их безжизненные, остановившиеся глаза…

Глава 4
Перестройка: «архитекторы» и «прорабы»

Прежде чем перейти к освещению основной темы настоящей главы, мне хотелось бы кратко коснуться последнего периода жизни Ю. Андропова.

Судьба отвела Ю. Андропову короткий период деятельности на высших партийном и государственном постах Советского Союза — всего один год и три месяца. Из них 8–9 месяцев он сохранял относительную работоспособность, остальное время фактически тяжело болел.

Серьезное заболевание с крайне неблагоприятными последствиями Юрий Владимирович перенес зимой 1980 года. Тогда, будучи членом политбюро ЦК КПСС, председателем Комитета госбезопасности, он в конце января совершил неофициальную поездку в Кабул и там подхватил ветряную оспу. Все меры предосторожности вроде бы принимались, режим питания был строгим, афганской кухней Юрий Владимирович практически не пользовался, продукты питания и даже питьевая вода были привезены из Москвы. Правда, вместо положенных полутора суток Андропов пробыл в Кабуле около трех из-за нелетной погоды — необычно сильной метели, резкого похолодания. Полученная им там легкая простуда, казалось, ничего плохого не предвещала.

Вылет из кабульского аэропорта состоялся в сложных метеорологических условиях. Хорошей погоды решили не ждать — Андропов спешил домой, поскольку его ожидала ранее намеченная встреча с избирателями в городе Горьком. Андропов выехал в Горький буквально на следующий день по возвращении, хотя испытывал недомогание, — Юрий Владимирович полагал, что с простудой удастся справиться. Однако к концу встречи с избирателями Юрий Владимирович почувствовал себя хуже, поднялась температура, в Москву он вернулся уже вконец заболевшим и был немедленно помещен в больницу.

Около месяца его мучила высокая температура (до 40 градусов), были дни, когда он находился в бреду, и врачи испытывали серьезные опасения за его жизнь. Диагноз — ветряная оспа — был поставлен быстро; все понимали, что в 66 лет бороться с такой болезнью нелегко. Тяжелый недуг ударил по зрению, почкам, вызвал воспаление легких. Сердце, к счастью,

выдержало. Только в конце марта — начале апреля Юрий Владимирович начал выходить на работу, и то вопреки рекомендациям врачей, но от последствий этого тяжелого заболевания так и не избавился. Кстати, в детстве у него уже была ветряная оспа, и повторное заболевание ею, да еще в пожилом возрасте, усугубило тяжелое состояние больного.

Когда в ноябре 1982 года Ю. Андропова избирали генеральным секретарем ЦК КПСС, у него были основания ссылаться на неважное здоровье и в связи с этим предлагать подумать о другой кандидатуре. Однако к его просьбе не прислушались.

16 июня 1983 года Андропова избирают Председателем Президиума Верховного Совета СССР. К этому времени обострившиеся болезни, особенно болезнь почек, давали о себе знать все сильнее, и лишь стремление Юрия Владимировича работать даже тогда, когда болезнь приковывала к постели, позволяло ему исполнять свои обязанности. Он много читал, диктовал, беседовал с товарищами по работе, поддерживал постоянную телефонную связь с широким кругом лиц в Москве и за ее пределами.

Будучи тяжело больным, он продолжал внимательно следить за тем, чтобы линия на активизацию производства, повышение дисциплины и ответственности осуществлялась с неослабевающей решимостью. Сейчас часто говорят о феномене Андропова, о том, как ему удалось в столь короткий срок добиться ощутимых результатов в наведении порядка и увеличении промышленного и сельскохозяйственного производства. Думается, что феномен этот прост и объяснение ему надо искать как раз в практической линии, проводимой Юрием Владимировичем. Причем весьма простая на первый взгляд концепция Андропова именно в тот момент оказалась наиболее актуальной и понятной людям, уставшим от распущенности и ясно осознавшим, что без наведения элементарного порядка ни за какое серьезное дело приниматься невозможно.

Юрий Владимирович хорошо понимал, что его жизнь быстро идет к концу. На все утешения друзей и близких отвечал улыбкой и проницательным взглядом. Вокруг причин смерти Андропова было много разговоров, разных домыслов и слухов. Нет-нет да возникают они и поныне. Мне хотелось бы внести ясность в этот вопрос.

Начну с цитаты из книги «Здоровье и власть» нашего известного академика, признанного в мире кардиолога Евгения Ивановича Чазова. Книга издана в 1993 году. Вот что сказано в

ней о здоровье Андропова: «Андропов, его окружение, в основном руководство КГБ, ставили вопрос о возможности пересадки почек.

Причем окружение Андропова просило, чтобы консультация (имеется в виду консультация зарубежного специалиста, профессора А. Рубина) проходила без участия советских специалистов, которые, по их мнению, могли оказывать определенное «психологическое», «коллегиальное» давление на А. Рубина в оценке состояния и рекомендациях метода лечения. Я понимал, что эта просьба исходила от Андропова, и просил А. Рубина быть предельно откровенным и беспристрастным. Мне понравилось, как профессор держался во время консультации — общительный, вежливый, очень пунктуальный и в то же время с чувством достоинства, присущим специалистам высокого уровня. Он полностью подтвердил правильность тактики лечения, избранной советскими специалистами, и отверг возможность пересадки почек. Консультация А. Рубина имела большое значение, так как сняла в определенной степени напряженность, связанную с постоянными вопросами представителей КГБ: все ли делается для Андропова, правильно ли его лечат… Консультация А. Рубина произвела впечатление и на Андропова, который после нее успокоился и начал активно работать в силу своих возможностей».

Теперь несколько фактических моментов и пояснений к приведенной цитате.

В течение многих лет Юрий Владимирович страдал болезнью почек и сердца. В 1966 году случился инфаркт миокарда, тяжелый, почти на два месяца приковавший его к постели. Врач тогда прямо сказал Андропову: если хотите жить и работать, надо облегчить работу сердца. «Вот видите, Юрий Владимирович, — сказал доктор, — графин воды. В нем два литра. В вашем организме 10 графинов лишней жидкости, то есть 20 литров. Это нагрузка на сердце, выполняющее роль перекачивающего насоса». Андропов за четыре месяца сбросил более 20 кг веса и благодаря физической зарядке и режиму питания неизменно держал форму. После этого сердце ни разу не подводило его.

В конце 60-х годов чешские врачи предложили Андропову сделать операцию на почках в целях предупреждения тяжелого заболевания и выхода их из строя вообще. Однако гарантии не давали. Юрий Владимирович советовался с врачами, с семьей, говорил со мной и решил от операции воздержаться. Решение принимал сам. Болезнь почек все ощутимее давала о себе знать, он скрупулезно выполнял все рекомендации врачей и в общем-то держался вплоть до 1983 года.

Хотел бы подчеркнуть, что в Комитет госбезопасности не

поступали сигналы, которые подвергали бы сомнению действия советских врачей при лечении Андропова. Что касается Евгения Ивановича Чазова, то для его методов лечения всегда были характерны заботливость, компетентность и полная отдача своих сил и времени. У Е. Чазова не отмечалось стремления монополизировать истину. Кстати, сам Андропов высоко ценил Чазова как врача, следовал его предписаниям и относился к нему с уважением.

В начале 1983 года Андропов почувствовал себя хуже и откровенно пожаловался мне на недомогание. Жаловаться он, кстати, не любил. Ни о чем при этом не просил, но сказал, что временами ему становится невмоготу. У меня возникла мысль обратиться к зарубежным врачам — не из чувства недоверия к нашей медицине, а исходя из пословицы: «Один ум — хорошо, а два — лучше». Близкие друзья поддержали это предложение, но тут возникла необходимость получить добро от кого-либо из членов высшего руководства.

Мои звонки натолкнулись на любопытную реакцию. Идея, мол, хорошая, но мир может узнать, что руководитель Советского государства болен, начнутся спекуляции и т. д. и т. и. Дмитрий Федорович Устинов, кому я позвонил первому, поначалу отверг это предложение напрочь: «До сих пор в мире мало что знают о состоянии Андропова, а если пригласить иностранных специалистов, то все моментально разлетится по свету. Не навредим ли Юрию Владимировичу и государству?»

В конце концов этот «довод» удалось отбить контраргументом, что в случае неблагоприятного исхода мир так и так узнает правду о его здоровье из наших некрологов, которые неизменно отличаются откровенностью, даже с перебором. «Гуманен ли такой подход?» — спросил я. Согласие на привлечение иностранного специалиста было получено при условии сохранения конфиденциальности. Сам Андропов своего мнения на сей счет не высказывал, заметив, что этот вопрос пусть решают без его участия.

Вот тогда-то, летом 1983 года, в Москву и был приглашен профессор А. Рубин, посетивший Андропова в больнице. Волновались оба. Переводчик был наш. Американский врач первые минуты оценивал ситуацию, определял оптимальную линию собственного поведения. Он, конечно, увидел, что перед ним тяжелобольной человек, и быстро взял инициативу в свои руки. Он, разумеется, понял, что пациент смотрит на него как на последнюю надежду. Юрий Владимирович почти не задавал вопросов. Рубин нашел заболевание почек серьезным, дал ряд практических советов, а на вопрос Андропова, сколько времени

он будет работоспособен, на что может рассчитывать, уклончиво, дипломатично ответил: «При выполнении рекомендаций врачей можете сохранить работоспособность и на пять, и на восемь лет, а там будет видно».

В январе 1984 года Рубин еще раз приезжал в Москву, осмотрел Андропова, но был бессилен что-либо сделать.

А. Рубин сдержал слово, не нарушил обет молчания. Мне же рассказать об этом дают право книга Е. Чазова и другие публикации, появившиеся в печати в последнее время.

Предпринималась еще одна попытка найти эффективный метод лечения заболевания Андропова — при помощи лечащего врача бывшего канцлера Австрии Б. Крайского, у которого было такое же заболевание почек, как и у Андропова. Через лечащего врача Крайского удалось приобрести важный медицинский прибор для очищения крови, получить несколько полезных рекомендаций и обменяться опытом лечения. Проявил большое внимание, участие и сам Крайский, который, основываясь на личном опыте, просил посоветовать Андропову особенно не ограничивать прием жидкости, дабы не мучить себя жаждой. «Легче сделать лишнюю процедуру очищения крови», — заметил он.

До последней минуты Юрий Владимирович — этот мужественный человек — продолжал напряженно думать о делах, постоянно требуя от своих товарищей полной самоотдачи, честности и принципиальности, плана новых действий и решений. Он страстно выступал за оздоровление общества, призывал к беспощадной борьбе с коррупцией, выступал за равную ответственность всех и каждого перед законом. Огромную надежду в этой связи Юрий Владимирович возлагал на партию, в которую верил, понимая, что ее огромные потенциальные возможности так и оставались в полной мере не задействованными. Во внешних делах он придерживался правила — никогда не поступаться интересами Отечества. В могуществе, военном и экономическом, в духовности нашего народа видел залог величия Советского государства. Не стоит, однако, считать, что Андропов тем самым исключал возможность компромиссов при решении международных проблем, отнюдь нет! Но, как он часто подчеркивал, компромисс оправдан лишь тогда, когда соблюдены все жизненно важные интересы государства и когда в основе его лежит не слабость одной из сторон, а реальный баланс сил.

С годами память все чаще воскрешает передо мной образ Юрия Владимировича Андропова и особенно последние его недели и дни. Он отгонял от себя мысли о смерти как о

физическом рубеже жизни, но в его словах, рассуждениях постоянно присутствовала озабоченность, тревога по поводу того, что будет с государством, партией не в отдаленном, а в ближайшем будущем и что он должен успеть сделать. По-моему, что его особенно угнетало, так это отсутствие у него решения, даже четкого мнения относительно преемника на посту руководителя партии и главы государства.

31 декабря 1983 года, уже лежа в постели, Юрий Владимирович встретил свой последний Новый год. Поздравить Андропова с наступающим праздником пришли председатель КГБ СССР В. Чебриков, начальник охранного управления Ю. Плеханов и я. Медицина просила не злоупотреблять временем, не слишком утомлять больного, но Андропов не торопился, своим поведением давал понять, чтобы мы не уходили. Врачи позволили ему выпить бокал шампанского. Тогда впервые на глазах у него блеснули слезы…

Наше свидание с Юрием Владимировичем продолжалось более часа. При прощании он подал мне знак, чтобы я задержался и остался у него один. Я дошел до двери и, извинившись перед товарищами, вернулся к Юрию Владимировичу. Он полулежал на койке, была заметна его усталость, живыми казались одни лишь глаза. Его лицо стало грустным и тяжело задумчивым. «Спасибо. Еще раз прощай. Позванивай», — очень тихо, но внятно произнес он. Мы обнялись. Больше живым я его не видел.

Умер Юрий Владимирович Андропов 9 февраля 1984 года, под вечер, на семидесятом году жизни (а точнее, на 69-м году, так как год он себе прибавил, когда в юности нужда заставила его пораньше поступить в фабрично-заводское училище). Имя Андропова, уверен, займет достойное место в истории нашего государства. Многое сегодня выглядело бы иначе, не вырви смерть его так скоро из наших рядов.

Личность Андропова несла в себе черты многих советских людей, его судьба отражала, как в зеркале, свершения и неудачи, радости и горести, которые переживала наша страна за годы советской власти. Трудное и голодное детство. Рыбинский речной техникум, матрос на Волге, комсомольский вожак. В Великую Отечественную войну — Карельский фронт, партизанская борьба. После войны — комсомольская, дипломатическая работа, вновь партийная, органы госбезопасности, лидер партии, председатель Президиума Верховного Совета СССР.

Одаренный природой, Юрий Владимирович быстро все схватывал, жадно поглощал книги — по истории, художественные произведения, публицистику. Любил поэзию и сам писал стихи. Предметом его особого интереса всегда была внешняя политика.

Юрий Владимирович любил и умел слушать, владел искусством ведения дискуссии. На каком бы посту ни находился, он сохранял человеческую простоту и доброжелательность в общении с людьми. Великолепный слух и приятный голос, общительность делали его душой любой компании, к нему всегда тянулись люди. И еще одна черта выгодно отличала Юрия Владимировича от многих других наших руководителей: это исключительная порядочность, я бы сказал, щепетильность и кристальная честность.

Для Андропова всегда были характерны глубокое понимание происходящих в стране и в мире процессов, способность к анализу. Но вместе с тем он был совершенно однозначен в своих идеологических и политических взглядах. Тут для него плюрализм был просто крамолой. Безусловно, Андропов был твердо привержен социализму, не воспринимал как таковой капиталистический строй, хотя считал возможным и даже нужным перенять его отдельные аспекты. Он видел изъяны в развитии нашего общества, но выход усматривал лишь на путях совершенствования самой системы, полагая, что большого успеха можно добиться даже за счет простого укрепления стабильности и порядка.

Бережно относился Юрий Владимирович к нашим взаимоотношениям с социалистическими странами, расценивая социалистическое содружество как важнейшее наше завоевание в результате Второй мировой войны. При этом он исходил из того, что ничего из завоеванного нами такой ценой уступать нельзя, и был неизменно тверд в отстаивании этой своей позиции. Вместе с тем вмешательство в дела Чехословакии в 1968 году счел позже ошибкой. Когда в Польше в 1981 году обстановка резко обострилась, Андропов не допускал и мысли о каком-то силовом участии извне в решении польских проблем.

В Комитете госбезопасности СССР Андропов проработал ровно пятнадцать лет — с мая 1967 по май 1982 года. Для органов он сделал много полезного: усилил степень их подотчетности, вытеснил технарский подход, повысил профессионализм в работе на самых различных направлениях чекистской деятельности, укрепил принцип коллегиальности в принятии решений, заставил органы безопасности отказаться от несвойственных функций и руководствоваться в своей работе только действительными потребностями защиты государства. При Андропове стала расширяться и совершенствоваться правовая база КГБ. Однако это было лишь началом длительного процесса наполнения деятельности органов новым содержанием. В рамках той системы государственности сделать что-либо более значимое

и кардинальное было просто невозможно. К этой работе приступили позже.

Так что имя Ю.В. Андропова долго еще с теплотой будут вспоминать в чекистских коллективах. Не следует забывать и о том, что Юрий Владимирович оставался на посту председателя КГБ дольше, чем кто-либо до него. С его деятельностью не связано ни одной темной страницы в истории органов госбезопасности. И будет ли побит этот рекорд в будущем?..

После Андропова к руководству страной пришел Черненко, всей своей предыдущей жизнью не подготовленный и не предназначенный для этого деятель, к тому же совершенно больной человек.

Сложилось так, что после ухода из жизни Андропова в высшем эшелоне власти действительно не было бесспорной личности, которая устраивала бы всех или большинство и на которую можно было бы смотреть с доверием и надеждой. Руководители преклонного возраста не могли выделить из своих рядов человека — приемлемого в тех условиях лидера партии и государства. Молодые деятели не проявляли себя, или им не позволено было это сделать. Поэтому выбор пал на Черненко, о котором говорили: «Старый конь борозды не испортит».

По мнению старой гвардии, выдвижение Черненко на пост руководителя партии и государства давало какое-то время для определения подходящего лидера. При этом исходили из того, что Черненко слыл человеком порядочным, не способным на подлость, авантюризм. В общем, был предсказуем.

Уже тогда витала в воздухе кандидатура Горбачева, но одни его знали плохо, другие слишком хорошо. И у тех и у других по Горбачеву было немало вопросов. Никто не был уверен в нем на сто процентов.

Ради объективности следует сказать, что у руководителей старшего поколения были опасения и тревоги за судьбу Отечества. Пережив историю с Хрущевым, фигурой неоднозначной по своим качествам, политическим целям и делам, они опасались прихода к власти человека авантюрного склада, непредсказуемого, способного совершить действия с далеко идущими отрицательными последствиями для государства. Ведь именно Хрущев внес немалый вклад в начало разрушения государственности и Союза.

Многие члены высшего советского руководства испытывали подобные опасения и в отношении Горбачева, тем более что Андропов так и не обозначил своего возможного преемника.

Вот в таких условиях и оказался на вершине власти Константин Устинович Черненко.

Вспоминаю один свой разговор с ним в феврале 1984 года. Тогда в связи с 60-летием со дня рождения меня наградили вторым орденом Ленина (в те годы еще практиковалось награждение по случаю юбилейных дат, но позже от такой практики отказались, как изжившей себя и вызывавшей многочисленные нарекания). С товарищами отмечали награду. Разговорились.

Раздался звонок. Черненко тепло поздравил, спросил, чем живет советская разведка и ее сотрудники.

Я ответил, что в принципе международная обстановка не настораживает, и все же есть над чем подумать во внешних делах, заметил, что торговать с нами в больших объемах Америка не собирается, на отмену эмбарго не пойдет, а вот Европа склонна развивать с нами торгово-экономические отношения. Воспользовался случаем и посетовал на то, что разведывательная информация — как политическая, так и научно-техническая — плохо реализуется, в достаточной мере не учитывается, а она, по мнению разведки, исключительно важна.

Черненко обещал рассмотреть этот вопрос и слово сдержал. Вскоре проблема стала предметом обсуждения в ЦК КПСС, и принятые решения несколько улучшили прохождение информации и ее реализацию.

Говорил Черненко медленно, тяжело дышал, его мучил кашель, так что продолжать разговор с моей стороны было просто неудобно. Этим откровенно поделился с товарищами по работе.

Все хорошо понимали ситуацию и переживали. Пришел больной человек, а страна вся в проблемах. Молва о Черненко шла как о хорошем человеке. Последнее время у нас в стране быть «хорошим человеком» стало, как говорится, профессией, а ведь в государстве, где все сфокусировано на одном лице, за которым фактически право последнего решения, такое положение — если речь идет о лице первом — ничего доброго не сулило. Все жили в ожидании перемен, и такое мучительное состояние длилось еще целый год.

История с Черненко была еще одним доказательством серьезной болезни нашего общества, всей системы. И если мы как-то еще выдерживали, то не благодаря ли огромным потенциальным возможностям, резервам социалистического строя? Почему-то мы редко задумывались над нашей историей, действительностью, способностью и возможностями общества именно с этой стороны.

Но все же резервы дисциплины и ответственности, веры и надежды в советскую власть имели достаточный запас прочности. Общество таило в себе огромный потенциал созидания, желания

и готовности распрямиться и пойти вперед, но ради идеи стоящей, сильной, привлекательной.

Март 1985 года пришел как будто бы неожиданно, хотя все видели и понимали неизбежность прихода свежего лидера, а вместе с ним перемен, наступления чего-то нового в жизни. Что за перемены, каким должно быть новое, никто толком себе не представлял.

И все же избрание Горбачева на пост генерального секретаря ЦК КПСС было встречено с одобрением: тут и интерес, и любопытство, и ожидания. Однозначно приветствовался приход молодого лидера, как прорыв после длительного пребывания на этом посту лиц преклонного возраста.

Но, пожалуй, примечательно другое. Прорыв молодого лидера стал возможен благодаря решительной поддержке представителя старшего поколения руководителей — А.А. Громыко, человека бесспорно мудрого, опытного, способного правильно ориентироваться в критические моменты.

Мне известно, что, когда началось обсуждение кандидатуры на пост лидера партии, Громыко первым назвал Горбачева. Он начал с того, что хватит играть в игры, что среди руководства есть молодой, энергичный человек и надо выбирать его. Позиция Громыко предопределила ход обсуждения, его поддержали другие, вопрос был решен.

Известно мне и другое. Вскоре Громыко стал высказывать сожаление по поводу сделанного им выбора и внесенного предложения об избрании Горбачева на пост лидера партии. В конце своей жизни он уже громко сетовал по этому поводу, считал, что крупно ошибся, обманулся в Горбачеве. Чувствовал себя виноватым в том, что из-за человека, которого он предложил и на кандидатуре которого настоял, в стране начались процессы, опасные для нашего государства и общества.

В январе 1988 года указом Президиума Верховного Совета СССР мне было присвоено воинское звание генерала армии. Указ был подписан Председателем Президиума Верховного Совета СССР А.А. Громыко. Андрей Андреевич позвонил мне и тепло поздравил.

Состоялся необычно откровенный разговор, учитывая сдержанный характер Громыко. Вспомнили Андропова, Устинова. Андрей Андреевич заметил, что в их лице он потерял друзей-единомышленников. Особенно высоко отозвался о Юрии Владимировиче.

По ходу разговора Громыко обронил фразу, что ему, видимо, придется уходить на пенсию, но на душе неспокойно. «Боюсь за судьбу государства. В 1985 году после смерти Черненко товарищи

предлагали мне сосредоточиться на работе в партии и дать согласие занять пост генерального секретаря ЦК КПСС. Я отказался, полагая, что чисто партийная должность не для меня. Может быть, это было моей ошибкой», — заключил он.

Я внимательно слушал, понимая, что не все в стране идет гладко.

«Яковлев и Шеварднадзе — не те люди, куда зайдут они вместе с Горбачевым?» — несколько неожиданно для меня сказал Громыко.

Я ответил, что многое действительно настораживает, но пока еще можно поправить положение.

В ответ, как мне показалось, полные тревоги слова: «Кто и как это может сделать?»

Такие опасения можно было услышать от разных лиц все чаще и чаще. Отдельные негативные высказывания о Горбачеве со временем обретали новое качество, отражали его полное неприятие.

Отношения между Горбачевым и Громыко тоже становились все более натянутыми, и вскоре наступил момент, когда Горбачев всем своим видом стал показывать, что не может дальше работать с ним.

Каждое предупреждение Громыко о том, что то или иное решение может привести к крайне нежелательным последствиям для Советского государства, воспринималось Горбачевым болезненно, в штыки. Он стал раздражать Горбачева.

Многие видели это и поэтому считали служебную карьеру Громыко законченной. Время играло не на Андрея Андреевича, его жизнь и служебная деятельность были в прошлом, к будущему, тем более горбачевскому, он имел мало отношения. Историей и обстоятельствами спор между Горбачевым и Громыко был предрешен.

Размышляя над обстоятельствами удаления Громыко от непосредственного руководства внешнеполитическим ведомством, уже позже я пришел к однозначному выводу — Громыко был слишком тверд и последователен во внешних делах, «неуступчив» с точки зрения Запада, его надо было заменить податливым министром и с помощью последнего реализовать так называемое новое мышление в международных делах.

Таким удобным человеком оказался Шеварднадзе. Громыко олицетворял, защищал принципы, интересы Советского государства, был неприступным для западной дипломатии, непреклонным в отстаивании советских позиций, что создавало массу «неудобств» для Горбачева, в своих помыслах вставшего на чуждый нашему народу путь.

Вскоре Горбачев, убрав с дороги преграды в лице Громыко, стал «творцом» и исполнителем нового курса в советской внешней политике — курса разрушения, сдачи позиций и предательства.

Спустя год Громыко не стало. Прощаясь с ним в Доме Советской армии (не в Колонном зале Дома Советов, где обычно отдавали последние почести людям такого ранга, не попавшим в силу каких-то причин в опалу), я вспомнил его пророческие слова…

Полную оценку роли Горбачева в развитии современной истории еще предстоит дать. К концу 1991 года он как президент СССР лишился почти всей власти и уже практически ничего не решал. Когда возникла угроза существованию Советского Союза, нужна была твердость, но для этого Горбачев был совершенно неподходящий человек, если бы он даже захотел что-то предпринять.

Последствия его пребывания у власти тем не менее продолжают сказываться до сих пор. Никто или, по меньшей мере, мало кто возьмет на себя смелость сказать о положительных аспектах его деятельности.

Но важнее другое — никто из его единоверцев не пожелал взять на себя даже частицу ответственности за то, что случилось с нашей Родиной, да и не только с ней, свидетелями и невольными участниками чего мы являемся. Они отмежевываются от Горбачева, силятся доказать свою непричастность к его делам.

И еще один момент: до Горбачева в течение 20 лет — при Брежневе, Андропове и Черненко — сногсшибательных обещаний, по сути, не делалось. Напротив, отказались от многообещающих заявлений, сделанных в свое время Хрущевым, в частности от его заявления о том, что в 1980 году советские люди будут жить при коммунизме.

Умеренный подход к перспективам развития общества и государства вносил успокоение в массы, не будоражил людей, внушал доверие к принимаемым решениям, призывам партийного и советского руководства.

После 1985 года атмосфера изменилась. Из уст Горбачева посыпались, словно град, обещания кардинальным образом изменить жизнь, в кратчайшие сроки улучшить ее, сделать высокорентабельным промышленное и сельскохозяйственное производство, поднять материальную заинтересованность людей и на этой базе обеспечить им более высокое их благосостояние. Приводились сравнения с тем, как обстоят дела на Западе, разумеется в пользу последнего. Людей убеждали в том, что до сих пор все было плохо, что они шли (или их вели) по ложному

пути и что сейчас руководство партии и государства примет меры к тому, чтобы быстрейшим образом исправить создавшееся положение.

Это сопровождалось усиливающейся, уничтожающей, сокрушающей критикой всего сделанного до сих пор. Получалось так, что до Горбачева никто не хотел и не умел, а он, Горбачев, может и умеет.

За все это советские люди заплатили впоследствии весьма дорогую цену. Шли годы, а положение не только не менялось к лучшему — оно ухудшалось, и люди чувствовали это буквально на всем.

Стало падать промышленное и сельскохозяйственное производство, снижаться жизненный уровень. Люди все сильнее ощущали недостатки, лишения, неудобства и, разумеется, делали соответствующие выводы. К 1991 году ситуация настолько изменилась в худшую сторону, что были все основания говорить о наступлении глубокого кризиса общества и государства, хотя, разумеется, тогда мы еще не отдавали себе отчета в том, что этот кризис спустя короткое время углубится в особо опасных масштабах и в конце концов приведет к развалу государства, смене общественного строя.

Можно сказать, что наступил период безответственных обещаний. Обещания стали политикой, с помощью которой демагоги, авантюристы, некомпетентные лица приходили к власти, управляли страной, заводя ее в еще больший тупик.

Первым радикальным лозунгом Горбачева был призыв к ускорению. В нем было больше количественных параметров, чем качественных. Он не содержал целей, очевидных путей движения. Примитивен был призыв, примитивно было и его исполнение. Все оставалось как бы по-старому, только работать надо было быстрее и больше.

Очень скоро люди разобрались в пустоте, отсутствии содержания в этом призыве и говорили о нем с явной насмешкой. Для Горбачева это был первый настораживающий звонок. Положение спасло то, что пока ничего не разрушалось.

Стало ясно — на путях ускорения никакого обновления общества не произойдет. Тогда появляется следующий лозунг: «Перестройка!» В мире стали мучительно думать над переводом замысловатого для них слова.

Вспоминается один разговор с Яношем Кадаром в 1985 году по поводу смысла слова «перестройка». Венгерский лидер, рассуждая, спрашивал, что же означает это замысловатое выражение: «Перестраивать в смысле усовершенствовать или все строить заново?» В конце концов не без горькой иронии он

заметил: «Боюсь, что все мы запутаемся».

У нас вкладывали в термин «перестройка» различный смысл: все ломать, а затем заново создавать, не разрушать, но радикально совершенствовать, менять структуры управления, осуществлять децентрализацию, отказаться от плановых начал и т. д., и т. п.

Никакой программы перестройки не было. Люди путались в догадках относительно того, что же представляет собой этот замысловатый лозунг. Попытки выяснить, к чему же мы идем, какие цели преследуем, какие конкретные текущие и перспективные задачи решаем, наталкивались на малопонятное многословие Горбачева, а то и на глухую стену молчания. Недостатка не было лишь в призывах Горбачева «идти путем обновления, перестраиваться, изменять».

Ни статьи, ни многочисленные выступления Горбачева, даже его объемные труды по вопросам перестройки не вносили ясности в этот вопрос, более того, еще дальше запутывали его. А перестройка все очевиднее носила характер профанации.

К тому времени, будучи депутатом Верховного Совета СССР, членом ЦК КПСС, я присутствовал на многих ответственных совещаниях и все более убеждался в том, что мы идем не тем путем, что следует остановиться, разобраться в том, какой дорогой следует двигаться дальше, чего мы, собственно говоря, хотим, и только после анализа и осмысления идти на реорганизацию, обновление, но не по пути разрушения и сноса всего того, что создано было не только за годы советской власти, но и многими предшествующими поколениями.

Горбачев начал раздражаться, нервничать, и было видно, что проявляет он нервозность от бессилия, стремительного роста настроений против его политики, от того, что сам не знает, что, собственно говоря, ждет страну в самом ближайшем будущем, не говоря уже о более отдаленной перспективе. Но главное, что вызывало у него тревогу, — это ослабление его личной власти, прочности его положения.

Короче говоря, в то время я думал, что Горбачев заблуждается, запутался. Но вскоре он призвал, то есть повторил один из лозунгов Мао Цзэдуна времен «культурной революции», «бить по штабам». Под штабами он разумел партийные организации различных уровней, прежде всего республиканские, областные и городские. Он призывал бить сверху, чем будет заниматься он, и снизу, чем должны были заниматься массы.

Кстати, в этом проявилась и низменность его натуры. Со всех сторон острее и острее раздавалась критика в адрес Горбачева, наиболее чувствительной она была именно со стороны партийцев.

Вот их-то он и призывал бить.

Горбачев не мог не понимать одного — партия в то время была стержнем общества, на ней многое держалось, от нее многое зависело. И бить по штабам, бить по партии — значило бить по стержню, на котором, хотели мы того или нет, держалась советская власть, держава, правопорядок и, если хотите, от работы которой во многом зависели дела и в промышленности, и в сельском хозяйстве, и обстановка в стране в целом.

Мне довелось не раз присутствовать при разговорах в узком кругу Горбачева, в том числе с теми, кто его активно поддерживал в перестройке, что обычно располагало к откровенности. Мною все сильнее овладевала мысль, а со временем я пришел к убеждению, что Горбачев только делал вид, что знает, к чему ведет державу. На самом деле он сознательно вводил людей в заблуждение.

Создавалось твердое мнение, что Горбачев в лучшем случае действует на авось. И чем больше я убеждался в этом, тем больше мне становилось не по себе. Особенно это стало понятным для меня, когда я вошел в состав политбюро ЦК КПСС и стал принимать непосредственное участие в рассмотрении отдельных вопросов и проблем в высшем органе партии, который в то время был и высшим руководящим органом в стране, где рассматривались основополагающие вопросы и где в общем-то решались судьбоносные проблемы державы.

Горбачев твердил, что надо во что бы то ни стало расшевелить, раскачать общество. Чего-чего, а раскачать, расшевелить общество Горбачеву действительно удалось.

Помню, в 1990 году я был у Горбачева, сопровождая личного представителя Раджива Ганди, который приехал с устным посланием премьер-министра Индии. Дело было в ныне печально известном Ново-Огареве, где Горбачев с группой лиц работал над очередным докладом. На осторожный вопрос личного представителя Раджива Ганди о том, что же все-таки происходит у нас в стране и все ли здесь в порядке, а также на замечание, что в Индии проявляют большую обеспокоенность по этому поводу, Горбачев усмехнулся и сказал:

«Вы знаете, нас сильно штормит. Не знаю, какой балл — седьмой, восьмой или девятый, но нас качает из стороны в сторону.

…Это ничего, — продолжал он. — Встряска для нашего общества нужна. Мы привнесем кардинальные изменения, определим более точный курс корабля. Море успокоится, и все будет в порядке. Корабль пойдет к цели и обязательно дойдет до нее».

Индийский представитель спросил: «А не слишком ли это дорого обойдется для Советского государства?»

Горбачев сказал: «Вы знаете, за ценой мы не постоим». После этих слов у меня зародилось еще больше сомнений в том, верным ли путем мы идем и знает ли наш капитан, что творит.

Позже Горбачев скажет: «Что только я ни делал, что только я ни предпринимал! Ничего не получается в этой стране! Все проваливается, все оказывается безрезультатным».

В 1987 году показатели по народному хозяйству оказались неплохими, сказывались заделы прошлых лет; основы промышленности, сельского хозяйства не были задеты разрушительными действиями, управленческий механизм все еще работал. Был сделан вывод — можно смелее идти вперед, активнее принимать более радикальные меры.

Тогда казалось, что запас прочности у государства неисчерпаем. Решили одним махом покончить со всей административно-командной системой и начать новую жизнь.

Усилили удары по партии, то есть приступили к реализации горбачевского призыва «бить по штабам». Стало доставаться и местным Советам, громили министерства, другие центральные и местные исполнительные органы, обрушились удары на науку, особенно на ее фундаментальные исследования.

Вскоре взялись за внешнеполитическую деятельность государства, за его историю. Одной из мишеней разрушительных нападок стала армия. В открытую говорили об иждивенчестве военнослужащих, их третировали, били по командному составу, стали доказывать невыгодность для Советского Союза продолжения линии на удержание стратегического паритета, что якобы лишь мешает Западу развивать торгово-экономические отношения с нами, а Советский Союз ввергает в ненужные расходы.

Появились первые пока еще незначительные вспышки межнациональных распрей. Тогда, пожалуй, мало кто подозревал, какую опасность они таят и во что выльются в самом ближайшем будущем.

К тому времени средства массовой информации обрели большую свободу и, преимущественно с подачи Запада, принялись смаковать и утрировать недостатки в нашей жизни. Общество, государство зашатались. Страна продолжала плыть по течению, по воле волн. На смену программной установке появилась другая. Принципиально верная идея перехода к рыночным отношениям в вольной интерпретации, в самых несуразных вариантах стихийно пошла гулять по стране, внося сумятицу и нарушение в установившиеся и работавшие

вертикальные и горизонтальные связи, во всю систему сложного управленческого и производственного механизма.

Разрушив механизм, систему, по которым жило народное хозяйство, и не создав ничего взамен, мы сразу же оказались во власти анархии, неконтролируемой ситуации в экономике.

В 1988 году обозначилось, а в 1989 году стало более очевидным сокращение темпов прироста в промышленности и сельском хозяйстве. В 1990–1991 годах он пошел уже с минусом. Упал жизненный уровень. Страна вступила в полосу глубокого и всестороннего кризиса.

До 1985 года я не встречался с Горбачевым, только слышал о нем. В том памятном 1985 году я был среди тех, кто приветствовал его приход к власти. Пост начальника разведки не позволял мне оказывать сколько-нибудь значительного влияния на положение дел в стране, воздействовать на кадровую политику.

Контакты с Горбачевым были спорадическими и всегда по инициативе последнего. Обо мне он узнал, по его же словам, от Андропова. Из нерегулярных разговоров с Горбачевым у меня складывалось мнение о его огромном желании изменить положение дел, перестроить как можно скорее отжившую свой век отечественную модель социалистического общества, взамен административно-командных дать простор демократическим процессам, гласности.

С годами у меня постепенно складывалось впечатление, что он хотел бы остаться на Олимпе и быть вне пределов критики.

Со временем эти первые впечатления во мне перерастали в убежденность. Он мог относительно спокойно среагировать на удары по Союзу, на начавшийся где-нибудь острый международный конфликт, на тяжелую ситуацию в той или иной социалистической стране. Но любые нападки на него, критика в его адрес, да если еще в резких, острых выражениях — простите, это уж слишком! Реакция была мгновенной, острой, с претензиями к товарищам, которые не защищали своего руководителя. В таких случаях обида переполняла его. Тут доставалось и левым и правым. Последним меньше, поэтому они очень долго проявляли сдержанность, позволяя себе критиковать Горбачева больше на закрытых совещаниях, в письменных обращениях лично к нему.

Долгое время Горбачев, казалось, незыблемо стоял на позициях таких ценностей, как Октябрь, социализм, Ленин. Подчеркивал необходимость сохранения и развития Союза, социалистического содружества. Иногда под влиянием его слов становилось как-то неловко оттого, что на этот счет тебя грызли

сомнения.

Со временем зафиксировалась еще одна особенность, черта характера Горбачева. Он не останавливался, не задерживался на определенном рубеже, даже им самим совсем недавно определенном. Отсюда одна из причин его непоследовательности. Постоянно отступал, менял взгляды, мнение, отходил от поддержки одних и критики других, переходил из одной крайности в другую, то есть менял стороны местами, что сбивало с толку, создавало почву для спекуляций. Речь вовсе не идет о вопросах незначительных, частных. Нет, менялись позиции по основополагающим проблемам состояния и развития общества. В то же время наши оппоненты проявляли завидную последовательность, настойчивость и в полной мере пользовались нестабильностью в нашей жизни и набирали очки.

Летом 1985 года Горбачев по своей инициативе поднял очень важный вопрос — об ускорении научно-технического прогресса в Советском Союзе. Рассмотрению вопроса придавалось большое значение, на совещании в Кремле были заинтересованные лица.

Помню, я находился в командировке в Афганистане. Меня, как начальника разведки, вызвали для участия в совещании. Обсуждение носило острый характер, проблема была верно схвачена, принято содержательное решение.

Прошло совсем немного времени, и об этом мероприятии напрочь забыли. Ведь никто не ожидал быстрой отдачи, потому что научно-технический прогресс — это не месяцы и даже не годы, а десятилетия работы, точнее, это процесс постоянный.

На мое замечание спустя какое-то время, что следовало бы серьезно и основательно заняться вопросами научно-технического прогресса, Горбачев заметил, что пытался заняться и этим, но ничего не вышло. Было очевидно: кто-то пытается сознательно пустить под откос дело развития научно-технического прогресса в нашей стране: освоение новых технологий, внедрение в производство передовых методов, в том числе в управлении экономикой, использование достижений в области фундаментальных наук, — а они у нас были.

Конечно, нужно было бы обратить внимание на вопросы материального стимулирования, заинтересованности не только отдельных заводов, предприятий, научных центров, но и конкретных лиц, работающих в промышленности и сельском хозяйстве.

К сожалению, комплексного подхода к решению этих проблем не было. В то же время по инициативе самих организаций предпринимались серьезные меры к выправлению положения в области научно-технического прогресса.

К примеру, в Комитете госбезопасности был принят ряд основополагающих решений, которые преследовали цель использовать возможности разведки и контрразведки, с одной стороны, по добыче нужной для страны информации по вопросам научно-технического развития, а с другой — по защите наших интересов, особенно в области фундаментальных исследований, от проникновения разведок иностранных государств, которые в это время развили бурную активность. Но все словно уходило в песок, и совсем не потому, что наша система как таковая не срабатывала, не потому, что государство было непригодным для этого или люди не хотели работать, а потому, что доброе начинание не находило поддержки в верхних структурах власти и бросалось на произвол судьбы.

Еще раз повторяю, что помимо особенностей характера Горбачева, его импульсивности, здесь лежали, как стало очевидно позже, иные причины, более серьезные. Можно было поправлять дела в нашей стране в условиях действовавшей тогда социально-политической системы. Однако определенные силы преследовали другие цели: разрушение не только социально-политической системы, но заодно и державы.

А сколько за годы перестройки принималось неотложных решений по сельскому хозяйству! Одно постановление нагромождалось на другое, и ни одно из них не выполнялось.

Призыв к порядку сменялся лозунгом: «Аренда!» Выделение земельных участков для граждан не подкреплялось материальным обеспечением. Решение по налаживанию переработки сельхозпродукции в местах ее производства повисло в воздухе, потому что не было нового политического и экономического подхода — продолжали действовать прежние стереотипы.

Но, пожалуй, и здесь самое примечательное заключалось в том, что о принятых решениях тотчас забывали и сразу же начинали думать о других. Происходила девальвация решений. Не успевало постановление появиться на свет, как оно уже становилось пустой бумажкой.

Даже в нашем сельском хозяйстве, полностью не удовлетворявшем всех потребностей советской экономики, было много положительного. Немало высокотоварных производств шли на одной отметке с мировым уровнем, а кое в чем даже превосходили его. Организацией крупных хозяйств наша страна занималась длительное время, и на этом направлении успехи были несомненны. Никто по-настоящему не исследовал такое обстоятельство и не делал из него соответствующих выводов.

Примерно одна треть коллективных хозяйств и совхозов имела высокие показатели, вызывавшие удивление у иностранных

специалистов, посещавших эти хозяйства. Однако их опыт должным образом не изучался и не использовался. А он был очевиден — в этих передовых хозяйствах были решены кадровые вопросы, отлажены и действовали моральные и материальные стимулы, заинтересованность коллектива в целом и отдельных его членов. Использовались новейшие технологии, в достатке были машины не только отечественного, но и зарубежного производства. Ресурсы хозяйств позволяли идти на подобные расходы.

Вместо изучения и использования передового опыта у нас пальцем указывали на отстающие сельхозпредприятия для того, чтобы сказать: «Вот видите, какое плохое положение в нашем сельском хозяйстве. Нужно принять меры к смене всей системы». При этом не учитывалось, что в одном и том же районе одни колхозы получали в среднем урожай зерновых до 60, 70 и даже 80 центнеров с гектара, в то время как другие, рядом, получали по 15–19 центнеров, а то и меньше, причем в одинаковых климатических условиях.

Разве это не основание для изучения положения дел, обобщения передового опыта и распространения его на отстающие хозяйства?

Более того, продолжали обирать богатые колхозы и за их счет кое-как поддерживать на плаву отстающие, которые не только не давали товарную продукцию, но с трудом содержали себя.

Мне не раз приходилось бывать в колхозах, плохих и хороших, отсталых и передовых. Помню, в Литве мне показали одно хозяйство, которое поразило меня своими достижениями. На плохих землях, в не очень-то благоприятных климатических условиях колхоз получал до 50–55 центнеров зерновых с гектара, высокие урожаи картофеля, свеклы, имел приличное стадо крупного рогатого скота, свиноферму. Передовая технология внедрялась и в животноводство, и в растениеводство. В колхозе были музыкальная школа, среднеобразовательная школа с бассейном, спортивными сооружениями. Колхоз содержал детский сад, детские ясли, причем помещения отличались красотой, удобством, необходимым оздоровительным комплексом для малышей. Жилые постройки колхозников по-современному благоустроены. Собственный кирпичный завод. Доходы колхозников были высокими, кроме того — личные подсобные хозяйства.

Председатель колхоза, кстати Герой Социалистического Труда, рассказывал, что никогда литовцы так хорошо не жили и даже не думали, что могут достичь столь высокого уровня жизни. В Литве еще помнили, как жили до 1940 года: сплошная нищета,

бездорожье, отсутствие медицинской помощи, о получении образования рядовые труженики села и мечтать не могли. Некоторые уходили на заработки в города, в поисках лучшей жизни уезжали в другие страны, в частности в Соединенные Штаты Америки и Швецию.

По словам руководителя колхоза, труженики понимают, что получили все это благодаря советской власти, Советскому Союзу, с которым, как они считали, связали свою жизнь навсегда, на вечные времена.

Сейчас колхозы в Литве разгоняются. Что стало с этим колхозом и другими хозяйствами? Они ведь не вписываются в новую социально-политическую систему. По принципам этой новой системы они должны быть разрушены, земли их разделены.

А что будет с инфраструктурой, с теми сооружениями, которые были коллективными, общими? Короче говоря, Литва и ее народ, в частности крестьянство, будут наверняка отброшены по условиям жизни на многие десятки лет назад. Конечно, пройдет время, люди одумаются, поймут, что потеряли, и сделают соответствующие выводы. Но через какие лишения и страдания им предстоит пройти!

Невольно вспомнишь произведения литовского писателя Пятраса Цвирки, глубоко и ярко рассказавшего о жизни литовской деревни до Второй мировой войны. Он описал всю убогость жизни литовского крестьянства, его нищету, обездоленность, бесправие.

Неужели литовское село вернется к временам, описанным Пятрасом Цвиркой? Если бы литовские демократы и те, кто поддерживал их, сказали всю правду, откровенно признались, к чему стремятся, это пробудило бы сознание литовского сельского труженика, он сделал бы свой выбор, и, скорее всего, не тот, на который его толкнули сегодня. Да, впрочем, что может простой сельский труженик без советской власти — при ней он хозяин, а без нее — наемная рабочая сила.

…Под влиянием импульсивных решений огромная страна не успевала поворачиваться, ориентироваться. Стали во все большей мере распространяться недоверие, безответственность, критиканство, вседозволенность и беспечность.

1987 год сбил с толку и село. В этот год показатели в сельском хозяйстве были неплохие. Увеличились даже резервы. Страна получила больше сельхозпродукции, чем в предшествующие годы.

Отсюда был сделан вывод: экспериментировать можно смелее и на селе.

Нашим изначальным решениям, постановлениям явно не

хватало прицельности, расчета, системности. Большая политика стала делаться на глазок.

Помню, как-то Я. Кадар на охотничьем лексиконе весьма образно дал характеристику большой политике. Охотнику очень важно взять точный прицел, сказал он. Если конец ствола сдвинется хотя бы на один миллиметр, то пуля не достигнет цели, она может уклониться в сторону на десятки метров.

А была ли вообще у нас стройная, четкая концепция перестройки? Сейчас можно однозначно ответить на это: «Нет, лишь в общих чертах, в намерениях. Определялась по ходу». К этому добавить, пожалуй, стоит следующее: мы шли, как многим казалось, вперед, а попали в тупиковую ситуацию, не проявив при этом понимания необходимости и умения отступать, дабы избежать большего поражения. Впрочем, по роковому пути народ не шел, его вели.

И еще одно важное обстоятельство. Мы развивали демократические начала в жизни общества, но, к сожалению, не подумали о том, чтобы в случае необходимости сработал соответствующий механизм, приводились в действие резервные позиции, что подправляло бы положение, тормозило бы или, наоборот, стимулировало движение вперед. Такой механизм не был создан. Не говоря уже о расчете фактора времени, с чем мы вообще не в ладах.

К концу 1990 — началу 1991 года страна оказалась в значительной мере парализованной, экономика плыла по воле волн. Наибольшие потери страна несла в кадрах. Управленческий аппарат действительно насчитывал внушительную цифру — порядка 16–18 миллионов человек. Кстати, никто тогда и предположить не мог, что после развала Союза аппарат управления только в России значительно превысит союзный показатель.

Стремительное сокращение штатов, а то и целых организационных структур управления привело к уходу из народного хозяйства многочисленного отряда высококвалифицированных специалистов — этого интеллектуального и профессионального потенциала страны. Чиновников числом не стало меньше, они перекочевали в иные сферы, часто не производственные. Причина — в предоставлении чрезмерных льгот, преимуществ частному, кооперативному сектору, совместным предприятиям, независимо от того, шла ли речь о производственной, посреднической деятельности или сфере обслуживания. Стала рушиться экономическая основа государства.

В 1990–1991 годах в обществе, пожалуй, не осталось ни

одной категории населения, которая не была бы поражена разладом в экономике, политическими страстями, все возрастающей социальной напряженностью. Крайности, неопределенность, взаимоисключающие установки сверху вызывали общее недовольство.

Руководство пыталось найти выход в попытках приспособиться к настроениям населения, но в силу своей слабости, шаткости позиций уже было не способно в чем-то убедить свой народ или повлиять на положение дел. Партийные кадры, коммунисты были деморализованы.

Конечно, главная ответственность ложилась на Горбачева. Порой он напрочь терял уверенность, и это было очевидно для всех, склонялся то к одной, то к другой точке зрения, а затем узрел спасение в единственном — полном отказе от существовавшей социально-политической системы, в разрушении ее и создании модели, противоположной социалистической.

Как-то Горбачев бросил фразу: «Что только ни делал, ничего не помогает, все напрасно, надо менять систему». У него стали осложняться отношения с партией, ее руководящими органами, Верховным Советом СССР, Съездом народных депутатов, Советом, затем Кабинетом министров.

Его выступления все чаще походили на споры, выяснения отношений. Он начал нервничать, но, как правило, свою линию проводил. Его доводы всегда сводились к одному: то, что он предлагает, — единственно правильное, в противном случае за последствия он не ручается и т. п.

Был момент, когда Горбачев, казалось, проявил решительность и был вознагражден бурными аплодисментами Верховного Совета СССР — это когда в ноябре 1990 года он попросил полномочия, немедленно получил их, но так ими и не воспользовался.

В тот день, когда он получил полномочия от Верховного Совета СССР, а они были действительно широкими, у меня дважды состоялся с ним примечательный разговор. Первый — до получения полномочий, до его выступления на сессии Верховного Совета СССР. Тогда он сказал: «Хватит отступать, надо решительно действовать, сегодня попрошу полномочий у Верховного Совета, и если получу, то, не медля ни одного часа, примусь решительно действовать в интересах общества. Так дальше жить и работать мы не можем».

Скажу откровенно, такие речи вдохновляли. После получения полномочий состоялся еще один разговор, в ходе которого он заявил, что «все полномочия получены, права есть, надо подумать и на их основе совершенно законно действовать». В голосе у него

уже не было той решительности, с которой он говорил со мной первый раз, утром. И мои подозрения оправдались.

На следующий день он разглагольствовал о том, что надо серьезно продумать вопросы, связанные с получением полномочий, надо осмотреться и решить, как их реализовывать. Нельзя торопиться, можно наломать дров. В итоге все осталось как и прежде. Конечно, это не могло не удручать тех, кто был в высших эшелонах власти и кто понимал, куда идут наше общество и государство.

Однако в результате этого трюка с полномочиями не стало Совета министров СССР с достаточно внушительными правами и возможностями. Взамен был создан Кабинет министров СССР, совершенно бесправный орган, в то время как страна особенно нуждалась в сильной исполнительной власти.

На пути развала государства это был, конечно, крупный шаг в опасном направлении. Ушел с поста председателя Совета министров Н.И. Рыжков. К тому же он перенес тяжелый инфаркт. Совпали и реорганизация, и болезнь.

Последние год-два Рыжкову доставалось, пожалуй, больше всех — и на Верховном Совете, и на съездах народных депутатов СССР, и в средствах массовой информации. Он с трудом воспринимал критику, она была в значительной части несправедлива, спорил, не мог согласиться со стремлением видеть все беды только в работе Совмина. И здесь он был прав. По сути дела, шла самая настоящая травля председателя Совета министров.

Особенно изощрялся в этом Собчак. Ему доставляло какое-то садистское удовольствие обвинять во всем Рыжкова, даже тогда, когда Совет министров абсолютно не имел никакого отношения к тому или иному провалу, той или иной неудаче.

Надо сказать, что Верховный Совет вовремя не остановил зарвавшихся лиц, не поддержал председателя Совета министров и тем самым содействовал созданию нездоровой обстановки вокруг главного исполнительного органа. Это деморализовало работу не только председателя Совмина, но и его заместителей, министров.

Средства массовой информации подхватили уничтожающую и деструктивную критику правительства на заседаниях Верховного Совета СССР и разносили ее по всей стране, да еще сгущая краски. Конечно, положение дел в государстве, снижение жизненного уровня, а оно обозначилось, трудности, невзгоды, всякого рода лишения населения создавали благоприятную почву для критики в адрес исполнительного органа, чем и воспользовались демагоги и прочие разрушители нашего государства.

Шел развал государства в целом, разрушалась система, но никто не задумывался над тем, а какой механизм будет действовать в стране, когда она будет полностью разрушена. Произошло явное разделение задач и ответственности — одни взяли на себя задачу разрушения, слома механизма управления и самой идеологии экономической жизни, а другие продолжали отвечать за экономику, принимая к исполнению решения высших законодательных органов, с которыми они не были согласны и не скрывали этого.

Особенно «усердствовал» в повышении жизненного уровня различных слоев населения Верховный Совет СССР. Последовала многократная эмиссия денежной массы, ибо производство не росло, наоборот, обрело устойчивую тенденцию к сокращению.

Рыжков понимал, к чему приведет подобное развитие событий, протестовал, но в отставку не уходил, а, по моему мнению, должен был пойти на этот шаг. В противном случае, оставаясь на посту главы правительства, был обязан предпринимать более решительные шаги.

Рыжков опасался инфляции, понимал, что непопулярных мер не избежать, был сторонником временного усиления руководства по вертикали и сохранения горизонтальных связей.

К числу серьезных проблем в нашей экономической политике надо отнести пренебрежение таким важнейшим рычагом, как ценообразование.

Существовавшие цены словно тяжелый камень тянули экономику ко дну. Цены не соответствовали реалиям, спросу и предложению, не влияли на производство товаров, не стимулировали его, порождали спекуляцию.

Все в руководстве это понимали, возмущались, но, исходя из популистских соображений, не позволяли к ним притронуться.

Весной 1990 года, тогда было еще не совсем поздно, Рыжков внес предложение повысить цены на хлеб и соответствующие изделия, причем с полной компенсацией. В чем смысл? Известно, что хлеб у нас был самый дешевый в мире. Не случайно примерно семь миллионов тонн готовых хлебобулочных изделий ежегодно выбрасывалось на помойку. 10–12 миллионов тонн хлебного зерна скармливалось скоту. Импортировали же в иные годы до 40–45 миллионов тонн зерна. В какой стране это допускалось? Терпимо ли это?

К сожалению, вопрос на сессии Верховного Совета СССР не получил поддержки. Спустя год, в апреле 1991 года, цены на хлебные изделия были увеличены, но в общем повышении цен, без должного расчета и, конечно, эффекта не дали.

Кстати, проблема использования рычагов ценообразования

возникала неоднократно и раньше. Еще при Косыгине в конце 60-х — начале 70-х годов ее пытались сдвинуть с мертвой точки. Но каждый раз ссылки на завоевания Октября, ущемление интересов населения, особенно его малообеспеченной части, делали свое дело, и цены оставались нетронутыми.

К сожалению, не поддерживал стремление задействовать рычаг ценообразования и Андропов, усматривая в этом отказ от революционных завоеваний.

После провала предложения о приведении цен на хлеб в соответствие с потребностями экономического развития Рыжков сделал ряд заявлений, в которых предупредил о негативных последствиях решения, но сам с этим вновь смирился. Кризис в экономике усиливался, но по течению плыли в общем-то все, борьбы не было, была серия отступлений. Все, что произошло впоследствии, Рыжков предвидел с абсолютной точностью, но отстоять своих позиций не смог.

Думаю, что одна из слабых сторон в деятельности Рыжкова — недостаточная работа с парламентариями не только его, но и всего возглавляемого им Совета министров.

Вообще многим руководящим кадрам прошлого не хватало умения разговаривать с людьми, убеждать их, не хватало пропагандистского обеспечения осуществляемых программ, сказывалось отсутствие в руководстве свежих лиц, а они уже стали появляться, особенно на местах. Среди них — яркие, самобытные, готовые пойти в бой молодые люди. Но всем им недоставало опыта, возможности выступать в средствах массовой информации, организованности, политической гибкости.

Думается, будущее именно за подрастающим, поднимающимся поколением руководителей, а не за теми, кто сейчас на плаву. Другое дело, что, когда страна подойдет к этому моменту, когда у талантов будет возможность проявить себя, — не будет ли слишком поздно? Представители грядущего поколения управленцев, созидателей вберут в себя и будут использовать опыт и тех и других, потому что однозначно правых нет, да и быть не может.

1990–1991 годы были временем стремительного движения КПСС к трагической развязке. Партия все годы существования жила в общем-то в тепличных условиях в том отношении, что ей как руководящей силе ничто в государстве не противостояло. Не нужно было бороться за выживание, за линию развития общества в целом и по отдельным направлениям в частности.

Мнение высших руководящих партийных органов, форумов обретало характер непререкаемых решений. Партия отвечала и за выполнение решений, а если вдруг не получалось, то причины

провала объясняла сама партия в лице тех же руководящих органов. Значительная часть членов партии и особенно ее руководящие звенья питали иллюзии: скажи слово, обратись с призывом, прими постановление — и дело сделано.

Давали о себе знать привычки, традиции, практика. Была целая эпоха, когда в силу различных причин, и в том числе объективного характера, партия как идейно-политическая сила властвовала безраздельно. Но даже и для той эпохи нельзя признать однопартийность оптимальным выбором для общества. По мере развития общества и государства вопросы строительства неизмеримо усложнялись, требовался всесторонний учет всех обстоятельств, мнений, самых различных точек зрения, поиск решений, в том числе компромиссных, а вот этого однопартийная система, разумеется, обеспечить не могла.

Как и по многим другим вопросам, руководство партии искало выход не на путях принципиального решения проблем, а ударялось в маневрирование, в тактику. В итоге тактика съела стратегию. В конце концов сочли нужным решить проблему путем отказа от однопартийности и, следовательно, от руководящей роли КПСС в обществе. Учитывая завязку всего и вся на партию, переход от однопартийности требовал периода не менее чем в три-пять лет. Однако распорядились иначе — разом, в момент.

За десятки лет всеобъемлющего партийного руководства структуры управления страной были приспособлены именно под этот фактор, ставший органической частью государственности. С принятием высшим законодательным органом СССР закона об отмене 6-й статьи Конституции СССР обрушилась вся система государственности, сначала локально, а затем лавинообразно в масштабах страны. Опять непродуманность, неуправляемость, поспешность. Там, где должен был господствовать рациональный подход, властвовали эмоции.

Создавшаяся ситуация стремительно развалила государство со всеми вытекающими отсюда последствиями. Партия, которая до сих пор «умела» наступать и побеждать, оказалась неспособной сохранить порядок в своих рядах, отступить и занять новые позиции. Руководство КПСС оказалось оторванным от партии, а партия — от широких масс.

В стремлении спасти положение высшее руководство партии, ее лидер приступили к бесконечным реорганизациям политбюро, секретариата ЦК, аппарата в центре и на местах, стали создавать различные комиссии, проводить бестолковые совещания, выступать с заявлениями, причем одно противоречило другому.

Это было время великого словоблудия! Партия стремительно теряла влияние в массах, в средствах массовой информации.

Внутри партии, ее руководства образовались силы, которые не без успеха разрушали партию изнутри.

После каждого выступления против партии ее руководство сдавало позиции и продолжало беспорядочно отходить на не подготовленные заранее позиции, вместо того чтобы определить и занять какие-нибудь рубежи, задержаться на них, прийти в себя и после этого действовать.

Кто же виноват в том, что 19 миллионов членов партии за считаные месяцы превратились в толпу сбитых с толку людей? Далек от мысли утверждать, что эти 19 миллионов человек являются лучшими из лучших. Не тот критерий оценки людей, этот лозунг никогда не приносил ничего хорошего партии. Подчеркивая исключительность членов КПСС, он заранее обрекал их на отрыв от остальных советских людей, был оскорбительным для них.

Но рядовые партийцы здесь ни при чем. Подавляющая масса коммунистов от членства в КПСС никаких личных благ не имела. И что бы ни писали, ни утверждали — это правда. А вот «неудобств» было хоть отбавляй. Во времена, когда обстановка в стране была еще не расшатанной, от коммунистов требовали быть там, где наиболее трудно, показывать пример в труде, с них строже спрашивали за проступки, за нарушения. В годы репрессий пострадало больше всех членов партии. Значительное число коммунистов погибло в годы Великой Отечественной войны.

Одна из тяжелейших ошибок партии до самого последнего времени состояла в том, что она не пошла в массы, чтобы вместе с ними разделить тяготы обрушившихся на нас бед и находиться с народом в трагическое время. Связь с массами важнее любых программ. Именно в общении с ними родилась бы эффективная программа выхода из кризиса.

Партии не удалось отстоять практически ни одной ценности, которые до последнего времени считались неприкосновенными и которым мы, по моему глубокому убеждению, были столь привержены.

Все больше подвергался критике, отрицанию социалистический выбор. Сначала робко, намеками, а затем напрямую критика социализма сменилась его полным отрицанием в пользу капитализма.

Вскоре острым нападкам стал подвергаться Октябрь 1917 года. Октябрьская революция мгновенно превратилась в переворот, совершенный узкой группой лиц преимущественно нерусской национальности. Главный угол преподнесения этого события вылился в стремление показать его реакционной

характер. Параллельно усиливалась критика Ленина сначала как деятеля, затем и как человека. От осквернения памятников Ленину перешли к их разрушению.

Более чем 70-летняя история советской власти стала изображаться как трагедия страны от начала до конца. Ничего положительного! Островком неприкосновенности сохранялась Победа в Великой Отечественной войне, однако и этот островок стал разваливаться. Началась, по сути, реабилитация предателей типа Бандеры, Власова и многих других. Они-де воевали не против Родины, а против строя, против Сталина и далее в таком же роде. Но ведь на стороне же Гитлера!

Ну а партия? Она продолжала пребывать в растерянности, в состоянии неуправляемости, была брошена на произвол судьбы. Действия в защиту Октября, Ленина, социализма, всего положительного в нашей истории предпринимались инициативно местными партийными организациями, отдельными коммунистами или группами, кстати поддерживавшимися в многочисленных случаях беспартийными. Впоследствии историки отметят и это обстоятельство.

Мне думается, что лиц, называющих себя демократами и убежденных в том, что они таковыми являются, можно разделить по крайней мере на две категории. Первые по характеру своей деятельности относятся к числу разрушителей. Они охотно критикуют историю, настоящее и добираются даже до будущего. Никаких созидательных программ при этом не предлагают: главное — сокрушить!

К числу таких «ярких» представителей можно смело отнести А.Н. Яковлева. Разрушающий подход в последние годы прослеживается во всей его деятельности. Он сторонник капиталистического пути развития, и тут нет ничего предосудительного, хотя прежде Яковлев твердо стоял на позициях защиты социалистических ценностей. Неужели наступило внезапное прозрение…

Ну а как перейти с одного общественного строя на другой? Люди его уровня должны, видимо, думать и об этом. Если идти путем эволюционного развития, по возможности без больших жертв со стороны народа, и так вдоволь настрадавшегося, без социальных потрясений, то есть при минимальных издержках, — это одна сторона ситуации. Ну а если через глобальное разрушение — развал государства, экономики, через кровавые межнациональные конфликты, ослабление международных позиций, за счет роста угрозы территориальной цельности и т. д., — это будет уже другая ситуация.

Как-то в начале 1989 года Яковлев выступил с докладом. В

нем содержалось утверждение, что не стоит бояться слома и разрушения устоев, на которых держалось наше общество и государство, что через два-три года положение в стране выправится и дела пойдут в гору.

Я позвонил ему и сказал, что через два-три года при таком развитии обстановки у нас будет совсем плохо и что со сроками вообще, может быть, следовало бы проявить большую осторожность.

Яковлев задумался и ответил, что если через два-три года дела не поправятся, то нам следует всем уйти в отставку и уступить место другим, что, во всяком случае, он поступит таким образом.

Не сразу удалось мне разобраться в этой одной из самых зловещих фигур нашей истории. Тут и моя вина, и моя беда.

Есть правда, которую я не должен, просто не вправе, уносить вместе с собой. Речь идет о крайне важных вещах не только с точки зрения государственных интересов, но и, пожалуй, вообще для дальнейших судеб всего нашего народа, для более глубокого понимания трагедии, постигшей советских людей. То, что я собираюсь рассказать, касается не только одного Александра Николаевича Яковлева. История, связанная с ним, была настолько серьезной, что на протяжении длительного времени, признаюсь, в буквальном смысле слова мучила меня, заставляла задуматься о куда более масштабных проблемах, о весьма серьезных и деликатных вещах, ставила перед очень нелегким выбором.

К сожалению, в то время она так и осталась не выясненной до конца, хотя сейчас, оглядываясь назад, могу с уверенностью сказать, что лично для меня сомнений теперь уже не осталось…

Полученные оперативным путем — по каналам КГБ (разведки и контрразведки) — сведения, касающиеся Яковлева, как нельзя лучше подтверждаются всеми его действиями и поступками, четко накладываются на происшедшие в нашей стране события. Они проливают свет на истинные мотивы поведения и других лиц, в первую очередь человека, который за границей снискал себе сомнительную славу называться «первым немцем», а у себя дома заслужил лишь презрение и ненависть всех тех, кто независимо от своей национальной принадлежности еще недавно с гордостью величали себя советскими людьми.

До 1985 года лично я почти не знал Яковлева, видел его пару раз, но уже кое-что о нем слышал.

Первая наша встреча состоялась, пожалуй, в 1983 году, в бытность мою начальником Первого главного управления КГБ. Когда мне доложили, что со мной хотел бы встретиться Яковлев, бывший тогда послом СССР в Канаде, я не удивился. Ничего

необычного в этом не было — послы регулярно посещали нашу службу. Ведь у нас друг к другу всегда много вопросов, разведчики стремились помогать в работе послам, а те, в свою очередь, часто оказывали полезное содействие в выполнении наших задач: все мы работали на одно государство. Без понимания со стороны послов, более того, без их поддержки разведывательная служба эффективно действовать не в состоянии. Да и дипломаты нуждаются в нас, многие вопросы возможно решить только сообща.

Прежде чем принять Яковлева, я поинтересовался у сотрудников, курировавших канадское направление, какие конкретные вопросы имеет в виду затронуть гость, к чему нужно быть готовым. Оказалось, что, напрашиваясь на беседу, посол каких-либо специальных тем для обсуждения не обозначал, сказал, что разговор будет носить общий характер.

У меня, помню, в этой связи даже мелькнула мысль поручить провести разговор с Яковлевым одному из своих заместителей, но наши товарищи с уверенностью предположили, что посол наверняка будет жаловаться на нашу службу, резко критиковать сотрудников резидентуры и центрального аппарата, а может быть, даже намекнет на желательность полного сворачивания оперативной работы в Канаде. Если разговор примет откровенный характер, подчеркнули в заключение товарищи, то Яковлев «ударит по КГБ в целом». Это, мол, его «любимый конек».

Помню, что именно в этот момент мне по какому-то другому вопросу позвонил Андропов, бывший тогда уже генеральным секретарем ЦК КПСС. Воспользовавшись этим звонком, я вскользь заметил, что мне предстоит встретиться с Яковлевым. Тотчас же стало ясно, что Юрий Владимирович также придерживается о Яковлеве довольно нелестного мнения. Он не только подчеркнул неоткровенность этого человека («Что он думает на самом деле, ни черта не поймешь!»), но и, более того, выразил большие сомнения в безупречности Яковлева по отношению к Советскому государству в целом.

Тут же Андропов сказал, что Яковлев десять лет уже как работает в Канаде и что пора его отзывать в Москву. «Кстати, — заметил Юрий Владимирович, — есть люди, которые очень хлопочут о возвращении Яковлева в Москву, вот и пусть порадуются».

В числе хлопочущих людей был назван и Арбатов, который, по словам Андропова, еще при Брежневе сам приложил руку к тому, чтобы отправить Яковлева подальше из Москвы на посольскую работу, «а теперь вдруг почему-то не может обойтись без этого проходимца».

Да, именно так, назвав Яковлева «проходимцем», и закончил наш телефонный разговор Юрий Владимирович.

В дальнейшем я не раз вспоминал эту короткую, но очень емкую характеристику, данную Андроповым, заметьте, еще в 1983 году…

Встреча с Яковлевым прошла в строгом соответствии с предсказанным мне сценарием. Нарекания на сотрудников нашей резидентуры лились сплошным потоком, а всему КГБ доставалось при этом еще больше. Поначалу оценки облекались, правда, в мягкие, даже осторожные выражения, но подтекст прослеживался четко: зачем, мол, и кому нужна наша разведка в Канаде?

«Пустая трата усилий и денег», — с жаром утверждал посол. Александр Николаевич был убежден, что резидентура только и занимается тем, что вовсю следит за ним — подслушивает, ведет наружное наблюдение, досматривает почту и вообще, как он выразился, «копается в грязном белье».

Да, исподнее Яковлева действительно уже в ту пору было ой каким «несвежим»! Если бы наши сотрудники и впрямь занимались тем, что им приписывал Яковлев, думаю, мы гораздо раньше узнали бы некоторые «детали», которые до сих пор пытается тщательно скрыть этот «архитектор» перестройки…

Я старался дать собеседнику выговориться, не прерывал его, но к концу беседы Яковлев все же узнал и мою позицию. Я сказал, что недостатков и промахов в нашей работе даже больше, чем считает посол, но ведь есть и положительные дела, о которых он почему-то не упомянул и которые с лихвой перекрывают весь тот негатив, который есть в деятельности разведки. Столь отрицательные суждения о разведслужбе, Комитете госбезопасности в целом, подчеркнул я, для меня лично являются неприемлемыми, поскольку они, по моему глубокому убеждению, просто не соответствуют действительности. Характер работы разведки таков, что, к сожалению, о ее успехах и конкретных результатах в открытую не расскажешь, но они тем не менее есть, хотя и не в таких количествах, как хотелось бы.

Надо сказать, что после этого довольно решительного отпора Яковлев быстро сориентировался и стал проявлять такую гибкость, что заключительная часть нашей беседы прошла совсем в ином ключе, отличалась уже сплошной «доброжелательностью» с его стороны и, более того, «заботой», как помочь нашим разведчикам в Канаде.

Но тем не менее мои первые впечатления от личной встречи с Яковлевым остались неизменными — они полностью подтверждали слова, сказанные Андроповым.

В памяти отложился настороженный, колючий взгляд Александра Николаевича, недоброжелательность его натуры, уникальная способность быстро менять свою точку зрения, переходить от только что высказанных оценок к прямо противоположным. И главная его черта — исключительная скрытность, замкнутость.

Ни в ходе нашей первой встречи, ни потом мне никогда не удавалось составить завершенное представление о внутреннем мире этого человека: вот уж про кого поистине можно сказать, что «его душа — потемки»!

Вскоре после описываемых событий Яковлев (с помощью Горбачева) вернулся в Союз и тут же был назначен директором Института мировой экономики и международных отношений АН СССР. Он довольно быстро вошел в неофициальную команду Горбачева, помогая последнему готовить материалы к докладам и статьям.

Наши контакты с Яковлевым стали носить более частный характер. В 1985 году Яковлев вновь возвращается на работу в ЦК КПСС, при этом он окончательно связывает свою судьбу с Горбачевым, вместе с ним начинает перестройку, которая поначалу, как известно, проходила под маловыразительным лозунгом ускорения. Многие тогда не понимали, куда и зачем

нужно ускоряться, к чему эта безудержная гонка, и вот только сейчас мы воочию наконец увидели, куда спешили и к чему в итоге пришли.

Страна действительно нуждалась в переменах, в обновлении существовавшей у нас системы, определенной корректировке политического курса. Кое-что следовало решительно отбросить (и здесь, конечно, было невозможно полностью избежать радикализма), нужны были новые подходы.

Говорил об этом сам Горбачев, этим начинал и заканчивал свои речи и статьи Яковлев. Ну что тут возразишь? В общем-то все вроде правильно.

Многие были за это, в том числе и я. Ведь о необходимости перемен еще задолго до Горбачева говорил и Андропов. Правда, не так размашисто, с известной долей осторожности, присущей ответственному политическому деятелю.

Однако никто не допускал и мысли о развале Союза, не помышлял о смене существовавшего общественного строя. Просматривалось стремление сплотить Союз, укрепить державу, навести в стране порядок, подтянуть дисциплину.

Вполне возможно, что так на первых порах думал и сам Горбачев (хотя последующая информация и развитие событий заставляют меня усомниться и в этом). Но отнюдь не к этому изначально стремился Яковлев!

Говорю это не только с полной ответственностью, но и со знанием дела. Сейчас, когда все мы стали свидетелями стольких трагических событий, когда на наш народ обрушилось такое количество бед и несчастий, ответы на многие вопросы уже получены. Яснее стала и та зловещая роль, которую сыграл во всех этих делах Яковлев. Казалось бы, маски давно сброшены, и вот он, Александр Николаевич, предстал наконец перед нами во всем своем истинном обличье этакого «злого гения», роковой фигуры нашей истории! Смею, однако, уверить читателя, что у нашего «героя» было немало масок, и не все они пока сброшены.

Яковлев делал все для того, чтобы обеспечить приход к власти Горбачева. Ему нужен был Горбачев, и никто другой! (Запомните эти слова, позже станет понятнее их смысл.) Не ахти какие рычаги, надо сказать, были для этого у Яковлева, но он очень старался и искренне ликовал, когда в 1985 году Горбачев все же стал генсеком.

Впереди был еще долгий путь, но первая победа была одержана, разрушительный план потихоньку стал воплощаться в жизнь.

Возникает законный вопрос: с чего это вдруг Александр Николаевич воспылал любовью к Михаилу Сергеевичу? Что

связывало этих двух таких разных, казалось бы, людей?

Близко познакомились они в 1983 году, когда совпосол в Канаде Яковлев всячески обхаживал малозаметного тогда члена политбюро и секретаря ЦК КПСС по сельскому хозяйству Горбачева во время его официального визита в эту страну.

Я не замечал, чтобы Яковлев в ту пору, да и в последующее время, слишком высоко отзывался о Горбачеве, но с этого времени он старался всячески укреплять его позиции и всегда быть рядом с ним. Я уже говорил, что по возвращении в Москву Яковлев активно помогал Горбачеву в подготовке публичных выступлений, где в изобилии были слова о верности партии, преданности делу социализма, о любви к Родине и т. п.

Но у самого Яковлева с языка частенько срывались совсем иные высказывания. Сначала это происходило в виде брошенных как бы невзначай фраз, но мало-помалу те же мысли появлялись уже в виде отдельных положений, высказывались в форме точек зрения, взглядов, им посвящались целые труды.

Яковлев не воспринимал Союз, считал нашу страну империей, в которой союзные республики были лишены каких бы то ни было свобод. К России он относился без тени почтения, я никогда не слышал от него ни одного доброго слова о русском народе. Да и само понятие «народ» для него вообще никогда не существовало.

Именно Яковлев сыграл едва ли не решающую роль в дестабилизации обстановки в Прибалтике, на Кавказе. В Прибалтийских республиках он всячески поощрял националистические, сепаратистские настроения, однозначно поддерживал тенденции на их отделение. На Кавказе «симпатизировал» Армении, а по сути, подстрекал на выступления против Азербайджана, накалял обстановку вокруг карабахской проблемы. Вообще об Азербайджане отзывался всегда с явной неприязнью.

К республикам Средней Азии Яковлев в принципе относился как к чему-то чужеродному. «Ну скажи, зачем нам нужна Киргизия?» — вопрошал он с гневом, а на замечания о том, что это братский России народ, отвечал лишь презрительной ухмылкой. Значение Афганистана для безопасности наших среднеазиатских республик Яковлев считал исключительно проблемой самих этих республик. Заявления же о том, что дестабилизация обстановки в этих республиках не может не затронуть интересов Союза в целом и России в частности, вообще не считал нужным комментировать.

Яковлев не выносил советский социалистический строй, с раздражением говорил о колхозах, совхозах, не скрывал своего

однозначного негативного отношения к государственной собственности, но боготворил частную. Весь советский период нашей истории для него — сплошная черная страница.

В последнее время, когда уже модно стало не скрывать своих истинных взглядов, Яковлев резко отрицательно оценивал Октябрь, Ленина, вообще социалистический выбор. К КПСС относился просто с ненавистью, не видел для нее места в нашей действительности. После августа 1991 года, как видно из его публичных выступлений, он говорил об этом демонстративно, подчеркивая свои личные заслуги в устранении КПСС с политической арены.

Я ни разу не слышал от Яковлева теплого слова о Родине, не замечал, чтобы он чем-то гордился, к примеру нашей Победой в Великой Отечественной войне. Меня это особенно поражало, ведь сам он был участником войны, получил на фронте тяжелое ранение. Видимо, стремление разрушать, развенчивать все и вся брало верх над справедливостью, самыми естественными человеческими чувствами, над элементарной порядочностью по отношению к Родине и собственному народу.

Нужно вспомнить и о позиции Яковлева по германскому вопросу. Видимо, у многих в памяти, как он старался доказать «преступность» соглашения Молотова — Риббентропа — пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом, заключенного в 1939 году. Как только он не корил Сталина, а заодно и Советский Союз, за «преступный сговор с фашизмом», за «предательство дела мира», забывая о том, что к тому времени положение Советского Союза было, мягко выражаясь, весьма деликатным. Практически он был изолирован, ни на какие серьезные переговоры с Советским Союзом западные страны не шли. Советский Союз был оставлен один на один с Германией, а последнюю всеми силами натравливали на Советский Союз. В этих условиях Сталин, разумеется, искал выход. Он прекрасно понимал, что страна исторически не готова к войне, неизбежность которой была очевидна для многих, в том числе и для Сталина. Ему нужно было во что бы то ни стало хотя бы на короткое время оттянуть начало войны с тем, чтобы лучше к ней подготовиться. И в этих условиях Сталин маневрировал. История еще скажет свое слово, даст объективную оценку тому времени. И Сталин поступил правильно, добившись для своей страны какой-то отсрочки во времени.

Другое дело — последующие действия Сталина, неверие в разведданные, просчет в сроках возможного начала военных действий, серьезные ошибки в первые дни войны.

Но это уже другие вопросы. Яковлев изо всех сил старался

доказать, что Советский Союз был агрессором в отношении Прибалтики, Финляндии. А ведь действия Советского Союза были направлены на то, чтобы в случае войны с Германией наши западные границы были в более благоприятном, менее уязвимом положении. Непростой была ситуация с Польшей и вообще с польской проблемой. Но и в данном случае Сталин искал выход из положения и из двух зол выбирал меньшее, хотя, разумеется, не все его действия можно признать сегодня оптимальными.

Но одно дело судить о действиях Советского Союза и Сталина с позиций 1990 года, и другое дело — представить себя в 1939 году, когда Советскому Союзу приходилось действовать, оставшись один на один с Германией.

К сожалению, уже позже мне стало известно о том, что еще в 1987–1988 годах, посещая Германскую Демократическую Республику, Яковлев в беседах с отдельными советскими представителями зондировал вопрос о том, жизнеспособна ли ГДР, не стоит ли вести дело к тому, чтобы ГДР воссоединилась с Германией и таким образом германская проблема была бы решена.

Правда, на возражения товарищей, с кем он вел такие разговоры, Яковлев реагировал странным образом: он немедленно отступал и говорил, что просто рассматривает одну из точек зрения, одну из возможных версий развития обстановки по германскому вопросу.

Сейчас вряд ли у кого остается сомнение в том, что в данном случае Яковлев действовал с далеко идущими намерениями. По сути дела, мы пустили под откос итоги Второй мировой войны, итоги Великой Отечественной войны в борьбе с фашистской Германией, мало что получив взамен. То есть мы отдали, по сути, те позиции, которые достались Советскому Союзу, всем миролюбивым силам ценой большой крови.

Глубоко уверен, что политологи, историки, германоведы, ученые других специальностей еще вынесут свой вердикт по поводу состояния дел в Европе до начала Второй мировой войны, действий Советского Союза, и по столь уничтожающей критике, какой подверглись действия Сталина в канун Второй мировой войны. Сталин действовал в неординарной обстановке, и потому его шаги были тоже неординарными. Есть еще один момент. Можно критически относиться к тому, что предпринял Сталин до начала Второй мировой войны. Но разве можно относить на его счет чохом все обвинения, ответственность за те или иные поступки и действия, за нежелательное для нас развитие событий, что имело место десятки лет спустя, причем нередко без отсутствия всякой причинной связи между тем, что было и что

есть.

Я очертил лишь некоторые наиболее характерные взгляды, действия и особенности Яковлева. Некоторые из них он никогда особенно и не скрывал, другие начал излагать и подчеркивать публично лишь в самое последнее время, а кое-что предпочитает не афишировать и до сих пор. В конце концов, каждый волен поступать в соответствии со своими собственными убеждениями, и точки зрения у разных людей могут быть самыми противоположными.

Однако если ты один из руководителей партии, которая исповедует принципы, прямо противоположные твоим убеждениям, то выход здесь только один. Предложи партии свою концепцию, предложи открыто, гласно, а если она будет отвергнута — уйди! Тем более что с конца 80-х годов в стране уже было достаточно самых различных политических движений, из которых вполне можно было что-то выбрать себе по вкусу и соответствующее своим убеждениям.

Но Яковлев пошел другим путем: он предпочел скрыть свои подлинные взгляды — говорил одно, а действовал совсем иначе. Славил Октябрь, Ленина, социализм, пел дифирамбы, а на поверку делал все, чтобы очернить нашу историю, развалить существующий строй, подорвать идеологию. Значит, все-таки лицемерил Александр Николаевич, а свое истинное лицо показал только тогда, когда наступил подходящий момент. Видите, какой он храбрый! Не считал, мол, никогда нужным скрывать свои убеждения!

Казалось бы, все ясно — обычное лицемерие, испокон веку присущее любому политикану. И теперь у меня есть все основания поставить вопрос: а все ли маски уже сброшены, не скрывается ли опять за внешним обличьем очередное, еще более неприглядное лицо этого человека? Чуть ниже я поясню, что здесь имеется в виду.

Но сначала следует сделать одну оговорку. Обе зловещие фигуры нашей действительности — Горбачев и Яковлев одновременно являются и «архитекторами» и «прорабами» перестройки. Коварные задумки и их исполнение относятся к тому и другому. Они договорились, спелись, слились воедино, органически дополняя друг друга. В черной игре они менялись местами, но из чисто тактических соображений.

Бросается в глаза, что и Горбачев, и Яковлев к решению проблем развития нашего общества подходили во многом одинаково. У них вообще было много общего…

Казалось бы, уж если провозглашать курс на перемены столь радикального характера, то вся дальнейшая работа должна

строиться на основе какой-то цельной концепции, отличаться взвешенностью, основательностью, носить фундаментальный, системный характер.

Однако на практике ничего подобного как раз и не было. Никакой целостной программы проведения перестройки никогда не существовало даже в проекте, тем более на бумаге — были лишь ее отдельные штрихи, эмоции да сплошные шарахания из стороны в сторону! Всюду царила полная неразбериха, решения принимались спонтанно, сумбурность и непоследовательность чувствовались буквально во всем.

Теперь стало ясно, что делалось это умышленно, расчет был на то, чтобы закамуфлировать линию на разрушение Союза, существовавшего конституционного строя, на развал советской государственности. А она-то, эта линия, как раз с самого начала проводилась четко и неуклонно.

Здесь чувствовалась сильная режиссура, сокрушительные удары наносились точно по главной мишени. К заветной цели шли шаг за шагом. Яковлев начинал, а Горбачев развивал. Иногда, для виду, делали наоборот.

В том, что произошло с Советским Союзом, не было никакой объективной неизбежности, это явилось результатом действия субъективных факторов, то есть действий и поступков отдельных лиц. И у истоков этого разрушительного процесса стояли два человека — Горбачев и Яковлев. Жизнь уже высветила их роль в той трагедии, которая постигла наш народ, но не вся еще правда вышла на поверхность, есть еще грязные тайны, которые они все еще надеются сохранить.

Так почему же все-таки Горбачев и Яковлев однозначно встали на путь развала страны, почему они долгое время говорили и проповедовали одно, а творили совсем другое, когда и почему решились на самое тяжелое преступление — предательство собственного народа?

В августе 1991 года они вроде бы окончательно сбросили маски и сами признались, что до срока просто скрывали свои замыслы, но планы по развалу партии, от которой, кстати, они-то уж лично получили буквально все, на самом деле вынашивали давно.

По признанию Горбачева, он, оказывается, всегда был ближе к социал-демократам, нежели к коммунистам, изначально выступал за президентскую, а не парламентскую форму правления (дело даже не в том, какая из них лучше).

А Яковлев, так тот вообще в смысле слов и дел да и общей настроенности — фигура еще более ясная.

Как-то в разговоре со мной Андропов бросил такую фразу:

«Яковлев же просто антисоветчик!» Этим сказано многое.

Яковлев догадывался, что думал о нем Юрий Владимирович, и терпеливо ждал своего часа, чтобы отплатить «обидчику». После смерти Андропова он все чаще стал позволять себе критические высказывания в его адрес: изумлялся авторитету его в народе («Ведь он же ничего не успел сделать!»), именовал его не иначе как «консерватором», а стремление Андропова навести в стране порядок и дисциплину квалифицировал как «зажим демократии».

Под влиянием Яковлева в том же духе вскоре стал высказываться об Андропове и Горбачев. А ведь он был ему обязан очень многим, если не всем.

Так вот, чтобы ответить на поставленные выше вопросы, стоит посмотреть на Яковлева с другой, возможно несколько неожиданной для читателя стороны. Вопрос этот острый и весьма деликатный: оперировать данными, полученными по каналам разведки, весьма сложно, поскольку существует реальная опасность раскрыть важный источник и даже поставить под удар живых людей. Я намеренно не хочу делать каких-то однозначных выводов, просто расскажу о некоторых известных мне (попутно замечу, не только мне) фактах. Пусть читатель поразмышляет и тоже сделает выводы.

Начиная с 1989 года в Комитет госбезопасности стала поступать крайне тревожная информация, указывающая на связи Яковлева с американскими спецслужбами. Впервые подобные сведения были получены еще в 1960 году. Тогда Яковлев с группой советских стажеров, в числе которых был и небезызвестный ныне О. Калугин, в течение одного года стажировался в США в Колумбийском университете.

ФБР проявило повышенный интерес к нашим стажерам с целью возможного приобретения в их лице перспективных источников информации, проще говоря, готовя почву для их вербовки. Обычное дело, удивляться тут нечему, тем более что фэбээровцы всегда отличались крайней бесцеремонностью и своего шанса старались никогда не упускать.

Надо сказать, что стажеры, оказавшись вдали от «всевидящего» ока отечественных служб безопасности, дали немало поводов для противника рассчитывать в этом деле на успех.

Калугин, будучи сотрудником КГБ, не только не мешал не слишком невинным забавам своих товарищей, но и сам принимал в них активное участие. Видимо, он полагал, что все их похождения останутся вне поля зрения наших органов, а когда почувствовал, что ошибся, ловко отвел удар от себя лично, настрочив донос на своего приятеля, стажера Бехтерева, который

после этого на многие годы стал невыездным. Может быть, он и до сих пор не знает, кому обязан (кроме самого себя, конечно) таким поворотом дела…

Яковлев отлично понимал, что находится под пристальным наблюдением американцев, чувствовал, к чему клонят его новые американские друзья, но правильных выводов для себя не сделал. Он пошел на несанкционированный контакт с американцами, а когда нам стало об этом известно, изобразил дело таким образом, будто сделал это в стремлении получить нужные для Советской страны материалы из закрытой библиотеки.

Инициатива Яковлева не была поддержана представителями нашей службы безопасности и дальнейшего развития, будем считать, не получила. Никаких претензий к Яковлеву предъявлено не было.

Вскоре стажеры закончили учебу и вернулись домой, чтобы, получив необходимый запас знаний, продолжать двигаться дальше по служебной лестнице.

В 70-х годах Яковлев работал послом в Канаде. Это было, как он сам говорил, вынужденное пребывание за границей, своего рода «политическая ссылка»: в Москве он пришелся не ко двору. В Канаде Яковлев развернул бурную деятельность, при этом любил демонстрировать нетрадиционные подходы, всячески подчеркивая свою оригинальность и независимость. Он поддерживал связи с широким кругом лиц, среди которых был бывший тогда премьер-министром П.Э. Трюдо. Отношения с премьером складывались доверительные, что в принципе делает честь любому послу.

Уже потом к нам поступили данные, что канадцы, в свою очередь, пристально изучали нашего посла и довольно быстро пришли к выводу, что Яковлев явно недоволен своим положением, негативно настроен по отношению к московским властям и что «пребывание в оппозиции» вообще является отличительной чертой его характера. Отсюда делался вывод о перспективности продолжения с ним тесных контактов.

Надо сказать, что канадцы, с одной стороны, отмечали полезность встреч с ним в силу их информативности, а с другой — довольно пренебрежительно отзывались о его личных и деловых качествах, подмечая в нем ограниченность и стремление работать только на себя. Особого будущего Яковлеву канадцы не предрекали.

Эта, прямо скажем, не очень лестная для Яковлева информация поступила к нам уже после 1989 года. Я доложил ее лично Горбачеву, и, должен сказать, она произвела на него тягостное впечатление. Горбачев заметил, что канадцы верно

подметили особенности Александра Николаевича. Для Горбачева доложенная мною информация была особенно неприятной потому, что к этому времени он уже прочно связал свою судьбу с Яковлевым, а тут вдруг такой материал, дающий обильную пищу для размышлений…

В 1990 году Комитет госбезопасности как по линии разведки, так и по линии контрразведки получил из нескольких разных (причем оценивавшихся как надежные) источников крайне настораживающую информацию в отношении Яковлева. Смысл донесений сводился к тому, что, по оценкам спецслужб, Яковлев занимает выгодные для Запада позиции, надежно противостоит «консервативным» силам в Советском Союзе и что на него можно твердо рассчитывать в любой ситуации.

Но, видимо, на Западе считали, что Яковлев сможет проявлять больше настойчивости и активности, и поэтому одному американскому представителю было поручено провести с Яковлевым соответствующую беседу и прямо заявить, что от него ждут большего.

Профессионалы хорошо знают, что такого рода указания даются тем, кто уже дал согласие работать на спецслужбы, но затем в силу каких-то причин либо уклоняется от выполнения заданий, либо не проявляет должной активности. Именно поэтому информация была расценена нами как весьма серьезная, тем более что она хорошо укладывалась в линию поведения Яковлева, соответствовала его практическим делам.

Но очевидно было и другое — в конфликт вступали высшие интересы государства, с одной стороны, и весьма близкие отношения Яковлева с Горбачевым как по служебной, так и по личной линиям — с другой.

Однако предпринимать что-то было необходимо. Я решил посоветоваться с Валерием Ивановичем Болдиным, являвшимся тогда заведующим общим отделом ЦК КПСС, близким к Горбачеву человеком, который, как это было видно, остро переживал за развитие обстановки в стране. Мы пришли к выводу, что информацию следует незамедлительно доложить Горбачеву с предложением еще раз самым тщательным образом проверить полученные сведения, ведь речь шла о высших интересах государственной безопасности страны. Самостоятельно предпринимать какие-либо меры проверочного характера я не мог, так как речь шла о члене политбюро, секретаре ЦК КПСС.

До сих пор хорошо помню свою беседу с Горбачевым. Я показал ему информацию — агентурные сообщения, откровенно поделился опасениями, подчеркнул необходимость тщательной и срочной проверки.

Нужно было видеть состояние Михаила Сергеевича! Он был в полном смятении, никак не мог совладать со своими чувствами. Немного придя в себя, он спросил, насколько достоверной можно считать полученную информацию.

Я ответил, что источник, сообщивший ее нам, абсолютно надежен, но объект информации настолько неординарен, что весь материал нуждается еще в одной контрольной проверке. При этом я рассказал, что каналы и способы проведения необходимых проверочных мероприятий в данном случае имеются, и притом весьма эффективные, и всю работу можно будет провести в сжатые сроки.

Горбачев долго молча ходил по кабинету. «Неужели это Колумбийский университет, неужели это старое?!» — вдруг вырвалось у него.

Спустя какое-то время Михаил Сергеевич взял себя в руки и, как всегда в таких случаях, начал искать не решение возникшей проблемы, а думать, как уйти от нее. «Возможно, с тех пор Яковлев вообще ничего для них не делал, — заглядывая мне в глаза, лепетал он, — сам видишь, они недовольны его работой, поэтому и хотят, чтобы он ее активизировал!»

Осознав всю нелепость таких рассуждений, он снова надолго замолчал, о чем-то напряженно размышляя. «Слушай, — выпалил он вдруг с облегчением, — поговори сам напрямую с Яковлевым, посмотрим, что он тебе на это скажет».

Признаюсь, я ожидал чего угодно, только не такого поворота. Собираясь к Горбачеву, я заранее предполагал, что он будет влиять, что ни на какое решение не отважится, а предложит, к примеру, подождать и посмотреть, что будет дальше, не поступят ли дополнительные сведения. Но чтобы все это вывалить самому Яковлеву!

Я попытался сопротивляться, отвечал, что такого в практике еще не было, мы же просто предупредим Яковлева, и на этом дело закончится, до истины так никогда и не докопаемся.

Горбачев слушал мои возражения рассеянно, и я понял, что решение он уже принял. Было совершенно очевидно, что в случае отказа поговорить с Яковлевым Горбачев предупредит его сам.

Я зашел к Болдину и подробно поведал ему о своей беседе с Горбачевым. После некоторого раздумья Валерий Иванович посоветовал мне не очень переживать, невесело подытожив при этом: «Горбачев по Яковлеву все равно ничего предпринимать не будет».

Мы условились с Болдиным устроить под благовидным предлогом встречу втроем, в ходе которой Валерий Иванович на короткое время оставит меня наедине с Яковлевым для разговора

с глазу на глаз.

Так и поступили. Как только мы оказались вдвоем, я сказал Яковлеву, что у меня есть одна неприятная информация, с содержанием которой я решил его ознакомить. Вкратце изложив Александру Николаевичу суть дела, я стал внимательно наблюдать за его реакцией.

Вид у Яковлева, надо сказать, был неважнецкий, он был явно растерян и ничего не мог выдавить из себя в ответ, только тяжело вздыхал.

Я тоже молчал. Так мы и просидели до возвращения Болдина, не проронив ни слова по существу. Я понял, что Яковлев просто не знает, что сказать в ответ, судя по всему, для него весь этот разговор явился полной неожиданностью. Значит, Горбачев, подумал я, решил не торопить события и не предупредил заранее своего протеже. В этой ситуации оставалось только ждать продолжения всей этой истории.

Разумеется, о состоявшемся разговоре и его особенностях я тут же доложил Горбачеву. В ответ — все то же гробовое молчание.

Прошел день, неделя, месяц, а Яковлев все никак не затевал разговора на эту тему ни со мной, ни, со слов Горбачева, с самим президентом, хотя и общался с ним ежедневно.

Тогда я спросил у Михаила Сергеевича, что делать, может быть, провести проверку? Но Горбачев добро на проверку сигнала так и не дал, посоветовав вместо этого поговорить с Яковлевым еще раз. Мне оставалось только подчиниться.

Я поехал в ЦК КПСС к Яковлеву с каким-то сравнительно небольшим вопросом и попутно поинтересовался у Александра Николаевича, не говорил ли он с кем-либо, в частности с Горбачевым, о нашей недавней беседе. «Вопрос серьезный, — заметил я, — мало ли что может быть». В ответ услышал лишь тихо произнесенное: «Нет».

Ну а что президент СССР? Он опять промолчал, когда я докладывал ему о своем повторном разговоре с Яковлевым. На том дело и кончилось — молчал Горбачев, молчал Яковлев, а я еще надеялся, что президент рано или поздно одумается и разрешит наконец предпринять необходимые меры…

Вскоре А. Яковлев ушел из аппарата ЦК партии и был назначен руководителем группы консультантов при президенте. Правда, в созданный при президенте СССР Совет безопасности, не знаю уж по какой причине, Яковлев не вошел (хотя после августа 1991 года стал его членом), но даже на своем новом посту он все равно был допущен ко всем государственным секретам. И отношения между Горбачевым и Яковлевым не претерпели

никаких изменений, они по-прежнему отличались сердечностью и высокой степенью доверительности…

А «щекотливый» вопрос о возможном сотрудничестве Яковлева с американскими спецслужбами так и повис в воздухе, его больше никто — ни он, ни Горбачев — в беседах со мной никогда не затрагивал.

После августа 1991 года на должность председателя КГБ Горбачевым был назначен Бакатин. Помню, как я был поражен, узнав об этом назначении. Изумился я не выбору Горбачева — он-то все сделал «правильно». Мне была совершенно непонятна позиция Ельцина в этом вопросе. Ведь тогда фактически власть была уже у него, и без его согласия, уверен, назначение Бакатина состояться не могло. Неужели Ельцин не понимал, что, отдавая безопасность и разведку в руки «людей Горбачева», он лишает себя и своих единомышленников важнейших источников информации? Значит, у Ельцина была более высокая заинтересованность — он нуждался в человеке, который разрушил бы комитет. Для этого Бакатин вполне подходил.

Возвращаясь к вопросу о Яковлеве и материалам на него, хочу сказать, что назначение временщика Бакатина было для него как нельзя более кстати. Бакатин не скрывал поставленной перед ним задачи — разгромить органы госбезопасности. Об этой совершенно небывалой в мировой истории ситуации (возглавить, чтобы уничтожить!) Бакатин с нескрываемым цинизмом пишет в своих мемуарах. Не знаю, были ли в процессе этого разгрома уничтожены материалы на Яковлева, или же они попали к российским службам безопасности, но в любом случае остались еще живые свидетели, которые, думаю, рано или поздно заговорят…

События последних лет в стране напоминают мне мощный селевой поток в горах. Человек перед ним пока в общем-то бессилен. Можно спрогнозировать, рассчитать время его начала, предупредить людей, а затем отойти в сторону и ждать исхода. Сель сметает, уничтожает на своем пути живое и неживое. Мольбы ко всемогущему бесполезны. Человек путается в догадках, за что такое наказание, такая напасть.

В причинах возникновения селевого потока субъективности нет, тут закономерность. А вот в нашей перестройке, в ходе и результатах ее, переплетаются и объективные, и субъективные факторы.

В конце XX века управляемость процессами повышается до уровня, позволяющего регулировать, переставлять акценты, притормаживать или ускорять их. Определяющая роль здесь принадлежит личностям.

В этой связи хочется поговорить с читателями еще об одном таком разрушителе, «архитекторе» и «прорабе» перестройки. Речь идет об Эдуарде Амвросиевиче Шеварднадзе.

С ним мне довелось познакомиться в 1982 году, когда он работал еще в Грузии.

Прилетел я туда по служебным делам, провел совещание сотрудников КГБ Грузии. За три дня пребывания удалось кое-что увидеть в Тбилиси, побывать в Гори, провести несколько часов с Э. Шеварднадзе.

Встречи и беседы с ним произвели на меня положительное впечатление. Каких-либо отклонений от официальной партийной линии в его высказываниях я не заметил. Это был признанный партийный лидер, владеющий ситуацией, действующий строго в рамках решений руководящей партии. Того же требовал от других. Обращали на себя внимание его интернационализм, уважительное отношение к другим народам, особенно к русскому.

Запомнилось одно, показавшееся примечательным рассуждение Шеварднадзе о том, что центр недостаточно решительно руководит, снизилась требовательность, ослаб контроль. А вот республикам можно было бы дать побольше свободы вместе с повышением их ответственности. По его словам, не следовало преувеличивать опасность национализма, он уже не сможет быть явлением, с которым нельзя справиться.

Смешанное впечатление на меня произвело посещение Гори и Музея И.В. Сталина. Музей был практически пуст. Гид музея — сравнительно молодая, начитанная, с умными, выразительными глазами женщина — охотно рассказывала о Сталине, делая особый упор на его личные качества: скромность, непритязательность в жизни. Настойчиво предлагала ознакомиться с самыми последними записями в книге отзывов.

Узнав, откуда мы, а там был и Алексей Николаевич Инаури — председатель КГБ Грузии, она стала в открытую интересоваться судьбой музея, отношением к Сталину, подчеркивая, что была и остается его почитателем.

Я смотрел на нее, слушал и невольно думал, что в Сталине ее жизнь, закройся музей — и для нее и для других сотрудников оборвется почти все. Время ни с кем и ни с чем не считается. Только одни — более счастливы, а другие — более несчастны, у одних все в прошлом, а у других в будущем.

Вернулись в Тбилиси. Шеварднадзе заметил, что нельзя не считаться с настроением населения республики, значительная часть которого не только за сохранение музея в Гори, но и памяти о Сталине в Грузии и в Союзе. В словах самого Шеварднадзе сквозило резко отрицательное отношение к Сталину. Поэтому,

когда сейчас Шеварднадзе пытается опереться на имя Сталина, за что получил поддержку грузинского общества сталинистов, я думаю еще об одном «кульбите» в его политической карьере. В то время у меня уже сформировалось собственное отношение к Сталину, и я невольно подумал о тех у нас в стране и за ее пределами, для которых переоценка в свое время отношения к Сталину означала по меньшей мере духовную трагедию.

Прошло немного времени, и в 1985 году судьба свела меня с Шеварднадзе в Москве. Как начальник разведки я довольно часто контактировал с ним как с министром иностранных дел в СССР.

Помню, за пару дней до назначения Шеварднадзе министром иностранных дел со мной затеял разговор бывший тогда председателем КГБ Чебриков. Он сказал, что возник весьма важный и срочный вопрос: кого следовало бы рекомендовать на пост министра иностранных дел и каково на этот счет мое мнение.

Я имел прямое отношение к международным делам, разумеется, знал немало товарищей, работавших на внешнеполитическом поприще. Я спросил: «А есть ли уже кандидатура или кандидатуры, проходящие стадию обсуждения?»

Чебриков ответил, что есть несколько кандидатур, но пока ни на ком не остановились. Он спросил, каково мое мнение, в частности, об отдельных членах политбюро. Причем, когда очередь дошла до кандидата в члены политбюро ЦК КПСС Шеварднадзе, он задержался, и я понял, что, возможно, речь идет именно об этом человеке.

Я ответил, что если обсуждается кандидатура Шеварднадзе, то, по-моему, следует воздержаться от этого шага. Не потому, что у меня плохое мнение о нем, для подобного суждения я недостаточно хорошо его знаю, а потому, что вряд ли будет по плечу Шеварднадзе «пересесть» с чисто внутренних проблем на внешнеполитические.

Затем я высказался в том смысле, что в Советском Союзе не всегда считались с тем, что внешняя политика — это профессия, и там должны работать профессионалы или, во всяком случае, люди, хорошо для этого подготовленные. Конечно, могут быть и исключения. В порядке освежения кадров в Министерство иностранных дел есть смысл направлять лиц из других ведомств и организаций, не исключение и пост министра иностранных дел, но в конкретном случае следует основательно подумать, ведь речь идет о замене Андрея Андреевича Громыко, и эта проблема имеет массу особенностей.

Во-первых, Андрей Андреевич человек, бесспорно, широко эрудированный, глобально и остро мыслящий. Он прошел всю

служебную лестницу от рядового дипломата до министра иностранных дел.

Во-вторых, на этом посту проработал почти 30 лет, побил все рекорды, неизвестно, будет ли этот рекорд превзойден когда-нибудь в будущем.

Громыко обладал огромным опытом и, кроме того, научился, и это, пожалуй, самое главное, последовательно, мужественно, стойко отстаивать интересы нашего государства. Мир знает Громыко, мир с ним считается, и не случайно на его счету немало крупнейших дипломатических побед.

Возможно, некоторым Громыко казался слишком задержавшимся на посту министра иностранных дел, но это — уникальная личность, и потому не случайно его столь длительное пребывание на посту министра.

Шеварднадзе, разумеется, никогда не дотянет до Громыко, и мы поставим этого человека в крайне неловкое положение, поэтому есть смысл поискать другого.

Кроме того, как мне представлялось тогда, очень важно, чтобы на посту министра иностранных дел был представитель наиболее многочисленной национальности, населявшей Советский Союз. В данном случае желательно, чтобы им был русский.

Мне показалось, что я убедил Чебрикова. Он сказал, что обязательно переговорит с Горбачевым, во всяком случае, он разделил мои соображения.

Однако через пару дней вышел указ, а до этого решение политбюро ЦК КПСС, и вместо Громыко на пост министра иностранных дел был назначен Шеварднадзе.

Позже я много раз вспоминал свой разговор с Чебриковым и очень жалею, что не вышел сам на Горбачева. Правда, особых возможностей прямого выхода на него у меня тогда не было, однако ради такого случая можно было бы попытаться это сделать.

По отзывам товарищей из Министерства иностранных дел, Шеварднадзе очень тяжело входил в дело. Он понимал, что не все вопросы можно решить с ходу, а гордость и самолюбие делали свое дело, и потому он рассматривал проблемы с налета, быстро принимал решения, порой не просчитывая, к каким последствиям они могут привести.

Вот эта черта — быстро принимать решения, не разобравшись во всех деталях и, самое главное, не оценив, к каким последствиям это может привести в будущем, была характерной для Шеварднадзе. Эта особенность превратилась в стиль его работы, распространилась на все возглавляемые им ведомства,

что принесло огромный вред нашему государству. При подобном стиле оказывался невостребованным большой интеллектуальный и профессиональный потенциалы коллектива дипломатов, превращавшихся в простых исполнителей, а то и просто созерцателей.

На посту министра Шеварднадзе казался работоспособным, контактным, встреч у него с различными людьми было много. Создавалось впечатление, что он искал решения проблем, правда пренебрегая фактором времени, торопя развитие событий, а это, как известно, в его положении было непозволительно. Ведь иногда есть смысл не торопиться с выводами, а положиться на время, которое само рассудит и разложит все по полочкам.

Проблем накопилось немало, все они были разные, требовался учет различных факторов и позиций многих стран. Огромный объем — отношения с ведущими капиталистическими странами. Советский Союз заявил о желании развивать их, но несовместимость интересов преодолеть куда труднее, чем кажется на первый взгляд, поскольку они нередко носят или объективный характер, или устойчиво субъективный.

Уступки и компромиссы — других посылок справедливого решения накопившихся противоречий в отношениях между странами нет. И вот вместо кропотливого поиска решений, учитывающих интересы сторон, Шеварднадзе, конечно вместе с Горбачевым, инициировал обвальный процесс односторонних уступок, сдачи позиций, точно по пословице: «Лиха беда начало!» Советский Союз снял многие возражения на переговорах по разоружению, дело сдвинулось, однако наши оборонные позиции были в опасной мере ослаблены. По многим направлениями мы не получали конкретных и твердых договоренностей, подкрепленных гарантиями.

С социалистическими странами решили идти врозь в стремлении быстрее развязать международные узлы и прийти к согласию. Социалистическое содружество стало разваливаться, словно карточный домик. Наши друзья начали превращаться в оппонентов.

Шеварднадзе, как министр иностранных дел, был в центре международных событий, всей внешней политики Советского Союза. От него, разумеется, зависело многое, но до определенного времени положение спасало то, что решения принимались коллективно, тщательно обсуждались и опасных сбоев не происходило.

Политбюро продолжало держать вопросы внешней политики в своих руках. Кстати, Громыко считался с высшим партийным органом, и не было случая, чтобы он не прислушался к мнению

политбюро.

В то время кое-кому, и прежде всего Горбачеву и Шеварднадзе, казалось, что дело движется медленно, на достижение договоренностей уходит слишком много времени, если в срочном порядке не пойдем на соглашения, то дальше будет хуже, придется идти на еще большие уступки. Утверждалось, что наша «неуступчивость» мешает развитию отношений с США и другими странами в иных областях, и прежде всего в торгово-экономических.

По сути дела, это был шантаж. И к сожалению, он подействовал.

Шеварднадзе активно занимался афганской проблемой и всячески подчеркивал, что стремится найти путь к ее урегулированию. Вместе с ним я неоднократно посещал эту страну. Удалось глубже изучить обстановку в стране, расстановку сил, всесторонне проанализировать советско-афганские отношения, оценить перспективы развития ситуации в Афганистане и вокруг него.

В результате пришли к однозначному убеждению: надо выводить советские войска и дать возможность афганцам самим решить свои дела, разумеется, не бросая их на произвол судьбы, оказывая им необходимую политическую, военную и материальную поддержку. Женевские соглашения рассматривались как форма урегулирования афганской проблемы, приемлемая для всех сторон. Другой выход в то время не просматривался.

Мало кто думал тогда, что после вывода 15 февраля 1989 года советских войск из Афганистана режим Наджибуллы не только не рухнет, наоборот, укрепит свои позиции и свое влияние в Афганистане и в мире. И тем более вряд ли кто из честных политиков предполагал, что пройдет совсем немного времени, и в конце 1991 года Афганистан будет предан Москвой. Не только Афганистан, но и интересы самого Советского Союза, интересы России, и особенно среднеазиатских советских республик. Но так случилось.

Стало очевидным, что Женевские соглашения для одних были честным стремлением найти выход из создавшегося положения, для других — уловкой, пользуясь которой можно будет в недалеком будущем задушить режим Наджибуллы в Кабуле в угоду силам реакции в самом Афганистане и недружественным по отношению к Афганистану и к нам кругам в других государствах региона и мира.

За время пребывания Шеварднадзе на посту министра иностранных дел на Советский Союз и наших друзей

обрушивалась одна драма за другой. По своим последствиям они носили исключительно тяжелый характер, касались огромных геополитических регионов, затрагивали судьбы Советского Союза и других стран, влияли на положение дел в мире, открыли дорогу к практическому переделу сфер влияния на планете, к завоеванию новых позиций одними, в частности Соединенными Штатами Америки, и потере всяких позиций другими.

Мы, по сути дела, стали отталкивать от себя наших друзей из Восточной Европы, не говоря уже о Кубе. Мы не считались с ними! Вместо того чтобы изначально обговаривать основные направления внешней политики, подвергавшиеся принципиальным изменениям, советоваться с ними по наиболее важным проблемам, относящимся на первый взгляд исключительно к Советскому Союзу, мы ставили их перед свершившимся фактом. А ведь все, что было связано с Советским Союзом, учитывая его вес, имело отношение ко всем социалистическим странам. Более того, подобная практика имела место даже в тех случаях, когда решались вопросы, прямо затрагивающие их внутренние и внешние интересы.

В 1989–1990 годах прекратили существование Организация Варшавского договора, Совет экономической взаимопомощи, то есть те структуры, по которым шло военное, политическое, экономическое и иное сотрудничество между странами социалистического содружества. Перед общественностью мы пытались приукрасить, сгладить крах, в который ввергалось содружество, но в общем-то делалось это откровенно для проформы.

Было ясно, что идет сдача основополагающих позиций, относящихся к проблемам жизнеобеспечения социалистических стран, началась очередная перекройка мира. Налицо было отступление Советского Союза по всем позициям. Социализм, как идеология и практика, был предан, хотя внутри социалистических стран лишь меньшая часть общества выступала за отказ от социализма, по крайней мере, значительное большинство населения придерживалось социалистической идеи.

При Шеварднадзе, при его активной роли, нередко по его личной инициативе, началось глубокое и широкое отступление Советского Союза, а вместе с ним и других социалистических стран в области вооружения. Мы сдавали одни рубежи за другими, шли на соглашения с американцами и другими западными странами даже тогда, когда это очевидно не отвечало интересам обеспечения нашей собственной безопасности.

Наступила полоса широкого отступления социалистических стран по всем мыслимым и немыслимым направлениям. Мы

кляли себя даже в тех случаях, когда это не вызывалось никакой необходимостью, взваливали на Советский Союз вину за его политику в прошлом и настоящем там, где эта политика была куда более благородна, чем политика Соединенных Штатов Америки и других западных стран. Мы, по сути, о чем говорилось и выше, согласились с утверждениями западной пропаганды о том, что, мол, якобы Советский Союз был повинен в развязывании холодной войны, в создании напряженности в мире.

Мы фактически подвергли шельмованию нашу политику в отношении стран третьего мира, в то время как могли бы гордиться ею. В ней были действительные просчеты, однако не это определяло существо нашей позиции. Определяло ее стремление помочь странам, вставшим на путь национального освобождения, на путь борьбы с империализмом, на путь самостоятельного развития.

Великая сверхдержава, вторая в мире — Советский Союз на глазах всего человечества таяла, слабела, превращалась в государство второстепенное.

Мы нанесли ряд ударов по нашим интересам в области продажи вооружения другим странам, которые нуждались в этом, и освободили тем самым рынок для других стран. Забегая вперед, можно напомнить, что в 1991 году на долю США приходилось 18 % мировой продажи оружия, а в 1993 году США вышли на рубеж 38 %.

Когда-то примерно столько же приходилось на долю Советского Союза, а сейчас наша доля составляет всего несколько процентов от мировой торговли!

Спрашивается, ради чего же все это было сделано? Мы что — помогли тем странам, которые борются за свое национальное, политическое, экономическое освобождение? За свою политическую независимость? За то, чтобы проводить самостоятельный курс? Или в мире стало меньше оружия? Конечно нет!

Я не знаю, есть ли еще такой министр иностранных дел, такое государство, которое могло бы похвалиться такими «победами», одержанными на всех фронтах внешней политики за небывало короткий срок. Думаю, что политологи, историки, экономисты будут поражаться тому, что произошло с нами за годы так называемой перестройки, и особенно в последней фазе ее развития. Их усилия помогут найти разгадку феномена, а следовательно, и ответ на этот вопрос. Уверен, что ответ на него потрясет мир. Он покажет, как предавались интересы нашего Отечества, как мы отказывались от своих ценностей, которыми имели все основания гордиться. Мы сами себе копали глубокую

яму, из которой так нелегко нам будет выбраться.

В то же самое время был взят крен в сторону поиска (любой ценой!) новых друзей в лице США, развитых капиталистических стран Европы, Японии. Мы явно обгоняли события, забегали вперед, стали называть наши отношения кое с какими государствами партнерскими, а то и дружественными, иногда даже союзническими, невзирая на реальное положение вещей и реакцию в тех или иных странах.

Некоторые наши деятели пустились в самое настоящее состязание — кто кого переплюнет. Ничего, кроме улыбок, на Западе это не вызывало. Мы же спешили подтянуть свои отношения с этими странами до обозначенного на словах уровня — опять-таки путем уступок, лести и откровенного самоуничижения. Важнейший показатель нерезультативности такой политики заключался в отсутствии прогресса в торгово-экономических отношениях: развивать их с нами никто не торопился.

Уже после своей отставки в 1991 году Шеварднадзе зашел ко мне, чтобы объяснить подлинные мотивы ухода с поста министра иностранных дел. Он считал наши отношения достаточно тесными и полагал, что я должен был услышать от него некоторые откровения.

Я с готовностью встретился с ним. Он признал, что переживает по поводу своей отставки, но другого выхода для себя не видит. Оценив обстановку в стране как критическую и логически допуская возможность прихода жесткой власти, Шеварднадзе выразил надежду, что его шаг заставит Горбачева все-таки решиться пойти на меры, соответствующие реально сложившимся условиям. Какие меры и против кого, не пояснил. Затем он коснулся, на его взгляд, деликатного аспекта вопроса, который был для него особенно мучительным.

Будучи министром иностранных дел, членом высшего руководства Союза, сетовал он, ему пришлось принимать непосредственное участие в реализации ряда непопулярных решений. Не стало содружества социалистических стран, выводятся из них наши войска, прекратила свое существование Германская Демократическая Республика. Вполне возможно, «придется решать территориальные вопросы с некоторыми соседними государствами». Его, как грузина, могут не понять, ему, мол, не жалко «российской» земли. «Словом, — заключил он, — лучше на этом посту держать русского».

Как к человеку, у меня не было оснований относиться к Шеварднадзе плохо. Тогда я допускал, что в своих побуждениях, возможно, он был искренен, стремился сделать как лучше. Но в

эту последнюю встречу я говорил с другим Шеварднадзе, совсем не тем, что в начале 80-х годов в Тбилиси.

Прежний Шеварднадзе — это обычный партийный работник, каких сейчас часто средства массовой информации изображают в негативном плане, как консерваторов, демагогов. Но, вне всякого сомнения, то был способный человек, которому были присущи чувство нового и желание поиска.

Шеварднадзе в конце 1990 года — это совсем другая личность, он полностью переродился, не только пополнил, но и возглавил ряды радикальных, неуемных «демократов». Еще немного, подумал я, и он порвет с КПСС, активно включится в движение за новое «демократическое» общество, полностью поменяет своих друзей в стране и еще больше приобретет их за рубежом.

В Грузии времен Гамсахурдиа он стал персоной нон грата, тогдашние власти республики обрушили на него сокрушительную критику. Для него, как любящего свой родной край грузина, это была огромная личная трагедия.

В своих оценках вовсе не хочу претендовать на роль судьи, на истину в последней инстанции. Эту роль выполнит история, собственно говоря, она уже делает это, потому что личная трагедия Шеварднадзе не закончена. Она уже имеет и еще будет иметь свое продолжение, причем затронет не только его лично, но и всю Грузию в целом.

Я отрицательно относился к Гамсахурдиа, считал его националистом, безудержно стремившимся реализовать свои иррациональные замыслы, не считаясь с тем, принесут они Грузии благо или нанесут ущерб. Гамсахурдиа был не способен реально оценить ситуацию в республике и вокруг нее. Он бил своих политических противников, провозглашал лозунги, выдвигал цели, совершенно не задумываясь об их реальности. Он не мог мыслить масштабно, категориями взаимозависимого и взаимосвязанного мира.

Для характеристики Гамсахурдиа следует сослаться на некоторые его высказывания. В октябре 1989 года он во время беседы с московскими представителями, по словам одного участника встречи, так изложил свои взгляды: «В настоящее время в Грузии имеет место ренессанс гуманистических и патриотических идеалов меньшевизма, причем с опорой на самого радикального теоретика и практика перестройки А.Н. Яковлева». По мысли Гамсахурдиа, основная цель перестройки в Грузии — достижение политической независимости и установление несоциалистического социально-политического строя. Этот процесс должен был идти в два этапа: сначала —

достижение экономического суверенитета, а затем — политического.

Рассказывая о планах достижения экономического суверенитета, Гамсахурдиа заметил, что это не его личная идея, а «часть западного плана помощи перестройке в СССР». О втором этапе он сказал, что те консультации, которые давал А.Н. Яковлев своим доверенным людям из ЦК КП Грузии, касались в первую очередь преобразования Национал-демократической партии Грузии в партию социал-демократической ориентации и превращения ее в основную политическую силу.

Гамсахурдиа признал, что на примере Грузии и Прибалтики он убедился, как целенаправленно работают сторонники радикального крыла перестройки в политбюро — Яковлев и Шеварднадзе. Если Яковлев контактирует, например, в ЦК КП Грузии со своими доверенными лицами напрямую, то Шеварднадзе дает указания тем из членов руководства грузинской партии, кто настроен консервативно или прогорбачевски, и никогда не стал бы контактировать или сотрудничать с радикалами. Таким образом, и Шеварднадзе, и Яковлев, проводя общую политическую линию, заключал Гамсахурдиа, задействуют для ее реализации людей, имеющих сильно различающиеся взгляды.

Когда в 1992 году Шеварднадзе решил вернуться в Грузию, он был, в общем, неплохо встречен, пожалуй, большей частью населения республики. Но ни мира, ни успокоения в Грузию Шеварднадзе не принес.

Конфронтация была продолжена, открывался один фронт за другим. Люди и группы лиц с другими политическими оттенками немедленно подверглись преследованию. Его обещания ничего хорошего для Грузии не принесли, Грузия продолжала катиться вниз, в пропасть. В результате ее народ оказался в исключительно тяжелом, плачевном состоянии: голод, разруха, кровь, жертвы, изгои, похищения женщин, детей, стариков и бесконечные военные конфликты, войны, войны.

Представители одной национальности сводили свои исторические счеты с другой. Жертвы оправдывались действиями другой стороны, а то и вовсе мотивировались высшими национальными интересами.

Внешняя политика Грузии отличается крайностями, непоследовательностью, отсутствием всякого реального учета действительности.

Ничего не получалось у Шеварднадзе на Западе, а ведь он рассчитывал, что его личные связи помогут решить многое. Какой грубый просчет! Какая наивность! Таким людям нет места в

большой политике, поскольку они не имеют чувства реальности и не понимают, что сугубо личные отношения в большой политике играют невероятно малую роль.

Помню, в свое время на мой вопрос, может ли Грузия прожить без России, Шеварднадзе ответил, что вполне, но не больше десяти дней, после этого Грузия просто начнет погибать. И все же, на словах понимая ситуацию, Шеварднадзе тем не менее довел дело до разрыва связей между Грузией и Россией, отчего пострадала, конечно, и Россия, но в меньшей мере, а грузинский народ оказался в нищете, голоде, в ужасных страданиях.

Несчастье Грузии — тоже следствие той большой беды, которая обрушилась на бывший Советский Союз. Каждый может спросить себя, зачем нужно было разрушать государство? Зачем нужно было всем нам разбегаться в разные стороны? Безответственными заявлениями провоцировать межнациональные конфликты, гражданские войны то в одном, то в другом регионе нашей страны? Зачем испытывать судьбу, сворачивать с того пути, по которому наши народы шли веками и добивались многого?

Трагедия Грузии — трагедия всех грузин, других национальностей, населяющих Грузию, обернется драмой и для самого Шеварднадзе. Вряд ли будут положительными итоги его деятельности на посту президента: слишком тяжелы ранее совершенные им ошибки.

Нельзя сказать, что только ближайшее политическое окружение в лице Яковлева и Шеварднадзе оказывало влияние на генсека. Долгое время рядом с Горбачевым находился еще один человек, придерживающийся прямо противоположных взглядов на развитие нашего общества. Речь идет о Егоре Кузьмиче Лигачеве.

Во многом именно благодаря Лигачеву удалось в течение некоторого времени удерживать Горбачева в определенных рамках, не допускать откровенных авантюр, на которые толкали страну «прорабы» и «архитекторы» перестройки. При этом сразу хочу подчеркнуть, что Егора Кузьмича отнюдь нельзя считать тем замшелым консерватором, которым его представляла и представляет послушная «демократам» пропаганда. Лигачев на первых порах активно воспринял перестройку, понимал необходимость перемен, но выступал при этом за взвешенный подход к реформам, лишенный перегибов.

Лигачева я узнал поближе сравнительно недавно — когда был назначен на должность председателя КГБ. Раньше слышал о нем как о твердом партийце, энергичном человеке, придерживающемся определенной линии.

Нельзя сказать, что ему было чуждо новое. Пожалуй, так не скажешь. Для него характерно было другое — он с трудом расставался со старым стилем и методами работы, политическими, экономическими установками, был осторожен к новому, не признавал никаких отступлений от марксистско-ленинской идеологии. Последовательно выступал за сохранение руководящей роли партии, однако считал закономерным, неизбежным политический плюрализм, многопартийность. На заседаниях политбюро ЦК всегда выступал за взвешенный, осторожный подход и нередко предупреждал о негативных последствиях тех или иных экспериментов, особенно в экономике.

Лигачев был сторонником сильной исполнительной власти, но возражал против того, чтобы отдавать на откуп Совету министров решение всех кардинальных вопросов. Часто на этой почве между ним и Рыжковым возникали споры, которые какое-то время отражались даже на их личных взаимоотношениях. Лишь гибкость Горбачева спасала от открытых политических конфликтов, вернее, он, как всегда, уводил от них.

Надо отдать должное Лигачеву — о негативных последствиях некоторых решений он предупреждал, советовал не торопиться, предлагал путь постепенных перемен. Но вера в силу партийных решений, административно-командных методов в нем была велика, и тут явно сказывалась его приверженность старой практике.

Движимый стремлением «оздоровить» общество, он поддерживал мощную, грубую по методам реализации антиалкогольную кампанию. Был лихо просчитан весь «позитив» от нее.

Пьянство давно стало бичом — социальным, моральным, экономическим. Причин много — исторические корни, социальные условия жизни, просто неустроенность, отсутствие особого подхода к борьбе с этим злом и многое другое. Поэтому дело не в объемах производства спиртного.

Кампания начиналась на глазах у всех, сомневающихся было много, довольно точно прогнозировались негативные последствия.

Разведка направляла наверх заслуживающие внимания иностранные оценки крупномасштабной антиалкогольной кампании. В них содержались весьма серьезные предупреждения о том, что нас ждет, и вероятный ущерб предсказывался довольно точно.

На подобные прогнозы поначалу не обращали внимания. Но сама жизнь, возникшая напряженность, недовольство среди широких слоев населения заставляли отступить, постепенно

спустить кампанию на тормозах.

Волюнтаризм и на этот раз дорого обошелся государству. Но были ли сделаны выводы из случившегося? Жизнь показала — нет. И пока не утвердится в нашей стране совершенная правовая система управления, волюнтаризм сохранится как реальная угроза, со всеми его негативными последствиями.

Кстати, сейчас всякой борьбе с пьянством положили конец. Никогда в России не было такого разгула пьянства, какой наблюдается в настоящее время. Пьет немало людей, и стар, и млад, пьют все, что угодно. Люди лишаются здоровья, жизни (только в 1993 году от отравления недоброкачественными напитками погибло около 45 тысяч человек!), портят свой генофонд, страдают дети. Все это неизбежно отразится на будущих поколениях.

Средства массовой информации упорно молчат по этому поводу. Ни разу за последние три года не было ни одной серьезной попытки взяться за решение этой проблемы, хотя все понимают, что она приносит огромный вред нашему обществу. Что за причина? Видимо, неудобно заниматься борьбой с пьянством, когда перед глазами всех россиян стоит положительный пример отношения к спиртному. Ненароком могут обвинить и в неуважении к высокой личности со всеми вытекающими отсюда последствиями. Так что лучше не связываться, пусть себе хоть зальются.

А ведь кому-то это очень выгодно, просто необходимо. В первую очередь тем, разумеется, кто не заинтересован в здоровом российском обществе, в том, чтобы наш народ был крепким, более работоспособным, культурным. Да что там, снявши голову, по волосам не плачут!

А что касается Лигачева, он — человек определенных убеждений. С ним не сложно работать, потому что его взгляды, его точка зрения известна — он не скрывает их. Но переубедить его по принципиальным вопросам почти невозможно. У него есть свои взгляды на людей, и тут он тоже непримирим.

Нельзя сказать, что Лигачев не меняется в своих взглядах и убеждениях, но время все-таки опережает его.

Когда рядом с Горбачевым были и Яковлев, и Лигачев, они в чем-то уравновешивали баланс взглядов, волей-неволей подталкивали Горбачева на центристский путь. Но стоило Лигачеву уйти в сторону, отойти от Горбачева, как влияние и возможности Яковлева сразу оказались чрезмерными.

В последнее время Лигачев занимался в политбюро сельским хозяйством. Интересы развития этой отрасли он отстаивал последовательно и решительно. Не выступая против аренды,

считал преступлением расшатывать, а не укреплять колхозы и совхозы, ратовал за неспешный эволюционный путь развития на селе различных форм собственности, решительно выступая против частной собственности на землю.

Его политическая открытость, непримиримость по ряду вопросов стали мишенью для постоянных нападок значительной части «демократов». Имя Лигачева стало нарицательным, когда речь заходила о «реакционерах», «консерваторах». Его пытались опорочить, бросить тень на его личную порядочность.

Бывшие следователи Генеральной прокуратуры Союза ССР Гдлян и Иванов обвинили Лигачева в получении взяток по так называемому хлопковому делу. Я знаю всю эту историю и хотел бы еще раз подчеркнуть всю беспочвенность подобных утверждений.

Впрочем, официальное сообщение Генерального прокурора СССР в свое время было опубликовано, там отражена бездоказательность заявлений Гдляна и Иванова, бросивших тень на Лигачева.

Абсурдность клеветнических наветов Гдляна и Иванова на Лигачева в получении им якобы взяток была совершенно очевидна уже в конце 1988 года. Из материалов, которыми располагал Комитет госбезопасности, следовало, что в данном случае имеет место целенаправленная травля Лигачева со стороны ряда недостойных лиц, преследующих особые политические цели.

Очень хорошо знал это и Горбачев. Более того, как председатель Комитета госбезопасности, я несколько раз докладывал на заседаниях политбюро ЦК КПСС о том, что против Лигачева ведется лживая кампания, что Иванов, Гдлян и лица, стоявшие за ними, поставили перед собой цель опорочить этого человека, а затем бросить тень на все политбюро. Что они имеют в виду не только докопаться до Лигачева, но уже наметили другие цели, и среди них есть даже Горбачев.

Более того, по одному материалу, который попал в Комитет госбезопасности, было видно, как Гдлян и Иванов собирались на первых порах бросить тень в получении взяток и на Яковлева. Я тоже доложил об этом политбюро. Правда, потом Гдлян и Иванов отказались от этого намерения и договорились не трогать его.

Говоря об этом, я хочу подчеркнуть явно политические цели, огромные аппетиты Гдляна и Иванова и лиц, стоявших за ними, в возведении клеветы на тех, кто им был на каких-то этапах чем-то неугоден.

Хорошо помню страдания Лигачева. Ему было по-человечески тяжело переносить всю эту грязь, но еще более обидно было

видеть, как его товарищи по партии не принимают меры к тому, чтобы помочь ему освободиться от клеветнических наветов.

Я неоднократно беседовал с Горбачевым и говорил, что надо решительно выступить в защиту нашего товарища, нужно полагаться на официальные документы Прокуратуры Союза ССР, из которых видна абсурдность обвинений, что речь идет не о Лигачеве и других, речь идет о партии, о ее штабе — Центральном комитете и политбюро, которые, по задумке определенных сил, во что бы то ни стало должны быть скомпрометированы, чтобы расчистить путь для ударов по партии в целом.

То, что в Узбекистане были нарушения законности, слов нет, но то, что целую республику сделали объектом травли, мишенью нападок на ее народ, на успехи, которые были ею достигнуты за годы советской власти, на ее руководителей, было совершенно очевидным. Речь шла о действиях сил, уже тогда замахнувшихся на Союз в целом.

У меня порой складывалось впечатление, что Горбачев все это терпел по той простой причине, что клевета не касалась его лично. И поэтому он считал, что ослабленные соратники по совместной работе будут для него более удобны, чем если бы они оставались сильными и неуязвимыми.

Партия и советский народ в целом оказались мудрее. Я твердо убежден, что ни партия, ни советский народ не поверили клевете на Лигачева и быстро разобрались в этом.

Егор Кузьмич и сегодня представляет настроения, убеждения немалого числа лиц, придерживающихся примерно таких же взглядов, как и он, верных идеям, в духе которых они были воспитаны. Думается, это фактор, с которым нельзя не считаться. Пусть это будет своего рода оппозиция в коммунистическом движении. Ее надо не уничтожать, а, напротив, считаться, вести работу, взаимодействовать с ней, подправлять, но политическими средствами.

Сегодня ни одна политическая сила не гарантирована от ошибок, если рядом с ней не будут действовать оппозиционные силы. Пройдет время, история расставит все по местам. А пока Лигачев проявляет завидные бойцовские качества и внутри страны, и во время поездок за рубеж.

Находится немало людей, которые легко меняют свои убеждения, кидаются из одной крайности в другую, легко расстаются с прошлым, хотя были его активными участниками. Вчера они гордились своим положением, более того, стремились подняться еще выше. Сегодня они выдают себя за когда-то гонимых, за вечных борцов. Вчера они рвались к наградам,

сегодня — отказываются от них. Они превратились в великих мастеров держаться на плаву.

Знаю одного академика — Арбатова Георгия Аркадьевича, в быту Юрия Аркадьевича, который сейчас пытается обрести седьмого по счету шефа. Сначала работал на Сталина, затем — на Хрущева, Брежнева, Андропова, Черненко, Горбачева, а теперь рвется на следующий рубеж. Хочется думать, что в этот раз у него не выйдет. Впрочем, в любом случае этот рубеж последний.

Как он сетовал на то, что вместо ордена Ленина получил всего лишь орден Трудового Красного Знамени! Уж очень ему хотелось иметь награду с изображением Ленина, которого почитал и неуемно хвалил. А недавно прочитал его статью, где он нещадно кроет Ленина. Ну что же, в сегодняшнем мире — это реальности. Печально, но факт.

«Заслуг» по разгрому Союза у Арбатова невероятно много. Мне хотелось бы остановиться только на одной из них.

Как Арбатов крушил вооруженные силы нашей державы, как он издевался над армией, ее историей, традициями, как низводил ее роль в обеспечении безопасности нашего государства! По его подсчетам получалось, что в Советском Союзе расходы на армию в два-три раза превышали расходы на армию Соединенных Штатов Америки. И это несмотря на то, что в Соединенных Штатах Америки военный бюджет утверждался в размере 300 миллиардов долларов, а у нас менее 70 миллиардов рублей.

Возглавляя Институт США и Канады АН СССР, Арбатов одновременно был душой проамериканского лобби. Это прекрасно понимал Громыко, и потому, в свою бытность министром иностранных дел, отказался иметь какие-либо дела с Арбатовым.

Хотя должен заметить, что Громыко был человеком проницательным и понимающим и никогда не недооценивал отношений Советского Союза с Соединенными Штатами Америки. Более того, всегда считал американское направление нашей внешней политики приоритетным. Но Громыко был реалистом, понимал, что Соединенные Штаты не давали нам кредитов и не дадут. Понимал, что правящая американская элита не позволит развиваться отношениям между США и Советским Союзом на справедливой взаимной основе, потому что, как считала эта элита, подобный вариант не отвечал интересам американцев, и исходила только из этого.

Арбатов же, отлично понимая все это, тем не менее стоял на позициях постоянных, совершенно неоправданных уступок Советского Союза американской стороне буквально по всем вопросам, особенно в области вооружений. А что значит такой

великой державе, какой была наша, оказаться со слабыми вооруженными силами? Уступить американцам по основным параметрам вооружений — значит заранее предопределить слабые политические позиции, с которых ни одного вопроса с выгодой для Союза решить уже не удастся.

В конце 1993 — начале 1994 года Арбатов как-то затих, сник. Он стал реже появляться на телевидении, в средствах массовой информации. Но он еще выйдет и покажет себя. Глубоко уверен, что его позиции никогда не отличались и не будут отличаться патриотизмом и любовью к Родине. Да, впрочем, Родина для него — понятие относительное.

Вообще вокруг Горбачева постоянно вилась целая армия разнообразных советчиков, людей довольно случайных, для которых характерно было полное отсутствие определенных идеалов и принципов, но которые довольно точно подметили особенности характера своего патрона и умело использовали их в своих чисто карьеристских целях. Не думаю, что эти персонажи заслуживают того, чтобы о них упоминать особо, но и они в своей массе оказывали на Горбачева негативное воздействие и несут свою долю ответственности за те беды, которые свалились на наш народ!

«Архитектор» перестройки Яковлев, впрочем одновременно являясь и «прорабом», очень любил и до конца своих дней продолжал призывать к покаянию. К покаянию перед всеми, перед историей, перед Богом, к покаянию перед самим собой, перед будущими поколениями за те «злодеяния», которые были совершены в период советской власти. А ведь именно в годы советской власти Яковлев сделал стремительную карьеру, взошел на олимп политической известности, получал всевозможные привилегии от власти, которую затем хулил. Имел возможность проявить себя и, к сожалению, возможность разрушить государство, столько для него сделавшее.

Покаяние, к которому так усердно призывал Яковлев, — это издевательство над русским народом, над его историей, над его честью и совестью. Были ошибки, перегибы и даже преступления, но не народ в этом виновен! Все перекрыто тем, что сделала наша держава для мира в целом. Одна победа в Великой Отечественной войне стоит того, чтобы нашу Родину в веках поминали добрым словом, помнили ее героизм, мужество, лишения не только ради себя, но и ради других народов.

Благодарные люди отдают нам должное. И только мы хулим себя и, подобно некоторым из истории прошлых веков, терзаем свою душу и призываем на свою голову новые кары. А ради чего? Кому-то хочется на всю жизнь поставить на народ клеймо и с ним

его оставить!

Убежден, речь должна идти не о покаянии, а о том, чтобы дать настоящую оценку случившемуся с нашей державой. Дать оценку содеянному теми или иными лицами, воздать должное тому, кто в это трудное время держался патриотических позиций, выстоял. И дать вместе с тем объективную оценку тем, кто хулил державу, разрушал ее для того, чтобы потом поколения нынешние и будущие трудились над воссозданием разрушенного, проливая новые потоки крови и пота, кляня своих предшественников за учиненное с Родиной.

Порушенный Советский Союз не обеспечит свою безопасность. Я вовсе не хочу судить налево и направо об ответственности лиц, что были в той или иной мере причастны к содеянному, к разрушению великой державы. Но если мы объективно не разберемся, что же произошло с нами, не обозначим наши ошибки и перегибы, с одной стороны, и преступную деятельность отдельных лиц — с другой, то наш путь в будущее будет сложным и, главное, не светлым. Мы опять станем вилять и рано или поздно совершим зигзаг, который вновь обернется большой бедой для нашего государства.

«Архитекторов» и «прорабов» перестройки не так уж много. Больше тех, кто заблуждался, кто совершал ошибки по неведению, кто был сбит с толку. Люди невиновны, но они должны знать правду для того, чтобы в будущем ни они, ни их дети не подверглись новому искушению и уже не попались на удочку лжи, обмана, неблаговидных замыслов и дел.

Глава 5
На посту председателя КГБ СССР

В сентябре 1988 года после совещания в ЦК КПСС, кажется по афганской проблеме, Горбачев попросил меня задержаться.

В своей обычной манере он начал издалека говорить о значении органов госбезопасности, необходимости активизации их деятельности, повышения эффективности. Он неплохо отозвался о человеческих качествах тогдашнего председателя КГБ Чебрикова, я поддержал это мнение. Затем Горбачев спросил, как я отношусь к тому, чтобы занять должность председателя КГБ СССР.

Не скажу, что разговор был совершенно неожиданным для меня, слухи ходили, но тем не менее подобное назначение означало новый этап в моей жизни и работе, и я, конечно, понимал его серьезность.

Откровенно ответил, что с нелегким сердцем отношусь к этому предложению, не поздно ли по возрасту — 64 года, стоит, видимо, подумать и все взвесить.

Последовала нередкая в таких ситуациях реплика, что думать, мол, некогда, а если и стоит поразмышлять, то только в плане согласия. На мой вопрос относительно дальнейшей работы Чебрикова Горбачев ответил, что он перейдет на работу секретарем ЦК (членом политбюро ЦК КПСС он уже являлся) и будет курировать работу правоохранительных органов.

После такого разъяснения я дал согласие.

В то время у меня не было каких-либо особых сомнений в линии Горбачева, в добронамеренности его устремлений. Я с доверием относился к его многочисленным заявлениям укрепить государство, Союз, придать развитию более динамичный характер и выйти на новые рубежи. Поэтому было огромное желание ему помогать.

Идеи обновления общества мне импонировали, обостренное изложение проблем я принимал за искренность, простота в общении подкупала. Как и многие лидеры его уровня, он поддавался влиянию, внимательно прислушивался к тому, что говорили о нем в стране и особенно за рубежом.

Мне кажется, в ту пору Горбачев и мысли не допускал, что в 1991 году произойдут такие кардинальные изменения, что страна окажется в таком плачевном, трагическом положении, сам он в личном плане будет так беспомощен, а его популярность упадет до нулевой отметки. Ведь на словах он клялся, что не допустит

развала Союза, что ни одна из республик, включая прибалтийские, не уйдет, постоянно подчеркивал, что этого нельзя допустить. «Да мы просто не сможем разойтись!» — не раз восклицал он. Сколько раз он заверял, что не мыслит будущее страны вне социалистического выбора, боготворил партию, называл себя ее воспитанником.

Как-то в одном частном разговоре решительно заявил, что если ему вдруг придется выбирать между главой государства и лидером партии, то он, конечно, выберет второе. Занимал позитивную позицию по отношению к социалистическим странам, видел в них важнейший позитивный фактор с точки зрения интересов Советского Союза, был полон благих намерений развивать и крепить с ними отношения. Работал много, проявлял огромный интерес к информации, был, можно сказать, жаден до нее.

Когда при таких обстоятельствах появлялись сомнения в его искренности, становилось даже как-то неловко.

К сожалению, я, как и многие, поверил его словам и, как оказалось, сильно ошибся.

Дома жена встретила известие о моем предстоящем назначении с огромным волнением, смятением. Реакция была однозначно отрицательной. Тогда она с уважением относилась к Горбачеву, но с нетерпением ждала моего ухода на пенсию, настаивала на этом. Пост председателя КГБ казался ей трудным, ответственным, к тому же был отягощен нелегкими воспоминаниями из прошлой истории органов госбезопасности. Зная мой характер, она говорила, что теперь я весь уйду в работу и меня вообще не будет дома. Но главное, о чем я думал не раз, — она с какой-то внутренней тревогой восприняла весть о моем назначении. В дальнейшем это чувство у нее постоянно присутствовало и усиливалось.

Вспоминая ее слова по этому поводу и многое другое из нашей совместной жизни, проникаюсь особым уважением к женской интуиции. Мне кажется, что женская интуиция, женское предчувствие — еще не разгаданная способность человека, тем более что сам человек, по выражению Эйнштейна, является самой большой загадкой природы. И в большом, и в малом, и в том, что касалось друзей, товарищей по работе, их поведения, отдельных поступков, интуиция жены неоднократно подтверждалась. Плюс к этому природа наградила ее острым умом, великолепным слогом, смелостью суждений, правда, преимущественно среди своих друзей и родных.

Она в свое время писала дневники о внуке и внучке. Я советовал ей опубликовать их, они доставили бы удовольствие

читателям своей непосредственностью, остроумием, тонким восприятием и пониманием детской души, безмерной любовью к внукам. А если кому и доставалось, то больше всех мне, как деду. Но последнее, по-моему, придает им дополнительный колорит и выразительность, тем более что критикует она меня с юмором и звучит это по-доброму.

…1 октября 1988 года я приступил к исполнению обязанностей председателя КГБ СССР. В Комитете проработал к тому времени 21 год — помощником председателя КГБ, начальником секретариата Комитета, первым заместителем начальника Первого главного управления и последние 14 лет — начальником. С 1978 года одновременно — заместителем председателя КГБ.

Комитет государственной безопасности представлял довольно сложную, но вместе с тем стройную структуру во главе с председателем Комитета и его заместителями, количество которых доходило до десяти, в том числе два первых. Председатель и его заместители осуществляли также руководство территориальными органами — республиканскими Комитетами госбезопасности, краевыми и областными управлениями.

Коллегия Комитета госбезопасности СССР состояла из 15–17 членов. Обсуждала наиболее важные вопросы, принимала по ним решения, вводимые в действие приказом председателя КГБ. После этого они становились обязательными для исполнения всеми органами госбезопасности. В состав коллегии входили председатель комитета, его заместители, начальники ведущих подразделений, а также руководители некоторых местных органов госбезопасности. Назначение членов коллегии оформлялось решениями Совета министров СССР.

Так повелось, что традиционно в коллегию входили председатель Комитета госбезопасности Украины, начальники управлений КГБ по Москве и Московской области, по Ленинграду и Ленинградской области. По положению, коллегия проводилась один раз в месяц, но иногда и чаще, в зависимости от вопроса, его срочности и значимости.

Коллегия утверждала кадры по перечню, установленному приказом по Комитету госбезопасности. Иногда заслушивались сообщения о наиболее тяжелых чрезвычайных происшествиях, имевших место в стране, в органах и войсках КГБ, обсуждались важные решения высших органов власти, и по ним принимались соответствующие постановления. Обсуждение вопросов, как правило, происходило с участием довольно широкого круга приглашенных лиц, число которых достигало иногда ста и более человек.

Коллегия являлась руководящим органом Комитета госбезопасности, своего рода школой управления, формой рассмотрения и обсуждения наиболее крупных вопросов. Основополагающие постановления, принятые коллегией, действовали в течение длительного времени и могли быть отменены только решением самой коллегии.

Для меня коллегия была опорой, возможностью узнать мнение достаточно широкого круга ответственных лиц комитета, полезной формой и способом принятия решений и, главное, определения путей их реализации и контроля за исполнением. Решения рассылались во все органы и войска КГБ, где становились основой практической деятельности в рамках соответствующего подразделения.

Подготовка вопросов к обсуждению на коллегии занимала длительное время, сопровождалась выездами на места созданных по указанию председателя комитета групп, которые там разбирались с обстановкой, готовили сообщение для коллегии и проект решения. Как правило, ни один проект решения на коллегии не утверждался после первого обсуждения. Создавались комиссии для доработки, и лишь после этого принималось окончательное решение.

Для того чтобы понять, как функционировал КГБ СССР, необходимо дать некоторые пояснения к структуре центрального аппарата.

Первое главное управление комитета — внешняя разведка. Оно осуществляло руководство резидентурами за рубежом, вело разведывательную работу с территории Советского Союза и курировало первые (разведывательные) подразделения тех территориальных органов, где они были. Тот факт, что это подразделение называлось Первым, как бы подчеркивал первостепенное значение борьбы с внешним противником нашего государства.

Второе главное управление занималось контрразведывательной работой. За последние три-четыре десятилетия контрразведка то разукрупнялась, то объединялась — в зависимости от того, какая линия в отношении государственного аппарата доминировала в нашей стране. В последние годы постепенно пришли к тому, чтобы не концентрировать всю контрразведку в одном подразделении, рассредоточить ее по нескольким — в зависимости от конкретной линии работы. И все же Второе главное управление всегда оставалось заглавным подразделением контрразведки, занималось борьбой со шпионажем, работой по иностранным представительствам, на туристском канале, а также проводило

некоторые разведывательные операции с территории Советского Союза.

К 1991 году контрразведывательной работой на всех видах транспорта занималось Четвертое управление. Контрразведывательное обслуживание объектов оборонной промышленности, некоторых научно-исследовательских центров осуществляло Шестое управление.

Борьбу с идеологическими диверсиями вело Пятое управление, преобразованное в 1989 году в Управление «З». Это был далеко не формальный шаг. Теперь оно уже не занималось идеологическими диверсиями в той направленности, в какой это было присуще Пятому управлению, а сосредотачивало свою работу на выявлении и пресечении террористических акций, подрывной деятельности иностранных спецслужб с использованием всевозможных зарубежных организаций и центров, занимавшихся деятельностью, противоречащей нашему законодательству.

Было еще одно контрразведывательное подразделение — Третье главное управление, которое вело работу по пресечению подрывной деятельности иностранных спецслужб в отношении советских вооруженных сил, руководило работой особых отделов соответствующих воинских подразделений и частей. Главным оно стало в 70-х годах. Это вызывалось большим объемом и значением проводимой им работы во взаимодействии с Министерством обороны страны.

В структуру Комитета госбезопасности входило также Главное управление пограничных войск. Оно осуществляло руководство пограничными округами, отрядами, заставами. Центральный аппарат погранвойск был невелик, однако их общая численность достигала 220 тысяч человек. Для такой огромной страны, как наша, со значительной протяженностью границ, это была минимально допустимая численность. В последнее время была настоятельная необходимость в увеличении погранвойск, их материальных и финансовых возможностей. На погранвойска уходило более половины всех расходов из бюджета органов госбезопасности. Значительная часть расходов шла на техническое оснащение границы: военная техника, строительство объектов, связь, содержание огромного хозяйства.

Седьмое управление КГБ осуществляло наружное наблюдение за объектами, представлявшими интерес для КГБ. Это было важное оперативное подразделение, в котором нуждались все направления оперативной деятельности комитета. По численности управление было значительным, его главной особенностью была необходимость поддержания постоянной

боевой готовности для круглосуточного выполнения задач. Благодаря деятельности именно этого подразделения нередко удавалось обнаруживать и пресекать агентурную деятельность иностранных спецслужб, фиксировать их преступные контакты, попытки проникновения на наши секретные объекты, связи с советскими гражданами, проведение тайниковых операций, стремление к добыванию информации визуальным путем.

Восьмое главное управление осуществляло шифрованную секретную переписку центра с местными органами, а также разведки с зарубежными резидентурами. Оно располагало современной технической и научной базой, отработанной системой шифросвязи, которая полностью гарантировала секретную связь Комитета госбезопасности, ее бесперебойную круглосуточную работу на любом удалении от центра. Получить доступ к шифрованной переписке можно было только одним путем — агентурным. Труд радистов и шифровальщиков за рубежом был особенно тяжел. Один, два, максимум три человека обеспечивали связь загранрезиденту-ры с Центром в любое время суток на любой удаленности. Условия работы были нелегкими, а жизнь полна неудобств и лишений из-за необходимости соблюдения строгого режима, поскольку к радистам и шифровальщикам спецслужбы проявляли повышенный интерес.

К этому подразделению довольно близко примыкало Шестнадцатое управление КГБ, обладавшее наибольшим интеллектуальным потенциалом для решения технических и научных задач. Оно занималось съемом открытой и закрытой информации, решало сложнейшие задачи по проникновению в интересующие наше государство объекты других стран. На его счету было немало изобретений высочайшего уровня, что требовало глубоких знаний, необходимой технической вооруженности и средств. В этом подразделении работали крупные специалисты, которые вполне могут составить гордость советской науки и техники. Подразделение не замыкалось в своих рамках, оно имело широкие связи с советской промышленностью, научными учреждениями, использовало их потенциал и вместе с тем помогало последним решать научно-технические задачи.

При обсуждении конкретных задач я всегда поражался требовательности, настойчивости, изобретательности, смекалке, огромному устремлению к вечному поиску и, главное, нахождению решений задач, которые, на первый взгляд, казались просто фантастическими для человеческого разума. Это одно из тех подразделений Комитета госбезопасности, которое было в постоянном поиске, стремлении к более высоким уровням и, что самое важное, находило оптимальные практические пути к

разгадке научно-технических головоломок, без чего обеспечить безопасность государства в наше время было просто невозможно.

Девятое управление выполняло охранные функции. Оно занималось обеспечением безопасности высшего руководства страны, государственных мероприятий на высшем уровне, иностранных делегаций и выездов советских делегаций за рубеж. В его задачу входила охрана правительственных учреждений Кремля, зданий Совета министров и некоторых других, в том числе объектов, расположенных в местах, удаленных от Москвы, — в районах Черного моря, Прибалтики и некоторых других.

В 1990 году Девятое управление было преобразовано в Службу охраны, структурно изменено, были четко определены подразделения службы, которые занимались хозяйственными вопросами, и те, которые осуществляли оперативную деятельность.

Труд сотрудников Службы охраны тяжелый: постоянная бдительность, собранность, полная самоотдача — неприятных сюрпризов можно ожидать в любую минуту и в любом месте — и, конечно, приспособление к особенностям работы и самой личности охраняемого, обстановке вокруг объекта, безопасность которого должна быть обеспечена. Особенно непростые задачи, как правило, возникают при выездах за рубеж, поскольку там мы не были хозяевами, а ответственности с нас никто не снимал. Полагаться же на охрану принимающей стороны полностью невозможно, потому что в конце концов в случае чрезвычайного происшествия основную ответственность несли мы, и не только служебную, но и моральную.

Осуществление охранной функции — сложная профессия, требующая умения, способности и высокой физической подготовки. Сотрудники в этой службе, как правило, долго не задерживаются, и по истечении определенного времени переводятся на другие направления оперативной деятельности, где нервная и физическая напряженность несколько ниже.

В Комитете госбезопасности был Десятый отдел, за которым в разговорах между сотрудниками закрепилось наименование «архивный». В этом подразделении были сосредоточены документы оперативного учета, архивные материалы, накопленные за время работы органов госбезопасности в советский период и до него.

Комитетские архивы — цельная система хранения самых разнообразных материалов со строгим порядком классификации их по тематике и времени при безусловной сохранности и возможности быстрого обнаружения нужного документа. До

августа 1991 года сотрудники подразделения благодаря строгой системе обращения с архивами в нашем государстве обеспечивали сохранность государственных секретов, и тут каких-либо проблем не возникало.

В то время, к сожалению, в архивной политике, в архивном законодательстве были серьезные упущения и недостатки: не было четкой регламентации сроков хранения тех или иных материалов и их публикации, использования в научной работе. Однако это исключало вседозволенность, закрывало лазейки для использования архивных материалов, составляющих государственную тайну, в целях политической спекуляции, для неоправданной передачи их в средства массовой информации, последствия чего могут быть непоправимы.

В последнее время сотрудники Десятого отдела серьезно занимались аналитической работой по отдельным проблемам, событиям и эпизодам деятельности государственных органов и иных организаций. Их анализы, обобщения и выводы были важными и докладывались руководству государства, на их базе принимались соответствующие решения по отдельным актуальным вопросам.

Архивные материалы помогли заполнить многие белые пятна, внести ясность в довольно деликатные проблемы и, оперируя правдой, рассматривать и решать вопросы, касавшиеся как отдельных граждан нашей и других стран, так и интересов государства в целом. Утечка архивных материалов из Комитета госбезопасности после августа 1991 года породила массу серьезных проблем для государства. Многие материалы были использованы в чисто спекулятивных целях, а их недобросовестное толкование еще более запутало правильное видение отдельных исторических событий.

Подразделения комитета имели цифровое обозначение и шли как бы в номерном порядке, причем читатель обратит внимание на то, что отдельные порядковые номера отсутствовали. Это не было стремлением скрыть какое-то подразделение, просто традиционно в комитете сложилось так, что в нумерации подразделений имелись пропуски. Иногда они заполнялись, иногда возникали снова, когда в структуре комитета происходили организационные изменения.

Итак, следующим шел Двенадцатый отдел, тот самый, о работе которого было невероятно много слухов, всякого рода измышлений и работу которого преподносили как «тотальный контроль» органов госбезопасности в отношении советских граждан и иностранцев. Речь идет о слуховом техническом контроле, используемом органами госбезопасности при

проведении особо важных оперативно-разыскных мероприятий.

Подобный метод используется специальными службами иностранных государств, применяется он и у нас.

Надо сказать два слова о «тотальности». Насколько я знаю, возможности Двенадцатого отдела ограничивались двумя тысячами абонентов, одновременно контролируемых, в то время как служба безопасности Швейцарии может одновременно контролировать до 10 тысяч абонентов!

Проверка по делам, касающимся важнейших сторон жизни государства и затрагивающим интересы его безопасности, требует неординарных форм и способов проведения оперативных мероприятий. К числу таких относится и слуховой контроль. Он проводился в строго определенных условиях в соответствии с инструкцией, утвержденной в свое время вышестоящими инстанциями и введенной в действие приказом по Комитету госбезопасности. Слуховой контроль неоднократно способствовал выявлению особо опасных действий преступных элементов, помогал выйти на интересующие органы госбезопасности связи и контакты, позволял получать информацию, которую иным путем добыть было невозможно.

До последнего времени этот вопрос в правовом отношении должным образом не был отрегулирован, и поэтому использование полученных по этому каналу сведений носило конфиденциальный характер, органам прокуратуры и суду они не предъявлялись. Эти сведения проверялись другими следственными действиями, когда это, разумеется, удавалось сделать. Особенно полезными были сведения при расследовании таких дел, как убийства, хищения государственного и общественного имущества в особо крупных размерах, контрабандные и валютные операции, незаконный доступ к важным государственным секретам и их передача представителям иностранного государства.

Работа Двенадцатого отдела требовала специального технического оснащения, профессиональной подготовки, умения фиксировать нужную информацию и оперативно ее обрабатывать. Сотрудники службы знали порой больше, чем обычные оперативные работники, и восполняли пробелы в оперативно-следственной деятельности. Возможности службы часто являлись единственным средством получения информации, которая иным путем в органы госбезопасности никогда бы не попала.

Деликатность этой работы состояла в том, что в ходе ее проведения по отдельным объектам к оператору совершенно случайно попадала информация, касавшаяся лиц, разрешение на работу по которым не испрашивалось или которые занимали

высокое должностное положение в государстве, в связи с чем законы запрещали контролировать их разговоры. Как тут быть? С одной стороны, существовал запрет на проведение работы в отношении таких лиц, а с другой — мы порой получали явное доказательство их неправовой и даже преступной деятельности, мимо чего пройти было нельзя.

В таких случаях приходилось докладывать информацию высшему должностному лицу в Советском Союзе, запрашивать разрешение на ее использование и дальнейшую работу. Подобный подход вытекал из требований государственных интересов и, как правило, не нес никаких служебных последствий для лица, о котором шла речь, до тех пор пока на этот счет не принималось соответствующее решение. Не видел и не вижу в этом ущемления прав человека, поскольку это диктовалось интересами государства и общества.

Пятнадцатое управление Комитета существовало многие годы и занималось работой по проектированию, созданию, эксплуатации в нужном режиме объектов, подготовленных на особый период, то есть на случай военных действий и других чрезвычайных обстоятельств.

В средствах массовой информации уже писалось об этом, и хотелось бы внести ясность в этот вопрос.

В Москве, ее окрестностях и некоторых других точках Советского Союза есть глубоко законспирированные объекты на особый период. Они включают в себя помещения для запасных командных пунктов управления страной, вооруженными силами, хранения необходимых запасов, узлов правительственной связи и других сооружений для поддержания жизни государства в чрезвычайной ситуации, обеспечения его более или менее нормального функционирования, короче, выживаемости государства как такового.

Сооружение объектов требовало соответствующих научных и технических решений по принципу минимальной необходимости. Некоторые объекты были рассчитаны на то, чтобы выдержать ядерное нападение. Однако, разумеется, при прямом попадании больших ядерных боезарядов их выживаемость была бы под вопросом. Тем не менее определенная часть объектов, несмотря на это, сохранилась бы и тем самым в какой-то мере была бы обеспечена управляемость государством.

Обеспечить безопасность государства, его важнейших объектов без упомянутых сооружений невозможно. Исходя из возможностей нашей страны мы не стремились во всем догнать Соединенные Штаты Америки с их большим потенциалом и мощью. Но это был тот минимум, без которого не обойтись.

Оперативно-техническое управление Комитета являлось головным подразделением по проектированию, разработке, производству и эксплуатации специальных технических средств. Это было сосредоточение достижений научной мысли, высочайших технологий, уникальных технических решений. Среди продукции этого управления было сравнительно немного технических средств, разрабатываемых и производимых большими партиями, сериями. Часто это были единичные изделия, предназначенные для решения строго определенных оперативных задач. Оперативно-техническое управление использовало научные и технические достижения советской науки и промышленности в целом, внимательно присматривалось к новинкам в этой области за рубежом и все наиболее ценное стремилось использовать.

Продукция этого направления носила сугубо секретный характер. Утечка информации немедленно приводила к тому, что противник разрабатывал меры по противодействию и тем самым лишал эффективности наши технические возможности.

Сотрудники управления были по-своему одержимыми людьми. Комитет госбезопасности щедро делился своими новинками с гражданскими отраслями промышленности, не требуя ничего взамен, коммерческой практики в то время не существовало. Вот уж поистине можно сказать, что без изделий этого управления ни разведка, ни контрразведка, ни другие подразделения Комитета госбезопасности, ни прежде всего пограничные войска не смогли бы решать стоящие перед ними задачи. У подразделения было и, я уверен, остается большое будущее, однако это реализуемо при одном условии — если оно будет вбирать в себя отечественный и зарубежный опыт, находиться в поиске научных и технических решений всякий раз на более высоком уровне.

Комитет имел вспомогательные, как называли их в органах госбезопасности, подразделения, хотя они выполняли далеко не второстепенную роль, а крайне нужную, без которой органы обойтись не могли. Я имею в виду Военно-строительное управление, Хозяйственное управление, Медицинское управление, Финансовоплановый отдел.

Наиболее сложные объекты, в которых оперативные управления остро нуждались, строились с помощью Военно-строительного управления.

Оперативная деятельность комитета обслуживалась Хозяйственным управлением. Эффективная работа при выполнении сложнейших оперативных мероприятий немыслима без материально-хозяйственного обеспечения, особенно в

чрезвычайной обстановке.

Хватало работы и для наших медицинских учреждений. Сотрудники органов госбезопасности, выполнявшие служебные задания здесь, в Советском Союзе, и за рубежом, часто страдали от болезней, не характерных для нашей гражданской жизни.

Приведу только один пример. Часто за рубежом отдельные наши сотрудники подвергались какому-то особому воздействию со стороны спецслужб иностранного государства, на территории которого они работали, что приводило к необычным заболеваниям. У некоторых ухудшались показатели крови, появлялись головные боли, расстраивалась нервная система. Тяжелые, непривычные климатические условия в некоторых странах неизбежно отражались на состоянии здоровья сотрудников. Это относится прежде всего к некоторым странам Латинской Америки, Африки, Азии. Отсюда необходимы были профилактика, постоянное наблюдение и своевременное лечение. Были даже разработаны рекомендации по физической подготовке сотрудников перед их выездом в страны с неблагоприятными климатическими условиями.

Комитет госбезопасности располагал отличной сетью учебных заведений, где слушатели получали высшее образование, а на специальных курсах сотрудники проходили подготовку и переподготовку для получения соответствующих профессиональных знаний.

Высшая школа имени Дзержинского давала высокую языковую подготовку почти по пятидесяти иностранным языкам, знания по специальным предметам, а также готовила специалистов по высшей математике, физике и другим дисциплинам.

КГБ готовил кадры пограничников, связистов, шифровальщиков, отдельных технических специалистов, обеспечивал подготовку и защиту кандидатских и докторских диссертаций.

После августа 1991 года, когда многим тысячам сотрудников органов госбезопасности в силу тех или иных причин пришлось уйти из системы комитета, их охотно принимали на работу в гражданские организации, учреждения, предприятия как специалистов высокого класса.

Я не раз слышал от многих руководителей различных организаций весьма лестные отзывы о профессиональной подготовке, личных качествах сотрудников органов госбезопасности. Отмечалась их исполнительность, дисциплинированность, прилежность, глубина общих и специальных знаний. Кадровый урон будет, пожалуй, наиболее

трудно восполним при восстановлении боеспособности органов госбезопасности в центре и особенно на местах.

Как и подобает такой организации, в КГБ было Управление кадров и соответствующие ячейки во всех его подразделениях. Подбор сотрудников, прием на работу, их расстановка, продвижение по службе, решение многих вопросов, связанных с материальным обеспечением, оформление на заслуженный отдых, направление на подготовку и переподготовку — вот далеко не полный перечень вопросов, которыми занимались кадровики Комитета.

За свою жизнь мне не раз приходилось сталкиваться с работой кадровых аппаратов разных организаций, и должен сказать, что сотрудники соответствующих подразделений Комитета отличались всесторонней подготовкой, высокими профессиональными и личными качествами и, самое главное, объективностью в работе с людьми. Они были в меру строги, но и справедливы при разборе личных дел, располагали, как правило, объективной информацией о сотрудниках любого звена, нередко ставили перед руководством принципиальные вопросы, касавшиеся как отдельных сотрудников, так и подразделений в целом, разрабатывали основополагающие документы текущего и перспективного плана. Конечно, наиболее трудный этап работы с кадрами — подбор, изучение кандидатов для работы в органах, потому что ошибка здесь может стоить очень дорого на любом этапе деятельности сотрудника в органах.

Управление кадров оказывало необходимую помощь подразделениям Комитета при разборе дел, связанных с чрезвычайными происшествиями, такими как предательство отдельных сотрудников, нарушение ими воинской дисциплины, совершение общеуголовных преступлений, нерадивое отношение к выполнению служебного долга.

Подразделения Комитета госбезопасности имелись далеко не во всех городах и районах страны, хотя просьб, предложений об их создании поступало с мест немало. Координация оперативной деятельности осуществлялась по линиям работы: разведывательной, контрразведывательной, защите конституционного строя и другим. Однако непосредственное руководство в территориальных органах по всем направлениям осуществлялось начальником органа и дополнялось кураторством по линиям из Центра.

Такой подход двойного управления формировался десятками лет, большинством сотрудников в общем-то воспринимался и поддерживался, но имели место и дискуссии, отстаивались различные точки зрения: от строгой централизации по линиям

работы до передачи всех управленческих функций на места.

В целом пробивала себе дорогу линия на расширение полномочий местных органов при неослабевающем контроле со стороны Центра. Взаимодействие этих двух начал в управлении органами госбезопасности представляется оптимальным вариантом. Проверка, контроль, определенная степень централизации необходимы, поскольку речь идет в конечном счете о судьбах людей.

Заслуживает внимания вопрос о бюджете Комитета госбезопасности СССР.

Различных слухов и домыслов вокруг бюджета было невероятно много. Назывались мифические цифры, перед которыми бледнели расходы спецслужб западных стран, в том числе и США. На самом деле в 1990 году все расходы органов госбезопасности в центре и на местах, включая погранслужбу, все виды связи, содержание медицинских учреждений, учебных заведений, строительство объектов и жилья, короче говоря, все, что подчинялось Комитету госбезопасности, — составляли 4,9 миллиарда рублей. А еще за несколько лет до этого, при стабильной экономике и отсутствии инфляции, бюджет КГБ не превышал 3 миллиардов рублей.

В печати, особенно зарубежной, высказывались сомнения в правдоподобности этой цифры — слишком скромным казался наш бюджет. Для сравнения: ассигнования на разведывательные цели в США в то время приближались к 30 миллиардам долларов.

Однако это точные данные. В комитете старались беречь каждую копейку, да и зарплата была относительно небольшой. Средний ее размер в 1990 году составлял немногим более 300 рублей в месяц. Если бы по уровню заработной платы сотрудников органов госбезопасности сравнять с их американскими коллегами, то одно это потребовало бы увеличения бюджета КГБ в несколько раз.

Удивила после предания гласности и численность сотрудников органов госбезопасности, которая в 1989 году составляла около 490 тысяч человек, включая 220 тысяч пограничников и 60 тысяч служивших в войсках правительственной связи. Не изменились эти цифры и к августу 1991 года.

Данные о численности вызывали наибольшее недоверие, поскольку некоторые излишне ретивые средства массовой информации приводили совсем другие сведения о числе сотрудников КГБ СССР — миллион (притом только оперативных работников) и даже больше. На этом строились спекуляции, мы же в комитете сожалели лишь о том, что раньше не предали

гласности все эти цифры.

Кстати, многие специальные службы западных и других стран не только не раскрывают статьи расходов по отдельным направлениям оперативной деятельности, но не открывают вообще бюджета своих служб, исходя из соображений секретности, деликатности этих государственных структур, видя в этом угрозу для своей безопасности.

Американцы объявляют бюджет специальных служб в целом и по отдельным их направлениям — внешним и внутренним, но не открывают расходов по тем видам оперативной деятельности, по которым можно прийти к конкретным выводам об их эффективности и направленности. И это вполне понятно. Знать полностью бюджеты специальных служб, их расходы по статьям и направлениям — значит получить возможность судить о приоритетности их работы, целях и даже конкретных задачах.

Другое дело — представлять расходы специальных служб для соответствующего лица в государстве или той ячейки в законодательном органе, которая по Конституции или другому законному акту имеет право знать и контролировать деятельность специальных служб в целом и в отдельных ее аспектах.

Не знаю ни одного случая, чтобы в какой-либо капиталистической стране закрытые статьи расходов специальных служб были предметом гласного обсуждения в законодательных или исполнительных органах. Там в этих вопросах полное понимание, поскольку речь идет о важных государственных секретах, раскрытие которых затрагивает интересы безопасности государства.

В условиях радикальных перемен в Советском Союзе да и в мире органы госбезопасности остро нуждались в совершенствовании своей работы на путях структурных изменений, освоения новых форм и методов деятельности, более рационального распределения сил и средств — кадровых, финансовых, материальных. Для меня, как нового председателя Комитета, эта задача была очевидной, к ней я был готов внутренне еще до вступления в должность.

Но больше всего меня тревожило другое — политическое, морально-нравственное состояние сотрудников органов госбезопасности, их обеспокоенность по поводу положения дел в стране. Способность и готовность чекистского коллектива в целом и каждого сотрудника в отдельности вскрывать собственные недостатки, говорить о них в открытую, признавать промахи и ошибки, не пытаться скрывать негативные стороны своей деятельности, искоренение даже малейших проявлений круговой

поруки — вот те морально-нравственные категории, без чего острое оружие, каким, безусловно, являлись органы госбезопасности, могло быть обращено не в том направлении, в каком требовали интересы народа и государства. Все эти мысли у меня возникали особенно под влиянием одного случая, имевшего место в органах госбезопасности несколько лет назад. Мне представляется важным остановиться на нем подробно.

В мае 1980 года исчез сотрудник шифровальной службы КГБ Виктор Шеймов, 33 лет от роду. Исчез вместе с семьей — женой и шестилетней дочкой.

Для комитета это было чрезвычайным происшествием.

Немедленно начались поиски пропавшего сотрудника и его семьи.

По словам его родителей, в ночь на субботу он собирался выехать на дачу, к одному из своих товарищей, а в понедельник вернуться и выйти на работу. В понедельник на работе он не появился, не было его и в собственной квартире.

Начались поиски. Были задействованы возможности Комитета госбезопасности и Министерства внутренних дел СССР. Расследовались, как обычно в таких случаях, все версии: возможное убийство, несчастный случай, задержка у знакомых или родных, похищение, бегство за границу, то есть предательство.

Ни одной из этих версий не было основания отдавать предпочтение. Правда, были два обстоятельства, которые не могли не настораживать.

Первое — относительно спокойное отношение родителей к факту исчезновения их сына и его семьи. Ведь в таких случаях — переживания, расстройство настолько очевидны, что не обратить внимание на это невозможно. В данном же случае высказывалось недоумение, но носило оно скорее наигранный характер.

И второе — накануне исчезновения Шеймов передал родителям на хранение одну дорогостоящую вещь.

Бросалось в глаза еще одно обстоятельство: в холодильнике на квартире Шеймова находился значительный запас продуктов, приготовленных впрок, причем сделано это было нарочито, дабы специально обратить внимание тех, кто будет проводить расследование, сбить их с толку.

В это время в Москве расследовалось другое тяжкое преступление. Группа сотрудников милиции, состоявшая из трех человек, совершала грабежи, акты насилия, убийства. Их последней жертвой был сотрудник органов госбезопасности, который под надуманным предлогом был задержан на станции метро, избит, вывезен под Москву и там ограблен и убит.

В ходе расследования двое из троих сотрудников милиции дали показания о том, что ими примерно в мае 1980 года было совершено убийство семьи, состоящей из мужа, жены и дочери. По совпадающим признакам предположили, что речь идет о семье Шеймова, и началось расследование именно этой версии, хотя несовпадающих признаков также было немало. Преступники давали противоречивые показания о квартире, где было совершено убийство, указывались разные места захоронения, были противоречия в описании жертв, давались неточные показания о времени совершения преступления.

Следствию иногда казалось, что эпизод с убийством семьи из трех человек был придуман подозреваемыми в силу каких-то не до конца выясненных обстоятельств и причин. Короче говоря, вменить в вину подследственным убийство семьи не представлялось возможным, и уголовное дело пошло в суд без включения в обвинительное заключение этого эпизода.

Состоялся суд, вина подсудимых по другим преступлениям была доказана, все они были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу. Приговор был приведен в исполнение.

А тем временем случай с исчезновением Шеймова не раз был предметом обсуждения у председателя Комитета госбезопасности Андропова, а позднее у тех, кто сменил его, и каждый раз в ходе обсуждения возникали новые моменты, новые признаки, указывающие на то, что дело с исчезновением Шеймова до конца так и не выяснено. Правда, контрразведка настаивала на том, что убийство было все-таки связано с упомянутыми преступниками, другие версии в расчет не принимались.

Конечно, кому приятно вешать на себя бегство за границу, то есть предательство сотрудника органов госбезопасности? Случай ложился бы пятном на контрразведку со всеми вытекающими последствиями. И вот желание пойти по наиболее приемлемому варианту, а не по версии предательства, мне кажется, было мотивом, объяснявшим всю последующую цепь неверных действий.

В мае 1982 года Андропов перешел на работу в ЦК КПСС, его сменил Федорчук. Спустя короткое время новый председатель КГБ решил вернуться к вопросу об исчезновении семьи Шеймова и вынести его на обсуждение.

Совещание было длительным и бурным. Друг другу противостояли две точки зрения на происшедшее. Одни утверждали, что Шеймов стал жертвой преступных действий бывших сотрудников милиции и был убит вместе с семьей, другие настаивали на том, что дело все-таки не выяснено до конца и что, вполне возможно, Шеймов был вывезен из Советского Союза.

К тому времени в подтверждение второй версии поступил сигнал о том, что спецслужбам Соединенных Штатов Америки удалось нелегальным путем вывезти из Советского Союза некоего сотрудника КГБ. Информация не носила достоверного и конкретного характера, и потому к ней можно было отнестись по-разному.

Поступил также сигнал о том, что из Советского Союза примерно в тот же период, когда исчез Шеймов, самолетом была вывезена какая-то семья. Более того, один из советских граждан, находившихся в самолете, по фотографии опознал Шеймова. Позже он не давал таких твердых показаний, и потому к его рассказу можно было отнестись с сомнениями.

Расследование выявило настораживающие моменты поведения Шеймова как во время пребывания в Советском Союзе, так и в период командировки в Польше. Во всяком случае, поводов усомниться в версии убийства семьи Шеймова было более чем достаточно.

Однако контрразведка продолжала настаивать на своем, и мне показалось, что в их утверждениях было много неискренности. Просматривалось желание представить дело не таким тяжелым, каким оно было на самом деле, дабы избежать выводов, разумеется весьма неприятных.

Надо отдать должное Федорчуку, он проявил принципиальность: дело не было закрыто, расследованию было придано новое направление.

К сожалению, именно то время было весьма тягостным для органов госбезопасности, особенно для разведки. Предательства происходили одно за другим, каждый случай измены приносил огромный политический и оперативный ущерб.

Разведка честно докладывала о каждом случае, проводила тщательные расследования, ничего не утаивала, делала соответствующие выводы. Мы искали выход из создавшегося положения, пытались наладить работу внешней контрразведки, о чем я подробно говорил в другой главе.

Кое-что нам удавалось сделать, а кое в чем мы явно недорабатывали. В частности, нам не удавалось заблаговременно выявлять и пресекать случаи предательства, не говоря уже о том, чтобы доводить подобные дела до логического завершения и выводов.

Прошло еще два года, и сначала в 1984 году, а затем в 1985 году были получены достоверные данные о том, что Шеймов вместе с семьей был действительно нелегально вывезен из Советского Союза и проживает в Соединенных Штатах Америки. Информация не вызывала сомнений: ее получила внешняя

разведка, а также разведывательная служба дружественной нам страны.

К сожалению, этой информации не было придано должного значения. Правда, меры по локализации возможного ущерба от измены шифровальщика были приняты, по насколько они были эффективны — сказать трудно. К тому же это была только одна сторона медали, нас интересовало, что же произошло на самом деле, когда и как Шеймов встал на путь предательства? И почему наша контрразведка просмотрела факт вывоза сотрудника органов госбезопасности и его семьи из Советского Союза?

В 1985 году англичане вывезли из Советского Союза Гордиевского. Этого могло бы не произойти, если бы мы в свое время должным образом отнеслись к факту исчезновения Шеймова и расследовали дело со всей объективностью и глубиной.

Так одна беда порождает другую по нашей же собственной вине из-за нежелания выяснить правду, сколь бы горькой она ни была! Ложно понятая честь мундира оказалась выше интересов государства.

И вот час расплаты наступил: в 1993 году в Соединенных Штатах Америки выходит книга бывшего майора КГБ Шеймова под названием «Башня секретов»! В ней Шеймов описывает историю своего предательства, обстоятельства нелегального выезда из Советского Союза вместе с семьей.

Правда, как теперь установлено, описанные им обстоятельства выезда из Советского Союза не соответствуют действительности; Шеймов не называет подлинный канал вывоза из нашей страны, чтобы скрыть, уберечь этот канал. Но дело не в этом, а в том, как неверный, порочный шаг в расследовании дела об исчезновении Шеймова обернулся для нас не только политическим и оперативным ущербом, но и нравственными потерями.

В конце концов правда вышла наружу, да она и не могла не выйти! Более того, она повлекла за собой еще один серьезный для нас провал. И самое неприятное — душевную травму у сотрудников органов госбезопасности из-за того, что такое возможно в их среде.

Учитывая все это, с первых шагов пребывания на посту председателя Комитета госбезопасности я прежде всего думал о том, как поддерживать и укреплять соответствующую морально-психологическую атмосферу в коллективе, как быть во всем честными и чистыми, как не убегать от правды. Что касается меня, то я не уходил от правды ни 17 июня 1991 года, когда выступал на закрытой сессии Верховного Совета СССР и

откровенно говорил о положении дел в стране, ни в августовские события того же года, когда выступил в защиту общественно-политического строя, Конституции СССР и самого Союза.

К 1989 году обстановка в стране стала заметно осложняться по всем направлениям: политический накал настроений возрастал, все острее стали ощущаться трудности в экономике, сильнее с негативной стороны давали о себе знать межнациональные отношения и даже кровавые конфликты, увеличивалась общая напряженность в обществе.

В КГБ СССР поступали достоверные сведения о действиях спецслужб западных стран против Советского Союза и всех его союзных республик. Почувствовав, что запахло жареным, спецслужбы противной стороны резко усилили работу по добыче информации о положении в нашей стране. Использовались самые различные каналы — от агентурных до открытых.

Многократно увеличилось число иностранных делегаций и отдельных лиц, посещавших Советский Союз, возрос интерес к глубинке.

Заметно возросло количество приглашений в западные страны советских делегаций и лиц на частной, общественной или государственной основе.

Поездки, естественно, осуществлялись за счет принимающей стороны, сопровождались богатым приемом и соответствующими знаками внимания. Хотя немало таких акций предпринималось и с добрыми намерениями, в рамках проявления здорового интереса, из желания чем-то помочь.

Принимая все это во внимание, комитет опубликовал ряд свежих материалов об агентурной деятельности западных спецслужб против Советского Союза. Конкретные аргументы призваны были показать, и это в какой-то мере удалось, насколько серьезны и опасны для нас действия спецслужб через агентов из числа советских граждан.

Стали шире освещаться факты расхищения народного достояния путем контрабанды, незаконных сделок с иностранными гражданами и организациями, а то и просто заключения невыгодных для нас соглашений. Разворовывание принимало такие масштабы, что в 1990 году Верховный Совет СССР специальным постановлением обязал Комитет госбезопасности наряду с МВД и Прокуратурой СССР принять активное участие в борьбе с экономическим саботажем.

Чекисты и ранее занимались этой проблемой, но после упомянутого постановления задача борьбы с экономическими преступлениями стала для нас одной из приоритетных.

Для выполнения этой задачи КГБ усилил соответствующие

направления работы и создал в центральном аппарате специальное подразделение — Управление по борьбе с организованной преступностью. Там, где это вызывалось необходимостью, создавались структурные подразделения и в территориальных органах.

Конкретных дел было немало, их количество росло, но удовлетворения мы не испытывали, поскольку пресекалась преступная деятельность отдельных лиц или групп, а причины, порождавшие преступность, не только не устранялись, но, напротив, их становилось даже больше: отсутствие надлежащего законодательства, рост спекуляции, в том числе организованной, групповой, слабый финансовый контроль, несовершенная налоговая система, отсутствие правовых норм, предусматривавших декларацию доходов, не говоря уже о вседозволенности и распущенности государственных чиновников, и другие.

Из регионов страны все интенсивнее поступала информация о назревании межнациональных конфликтов. Обозначившиеся тенденции к обострению межнациональных отношений прямо были связаны с политикой определенных кругов и лиц в национальных образованиях, стремлением в борьбе за власть использовать эти проблемы и обострить их.

Одни хорошо понимали, к чему могут привести национальные вспышки, видели весь трагизм ситуации, которая ждет страну в целом, и сознательно, целеустремленно шли на это. Другие наивно полагали, что таким путем можно будет разом решить политические, экономические и иные проблемы, считая, что все это обойдется без особых жертв и осложнений, без большой крови.

Немало было и экономических проблем, но главную скрипку играли политические. Из комитета руководству страны шла объективная информация о действиях центробежных сил, разрушавших, размывавших Союз, разваливавших дружбу, единение народов.

Рост межнациональных конфликтов, организованной преступности обусловил заметное увеличение террористических акций: убийства должностных лиц, общественных деятелей, угоны транспортных средств, взрывы, диверсии в общественных местах, похищения людей, захват заложников. Можно, конечно, спорить, все ли эти преступные действия подходят под квалификацию террористических акций, но дело ведь касалось человеческих жизней, которые становились объектом торга, разменной монетой, жертвами наиболее жестоких преступлений.

Борьбе с террористическими проявлениями необходимо было

придать новые импульсы, и она стала важнейшим направлением в работе Управления «З» — по защите конституционного строя как в центре, так и в территориальных органах КГБ.

Террористические акции трудно предупреждать, поскольку они не всегда заранее проявляются, готовятся втайне, нередко одним лицом или узкой группой лиц, носят в основном целевой характер — то есть дважды по одной схеме, как правило, не совершаются. Созданная система борьбы с террористическими проявлениями давала результаты и, что особенно важно, позволяла в подавляющем большинстве случаев устанавливать носителей угроз и исполнителей акций.

Особенно сложными были операции по спасению заложников, нейтрализации действий преступников и их задержанию. Один неосторожный шаг мог повлечь гибель ни в чем не повинных людей, сотрудников правоохранительных органов, провал операции со всеми вытекающими отсюда оперативными и политическими издержками.

Длительное время действия по освобождению заложников нередко сопровождались жертвами. Применение огнестрельного оружия и других средств для обезвреживания преступников всегда несет в себе большой риск, но на это шли сознательно, хотя при этом нередко были раненые и даже убитые среди заложников и работников органов МВД и КГБ. Для всех было очевидно, что в таком подходе есть элемент неоправданного риска и негуманного отношения к тем, ради спасения которых проводятся операции.

В конце 1988 года в городе Орджоникидзе (ныне Владикавказ) трое вооруженных бандитов захватили автобус с большой группой школьников — более 30 детей — вместе с учительницей Ефимовой и, угрожая их убийством, потребовали предоставить самолет для вылета за рубеж. Они показали пистолет (никто не знал, что в нем всего два патрона), ножи, канистры с бензином для поджога автобуса вместе с детьми в случае попытки освободить заложников.

К месту происшествия немедленно была направлена группа захвата, в КГБ был создан штаб по руководству операцией. Оценка обстановки показала, что освободить заложников можно за одну-две минуты, но исключить при этом возможность гибели хотя бы одного школьника никто, разумеется, не мог.

И тогда я принял решение: удовлетворить все условия преступников, выдать им требуемую валюту, продукты питания, автобусом доставить до аэропорта, предоставить самолет, передать пистолеты, автоматы, бронежилеты, что тоже было их условием.

Возникли трудности с валютой. Преступники согласились заменить недостающую часть долларов другой свободно конвертируемой валютой.

Все решения принимались в считаные минуты. Из Москвы в аэропорт Минеральные Воды были отправлены два грузовых самолета Ил-76. По новому требованию захватчиков нам предстояло погрузить в самолет автобус вместе с детьми.

Не скрою, были споры по поводу моих решений. Ведь прежде, как я уже говорил, при проведении подобных операций шли на уничтожение преступников, не исключая возможности того, что могут пострадать и заложники. Я отказался от такого варианта, поскольку существовал риск гибели детей. По существу, впервые предлагалось пойти на полное удовлетворение всех требований угонщиков, и, естественно, не каждый сразу проникся целесообразностью такого подхода.

Наибольшие дискуссии вызвал вопрос о выдаче преступникам затребованного оружия. Кто даст гарантии, что преступники не употребят его и не принесут в жертву школьников, сопровождавших лиц, сотрудников органов госбезопасности и экипаж самолета? Но коль скоро мы пошли на удовлетворение остальных требований преступников, то нельзя было исключать и этот пункт, поскольку он сразу срывал бы достигнутые договоренности в целом. В данном случае риск с нашей стороны был огромным. Но я пошел на него опять-таки ради самых высоких целей — освобождения ребят, исключения всякой возможности их гибели.

Соображение было одно: преступники дорожили своей жизнью, не случайно они втянулись во все эти авантюрные переговоры. Поэтому если с нашей стороны не будет предпринят какой-либо неосторожный шаг и не будет дан повод применить оружие, то все может обойтись без стрельбы, и цель будет достигнута. Так оно в общем-то и получилось.

Уже после проведения операции, освобождения всех детей, учительницы, после возвращения самолета в Советский Союз зарубежная и отечественная печать положительно отнеслась к действиям сотрудников Комитета госбезопасности, потому что они позволили избежать жертв в борьбе с отъявленными преступниками, а это, пожалуй, самое главное. Материальные затраты тут, разумеется, не в счет.

После этого случая в нашей стране была прекращена практика неоправданного, неприемлемого риска при освобождении заложников и в центр внимания ставилась задача их спасения.

Нет смысла во всех деталях описывать операцию, поскольку

она в свое время получила широкое освещение. Напомню лишь, что детей и учительницу удалось освободить перед самым вылетом самолета в Тель-Авив. Наиболее драматический момент — переход преступников из автобуса в самолет: они шли среди детей, одному из них приставили пистолет, другому — нож. Предупредили, что малейшая попытка освободить детей кончится стрельбой!

С аэродрома доложили обстановку. Была реальная возможность обезвредить бандитов, но вдруг они успеют сделать свое черное дело и пострадает хотя бы один ребенок? Решили операцию на поражение не проводить. В самолете преступники окончательно поверили в то, что их замысел сбывается: проверили, нет ли оружия у экипажа, лихорадочно пересчитали деньги в долларах, западногерманских марках и швейцарских франках, убедились в исправности затребованного оружия, произвели из него выстрелы.

С каждым часом у преступников возникали все новые и новые требования. Уже на аэродроме они потребовали, чтобы вместе с ними в самолете находился и летел за рубеж наш сотрудник Шереметев.

Я попросил связать меня с ним по телефону и лично переговорил с ним. Спросил, как относится он к тому, чтобы стать заложником, на что получил ответ о его полной готовности. Он сказал, что готов рискнуть, готов пожертвовать собой ради спасения детей и считает это своим гражданским и чекистским долгом.

Я не почувствовал в его голосе какой-то наигранности, это был голос бойца, смелого человека, хорошо понимавшего, на что он шел. Что не менее важно, он верил в успех операции, его оценки отличались практичностью. К тому времени он уже успел несколько раз переговорить с бандитами, «срисовать» их и обстановку, подобрал ключи к каждому из них. Все переговоры с ними вел, таким образом, прицельно, предметно.

Положительную роль сыграла жена главаря. Она вошла в самолет и помогла уговорить преступников отпустить детей и учительницу. В конце концов они согласились, дети оказались на свободе. Сама жена на уговоры мужа не поддалась и с ними в дальний путь не отправилась.

Последним самолет покинул подполковник Шереметев, бывший в то время начальником отдела Управления КГБ по Ставропольскому краю. Ему досталось больше всего. Он был в контакте с бандитами с самого начала, почти сутки. В самолете его заставили лечь на пол, грозили застрелить, в доказательство серьезности своих намерений произвели выстрел. Он выдержал и

это. В полет с собой не взяли, не свой человек, а значит — дополнительный риск.

Когда Шереметев покинул самолет, то сказались суточная усталость и напряженность. Он неважно себя почувствовал и, как только прибыл в аэропорт, попросил дать ему какое-нибудь сердечное лекарство. Его встретили как героя.

За проявленное мужество Шереметев был награжден орденом Красного Знамени. Эту высокую награду он заслужил, выполняя служебный долг, рискуя своей жизнью.

Трудно передать радость встречи с освобожденными детьми. Дети проявили выдержку, характер, не пресмыкались перед бандитами и не раз заступались за свою учительницу. Первый вопрос, заданный ими, когда они оказались на свободе: «Что с нашей учительницей?» Ефимову также встретили в аэропорту с цветами, она попала в объятия детей и их родных. Глядя на хрупкую, худенькую учительницу со стажем работы всего один неполный год, люди поражались: откуда у нее взялись силы, выдержка?

А тем временем самолет с угонщиками взял курс на Израиль, в Тель-Авив. Этот город был выбран не случайно. В числе стран, куда был возможен вылет самолета, угонщики назвали и Израиль.

С самого начала я решительно высказался именно за эту страну, будучи уверенным в том, что Израиль выдаст бандитов. Должен заметить, что такую твердую уверенность никто, кроме меня, не разделял.

Через Министерство иностранных дел СССР мы немедленно вступили в контакт с израильскими властями и спецслужбами в Тель-Авиве, и с самого начала меня не покидала надежда в благоприятном исходе дела — израильтяне были с нами откровенны, с пониманием отнеслись ко всем нашим просьбам, действовали четко и оперативно. С согласия израильской стороны мы направили в Тель-Авив второй самолет для вывоза угонщиков и вообще в порядке подстраховки, поскольку наш первый самолет мог быть там по тем или иным обстоятельствам задержан.

Конечно, мы понимали, что можем смутить израильскую сторону, и потому, прежде чем решать вопрос о направлении самолета в Израиль, уточнили, что среди угонщиков не было лиц еврейской национальности. Этот вопрос, естественно, возник в Тель-Авиве, и, получив на него ответ, израильская сторона действовала смелее и увереннее. Был еще один момент. Положительное решение о выдаче угонщиков могло иметь место только при гарантии советской стороны, что в случае судебного преследования к указанным лицам не будет применена высшая мера наказания, то есть расстрел. Такие гарантии Тель-Авиву

были даны Министерством иностранных дел СССР, и таким образом все препятствия для решения вопроса о выдаче угонщиков были сняты.

Успешному исходу всей операции помогли сами угонщики. После выхода из самолета в Тель-Авиве они решили показать себя политиками и обратились к встречавшим их израильским представителям со словами: «Приветствуем фашистское государство Израиль!» Нетрудно представить, каково было изумление и возмущение представителей этой страны. Подобное обращение «гостей» явилось убедительным дополнением к нашей информации, характеризовавшей угонщиков как отпетых преступников, которую к тому времени мы уже успели передать по телефонной связи.

На следующий день появились признаки американского вмешательства в это дело. Израильские представители и здесь поступили честно, неофициально посоветовав нам быстрее вывезти угонщиков и тем закрыть вопрос, намекнув, что американцы проявляют к нему интерес. Израильская сторона передала советским представителям отобранные у преступников оружие, деньги, личные вещи, а также их первые показания.

Так завершилась одна из драматических, но с успешным концом операция по освобождению детей, получившая название «Гром». Она послужила эталоном проведения мероприятий по освобождению заложников, исключающих их гибель.

Одна из смелых, можно сказать, дерзких операций по обезвреживанию была проведена в Саратове в мае 1989 года. Вторые сутки город буквально терроризировала группа преступников. Им удалось захватить оружие, автомашину, взять заложников.

Преступники обосновались в квартире, в которой проживала семья: муж, жена и двухлетняя дочь. Отсюда пошли их дополнительные требования — деньги, самолет для вылета за рубеж. Появилась реальная опасность для жильцов; прекратив переговоры, преступники угрожали выбросить с четвертого этажа сначала хозяина квартиры, затем его жену и дочь.

Сотрудники группы захвата (всего участвовало 18 человек) совершили, казалось, невероятное — с крыши дома на канатах совершили прыжок на два этажа ниже, буквально вышибли окна квартиры и влетели в нее. Первое, что было сделано, — один из сотрудников накрыл своим телом двухлетнюю девочку и тем уберег ее от возможной гибели. Выстрелы бандитов чекисты приняли на себя, спасли бронежилеты.

Позже один из преступников на допросе показал, что он успел произвести два выстрела, а парень, словно робот, не падал,

более того, свалил его и обезвредил. Жители города тепло благодарили героев операции, их поздравляли представители коллективов, газеты опубликовали о подвиге чекистов подробные сообщения.

И еще об одной операции подразделения «Альфа» следует рассказать. 13 августа 1990 года группа преступников в количестве семи человек захватила следственный изолятор в Сухуми. Помимо арестованных, они взяли в заложники четырех сотрудников изолятора, в последующие двое суток выдвинули ряд условий освобождения заложников: машина, деньги, самолет, свобода. В противном случае угрожали расправой как над арестованными, так и над сотрудниками изолятора.

Переговоры шли день и ночь, но к успеху не привели. Тем временем в Сухуми была направлена группа сотрудников «Альфы» в количестве 22 человек. Они на месте оценили обстановку, изучили особенности изолятора, подходы к нему, окрестности, возможные варианты действий.

На третьи сутки — 15 августа — началась операция. Расчет строился на внезапности и мгновенности действий. Направленным взрывом были выбиты двери, через образовавшиеся бреши во внутренние помещения изолятора ворвались сотрудники «Альфы», и спустя буквально несколько секунд все семь преступников оказались лежащими на полу со связанными руками. Вскоре появились освобожденные заложники, которые за двое с лишним суток перенесли неимоверные страдания и муки, находились на волоске от смерти и были еще не в состоянии оценить, что же произошло в действительности.

А тем временем около изолятора собралась большая толпа наблюдателей, люди выглядывали из окон близлежащих домов, с балконов. В городе хорошо знали ситуацию, и потому почти все двое суток люди не покидали место, где разыгрывалась драма. Сама территория изолятора была оцеплена нарядами милиции. И вдруг стихийно, как-то одновременно раздались аплодисменты в честь победителей этой операции. Люди выкрикивали приветственные слова, от души чествовали героев, а родственники и близкие захваченных не могли скрыть своих слез.

Спустя месяц я вручал участникам операции высокие правительственные награды. К счастью, она обошлась без жертв с нашей стороны, но одного нашего товарища пуля все-таки задела, касательно прошла под кожей на шее, чудом не задев артерию. Его прооперировали, сотрудник был спасен и, более того, вскоре встал в строй, хотя рана давала о себе знать; раненый был еще далек от выздоровления, но врачи заверили, что со временем все

пройдет без последствий. Это, пожалуй, была наиболее опасная, рискованная операция, к счастью для нас завершившаяся с минимальными издержками.

После вручения наград я спросил у награжденных, готовы ли они выполнить аналогичные, а может быть, даже более трудные задачи? Все без колебаний ответили утвердительно. И это не было фразой, это отражало их внутреннюю готовность, говорило об их отношении к служебному долгу, о воспитании, сознательном выборе ими боевого пути, на котором в любое время может потребоваться и самопожертвование. А ведь они не получали больших денег, их денежное содержание колебалось в пределах 300–350 рублей. Надо отдать должное журналистам, они обратили внимание на это обстоятельство и подняли в печати вопрос о повышении зарплаты тем, чья работа связана с риском для жизни и здоровья. Вопрос был решен, материальное положение сотрудников группы «Альфа» было улучшено.

К сожалению, число попыток угонов транспортных средств, и прежде всего самолетов, захвата заложников увеличивалось, их география расширялась, случаи становились все более сложными и тяжелыми. Требовались дополнительные силы, повышение оперативности, быстрая реакция на преступные проявления.

В 1990 году было принято решение о создании в ряде регионов небольших подразделений групп захвата — в Краснодаре, на Дальнем Востоке, в Сибири, на Урале. Ничего другого, кроме как стремления усилить борьбу с террористическими проявлениями, за этим не скрывалось.

К нашим многочисленным бедам прибавилась еще одна — наркомания. Эта проблема многогранна, ее причины носят политический, экономический, социальный, национальный характер.

Наркотики, особенно слабые их разновидности, довольно широко употребляли в некоторых национальных районах. Должного внимания этому опасному явлению у нас не уделялось, полного учета не велось, статистика была несовершенной, не отражала действительного положения дел. Серьезных обобщений и выводов не делалось. Но как только кризисные явления в Союзе стали все острее давать о себе знать, наркомания получила небывалое распространение.

Заметно возросло выращивание и производство наркотического сырья. Большие размеры принял завоз и транзит наркотиков через Советский Союз, особенно из Афганистана. Количество употребляющих наркотики в 1990 году исчислялось уже сотнями тысяч, а оборот достигал порядка 10–15 миллиардов рублей.

В борьбе с наркоманией КГБ СССР пошел на сотрудничество со спецслужбами ряда капиталистических стран. Так, благодаря контактам со спецслужбами Англии, Канады, Голландии удалось перекрыть важный канал транспортировки наркотиков из Афганистана и изъять большую партию весом несколько тонн на сумму сотни миллионов долларов.

К сожалению, в Союзе дело так и не дошло до разработки комплексной общегосударственной программы борьбы с наркоманией и наркобизнесом. Уже тогда дело заходило далеко, появились наркомафиозные структуры, действовавшие в национальном и международном масштабе, и с этим злом так просто не справиться, если не устранить его причины или, по крайней мере, не свести их до минимума.

Медицина, образование, средства массовой информации, правоохранительные органы, весь диапазон воспитательных и административных мер воздействия — все оправдано в интересах борьбы с этим явлением, способным разложить общество и государство.

В интересах борьбы с наркоманией необходимо самое широкое и глубокое сотрудничество с любой специальной службой любого государства, которое проявляет интерес и готово к этому. Самые развитые капиталистические страны в недалеком будущем окажутся под угрозой гибели, если им не удастся пресечь такое зло, как наркомания, поражающее не только ныне живущие поколения, но и закладывающее генные основы разрушения, разложения многих будущих генераций. Начинать надо с воспитания в детских садах, школах, в печати, по телевидению, в кино. Примеров убийственного воздействия наркотиков на здоровье человека более чем достаточно.

Ни у одного государства в мире границы не имели такой значимости, как у Советского Союза. Рубежи нашей великой державы формировались более десяти веков — через войны, добровольное присоединение к нам многочисленных народов со своими землями, через переговоры, договоренности, а также в результате насильственного передела территорий. Отдельные участки границ менялись естественным путем.

Россия прирастала в основном новыми землями, а если и лишалась некоторых районов, то по прошествии времени вновь воссоединялась с ними. На протяжении всей тысячелетней истории государственное обустройство происходило на федеративной основе, что убедительно показал выдающийся русский историк-исследователь Костомаров. На огромных просторах Европы и Азии создавалась, росла и крепла большая держава, где совместно жили многочисленные народы и

этнические группы.

Исходя из исторических, этнических особенностей, географических условий, потребностей внутреннего развития, внешнего окружения на протяжении веков формировалась концепция охраны границы протяженностью 62 тысячи километров, из которых две трети приходилось на морские рубежи. Одно это предопределяло невозможность обеспечения надежной физической охраны границы на протяжении всего периметра.

Так, до революции 1917 года охрана границ России осуществлялась по принципу создания на некотором удалении от пограничной линии опорных баз с ответственностью за определенную территорию. В случае необходимости с опорной базы направлялись маневренные группы на тот или иной участок. Таким образом, пограничные заставы не являлись основным звеном в системе охраны границ, что делало их довольно уязвимыми для проникновения, или, как сейчас говорят, прозрачными.

После Октябрьской революции, особенно в условиях Гражданской войны, обстановка на границах кардинальным образом изменилась. Практически на всей ее протяженности имели место постоянные провокации враждебных советской власти сил. Конфликты часто приобретали характер боевых действий с потерями, жертвами с обеих сторон.

Через границу на территорию Советского Союза проникали специально подготовленные группы, совершавшие акты террора и диверсий. Нарушители границы активно занимались контрабандой, чем наносили серьезный экономический ущерб стране.

Какое-то время население, проживавшее в приграничной зоне, не чувствовало себя в безопасности, мирный труд людей не был обеспечен. Сама ситуация заставляла Москву подумать и принять необходимые меры, обеспечивавшие надежную охрану границы, по крайней мере на ее значительной части. И такие меры стали приниматься. Центр тяжести в охране границы был перенесен на заставу, то есть на постоянное физическое, техническое присутствие непосредственно на пограничных рубежах и обеспечение их неприкосновенности.

Фактическое положение дел, анализ данных, практика и весь опыт подтверждают обоснованность такого подхода. Даже в мирный период нарушения границы носили значительный по количеству и весьма опасный характер. В обоих направлениях нарушения исчислялись тысячами и нередко выливались в вооруженные конфликты, в ходе которых были потери в личном

составе.

Итак, в течение нескольких десятков лет в Советском Союзе сформировалась стройная, цельная система охраны рубежей — сухопутных, речных и морских по схеме: застава (главное звено), отряд — на некотором удалении от границы, пограничный округ, главное управление пограничных войск.

За охрану воздушной границы отвечала противовоздушная оборона (ПВО) страны.

На обустройство границы были израсходованы значительные средства — многие сотни миллиардов рублей, создана солидная материально-техническая база, налажена подготовка кадров различных специальностей и уровней, сколочен коллектив пограничников, приобретен, обобщен и использовался ценный опыт.

Пожалуй, наиболее важным достижением явилась сложившаяся практика взаимоотношений между пограничниками, населением и органами власти на местах. Население приграничной зоны в первую очередь страдало от нарушителей границы, от их преступных действий и было кровно заинтересовано в спокойствии и порядке в районах проживания. Оно чувствовало себя увереннее в присутствии пограничников, всегда рассчитывало на их помощь, в частности при стихийных бедствиях, в хозяйственных работах.

Общение между населением и пограничниками было постоянным, отличалось дружбой и взаимной помощью. Пограничники помогали поддерживать общественный порядок в районах, примыкавших к границе.

Огромную роль играла политическая, воспитательная работа среди населения и личного состава погранвойск. Выигрывали от этого все. До сих пор мы живем еще багажом дружеских отношений, сложившихся между пограничниками и населением, хотя процесс размывания после 1985 года и особенно с образованием СНГ начался, приобретая все большие темпы и масштабы.

Этому способствовала обостряющаяся в последнее время криминогенная обстановка в приграничье — контрабанда, незаконные торговые сделки, хищения, наркобизнес и т. п. Ситуация с охраной границы, положение в прилегающих к ней районах становились все более нестабильными, что порождало все большую неудовлетворенность у пограничников и населения.

В октябре 1974 года перед назначением на пост начальника ПГУ я попросил предоставить мне краткосрочный отпуск. Решил провести его на Дальнем Востоке. Побывал в Хабаровске, Владивостоке, на острове Сахалин, на Малой Курильской гряде.

Впечатление от поездки осталось неизгладимое. Просторы, чарующая природа, еще не тронутая активной деятельностью человека, крупные города, мощная промышленность поражали воображение, не оставляли равнодушным.

В Хабаровске все напоминало о российских первопроходцах, об их многовековой борьбе и труде по освоению дальневосточных земель. Город жил активной жизнью, но село находилось в запустении.

На пограничном катере прошлись по небольшому участку на реке Амур. Наш берег представлял безрадостную картину. От некогда богатых сел мало что осталось. Раньше некоторые села и деревни насчитывали сотни, а то и тысячи домов, теперь на их месте оставалось по нескольку десятков, а о некоторых жилых постройках напоминали лишь остатки домов, сплошь заросшие бурьяном. Вблизи границы, в зоне так называемой безопасности, строительство, хозяйственная деятельность не поощрялись, более того, ограничивались.

Обращала на себя внимание рыболовецкая активность китайцев на реке Амур. На нашей же части реки — почти никого и ничего. Ничем иным, как результатами соответствующей политики, такое положение не объяснить.

По возвращении в Москву у меня состоялся разговор по этим вопросам с Андроповым. Он с интересом и пониманием отнесся к высказанным соображениям о необходимости принять меры по хозяйственному освоению приграничных районов. По этому поводу я имел разговор в ЦК КПСС, Совете министров СССР, но, к сожалению, до соответствующих решений дело так и не дошло.

Одним из первых моих шагов после назначения на должность председателя КГБ явилась постановка вопроса о значительном сокращении пограничной зоны — с 3,6 миллиона квадратных километров до 360 тысяч, то есть в десять раз. Соответствующее решение было принято в 1990 году.

Правда, последовало и немало нареканий, мол, открыли для браконьеров большие участки, угодья. Но ведь с ними следует бороться с помощью иных организаций и возможностей, а не путем использования полувоенных методов пограничных войск. С помощью политических и экономических мер можно в сравнительно короткие сроки исправить ненормальное положение и ввести в народнохозяйственный оборот для нужд промышленности и сельского хозяйства огромные массивы земель в районе приграничья, и не только Дальнего Востока.

Кстати, во время той памятной поездки удалось побывать на островах Кунашир и Итуруп. Стратегическое значение этих островов невозможно переоценить, что признается и нами и

другими странами. Сами острова, прилегающие к ним просторы по своему богатству уникальны. Леса, сельхозугодья, термальные источники, рыбные запасы делают их исключительно ценными и перспективными для народного хозяйства. Население невелико, природные возможности позволяют увеличить его многократно.

Тогда жители островов испытывали, а сейчас тем более, серьезные опасения за будущее и потому весьма неохотно шли на расширение хозяйственной деятельности и закрепление своего проживания в тамошних местах. То же самое можно сказать и о властях.

В том, 1974 году тревога за судьбу островов то и дело возникала в разговорах на разных уровнях, да и центральные органы давали для них повод, не удовлетворяя даже в минимальной мере потребности островов в средствах на капитальное строительство.

Принадлежность Малой Курильской гряды — далеко не автономный вопрос, прояви к решению его неосторожный, невзвешенный подход, и он породит цепочку аналогичных проблем в других районах государства. Нетрудно предположить, что нам будет практически невозможно остановить нежелательное развитие событий с далеко идущими последствиями.

Пришел момент, когда принципиальная позиция по островам Малой Курильской гряды стала неизбежной, какой бы она ни казалась трудной в данный момент. Видимо, выход из положения заключается в совместном использовании природных ресурсов данного региона, с точным определением условий и доли, получаемой каждой из сторон — российской и японской и, разумеется, сроков действия соглашений.

Однако при решении вопроса одно должно быть очевидно и бесспорно: полный суверенитет Российского государства над Малой Курильской грядой, как ни больно будет пережить это другим странам региона и тем, кто их сегодня поддерживает. В вопрос должна быть внесена абсолютная ясность для того, чтобы со временем окончательно его закрыть.

Вместе с тем мы, разумеется, должны учитывать интересы соседей при разработке международных соглашений по совместному использованию территориальных вод, морских путей, вообще по использованию территории и акватории Малой Курильской гряды. Уверен, что можно договориться о заключении соглашения, взаимовыгодного для всех сторон, которые бы в этом участвовали.

Помимо этого, хотелось бы еще раз подчеркнуть огромное стратегическое значение для России этого района. Потеряв

суверенитет над островами Шикотан, Кунашир и другими, входящими в Малую Курильскую гряду, Россия лишается свободного, беспрепятственного выхода в Тихий океан. Огромный восточный регион нашего государства оказывается закрытым для свободного прохождения надводных и подводных судов.

Никто не может предсказать, как сложится ситуация в этом районе через пять, десять, пятнадцать лет, вполне возможно, могут наступить времена с осложнениями, и для России это будет иметь далеко идущие негативные последствия. Должна быть соответствующая подстраховка для огромного восточного региона нашего государства, судьба и безопасность которого связаны именно с Малой Курильской грядой.

Короче говоря, основополагающими должны быть наши национальные интересы. Ни одно государство в мире не проявляет легковесного подхода к решению территориальных вопросов, и это в полной мере должно относиться к России.

Дискуссии о концепции охраны границы активизировались в погранвойсках в конце 60-х годов. Часть руководящего состава во главе с тогдашним начальником Главного управления погранвойск генерал-полковником Зыряновым предложила вернуться в принципе к старой системе охраны границы, то есть упор сделать не на заставу, а на погранотряды, придать последним большую маневренность, полагая, что это позволит сделать охрану границ более эффективной, экономичной, существенно улучшить социально-бытовые условия личного состава, и прежде всего семей. При этом имелось в виду, что пограничники будут нести службу на заставе посменно, в течение двух-трех месяцев, а затем возвращаться в отряды, где постоянно будут жить их семьи.

Тогдашнее руководство комитета сочло возможным дать добро на переход к охране границы в рамках этой концепции. В числе доводов, которые приводили ее сторонники, была возможность широкого использования современных технических средств: если раньше от опорных пунктов пограничных отрядов до границы можно было добраться за несколько дней, то сегодня с учетом технических возможностей это можно сделать буквально в считаные часы.

Вместе с тем концентрация сил и возможностей пограничных войск в опорных базах большего масштаба позволяла бы не только успешно решать текущие задачи, но и обеспечивать локализацию более крупных конфликтов, которые могут возникнуть на том или ином участке государственной границы.

Вроде все было логично, но при этом сбрасывалась со счетов одна «маленькая» деталь. В результате такой реорганизации на

самой границе оказывалось значительно меньше пограничников, чем того требовала обстановка, хотя и до введения этой концепции в жизнь на рубежах СССР явно не хватало личного состава, постоянно испытывался дефицит. А тут получалось, что примерно 30–40 процентов военнослужащих погранзастав постоянно находились бы на удалении от границы, в так называемых опорных пунктах.

Более глубокое изучение проблемы, проведенные на ряде отрядов и застав эксперименты показали несостоятельность этой концепции, и спустя два года от нее отказались. И тем не менее потеря даже двух лет отрицательно сказалась на положении дел, поскольку немедленно отразилась на боеспособности застав как основного звена системы охраны госграницы.

В начале 70-х годов был твердо восстановлен курс на охрану границ на базе застав. Это было исторически верное решение, что еще раз подтвердили события на границе Таджикистана с Афганистаном.

С развалом Советского Союза проблема охраны границ и вообще вопрос о них приобрели совершенно иное звучание. Если сохраняет свое значение задача возрождения Союза и мы от нее не отказываемся, то проблема границы может или помогать союзному фактору, или, наоборот, содействовать его дальнейшему ослаблению.

Все зависит от того, как подойти к этому вопросу! Создается впечатление, что в России и некоторых других странах ближнего зарубежья к проблеме внешних границ бывшего Союза, а также в рамках Содружества Независимых Государств подошли, руководствуясь не желанием сделать все необходимое для сохранения союзных структур, а стремлением покончить с ними и расчистить еще одну дорожку на пути полного разобщения.

Проблема ликвидации прежней границы СССР по своему значению и тяжелым последствиям многогранна. Политический аспект ясен: еще одно подтверждение разрушения Союза, устранение основы для совместных действий в такой важной области обеспечения безопасности и государственности, как граница. Присутствие союзных или хотя бы российских подразделений пограничников на бывших рубежах бывшего Советского Союза упраздняется. Националистические силы такое решение, разумеется, устраивает. Из независимых теперь государств — бывших союзных республик — уходят российские военные подразделения, которые при известных обстоятельствах, как некоторым представляется, могут сыграть роль «промосковской» силы и таким образом подорвать «завоеванный» суверенитет.

Главное — в политике. Все остальное подчинено этому. Граница создавалась веками, материальные затраты огромны, значение ее еще больше. После развала Союза поставлена задача создания границы со странами ближнего зарубежья. Расходы очевидны — это не одна сотня миллиардов рублей в прежнем их стоимостном выражении.

Для России, находящейся в глубоком кризисе, с огромным внешним долгом, — это непозволительная роскошь, дело неподъемное. И хотя экономический фактор в расчет как бы не принимается, он неизбежно заставит о себе заговорить.

С появлением новых границ возникает масса трудностей, неудобств, проблем. Нарушаются нормальное привычное общение между людьми, между родными и близкими, связи между организациями, предприятиями, учреждениями внутри СНГ. Становятся проблемой даже почтово-телеграфная связь, культурный обмен, медицинская помощь и все остальное.

Таким образом, создание границы между Россией и другими странами СНГ — определяющий шаг в разъединении и разобщении бывшего Союза, закрепляет его развал, создает еще одно препятствие на пути его возможного возрождения.

Конечно, сохранение прежних границ весьма сложное дело, тут совершенно недостаточно одного лишь доброго намерения России или другого государства. Нужны соответствующие посылки, и прежде всего понимание необходимости сохранения условий если не для возрождения Союза, то хотя бы для создания подлинного содружества бывших республик, стремление и решимость добиваться этого. Были ли проявлены такие стремление и решимость? Во всяком случае, заметных усилий со стороны властей к сохранению прежних границ Союза и к их совместной охране предпринято не было.

Обустройство новых границ займет время, потребует огромных затрат. В отдельных регионах создавать ее придется по живому, и многие, видимо, плохо представляют себе, что это будет означать в действительности. Местами граница пройдет по окраинам городов, по селам и деревням, производственным площадям, карьерам, поделит автодороги и железнодорожные пути, зоны отдыха, сельскохозяйственные угодья, леса, водные просторы. Это будет в значительной части искусственное деление, которое неизбежно породит невиданные до сих пор по масштабам территориальные проблемы.

Исключение составляют, пожалуй, новые границы с Прибалтийскими государствами, поскольку в силу исторических причин они более очевидны, чем в других районах России, — они обозначены определенными, известными рубежами, правда, не по

всей линии протяженности.

Другое дело — экономические, хозяйственные связи: тут уже проявляются серьезные трудности, ощутимо ударившие в первую очередь по интересам народов Литвы, Латвии и Эстонии. Тем не менее все три Прибалтийских государства в той или иной мере заявили о территориальных претензиях к России и муссируют этот вопрос.

Со многими государствами — Украиной, Белоруссией, Азербайджаном и другими — новые границы могут каждодневно порождать массу конфликтных ситуаций, обусловят рост правонарушений со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Обозначена лишь часть проблем, которые возникнут в результате появления новых границ. На самом деле проблем будет значительно больше.

Но во всем этом есть и позитив: трудности, неудобства даже в чисто житейском плане обусловят рост настроений против искусственных препятствий к общению, появление более серьезных проблем, что, в свою очередь, усилит движение за возрождение Союза. Вот только жаль, что окажутся напрасно потраченными силы и средства на обустройство новых границ — контрольных пограничных пунктов, таможенных постов, технических сооружений, затрат на содержание личного состава.

В последнее время в печати появляется все больше сообщений о том, что население приграничных районов фактически не признает новых границ, игнорирует их и активно общается между собой, не обращая внимания на формально установленные запреты и попытки этому помешать. Взаимные посещения, торговля, совместная хозяйственная деятельность, массовые мероприятия по случаю праздников, дней рождения и других дат делают новые границы фактически не существующими. Никто не спешит проводить демаркацию границ, то есть устанавливать точную линию ее прохождения.

Короче говоря, власти думают, замышляют одно, а люди ведут себя часто так, как будто бы ничего не произошло. Кто возьмет на себя ответственность пойти против естественного стремления людей, ограничить их потребность в общении, помешать привычному порядку вещей в жизни, сложившемуся в течение многих веков?

Я хорошо понимал, что у Комитета госбезопасности и у его органов на местах невероятно много проблем. Была острая потребность в обновлении, совершенствовании, развитии, в отказе от отживших форм и методов работы, способов решения задач, острая нужда в поиске новых подходов к решению проблем безопасности Советского государства.

В первые же дни пребывания на посту председателя комитета я особенно остро все это ощутил. Да, собственно говоря, не скрывал этого и мой предшественник, потому что он тоже понял, что нельзя стоять на одном месте, нужно движение вперед, но от меня, как от нового руководителя органов госбезопасности, люди, естественно, ждали каких-то сдвигов, решений, заметного стремления к совершенствованию их деятельности.

Высшее руководство страны, общественность, органы управления в центре и на местах ожидали от меня первых шагов. Я понимал, что в столь ответственный период времени, каким уже заявил о себе 1988 год, тянуть было нельзя, поэтому стал шаг за шагом разбираться в отдельных направлениях оперативной деятельности органов госбезопасности. Важно было инициировать активную работу личного состава, по возможности придать ей новые импульсы.

Я стал регулярно собирать коллегию комитета; раз в неделю, самое большее — в две недели, проводить совещания по назревшим вопросам. Совещания тщательно готовились, заранее рассылалась повестка дня, определялись докладчики и содокладчики.

Проведение совещаний, в отличие от прежней практики, оформлялось соответствующими протоколами и решениями, которые рассылались не только в подразделения центрального аппарата КГБ, но и во все местные органы. Стали практиковать вызов руководителей местных органов на заседания коллегии и отдельные совещания. Совещания проводились в узком и расширенном составах. Важно было придать заседаниям коллегии и совещаниям остроту, деловитость. Для достижения этого осуществлялся строгий контроль за выполнением принятых решений. С нарушителей строго спрашивалось.

На первый взгляд все это может показаться ничего не значащей формальностью, даже показухой. Нет! Смысл всех этих мероприятий заключался совершенно в другом. Вся деятельность органов госбезопасности самым непосредственным образом соприкасается с правами человека, так или иначе затрагивает его интересы. Порой на первый взгляд безобидные указания в практической работе могут неверно преломляться, истолковываться и повлечь за собой нарушения законности. Поэтому важно придать строгий правовой характер любой деятельности органов госбезопасности, исключив всякую двусмысленность, лазейки для обхода законов, возможности для злоупотреблений.

В числе многочисленных проблем, трудностей, с которыми мы тогда сталкивались, особенно беспокоило одно: вопрос о

связях чекистов с общественностью, с народом. Было очевидно, что для начала необходимо было сделать все возможное для преодоления отчужденности, устранения враждебного отношения к КГБ со стороны определенной части населения и особенно некоторых категорий интеллигенции. Нужно было организовать регулярное информирование народа, именно народа, о деятельности комитета, в как можно более доступной и широкой форме, открыто признать прежние ошибки, а главное — подвести под всю деятельность органов строгую юридическую основу, исключающую как злоупотребления, так и вольность в использовании сил и возможностей КГБ. Именно на этих задачах мне, как новому председателю, и суждено было сосредоточить свое внимание и усилия чекистского коллектива.

После августа 1991 года, знакомясь с материалами, появившимися в средствах массовой информации, я особенно остро ощутил деликатность и сложность одной проблемы, связанной с органами госбезопасности. Речь идет о соотношении категорий: КГБ и гласность.

Эта проблема имеет свое звучание для общества, органов госбезопасности и человека, непосредственно ради которого эта гласность материализуется. Сложность проблемы заключается в сугубо секретной в основном деятельности органов по самой своей природе. Поэтому гласность применительно к службам безопасности — совсем другая категория, нежели гласность в работе обычной гражданской организации.

Без секретности службы безопасности любой страны мира работать не могут. Конкретное содержание, формы, многие методы деятельности, личный состав, в определенной мере структура — все это может открываться для широкой общественности в дозированных, целесообразных рамках. В противном случае службы безопасности будут не в состоянии выполнять свои задачи. Секретность распространяется прежде всего на оперативные разработки, конкретику решения задач, технические средства.

Особо оберегаемое направление деятельности органов госбезопасности — агентура. Последнее понимал даже Бакатин, известный своим негативным отношением к органам, в чем он сам неоднократно признавался.

Острейшей и важнейшей является проблема архивов. В 1992 году было принято решение об их опечатывании, они были взяты под строгий контроль. Решение вполне оправданное, но несколько запоздалое. И главный вопрос: кто будет иметь к архивам доступ, на каком уровне будет соблюдаться ответственность за сохранность секретов, за их неразглашение

или, наоборот, предание гласности?

Неосторожное обращение с архивами может нанести непоправимый ущерб не только всей системе органов госбезопасности, но и государству в целом. Возможные негативные последствия ущерба трудно переоценить. Под угрозой могут оказаться организации, лица, когда-то с большим риском для себя решившие помогать нашему государству.

После августовских событий в средствах массовой информации были опубликованы многочисленные документы Комитета госбезопасности, его органов на местах, которым в период их подготовки были присвоены грифы «Совершенно секретно», а то и высший гриф секретности — «Особой важности». В печати появились доклады органов госбезопасности руководству страны и отдельных республик по самым различным вопросам. Были преданы гласности сведения, полученные в результате разведывательных и контрразведывательных операций. Под удар поставлены ценные источники, люди, помогавшие нашей стране. Практика беспрецедентная!

Практически вся деятельность органов госбезопасности является необычной с точки зрения простого человека. Их формы и методы работы могут вызывать неоднозначное и притом нередко негативное восприятие. Поэтому при опубликовании материалов о деятельности органов, его сотрудников учет этого аспекта необходим, нужны объективные, добросовестные пояснения, комментарии.

Оперативная сторона деятельности спецслужб не случайно строго оберегается во всех странах. Предание гласности сокровенных оперативных тайн может породить массу вопросов, вызвать недоумение у совершенно непосвященной части людей, привести к тяжелым последствиям.

И дело даже не в том, что перед общественностью вдруг открываются какие-то стороны работы органов, а в том, что оперативная информация попадает в распоряжение недобросовестных, тенденциозно настроенных лиц. Последние же не жалеют красок и интерпретируют ее в спекулятивных политических целях.

Исходя из своих принципов, я стремился показать всему личному составу, что общество, государство нуждаются в честной работе органов госбезопасности. Однако важно было также осознать и другое: речь идет не об одностороннем движении от общества, от государства к органам госбезопасности, должна быть строгая в своей взаимозависимости обратная связь — от органов к обществу, к государству, поскольку органы госбезопасности являются структурной частью государства и ни в коей мере не

автономны в своей деятельности.

Было признано необходимым решительно встать на путь гласности в работе органов госбезопасности всех уровней и направлений. С этой целью был создан Центр общественных связей, чекисты пошли в трудовые коллективы, двери комитета, его органов на местах были широко открыты для делегаций, отдельных лиц, встреч с представителями государственных, общественных организаций, средств массовой информации, деятелями искусства, учеными.

У меня были опасения относительно реакции сотрудников органов госбезопасности на необходимость их широкого выхода на общественность, выступлений в средствах массовой информации, потому что никогда ранее органы госбезопасности не были открытыми, и жизнь и работа сотрудников была упрятана от глаз народа за семью печатями. Сомневающиеся были, но в целом выход чекистов на простор гласности и открытости перед обществом был встречен с пониманием.

Мне думается, что работа с общественностью, трудовыми коллективами, встречи с многочисленными делегациями, группами, представителями общественных организаций, посещавшими органы госбезопасности в центре и на местах, придали работе комитета как бы второе дыхание. Мы вдруг сами ощутили в этом глубокую потребность.

Во время встреч задавалось множество вопросов, из них мы поняли: о нас настолько мало знают, что верные суждения о деятельности органов госбезопасности являются исключением. Вместе с тем такие встречи повышали нашу ответственность перед народом. Мы отдавали себе отчет в том, что интерес к работе органов и вместе с тем контроль за их деятельностью будут неизбежно возрастать, и потому наши действия должны точно соответствовать законам и интересам народа, чтобы в любое время можно было не стыдясь отчитаться перед ним.

Мы решили приоткрыть чекистские залы, своего рода музеи, где экспонировались весьма ценные материалы об истории и деятельности органов государственной безопасности. Заявок было настолько много, что пришлось установить очередность. С другой стороны, важно было не выдать в потоке информации и важные секреты, которые до поры до времени должны оставаться достоянием лишь органов госбезопасности и соответствующих государственных структур.

Вскоре у нас возникла потребность во встречах с представителями общественности по профессиям, интересам, отдельным вопросам. Вошли в практику встречи с редакциями газет, журналов.

В Комитете госбезопасности стали принимать зарубежные делегации, приезжавшие в нашу страну по различным линиям. Это были группы предпринимателей, представители политических партий и течений. К нам потянулись видные общественные и государственные деятели, посещавшие Советский Союз с официальными и неофициальными визитами. Это были интересные встречи, которые давали много полезного и позволяли в ходе обмена мнениями приходить к определенным выводам и учитывать их в работе.

Из этих многочисленных встреч становилось яснее, где органы госбезопасности недорабатывают, где оставляют вне поля своего зрения важные процессы, происходящие в нашем обществе и государстве. Для нас стало очевиднее, чего ждут от нас общественность, простые советские люди. Мы поняли, что без широкой разумной гласности нам не стать ближе к людям, к обществу, тем более рассчитывать на его поддержку.

Внедрение гласности в нашей работе стало важной школой, этот процесс все больше приобретал необратимый характер, и речь могла идти только о дальнейшем развитии и совершенствовании этой работы.

До 1988 года комитет принадлежал к небольшому числу почти полностью закрытых организаций. Так повелось, что секретность и гласность считались несовместимыми категориями, между ними существовал как бы непреодолимый барьер. А снимать его время пришло. И вот начался поход в мир гласности.

За время работы председателем комитета — с октября 1988 по август 1991 года — мне пришлось выступить в печати, по телевидению, дать интервью, принять различные делегации, отдельных деятелей в общей сложности более 300 раз. Все это требовало большой подготовки, времени, напряжения, здоровья. В гласность постепенно вовлекались сотрудники всех уровней в центре и на местах. Лед отчужденности между органами госбезопасности и обществом начал таять.

Я почувствовал это сам, когда в августе 1989 года состоялось мое утверждение в должности председателя КГБ. Впервые в истории органов госбезопасности председатель КГБ публично утверждался на сессии Верховного Совета СССР. Это был не только мой личный экзамен, проходил проверку, сдавал экзамен коллектив комитета. До этого я отчитывался на заседаниях комитетов Верховного Совета, где тоже было совсем не просто.

При утверждении я более двух часов стоял на трибуне Верховного Совета, отвечал на многочисленные вопросы. И за этой процедурой в прямом телевизионном эфире наблюдали многие телезрители. При шести голосах против сессия утвердила

меня председателем Комитета госбезопасности.

Отвечая на вопросы окруживших меня после заседания журналистов, я заметил, что это был самый трудный экзамен в жизни. Сейчас могу сказать, что на тот момент это соответствовало действительности, а вот сегодня следует уточнить: судебный процесс — испытание посложнее и потруднее. Тут и морально-политический экзамен, и борьба за правое дело, за которым — вся жизнь.

Расширение гласности в работе органов госбезопасности проявлялось в проведении многочисленных встреч с зарубежными и отечественными представителями общественно-политической жизни. Так, в 1989–1991 годах я, как председатель комитета, имел беседы с известным американским деятелем Эдвардом Кеннеди, бывшим президентом США Ричардом Никсоном, с большой группой американских бизнесменов-республиканцев, представителями Индии, Афганистана, Южной Кореи, многих арабских стран, Африки, Латинской Америки. Это были действующие и бывшие государственные деятели, руководители политических партий и движений, представители крупных международных организаций.

В соответствии с поступившими просьбами в комитете были приняты руководители специальных служб и органов, министерств внутренних дел таких стран, как Италия, Испания, Германия, Франция, Румыния, Венгрия, Чехословакия, Болгария, Австрия, Южная Корея и многих других. В ходе этих встреч обсуждались возможные вопросы сотрудничества на двусторонней основе по борьбе с терроризмом, контрабандой, наркобизнесом и другими. В большинстве своем это были первые контакты с руководителями специальных органов по линии Комитета госбезопасности.

Я принимал послов США, Турции, Швеции и других стран, аккредитованных в Москве. Дал многочисленные интервью корреспондентам зарубежных печатных изданий самых различных политических направлений и ориентации.

Что было характерно для этих встреч? Собеседники проявляли огромное желание поглубже ознакомиться с процессами, происходившими в нашей стране, с обстановкой, возможными перспективами ее развития. У многих из них чувствовалась нескрываемая тревога за положение дел в Советском Союзе. Судя по вопросам и репликам, они далеко не всё понимали, с недоумением относились ко многим политическим и экономическим мероприятиям в стране, и в частности шагам, предпринимавшимся президентом СССР Горбачевым. Многие из них прямо говорили, что мир катится к

однополярному состоянию и что это вряд ли будет отвечать интересам человечества.

Такая озабоченность особенно чувствовалась со стороны представителей арабских стран. Многие из тех, кого мы относили далеко не к прогрессивному направлению, высказывали серьезную озабоченность возможным усилением влияния Соединенных Штатов Америки и некоторых западных стран в арабском мире. Отбрасывая в сторону общественно-политический строй в Советском Союзе, коммунистическую идеологию, они смотрели на развитие событий в мире, в СССР с сугубо прагматических позиций.

Многие говорили, что если сойдет с политической арены Советский Союз, то его место в арабском мире займут Соединенные Штаты Америки со всеми вытекающими негативными последствиями для арабских стран. Отмечая наличие противоречий во взглядах на международные проблемы у Москвы и у некоторых арабских стран, они подчеркивали, что такие противоречия в еще большей степени присутствуют между ними и американцами. С особой тревогой высказывались об этом представители африканских и некоторых латиноамериканских государств.

Примечательными были отдельные высказывания Эдварда Кеннеди. Он подчеркнуто высоко отзывался о достижениях Советского Союза в социальной области. Говорил, что в СССР примерно решены проблемы, связанные с образованием и медицинским обслуживанием. Их бесплатный характер, подчеркивал он, — огромное достижение советских людей. Как сенатор, он десятки лет борется за то, чтобы обеспечить бесплатное медицинское обслуживание для всех групп населения США, но из этого у него ничего не получается.

По его словам, около 40 миллионов американских граждан лишены возможности пользоваться медицинским обслуживанием, что, естественно, отражается на их здоровье, на общем демографическом состоянии населения страны. Однако все попытки добиться прогресса в этом вопросе оказываются тщетными. Он говорил, что страшным бичом для Соединенных Штатов являются безработица, наркомания и преступность и что по этим показателям Советский Союз выгодно отличается от США.

Из этих встреч нетрудно было вынести одно впечатление: за рубежом отчетливо понимали, к чему идут дела в Советском Союзе, пытались прозрачно сказать нам об этом и в меру своих сил предупредить нежелательное развитие событий. Многие с благодарностью вспоминали роль Советского Союза в послевоенное время, когда наша страна помогла многим государствам и народам обрести независимость и

самостоятельность.

Представители ряда государств со ссылкой на свое руководство заявляли, что готовы рассмотреть вопрос о предоставлении Советскому Союзу выгодных кредитов, дабы помочь ему выйти из трудного положения, в котором он оказался.

Разумеется, вся эта информация докладывалась Горбачеву. Она не могла не настораживать. Только не желающий видеть не видел того, что происходило в нашей стране, в то время когда каждый зрячий видел, куда идет дело.

Об одном зарубежном представителе мне хотелось бы рассказать несколько подробнее в связи с широкими спекуляциями, пересудами, которые имели и еще имеют место на Западе вокруг его имени. Мое желание продиктовано также стремлением дать объективную справку о нем в той части, которая касается советской стороны, и в частности Комитета госбезопасности.

Речь идет о Роберте Максвелле, известном общественно-политическом деятеле, крупном бизнесмене, подданном Великобритании, неоднократно посещавшем Советский Союз в течение ряда лет.

Осенью 1991 года мир облетело печальное сообщение о гибели Роберта Максвелла во время плавания на принадлежащей ему яхте. Я узнал об этом, находясь в «Матросской тишине». Тело его нашли в море, куда он упал при обстоятельствах, полностью еще не выясненных.

Как гласит одна из версий, находясь на палубе яхты, он почувствовал себя плохо и, видимо, упал в море. Пошли слухи о том, была ли его смерть насильственной или естественной, не было ли в данном случае самоубийства?

Прошло какое-то время, и стали обыгрываться сообщения о том, что Максвелл неоднократно бывал в Советском Союзе, поддерживал связи с Комитетом госбезопасности. Дело даже не в попытках увязать его гибель с КГБ. Дело в другом. Он действительно посещал нашу страну, а раз так, то стоит поспекулировать на этом, дабы у читателей появился к трагическому случаю еще больший интерес.

Действительно, Роберт Максвелл на протяжении многих лет неоднократно бывал в Советском Союзе, где встречался с представителями общественно-политических кругов, политологами, экономистами, ответственными сотрудниками аппарата ЦК КПСС и Совета министров, журналистами. Посетил многие города Советского Союза, немного знал русский язык. Словом, приезжал сюда, как давнишний знакомый, подчеркивал, что является другом Советского Союза. В последнем сомневаться,

пожалуй, нет оснований.

О Максвелле ходило много мифов. Один из них — что это был миллиардер, обладавший огромным состоянием, и что стоило ему пожелать, как он мог осчастливить любую страну, в том числе и Советский Союз, значительными кредитами, в которых мы тогда так нуждались. Он доверительно, ненавязчиво мог намекнуть, что у него большие связи в мире всемогущих, что он влиятельное лицо в международных делах и что грешно было бы это не использовать. Его преподносили как человека, склонного к благотворительности, в основе которой не только знаки внимания, но возможность оказать щедрую помощь и поддержку.

Словом, интерес к нему был большой, некоторые на этом спекулировали, в том числе и в нашей стране, чрезмерно завышая его возможности и порывы. Среди них особенно отличался Яковлев, именно в этом плане он влиял на Горбачева, пытаясь убедить последнего в полезности контактов с Максвеллом.

В 1989–1991 годах у меня, как у председателя КГБ, было три или четыре встречи с Максвеллом. Всякий раз они проходили по инициативе последнего. Вот о них-то и о впечатлениях, которые я вынес от этих встреч, мне и хотелось бы поведать читателю, исходя из того, что это имеет определенное значение в плане объективного представления о возможностях, достоинствах и качествах этого человека.

Прежде всего я хотел бы подчеркнуть, что в целом у меня сложилось о Максвелле положительное впечатление.

Наша первая встреча состоялась в 1989 году во время его очередного приезда в Москву. В кабинет председателя комитета в сопровождении трех своих ближайших сотрудников вошел человек больших размеров (весил он значительно больше сотни килограммов), улыбающийся, с протянутой для приветствия рукой. После нескольких слов на русском языке он вдруг перешел на венгерский язык, заранее узнав, что я по специальности венгровед и говорю по-венгерски.

Я поддержал разговор, и потому в услугах переводчика мы больше не нуждались. Должен сказать, что он хорошо владел бытовым венгерским языком, что касается литературного, то, видимо, судьба не позволила ему заниматься этим языком основательно.

Он подчеркнул, что имеет родственников в Венгрии (кстати, об этом я хорошо знал). Так, один из его родственников по линии отца когда-то работал венгерским послом в Москве.

Он сказал, что, во-первых, пришел познакомиться с главой Комитета госбезопасности, с которым прежде никогда не имел

чести быть знакомым; во-вторых, из первых рук получить информацию о ситуации в стране и обсудить некоторые вопросы, представлявшие, как он полагал, взаимный интерес для обеих сторон.

В течение этой и последующих встреч с Максвеллом разговоры велись в основном вокруг четырех проблем.

Первая — он пытался получить информацию о том, что же происходит в Советском Союзе, какие перестроечные процессы у нас идут, что для них характерно и каковы их перспективы.

Вторая — будучи специалистом в области бизнеса, Максвелл хотел глубже изучить, обсудить проблему бизнеса и получить поддержку от Комитета госбезопасности в организации курсов, школы для начинающих советских предпринимателей, которых он считал неопытными, необразованными, в связи с чем их легко будет обмануть в больших и малых сделках.

Несколько отступая от беседы с Максвеллом, хотелось бы сказать, что здесь он в своих суждениях проявил чрезмерную однозначность. Дело в том, что наши бизнесмены, войдя в мир предпринимательства, нередко показывают изрядные способности так отделать своего контрагента, что последний ахнуть не успеет, как лишается значительной части своего богатства, если не всего. Так что в мире к нашим бизнесменам начинают подходить порой с опаской, по поговорке: «Палец в рот не клади, может откусить».

Но по сути Максвелл был прав: наша неопытность при заключении сделок нередко оборачивалась для нас ущербом. Бизнес — дело для нас новое, и для того, чтобы не ошибиться, нужно не только желание, нужен еще и опыт, которого наши предприниматели тогда еще не успели приобрести.

Спустя некоторое время по инициативе Максвелла Кабинет министров СССР принял специальное решение о создании школы для советских бизнесменов, где Максвелл согласился прочитать курс лекций сам и где готовы были выступить те, кого он для этого порекомендует. Это, бесспорно, было делом полезным.

Третий вопрос, которым Максвелл постоянно занимался, — издательские дела. Он оказывал помощь, правда не такую большую, на какую рассчитывали наши представители, в издании политической и иной литературы за рубежом, в частности отдельных книг, выступлений президента СССР, генерального секретаря ЦК КПСС Горбачева. В издательском мире у него были широкие связи, и он имел тут реальную возможность оказать нам помощь, причем не рассчитывая на какие-то серьезные для себя финансовые выгоды.

Последний, четвертый вопрос, которому Максвелл придавал исключительно большое значение, — и было видно, что он в нем

кровно заинтересован, — это вопрос об отношениях между Израилем и Советским Союзом, положение евреев в Советском Союзе, а также проблема их выезда из нашей страны. Максвелл не скрывал того, что в этих переговорах представляет израильскую сторону и, как еврей, хотел бы помочь этой стране. Остро переживал случаи, как ему казалось, проявлений антисемитизма в Советском Союзе, с болью говорил об антиеврейских настроениях в арабском мире. Вместе с тем Максвелл никогда враждебно не отзывался об арабах, подчеркивая, что мир для Израиля можно обеспечить только в том случае, если этой стране удастся наладить всесторонние деловые, полезные отношения со странами арабского мира.

Бывая в других советских организациях, Максвелл обсуждал вопросы кредитной политики, но всегда уходил в сторону, когда речь заходила о заключении конкретных сделок, связанных с выделением кредитов под те или иные цели. Он никогда не давал конкретных обещаний, и было видно, что речь идет не о том, что он не желает пойти на этот шаг, а потому, что он не обладает кредитными возможностями, что лишний раз подтверждало: разговоры о его неимоверном богатстве — один из мифов, одно из преувеличений возможностей Максвелла.

По характеру Максвелл был доброжелательным человеком, исключительно внимательным к собеседнику, старался угадать его желания, и, если речь шла о чем-то практически выполнимом, он, как правило, старался пойти навстречу собеседнику, оказывал конкретную помощь и поддержку. Он обладал связями в международных кругах, и поэтому его оценки положения дел в мире, в отдельных регионах и странах представляли несомненный интерес.

Он давал дружеские советы, предостерегал от тех или иных шагов, подсказывал, какие опасности могут поджидать Советский Союз в его отношениях с ведущими капиталистическими странами. Он много ездил в треугольнике Тель-Авив — Вашингтон — Лондон, имел там контакты на самом высоком уровне, делился информацией и вместе с тем черпал необходимые сведения для себя. Оценки событий и людей были осторожными, он проявлял лояльность даже тогда, когда говорил о своих откровенных противниках. А последних у него было немало.

По информации, которой располагала советская разведка, у Максвелла были серьезные финансовые затруднения. Не рассчитываясь по долговым обязательствам, он играл, как водится в капиталистическом бизнесе, по правилу кто кого. Вот на этом он мог нажить себе настоящих врагов.

К Советскому Союзу Максвелл относился более чем лояльно, можно сказать, дружески. Он высоко ценил вклад советского народа в борьбу с нацистской Германией, в победу над фашизмом. С благодарностью говорил об огромном вкладе советских вооруженных сил в освобождение значительного числа евреев, находившихся в плену в Германии, о поддержке Советским Союзом образования самостоятельного еврейского государства. В целом исключительно положительно оценивал роль Советского Союза в международных делах как фактора мира и стабильности, говорил, что не верит утверждениям некоторых, будто бы Советский Союз только и думает о том, как бы начать новую мировую войну.

Обращало на себя внимание его довольно осторожное отношение к перестроечным процессам в Советском Союзе. Он считал, что не все у нас просчитано хорошо, что не все может кончиться так, как хотелось бы организаторам перестройки, и что есть смысл остановиться, осмотреться и кое-что подправить, поскольку сохранение Советского Союза — главная задача, ради которой есть смысл пойти и на определенные издержки.

По его мнению, Соединенные Штаты Америки и Западная Европа не отдавали себе отчета в том, что будет с ними в случае исчезновения Советского Союза, потому что те опасности, которые поджидают Советский Союз, в одно прекрасное время могут стать губительными и для западного мира.

Последняя встреча с ним состоялась летом 1991 года. Она проходила у Горбачева. Помимо Максвелла и меня, на встрече присутствовал переводчик. Круг вопросов, который обсуждался, был тот же, что обозначен выше. Каких-либо конкретных договоренностей зафиксировано не было, но в этом не было и потребности. Для Максвелла встреча нужна была скорее по престижным соображениям, нежели для решения вопросов по существу. Тогда было обусловлено не делать публикаций о состоявшейся встрече, чтобы не вызывать вокруг нее ненужного ажиотажа.

Уже после освобождения из «Матросской тишины», в 1993–1994 годах, я дал несколько интервью представителям английской, французской, германской телекомпаний и ряда изданий. Основная тема бесед, главный интерес — личность Максвелла, его визиты в Советский Союз, встречи с нашими деятелями, и в частности со мной как председателем КГБ. Им хотелось получить информацию, проливающую свет на причины смерти Максвелла, и найти какие-то отправные точки, побудительные мотивы, которые помогли бы поиску ответов на вопросы, занимающие общественность.

Я не имел и не имею возможности пролить свет на причину смерти Максвелла. Если говорить о самоубийстве, то в этом я глубоко сомневаюсь и сегодня. Максвелл был человеком оптимистического склада и, несмотря на трудности, которые он испытывал в своей работе как политический деятель и бизнесмен, вряд ли предпочел жизни смерть — слишком сильно было в нем жизнелюбие.

Положим, финансовое положение Максвелла было не блестящим, он имел долги, по которым не так-то легко, видимо, было расплатиться. Однако изворотливость, глубокое знание правил и игры без правил, обычаев и нравов мира бизнеса, широкие связи Максвелла вряд ли не помогли бы ему в решении даже самых запутанных ситуаций. Потом, как известно, за деньги убивают, но не умирают.

Далее — у него была семья, о которой он неизменно говорил с гордостью, и самое главное — у него было дело, в том числе и политическое, которому он посвящал всего себя и находил, как мне казалось, в этом удовлетворение. Возможно, его уход из жизни был естественным, однако на этот вопрос должно ответить следствие. Только оно может вынести окончательное заключение, потому что обстоятельства происшедшего, видимо, могут стать известны лишь ему.

Максвелл был патриотом Великобритании. Для него не безразлична была Америка, он был большим патриотом Израиля и желал ему счастья. Он хотел видеть Израиль в окружении дружественных арабских государств и понимал, что рано или поздно с ними надо договариваться. Максвелл был интересным собеседником и, видимо, мог быть неплохим личным другом. Все сказанное заставляет сожалеть о его безвременном уходе из жизни, и дело не столько в возрасте, сколько в тех планах, которыми он был полон и которые стремился реализовать.

К 1988 году перед органами КГБ стояло немало проблем, которыми следовало безотлагательно заняться. Так, предстояло поднять еще один огромный пласт — приведение законодательства, по которому жили и работали комитет и все его органы, в соответствие со временем, с новыми условиями, со всей общегосударственной правовой базой.

Прежде всего нужен был основополагающий закон об органах госбезопасности, и мы стали его готовить, добиваться его рассмотрения в Верховном Совете СССР. К подготовке проекта закона подключились многие сотрудники органов, ряд организаций, ведомств, институтов, опытные юристы, правоведы.

В новых условиях органы госбезопасности могли органически вписаться в систему государственности только через новое,

соответствующее времени законодательство. Проблем с законодательством было много, а если говорить точнее — целина.

Правовой акт, по которому существовал и действовал Комитет госбезопасности, был принят ЦК КПСС и Советом министров СССР еще в 1959 году. За истекшее время он не раз дополнялся, корректировался, но в основе оставался действующим, более того, единственным и главным.

За 30 лет было принято немало постановлений ЦК КПСС и правительства по ряду направлений чекистской деятельности, свыше трех тысяч подзаконных ведомственных актов. Они создавали широкую правовую базу, регулировали работу органов, что уберегало их от произвола. Но чего не хватало? Прежде всего органической увязки деятельности КГБ, органов и войск с общесоюзным законодательством, полного соответствия и строгой подчиненности правовых норм, по которым работал КГБ СССР, союзным законам.

В условиях гласности, открытости общества происходили кардинальные изменения во всех сферах жизни страны. Проблема создания правового государства предопределила необходимость выработки и принятия союзного закона об органах госбезопасности. Эта задача стала очевидной и безотлагательной.

Спустя месяц после назначения председателем комитета, в ноябре 1988 года, мною был поставлен вопрос о подготовке проекта закона об органах госбезопасности. Среди личного состава двух мнений на этот счет не было. Разгорелись споры на страницах печати, в политических кругах, среди депутатского корпуса о том, что чему должно предшествовать — общий закон о безопасности государства или закон о КГБ СССР.

В руководстве комитета считали, что спор этот беспредметен. Если раньше будет готов общий законопроект о безопасности, то можно обсудить и принять его. Однако такого законопроекта никто не подготовил и пока не собирался готовить, в то время как разработка закона об органах госбезопасности началась, приобрела вполне реальные очертания, и его первый вариант КГБ вскоре был готов представить в комитеты Верховного Совета на обсуждение.

В жизни так и произошло.

Проект закона был внесен в Верховный Совет СССР уже в 1989 году и по поручению его председателя Лукьянова начал путь длительного, основательного обсуждения в комитетах Верховного Совета. Обсуждение проходило заинтересованно, высказывалось много заслуживающих внимания предложений, замечаний, пожеланий. В комитетах выступали ответственные сотрудники КГБ, неоднократно приходилось выступать и мне.

Примечательно, что, вопреки ожиданиям, подавляющая часть предложений депутатов была направлена на усиление органов госбезопасности, предоставление им больших прав и полномочий. По инициативе депутатов в закон был включен целый раздел, посвященный социальной защите сотрудников органов госбезопасности. Нашли полную поддержку положения о централизованном управлении органами госбезопасности с четким определением полномочий союзных, республиканских и местных органов, включая совместные права и обязанности.

Ни один раздел, ни один пункт проекта закона не был размыт, ослаблен. Вместо «Закон о Комитете госбезопасности СССР» в комитетах Верховного Совета предложили другое название — Закон об органах государственной безопасности в СССР. Это название звучало шире, было обращено также к другим государственным и общественным структурам, сильнее подчеркивало слитность органов госбезопасности с системой государственности в целом.

На многие вопросы отвечает статья первая закона. Стоит воспроизвести ее содержание. *«Назначение органов государственной безопасности.* Органы государственной безопасности обеспечивают в пределах компетенции государственную безопасность Союза ССР и республик и в этих целях ведут борьбу с разведывательноподрывной деятельностью специальных служб иностранных государств и иностранных организаций против Союза ССР и республик, осуществляют защиту конституционного строя Союза ССР и республик от противоправных посягательств, защиту суверенитета и территориальной целостности государства, его экономического, научно-технического и оборонного потенциала».

Хотелось бы обратить внимание на ту часть статьи, где говорится о том, что органы госбезопасности «осуществляют защиту конституционного строя Союза ССР и республик от противоправных посягательств, защиту суверенитета и территориальной целостности государства…».

Намеченное на 20 августа 1991 года подписание договора о Союзе суверенных республик несло в себе прямую угрозу конституционному строю Союза ССР, его территориальной целостности, и поэтому противодействие этому акту означало не что иное, как защиту Конституции, законов СССР, к тому же в строгом соответствии с волей подавляющего большинства народа, выраженной на всенародном референдуме 17 марта 1991 года.

Закон регламентировал основные направления и принципы деятельности органов государственной безопасности. Специально оговаривались гарантии соблюдения прав и свобод граждан.

Законом предусматривалась гласность в деятельности органов государственной безопасности.

Финансирование и материально-техническое обеспечение органов госбезопасности определялось отдельной статьей, что особенно важно, поскольку речь шла о бюджетной организации. Подробно оговаривались обязанности и права органов госбезопасности всех уровней. Такая регламентация была зафиксирована впервые — ни в одном законодательном акте, в том числе и ведомственном, она не содержалась.

Публично заявлялось, что органы госбезопасности:

— осуществляют в законодательном порядке гласные и негласные оперативно-разыскные мероприятия, в том числе с использованием технических средств;

— проводят с последующим уведомлением прокурора, исключительно в целях пресечения разведывательно-подрывной деятельности специальных служб иностранных государств и иностранных организаций против Союза ССР и республик, противоправных посягательств на конституционный строй Союза ССР и республик, контроль почтовых отправлений и прослушивание переговоров отдельных лиц, ведущихся с использованием телефонов и других переговорных устройств.

По закону контроль за деятельностью Комитета государственной безопасности СССР должен был осуществляться Верховным Советом СССР, президентом СССР, а также Кабинетом министров СССР. Надзор за точным и единообразным исполнением законов в деятельности органов госбезопасности возлагался на Генерального прокурора СССР, прокуроров союзных республик и подчиненных им прокуроров.

Кабинету министров СССР поручалось до 1 января 1992 года утвердить положение о Комитете государственной безопасности СССР и до конца 1992 года привести в соответствие с законом все ведомственные и иные правовые акты.

Закон был принят Верховным Советом СССР 16 мая 1991 года. Обсуждение шло в течение двух дней. Поступило много конструктивных предложений, уточнений, проект был улучшен и, несомненно, мог бы служить правовой базой для органов госбезопасности в целом и их союзных структур в частности.

Однако сразу же после его утверждения в ряде республик стали раздаваться выступления против союзного закона, за принятие своих республиканских законов об органах госбезопасности явно сепаратистского плана. Политическая деятельность определенных сил не в пользу Союза все сильнее давала о себе знать, в ряде республик его применение становилось проблематичным (Эстония, Латвия, Литва, Грузия,

Украина, Молдавия, Армения). В случае подписания 20 августа 1991 года договора о Союзе суверенных республик принятый закон об органах госбезопасности в СССР вряд ли мог рассчитывать на жизнь.

Кстати, за название «Комитет госбезопасности» мы особенно не держались. Просили внести предложения по любым возможным вариантам, но в конце концов было решено не менять наименование, и члены Верховного Совета проголосовали за это, ничего иного так и не придумав.

Постатейное голосование, как и голосование в целом, проходило при подавляющем большинстве в поддержку закона. Против голосовали буквально единицы.

Во время обсуждения закона об органах КГБ в Верховном Совете у меня сложилось впечатление, что представители высшей законодательной власти решили не тянуть с его утверждением. К тому времени они уже не могли не понимать, что дело идет к трагической развязке, и в этой ситуации подкрепленный законом Комитет госбезопасности мог бы стать одним из реальных стержней сохранения союзного государства.

У закона об органах государственной безопасности действительно была одна исключительно важная сторона: он был призван сыграть роль главного стержня в защите целостности государства, а таких связующих Союз факторов к моменту принятия упомянутого закона оставалось все меньше.

После отмены статьи 6 Конституции СССР позиции КПСС решительным образом ослабли, она перестала быть цементирующим, объединяющим звеном, а равноценной замены не появилось. Был ликвидирован ряд союзных министерств, ведомств, организаций, многие отраслевые структуры управления.

Практически сводились к нулю возможности влиять на положение в республиках по своей линии у Министерства внутренних дел СССР. В этих условиях каждая возможность сохранить союзные структуры, уберечь их от разрушения приобретала особую значимость. За каждую такую возможность приходилось бороться, и далеко не всегда удавалось отстоять союзные позиции. В случае с органами госбезопасности удалось, но только в законодательном отношении.

Политические игры сепаратистов вершили свое разрушительное дело.

Одним из важнейших направлений работы в тот период была деятельность по реабилитации жертв сталинских репрессий, обнародованию всей правды об этих страшных преступлениях.

Об этом хотелось бы сказать особо и сделать небольшой

экскурс в историю.

Октябрьская революция, судя по всему, была последней в мире по масштабам, характеру, радикализму. Обстановка на планете изменилась в значительной мере под влиянием Октября и вызванных им социально-политических преобразований в нашей стране. Капитализм вобрал в себя многое от социализма, он стал ближе к народу, у его наиболее разумных представителей хватило ума, смелости и гибкости, чтобы учесть опыт 1917 года и с помощью серии мер сделать капиталистическое общество более терпимым и приемлемым для народа.

Великая мировая депрессия конца 20-х — начала 30-х годов окончательно убедила правящие круги капиталистических стран в том, что следует во что бы то ни стало находить возможности сосуществования капиталистов и остальной части общества, в противном случае социальных взрывов не избежать. Таким образом, силовые методы решения вопросов, противоречий в историческом плане стали отходить на второй план, а после Второй мировой войны они основательно уступили место политическим средствам.

Целая сумма факторов, причин и обстоятельств обусловила волну репрессий в Советском Союзе со времен Гражданской войны вплоть до 1953 года.

Гражданская война — самая что ни на есть жестокая братоубийственная война без правил. Она не могла не оставить глубокого следа, не повлиять на отношения между людьми. Покончив с нэпом, революционные методы хозяйствования вытеснили эволюционный подход к решению основополагающих проблем, приобрели господствующий характер.

После Гражданской войны нашей второй трагедией было широкое раскулачивание. Затем репрессии против политических противников — полоса беззакония, длительного по времени и значительного по числу жертв.

Ничто не может оправдать допущенных репрессий. Оценка роли в этом культа личности была дана принципиальная, извлечены уроки, сделаны выводы, предусмотрены преграды на пути возможных рецидивов.

Для реабилитации, увековечения памяти погибших, пострадавших сделано немало, но обостренное чувство долга перед жертвами дает о себе знать, будоражит умы. И все-таки списывать все невзгоды, жестокости на общественный строй, на социализм не только несправедливо, но было бы не менее трагической ошибкой.

Заслуживает осуждения за беззаконие Сталин, культ его личности, жизненно важно не допустить повторения подобного в

будущем. Что касается социализма, в нем нет ни одного положения негуманного, противоречащего интересам человека, народа. Дело — в понимании, толковании и реализации социалистических идей.

Период советской власти займет неоднозначное место в истории нашего государства, да и не только нашего, хотя его величия, грандиозных свершений никому умалить не удастся. К нему не раз будут возвращаться историки, политологи, ученые. С годами претерпят изменения оценки, иначе будут расставлены акценты, по-иному зазвучат события, имена людей того времени, одни личности займут достойное место в исторической памяти людей, пройдут дорогу к величию и славе, другие займут более скромное место, многие уйдут в тень и, более того, оставят по себе лишь черный след презрения.

Неоднозначно представляется историческая оценка личности Сталина. О нем еще появится немало публикаций, научных исследований, давность не закроет его имя в литературе, публицистике, искусстве, не говоря уже об историографии.

Сталина невозможно вычеркнуть из советского периода истории нашего государства, ибо его роль со всеми минусами и плюсами присутствует и значима в достижениях индустриализации страны, культурной революции, в развитии науки, образования, в формировании многонационального государства нового типа. Без многого из того, о чем идет речь, что было сделано в Советском Союзе, мы не выиграли бы войну с германским фашизмом — ее исход был предрешен в нашу пользу в битве один на один еще до открытия союзниками второго фронта на Европейском театре военных действий в 1944 году.

В политике и практической деятельности Сталина были крупные просчеты, ошибки и даже преступления. Стремясь к умножению мощи государства, расширению его территории и влияния в мире, он прибегал к таким средствам достижения целей, которые дорого обошлись нашему народу. Сталин, будучи бесспорно выдающейся личностью, создал во многом свою теорию построения социалистического общества в Советском Союзе. В значительной части она носила субъективный, волюнтаристский характер, создал ее Сталин по своему видению, сам сооружал схемы, определял направления развития, жестко формировал положения о надстройке и базисе, об их взаимосвязи и взаимозависимости. Одной категории — базису отдавал все, другой — надстройке — роль пленницы, инструмента во власти других факторов, сформулированных им закономерностей, хотя на практике, в жизни надстройка по воле одного человека была всесильна, вертела базисом, как считала нужным, оставляя за

бортом законы, которые так и не дождались простора для своего проявления.

Один ученый в беседе со мной как-то сказал, что Сталин в теории уподоблялся каменщику, который так делал кладку из кирпичей, что не оставлял никакого зазора, даже небольшой возможности втиснуться туда чему-нибудь иному.

Сталин был прагматичным человеком, эта черта определяла многое. На всех этапах он считал главным производство, рассматривая решение экономических проблем именно под этим углом. И в правоте тут ему не откажешь.

Жесткие планы, неизменно перенапряженные по срокам и объемам, строгий контроль за их выполнением в сочетании с ответственностью, нередко опасной для жизни в полном смысле этого слова, отражали общую атмосферу в стране. Энтузиазм был нацелен на решение производственных задач любым путем, любыми средствами, без всяких оправдательных причин. Именно это предопределяло подход к оценке действий работника любого уровня.

Во всем чувствовалась работа четко отлаженного и твердо, жестко управляемого механизма. Сбой, отставание в производстве, пусть даже на небольшом участке, немедленно кем-то замечались, принимались меры, и положение выправлялось. Достигнутые результаты были временным рубежом. То ли по инициативе на местах, то ли по указанию сверху определялись новые задачи, застой был нетерпим и недопустим. Казалось, сделать больше уже невозможно. Но это только казалось; глаза страшатся, а руки делают. И вот взяты более высокие рубежи. Что-то двигало людьми в постоянном, неиссякаемом стремлении добиваться новых высот, направляло их усилия, держало их в постоянном поиске и движении вперед.

Значительно позже я пришел к пониманию, что такой движущей силой являлся созданный Сталиным управленческий механизм, в котором свою огромную роль играла личность самого Сталина. С приходом в 1953 году к власти Хрущева начался демонтаж этого механизма. Он продолжался не один десяток лет, идет еще и сейчас, но даже его остатков нам хватает, чтобы не погибнуть окончательно.

Во всем этом можно найти и положительное и негативное, обе стороны переплелись: привлекательные цели и порой негодные средства. В результате репрессий, преследований целых групп населения травмировано не одно поколение людей. Единственный выход из создавшегося положения — откровенность, правда, сколь бы горькой она ни была.

О масштабах нарушений законности при Сталине стало

известно лишь в 60—70-х годах. Они были значительными, но требовали выяснения и уточнения многие аспекты, обстоятельства, причины, на основе глубокого и всестороннего анализа которых можно было прийти к объективным выводам.

Предстояло определить категории осужденных лиц, обоснованность их вины, порядок расследования и рассмотрения дел в судах или в специально созданных внесудебных структурах, исполнения приговоров, в том числе отбытия наказания в местах лишения свободы.

Темпы и масштабы этой работы получили особенно большой размах в 80-х годах. В 1988 году при ЦК КПСС была создана специальная комиссия по реабилитации, которая определила идеологию и организацию работы по этой проблеме. Шел поиск материалов в архивах КГБ, МВД, Прокуратуры СССР, ЦК КПСС, в Главном архивном управлении при Совете министров СССР. Производились опросы оставшихся в живых свидетелей, но их было очень мало, буквально единицы.

Активно велся поиск мест захоронений. Строго централизованного учета их не было, поэтому искали в предполагаемых районах по устным сообщениям, рассказам очевидцев. Работа давала результаты, и к 1990 году появились обобщенные данные.

Так, было установлено, что в 30—50-х годах (до 1953 года) по обвинению в политических преступлениях было репрессировано 3 778 234 человека. Из них высшей мере наказания — расстрелу — подвергнуто 786 098 человек. Цифры ужасны и говорят сами за себя.

Комитет госбезопасности не скрывал данных о репрессиях, местах захоронения, лицах, причастных и виновных в нарушении законности. Однако до полной убежденности в их достоверности мы не считали возможным предавать гласности всю информацию, потому что знали, сколь остро воспринимается она общественностью, и ошибки здесь были недопустимы.

За некоторое опоздание с информированием органы госбезопасности не раз подвергались критике, подозревались в стремлении скрыть правду. Но это не так, хотя имели место и неоперативность, и недостаточность мер по выявлению необходимых данных. Гласная работа комиссии при ЦК КПСС по реабилитации, равно как и неоднократные обращения КГБ к населению с просьбой помочь в получении сведений были полезными, позволили, в частности, обнаружить ряд неизвестных захоронений.

Одной из сложных проблем являлось катынское дело. В архивах КГБ по состоянию на 1988 год материалов, которые

проливали бы свет на эту проблему, обнаружено не было. Версия о причастности советской стороны к гибели польских военнослужащих со счетов не сбрасывалась. Она исследовалась, более того, некоторые обстоятельства (например, переписка польских офицеров оборвалась весной 1940 года) вызвали сомнения в достоверности официальной советской версии о том, что уничтожение пленных поляков в Катыни — дело рук немцев. Сомнения испытывал и Фалин, работавший в то время заведующим международным отделом ЦК КПСС.

В начале 1989 года я, как председатель КГБ, и Фалин обратились в ЦК КПСС с предложением не отбрасывать версию о причастности НКВД к уничтожению поляков, начать поиск документов, провести расследование и откровенно поделиться с польским руководством нашими сомнениями.

В том же 1989 году, помимо Катыни, были обнаружены еще два захоронения польских военнослужащих в городах Владимире и Харькове. Были найдены также некоторые документы, которые свидетельствовали о том, что ликвидация польских военнопленных офицеров была исполнена НКВД.

Об этом было сообщено польскому руководству.

Как известно из недавних официальных сообщений, в 1992 году в архивах ЦК КПСС было наконец найдено решение политбюро ЦК ВКП(б) 1940 года о ликвидации польских военнопленных. Об этом был проинформирован президент Польши Лех Валенса.

Такой оказалась одна из трагических страниц в советско-польских отношениях. Можно лишь выразить надежду, что эта трагедия навсегда стала историей, которая не должна отразиться на дальнейших отношениях между Польшей и Россией.

Сейчас нам стали известны основные сведения о массовых репрессиях, расстрелах, осуждениях на длительные сроки лишения свободы значительного числа людей. В подавляющей массе это были невинно пострадавшие люди.

Я часто задавался вопросом, знали ли сотрудники органов госбезопасности тогда, а если знали, то в какой мере, что происходит, что безвинно гибнут люди, жестоко ломаются судьбы членов их семей. За время работы в комитете я беседовал с чекистами, которые работали в органах при Сталине. Мне представлялось — они не могли не ведать того, что происходило вокруг.

Далеко не все молчали, мирились с репрессиями, с обстановкой, находилось немало сотрудников, которые поднимали голос протеста, заступались за своих товарищей, пытались добиться правды.

Я услышал не одну впечатляющую историю об обстановке в органах тех времен. В 1937 году, например, был расстрелян практически весь личный состав Омского управления НКВД за отказ участвовать в репрессиях. Состоялся скорый суд, и судьба сотрудников управления была решена.

Обстановка в системе НКВД была окутана мраком гнетущих ожиданий. Каждый занимался своим делом и не знал, какие конкретные дела вел его сослуживец. В кабинете могли находиться несколько сотрудников, каждый из них был занят решением своих вопросов, никаких серьезных, служебных советов друг с другом, разговоры только на общие темы. Периодически сослуживцы вдруг недосчитывались какого-либо соседа по рабочей комнате, вопросов не задавали, но каждый задумывался; через день-два начальство сообщало, что исчезнувший сослуживец — «враг народа», арестован, будет предан суду. Удивительное дело — соседей по кабинету, как правило, не допрашивали, что придавало всему происходящему мрачную таинственность.

Но люди есть люди, у них возникает невольная потребность поговорить о чем-то сокровенном, наболевшем, мучительном.

Однажды два сослуживца поделились между собой сомнениями в виновности их арестованного товарища. Один даже бросил фразу, не ошибается ли Берия, знает ли он правду, доходит ли до него достоверная информация? По тем временам такой разговор мог закончиться трагически. И вот после 1953 года они вспомнили тот разговор и откровенно поведали друг другу, что испытывали острый страх, мучились опасениями, не доложит ли кто из них первым о высказанном другим сомнении!

Что смущало, сбивало с толку? Арестованные давали признательные показания, которые привязывались к подлинным эпизодам из их жизни, и в ходе судебного процесса рассказы о преступной деятельности казались правдоподобными.

Однако со временем сомнений накапливалось все больше, появлялись нестыковки, да и просто внутреннее чутье подсказывало что-то неладное.

После войны количество дел, а следовательно, и арестованных заметно поубавилось, что в какой-то мере снижало остроту проблемы.

Дезориентировало официально декларируемое стремление руководства НКВД к «строгому» соблюдению правовых норм в служебно-оперативной работе. За малейшие нарушения строго взыскивали, подвергали критике на служебных совещаниях, партийных собраниях, осуществляли жесткий контроль, короче, была полная видимость соблюдения законности.

Были случаи, когда подобные вопросы ставились на партийных собраниях, некоторые обращались к Сталину, давали показания в защиту своих сослуживцев. Как правило, все это заканчивалось печально, трагически. Только в 1934–1939 годах за «контрреволюционные преступления» было расстреляно 21 880 сотрудников органов безопасности. Известны многочисленные случаи попыток со стороны сотрудников органов помочь гражданам, облегчить судьбу арестованных и членов их семей.

Оговоры, самооговоры не были исключением. В результате невинно страдали другие.

По настоятельной просьбе советских и иностранных граждан я тогда давал разрешение ознакомить их с делами на репрессированных родственников. Впечатления были тяжелыми. Тогда мы приняли решение не показывать дела с материалами, содержащими оговоры, в результате которых пострадали люди. Ничем иным, кроме гуманных соображений, мы при этом не руководствовались.

Один гражданин, кстати широко известный в стране, после ознакомления с делом на своего отца выразил искреннее сожаление, что уговорил меня показать ему материалы, и признался, что получил тяжелую моральную травму. Я, как мог, успокаивал его, уповая на то, что нечеловеческие обстоятельства, в которых оказался его отец, дают основания для проявления снисходительности.

В результате репрессий погибли люди различных убеждений, взглядов, социального положения. Источник трагедии — нарушения законности, изъяны, пороки системы. Пострадавшие не были единомышленниками, их порой разделяли идеологические и политические барьеры, жизни же лишались и те и другие.

Память о них должна быть одна, и памятник, следовательно, должен быть один, как были общими захоронения. Такой подход лишь подчеркнет общность трагедии, необходимость единения людей в беде, знак примирения и согласия сегодняшнего и будущих поколений. Аналогичные примеры этому есть: в Испании воздвигнут памятник всем погибшим в ходе гражданской войны в 1930-х годах как с той, так и с другой стороны.

Ныне работающие в органах госбезопасности сотрудники, как и я, не имели никакого отношения к сталинским репрессиям и не несут за это ответственности. На их долю выпала большая работа по реабилитации репрессированных, увековечению памяти безвинно погибших. Они честно выполняют свой долг.

Я знаю, что чекисты очень переживают по поводу трагических страниц нашей истории и к выявлению всей правды относятся с

полной ответственностью. Поиск, уточнения продолжаются, не было попыток что-то скрыть, было лишь стремление установить истину, не ошибиться, донести до людей правду, никого не забыть.

В июле 1991 года в Комитете госбезопасности состоялась моя встреча с группой репрессированных и впоследствии реабилитированных лиц. Она продолжалась несколько часов и вылилась в откровенный и деловой разговор.

В адрес КГБ была высказана признательность за работу по реабилитации, установлению невинно пострадавших лиц, поиск мест захоронений. Вместе с тем раздавались и критические замечания за неоперативность, недостаточную ясность по конкретным делам, за нерешенность многих вопросов в целом. В частности, поднимались вопросы о неудовлетворительном положении дел с материальной компенсацией, обеспечением жильем, лечением, изданием литературы по этой тематике.

Обсуждение показало готовность и желание заинтересованных сторон совместно решать вопросы, воссоздать картину происшедшей трагедии в память о пострадавших и в назидание будущим поколениям. Договорились о конкретных мерах по взаимодействию между Комитетом госбезопасности и его органами на местах и соответствующими организациями, занимающимися жертвами репрессий.

В развитие этого был подготовлен даже проект постановления правительства о решении вопросов, связанных с реабилитацией.

21 августа 1991 года по Центральному телевидению должен был состояться показ упомянутой встречи, однако августовские события помешали этому.

В октябре 1989 года я был избран членом политбюро ЦК КПСС. Подобного выдвижения по партийной линии никак не ожидал. Но важно другое: пройдет всего несколько месяцев, как будет отменена статья 6 Конституции СССР, и с монополией КПСС, ее руководящей ролью в правовом отношении фактически будет покончено. Состав политбюро ЦК сильно изменится, и министры там уже не будут представлены.

Этим хочу подчеркнуть стремительность развития событий, изменения обстановки, а также невозможность да и неспособность в то время просчитать ситуацию даже на полгода вперед. Время раскачки, то и дело бросал слова Горбачев, прошло, начался новый этап в развитии общества — этап быстрых перемен, ломки привычных схем и стереотипов, которые несли с собой, как он и его политические сторонники утверждали, обновление общества, а на самом деле — крушение союзного

государства.

Еще до своего избрания в политбюро я стал регулярно бывать на его заседаниях (как только был назначен председателем КГБ).

Сейчас в адрес партии, ее руководящих органов, и в частности политбюро, раздается много критики, незаслуженных обвинений. Даже небольшой по времени опыт работы в политбюро позволяет мне со всей ответственностью заявить: сложившаяся практика и стиль работы этого партийного органа содержали в себе немало положительного, поучительного. По своим потенциальным возможностям это был коллективный орган для обсуждения вопросов и принятия соответствующих решений. Обсуждение носило принципиальный, основательный характер, вопросы, как правило, тщательно готовились; на заседания приглашались руководители заинтересованных ведомств и организаций. Если у членов политбюро возникали сомнения и хотя бы один из них возражал, вопрос снимался и отправлялся на доработку.

Пожалуй, в то время в стране просто не было другого столь отлаженного и работоспособного коллективного органа. В условиях однопартийной системы подобная практика обеспечивала серьезный заслон волюнтаризму, но в обстановке развития подлинно демократических начал действительно нужны были иные институты управления, иные руководящие органы.

Политбюро с тогдашними функциями и полномочиями явно не вписывалось во время. Однако никакой другой орган из существовавших тогда не в состоянии был заменить политбюро. Прекращение его деятельности в прежнем качестве, к тому же ничем не компенсированное, немедленно привело к образованию серьезного пробела в системе управления государством.

Самый большой недостаток в той системе управления, когда на вершине пирамиды находилось политбюро, состоял в чрезмерной централизации. Там решались и большие, и малые вопросы. Политбюро знало и владело ситуацией в стране, видело осложнение проблем, но продолжало работать по инерции, каждодневно беря на себя ответственность за все происходящее. К этому так привыкли руководители многих ведомств и организаций, что норовили по каждому вопросу получить решение политбюро, а потом, прикрываясь им, спокойно жить — индульгенция от ответственности получена.

Узловые проблемы политбюро держало в своих руках прочно, и не во всех случаях это было плохо. Помню, в 1989 году Совмин СССР вышел с предложением осуществить разовую эмиссию денег на сумму всего 500 миллионов рублей. После острой дискуссии предложение не было принято: члены политбюро расценили

подобную меру как возможное начало опасного процесса, который затем будет трудно сдерживать.

…Я уже отмечал, что обо всех негативных явлениях в жизни страны, перекосах в политике и их последствиях Комитет госбезопасности своевременно и объективно докладывал высшему руководству.

Информация Комитета госбезопасности и его органов на местах в своей подавляющей части была объективной, правда — безрадостной, особенно в 1990–1991 годах. Не было никакого намерения да и надобности искажать информацию. Традиционно сложилось так, что информационно-аналитические материалы, как правило, менее остро отображали события по сравнению с тем, как было на самом деле. Всегда оставлялся резерв прочности, чтобы справляться с возможными попытками опровергнуть информацию, поставить ее под сомнение.

В информациях содержались заслуживающие внимания сведения о причинах назревания конфликтов, об экстремистских националистических организациях, лицах, движущих силах. Почти все начиналось с малого. Но Горбачев не хотел обращать внимание на это малое! А беду можно было предупредить, не допустить.

Нарушение вертикальных и горизонтальных связей, перебои в поставках сырья, комплектующих, сокращение производства, остановка целых предприятий и т. д. — обо всем этом направлялись сообщения с прогнозами, в том числе и информация, полученная Комитетом за рубежом и подтверждающая движение нашей экономики к краху. Внутренняя и внешняя информация дополняла друг друга и делала ее еще более убедительной. Довольно точно предсказывались этапы кризиса, характер и масштабы обострения. Так что в происходящем сегодня нет чрезмерных неожиданностей и чего-то удивительного. Докладывались также важные, по мнению Комитета, соображения по предупреждению опасного развития событий.

Повсеместно в стране усиливалась социальная напряженность. Она все шире охватывала рабочих, интеллигенцию, молодежь, значительную часть крестьянства. Опасно росла напряженность в армии, которую унижали, оскорбляли, пинали. Недовольство стало выливаться в острые проявления — митинги, пикетирования, забастовки. Ущерб от последних исчислялся миллиардами. В стране действовали разные силы: одни — подстрекали, призывали на улицу, рвались к власти, обещая золотые горы, другие — пытались без демагогии объяснить ситуацию, но не были услышаны или услышаны, но не

поняты. В центре и на местах власти теряли авторитет и влияние, оказывались неспособными управлять.

В течение ряда лет шла настораживающая информация о процессах, назревавших в Союзе. Центробежные силы набирали скорость и силу, подхватывались то в одной, то в другой республике. Многие проблемы четко обозначились, и мимо них уже невозможно было проходить, хотя ситуация в целом могла еще быть спасена. Однако центр терял способность контролировать и управлять процессами, использовать настроения большинства населения страны, высказывавшегося в пользу сохранения Союза.

7 декабря 1991 года по радио впервые передали сообщение о том, что Горбачев уйдет в отставку, если произойдет развал Союза, он, мол, не хочет быть участником трагедии. Возникает вопрос, а разве до этого он присутствовал при укреплении Союза?

Комитет располагал всесторонней информацией о положении в бывших социалистических странах. Мало кто не понимал, что эти страны охватывает глубокий кризис. Росла социальная напряженность, недовольство активно подогревалось и принимало резкие формы. К сожалению, реакция тогдашнего руководства в этих странах была неадекватной происходившим событиям. Все спасались поодиночке.

Друзья в социалистических странах рассчитывали на нашу моральную, политическую поддержку, но ее не получали. В целом расстановка социально-политических сил в этих странах была в пользу существовавшего тогда общественного строя. В одночасье все переменилось. Прекратили существование Организация Варшавского договора, Совет экономической взаимопомощи.

Информация Комитета госбезопасности и здесь была упреждающей, достаточно всесторонней и глубокой. Она не была обманом, дезой!

В средствах массовой информации много говорили о моем выступлении на закрытом заседании Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года.

Действительно, необычное заседание, необычное выступление. Депутаты — члены Верховного Совета проявляли все больше беспокойства за положение дел в стране. Оно ухудшалось по всем направлениям: росла политическая нестабильность, экономические показатели становились все хуже и хуже, уровень жизни населения падал и, как следствие всего, опасно усиливалась социальная напряженность. От кого зависело исправление положения? Кто должен, кто обязан был предпринять необходимые меры? Эти вопросы ходили среди депутатского корпуса.

Откровенно ругали Горбачева. О нем высказывались самым негативным образом. Не раз члены Верховного Совета взрывались негодованием в его адрес, а потом как-то все сходило: он предлагал очередной вариант решения проблемы, щедро сыпал обещаниями, зал успокаивался и тоже закрывал глаза на действительность, а страна продолжала двигаться к глубочайшему кризису.

В июне 1991 года на трибуну Верховного Совета депутаты в очередной раз вытащили председателя Кабинета министров Павлова и заодно решили послушать трех союзных министров: обороны, внутренних дел и председателя КГБ.

Павлов понимал, куда идет страна в экономике — к хаосу. Исправить положение дел в народном хозяйстве без чрезвычайных мер было уже невозможно. Кабинет же министров был лишен многих полномочий и прав еще в ноябре 1990 года, когда Верховным Советом они были переданы президенту СССР Горбачеву.

Тогда Горбачев произнес боевую речь, четко определил, что надо делать, подчеркнул, что многие беды идут от слабой исполнительной власти. Он предложил выход — возложить на президента непосредственное руководство исполнительной властью, таким образом сделать последнюю еще более слабой.

Верховный Совет уцепился за призрачную надежду, поверил, вернее, хотел поверить в чудо — и, конечно, в очередной раз обманулся: дела пошли еще хуже! Председатель же Кабинета министров лишился многих полномочий, а точнее, власти, стал, по сути, бесправной, чисто номинальной фигурой.

На упомянутом заседании Верховного Совета Павлов выступил достаточно остро. Объективно, не сгущая краски, обрисовал ситуацию и в заключение еще раз обратился с предложением наделить Кабинет министров и его как председателя необходимыми полномочиями. Он даже не просил, а сказал, что без минимума необходимых полномочий правительство бессильно. На следующий день выступили Пуго, Язов и я — все примерно в одном ключе.

После наших выступлений на следующее заседание Верховного Совета прибыл Горбачев. Для него выступление Павлова, да еще с таким предложением, было неожиданностью. Он постарался дезавуировать предложение о наделении Кабинета министров нужными полномочиями, и в итоге инициатива Павлова не была поддержана. Да и сам Павлов заколебался, он явно не хотел открыто идти против Горбачева.

Президент был не на шутку встревожен речью премьера, прямо спрашивал, что все это означает. Он исходил из того, что

никто, кроме него, не может вести дела лучше. И вообще считал, что без него государство пропадет, а Запад никого, кроме него, признавать не будет. Негативно отнесся Горбачев и к нашим выступлениям.

В конце 1991 года мне передали в тюрьму газету «День» за 15–21 декабря. В ней было опубликовано мое выступление на Верховном Совете под заголовком «Последняя речь в Кремле». В свое время сообщалось, что кто-то из депутатов записал мое выступление на пленку. Летом 1991 года отрывки из него были переданы по Ленинградскому телевидению Невзоровым.

Горбачев возмущался по поводу утечки, но я счел поступок журналиста патриотическим и запретил предпринимать в отношении его какие-либо меры. Так широкая общественность узнала о точке зрения Комитета госбезопасности на ситуацию в стране и перспективы ее развития.

Своему выступлению на Верховном Совете я придавал и сегодня придаю большое значение. Считаю полезным частично воспроизвести его в своей книге в качестве иллюстрации к тому, что произошло в августе 1991 года.

Но, прежде чем приступить к изложению выступления, мне хотелось бы привести выдержки из комментария газеты «День».

«Роль шефа КГБ в событиях августа, — говорится в газетном предисловии, — не поддается однозначному толкованию. По его приказу случилось форосское затворничество президента. Именно он, если верить бывшему вице-премьеру Щербакову, сообщил главе правительства о тяжелой «болезни» Горбачева, о скоплении боевиков вокруг Кремля и предложил ввести чрезвычайное положение.

Но после образования ГКЧП Крючков словно бы «умывает руки»: подчиненный ему могучий аппарат все три смутных дня пил чай в ожидании указаний и не ударил палец о палец, чтобы восстановить законность и порядок в стране».

Далее в комментарии отмечалось, что ряд представителей консервативной оппозиции видели за нерешительностью шефа КГБ сговор с Горбачевым, то есть готовился не путч, а инсценировка путча, призванная выявить и устранить политических противников президента. В кругах же, близких ГКЧП, нелогичное поведение Крючкова расценивается как поведение законопослушного государственного деятеля, который не мог смириться с творимыми в стране безобразиями, но и не мог решиться на применение силы, дабы пресечь все эти безобразия.

Далее в комментарии исключается возможность захвата Крючковым власти. По мнению газеты, в его намерения входило

лишь заставить президента одуматься, пока не поздно, и принять меры к сохранению Союза.

Газета «День» верно отметила, что об истинном положении дел в стране я знал больше других и отчетливо видел, что ей грозит. «Насколько обоснованны были его прогнозы, — заключает газета «День», — мы можем убедиться, обратившись к выступлению Крючкова на закрытом заседании сессии Верховного Совета СССР. Сравним сказанное тогда, в середине 1991 года, с тем, что есть теперь…»

Комментарий газеты «День» к моей речи содержит ряд вопросов, и я дам на них ответы при изложении моментов, касающихся августовского выступления. Далее, с некоторыми сокращениями, излагалось мое выступление на сессии Верховного Совета СССР.

«Уважаемые товарищи депутаты! Пользуясь тем, что заседание закрытое, позвольте мне, может быть, несколько обостренней, откровенней изложить, как Комитет госбезопасности видит ситуацию в нашей стране и вокруг нее.

Сегодня трудно давать оценку нынешней обстановке в стране, но реальность такова, что наше Отечество находится на грани катастрофы. То, что я буду говорить вам, мы пишем в наших документах президенту и не скрываем существа проблем, которые мы изучаем. Общество охвачено острым кризисом, угрожающим жизненно важным интересам народа, неотъемлемым правам всех граждан СССР, самим основам Советского государства. Если в самое ближайшее время не удастся остановить крайне опасные разрушительные процессы, то самые худшие опасения наши станут реальностью. Не только изъяны прошлого и просчеты последних лет привели к такому положению дел. Главная причина нынешней критической ситуации кроется в целенаправленных, последовательных действиях антигосударственных, сепаратистских и других экстремистских сил, развернувших непримиримую борьбу за власть в стране…

Пока мы рассуждаем об общечеловеческих ценностях, демократических процессах, гуманизме, страну захлестнула волна кровавых межнациональных конфликтов. Миллионы наших сограждан подвергаются моральному и физическому террору. И ведь находятся люди, внушающие обществу мысли, что все это — нормальное явление, а процессы развала государства — это благо, это созидание…

Все более угрожающие масштабы приобретает преступность, в том числе организованная. Она буквально на глазах политизируется и уже непосредственно подрывает безопасность граждан и общества…

Все отчетливее проявляются апатия, ощущение безысходности, неверие в завтрашний день и даже какое-то чувство обреченности. А это очень тревожный симптом. Ясно, что такая пассивность на руку политиканам, теневикам, коррумпированным элементам, рвущимся к власти. При таком положении любой лозунг может обрести в нашей стране свою почву…

Нужны настойчивость и решительность в главном — защите Конституции СССР, кстати никем не отмененной, в выполнении воли народа, ясно выраженной во всесоюзном референдуме о сохранении Союза ССР, обеспечении прав и законных интересов граждан…

…Главное наше достояние — это складывающийся веками великий союз народов. Его сохранение — священный долг перед поколениями, которые жили до нас, и теми, кто придет нам на смену. Тут в полную силу пора говорить о нашей исторической ответственности.

Конечно, причина нынешнего бедственного положения имеет прежде всего внутренний характер. Но нельзя не сказать и о том, что в этом направлении активно действуют и определенные внешние силы. Хотел бы в этой связи сделать небольшое отступление и привлечь ваше внимание к одному весьма примечательному документу, подготовленному в 1977 году внешней разведкой Комитета государственной безопасности… Адресован он ЦК КПСС и называется «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан». Я прочитаю этот документ, он небольшой.

«По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, в последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза.

ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающие приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, одним из важнейших аспектов подготовки такой агентуры является преподавание методов управления в руководящем звене

народного хозяйства.

Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа в народном хозяйстве и искривления руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки.

По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях.

По заявлениям американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества, и прежде всего в экономике, что приведет в конечном счете к принятию Советским Союзом многих западных идеалов. КГБ учитывает полученную информацию для организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки».

Подпись — *председатель КГБ Ю. Андропов».*

Во время чтения этого письма в зале стояла мертвая тишина. После его оглашения депутаты активно заговорили между собой, мне пришлось сделать паузу и только потом продолжить выступление. Один депутат после сказал мне, что не верилось, но все абсолютно точно накладывалось на действительность.

«Через несколько дней будет ровно полвека, — говорилось в выступлении далее, — как началась война против Советского Союза, самая тяжелая война в истории наших народов. И вы, наверное, сейчас читаете в газетах, как разведчики информировали тогда руководство страны о том, что делает противник, какая идет подготовка и что нашей стране грозит война.

Как вы знаете, тогда к этому не прислушались. Очень боюсь,

что пройдет какое-то время, историки будут копаться в сообщениях не только Комитета госбезопасности, но и других наших ведомств и будут поражаться тому, что мы многим вещам, очень серьезным, не придавали должного значения. Я думаю, что над этим есть смысл подумать всем нам.

Стремительное ухудшение ситуации в стране, небывалое ослабление Советского государства крайне отрицательно сказываются на международном положении Советского Союза. С нами уже фактически пытаются разговаривать, как со второразрядной державой, лишь слегка прикрывая политику диктата благообразной дипломатической фразой.

Не надо питать иллюзий, на происходящее в Советском Союзе ведущие западные страны, и прежде всего Соединенные Штаты Америки, смотрят прагматично — исключительно через призму собственных интересов. Отсюда настойчивое, если не сказать — ультимативное выдвижение вполне конкретных условий, которые СССР должен выполнить уже сегодня в ответ на туманные обещания и благосклонность в экономической помощи со стороны Запада завтра.

В числе этих условий — проведение фундаментальных реформ в стране не так, как это видится нам, а так, как задумано за океаном, сокращение Советским Союзом ниже допустимых пределов расходов на оборону, свертывание отношений с дружественными нам государствами, уступки Западу в так называемом прибалтийском вопросе и другие. Кстати, у нас есть достоверная информация относительно кредитов. Разговоры о том, что нам могут выделить кредиты в пределах 250, 150, 100 миллиардов, — это сказки, это иллюзии. Это или самообман, или обман других. Но представим себе, что можно получить 15–20 миллиардов долларов. Дорогие товарищи, это же не спасет, потому что здесь важнее другое — чтобы работала наша страна, работала наша экономика, потому что такая страна, как наша, может спастись и обеспечить себя только сама.

Западные страны используют наши внутренние трудности для достижения своих стратегических целей в ущерб территориальной целостности СССР. Не случайно было, например, заявление официального представителя США о признании Советского Союза лишь в границах 1933 года.

…Мне кажется, что стоит нам тронуть территориально-пограничный вопрос в одном месте, как это породит цепную реакцию».

В это время кто-то в зале подал голос: «Этого нельзя допустить!»

«Кстати говоря, по сообщениям, которые мы получаем, — это

и в открытой печати проходит — в Соединенных Штатах Америки и в некоторых других западных странах считают, что развал Советского Союза предрешен. И уже раздаются не только за рубежом, но и у нас голоса о том, что нормализовать положение нашей страны можно якобы лишь с применением сил Организации Объединенных Наций. Скажу больше. Есть данные о разработке планов умиротворения и даже оккупации Советского Союза в определенных условиях под предлогом установления международного контроля над его ядерным арсеналом. Кстати говоря, нам все труднее приходится на наших границах…

Должен вам сообщить, что нет такого принципиального вопроса, по которому мы не представляли бы объективную, острую, упреждающую, часто нелицеприятную информацию руководству страны и не вносили бы совершенно конкретное предложение. Однако, разумеется, нужна адекватная реакция…

Обстоятельства таковы, — говорил я притихшему депутатскому корпусу, — что без действий чрезвычайного характера уже просто невозможно обойтись. Не видеть этого — равносильно самообману, бездействовать — значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия.

Уважаемые товарищи депутаты! В ваших руках находится судьба народов нашей огромной страны, Советского государства, от вашей мудрости и решительности зависит — быть или не быть великой державе, сумеем ли мы остановиться на краю пропасти. Обстановка, видимо, сегодня такова, что требует от всех нас отрешиться от личного, придать должное общегосударственному, и прежде всего — борьбе за сохранение Союза. Все остальное, мне думается, должно быть подчинено этому».

Хочу еще раз напомнить, что все это было сказано мною 17 июня 1991 года. До Беловежских соглашений оставалось менее шести месяцев.

За прошедшее время мое выступление на закрытой сессии Верховного Совета СССР было опубликовано в ряде местных изданий, в 1994 году в газете «Советская Россия», появилось оно и в некоторых зарубежных изданиях. Читатель заметил, что предсказания, к сожалению, сбылись. Наша действительность стала даже более тяжелой и трагической, чем мы предполагали до августовских событий.

С одной стороны, развитие событий сегодня оправдывает инициаторов создания в августе 1991 года Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР. Время показало обоснованность этой меры, и слова о грозящей опасности для Союза не были пустым звуком.

С другой стороны, августовские события не снимают с нас ответственности за все происшедшее, ибо действия по спасению державы должны были быть более решительными и целеустремленными, потому что слишком много было поставлено на карту.

После выступления на сессии мне пришлось ответить на многочисленные вопросы. Более двух часов я стоял на трибуне и старался терпеливо ответить на каждый вопрос, приятный или неприятный, корректный по форме и содержанию или обидный для меня и органов госбезопасности. Но в целом в вопросах членов Верховного Совета, в отдельных их комментариях звучала озабоченность, тревога, и мне казалось, что это говорило о том, что цель выступлении Павлова, Язова, Пуго и моего в какой-то мере была достигнута.

В частности, депутат Амбарцумян поинтересовался прогнозами Комитета госбезопасности о развитии обстановки в Советском Союзе и вокруг него.

Я ответил, что прогнозировать в такой обстановке дело непростое, ввиду влияния на развитие ситуации многих факторов, в том числе и внезапно возникающих. Но тем не менее Комитет госбезопасности на основе обобщений и анализа материалов, как советских, так и полученных из других стран, делает нужные выводы, докладывает их руководству страны, сколь бы нелицеприятными они ни были.

Я заметил, что можно оставаться оптимистом, попытаться найти выход из сложного лабиринта событий и обстоятельств, в которых мы оказались, но при одном условии — если нам удастся сохранить Союз. «Мне представляется, — подчеркнул я, — что все остальное — дело второстепенное. Главное — сохранение нашего Союза».

Я подчеркнул также, что интегрируются Европа, Латинская Америка, интегрируется Азия, создаются союзы пяти, семи, двенадцати государств, временные, на постоянной основе, по отдельным проблемам, по отдельным направлениям экономической жизни, начала объединяться по некоторым позициям даже Африка, по крайней мере отдельные регионы этого континента.

Интеграция — веление времени, естественный процесс. Но что же случилось с нами? Я выразил надежду, что если мы сможем доказать советским людям — а они понятливые, разбираются во многом и в конце концов поймут, — что без Союза мы все пропадем, что без Союза жить невозможно, что без него нет у нас никакой благоприятной перспективы, то это уже будет половина дела. Счел нужным указать на то, что основой

нашего Союза должно служить единое экономическое пространство, что Союз — самое дорогое, лучшая гарантия нашего уверенного завтра.

Тут же я подчеркнул, что мы безбожно терзаем нашу историю, подходим к ней исключительно с критических, разносных позиций как в целом, так и по отдельным этапам ее развития. Что не следует обелять период сталинских репрессий, но вместе с тем у нас были яркие страницы, определявшие лицо и перспективы развития нашего государства, позволившие нам выжить и победить в Великой Отечественной войне.

Я указал, что так думают не только трезво мыслящие люди в нашей стране, но об этом же говорят и документы, полученные нами из ряда западных стран конфиденциальным путем, не предназначенные для нас.

До сих пор очень сожалею о том, что заседание Верховного Совета носило закрытый характер, что наши выступления не были услышаны широкой общественностью, всем советским народом. Думаю, в этом случае тогдашнему президенту Советского Союза труднее было бы отмахнуться от того, что было сказано в наших выступлениях.

Настроение многих народных депутатов, в том числе и спикера Верховного Совета Лукьянова, было таково, что добиться открытого заседания можно было, прояви докладчики настойчивость и отбрось в сторону нежелание как-то «чрезмерно» задеть Горбачева.

После выступления ко мне подходили депутаты, одни выражали согласие, другие отнеслись к нему с пессимизмом, неверием в возможность выправить ситуацию. Помню, один из них бросил фразу, что решил еще раз поверить словам Горбачева.

У меня создалось впечатление, что депутатский корпус отлично понимал всю глубину кризиса, готов был пойти на принятие нужных решений, но все они нуждались в лидере, способном повести за собой, хотели верить президенту и волей-неволей останавливались на пассивном варианте — еще немного подождать, может быть, все само собой образуется. Как каждый человек где-то в душе верит в собственное бессмертие, так и депутаты, вероятно, полагали, что кругом все будет рушиться, а они, словно чудесный островок, уцелеют, и потому продолжали обсуждать проблемы, проекты постановлений, от которых уже никому не было ни холодно ни жарко.

Не хотел бы с позиций сегодняшнего дня комментировать свое выступление. Верил ли я в то, что говорил на сессии Верховного Совета? Безусловно! Мой порыв исходил из стремления предупредить тех, от кого многое зависело. И все же

на одну сказанную мной фразу я хотел бы обратить внимание.

«Конечно, причина нынешнего бедственного положения имеет прежде всего внутренний характер, — говорилось в выступлении. — И сейчас, применительно к нынешней ситуации, стоит особо подчеркнуть, что никакие действия внешних факторов не были и не являются определяющими, фатальными. Такая большая страна, как наша, лишь сама в состоянии справиться со своими бедами.

Любая иностранная помощь — есть помощь, и не больше. И бедственное положение и выход из кризиса — было и остается делом наших рук. В них наша судьба. В этих условиях одни выполняют свой долг или, по крайней мере, стараются, другие выступают как разрушающая сила, а третьи — находятся в состоянии ожидания, пессимизма, наблюдателей. Кому что! Но в итоге, как бы в отместку за отсутствие гражданской позиции, самые большие беды всегда обрушиваются на безучастных наблюдателей!»

…Негативные тенденции, снежным комом нараставшие в стране, не могли не сказаться и на Комитете госбезопасности. Слишком много идеалов было растоптано, слишком много сомнений западало в души людей… А ведь в деятельности чекистов всегда доминировала именно идейная основа.

Справедливости ради должен сказать, что чекисты оказались и наиболее подготовленной к потоку «демократического» наступления частью нашего общества. Видимо, сама специфика работы делала их более закаленными, и том числе и в идейном отношении.

В 1988–1991 годах большие кадровые перестановки были произведены во многих подразделениях КГБ и его территориальных органах. Целая плеяда сравнительно молодых сотрудников получила назначение на более высокие должности, в том числе были и такие, кто получил повышение сразу через две-три ступени. Их дальнейшая работа показала, что ошибок при назначениях почти не было.

Август 1991 года высветил людей ярче, четче, образно говоря, обнажил их суть. С огромным удовлетворением хотел бы отметить, что неприятных сюрпризов было мало. А вот колоритных, стоящих сослуживцев появилось много. И речь идет вовсе не об их отношении — положительном или отрицательном — к трем августовским дням. Речь идет прежде всего об их гражданской позиции, о долге перед Родиной, о чисто человеческих качествах.

Что бы ни говорилось, что бы ни писалось о кадрах органов госбезопасности в связи с августовскими событиями, в целом они

заслуживают высокой оценки, уважения и доверия. Если встать на точку зрения Горбачева, можно обвинить их во всевозможных грехах, что и было не без успеха сделано в средствах массовой информации. Но многое уже встает на свои места, многочисленные обвинения в адрес чекистов уже не находят в обществе той реакции, на которую рассчитывали их инициаторы. Конкретные дела сотрудников органов госбезопасности покажут, что они достойны уважения своего народа, против которого они никогда не выступали, не поднимали на него руку, в том числе и в августовские дни 1991 года.

Теперь о моем видении того, что произошло в Комитете госбезопасности и вокруг него после трех августовских дней 1991 года. Обстановка действительно была непростой, не все представлялось ясным, выводы и меры посыпались на органы госбезопасности, и все преимущественно разрушительного характера, без какой-либо попытки остановиться, разобраться, а затем уже решать.

Шел мощный поток ломки, в водоворот которого попадали самые различные государственные и общественные структуры.

24 августа 1991 года консультант президента СССР Ревенко собрал Кабинет министров и, сославшись на поручение Горбачева, объявил о его роспуске. Недоуменные вопросы членов кабинета остались без ответа.

В тот же день Горбачев заявил о роспуске Центрального комитета КПСС, политбюро и секретариата ЦК. Партия фактически была ликвидирована и устранена с общественно-политической арены.

Ельцин заявил о запрещении деятельности КПСС на территории РСФСР. Президент СССР своим указом упразднил ряд союзных министерств и учреждений.

Вскоре Съезд народных депутатов СССР принял решение о самороспуске, а Верховный Совет Союза сначала провел ряд мер по ограничению своих полномочий, произвел структурные изменения, а в декабре 1991 года вовсе прекратил свое существование.

Удары обрушились и на Комитет госбезопасности СССР. 24 августа председателем комитета был назначен Бакатин. Для того чтобы лучше понять все, что затем произошло с комитетом, необходимо остановиться на личности Бакатина, тем более что в 1992 году вышла его книга под броским, но вполне понятным названием «Избавление от КГБ».

В книге, посвященной именно этой задаче, содержатся любопытные умозаключения автора, характеристики этой организации и отдельных лиц, выводы, к которым он пришел за

107 дней пребывания на посту председателя КГБ. Разумеется, я коснусь лишь отдельных моментов, связанных с личностью Бакатина и его деятельностью на этом посту.

С самого начала оговорюсь, что лично был знаком с Бакатиным в течение сравнительно короткого времени: с момента назначения его в 1989 году министром внутренних дел. Вскоре после назначения, кажется на второй день, Бакатин заехал ко мне в комитет познакомиться и побеседовать о делах.

Я сразу оговорился, что не настолько знаю работу МВД, чтобы давать какие-либо конкретные советы, и поэтому предпочел рассказывать о комитете, его функциях, задачах, структуре, коснулся, естественно, взаимодействия между КГБ и МВД СССР.

Бакатин стал излагать свои соображения о Министерстве внутренних дел, необходимости его глубокой реорганизации, сокращения центрального аппарата, внесения изменений в соотношение полномочий между центром и местными органами решительно в пользу последних. Конечно, подобные суждения нового министра, их категоричность не могли не насторожить. Ведь не прошло и двух суток после его назначения, а он уже все знает!

Я вспомнил слова одного товарища, который в разговоре со мной подметил одну черту в характере Бакатина — склонность к разрушению и реорганизациям.

Он считал, что именно с этого Бакатин и начнет свою деятельность в МВД.

Вспомнив об этом, я в максимально тактичной форме счел нужным посетовать на то, как трудно находить оптимальные решения, разбираться в проблемах даже той организации, в которой работаешь не один десяток лет. У меня закралось сомнение, не будет ли Бакатин принимать поспешных решений, не наломает ли дров. В его словах четко просматривалось намерение ослабить союзный аспект в системе органов внутренних дел. К сожалению, так оно и произошло.

С первых же дней обстановка в коллективе МВД стала накаляться, возникла нервозность. Началась реорганизация центрального аппарата министерства, местных органов. Центр передал почти все права и соответственно задачи на места; министерства внутренних дел союзных республик получили практически полную независимость; центр лишился влияния, оставив за собой подготовку кадров в центральных учебных заведениях, разработку методологии борьбы с преступностью, координацию работы органов по строго определенным направлениям да кое-что еще второстепенное.

Решение кадровых вопросов передавалось на места. Так было низведено до непозволительно низкой отметки значение одного из важнейших союзных органов. Кроме того, в деликатном положении, мягко выражаясь, оказывались органы прокуратуры и госбезопасности, так как нарушалась вся правоохранительная система страны.

Встал вопрос: или следовать примеру МВД СССР и пойти на децентрализацию органов госбезопасности и прокуратуры, или продолжать линию на соблюдение действующего союзного законодательства, не разрушать другие централизованные структуры.

Все это происходило в условиях резкого осложнения криминогенной обстановки в стране. Преступность набирала темпы, приобретала широкий размах, принимала организованный характер, вышла за рамки отдельных регионов. Были получены достоверные данные, и вскоре конкретные факты подтвердили — преступность перешагнула границы Советского Союза и сомкнулась с международными мафиозными группами.

Становилось очевидным, что успешно бороться с ней можно только в том случае, если будут четко действовать централизованные начала и если преступные элементы не будут чувствовать себя уверенно и безнаказанно после совершения противоправного действия — независимо от того, в каком регионе страны оно имело место. Рассредоточение сил и возможностей органов внутренних дел было непродуманным шагом, поскольку ослабляло возможности для борьбы с преступностью, не говоря уже о том, что децентрализация разрушала установившуюся в течение десятков лет общую союзную систему борьбы правоохранительных органов с правонарушениями.

А тем временем к президенту Горбачеву стала поступать информация об осложнении обстановки в МВД, его руководстве, напряжении в отношениях между министром и значительной частью коллектива. Острые споры шли и вокруг проблемы центр — местные органы. В главном же облегчения не наступало — преступность росла и принимала все более угрожающие масштабы. Ослабление необходимой координации и централизованного руководства отрицательно влияло на общую криминогенную обстановку.

Я далек от мысли видеть в действиях Бакатина или плохой работе органов МВД основную причину роста преступности. Были причины основополагающие, определяющие, они лежали в экономике, политической и социальной нестабильности, в переходе страны из одного состояния в другое. Хотя, разумеется,

нельзя отрицать или преуменьшать значение субъективных факторов, деятельность отдельных лиц, которые или создают серьезные, научно обоснованные программы, или, напротив, строят прожекты, противоречащие интересам общества и государства.

В 1990 году Горбачев решил переместить Бакатина с поста министра и вместо него назначил Пуго, работавшего председателем Комиссии партийного контроля ЦК КПСС. Процесс окончательного распада органов внутренних дел удалось приостановить, однако многое было уже сделано, в частности порушена стройная система отношений с союзными республиками. Задача состояла в недопущении дальнейшего размывания, сохранении хотя бы того, что еще оставалось.

В книге «Избавление от КГБ» Бакатин, с одной стороны, высказывает негативное отношение к распаду Союза, а с другой — бросает фразу о Союзе: «О нем жалеть не стоит». Подавляющее большинство советских людей, уверен, так не думает.

К Комитету госбезопасности Бакатин относился плохо, не скрывал своей неприязни. В его книге читатель найдет немало подтверждений этому. Более того, он не скрывал, что пошел в Комитет госбезопасности для его разрушения. «Организация (КГБ), которую мне предстояло возглавить, чтобы разрушить…» — замечает Бакатин.

Сотрудники органов госбезопасности всегда называли себя чекистами, связывая это с именем Дзержинского, в личном плане кристально честного, бескорыстного, идейно убежденного человека. По мнению же Бакатина, «традиции чекистов надо искоренять, чекизм как идеология должен исчезнуть».

Обратите внимание, как выражается «демократ», каким считал себя Бакатин. Какая бесцеремонность, категоричность! Прямо по известному принципу: пришел, увидел, победил.

Как дорого обходится стране любая некомпетентность, но еще дороже разухабистость, нетерпимость, волюнтаризм, разрушительные начала в политике и действиях человека! Иногда создавалось впечатление, что команда Ельцина подбиралась по принципу «нужны не созидатели, а разрушители». Можно разрушить все, а что дальше?

Бакатин считает, что традиции чекистов надо искоренять. А что, разве все традиции чекистов были плохими? Разве заветы, оставленные нам Дзержинским, были негодными? В первые же дни он заявил, что нужно создать законодательную базу для деятельности органов безопасности, каждодневно думал об интересах общества и никогда не заботился о своем личном благополучии, хотел сделать отсталую Россию прогрессивным

государством и ради этого работал, боролся. Дзержинский первым в том ужасном положении, в котором находилось тогда наше государство, поднял голос в защиту миллионов беспризорных детей, выброшенных судьбой на улицы, и спас их. Разве это плохо?

По утверждению Бакатина, Комитет госбезопасности был носителем бесчисленного числа зол и источником недобрых дел. Так, из книги я, например, узнал, что КГБ «сдерживал развитие рыночных отношений».

Просто диву даешься, читая подобные сентенции! КГБ и его предшественники «составляли основу тоталитарного режима, без которого этот режим просто не мог существовать». И это говорит человек, бывший первым секретарем двух обкомов партии — Кемеровского и Кировского!

И еще: «Комитет госбезопасности стоял у истоков создания «интернациональных фронтов» в союзных республиках, проявлявших строптивость в отношениях с Центром». Утверждение взято с потолка.

Интернациональные фронты — порождение, проявление инициативы самих масс, результат их поиска форм борьбы с национализмом, сепаратизмом, за сохранение Союза, да просто за выживание иноязычного населения.

Разрушение комитета и всей системы государственной безопасности началось с первых шагов деятельности Бакатина. «Уже в первую неделю моего председательства, — пишет он в своей книге, — комитет стал лишаться своих подразделений».

Тут он сказал истинную правду! Из комитета были выделены погранвойска, правительственная и шифровальная связь, стала самостоятельным ведомством внешняя разведка, были выведены служба правительственной охраны, подразделения для проведения операций по борьбе с терроризмом, отдел по осуществлению технического слухового контроля.

Уже после Бакатина КГБ был переименован в Министерство безопасности, затем в Федеральную службу контрразведки, которая включала в себя исключительно контрразведывательные подразделения без каких-либо других вспомогательных и технических служб. Короче говоря, полная раздробленность, разобщенность, отсюда скованность в проведении оперативных мероприятий, невозможность концентрировать, координировать их деятельность на наиболее важных направлениях.

Разумеется, все это не могло не ослабить работу органов госбезопасности, да, впрочем, о них как о единой и цельной системе говорить в настоящее время просто нет смысла. Если к этому добавить отток кадров вследствие добровольного ухода

или увольнения по тем или иным причинам, то можно себе представить, в каком плачевном состоянии находится система безопасности, являющаяся одним из важнейших направлений в обеспечении безопасности государства, его выживаемости. Ни о каких высших интересах при этом говорить не приходится, все подчиняется сомнительному моменту, конъюнктуре, интересам нового вождя и его команды.

Кстати, разрушительная деятельность Бакатина на посту председателя КГБ вызвала широкое недовольство в коллективе. Дело дошло до образования в комитете организации, выступившей с требованием отстранения его от должности. Такого еще в истории органов не бывало! Несмотря на обстановку в стране в целом и на Лубянке в частности, антибакатинские настроения носили открытый характер, и с ними нельзя было не считаться. Но кое-кому Бакатин явно пришелся по душе.

В 1992 году Бакатин побывал в Соединенных Штатах Америки вместе с Калугиным, с которым успел подружиться. В США они были хорошо приняты, имели многочисленные встречи с американскими представителями, в том числе с бывшим сотрудником советской разведки С. Левченко.

В 1979 году Левченко, работая в нашей токийской резидентуре, изменил Родине, бежал в США, за что Военной коллегией Верховного суда СССР был заочно приговорен к расстрелу.

В ноябре 1995 года Левченко дал интервью корреспонденту газеты «Вечерняя Москва» в США Давиду Гаю, в котором высказал свое отношение к Бакатину и Калугину. Вот выдержки из его высказываний.

«Вопрос: Доводилось ли вам в Америке встречаться со своими бывшими коллегами?

Ответ: Несколько лет назад я был приглашен Международным фондом свободы на прием, устроенный в одном из фешенебельных вашингтонских особняков. Меня предупредили, что там меня ожидает сюрприз. Главными гостями на приеме были бывший руководитель КГБ Вадим Бакатин и бывший самый молодой генерал разведки Олег Калугин. Знаю, моим американским друзьям было любопытно, как гости отреагируют на мое появление. Мне самому было интересно. Меня представили Бакатину. Он крепко пожал мне руку. Мы говорили о разных вещах, тон разговора был вполне дружеским. Каким-то внутренним чутьем я осознал: он — порядочный человек. Такие же лестные отзывы о нем я слышал от некоторых американцев, встречавшихся с ним… Думаю, он очень хотел переделать КГБ в духе демократических преобразований, но ему

не позволили это сделать. Представили меня и генералу Калугину. Эта наша встреча не была первой. В свое время мы три часа просидели с ним в помещении резидентуры разведки КГБ в Токио и обсуждали сложное дело… Теперь в Вашингтоне мы встретились как старые знакомые. Калугин говорил со мной вполне откровенно и даже поделился своими политическими планами. Я не мог удержать журналистского порыва взять интервью у этого весьма незаурядного человека. Калугин на удивление легко согласился. Это интервью потом было опубликовано в американской прессе».

Комментировать нет нужды. Думаю, читатель во всем этом без труда разберется.

Итог своей деятельности в комитете Бакатин подвел сам: «Все эти 107 напряженных дней прошли, как теперь оказалось, во многом зря».

Не оправдались ожидания Бакатина и по обстановке в стране в целом. Подъем в его настроении в августе — сентябре 1991 года сменился совсем другими чувствами. Еще одна цитата из книги: «Бюрократизма, неразберихи и привилегий стало больше. Суета. Коррупция. Никто ничего не решает, ни до кого не дозвониться, но каждый требует телефон и автомобиль».

Что же, логичный итог абсурдной, целенаправленной деятельности по разрушению государственности, в том числе в области безопасности! Своим вкладом в это Бакатин может «гордиться» с полным основанием.

В период моей работы руководителем разведки, а затем председателем Комитета госбезопасности кое-кем неоднократно поднимался вопрос о реорганизации КГБ, выделении из его структуры разведки, других подразделений, в частности шифровальной, дешифровальной, пограничной служб. Каждый раз я по сугубо принципиальным соображениям выступал против: снизятся оперативность, эффективность, не говоря о неэкономичности этих мер.

В условиях Советского Союза эту роскошь можно еще было позволить, но в России, уже не сверхдержаве, организационное разобщение органов госбезопасности при резком снижении оперативной отдачи обойдется намного дороже.

Реорганизация Комитета госбезопасности СССР после августа 1991 года и последовавшие затем многочисленные перестройки органов произведены с недобрыми намерениями, с использованием момента. Преследовалась одна цель — воспользовавшись ситуацией, разрушить важную структуру центра, нанести удар по союзной государственности, в ходе реорганизации «решить» кадровые дела, убрать неугодных.

Именно этому подчинялось все.

Время, потребности и обстоятельства рано или поздно поправят положение, однако прежде государство испытает на себе тяжелые последствия от нанесенного ущерба, от разрушения одного из основных звеньев системы безопасности.

Одним из нелогичных шагов по реорганизации органов госбезопасности была попытка объединить их с МВД. С одной стороны, КГБ разделили, разукрупнили, а с другой, оставшуюся часть намеревались объединить с МВД, об этом даже был издан указ президента России.

Проблема не новая. В истории Советского государства эти два ведомства не раз объединялись, а затем разводились вновь. В бытность мою председателем Комитета тоже однажды обсуждался вопрос об объединении КГБ и МВД СССР «с целью сконцентрировать усилия в борьбе с усиливающейся преступностью».

Я однозначно выступил против подобного объединения, поскольку КГБ и МВД, являясь правоохранительными органами, все же принципиально отличаются друг от друга, у них совершенно разные функции и во многом принципиально иные задачи. Две сравнительно большие силовые структуры, два источника информации, и их соединение в одну организацию породит трудноуправляемого монстра, в недопустимых масштабах унифицирует подход к проблеме борьбы с преступностью, лишит его гибкости. Важно также учитывать различную степень политизации этих организаций, что делает объединение их проблематичным и с этой точки зрения.

Конституционный суд Российской Федерации признал неконституционным Указ президента России об объединении МВД и службы безопасности. Решение суда политически было верным, особенно в столь сложный период, переживаемый Россией.

Я верю, что со временем служба государственной безопасности обретет необходимые позиции, соответствующие ее задачам. Однако труднее будет восполнить кадровые потери. Ведь большинство ушедших из КГБ — опытные разведчики, контрразведчики, за плечами которых был большой стаж работы, конкретные успехи, а самое главное — честная служба Родине, беззаветная ей преданность.

Уверен, что придет время, и они будут морально и политически реабилитированы, их доброе имя восстановлено, некоторые из них снова займут место в органах госбезопасности, и от этого безопасность государства станет надежнее.

Глава 6
На краю пропасти

К началу 1991 года кризис охватил все сферы жизни общества и государства. Остро давали о себе знать межнациональные отношения. Увеличилось противостояние в Прибалтике. Сепаратистские силы действовали здесь открыто, игнорировали законы СССР, нагнетали обстановку, увеличивалось число провокаций против советских воинских частей, иноязычного населения.

Информация из Литвы, Латвии, Эстонии поступала тревожная. Силы, стоявшие на позициях сохранения Прибалтийских республик в составе Союза, явно подрастерялись, до конца не понимая, что происходит, какова позиция Москвы. А ведь они представляли большинство населения.

В Латвии на долю иноязычного населения приходилась примерно половина, из них большая часть — русские. В Эстонии иноязычные составляли более одной трети граждан, причем на северо-востоке республики почти 90 процентов жителей были русскими. В Литве русские, другие этнические группы, в частности поляки, составляли почти 20 процентов от общего числа граждан, проживающих в республике. Но не только иноязычные выступали за сохранение Союза, не мыслили своей жизни вне его. Такие же настроения были характерны и для большей части коренного населения. Сепаратистские настроения возникали не в массах, они инициировались сверху представителями определенных элитарных групп, националистически и в силу разных причин антисоветски настроенных лиц, в частности из числа так называемых бывших.

Несмотря на всплеск национализма, существующую здесь почву для его проявления, созданную пропагандистскими усилиями антисоциалистических сил, в целом социальное положение в Прибалтике характеризовалось относительной стабильностью. Однако в любой момент ситуация могла качнуться в ту или иную сторону, правда, без решающего смещения доли противников и сторонников Советского Союза.

Анализ показывал, что в целом по стране в районах политической напряженности людей по их настроениям можно было бы условно разделить на три группы.

Первая, примерно 5—10 процентов, активно выражала свое негативное отношение к Союзу, социалистическому общественному строю.

Вторая, до 15–20 процентов, твердо выступала за Союз, за социалистический выбор. Эта часть населения также активно отстаивала свою позицию, проводила митинги, собрания, вела разъяснительную работу.

Третья часть — приблизительно 70 процентов, вела себя пассивно, выжидала, подавалась в ту или иную сторону, короче говоря, служила резервом для тех и других.

Более глубокий анализ, однако, показывал, что в вопросе о Союзе пассивная часть населения, без сомнения, склонялась в большей мере в пользу его сохранения. Таким образом, сепаратизм использовался политиканствующими деятелями для подавления воли большинства и навязывания ему образа жизни, не имеющего ничего общего с его желанием и интересами.

Прежде чем дать характеристику и оценку состоянию советского общества и государства накануне драматических событий, представляется полезным остановиться на действиях отдельных сил, которые сыграли определяющую роль в ухудшении обстановки в стране и довели ее до того бедственного состояния, в котором мы оказались. Полагаю, что август 1991 года нельзя считать каким-то рубежом, который поделил историю на «до» и «после». Не принижая влияния августовских событий, все же думаю, что нельзя рассматривать эти несколько дней 1991 года как водораздел, до которого развитие ситуации в нашей стране продолжалось в одном измерении, а после — в другом.

События, произошедшие в нашей стране с 1985 года, и особенно в 1988–1990 годах, имели свое логическое продолжение после августа 1991 года. Они продолжаются и сегодня, поэтому на все случившееся следует смотреть как на единый сценарий трагедии, разыгравшейся в Советском Союзе. В водоворот событий были вовлечены все значимые социальные, политические и иные силы общества. Произошла широкая политизация масс. Их участие в социально-политических сдвигах было весьма заметным в центре и на местах, правда, в регионах степень активности на первых порах была значительно ниже. У разных сил были различные цели и способы их достижения. Однако для так называемых демократических сил — хотя и в разной мере для отдельных их составляющих — были характерны экстремизм, максимализм и даже нечистоплотность.

Так называемое демократическое движение было активной разрушительной силой. Этот расплывчатый термин призван был обеспечить широкую крышу для самых различных оппозиционных течений. Движение вобрало в себя лиц, вышедших, по сути, из полулегального состояния, в условиях которого они действовали во времена Хрущева, Брежнева и в последующие годы.

В общем потоке «демократического движения» оказались силы, выступавшие с противоположными взглядами на государственность, общественный строй, на мировоззренческие подходы в идеологии, и вместе с тем в нем были лица, намеревавшиеся лишь подправить национальную политику, устранить допущенные ошибки и перегибы. В движение включилось целое направление сторонников восстановления морально-правовой справедливости в отношении отдельных категорий лиц, пострадавших от репрессий в разные годы советской власти.

В «демократическом движении» принимали участие лица, которых вообще не устраивала экономическая политика, кто ставил своей целью установление нового экономического порядка, проведение новой экономической политики; там же были и те, кто хотел только усовершенствовать ее в рамках социалистического выбора.

В движении шумно заявляла о себе целая плеяда западников — рьяных сторонников переориентации Советского Союза во внешней политике на «цивилизованный» капиталистический Запад, на одностороннее разоружение, мир любой ценой.

Таким образом, в «демократическом движении» были представлены социальные группы различных оттенков оппозиционных течений и взглядов.

Одних не устраивало общество в принципе, другие выступали за его обновление, третьи вообще не видели особых проблем, но считали, что общество нуждается в совершенствовании, развитии и потому требует определенных перемен. Тогда мало кто из социологов полагал, что очень скоро речь пойдет о замене социалистического общества на капиталистическое, а точнее, о разрушении союзного государства и ликвидации социализма.

Наиболее активное участие в «демократическом движении» принимали лица, представлявшие политологию. И среди них также были сторонники разных взглядов, однако главная борьба разгорелась вокруг проблемы — какой должна быть политическая система.

На первых порах голоса о переходе от социализма к капитализму звучали довольно редко и робко, были единичными. Выступать в этот период с этих позиций значило не встретить понимания. Однако в 1989–1990 годах с антисоветскими, антисоциалистическими лозунгами оппозиция выступала уже в открытую. Вскоре вся система Советского государства, система народовластия оказалась под огнем острых огульных нападок.

Характерной особенностью так называемых демократических сил была их разрушительная деятельность. Огульная критика

СССР как формы государственности, отрицание успехов, спекуляция на репрессиях, необъективное сравнение с тем, что было до Октября 1917 года и что стало при советской власти, сопровождались обещаниями в короткие сроки обеспечить высокий жизненный уровень для всех советских людей. Больших радетелей народных интересов, чем «демократы», трудно было себе представить! Для специалистов, сведущих лиц предлагаемые «программы» являлись очевидным блефом, однако они были оформлены в красивую упаковку, звучали привлекательно, обещали быстрое наступление «рая», что, естественно, не могло не привлекать.

Оппозиция апеллировала не только к примерам из прошлого. Манипулируя положением дел, она без особого труда наглядно показывала, что перестройка не сулит ничего хорошего, потому что она-де пытается лишь приукрасить фасад, несколько подправить то, что есть в стране, тогда как требуется слом всего механизма и совершенно новые пути развития.

Подобная пропаганда имела успех хотя бы потому, что у основных действующих лиц перестроечного процесса — Горбачева, Яковлева — действительно не было четкой программы перемен, совершенствования, развития. Их действия носили импульсивный характер, несли разрушение, не содержали понятных людям созидательных целей. Поэтому и так называемые демократы, и вдохновители перестроечного процесса в сути своих устремлений и действий сошлись.

И те и другие стояли на позициях разрушения политической системы, экономического механизма, идеологии и методологии государственного устройства. Если «демократы» совершали прямые нападки на КПСС и не скрывали своей цели — разрушения партии, то Горбачев и Яковлев подрывали ее изнутри, подготавливая планы раскола, создания на ее основе по меньшей мере двух партий: одной — «догматической», коммунистической, следовательно, не их партии, другой — социал-демократической, под себя.

К середине 1991 года Горбачев и Яковлев сошлись в основополагающем: вместо КПСС должна быть другая партия, социал-демократическая, встроенная в многопартийную структуру. Это общее в идеологии, замыслах и практической деятельности Горбачева и Яковлева, с одной стороны, и представителей «демократического движения» — с другой привело к тому, что весной 1991 года нападки на Горбачева, как по команде, практически прекратились. Будучи во главе государства и партии, он искусно выполнял роль разрушителя, что полностью отвечало устремлениям заинтересованных в этом

сил в Советском Союзе и за его пределами.

В Комитет госбезопасности и в его местные органы поступала оперативная информация на этот счет, она не вызывала сомнений. Я стремился докладывать ее Горбачеву, в чем мне помогал Болдин. Делился этими сообщениями с Шениным. Явно просматривалась зловещая роль Яковлева.

Последний в беседах со своими единомышленниками все чаще стал ссылаться на свои договоренности с Горбачевым. Мои попытки поговорить с Горбачевым заканчивались или пустыми отговорками, или уклончивыми обещаниями разобраться. Неискренность Горбачева сомнений не вызывала. Лидер партии действовал против партии, президент Союза разрушал Союз.

Яковлев же набрал силу, расставлял своих друзей-«демократов» на ключевые посты прежде всего в средствах массовой информации, все больше наглел, бил своих противников, политически уничтожал их.

В 1989 году обострились отношения Яковлева с Лигачевым, и в СМИ началась травля последнего. В 1990 году осложнились отношения Яковлева с Рыжковым, и контролируемое Яковлевым телевидение обрушилось на Рыжкова. К 1991 году антисоветчики довели до нужной «кондиции» Горбачева, и печать оставила его в покое. Можно привести и другие примеры.

По мере развития так называемых перестроечных процессов в стране появлялось все большее число разнообразных политических, общественных течений, заметных деятелей, возглавлявших их или принимавших в них активное участие.

В 1989 году впервые дало о себе знать пока неприметное, неширокое движение, которое возглавил Владимир Вольфович Жириновский. Образованная им Либерально-демократическая партия сначала не привлекала большого внимания и, казалось, совсем затерялась среди группы небольших общественных течений и партий, которые не делали и вряд ли сделают, как тогда казалось, погоду в политической жизни Советского Союза. Но если не выделялась партия в целом как таковая, то все громче начал заявлять о себе ее лидер Жириновский. Он давал эффектные интервью, выступал со статьями, привлекавшими к себе внимание, делал резкие, неординарные заявления.

Но, пожалуй, один аспект обращал на себя внимание — это подчеркиваемый патриотизм Жириновского и стремление видеть Родину могучей, сильной во всех отношениях, готовность и желание добиваться этого. Деятельность Жириновского, его партии не привлекала внимания КГБ СССР с точки зрения безопасности государства, потому что ничего противоправного в ней не было. Критика в адрес властей, высшего руководства

центра была не вызывающей, не содержала каких-то настораживающих нападок, хотя заявка на серьезное место в общественной жизни страны со стороны Либерально-демократической партии, ее лидера Жириновского не могла не привлечь внимания своей размашистостью и претензией на ведущую роль.

В начале 1991 года Жириновский обратился ко мне как председателю Комитета госбезопасности с просьбой принять его и представителей некоторых других партий для беседы по проблемам, которые, по его мнению, заслуживают внимания и небезразличны для государства.

Такая встреча с лидерами так называемого блока центристских партий у меня состоялась. На ней присутствовали Жириновский, В.В. Воронин, председатель центристского блока политических партий и движений, и еще ряд общественных деятелей.

Беседа затрагивала широкий круг вопросов. Собеседники высказывали свою точку зрения на положение в государстве, подчеркивали приближающуюся опасность, указывали на кризисные явления во всех сферах общественной жизни и говорили о своем желании помочь стране выйти из этого положения, подчеркивая при этом, что нельзя не считаться с тем политическим движением, которое они возглавляют.

На мой вопрос о численности Либерально-демократической партии Жириновский ответил, что точных данных пока нет, но это многотысячный отряд единомышленников, представляющий довольно сплоченное ядро, что его ряды с каждым месяцем пополняются и в перспективе он, Жириновский, будет иметь массовую партию. Он подчеркивал, что выступает за единый Советский Союз, за укрепление его внешнеполитических позиций, за улучшение социально-политической обстановки в стране, за строгий правовой порядок, и в частности за усиление борьбы с преступностью, которая все в большей мере беспокоит советских людей.

В ходе беседы Жириновским был затронут и национальный вопрос. Я понял, что его взгляды расходятся с той политикой по национальной проблеме, которую называли ленинской. Он выступал за строгую централизацию политической структуры в стране, в которой главным был бы не национальный аспект, а территориально-административное устройство, учитывающее интересы унитарного централизованного государства в большей мере, чем это имело место до сих пор.

Я обратил внимание на эрудицию, начитанность и образованность Жириновского, на четкость его суждений, хотя

вовсе не хочу сказать, что со всеми его взглядами был согласен. Нельзя было не заметить наличия у этого человека цели, которой он будет служить всеми способами и методами, настойчивости, которую он наверняка проявит в реализации своего политического курса. Он не скрывал расхождений по отдельным вопросам с присутствовавшими на встрече собеседниками, но подчеркнул, что они объединились для достижения общих целей и что это вовсе не означает, что у них один взгляд, одна политика, одна программа действий. Жириновский бесспорно был интересным собеседником с неординарными суждениями, проявлял готовность обсуждать любые проблемы, не скрывал своего непонимания отдельных аспектов внутренней и внешней политики Горбачева.

Во время беседы он затронул и «русский вопрос», подчеркнув, что является приверженцем «русского подхода» к решению проблем. Рассуждая о соотношении национального и интернационального, ясно дал понять, что считает главным в решении всех проблем «русский угол».

Я рассказал Горбачеву о состоявшейся встрече и рекомендовал ему обратить внимание на Жириновского, который мне показался деятелем не без перспектив. Немногочисленность Либерально-демократической партии, заметил я, вовсе не означает, что у нее нет будущего, потому что ее лозунги — с точки зрения патриотизма, стремления видеть Советский Союз более могучим, привлекательным — позволят этой партии значительно расширить социальную базу.

Я не предлагал Горбачеву встретиться с Жириновским, но советовал ему не упускать из виду этого деятеля и его партию и поручить товарищам из ЦК КПСС наладить более активные контакты с представителями Либерально-демократической партии, поскольку подобное политическое явление имеет основу для существования, чего нельзя не учитывать в практической деятельности.

Горбачев не согласился со мной и, как мне показалось, довольно легкомысленно отмахнулся от сказанного, заметив, что в нынешней ситуации появляется множество всевозможных политических групп и течений, однако далеко не у всех имеется будущее, и к их числу он отнес ЛДПР Жириновского.

Хотел бы внести ясность в один вопрос. Он нет-нет да и возникает на страницах печати и особенно подогревается ее «демократической» частью. Это вопрос о так называемых отношениях между Жириновским и Комитетом госбезопасности.

Со всей ответственностью заявляю, что никогда Жириновский не использовался Комитетом госбезопасности, не привлекался к

выполнению каких-либо поручений, тем более не был осведомителем, агентом и тому подобное, как иногда некоторые пытаются утверждать. Комитет госбезопасности также не вел разработки Жириновского, не вел оперативной работы по его партии, потому что не видел для этого оснований.

О деятельности Либерально-демократической партии и ее руководителя Жириновского Комитет госбезопасности не писал специальных записок в ЦК КПСС, а затем Президенту СССР Горбачеву, потому что мне, как председателю КГБ, не докладывались материалы, которые указывали бы на какую-либо противоправную деятельность Жириновского, тем более с точки зрения интересов безопасности государства. Так что подобные утверждения есть попытка определенных сил опорочить Жириновского и бросить на него незаслуженную тень.

Жириновский внушительно заявил о себе и о своей партии в августовские дни 1991 года и после них. Я считаю, что он проявил себя как патриот, как государственник, для которого была небезразлична судьба нашего общества и государства. Хорошо понимая, в каком тяжелом положении мы оказались, он поддержал действия Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР по выводу страны из кризиса, по сохранению нашей державы, наведению порядка, и считаю, что занял в этом вопросе принципиальную позицию.

Жириновский решительно выступил против развала Советского Союза, против Беловежских соглашений. Он осудил «шоковую терапию» в экономике. У него необычные взгляды на выход нашей державы из того кризиса, в котором мы оказались, на решение проблем государственного устройства, национальный вопрос, укрепление международного положения прежде Советского Союза, а сегодня России. Его оригинальность очевидна, он не скрывает своих убеждений, взглядов, своих форм и методов решения проблем и заявляет об этом открыто. Его стремление вывести страну из глубокого кризиса не остается не замеченным самими гражданами, в частности России, и поэтому встречает с их стороны понимание и поддержку. Его преимущество на выборах 12 декабря 1993 года и результаты выборов 17 декабря 1995 года не являются случайными и заслуживают самого внимательного изучения и выводов.

Считаю, что Жириновский блестяще провел предвыборную кампанию 1993 года, реализовал ряд эффектных мероприятий, в максимальной мере учел настроения, пожелания, чаяния отдельных категорий населения России, в точных, метких и привлекательных лозунгах обозначил свое отношение к нуждам граждан России. Жириновский, бесспорно, является политиком, с

которым нельзя не считаться.

Правда, политическая жизнь России исключительно сложна, многоаспектна и в значительной мере непредсказуема. Меняются настроения людей, их взгляды, их отношение к отдельным лидерам. Свое дело вершит пропаганда средств массовой информации, которые ежедневно обрушивают на наши бедные головы мощнейший поток лжи, полуправды, с определенными целями подобранной и дозированной информации. Все это перемешивается и порой дает результаты, которые заранее трудно, а порой просто невозможно предсказать.

В какую сторону качнется стрелка весов, как сложится дальнейшая политическая карьера Жириновского, сказать трудно. Но одно ясно — он еще не сказал своего последнего слова. Под влиянием каких-либо факторов он может потерять миллионы своих сторонников, но может приобрести их еще больше и в тех слоях общества, где раньше у него их не было. Во всяком случае, на антикоммунистической ниве он ничего не приобретет, а потеряет много.

И еще одно немаловажное обстоятельство, которое стало в нашей общественной и государственной жизни большим дефицитом: Жириновский держит слово, а если меняет позицию, то умело и смело объясняет это.

В заявлениях и поступках Жириновского, к сожалению, очень часто проявляются максимализм и экстремизм. В большой политике это не может не настораживать. Правда, за экстремистскими заявлениями от Жириновского, как правило, следовали пояснения. Они вносили определенную ясность, но не всегда снимали вызываемую ими настороженность.

К числу примечательных представителей общественно-политической жизни есть все основания отнести Александра Николаевича Крайко. Доктор физико-математических наук, десятки лет занимается точными науками и в этой области преуспел. На его счету серьезные научные работы, он щедро делится своим опытом и знаниями с молодыми учеными, помогает им стать специалистами в своем деле. В политику пришел в 1988 году и в следующем был избран народным депутатом Союза ССР. Был членом Верховного Совета, в работе которого принимал самое активное участие. Начал общественно-политическую деятельность с участия в демократическом движении; был, можно сказать, одним из ведущих демократических деятелей. Входил в состав межрегиональной депутатской группы, на первых порах выступал с острой критикой порядков в нашей стране, резко критически отзывался о высшем руководстве, — словом, поначалу казался примерным

«демократом».

Я как-то сразу приметил Крайко и обратил внимание на отсутствие в его речах, печатных выступлениях демагогии и дешевого популизма. Помню довольно длительную свою беседу с ним в начале 1991 года. Заметны были глубина и широта его суждений, переживание за положение дел в стране, опасения за судьбу Родины, конструктивный подход к вопросам, которые затрагивались по ходу беседы.

Разговор носил товарищеский характер, и я позволил себе задать несколько, на первый взгляд, неэтичных вопросов. В частности, спросил у Александра Николаевича, чем объяснить, что он может позволить себе появиться на Съезде народных депутатов, на Верховном Совете без пиджака и галстука, в сорочке с коротким рукавом — все это как-то не принято в официальной обстановке и вызывает язвительные замечания в его адрес. «Что это, — спросил я, — бравада или демонстративное пренебрежение этикетом?»

Собеседник ответил, что все объясняется просто: он физически неважно чувствует себя в строгой одежде; одеваясь легко, он стремится облегчить работу сердца. Никакой другой причины нет.

Интересны были рассуждения Крайко об экономике, истории нашей страны, о сложившейся ситуации. Он сказал, что является сторонником советской власти, но при одном условии — если она будет совершенствоваться, а не пребывать в «замороженном» состоянии. Решительно высказывался за сохранение Союза и его дальнейшее развитие.

В области международной жизни выступал за упрочение позиций Советского Союза. По всем этим причинам, заметил он, в своем дальнейшем пребывании в межрегиональной группе не видит смысла, потому что все чаще расходится с ее членами по принципиальным вопросам состояния и развития нашей державы.

Личное знакомство с Крайко помогло мне понять, насколько ошибочно и вредно смотреть на «демократов» чохом. Под влиянием обстоятельств в их лагерь попали разные люди, многие из них оказались там случайно. Ни совесть, ни патриотизм, ни воспитание не позволят им навечно связать с «демократами» свою судьбу, рано или поздно они порвут с порочной политикой и обретут верный путь. Крайко показался мне именно одним из таких, и я не ошибся. Действительно, к лету 1991 года он порвал с «демократическим движением» и встал на путь патриотической борьбы за Советский Союз, за державу.

Крайко был одним из тех, кто активно выступал против незаконного привлечения к уголовной ответственности членов

ГКЧП и тех, кто его поддержал.

Из «Матросской тишины» я слышал его голос на митингах, которые собирались у стен тюрьмы для выражения солидарности с ее узниками. Я безмерно благодарен ему за телеграммы и письма, которые он присылал в «Матросскую тишину» с выражением поддержки политических заключенных. После августа 1991 года Крайко активно включился в патриотическое движение и показал себя как большой государственник, для которого интересы Родины превыше всего. Его выступления в печати, редкое, по известным причинам, участие в телепередачах неизменно говорят о его принципиальных позициях, убежденности, стремлении отстоять интересы Союза, а затем и России. Он смел и даже резок в суждениях, последователен в отстаивании позиций, которые считает верными. Оставаясь в так называемом демократическом движении, он мог бы сделать «блестящую карьеру», но это никогда не было для него смыслом жизни.

В конце 80-х годов заставило заговорить о себе еще одно имя: Татьяна Ивановна Корягина. Доктор экономических наук, ученая с именем, она ворвалась в общественно-политическую жизнь страны как активная участница «демократического движения», как резкий критик советской действительности, недостатков и пороков нашего общественного строя, непримиримый борец с правонарушениями, убежденный сторонник демократических преобразований, в которые она верила и считала их необходимыми для страны.

Пожалуй, по остроте речей, выступлений в печати, по телевидению с критикой действий нашего советского руководства, порядков в нашей стране, в защиту «ущемленной» России Корягина в то время мало кому уступала. Все ее высказывания в адрес Горбачева, призывы к походу на Кремль, удары по КГБ, по его председателю Крючкову, у которого якобы «руки в крови», и многое подобное не сходило с уст Корягиной, казалось, было смыслом ее жизни. Она активно поддерживала «разоблачительные» речи следователей Генеральной прокуратуры Гдляна, Иванова, помогала Калугину в кампании по избранию его народным депутатом Союза. В 1989 году, став народным депутатом РСФСР, Корягина активно включилась в борьбу с «ненавистным» центром.

Но одна особенность в общественно-политической деятельности Корягиной не могла оставаться незамеченной: на протяжении всей своей политической деятельности она решительно и последовательно выступала против коррупции, действий преступных элементов по расхищению общественной и

государственной собственности, выступала за строгий правопорядок в экономике. В ее речах проскальзывала обеспокоенность положением дел в народном хозяйстве и озабоченность по поводу надвигавшегося на страну кризиса.

В 1991 году Корягина стала все чаще и острее говорить о теневой экономике в Советском Союзе, указывала на опасность этого явления и необходимость принятия решительных мер по его пресечению.

Эта тема в то время неоднократно поднималась мною, как председателем Комитета госбезопасности. Я выступал со статьями, давал интервью, в которых указывал на то, что теневая экономика наносит серьезный ущерб нашей стране и что с этим злом надо вести решительную борьбу.

Летом 1991 года я решил воспользоваться совпадением наших взглядов на теневую экономику, на необходимость борьбы с коррупцией и встретиться с Корягиной для того, чтобы обстоятельно с ней поговорить.

Поделился своим мнением с Горбачевым. Последний к этому отнесся прохладно, можно сказать, без одобрения, потому что в выступлениях Корягиной Горбачеву доставалось, пожалуй, больше всех. Он был для Корягиной главной мишенью, отчего испытывал к ней острую антипатию. Августовские события помешали мне реализовать свое намерение, и моя встреча с Корягиной так и не состоялась, но эти же события и свели нас на одной линии политической борьбы.

Развитие обстановки в стране после августа 1991 года вернуло Корягину на путь борьбы за Советское государство. Она, как мне кажется, окончательно разобралась в ситуации, в причинах несчастий, обрушившихся на нашу державу, не приняла ликвидацию Советского Союза, беловежский сговор, решительно воспротивилась волюнтаристской, порочной политике Гайдара в экономике. Словом, отошла от российского руководства, с которым на первых порах была заодно.

Проявилась и мощно показала себя во всем политическом блеске настоящая Корягина — патриот державы, сторонник социалистического выбора, защитник интересов народных масс. Теперь она решительно осуждает правовой беспредел, разоблачает политику российского руководства, ввергнувшего страну в пучину всестороннего и глубочайшего кризиса, вступила в борьбу с теми, с кем недавно была в одних рядах.

В частных разговорах и в публичных выступлениях Корягина не раз высказывала сожаления по поводу того, что прежде находилась в рядах так называемых демократов, разрушавших Союз, толкнувших своей деятельностью страну в водоворот

кризиса и в конечном счете содействовавших развалу великой державы. Однако вся ее последующая деятельность дает ей моральное право освободиться от этого комплекса. Человек может ошибаться, но важен общий баланс его деятельности. А этот баланс у Корягиной позволяет судить о ней как о большом патриоте, честном гражданине, человеке, находящемся на переднем крае борьбы за спасение России, за возрождение Союза, за честь и достоинство своего народа, так грубо попранные нынешним режимом.

В итоге Корягина оказалась в числе тех членов Верховного Совета Российской Федерации, которые до конца боролись за интересы России, за российскую конституцию против тех, кто в сентябре-октябре 1993 года совершил государственный переворот в России. Находясь в сентябрьско-октябрьские дни в здании Верховного Совета Российской Федерации, Корягина пережила всю горечь тяжких испытаний, которые обрушил на нее и ее товарищей режим, расстрелявший Белый дом из танковых орудий. В результате она сохранила свое достоинство и завоевала признательность той части российского общества, за которой будущее.

Есть личности, которые приобретают прочную и широкую известность, входят в историю не по одному какому-то поводу, а благодаря своей многогранной деятельности, своему таланту. Они отличаются особой колоритностью, к ним проявляется особый интерес. К числу таких людей я отнес бы Юрия Петровича Власова.

Примечательно складывалась его судьба. Поначалу, казалось бы, он пошел по военной стезе. Затем перешел в большой спорт и в 1960 году стал олимпийским чемпионом, мировым рекордсменом, самым сильным человеком на планете.

Советские люди переживали за Власова и гордились его спортивными успехами. В конце 60-х годов он стал заниматься литературным творчеством, а в конце 80-х энергично включился в большую политику.

В 1989 году избирается народным депутатом СССР и активно участвует в работе межрегиональной депутатской группы, стоявшей во главе «демократического движения». Пожалуй, Власов был одним из «колючих» «демократов». Его нападки на КПСС, на строй, на советский период, и особенно на КГБ, отличались непримиримостью, крайними оценками, разрушительными призывами. Но во Власове неизменно были заметны ум, образованность, способность подняться до обобщения, самостоятельность в суждениях. Он был горд, высоко ценил свои честь и достоинство.

Как-то на Съезде народных депутатов у трибуны возникла очередная свалка между народными избранниками, и Горбачев, призывая к порядку, обратился к Власову как физически сильному человеку с просьбой утихомирить поскандаливших депутатов. Сидевший в первом ряду Власов всем своим видом показал пренебрежение к этому бестактному жесту Горбачева, не повел бровью, демонстративно скрестив руки на груди.

Горбачев «умылся», Власов одержал моральную победу, показав, что он человек и не желает ронять своего достоинства.

Но вот пришел август 1991 года, свалилась на нашу голову Беловежская Пуща, развалился Союз, в пропасти нищеты оказался народ, «демократы» обнажили свои истинные цели, и с той поры Власов каждым своим шагом, словом заявляет, что он ничего не хочет иметь общего с губителями Отечества. Почти четыре года талантливое и острое перо Власова разоблачает, вскрывает истинное обличье разрушителей Советского Союза, а сегодня России, борется за настоящее и будущее сограждан, делая это страстно, в полную меру своей совести, души и горячего сердца.

Об одном дне, связанном с Власовым и ставшем для меня памятным, я хотел бы рассказать. 11 июля 1992 года в газете «Правда» были помещены мое открытое письмо Ельцину, написанное из «Матросской тишины», и статья Власова «И святые нас не осудят». В своем письме я постарался разоблачить ложь Ельцина в том, что Союз развалили якобы гэкачеписты, Власов же сильным словом бил по ельцинскому режиму за совершение им преступлений против России. «Режим демократов, изгнивая и отравляя все вокруг невиданной коррупцией, открытым хищничеством, — писал Власов, — распахивает ворота в тоталитаризм — люди доведены до высшей степени отчаяния и гнева».

Власов решительно защищал национальную идею, подчеркивал огромное значение патриотизма, отождествляя его с любовью к Родине. Вскрывая подлинный характер проводимых в России реформ, Власов писал в статье: «Говорят, реформы для народа, но реформы, которые разоряют до нищеты государство и уничтожают народ, называются одним словом: преступление».

Власов называет демократов «безумными в своем большинстве», обвиняет их в том, что они «превращают Россию в скопище людей, пожирающих суррогат культуры с Запада… Мы предали свою страну. В обмен получили демократию». Власов приходит к выводу, что «путь демократии разрушителен для России… Демократия оказалась лишь кратковременным, чрезвычайно болезненным, печальным опытом».

Я перечитывал и перечитывал эту статью и испытывал

огромное удовлетворение оттого, что в борьбе за Отечество наши пути сошлись. За истекшее время в печати появились новые публикации Власова — одна сильнее другой. Они принесли их автору новую славу, четко обеспечив ему достойное место сегодня и в будущем.

Так сторонники патриотического движения, государственности в России пополнились еще одной примечательной личностью. В 1993 году Власов одержал уверенную победу на выборах в Государственную думу.

Можно было бы значительно продлить перечисление лиц, общественных и политических деятелей, которые играли заметную роль в жизни Советского Союза того времени. Но и названных имен с характеристикой их деятельности, взглядов достаточно для представления, насколько сложной была политическая жизнь в стране, какой проявлялся огромный разброс мнений, сколь широка амплитуда целей, взглядов и путей их достижения. И во всем этом не было ничего цементирующего, не было цельной политики, привлекательного для общества подхода к решению проблем.

Большой корабль — Советский Союз — шел без руля и ветрил, да к тому же и раскачиваемый всевозможными силами, а самое главное — теми, кто был наверху. Партийный, советский и хозяйственный актив, в составе которого были опытные специалисты, знатоки своего дела, профессионалы, ученые, политики, социологи, руководители промышленных, сельскохозяйственных и научных предприятий и центров, — все пребывали в состоянии неопределенности, сбиваемые с толку мощной пропагандистской машиной разрушения и бездействием парализованного механизма руководства и управления страной.

Картина омрачалась то там, то здесь кровавыми конфликтами, правда пока еще относительно небольшими, которые разбрасывали людей по разные стороны баррикад, обрекая их на бессмысленные междоусобицы, никому не нужные борьбу и жертвы. Все это стремительно и неотвратимо вовлекало огромное государство в водоворот непредсказуемых событий.

…Разрушительные процессы все сильнее давали о себе знать. Промышленное производство после 1989 года резко пошло на спад. Сельскохозяйственное производство также сокращалось, стала хиреть наука. Поскольку сокращался общий объем производимого продукта, то уменьшалось и богатство державы, что немедленно и в первую очередь сказывалось на образовании, медицинском обслуживании, жизненном уровне.

Появились серьезные трудности в снабжении населения промышленными и продовольственными товарами, хуже стал

работать транспорт всех видов. Все это глобально отразилось на порядке в стране, стала расти преступность, общество залихорадило.

Оказались бесхозными, беспризорными, брошенными на произвол судьбы, на волю стихии оплеванные местные органы власти — Советы. С одной стороны, они подвергались резким нападкам, с другой — не получали никакой поддержки. Если раньше опорой им были партийные организации, то после отмены 6-й статьи Конституции СССР они ее лишились.

В средствах массовой информации подвергались все большему развенчиванию высшие законодательные органы. Они собирались, работали, принимали решения в условиях сильнейшей обструкции и нападок со стороны прессы. Часть депутатов дрогнула, растерялась, опустила руки, не знала, как себя вести. И по сути, обрекла себя на бездействие.

У «демократических» критиков появилось больше оснований преподносить в неблагоприятном свете работу органов советской власти, раздувать тезис о якобы неспособности высших законодательных органов принимать нужные решения. Таким образом, оказалась парализованной не только исполнительная власть, но и высшая законодательная власть страны. Видел ли все это Горбачев? Разумеется, не мог не видеть.

Как-то в мае 1991 года я, как всегда, поздно возвращался домой, и мне в машину позвонил Горбачев. Он сказал, что прочитал информацию КГБ из Вашингтона о предстоящем развале Союза, о том, что у нас совсем плохо обстоят дела, и бросил фразу: «Кому нужно так нагнетать атмосферу?»

Я попросил разрешения перезвонить по приезде на квартиру для того, чтобы в более надежной обстановке сделать некоторые пояснения к прочитанной им телеграмме. «Ну что ж, давай позвони», — недовольно согласился он.

По приезде я доложил ему, что информация достоверная, получена от надежного источника. Речь идет об оценке западными, и в том числе самыми высокопоставленными американскими, лицами ситуации в Советском Союзе и что, по их убеждению, дело неуклонно движется к концу существования Советского Союза, причем произойдет это в самые ближайшие месяцы.

«И ты веришь этому? Мало ли что они говорят!» — сказал Горбачев с каким-то деланым неудовольствием.

«Хотел бы не верить, но считаю информацию заслуживающей внимания, она подкрепляется другими сообщениями, в том числе агентурными, да и самое главное — всей нашей действительностью», — возразил я.

«В общем, прошу не драматизировать, не поддавайся панике и ты!» — закончил он.

На следующий день я вернулся к этому разговору, хотел его продолжить, но встретился с непониманием: «Дел по горло, давай поговорим попозже».

Спустя примерно час попросил меня подъехать к нему. Я захватил телеграмму и еще пару аналогичных сообщений и спустя десять минут был в здании ЦК КПСС у него в кабинете.

Заметив у меня папку с документами, Горбачев сказал, чтобы я не открывал ее. «У меня один совершенно конкретный вопрос». Он встал и, глядя куда-то в сторону, спросил: «Что там за возня идет на Ставрополье вокруг моего имени?»

Я ответил, что ничего конкретного не знаю. «Надо бы разобраться, кто этим занимается, откуда исходит. Охотников бросить тень на мое имя найдется немало», — полувопросительно-полутребовательно заключил он. Тем не менее я показал на папку и спросил, когда можно вернуться к ее содержимому. В ответ неопределенное: «Потом».

Горбачев окончательно встал на путь разрушения Союза, на путь слома общественно-политической системы, на путь устранения КПСС с политической арены как единственного в тех условиях фактора стабилизации. К тому времени Горбачев уже ненавидел партию, а партия ненавидела его. Все творимое в стране отвечало его задумкам. События развивались по его сценарию или по плану, с которым он согласился, и потому любое сопротивление не входило в его расчеты.

К лету 1991 года Горбачев, Яковлев, Шеварднадзе, некоторые другие и «демократическое движение» составляли уже один фронт борьбы против тех, кто пытался отстаивать интересы советской государственности, выступал за сохранение и совершенствование рычагов управления экономикой страны, кто по-прежнему хотел видеть Советское государство сверхдержавой.

Говорят, что члены партии в то время растерялись. Ну разве не растеряешься в ситуации, когда ее лидер занимает позицию, с которой партия, подавляющее большинство ее членов не согласны, поскольку она совершенно не отвечает интересам государства? Разве не растеряешься, когда лидер партии призывает бить по ее штабам, когда его устами на нее взваливаются все грехи и она оказывается виновной уже в том, что не поспевает за всеми пируэтами, выкрутасами своего руководителя?

Нужно было видеть раздраженную реакцию Горбачева, когда на пленуме ЦК кто-нибудь пытался возразить генеральному секретарю и остановить страну на краю пропасти.

Несмотря на серьезные ошибки, упущения, перегибы, которые допускало руководство партии в период рождения и существования советской власти, положительное в ее деятельности перевешивало, было определяющим: Октябрьская революция, победа в Гражданской войне, преодоление разрухи, Победа в Великой Отечественной войне, быстрое восстановление разрушенного войной хозяйства, развитие промышленности и сельского хозяйства, науки, культуры и в итоге — превращение нашей страны из отсталой царской России, какой она была до 1917 года, в великую мощную державу. Во всем этом неоспоримая заслуга партии, десятков и десятков миллионов ее членов, неизменно находившихся на переднем крае.

Благодаря пропаганде «демократических» средств массовой информации такие морально-нравственные категории, как патриотизм, государственность, преданность Родине, стали объектом нападок, откровенных издевок. Выступления в защиту Союза, целостности государства воспринимались в штыки. Как-то на Верховном Совете СССР Горбачев бросил фразу: «Тоже мне, нашлись ура-патриоты!»

Под влиянием общей обстановки в стране разрушительные силы начали действовать даже в сфере религии. Активизировались различные секты, в свое время запрещенные. Православие оттеснялось на задний план, стало терять позиции, особенно в западных областях страны. Отрицательно сказывались на положении православной церкви некоторые черты, характерные для ее деятельности, такие как склонность к консерватизму, к невосприятию, игнорированию нового в области культуры, науки, социально-политической мысли.

Средства массовой информации в своей подавляющей части подпали под влияние «демократических сил», стали их вотчиной, внесли существенный вклад в разрушительные процессы. Опубликование статьи в защиту Союза, его целостности становилось проблемой. Многие важнейшие стороны нашей истории преподносились в искаженном виде: оказывается, как хорошо жили люди при царском режиме до 1917 года и как плохо стали жить при советской власти!

Годы советской власти стали изображаться как сплошная черная полоса. Антисоветчики подняли руку на победу в Великой Отечественной войне, утверждая, что Советский Союз чуть ли не сам спровоцировал войну. Победы, которыми мы гордились, стали изображаться как сражения, в которых успех достигался лишь ценой неимоверных жертв. Работа тыла искажалась, рисовалась в черном цвете: напряженный, самоотверженный труд миллионов людей, их стремление внести вклад в победу над

фашизмом, оказывается, всего лишь результат принуждения со стороны тоталитарного режима.

В безудержном потоке нападок на Сталина смешали с грязью имена многих выдающихся советских военачальников. Укрепление позиций Советского Союза в Восточной Европе, на Дальнем Востоке изображалось как экспансионизм. Не было ни одной области жизнедеятельности советского общества и государства, которая не подвергалась бы нападкам, искажению и очернению.

Советская внешняя политика оценивалась как не отвечающая интересам страны. Получалось так, что именно Советское государство породило холодную войну и было виновным в международной напряженности.

Укрепление политических и иных позиций СССР в странах Латинской Америки, Африки, Азии, обретение в их лице друзей, взаимовыгодных партнеров в торгово-экономических отношениях преподносилось как гегемонистские устремления имперского государства.

Укрепление обороноспособности Советского Союза, оказывается, было напрасной тратой средств, одним лишь бременем для советской экономики, поскольку, мол, у СССР не было реальной внешней угрозы.

Начало 1991 года выдалось тяжелым. Январские события в Литве, и в частности в Вильнюсе, явились отражением спровоцированного кризиса в республике, охватившего все стороны жизни литовского общества.

Многочисленные случаи нарушения прав человека, попытки решить проблему обретения независимости Литвы, не считаясь с законными интересами Союза, с обязательствами перед ним, с волей и интересами значительной части населения самой республики, ухудшение экономического положения и, как следствие, снижение жизненного уровня и другие негативные явления породили глубокий и всесторонний кризис. Усилилось противостояние политических сил, их позиции, взгляды становились все более полярными.

В сложном и небезопасном положении оказались союзные структуры, воинские подразделения, находившиеся в республике. Особенно участились провокационные, подстрекательские выступления против советских военнослужащих, сотрудников КГБ и МВД СССР. В ход было пущено все — пикетирование, блокада учреждений, попытки насильственного проникновения в служебные помещения, произвол в отношении военных и членов их семей. Подвергались яростным нападкам пограничники и сотрудники таможенных служб. Регулярными стали акты

вандализма в местах захоронений советских воинов, погибших в годы Великой Отечественной войны, и просто иноязычных граждан. Все это было чревато социально-политическим взрывом и вспышкой кровопролития.

Ситуация требовала принятия экстренных мер. Была усилена охрана помещений органов КГБ Литвы, в основном за счет погранвойск. С этой целью в конце 1990 года в республику была введена дополнительная рота пограничников. Кстати, этого оказалось достаточно, чтобы разрядить обстановку вокруг здания КГБ Литвы.

Все эти меры принимались с санкции высшего руководства страны. Более того, и я, и мои заместители на различных совещаниях не раз подвергались критике за «бездействие» перед лицом угрозы неконституционного выхода Прибалтийских республик из состава СССР. Причем такого рода обвинения бросал сам Горбачев. Однако эти бравые фразы звучали все более и более лицемерно: когда вставал вопрос о конкретных мерах, то в ответ от Горбачева было слышно одно и то же: «Изучайте, не спешите, готовьте предложения, в свое время определимся».

Я выдерживал линию — Комитет госбезопасности силовыми методами будет действовать лишь в том случае, если получит соответствующее указание. Именно в этом плане — не предпринимать никаких самостоятельных силовых акций — я ориентировал не только своих заместителей и начальников соответствующих подразделений комитета, но и представителей на местах. Слишком свежи были еще события в Тбилиси и Баку, после которых Горбачев ловко ушел из-под огня критики под предлогом своей якобы неосведомленности, отдавая на растерзание исполнителей своих же приказов. В то же время КГБ СССР был готов защитить законность в Литве, причем особых трудностей тогда это не представляло.

В декабре 1990 — январе 1991 года обстановка в Вильнюсе достигла высшей точки накала. Было ясно, что сам по себе кризис не разрешится. Политическое противостояние самых различных политических сил — от созданного патриотическими силами Комитета спасения до оппозиционного «Саюдиса» — выражалось уже не только в лозунгах, но и грозило вот-вот выплеснуться на улицы, перейти в вооруженные столкновения.

Начался отток части некоренного населения республики. В то же время те, кто остался, подвергались грубой дискриминации, которая, с учетом численности одного только русскоязычного населения (около 18 процентов), грозила привести к полному расколу в обществе.

По поступавшим сообщениям можно было с уверенностью

прогнозировать, что грядет развязка, причем с самыми непредсказуемыми последствиями. До нее оставались буквально считаные дни. Обо всем этом комитет ежедневно докладывал руководству страны. Аналогичная информация поступала от военных и по линии МВД СССР. Например, Борис Карлович Пуго говорил, что ему с каждым днем все труднее сдерживать ситуацию, сил явно недостаточно, а напряженность растет со всех сторон.

Ситуация в Литве, да и вообще в Прибалтике, обсуждалась на высшем уровне ежедневно. Это были рабочие обсуждения, совещания, обмен мнениями у президента СССР в узком составе, оперативные встречи представителей правоохранительных органов, силовых министерств. Всеми давалась однозначная и весьма тревожная оценка. Существовало понимание того, что если срочно не принять предупредительных мер, то последствия могут быть самыми тяжелыми. Во всяком случае, избежать кровопролития не удастся.

В конце декабря 1990 года ситуация, в частности в Литве и Латвии, была предметом неоднократного обсуждения в узком составе у Горбачева. Сходились во мнении, что перед лицом грубого попрания существовавших законов, нарушения общественного порядка, угрозы государственной безопасности Литвы, Латвии, Эстонии и Советского Союза в целом возникла настоятельная необходимость в адекватных мерах, которые позволили бы предупредить кровопролитие и серьезную дестабилизацию обстановки в Прибалтике.

Было также очевидно, что экстремистские силы, в частности в Литве, не остановятся ни перед чем ради достижения своих целей, тем более что они почувствовали поддержку со стороны руководства республики, в частности Председателя Верховного Совета Литвы Ландсбергиса, который являлся их вдохновителем. В действиях экстремистских сил не было и намека на желание решить возникшие проблемы политическим путем. Речь шла только о насилии, им нужна была кровь. Москва обвинялась во всех грехах, изображалась источником враждебности по отношению к литовскому народу.

О Советском Союзе, а заодно и о России говорили как о чужеродном, враждебном государстве. По всему было видно, что оппозиционные силы получили извне индульгенцию действовать и добиваться своих намерений явочным порядком, силовым путем.

Телевидение, радио, значительная часть газет и журналов выливали на жителей Литвы поток лживых инсинуаций, подстрекательских заявлений, призывов действовать, отомстить

за репрессии в прошлом, добиваться «свободы» для литовского народа. За годы советской власти в Литве было, оказывается, все плохо, достижения народа за последние 40 лет или замалчивались, или извращались. А ведь они были поистине великими. Сбитые с толку люди не понимали, что происходит. Они ждали четкой позиции Москвы, надеялись на ее помощь.

В конце декабря 1990 года на совещании у Горбачева было принято решение применить силу против действий экстремистов в Латвии и Литве, пытавшихся явочным порядком сменить общественный строй, покончить с советской властью и выйти из Союза. Горбачев вел себя решительно, но это не прибавило уверенности в нем.

Кстати, на этом совещании был и Шеварднадзе, он поддержал силовой вариант, заметив: «Надо что-то делать». Горбачев дал указания Язову, Пуго и мне ускорить подготовку конкретных мероприятий, но к вечеру того же дня всем нам было дано уточнение: «Вы особенно не горячитесь, поделикатнее изучите, все взвесьте, потом еще раз обсудим». По словам Болдина, до этого у Горбачева состоялся продолжительный разговор с Яковлевым.

…Резкое обострение обстановки вынудило президента СССР М. Горбачева 10 января 1991 года обратиться непосредственно к Верховному Совету Литовской Советской Социалистической Республики. В обращении говорилось: «Надо смотреть правде в глаза и видеть истинные причины создавшегося положения. Они коренятся в грубых нарушениях и отступлениях от Конституции СССР, Конституции Литовской ССР, попрании политических и социальных прав граждан, в стремлении под лозунгом демократии провести в жизнь политику, направленную на восстановление буржуазного строя и порядков, противоречащих интересам народа». Далее в нем отмечалось, что ситуация, по существу, заходит в тупик. Необходимость выхода из создавшегося положения диктует, подчеркивалось в обращении, принятие незамедлительных мер. В связи с этим Верховному Совету республики было предложено безотлагательно восстановить в полном объеме действие Конституции СССР и Конституции Литовской ССР, отменить ранее принятые антиконституционные акты. Заканчивалось обращение предупреждением в адрес Верховного Совета Литовской ССР о необходимости понимать всю меру своей ответственности перед народом республики и Советского Союза.

Однако это обращение не возымело своего действия. У литовского руководства была полная уверенность в том, что Москва не пойдет ни на какие решительные действия с целью

реализации предупреждений, содержащихся в обращении.

В этих условиях 10 января Горбачевым было дано указание министру обороны Язову, министру внутренних дел Пуго и мне, как председателю Комитета госбезопасности, применить силу и направить в Вильнюс небольшую группу спецподразделения КГБ СССР, известного как группа «Альфа». Группа должна была действовать в зависимости от обстановки совместно с подразделениями МО и МВД СССР.

В ночь на 13 января 1991 года дружина Комитета национального спасения из числа местных жителей направилась к телецентру. К месту событий были подтянуты армейские подразделения, части МВД СССР и бойцы указанной спецгруппы КГБ численностью около 30 человек.

Благодаря вмешательству армейцев и группы «Альфа» удалось предотвратить столкновение дружины с противоборствующими силами, что неминуемо обернулось бы куда большей кровью. В задачу группы спецназа КГБ, действовавшей, как ей было предписано, в тесном взаимодействии с армейской частью и подразделением МВД СССР, входила защита здания телецентра и разъединение противоборствующих сил, предотвращение их прямых столкновений.

Немногим более двух часов потребовалось для овладения вильнюсским телецентром. При прохождении к центру наши армейцы, группы военнослужащих МВД СССР и «Альфы» подверглись неспровоцированному нападению со стороны хулиганствующих элементов, по ним стреляли с крыш близлежащих домов, в результате пострадали гражданские лица и военнослужащие.

К августу 1991 года Прокуратура СССР практически закончила расследование и установила виновность гражданских лиц, учинивших беспорядки в районе телецентра. Также было установлено, что бойцами группы «Альфа» не было сделано ни одного выстрела.

В ходе ночной операции погиб лейтенант Виктор Шацких. До сих пор не все ясно с обстоятельствами его смерти. Трагедия произошла, когда группа выдвигалась на отведенные ей позиции к зданию телецентра. Шацких шел замыкающим и был поражен выстрелом в спину. Какое-то время он продолжал идти, ощущая жжение в спине. Шацких доставили в больницу, чувствовал он себя не так уж плохо. Несмотря на просьбу наших представителей, их в больницу к нему не пустили. На следующий день из больницы сообщили, что рана оказалась якобы смертельной и он умер.

Органами союзной прокуратуры проводилось расследование, но никакого сотрудничества с местными властями наладить так и не удалось. Обстоятельства, связанные с гибелью Виктора Шацких, тщательно скрывали от нас, интересующих сведений и документов мы так и не получили.

Лейтенант Виктор Викторович Шацких посмертно награжден орденом Красного Знамени. Награда была вручена его родителям в Комитете госбезопасности. Был он настоящим русским парнем, любящим и любимым в семье, пытливым, умным, хорошим товарищем и другом, общительным. Он избрал службу в подразделении по борьбе с терроризмом осознанно. Понимал опасность службы, но не остановился перед этим, будучи мужественным и смелым от природы человеком. Высокая правительственная награда была первой и последней в его жизни. Уверен, что придет время, и памятники таким, как Виктор Шацких, появятся на их родной земле и там, где они проявили мужество и отдали свою жизнь за интересы Отчизны.

В декабре 1990 года IV Съезд народных депутатов СССР принял постановление о проведении всесоюзного референдума по вопросу о Союзе.

Сама постановка вопроса о Союзе носила провокационный характер, в нем не было никакой нужды, для широких масс этот вопрос не существовал, они не выступали против Союза, более того, у людей вызывало удивление, а то и возмущение, когда кто-либо высказывал сомнение в необходимости сохранения Союза. Союзное государство устраивало подавляющее большинство граждан, и его существование воспринималось как естественное состояние.

Разрушители Союза готовили его развал со всех сторон, им было важно обозначить хотя бы сам вопрос. Съезд, я считаю, попался на эту удочку, и Верховному Совету ничего не оставалось, как назначить дату проведения референдума — 17 марта 1991 года, когда он и состоялся.

Уместно напомнить вопрос, вынесенный на референдум: «Считаете ли вы необходимым сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных республик, в которых будут в полной мере гарантироваться права и свобода человека любой национальности?»

Особой агитации с призывом дать положительный ответ на поставленный вопрос не было. Напротив, активнее действовали противники Союза. Однако народ сам решал, какой ответ следует дать.

В ряде республик — Литве, Латвии, Эстонии, Молдавии,

Армении, Грузии официальными властями референдум игнорировался. И тем не менее более 76 процентов граждан страны, участвовавших в голосовании, дали на вопрос положительный ответ. Такого результата не ожидали ни оппозиция, ни сами власти. Он превзошел все самые оптимистические прогнозы.

Но, к сожалению, и этот капитал не был использован. В период подготовки к референдуму и его проведения обращала на себя внимание удивительная пассивность властей, и в частности президента Горбачева. Тогда у меня закралась мысль, а в последующем она еще более утвердилась, что Горбачев или не верил в положительные результаты референдума, или, более того, опасался их.

Подготовка к новому Союзному договору шла полным ходом. Идея была брошена в массы, доведена до сведения общественности, и Горбачев считал, что на смену существовавшему Союзу должен прийти новый союз или какое-то образование республик, входивших в СССР, но с другой формой и содержанием. О каком-то прочном союзе Горбачев и не помышлял. Он не мог не понимать, что страна идет не к федерации, в лучшем случае — к конфедерации, которая не будет жизнеспособной и, следовательно, долговечной. Почему? На этот вопрос уже дан ответ историей, результатами развития положения в стране за последние годы.

Горбачев сознательно шел на разрушение федеративного государства. Он не мог не отдавать себе отчета в том, что предполагавшееся новое союзное образование было бы несравнимо слабее прежнего Союза. Это было абсолютно ясно всем как в Союзе, так и за его пределами.

В то время руководство страны еще не утратило контроля над определенной частью средств массовой информации, располагало значительным пропагандистским аппаратом, структурами власти в центре и на местах для проведения более активной кампании в пользу сохранения Союза, однако ни одна из этих возможностей по-настоящему не была задействована. В то же время рабочие, крестьяне, значительная часть интеллигенции активно выступали за сохранение Союза. Это было проявлением их личной убежденности в необходимости сохранения СССР, за пределами которой нетрудно представить себе самые мрачные перспективы.

Столь внушительная победа союзных сил на референдуме нисколько не обрадовала Горбачева. Для него это означало новые заботы, необходимость вести борьбу с теми, кто выступал за разрушение Союза, а это никак не входило в его планы.

Итоги референдума были уникальной и, пожалуй, последней

возможностью отстоять Союз, остановиться на пути его разрушения, дать отпор антидержавным настроениям и, опираясь на политическую поддержку большинства, широкой социальной базы, повести работу и борьбу за развитие и укрепление Союза. Иной путь вел к катастрофе, что и случилось в декабре 1991 года в результате беловежского сговора. И если Горбачев не имел к нему прямого отношения, то подготовке условий для него активно способствовал и потому несет прямую ответственность за разрушение Союза.

А тем временем обстановка в стране день ото дня ухудшалась, и тенденция к ее обострению превратилась в устойчивый процесс. С повестки дня не сходил вопрос о возможности введения чрезвычайного положения в некоторых регионах, отдельных отраслях народного хозяйства, стране в целом.

В последние два года такая возможность, причем совершенно конкретно, обсуждалась не раз. Иногда ситуация оказывалась буквально на грани взрыва. К этому добавились еще забастовки.

Забастовки шахтеров больно ударили не только по угледобывающей промышленности, но и по ряду смежных отраслей, по экономике в целом. Производство падало, снабжение ухудшалось, недовольство масс нарастало день ото дня. То здесь, то там стали появляться параллельные структуры власти, и к ним переходили управленческие функции. Центр терял рычаги управления.

Политическая и экономическая нестабильность достигла такой глубины и масштабов, что страна становилась неуправляемой. Все острее давали о себе знать горячие точки, их возникало все больше, конфликты в них сопровождались человеческими жертвами.

В этих условиях правоохранительные органы были не в состоянии поддерживать общественный порядок. Уголовные дела по правонарушениям формально возбуждались, но проводить по ним следствие было невозможно из-за протестов «общественности», травли в средствах массовой информации, угрозы силового воздействия на органы внутренних дел, прокуратуры и суды.

Принимаемые указы президента, постановления Кабинета министров попросту игнорировались. Действовали лишь два взаимоисключающих фактора: с одной стороны, под лозунгом демократизации общества раздавались требования о демонтаже существовавших государственных структур, развале Союза и т. д., а с другой — все настойчивее слышались призывы к наведению элементарного порядка, восстановлению законности, защите

граждан от захлестнувшей страну преступности.

Появились беженцы из Прибалтики, Молдавии, других регионов. Это был зловещий признак надвигающейся большой беды, но центром и ему не было придано должного значения.

В 1991 году «демократы» стали в открытую поднимать вопрос о перемещении русскоязычного населения из союзных республик в Россию, а также о выезде граждан других этнических групп из разных регионов страны в свои национальные районы. Подсчеты показывали, что переселение могло коснуться 60 миллионов человек, проживавших в Союзе вне своих национальных образований.

Под предлогом «заботы» о русских Ельцин стал приглашать их в Россию, обещая гостеприимство и всякие блага. Особенно усердствовала в этом Г. Старовойтова.

Как-то в здании Верховного Совета СССР я случайно встретился с ней и задал вопрос: «Вы серьезно думаете, что возможно такое великое переселение? Ведь у государства не хватит на это средств — оно разорится. Не говоря уже о сломанных человеческих судьбах. Дойдет дело до передела границ, и вместо дружбы народов мы получим войну между ними».

Она ответила: «А что же делать, если люди разных национальностей не могут вместе жить?»

Я сказал, что не надо поддерживать национализм, что это не политика, а безумие и что надо остановить Ельцина. Немного подумав, Старовойтова произнесла: «Вы, пожалуй, правы. Я поговорю с Борисом Николаевичем».

Ну что ж, теперь миллионы людей, беженцев пожинают плоды преступной, античеловеческой политики.

Как я уже упомянул, постоянно стоял вопрос о введении чрезвычайного положения на территории всей страны или в ряде регионов либо, как вариант, президентского правления. Этот вопрос не просто обсуждался, Горбачевым давались конкретные поручения по подготовке соответствующих материалов.

В течение 1990 года на этот счет неоднократно давались указания в связи с событиями в Южной Осетии, Прибалтике, в частности по Литве и Латвии. В 1991 году подобные распоряжения отдавались Президентом Союза в связи с событиями в Азербайджане, Армении и Молдавии. В ряде регионов из-за беспорядков и забастовок ситуация накалялась до предела. Поэтому поручения носили вполне конкретный характер: подготовка проектов соответствующих постановлений, обращений, перечень организационных чрезвычайных мер.

Были дискуссии по Грузии. Комитет госбезопасности полагал,

что следует проявлять выдержку и терпение, нельзя опережать события, процессы в этой республике должны до поры до времени развиваться естественным образом, а ситуация созреть до конструктивного выхода из кризиса. Вместе с тем важно было не оставлять без разоблачения антисоветские, антисоциалистические тенденции и всячески поддерживать здоровые силы, ни на минуту не прекращая работу по разоблачению националистических устремлений.

Проявлять выдержку предлагал я и в отношении Молдавии. Среди части населения этой республики наиболее активно подогревалась эйфория в вопросе молдавско-румынских отношений.

Сторонники объединения Румынии и Молдавии, а точнее, присоединения Молдавии к Румынии, пытались убедить население Молдавии в преимуществах и благах, которые принесет «воссоединение румынского и молдавского народов». Молдаванам сулили многое: обретение «великой родины», повышение жизненного уровня, быстрый подъем промышленности и сельского хозяйства, расцвет науки, культуры и многое другое. При этом тщательно скрывалась разница в жизненном уровне Румынии и Молдавии, причем далеко не в пользу первой.

Расширение возможности в общении жителей Румынии и Молдавии, по оценке Комитета госбезопасности, должно было очень быстро привести к выяснению ситуации, получению жителями Молдавии объективного представления о том, как живут румыны: лучше или хуже. Наш расчет оказался точным: так оно и случилось.

Что касается истории, то Молдавия, находясь в составе Румынии, никогда от этого не выигрывала. Ее население попадало в положение угнетенной части народа. Национальная культура, промышленность и сельское хозяйство находились в застое. И напротив, расцвет Молдавии обеспечивался тогда, когда она входила в состав России. Такова историческая правда и действительность сегодняшнего дня, от которых никуда не уйдешь.

Я далек от мысли бросить тень на Румынию и румынский народ. Дело в реальности, с которой нельзя не считаться. Думаю, что эйфория прошла, значительная часть молдавского народа убедилась, где и с кем ему лучше. Поэтому, мне кажется, трагической ошибки пока удалось избежать.

Не раз обсуждалась и ситуация в Москве. Были задумки ввести в столице президентское правление.

Горбачев вообще в разговорах постоянно подчеркивал, что

пойдет на все, чтобы не допустить развала страны, выхода республик из Союза. Он неоднократно просил подумать над тем, как бороться с националистическими силами и настроениями в республиках. Собственно говоря, ничего нового члены ГКЧП и не придумали — все решения, действия и воззвания шли именно в русле тех проработок, которые по заданию самого же Горбачева готовились в 1990–1991 годах.

А тем временем обстановка все больше накалялась. Тревогу вызывали крайние экстремистские силы, открыто призывавшие идти на Кремль и на Лубянку. Все больше раздавалось и прямых угроз в адрес высшего руководства, в том числе и самого президента.

Ясно, что пустить развитие событий на самотек было нельзя. Надежды на мирное урегулирование не оставалось — с каждым днем становилось все хуже и хуже, а действовавшие в разрушительном направлении экстремистские силы, в среде которых было и немало народных депутатов различных уровней, продолжали активно подливать масла в огонь.

Еще более настораживающая информация поступала в Комитет госбезопасности по оперативным каналам. В ходе проведения контроля, в частности слухового, по конкретным оперативным разработкам в поле зрения попадали лица из различных политических партий, организаций и движений, намерения и действия которых были явно направлены на разрушение общественного строя, ослабление государственности, правопорядка, на развал Союза. Их действия были настолько серьезны и опасны, что проходить мимо них органы госбезопасности были не вправе.

Начиная с конца 1988 — начала 1989 года масштабы антисоветской деятельности приняли достаточно широкий и угрожающий характер. Одна из причин — полная безнаказанность, вседозволенность, бездействие законов. Но был очевиден и другой вывод — экстремистские действия кем-то подогревались, подпитывались, поощрялись сверху, что, конечно, затрудняло борьбу с ними.

Просматривалось явное и неявное взаимопонимание и взаимодействие экстремистских сил с членами тогдашнего руководства А. Яковлевым, Э. Шеварднадзе. По крайней мере, бездействовали член политбюро, секретарь ЦК КПСС В. Медведев, заместитель генерального секретаря ЦК КПСС В. Ивашко и некоторые другие лица рангом пониже. У этих людей, в свою очередь, был «надежный» тыл в лице Горбачева.

Уже в те годы между словами и делами Горбачева очевидна была нестыковка. Слов о намерении защитить партию и

государство, не допустить развала Союза и тому подобных в речах Горбачева было в избытке. Это, конечно, сбивало с толку, тем более что даже в частных разговорах Горбачев, казалось, стоял на принципиальных позициях государственника, возмущался по поводу экстремистских высказываний и действий, грозился принять меры, но на следующий день все спускал на тормозах, убаюкивал окружающих словами, что «экстремисты ничего не сделают», все образуется, пошумят и перестанут.

А тем временем США продолжали наращивать усилия по проникновению в Советский Союз и оказанию на его политику выгодного для себя влияния. В начале мая 1990 года Советом национальной безопасности США был утвержден специальный план мероприятий по СССР, в котором, в частности, уделялось особое внимание поддержке оппозиционных сил в нашей стране. И это несмотря на то, что к тому времени Варшавского договора и Совета экономической взаимопомощи уже не стало. СССР, подчеркивалось в плане, по-прежнему оставался «самой серьезной угрозой национальной безопасности США». Особые надежды американцы возлагали на советскую «политику гласности и открытости».

Невольно возвращаешься к тем временам, и в памяти всплывают имена тех, кто проводил линию на разрушение Союза, а сейчас многие из них у власти, занимают официальные посты, действуют открыто и во многом уже реализовали свои планы.

Можно назвать немало других общественных и государственных лиц, которые совершали поездки в капиталистические страны и пользовались там услугами, оплачиваемыми принимающей стороной. Многие из наших представителей получали приличные гонорары за выступления в средствах массовой информации, в различных аудиториях, бесплатно находились на отдыхе или проходили курс лечения. Нередко поездки совершались с женами и детьми.

Хотелось бы обратить внимание на строгий порядок регламентации деятельности парламентариев и государственных служащих, к примеру в США. В 1978 году там был принят даже специальный закон об этике госслужащих. Они обязывались представлять отчеты о своих доходах и расходах. В начале 1991 года конгрессменам было запрещено получать гонорары за выступления в средствах массовой информации, лекции и т. д. Установлен строгий порядок в обращении с подарками. Конгрессмен вправе оставить себе памятные подарки на сумму не более 300 долларов в год, куда входит также оплата развлечений и отдыха. Еще более строгий подход установлен к соблюдению режима секретности и использованию информации,

составляющей государственную тайну.

Народные депутаты Союза, России и даже некоторых местных Советов стали объектами работы, прежде всего определенных кругов США и их специальных служб. Причем среди «демократов» в ходу было утверждение, что А. Яковлев для экономических и правительственных кругов США является «личным гарантом политики Горбачева». А что касается стратегической цели, то единомышленник А. Яковлева, один из руководителей региональной депутатской группы, Ю. Афанасьев, еще в 1990 году определил ее как повторение во многом «плана Бальцеровича» в Польше. Ю. Афанасьев не скрывал, что на самом деле этот план был разработан в Международном валютном фонде. Он же отмечал, что подобный план перехода к рыночным отношениям МВФ обычно проводит в слаборазвитых странах с целью локального укрепления замкнутой валюты и окончательной денационализации экономики. Тогда же родилась идея, а точнее, она была запущена к нам организацией «Бнай-Брит», объявить русское национальное движение фашистским как по задачам, так и по идеологии.

Удары по союзному центру наносились с нескольких направлений. Еще в 1989 году в экспертных группах Совета национальной безопасности США стали обсуждать идею о создании на российской почве параллельного союзному политического и экономического центра. Эта идея отозвалась двумя годами позже.

В феврале 1991 года о ней активно заговорили в окружении Ельцина. К этому времени относится начало практической разработки варианта такого «центра» в лице Ельцина и Верховного Совета РСФСР. При анализе политико-экономического содержания параллельного центра использовали суждения Г. Попова, незадолго до этого побывавшего в США. Там Попов имел контакты с государственным секретарем Бейкером, с его экспертной группой, был принят специалистами из ЦРУ и аналитиками из Госдепартамента. Главным компонентом этого замысла являлось создание на территории Советского Союза разорванных, разделенных между собой рынков с равной ориентацией на российский и международный рынки. По задумкам авторов плана это означало бы необратимый развал «советской империи». Так впоследствии оно и получилось.

Американцы в то время опасались, что Горбачев не все может сделать, поскольку ему будет трудно одолеть «консервативный» госаппарат и армию. За Ельциным, по их утверждению, стояли советники и актив межрегиональной депутатской группы, которые мыслили и действовали в рамках американских

разработок. Для достижения своих целей «демократы» считали наиболее подходящим вариантом развития событий на территории Советского Союза «гражданскую войну малой интенсивности».

Любопытна точка зрения американцев на противостояние Горбачев — Ельцин и вообще на этих двух деятелей. По их мнению, Горбачев стремился осуществить партийную капитализацию, в кратчайшие сроки сформировать класс крупных собственников, в том числе из числа верных ему функционеров КПСС и представителей военно-промышленного комплекса, сохранив при этом в какой-то мере власть центра. Ельцин же был готов распродать инофирмам землю и крупную собственность, став при этом полновластным диктатором в России после развала Союза.

В США считали также, что Ельцин патологически мстителен, с доминированием Горбачева не смирится и для сведения счетов с ненавистным союзным центром скорее пойдет на положение марионетки МВФ.

Я упомянул некоторых «современных» политологов, общественных деятелей, сыгравших разную, в том числе роковую, роль в судьбе Советского государства и сегодня продолжающих исполнять свою негативную роль, но уже в жизни России. По просьбе читателей я расскажу о двух американских политологах. И американские и «наши» («демократические» настроенные) политологи с одинаковым рвением наносили удары по одной и той же цели — по Советскому Союзу, хотя были гражданами разных, противостоящих друг другу государств. Любопытно!

Длительное время советские руководители имели дело, да и сейчас продолжают сталкиваться с Генри Киссинджером — известной во всем мире политической фигурой, бесспорно звездой международной политологии. В силу личных особенностей этого человека, его безусловной одаренности, умения анализировать огромный объем информации Киссинджер, будучи государственным секретарем США, заставлял считаться с собой политиков как в Соединенных Штатах, так и во многих странах мира. Его удивительная память, способность впитывать и генерировать увиденное, услышанное, прочитанное делали его исключительно содержательным и интересным собеседником.

Хорошо была известна манера Киссинджера вести беседы, переговоры. Он предпочитал с самого начала делать крупные заявки, предложения, не разменивался, не торговался по мелочам (черта сильных политиков), что придавало обсуждению конструктивность, динамичность и, в общем-то, обезоруживало другую сторону, во всяком случае, лишало ее инициативы.

И еще об одном качестве Киссинджера стоит упомянуть — о его красноречии.

В сентябре 1973 года мне довелось побывать в Штатах и присутствовать на сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке, на которой выступил Киссинджер. Его речь продолжалась всего двадцать минут. Содержание, манера преподнесения материала и не в последнюю очередь ораторские способности приковали внимание зала. Бурные аплодисменты даже тех, кто не симпатизировал Киссинджеру, были наградой за его выступление.

Его аналитический ум обладает умением выделить главное, так что сбить Киссинджера, увести от обсуждения интересующей его проблемы было трудно, тем более что такие личные черты характера, как подозрительность, мнительность, недоверчивость, тут же побуждали его к поиску подвоха или ловушки, если собеседник вдруг начинал уклоняться от основной темы. Не случайно Киссинджер в общем-то одинок, у него мало личных друзей, круг знакомых и близких к нему лиц очень узок. Может быть, на этой почве он и сошелся с Никсоном? Помимо этого, Киссинджер, можно сказать, свободен от человеческих слабостей и пороков, никогда не упускает из виду тактическую сторону и в личном и широком политическом плане. Разумеется, советскую разведку интересовали взгляды Киссинджера на те или иные проблемы, его возможные шаги, но получить обо всем этом достоверную информацию было чрезвычайно трудно. Поэтому в основном приходилось судить по его выступлениям на основе аналитических заключений, тем паче что Киссинджер всегда был для нас достаточно предсказуем.

Эта предсказуемость вытекает из того, что Киссинджер последовательно выражает и отстаивает интересы богатых, влиятельных кругов, сильных мира сего. Тут классовость позиции однозначна. Интересы Соединенных Штатов — единственный ориентир, от которого Киссинджер ни на йоту не отступал. Кстати, Брежнев хорошо понимал это и другого от него не ждал. Только Горбачев, подменив интересы Советского Союза так называемыми общечеловеческими ценностями, приобретя благодаря этому мало чего стоящую популярность за рубежом, а в личном плане — солидные гонорары за издаваемые там свои «труды», мог не учитывать того, чьи интересы защищает тот или иной политический деятель, с которым ему приходилось вести переговоры.

Именно исходя из американских интересов Киссинджер зачастую мирился с тем, что в душе ему претило. Скажем, нам было достоверно известно, что Киссинджер питал неприязнь к

Центральному разведывательному управлению, но он никогда не высказывал свое истинное отношение к этой организации публично. Более того, в отдельных заявлениях Киссинджер не раз защищал ЦРУ. Так было в конце 70-х годов, когда кое-кто в США пытался взвалить именно на ЦРУ ответственность за крах проамерикански настроенного шаха в Иране. Напротив, Киссинджер считал, что ЦРУ в то время было сковано, не обладало свободой действий, за что США и пришлось дорого расплачиваться. Киссинджер увидел глубинные причины падения шахского режима, как следствие процессов бурного развала в этой стране в 60—70-х годах. В книге «Переломные годы» он писал по этому поводу: «Дело было в принципиально неправильном представлении о возможных последствиях быстрого экономического развития». Эти слова Киссинджера можно отнести не только к экономическому аспекту развития и не только применительно к Ирану.

Киссинджер подчеркивал целесообразность и необходимость разведслужб, являлся сторонником тайных операций, выступал за сохранение таинственности вокруг ЦРУ; в противодействии этой засекреченности усматривал «создание психологических трудностей». Киссинджер активно пользовался разведывательными материалами, и в ЦРУ понимали, что он является постоянным и заинтересованным потребителем их информации.

К Советскому Союзу Киссинджер относился как к противнику США. В упомянутой книге «Переломные годы» он писал: «Советский Союз — деспотия и идеологический противник». И далее излагает суть своей политики в отношении СССР: «…в условиях угрозы уничтожения человечества в результате возможного ядерного конфликта наш противник в известном смысле превратился в нашего партнера в стремлении избежать ядерной войны…» Уже в бытность у власти Горбачева Киссинджер, по сути, не изменил своего взгляда на Советский Союз. На одном из заседаний Бильдербергского клуба при обсуждении вопроса о гласности и перестройке он говорил: «Несмотря на Горбачева, нужно продолжать показывать зубы Советскому Союзу».

Советская разведка, отдавая должное сильным сторонам Киссинджера как аналитика и политика, предостерегала руководство СССР от соблазна использовать в интересах Москвы якобы хорошо складывающиеся личные отношения с ним. Пренебрежение интересами других, холодный расчет и даже цинизм в подходах к формированию и реализации внешнеэкономического курса США неизменно присутствовали в

деятельности Киссинджера. Не освободился он от этих особенностей и в последующее время, когда перестал занимать руководящие государственные посты в американской столице. Уже в 1996 году Киссинджер сказал: «Я предпочту в России хаос и гражданскую войну тенденции воссоединения ее народов в единое, крепкое, централизованное государство».

Киссинджер с опасением смотрел на объединение Германии в 1989 году и полностью не одобрял действий Горбачева. Он, как маститый политик, не мог не понимать таящуюся в этом объединении потенциальную угрозу сложившемуся после Второй мировой войны миропорядку. В журнале «Ньюсуик» в декабре 1989 года он писал: «Если Восточная Германия выйдет из Варшавского договора, то из этого не следует, что Советскому Союзу будет лучше, если Федеративная Республика выйдет из НАТО. Я готов поспорить, что ему будет хуже. Ни один русский руководитель не должен упускать из вида уроки истории».

Негативное отношение к Советскому Союзу, к его политике не мешало Киссинджеру реалистично подходить к оценке некоторых моментов, связанных с нашей страной. Он не раз выражал несогласие со стремлением усматривать вину Советского Союза в любой проблеме, возникающей в мире. Он подчеркивал необходимость проведения реформ в слаборазвитых регионах, из-за отсутствия которых возникает социальная и политическая напряженность.

Киссинджер отрицательно отнесся к инициативе Рейгана о создании СОИ, расценивал ее как мираж, поскольку даже при 90-процентной защите, по мнению Киссинджера, прорвется достаточно ядерного оружия, чтобы уничтожить неприемлемо большую часть населения.

Как реалистичный политик, хорошо понимающий значение определяющих стран и регионов в мире, Киссинджер одним из первых среди американских политических деятелей уловил все растущую роль Китайской Народной Республики. Киссинджер — единственный из высокопоставленных политических деятелей, кто имел пять встреч с Мао Цзэдуном. Последняя состоялась в 1975 году, за год до смерти Мао. Судя по воспоминаниям Киссинджера, китайский руководитель произвел на него сильное впечатление. С одной стороны, Киссинджер не хотел упустить Китай, его огромные рынки, а с другой — стремился помешать советско-китайскому сближению. С этой целью Киссинджер подогревал Пекин против Советского Союза. Китайцы, и прежде всего Чжоу Эньлай, отчетливо понимали это и серьезного повода для углубления бреши в отношениях СССР и Китаем не давали. Киссинджер не исключал советско-китайского военного

конфликта. Учитывая возможность подобного развития событий, в Москве стремились рассеять опасения Пекина на этот счет.

Киссинджер отошел от политической деятельности на каком-либо государственном посту, однако его научно-публицистическая активность продолжает оказывать заметное влияние в Соединенных Штатах и в международной жизни. Не думаю, что он испытывает полное удовлетворение от развала Советского Союза, потому что не может не видеть формирования традиционных очагов серьезной угрозы миру. Однако наверняка можно сказать, что он не предпочтет изменить это положение за счет укрепления российского фактора.

И в заключение сугубо личный вопрос, который я иногда задаю себе: «А вообще, взошла бы звезда американского политика Киссинджера, если бы родители-эмигранты не увезли с собой маленького Генри из Германии накануне Второй мировой войны?»

С моей точки зрения, на противоположной от Киссинджера стороне политологического Олимпа США прочно стоит Збигнев Бжезинский. Речь не идет о сути убеждений, взглядов на мировые проблемы, разнице в отношений к социальному строю, тут между ними особых различий не существует. Оба являются приверженцами одних основополагающих ценностей, одних кардинальных интересов. Они отличаются тяготением к разным методологиям решения проблем, тактическим подходам к формированию внешнеполитических направлений деятельности администрации и отношений Америки с регионами и отдельными странами. Что касается Советского Союза, то, пожалуй, отличие этих двух деятелей заключается в том, что Киссинджер прежде всего является антикоммунистом, а потом уже антисоветчиком, а у Бжезинского на первом плане стоял антисоветизм, антирусизм и затем антикоммунизм.

Противоречивых оценок, высказываний о личности Бжезинского неизменно больше, чем о Киссинджере. У последнего всего было больше сторонников и последователей, чем у первого. В Москве отношение к Бжезинскому, в общем-то, было негативным, поскольку он не только не скрывал своих антисоветских настроений, но и постоянно их обосновывал и развивал. Особенно он не скрывал и своих антирусских взглядов, став в 1976 году помощником президента Картера по национальной безопасности. Первое, что сделал Бжезинский, — пустил под откос позицию тогдашнего государственного секретаря Сайруса Вэнса о приоритетности Советского Союза во внешней политике Вашингтона. Картер согласился с ним, и СССР перестал занимать в международных делах Вашингтона первую

строчку, по крайней мере в официальной политике. Вообще, было очевидно большое влияние Бжезинского на Картера, чего не скрывал сам президент, называя себя «усердным студентом Бжезинского в международных делах». Такое мнение Картера предопределяло существенное влияние в то время Бжезинского в американской столице.

Однако, находясь в ряду ближайших и влиятельных помощников Картера, Бжезинский не только не укреплял свои позиции, но и все более разрушал их. Критические высказывания в его адрес усиливались, равно как и в адрес самого президента, и к середине президентского срока Картера можно было с уверенностью сделать вывод, что следующим хозяином Белого дома станет другой деятель.

Концепции Бжезинского обращают на себя внимание прежде всего своим теоретическим обрамлением, однако они лишены достаточного прагматизма, применимости к реальной политике, характерных для Киссинджера прорывов и смелых акций во внешней политике. По меткому выражению французского политолога Жан-Пьера Ко, методичность Бжезинского и ход его мыслей напоминали «великую иезуитскую традицию», которая отличалась тактической гибкостью и пренебрежением принципами. Несмотря на многочисленные рассуждения о правах человека, о мире и сотрудничестве между народами, Бжезинский был сторонником использования силы тогда, когда речь заходила о коренных американских интересах. В этой точке зрения — полная преемственность между тем, что было прежде, и той политикой, которая проводилась после Картера — Бжезинского. «Наши основные обязательства, — как-то сказал Бжезинский, — остаются неизменными, переходя в наследство от одного правительства к другому.

«Миролюбие» Бжезинского напрочь перечеркивалось его рассуждениями о том, какую именно опасность для человечества может нести ядерная война. Он называл «вздором» мнение о том, что ядерная война означала бы конец человечества. В 1978 году в журнале «Нью-йоркер» Бжезинский выступил со следующим утверждением: «Говорить о том, что использование ядерного оружия означало бы конец человечества, — это неправильное воззрение. Это эгоцентризм… В чисто статическом плане, если бы Соединенные Штаты использовали весь свой арсенал против Советского Союза, а Советский Союз использовал весь арсенал против Соединенных Штатов — это не означало бы конца человечества».

Неудивительно, что Бжезинский не выдвинул сколько-нибудь конструктивной идеи, способствовавшей развитию отношений

между США и СССР. Однако его распирало от удовлетворения, когда в конце 80 — начале 90-х годов в Советском Союзе начались разрушительные процессы. Бжезинский активно обосновывал «закономерность» развала Союза. Он назвал последние триста лет российской истории периодом имперской экспансии, от которой российские народы испытывают усталость.

Вместе с тем нельзя не согласиться с утверждением Бжезинского об опасности национализма как главной разрушительной силы в развале Союза. Бжезинский верно уловил тенденцию. В 1990 году вышла его книга «Межнациональные отношения в СССР: проблемы и перспективы», в которой он пришел к следующему выводу: «…Родина великороссов не имеет достаточных коммерческих выходов к Мировому океану, равноценных пахотных земель… Она также подвержена воздействию неблагоприятного климата и не имеет четко обозначенных естественных и этнических границ. А потому любое широкое осуществление национального отделения неизбежно привело бы к кровавым столкновениям, не говоря уже о холодящей ум перспективе для обедневшей России, вынужденной принимать миллионы великороссов, изгнанных из нерусских земель».

Даже Бжезинский не считал спасительным для Советского Союза устранение коммунизма с социально-политического поля. По его словам, это не сделает Советское государство экономически более продуктивным и политически более плюралистическим.

Из международной политики на счет Бжезинского следует отнести провал американской политики в Иране. Его однозначная ставка на шаха Пехлеви нашла свое продолжение в 1989 году в упорной поддержке преемника шаха — премьер-министра Шахпура Бахтияра, что окончательно сожгло всякие возможности для налаживания мостов между Вашингтоном и Хомейни.

В неудачной карьере Бжезинского — политика помимо антисоветских концепций, возможно, сыграли негативную роль особенности его характера: с ним трудно вести диалог, он упрям, не умеет прислушиваться к собеседнику. Бжезинский высказал немало заслуживающих внимания крупных идей, но никогда не доводил их до логического претворения в жизнь. В 1970 году он стоял у истоков создания трехсторонней комиссии, призванной объединить политические элиты Северной Америки, Западной Европы и Японии для изучения крупных международных проблем и выработки по ним рекомендаций сотрудничества с коммунистическими странами, однако это была тактика, что подтверждается его же собственным признанием о том, что «еще

слишком рано предпринимать совместные усилия в направлении глобальной архитектуры».

Вся деятельность Бжезинского говорит о глубоком эгоцентризме его убеждений и политики. Бжезинский является по национальности поляком, родился в Варшаве. Вряд ли нынешнее геополитическое положение Польши, ее обозначившаяся оголенность перед Германией в связи с устранением Германской Демократической Республики, во что вклад Бжезинского как политика несомненен, позволит полякам в будущем конструктивно оценивать его взгляды и работу по претворению их в жизнь. Не решает и существенные для Польши проблемы ее вступление в марте 1999 года в НАТО. В этом блоке у Германии будет несравненно больше возможностей «договориться» с польской стороной по любым спорным вопросам, в том числе и территориальным. А такие вопросы, как считают на Западе, есть…

Огромную роль в разрушении Союза играл этнический фактор. В июне 1991 года бывший заведующий отделом межнациональных отношений «Независимой газеты» Э. Пайн, одновременно являвшийся экспертом центра независимых экспертиз при фонде «Культурная инициатива» (Фонд Сороса), не скрывал, что финансирование сбора информации по межэтническим конфликтам в СССР в значительной мере идет через Фонд Сороса. Предполагалось поставить под международный контроль положение нацменьшинств, подведя под это соответствующее экономическое обоснование: на территории нацменьшинств, автономий находятся значительные сырьевые запасы. Именно их начнут разрабатывать иностранные корпорации, что будет расцениваться как гарантия кредитов, полученных под программы МВФ. В 1993 году Пайн стал членом Президентского совета России.

В июне 1988 года в Институте социальных экономических проблем в Ленинграде проходил так называемый «семинар 38-й комнаты». Выступая на нем, известная «демократка» Старовойтова изложила позицию по национальным отношениям, как она выразилась, радикального крыла перестройки, которое в политбюро ЦК КПСС представляет А. Яковлев. По словам Старовойтовой, «радикальный вариант» решения национального вопроса появился на базе конфиденциальных бесед Яковлева в Эстонии с некоторыми руководителями партийного аппарата этой республики.

Этот вариант предусматривал сознательную установку на ослабление межнациональных связей в пользу развития национального самосознания. Цель — ослабление,

децентрализация межнациональных связей с тем, чтобы национальные администрации имели возможность вести паритетные дипломатические переговоры с центром.

Старовойтова отмечала, что Эстония должна послужить полигоном для испытания идеи Яковлева по децентрализации. Тогда же по совету Яковлева в Эстонии были организованы протесты населения против разработки в республике месторождения фосфоритов. В случае победы «радикального варианта» было запланировано создание смешанного эстонско-шведского предприятия по добыче фосфоритов.

На упомянутом семинаре Старовойтова обозначила еще один полигон борьбы по децентрализации межнациональных связей — это Армения — через осложнение обстановки в Нагорном Карабахе. По ее признанию, об осложнении ситуации в этом регионе она знала заранее, еще за два года. По заявлению Старовойтовой, самое важное — победа армян над азербайджанцами, поскольку это означало бы первую, главную и решительную победу над ленинско-сталинской национальной политикой.

Армянская проблема имела для «демократов» большое значение по ряду причин. Так, по мысли некоторых участников ленинградского семинара, необходимо развенчать договор В.И. Ленина с Кемалем Ататюрком, что создаст возможность перехода к критике Ленина: «Не во всем был прав, так, может, и ни в чем не был прав».

Обострение обстановки в Азербайджане и вокруг него, по замыслу инициаторов этого плана, приведет к напряженности в республиках Средней Азии, где имеется благоприятная почва для проявления исламского фундаментализма.

Дестабилизация экономики путем безудержного проведения реформ была главнейшим направлением разрушительной деятельности «демократов». Под давлением начавшихся в 1989 году забастовок власти вынуждены были пойти на отмену ограничений роста зарплаты в сочетании со значительным снижением налогов на прибыль; пятипроцентный налог с продажи неминуемо должен был подвергнуться критике со стороны рабочих, а что касается повышения цен на товары, то эта мера как рычаг регулирования исключалась путем требования замораживания цен на регионально-территориальном уровне. Все это призвано было убедить забастовочное движение в том, что с позиции нажима на правительство можно достичь многого. В результате денежная масса не только не уменьшится, а, наоборот, увеличится, что спровоцирует очередной круг инфляции. Следствием раскручивания инфляционной спирали неизбежно

станет полная ликвидация стабильности экономики в госсекторе и в народном хозяйстве. В итоге последует ухудшение экономического положения, усиление недовольства рабочих, спад же производства приобретает хронический характер. Налицо порочный круг со всеми вытекающими губительными последствиями.

По информации из кругов, близких к американской администрации, относящейся к началу 1991 года, Вашингтон рассчитывал на Горбачева в решении по крайней мере двух задач: главная — подписать соглашение о сокращении стратегических вооружений, и неглавная — приватизация экономики. После решения этих задач Горбачев мог бы с «чистой совестью» уйти в отставку и затем сколько надо отдыхать и лечиться за рубежом. Горбачев стратегически был полностью ориентирован на Буша. Это просматривалось во всем его поведении, в разговорах с работавшими рядом с ним лицами, не оставалось это незамеченным и на Западе. «Буш влиятельный политик. Надо держать курс на него», — бросал он. Попытки насторожить Горбачева встречали ухмылки и возражения. «Буш не подведет. Да меня и не обманешь».

В начале 1991 года под давлением государственников он был вынужден убрать Яковлева из Президентского совета, однако спустя три месяца под нажимом уже американцев сделал его своим старшим советником, поручив ему проведение капиталистической экономической реформы в СССР. Это позволило Яковлеву переключиться на внутреннюю политику, что в тех условиях было, безусловно, наиважнейшим. В основе лежал курс на развал Союза и смену федеративного устройства на конфедеративное в лучшем случае. Для этого надо было нанести новые удары по КПСС. Их организатором являлся Яковлев. В последнее время он особенно и не скрывал этого. Между Горбачевым и Яковлевым произошла полная смычка и в стратегии, и в тактике, ведь хозяин у них был один — Вашингтон.

К первой половине 1991 года деструктивные силы сомкнулись в одном потоке, образуя единый антисоветский фронт. Он был достаточно организован, направлялся из одного центра, действовал уверенно и целеустремленно.

С одной стороны, активно и достаточно умело использовал допущенные за годы советской власти серьезные ошибки, серьезные просчеты, а с другой — вовсю прибегал к демагогии, популизму, обещаниям обеспечить мощный подъем промышленности, сельского хозяйства, в кратчайшие сроки резко поднять жизненный уровень населения. У носителей таких пропагандистских идей, казалось, не было иной заботы, кроме

блага народа, тружеников, которых-де грабили и унижали все 70 лет, лишали свободы, человеческой жизни, права распоряжаться собственной судьбой. Теперь, мол, наступило время полной свободы и решительного подъема благосостояния людей. Словом, райской жизни для них.

Надо сказать, что значительная часть народа поддалась на эту лживую пропаганду, поверила или очень захотела поверить обещаниям, тем более что все это облекалось в красивые фразы, привлекательные по форме и содержанию.

Активно муссировался вопрос о так называемых привилегиях и льготах. На фоне действительных трудностей, бытовых неудобств, которые испытывали советские люди, дефицита отдельных продовольственных и промышленных товаров, упор в пропаганде на «привилегированное» положение, «роскошную» жизнь партийногосударственной элиты не пропадал даром, давал свои плоды.

Конечно, в вопросе о привилегиях и льготах для определенных групп лиц можно было кое за что зацепиться. Члены высшего партийного руководства пользовались бесплатными дачами, обслуживающим персоналом, льготными путевками для отдыха и лечения, хорошо оборудованными лечебными заведениями, но все это было государственное. При уходе на пенсию руководители получали довольно скромное содержание, возможность проживать в общих дачных поселках. Никто из них за время занятия высшего поста в партии, как правило, не строил себе дач. По морально-нравственным нормам это было не принято. За ними не сохранялись льготы, которые существенно отличались бы от пенсионных условий широкой категории лиц.

Разговоры о высоком материальном обеспечении партийных работников, сотрудников государственных органов — это сказки, сочиненные с определенной целью. Их заработная плата мало чем отличалась от среднего заработка, пенсионное обеспечение не разнилось со средним уровнем; многие сотрудники, о которых идет речь, испытывали материальные затруднения, и если не уходили с партийной работы на другую, то исключительно по моральным соображениям, не считая этичным ставить вопросы «меркантильного» характера на первый план.

До сих пор можно поражаться одному — клеветнические утверждения на этот счет не встречали должного отпора, разъяснений: кому-то, наверное, так было нужно.

Фронтальное наступление экстремистских сил имело мощное идейное сопровождение. Огульная критика обрушилась на марксистско-ленинское учение. Во всех бедах, больших и малых,

винили учение наших основоположников. Конечно, Маркс, Энгельс, Ленин, несмотря ни на что, сохраняют подобающее им место в истории человечества. Эти гении, титаны человеческой мысли, устоят и останутся гигантами. Можно на какое-то время бросить на них тень и даже опорочить, но лишь на какое-то время.

Сколько раз Маркс, Энгельс, Ленин подчеркивали, что не занимаются разработкой рецептов на длительную перспективу, что их учение привязано к реальным условиям, к конкретной жизненной сфере, что оно диалектически не может стоять на месте, должно постоянно развиваться. Марксистско-ленинское учение по своему значению эпохально, то есть сочетается с определенной эпохой, определенным периодом жизни человечества, и потому его конкретное воздействие ограничивается определенным временным отрезком исторического развития.

Да, есть основополагающие положения марксистско-ленинского учения, но сколько раз корифеи науки предупреждали о творческом подходе к теории, необходимости применять ее с учетом страны, конкретных условий, состояния общества, уровня развития производительных сил и многих других социальных, политических и экономических категорий.

Можно только подивиться тому, как волкогоновы ниспровергают Ленина, как пытаются представить этого гения, признанного друзьями и врагами, объявленного человеком XX века номер один, недостаточно умным и образованным. Да, Волкогонов войдет в историю, но как человек, покусившийся отказать Ленину в гениальности, и потому будет не велик, а смешон.

По нарастающей шли нападки на Октябрь 1917 года. С позиции конца 80-х — начала 90-х годов стали судить обо всем, что произошло в далеком 1917 году. Каких только эпитетов не приклеили этой Великой революции! И преждевременна, и переворот, и заговор кучки авантюристов, и антинародная по своему характеру, и так далее.

Для человека, диалектически мыслящего, разбирающегося в исторических категориях, ясно, что такой подход к Великой Октябрьской революции — это все равно что сетования на наступление дня после ночи.

Революция свершилась. Она была закономерным, неизбежным явлением. Это исторический факт. В ней принимали участие десятки миллионов людей. В ее водоворот в той или иной мере были вовлечены десятки стран мира.

Революция в корне перевернула жизнь огромного государства

и придала его развитию принципиально новое направление. Спустя каких-то двадцать — тридцать лет после Октябрьской революции Советский Союз стал второй державой в мире. Несмотря на серьезные издержки в своем становлении, добился столь значимых результатов, что заставил считаться с собой весь остальной мир.

Сокрушители Октября не обеспечат себе вечности. Их взгляды и действия уйдут в тень истории, канут в Лету, потому что они по методологии и содержанию антинаучны, антиисторичны, не выдерживают критики разума, испытаний временем. Октябрь заявлял и заявляет о себе не только свершениями в странах, вставших на социалистический путь развития, но и переменами в капиталистическом мире.

Без учета идей и дел Октября сегодня не развивается ни одно государство. Конечно, Октябрь не будет иметь аналогов, потому что изменились времена, условия, нет таких обществ, каким было российское до 1917 года. Но это нисколько не принижает его исторической значимости. Об Октябре будут помнить точно так же, как люди помнят о выступлении рабов под руководством Спартака, о Великой французской революции 1789 года, антифеодальных революциях во многих странах мира.

Острым направлением деструктивных сил был антисоветизм. Стремление сокрушить становилось всеобъемлющим, но политическая система была важнейшей целью, неотъемлемой частью планов разрушения Союза, словом, всей общественно-политической системы.

Роль Советов в преобразовании отсталой России в великую державу — Советский Союз — была многогранна, весома, основополагающа. Это проявилось не только в мирные периоды жизни Советского государства, но во все переходные, поворотные моменты, периоды тяжких испытаний, сложнейших и острых ситуаций. Именно Советы позволили вовлечь в управление страной миллионы и миллионы трудящихся, многие тысячи представителей советского народа включились в управление государством и обеспечили поступательное движение промышленности, сельского хозяйства, науки. Советы обеспечивали социальную ориентированность политики, являлись для того времени оптимальной, рожденной жизнью формой проявления народовластия. И это притом, что в условиях однопартийной системы, в условиях, когда руководящая роль принадлежала одной партии, Советы, естественно, не могли себя проявить во всем своем потенциале.

Изменение общественного строя предусматривает смену политических институтов, и только в этом ключе следует рассматривать острые нападки на Советы как политическую форму власти. Наряду с прямой дискредитацией начались предложения по такому их радикальному «усовершенствованию», что от народовластия в форме Советов не осталось и следа.

Разрушение Советов проводилось путем создания органов власти, как по существу, так и по форме радикальным образом отличавшихся от советских. Так, появился институт мэрства, сначала в Москве, потом в Ленинграде и других городах. Явочным порядком стали внедряться губернаторы, был установлен институт глав администраций в краях, областях и ниже.

К моменту появления новой Конституции Российской Федерации в результате голосования 12 декабря 1993 года власть Советов была уже фактически ликвидирована, а те ее представители, которые еще пытались работать в соответствии с действовавшей тогда Конституцией, подвергались преследованиям, что позволяло учинять правовой беспредел практически на всей территории России.

Численный состав законодательных органов на местах и в центре резко сократился. Угодных в меньшем числе отобрать легче. Членство в законодательных органах всех ступеней стало

профессиональным, оплачиваемым, в значительной мере зависимым от исполнительных властей. Это, разумеется, не могло не сказаться на существе их работы.

В 1989 году, когда процесс разрушения Советов только начинался, мало кто представлял, к каким последствиям это может привести. Но инициаторы, устроители этого прекрасно понимали, к каким целям они идут.

После проведения выборов Президента Российской Федерации 12 июня 1991 года и избрания на этот пост Б. Ельцина развал Советов вышел на финишную прямую. Вопрос заключался лишь в технике и в сроках его завершения. Причем все это творилось вопреки действовавшей тогда Конституции Союза, Конституциям союзных республик, всему законодательству. Уже одно это давало Президенту Союза право принимать все необходимые меры для защиты общественного строя.

…Одним из разрушительных направлений действий экстремистских сил были удары по экономике. С особым остервенением били по институту планирования, централизованным началам в народном хозяйстве, всевозможным общенациональным, местным государственным и общественным фондам для социальных нужд. Короче говоря, речь шла, хотя об этом не говорилось открыто, об устранении из жизни государства социально ориентированной экономики.

Все это облекалось в одну форму, в один туманный лозунг: «Даешь рыночные отношения!» Под этим лозунгом крушили экономику, разрушали управление ею, рвали горизонтальные и вертикальные связи. Ввели бартер, то есть, по сути дела, узаконили натуральный товарообмен в масштабах всего государства, что немедленно подорвало денежно-финансовую систему, открыло возможности для спекулятивных сделок и воровства. Разрушив централизованные начала и не создав правового механизма управления экономикой, регулирования ее в новых условиях, породили местничество, что лило воду на мельницу местного сепаратизма, рвачества, разрушения механизма взаимодействия. Стали жить по принципу: спасайся, кто может.

Попытки эффективно задействовать такой мощный регулятор, как ценообразование, встретили решительную обструкцию со стороны так называемых демократических сил. Соответствующие меры напрашивались сами собой.

Весной 1990 года председатель Совета министров СССР Николай Иванович Рыжков обратился в Верховный Совет Союза с предложением несколько подкорректировать цены на хлеб, увеличив их в 2–3 раза с полной компенсацией потерь, которые

понесут трудящиеся.

Ни в одной стране мира так дешево не стоил хлеб и хлебобулочные изделия, как в Советском Союзе. С ним стали обращаться как с бросовым товаром. Это притом, что страна в иные годы закупала за рубежом до 45 миллионов тонн зерна, а был год, когда пришлось закупить за границей 50 миллионов тонн зерна.

Разумное предложение Совета министров по корректировке цен на хлеб и хлебобулочные изделия было «зарублено», не прошло на Верховном Совете. То был удар не по Совету министров, а по экономике Советского Союза. Об этой истории нельзя вспоминать без иронии, видя, какой беспредел в ценах творится в настоящее время.

В то время между официальной властью и воинствующей экстремистской оппозицией произошло своеобразное «разделение труда». Последние усиливали нажим, требовали от правительства все новых и новых уступок, критиковали за низкий уровень жизни, за недостатки в снабжении промышленными и продовольственными товарами, за состояние дел с обеспечением населения жильем, громко бичевали недостатки в медицине и образовании. Все валили на Октябрь и его последствия. Щедро рассыпали обещания превратить жизнь в рай в случае прихода к власти оппозиционных сил.

Власти же ушли в глухую оборону, отбиваясь робко, стараясь не отстать от оппозиции, сами бичевали себя и все, что было до них при советской власти, помогая тем самым оппозиционным силам в разрушительных действиях. Стремясь смягчить обстановку, правительство пошло на предоставление ряда льгот, повышение заработной платы отдельным категориям лиц, не имея на это никаких материальных возможностей.

В 1990–1991 годах инфляция стала набирать темпы. Обозначился заметный дефицит товаров, значительная часть рынка попала в руки спекулянтов, цены на многие промышленные и продовольственные товары неимоверно возросли. А производство тем временем начало сокращаться, что приводило к новым трудностям в обслуживании населения, нехваткам, очередям, как бы демонстрировало «справедливость» критики оппозиции.

В конце 1990 года Н. Рыжков ушел с поста премьер-министра. Причины две: он не устраивал Горбачева и вторая — перенесенный инфаркт. Горбачев, безусловно, воспользовался болезнью Рыжкова и решил от него освободиться, чего уже давно желал и в узком кругу не скрывал этого. Горбачев считал, что Рыжков мешает ему проводить гибкую политику, договариваться

с оппозицией, более «успешно» вести дело к рынку, углублять перестройку. Короче говоря, реализовать планы, которые к тому времени сформировались у Горбачева и к осуществлению которых он так стремился.

Понимал это и Рыжков, однако физическое состояние не позволяло ему активно включиться на этом этапе в борьбу, а тем более энергично выступать против курса президента.

Горбачев поставил вопрос об освобождении Рыжкова на одном из закрытых заседаний Совета Федерации. Участники его согласились с уходом Рыжкова с поста председателя Совета министров СССР и, к удивлению Горбачева, единодушно высказались за назначение на пост председателя Совета министров Валентина Сергеевича Павлова.

Потребность в новой политике в области экономики, в денежно-финансовой системе, необходимость выработки новых направлений по налаживанию к тому времени уже расстроенного народного хозяйства требовали свежего человека, и таким наиболее подходящим человеком всем казался Павлов. Он, действительно крупный финансовый специалист, хорошо разбирался в экономике, четко видел трудности, возникшие в ней. Он не отбрасывал с ходу все то положительное, что было в народном хозяйстве, и в частности в управлении, и до перестройки, и в начальный период перестройки, выступал за рыночные отношения, но с необходимым умеренным подходом к этой проблеме. Он умел основательно аргументировать свою позицию и дешево не покупался, когда раздавались популистские требования.

Павлов, безусловно, был союзником, государственником, понимал значение вертикальных и горизонтальных связей, целесообразность сохранения единого экономического комплекса, так что выбор его кандидатуры был не случаен.

Лично я до назначения Павлова на пост руководителя правительства знал его мало. Общение с ним на расширенных совещаниях, на заседаниях в узком составе, где обсуждались наиболее важные, подчас деликатные вопросы, укрепило мнение о нем как о человеке, бесспорно, компетентном, знающем дело, стоящем на принципиальных позициях. Он не скрывал, что мы вступили в полосу глубокого кризиса, и этот кризис будет углубляться, если не принять мер по исправлению создавшейся ситуации.

Скоро стало совершенно ясно, что Горбачев говорит и думает одно, а у Павлова — другая, здравая позиция, направленная на выход из кризиса. Это отличие во взглядах Горбачеву явно не понравилось, в лице Павлова он не приобрел послушного

руководителя правительства, готового действовать так, как пожелает Горбачев, как последнему заблагорассудится.

Павлов попытался предпринять ряд мер по выводу страны из кризиса. Замена старых крупных купюр в денежном обращении на новые явилась одной из мер Павлова, и она была разумна. Это было одним из шагов на пути оздоровления экономики, мера, вызываемая потребностями и необходимостью, во всяком случае — началом движения вперед.

Павлов прекрасно отдавал себе отчет в необходимости использования важнейшего рычага, каким являлось ценообразование. Он открыто заявлял о том, что переход от строго централизованной плановой экономики к рыночным отношениям должен занять куда больший отрезок времени, чем некоторые полагают. Павлов не разбрасывался безосновательными обещаниями.

Разительно контрастировала манера ведения заседаний Кабинета министров Горбачевым и Павловым. Выступления Горбачева отличались аморфностью, неопределенностью, вилянием, неточностью в изложении своей позиции и фактической ситуации в стране. Выступления же Павлова были содержательными, компетентными, логичными, нередко концептуальными, с предложениями конкретных мер по выводу из кризиса. Сравнения были явно не в пользу Горбачева, что раздражало последнего, особенно если иметь в виду его самолюбие.

Весной 1991 года началась новая серия забастовок шахтеров. Прекращение добычи угля, задержки его поставок потребителям отрицательно сказывались на работе многих отраслей промышленности. Появились ощутимые трудности в энергетической области.

Требования шахтеров были непомерными, предлагаемое ими повышение заработной платы было непосильным для государства. Кроме того, оно немедленно вело к разрыву в уровне материального обеспечения шахтеров и других категорий рабочих, что, бесспорно, в недалеком будущем должно было инициировать выступления остальных категорий, занятых в промышленности, не говоря уже о бюджетных.

В этих условиях позиция Павлова была правильной: с одной стороны, вести переговоры с шахтерами, доказывать им неприемлемость требований, идти на частичное удовлетворение этих требований в разумных пределах, с другой — давать отпор демагогии, популизму и показывать народу с помощью средств массовой информации, куда мы придем, если встанем на путь полного удовлетворения подобных требований.

В случае с шахтерами Павлов, прекрасно отдавая отчет в том, что за этим последует, пытался придерживаться решительных взглядов, предупреждал, иногда даже нервничал, что вообще-то ему не присуще, однако, будучи какое-то время в плену иллюзий относительно позиции президента, сдерживал себя в надежде, что рано или поздно Горбачев поймет ситуацию и займет оптимальную позицию применительно к сложившимся условиям.

В марте 1991 года в Москве состоялась своеобразная «проба мускулов». Организаторы так называемого демократического движения решили провести демонстрацию силы. Лозунги, объявленные заранее, — «На Кремль», «Долой президента», «Долой правительство» — характеризовали намерения не каких-то отдельных лиц, а всего движения в целом. Создавалась опасная обстановка.

В этих условиях в целях предотвращения нежелательных эксцессов было решено принять необходимые меры, в том числе и силового порядка. Как всегда, Горбачев, дав согласие на это, ушел в сторону, и все необходимые меры пришлось взять на себя Павлову.

Было принято соответствующее решение правительства, к Кремлю подтянуты воинские подразделения. Оппозиции показали, что она встретится с силой, если вздумает пойти на Кремль. Этого было достаточно для того, чтобы в Москве не был нарушен порядок. Оппозиция не решилась пойти на экстремистские действия и отступила.

Но через несколько дней демократическая пресса обрушила град критики в адрес правительства за приведение в готовность отдельных воинских частей и возможность, в случае необходимости, их задействования. Павлов не дрогнул, а Горбачев стал оправдываться, высказывать сожаление по поводу этих мер. «Слушайте, зачем нам нужна демонстрация силы? Надо договариваться», — настаивал он на заседании в Кремле. Но ведь если бы правительство в тот момент бездействовало, трудно сказать, как сложилась бы ситуация и какой бы оборот приняло развитие событий в Москве.

А тем временем, вследствие сокращения производства в промышленности и в сельском хозяйстве, пошли в ход остатки золотого запаса страны. В поисках выхода из создавшегося положения Павлов принимал меры к получению зарубежных кредитов для закупок продовольствия и крайне необходимых промышленных товаров.

В частности, была предпринята попытка приобрести оборудование для нефтяной промышленности и на этой базе обеспечить, по крайней мере, если не подъем ее, то хотя бы

сохранение добычи нефти на уровне 1990 года. Кое-какие кредиты Советский Союз получил, но они не спасали положение, давали лишь небольшую, временную передышку.

А что дальше? А дальше, при последующем падении промышленного и сельскохозяйственного производства никакие кредиты нас уже не спасли бы. Нужны были радикальные, прежде всего политические и экономические, меры, которые могли бы задействовать собственный потенциал и со временем создать здоровую основу для выправления экономики.

Так, шаг за шагом к лету 1991 года создалась ситуация, когда хаос и кризис в стране усиливались, углублялись, расширялись, а Горбачев, будучи облеченным огромной законодательной и исполнительной властью, не шел ни на какие меры, позволившие бы затормозить эти негативные процессы. Он был целиком и полностью поглощен проектом нового Союзного договора и увлек в эту область бесплодных ожиданий всю центральную власть.

Для всех, как с той, так и с другой стороны, было абсолютно ясно, что новый проект договора, разрушая Союз, ничего конструктивного взамен не предлагает. Если он будет подписан, то гибель Союза неотвратима. Чтобы попытаться спасти положение, требовались иные подходы.

Эти мысли витали в воздухе, они были очевидны для всех. Нужно было неординарное решение.

К августу 1991 года мы подошли с проектом Союзного договора, противоречащим и Конституции СССР, и итогам референдума о Союзе. Есть смысл поподробнее остановиться на проблеме Союза — теперь уже бывшего. Можно и нужно было поступиться многим — отказаться от жесткой централизации и всеобъемлющего планирования, однопартийной системы, предоставить реальные права и полномочия союзным республикам, решительно изменить соотношение властных, управленческих прерогатив между центром и местами, пойти на радикальные изменения в социально-политическом строе, в частности сделать крен в сторону рыночных отношений, предоставить право на жизнь всем формам собственности, осуществить в строго определенных рамках приватизацию и многое другое. Главный исторический итог развития нашего тысячелетнего Отечества — Союз, единое государство, подлежал сохранению во что бы то ни стало.

К сожалению, несчастье, обрушившееся на нашу страну, прошло весь путь до трагического финала и завершилось развалом совсем недавно мощного союза народов, проживавших на территории Советского государства.

Просматриваются разные точки зрения на распад Союза. Есть

такие, кто однозначно одобряет подобный конец, считая, что покончено с империей угнетения, социальной и исторической несправедливостью, политическим диктатом, источником тоталитаризма. Таких меньшая часть. Другие исходят из того, что развал Союза — всего лишь этап на пути обновления союзной федерации, пройдет время, и Союз будет воссоздан еще более могучим, чем прежде. Думающих так оптимистов немного, большинство людей спустились с небес на грешную землю и стали реалистами.

За 70-летнюю историю Советского государства, да и в предшествующие периоды, все его районы и отдельные территории настолько переплелись между собой, срослись всевозможными нитями, что для них деление по национальному признаку стало противоестественным делом.

Для предотвращения нежелательного, губительного для Союза развития нам не хватало не так уж много — политической воли, терпимости, последовательности, принципиальности, короче говоря, четкой линии.

Конечно, со временем историки, будущие политики во многом разберутся, сделают соответствующие выводы. Грядущие поколения наверняка окажутся умнее и рациональнее и, возможно, поразятся, как мы легко позволили развалить Союз. Но к сожалению, Союз будет, несомненно, труднее воссоздать, чем развалить.

У руководства не хватило решимости опереться на мнение большинства советских людей, а у горбачевцев не было и желания! Возникает безответный вопрос: почему не выполнена воля большинства народов, высказанная на общесоюзном референдуме?

До самого последнего времени в России вообще не возникало вопроса о Союзе, единстве, территориальной целостности самой России, межнациональных границ в ее рамках. Идеи суверенитета, независимости, возможность самостоятельного развития России возникли не в глубине души народной, а были привнесены сверху, навязаны насильно.

Правда, Россия не была первопроходцем, она следовала за некоторыми другими союзными республиками, открывавшими «парад суверенитетов». Однако сила воздействия российского примера ни с чем не сравнима. Мало кто предполагал, что за разрушением союзной федерации последует кризис, развал федерации России.

Российской политике никогда в принципе не был свойствен геноцид. Не подходит это теперь и для нас. Следовательно, путь — в поиске решения, удовлетворяющего интересы всех групп

населения, проживающих в одной местности. Одинаковые возможности и полное исключение дискриминации, экстремизма в словах и действиях.

Определение границ исключительно по национально-этническому принципу таит в себе много опасностей, но как сделать, чтобы это поняли и согласились с этим стороны, противостоящие друг другу? Вполне возможно, что в Советском Союзе не был найден оптимальный вариант решения национального вопроса по форме и существу, и нам еще предстоит сделать это.

Мне представляется единственно верное решение — это одинаковые гарантированные права для человека любой национальности, где бы он ни проживал. Человек — высшая ценность. Никакие национально-территориальные образования не могут служить источником ущемления личности.

Число самостоятельных национальных государств будет, надо полагать, расти, словно снежный ком. Подобный факт развития был просчитан американцами еще в 1989 году. По их прогнозам, пик распада или ослабления Союза и России, в частности, приходился где-то на рубеж нынешнего и следующего веков. Реальность внесла существенные коррективы в их расчеты. В Советском Союзе никто из политиков или ученых подобных прогнозов не делал: все внимание сосредоточивалось на критике, пересмотре, разрушении.

Комитет государственной безопасности бил тревогу. Он направил руководству страны не одну тревожную информацию по национальной проблеме. Ни одна из них не стала, к сожалению, предметом специального глубокого разбирательства.

Можно с большой долей уверенности предположить, что после создания самостоятельных национальных образований на пути их объединения серьезной преградой станут опять же субъективные факторы. Пришедшие к власти руководящие деятели и группы вряд ли пожелают распрощаться с приобретенными правами, властными и иными возможностями.

Как-то я принимал высокопоставленного американца (это было в начале 1991 года). Состоялся довольно откровенный разговор, в том числе и по национальной проблеме. Я поинтересовался его мнением на этот счет. Ответ показался мне примечательным со многих точек зрения. По его твердому убеждению, если бы в Соединенных Штатах Америки в период становления государства пошли советским путем, то Соединенных Штатов уже бы не было. «Нации растащили бы нас», — сказал он.

В истории США не раз возникали вопросы о создании

замкнутых, как в Советском Союзе, национально-территориальных образований, но всякий раз такие решения не проходили из-за опасности, которую они таили в себе. Более того, в США даже постановка вопроса о возможном пересмотре границ штатов является составом преступления. Мои ссылки на различия американских и советских условий, на невозможность у нас иного подхода к национальной проблеме были выслушаны собеседником без какой-либо реакции и, по-моему, без понимания.

Для Советского государства в силу его масштабов, географического положения, богатства природными ресурсами внешняя политика всегда имела первостепеннейшее значение. Кажется, эту аксиому понимали все вновь приходившие к власти руководители. Но не всегда они отдавали себе отчет в том, что именно поэтому внешняя политика должна быть прежде всего независимой, исходить из собственных государственных интересов.

Даже частичная политическая зависимость от какого-либо государства или группы стран, если она лишает свободы выбора и ущемляет возможность распоряжаться своей судьбой, недопустима, ущербна. Последствия зависимости быстро сказываются на отношении других государств к твоей стране — они начинают меньше с ней считаться, острее ощущается дефицит доверия, в том числе и в такой области, как кредитная политика.

Потеря независимости неминуемо влечет ослабление влияния, сдачу позиций в отдельных регионах и мире в целом.

И вот тут мы подходим к одной из главных проблем — в какой мере должен строиться расчет на собственные силы, а в какой — на возможности сотрудничества с другими странами. Короче говоря, вопрос заключается в содержательной части внешнеполитического курса нашей страны.

При Сталине, а затем при Брежневе, то есть до начала «эпохи» Горбачева, наши внешнеполитические ориентиры носили четко концептуальный характер, исходили из основополагающих интересов страны, были лишены налетов флюгерства.

Брежнев предпринял ряд серьезных попыток расширить и углубить отношения с Соединенными Штатами, но вскоре понял невозможность преодолеть сугубо прагматический подход американской стороны к сотрудничеству, к отношениям с нами и сделал из этого соответствующий вывод: отбросил иллюзии, стал нажимать на развитие связей с другими государствами, прежде всего европейскими.

Социалистические страны неизменно оставались в центре

нашего внимания, всегда являлись для Советского Союза приоритетным направлением. Советский Союз как при Брежневе, так и после него (но до Горбачева) не ослаблял своих связей ни с одним из регионов, что, естественно, позволило нашему государству поддерживать вполне приличные отношения со всем миром.

В сказанном выше нет ничего необычного, упомянутые подходы к формированию внешнеполитического курса вряд ли могут вызвать у кого-либо сомнения в силу своей очевидности. Тем не менее читателю наверняка покажутся заслуживающими внимания взгляды и позиции, которые были высказаны членами советского руководства на одном совещании по проблеме ориентации Советского Союза во внешних делах.

Речь идет о следующем. В июне 1991 года состоялось заседание Совета безопасности СССР. Кроме членов Совета присутствовало еще человека три-четыре. Словом, совещание носило узкий характер. Главный вопрос — на кого же ориентироваться Советскому государству в своей внешней политике, кому отдать предпочтение? Разговор не был заранее запланирован и возник спонтанно, во всяком случае, помимо воли Горбачева. Конечно, может показаться странным, что столь важная проблема не была вынесена на обсуждение специально, как она того заслуживала.

Совет безопасности собрался накануне встречи «семерки», на которую был приглашен президент СССР Горбачев. Вполне естественно, что члены Совета безопасности ожидали обмена мнениями в связи с предстоящим заседанием «семерки», где наверняка будут затронуты вопросы, касающиеся Советского Союза.

Однако ничего подобного не произошло. Горбачев упомянул о том, что предстоит важная встреча в Лондоне, где он выступит с докладом. О содержании своего предстоящего выступления он ничего не сказал, хотя важность вопроса и установившаяся практика предполагали, что проект доклада должен быть разослан заранее для того, чтобы члены Совета безопасности могли ознакомиться с ним и высказать замечания.

Горбачев явно не хотел посвящать членов Совета безопасности в существо доклада, в те соображения, с которыми решил выступить перед «семеркой». Все это вызывало недоумение и настораживало. Было ясно, что Горбачев боялся получить нежелательные для себя замечания. Какие именно, он мог предположить, но они наверняка не ложились в рамки его концепции, с которой он намеревался выступить в Лондоне.

В ответ на высказанные соображения, что неплохо было бы

ознакомиться с докладом, с его концепцией, Горбачев не моргнув глазом сказал, что обязательно ознакомит нас с докладом, — как можно было понять, после его произнесения.

Было ясно, что Горбачев лукавил, но разве это допустимо, когда речь идет о таких серьезных проблемах? В таких условиях приходилось работать. Горбачев брал на себя непозволительно и неправомерно много. Было совершенно очевидно, что он что-то затеял. На заседании присутствовал Яковлев, работавший тогда советником при президенте. Он угрюмо молчал и не произнес ни одного слова. Для всех было очевидно, что Яковлев знал, с чем Горбачев едет в Лондон, и, видимо, это его полностью устраивало.

Ну, раз собрались на Совете безопасности, то какой-то разговор должен был состояться, и он пошел.

Павлов сделал сообщение о своей поездке в ряд западноевропейских стран. По его мнению, европейские страны были готовы развивать широкое торгово-экономическое сотрудничество с Советским Союзом, поставлять нам новые технологии, удовлетворять наши потребности в сельскохозяйственной продукции — и все это на долговременной основе. В отличие от американцев в политических подходах европейских стран меньше конъюнктурных соображений, для них чужд спекулятивный подход, во всяком случае, он не выпирает изо всех щелей.

Готовность к такому развитию отношений проявляли чуть ли не все страны Западной Европы, в том числе Франция, Англия, Италия, Германия, Испания, Австрия. По глубокому убеждению Павлова, отказ от существовавшего тогда однозначного курса Советского Союза на сближение с США и смещение акцента в нашей политике в пользу Европы даст то, в чем мы особо нуждаемся, а главное, создаст условия для получения страной свободы действий в политической области.

Горбачев же упорно держал курс на приоритетное развитие отношений именно с Соединенными Штатами. Он явно питал иллюзии насчет США и считал (вернее сказать, говорил так), что только американское направление может решить большую часть наших экономических проблем, способно помочь Советскому Союзу преодолеть трудности в народном хозяйстве.

По сути дела, Горбачев видел ключ к решению всех наших проблем в развитии советско-американских отношений.

В ответ на предложение Павлова Горбачев в свойственной ему манере стал высказываться довольно неопределенно — с одной стороны, он вроде бы и признавал важность развития отношений с Европой, но, с другой, из его туманных рассуждений

можно было понять, что вряд ли он сменит свою проамериканскую ориентацию. Примечательно и то, что присутствовавшие на заседании Примаков и Бакатин в целом поддержали позицию Павлова.

Что же обращало на себя особое внимание в ходе этого, да и многих других совещаний у Горбачева? Отсутствие глубокого анализа обсуждаемого вопроса, серьезного обоснования той или иной точки зрения, в частности оценки возможных последствий ориентации нашей внешней политики на Америку.

Мне показалось, что Горбачев в лучшем случае попросту не владеет необходимыми материалами, исходными данными, заключениями экспертов, аналитиков. Как это нередко бывало, он импровизировал, реагировал скорее эмоционально, чем рационально, пускался в пространные рассуждения на общие темы да порой позировал. За всем этим, однако, чувствовалось, что его доклад на «семерке» уже готов, проамерикански настроенные лица из его окружения соответствующую работу провели и оказать какое-то влияние на предрешенный исход дела уже невозможно.

Тем не менее я счел нужным выступить. В полной мере я не был согласен ни с одной из высказанных на совещании позиций — ни с той, что изложил Павлов, ни с мнением Горбачева, ни с предложениями других выступивших. В чем была суть моего подхода? В том, что такая великая держава, как Советский Союз (великая, разумеется, по параметрам в то время), не может, да и не должна иметь одну узкую ориентацию, то есть делать ставку на отдельную страну или даже группу стран. У Советского государства политический выбор должен быть свободным, независимым, исключающим вхождение в тень Америки, Западной Европы или какой-либо другой страны или региона. Наивно было бы полагать (даже мысли такой допустить нельзя), чтобы, к примеру, Соединенные Штаты Америки сориентировались бы вдруг лишь на одну Западную Европу, даже объединенную, пренебрегая при этом своими традиционными отношениями с другими странами или регионами.

Мне, конечно, ближе была позиция Павлова, рациональное зерно которой заключалось в необходимости ухода от абсолютного ориентирования на США.

После Сталина все руководители нашего государства начинали с серьезных усилий по налаживанию отношений с Америкой, только каждый раз это кончалось тем, что наши «партнеры» находили какой-нибудь очередной «повод» для того, чтобы при случае утереть нам нос и вновь вернуть все на исходные позиции. При этом мы не только откатывались на

прежние рубежи, но и оказывались отброшенными еще больше назад. Объяснение тому простое — Соединенные Штаты пока могут спокойно обходиться без нас, а вот наша проклятая зависимость от них по зерну сделала нас — Советский Союз, а теперь Россию — заложниками этих отношений.

Но и позиция Павлова все-таки тоже была односторонней, она не содержала в себе, как мне представлялось, посылок кардинального сдвига в нашей внешней политике.

Суть моего предложения — сделать Советский Союз открытым для отношений с любой страной, с любым регионом, а это исключало ориентирование только на одно направление. Оптимальное решение для Советского Союза — поддерживать и развивать отношения с европейскими странами, Соединенными Штатами Америки, с Китайской Народной Республикой, с любой страной, которая придерживается принципов равноправия, корректности, взаимной выгоды. Сохраняется свобода маневра, появляются условия для конкуренции, не говоря уже о широком диапазоне возможных сделок.

В присутствии всех принимавших участие в этом заседании я сказал, что по абсолютно достоверным данным заседание «семерки» никаких конкретных результатов для Советского Союза не даст, кредитов мы не получим. На расширение взаимовыгодных торгово-экономических отношений между членами «семерки» и Советским Союзом рассчитывать нет никаких оснований. Поэтому очень важно не питать иллюзий и строить тактику своего поведения исходя из этого.

На что Горбачев сказал, что он тоже так думает, но сказал как-то нетвердо, неуверенно. Ну а если он понимал это, то тогда зачем нужна была вся эта игра?

Более того, во время заседания Совета безопасности мне подослали из разведки самую свежую информацию о том, что ожидает Советский Союз на заседании «семерки». Она полностью совпадала с тем, что мною было сказано. Я передал эту информацию Горбачеву, он прочитал, невесело улыбнулся. К телеграмме я сделал приписку о возможности ее оглашения. Горбачев жестом дал понять, что не стоит этого делать. Больше никакой реакции от него не последовало.

Ну а что касается выступления Горбачева на заседании «семерки» в Лондоне, то оно состоялось, причем в форме унизительной для советской стороны. Его сообщение было заслушано как бы за рамками заседания «семерки», на заключительном его этапе, но каких-нибудь суждений на этот счет стороны не высказали. Горбачев не получил никаких конкретных обещаний, он пришел лишь к выводу, что надо ждать

развития событий.

Что еще можно сказать в такой ситуации? В наших внешнеполитических делах мы незаслуженно, с ущербом для себя, не уделяли должного внимания Китаю, развитию отношений с этой великой державой. А ведь китайское направление было и, пожалуй, неизменно остается жизненно важным и одним из самых перспективных для нашего государства. От того, как у России будут складываться отношения с великим соседом, будет в огромной мере зависеть не только наше настоящее, но и будущее, причем на длительную перспективу.

Дело даже не в географической близости, хотя и этот фактор невозможно переоценить. Два государства достаточно близко соотносятся по общему уровню развития. Есть и идеологическая близость, по крайней мере немало точек соприкосновения, аналогичных посылок. Но главное — взаимная экономическая потребность, уникальные внутренние рынки, которым по емкости нет равных в мире.

Китайский рынок в состоянии поглотить любые виды и объемы российской продукции. В свою очередь, все составные бывшего Союза испытывают острую потребность в китайских сельскохозяйственных и промышленных товарах. Обе страны подвергались одинаковой (примерно, конечно) дискриминации со стороны ряда капиталистических стран, издавна страдали от стремления изолировать их от остального мира, помешать экономическому развитию. Так что Советский Союз и Китай в силу ряда весьма значимых объективных условий самой историей были обречены на сотрудничество, на развитие многосторонних отношений. Помимо всего, огромные китайские людские ресурсы могли бы быть использованы на временной договорной основе для освоения восточных регионов нашего государства.

Еще на один аспект хотелось бы обратить внимание. Ведущие западные страны весьма настороженно относятся к нашим отношениям с Китаем. Если Западная Европа в каком-то отношении мирится с перспективой развития советско-китайских отношений, то США и Япония реагируют на это болезненно, видят в этом опасность для своих стратегических национальных интересов.

Однако ни США, ни Япония все время не могут оставаться в стороне от развития отношений с Советским Союзом и рано или поздно изменят свою позицию. Чем активнее и шире мы будем развивать связи с другими государствами, тем быстрее наступит такое время.

События многократно подтвердили правоту подобной точки

зрения. От Соединенных Штатов мы продолжаем получать зерно в счет предоставляемых кредитов, на обычных коммерческих условиях; поступает гуманитарная помощь, не имеющая сколько-нибудь существенного значения; страны СНГ приняты в Международный валютный фонд, что позволит открыть, в частности, для России новое кредитное направление. Но главное, жизненно важное для нас остается еще только в перспективе. Речь идет о торговых отношениях без дискриминации, беспрепятственном получении новейших технологий, создании на этой основе современного промышленного производства.

Международный валютный фонд — это не спасение и даже не помощь. Участие в нем, получение кредитов связано с политическими и экономическими условиями, ущемляющими независимость; кредиты подлежат возврату с процентами, и приходится это делать, как правило, в самый неподходящий момент.

В результате крайне невыгодного торгового обмена Россия и другие страны СНГ являются для США солидными источниками валютных поступлений. С развитыми западными странами нам пока нечем расплачиваться, кроме как сырьевыми товарами. Хотя в последние годы своего существования Советский Союз близко подходил к тому, чтобы начать продажу в значительных объемах ряда промышленных изделий, таких как отдельные типы самолетов, космическое оборудование, станки, промышленные товары потребительского назначения и другие.

Критикуя все и вся, в том числе наши производственные возможности, мы сами подрубали свою репутацию, тем более что наряду с этим нашими же руками разрушалась собственная промышленность, губились предприятия, которые еще совсем недавно находились на высоком современном уровне.

За последние десять лет самый сильный удар был нанесен по так называемому военно-промышленному комплексу. Да, исторически сложилось, что в Советском Союзе это была наиболее развитая часть промышленности. Ее создание требовало немалых затрат, но ведь ясно и другое — военно-промышленный комплекс позволял нам получать значительные валютные доходы, которые покрывали существенную часть импортных затрат.

В торговле оружием длительное время нами допускался серьезный просчет. В силу неоправданных, даже порочных взглядов на экспорт шли далеко не новейшие виды вооружений и военной техники. И тем не менее заказов поступало немало. Если бы мы отказались от крайне невыгодных нам и нашим партнерам взглядов на продажу оружия и пустили на экспорт новейшие виды военной техники (может быть, за редким исключением), то

нетрудно предположить, насколько мы укрепили бы свои позиции на внешнем рынке оружия.

Что касается морально-политического аспекта этой проблемы, то ведь речь идет об обычных видах вооружений, которыми широко торгуют все страны, имеющие такую возможность. Кстати, этот подход освободил бы нас от необходимости производить запчасти к устаревшим видам боевой техники (а это всегда создавало для нас массу проблем — нехватка запчастей, дороговизна их производства, вечная задержка с поставками). Кроме того, прежний подход бил по нашему престижу, так как наша неновая техника по своему уровню нередко и естественно отставала от аналогов западных стран.

Китай проявлял постоянный интерес к закупкам военной техники в Союзе, а позже в России. Упускать такую возможность было бы для нас непростительным просчетом, да и есть ли у нас политические основания или мотивы для уклонения от этого? Конечно, решение этого вопроса должно быть составной частью нашей глобальной военно-политической доктрины.

Помимо миллиардных прибылей (обеим сторонам есть чем взаимовыгодно расплачиваться друг с другом) сделки дали бы мощный толчок развитию политических и иных отношений с Китаем, а это способствовало бы стабильности не только в этом регионе, но и в мире и укреплению наших позиций на Дальнем Востоке. Желание китайской стороны пойти на широкие военные закупки, возможно, скрывает в себе готовность к развитию российско-китайского военного сотрудничества.

Основания полагать так весьма серьезны. Геополитические изменения, которые произошли и свидетелями которых мы еще можем стать, заставляют китайцев серьезно подумать над своим положением в мире — оно не упрочилось до гарантированного уровня, хотя Китайской Народной Республике по ее параметрам нечего опасаться. Но это сегодня…

Не меньше оснований задумываться над своим положением в мире и у России: она мучительно и не без ущерба для себя переживает период перехода от состояния великой державы к положению государства отнюдь не первого порядка. Развитие сотрудничества Китая с Россией не предполагает какого-либо ограничения ее отношений с другими странами, кроме Тайваня. Поэтому каких-либо противопоказаний здесь не просматривается. Напротив, новые акценты в отношениях России и других стран СНГ с миром, новые приоритеты — вот одна из причин, вынуждающих Китай идти на адекватные шаги.

Стоит отдельно остановиться на бывших социалистических

странах.

Некоторые мои оценки, относящиеся к 1991 году, скорректировало время, но, к сожалению, в невыгодном для России направлении. Обвальное завершение многих процессов подтвердило наихудшие предположения и прогнозы.

Однотипность общественного и государственного устройства предопределяла основные позитивные и негативные результаты развития. Самое опасное заключалось в растерянности и пассивности подавляющего большинства населения. Нет, это не были безграмотные, неспособные мыслить и действовать люди, безропотные по своей природе и социальному положению. Но созданная тогда модель социалистического общества обрекала людей полагаться на руководство, которое одно за все в ответе, — накормит, обучит, оденет. Успехи — так и должно быть, неудачи — в ответе оно.

После венгерских событий 1956 года вспышки социального недовольства имели место в некоторых социалистических странах в конце 60-х — начале 70-х годов. Они не отличались массовостью и агрессивностью, крайним радикализмом, нельзя было расценивать их как направленные против социалистического строя. Проявления недовольства носили локальный характер и были связаны с конкретными перегибами и нарушениями. Они выливались в забастовки, в создание неформальных организаций, резкие выступления в печати, кое-где сопровождались уличными беспорядками.

Настораживало активное участие во всем этом части молодежи, преимущественно студентов. Глубокого анализа происходящего не было сделано, равно как и выводов. Власти полагались на то, что все образуется, а также на меры административно-политического характера.

Особенно остро и драматически развивались события в Германской Демократической Республике и вокруг нее.

Крушение этого государства, а точнее, его предательство, происходило на глазах у всего мира, оно поучительно, и стоит на этой трагической истории остановиться подробнее.

7 октября 1989 года республика торжественно отмечала 40-летие своего образования. В числе зарубежных гостей был Горбачев. Парад, демонстрации, другие массовые мероприятия — казалось, ничто не предвещало скорого конца государства рабочих и крестьян на германской земле. Однако в конце 1989 года начался стремительный развал государства, и в следующем году он уже завершился.

Все чаще решение вопросов переносилось на улицу. В ответ на антиправительственные выступления в ряде городов ГДР,

сопровождавшиеся погромами, беспорядками с активным участием экстремистских групп из Западной Германии, 3 января 1990 года состоялся мощный антифашистский митинг в Восточном Берлине. Он собрал 250 тысяч человек.

Это был водораздел — события могли пойти и в другом направлении. Однако власти ГДР не поддержали и не развили этот порыв здоровых сил. 15 января был организован погром в зданиях министерства госбезопасности в Берлине, в котором откровенно организующую и активную исполнительскую роль играли хорошо подготовленные боевики из ФРГ.

1 июля 1990 года вступил в силу договор о валютном, экономическом и социальном союзе между ГДР и ФРГ. На территории ГДР была введена марка ФРГ. 23 августа того же года Народная палата ГДР квалифицированным большинством приняла решение о присоединении ГДР к ФРГ с 3 октября 1990 года. И в тот же день у здания рейхстага в Берлине состоялась торжественная церемония воссоединения двух германских государств. В Европе вновь возникла единая Германия. В мире начался отсчет времени с тревогами, ожиданиями и, конечно, надеждами.

Как и можно было ожидать, первые и самые сильные удары обрушились на органы государственной безопасности ГДР, их сотрудников. ГДР формально еще не была присоединена к ФРГ, а все архивы министерства госбезопасности подверглись захвату группой «гражданских лиц» и опечатаны, сотрудникам предложили покинуть рабочие места, вскоре началось их уголовное и иное преследование по обвинению в измене Родине за работу против ФРГ в период существования ГДР. Таким образом, их привлекли к ответственности за выполнение прямых служебных обязанностей по законам признанного во всем мире самостоятельного независимого государства — ГДР.

Так наши боевые немецкие друзья оказались в положении преследуемых, гонимых. Сколько сделали они для Советского Союза, были всегда вместе, рисковали, приходили на выручку, когда обстоятельства требовали этого! Они понимали трудности, переживаемые нашей страной, по-товарищески предупреждали нас о грозящей опасности, подчеркивали, что Запад не остановится на полумерах, на полпути.

Комитет госбезопасности поднял голос в защиту немецких друзей. Чекисты выступили в печати, обратились в Верховный Совет СССР с просьбой высказаться в защиту прав человека в бывшей ГДР, поставили перед Горбачевым вопрос об обращении к канцлеру Колю с настоятельным требованием прекратить преследования сотрудников органов госбезопасности ГДР. К

сожалению, Горбачев уклонился от какой-либо реакции на происходящее в ГДР, бросил на произвол судьбы всех друзей Советского Союза.

Весной 1991 года я совершил неофициальную поездку в Берлин, теперь уже в Германию. Там у меня состоялись встречи с руководителями некоторых ведомств, на которых обсуждался вопрос о положении бывших сотрудников органов госбезопасности ГДР, а также обговаривалась возможность установления контактов со спецслужбами Германии для регулярного обмена мнениями по интересующим обе стороны проблемам безопасности. Конечно, главная тема переговоров состояла в нашем стремлении помочь немецким товарищам, защитить их.

В начале встречи я заметил, что понимаю деликатность вопроса, происшедшие изменения, факт заключения новых советско-германских соглашений, значение и последствия появления Германии, в которую включена и ГДР. Но тем не менее, опираясь на международное право и на историческую реальность, считаю возможным и обоснованным поднять вопрос о судьбе тех, с кем Комитет госбезопасности СССР сотрудничал в тот период, когда в мире существовала суверенная Германская Демократическая Республика.

Подчеркнул, что действия лиц, которые после объединения стали преследоваться в Германии, в полной мере соответствовали состоянию законности, существовавшей в ГДР. Они работали в интересах независимого государства, на службе которого находились, обеспечивали его безопасность точно так же, как их коллеги в Федеративной Республике Германии, поэтому их служебные действия не могут быть уголовно наказуемыми, подвергаться каким-либо преследованиям. К уголовной ответственности привлечены некоторые из членов высшего руководства ГДР, руководители отдельных министерств и ведомств, рядовые сотрудники. Преследование их, тем более уголовное, юридически противоречит общепризнанным международным нормам, потому должно быть прекращено.

Вся эта история с привлечением к уголовной ответственности бывших граждан ГДР, отметил я, наводит на грустные размышления. Волей-неволей она заставляет думать о сведении в данном случае политических счетов, что в итоге не может не обернуться ущербом для самой Германии. Прекращение уголовных дел было бы весьма положительно встречено мировой общественностью, не говоря уже о Советском Союзе, для которого не может быть безразлично все то, что происходит в Германии и вокруг Германии, тем более когда речь идет о его друзьях.

Каких-либо конкретных обещаний я не получил, но у меня сложилось мнение, что власти ФРГ задумаются над происходящим и, возможно, сделают выводы. Во всяком случае, я получил заверения, что сказанное мною, ход обсуждения этих вопросов будет доложен руководству Германии и последние подумают над путями разрешения этих проблем в будущем.

Помимо уголовного преследования, различного рода ограничениям подверглись многие сотрудники различных органов бывшей ГДР. Они испытывали, в частности, серьезные трудности в устройстве на работу, и, таким образом, в Германии появились, кроме обычных, еще и политические безработные, что, конечно, делает этот вопрос весьма серьезным с точки зрения обсуждения его в соответствующих международных организациях.

Опасный размах и глубину приобрели события в Чехословакии в 1968 году. Однозначный взгляд на чехословацкие события, неверная оценка роли масс, деятелей, возглавивших выступления, обусловили серию ошибочных действий руководства Чехословакии, Советского Союза и других социалистических стран.

События в ЧССР не носили явно выраженного антисоциалистического характера. Они были направлены на устранение перегибов, усовершенствование социально-политической системы, улучшение порядков, существовавших в стране. Широкие массы в основном были пассивны, не были готовы и не желали принимать участия в акциях протеста. Спокойно было на селе. Широкой массовой опоры организаторы не имели. Сами деятели, возглавлявшие движение в Чехословакии, оказались впоследствии куда более левыми, чем это оценивалось в то время. Это можно отнести к таким деятелям, как Дубчек, Млынарж, Шик, и многим другим.

В 1968 году противостояние между двумя мировыми системами остро давало о себе знать. И именно это обстоятельство определило отношение различных стран к чехословацким событиям. Ввод войск ряда стран — членов Варшавского договора произошел, когда политические возможности еще не были исчерпаны. К счастью, он обошелся без жертв и в общем-то носил довольно мягкий характер.

Главное, пожалуй, произошло впоследствии. Чехословацкое общество волевым путем было поделено как бы на две части, на два цвета: одни — за социализм, другие — против. Из партии ушли или были исключены 500 тысяч человек. Они немедленно прочно пополнили ряды недовольных, да еще завоевали симпатии части людей.

Средства массовой информации оказались в распоряжении

тех, кто к тому времени утвердился на антисоциалистических позициях. Коммунистическая партия оставалась руководящей силой в обществе, однако значимых шагов по исправлению положения не предпринимала. Надо признать, что руководство страны, партия в целом оказались неспособными овладеть ситуацией, пойти по пути кардинальных перемен, решительно освободиться при этом от всего негативного, выйти на здоровый путь развития. Дорога к сердцу, к душе человека не была найдена.

Внушительные выступления молодежи в Праге в конце 1989 — начале 1990 года парализовали политическую волю руководства страны, которое сдавало одну позицию за другой и вскоре вообще уступило власть.

Как и в других бывших социалистических странах, партия и массы жили сами по себе. Члены партии не пошли к людям, не оказались среди них, не несли правду в массы, пусть и горькую, не разъясняли, что социализм без перегибов и просчетов — строй огромных возможностей, что в рамках недогматического социализма в полной мере могут учитываться и реализовываться интересы всех слоев населения, включая право на любую форму собственности.

Как и ожидалось, в Чехословакии обострились межнациональные отношения. В силу разных причин огонек противоречий между Чехией и Словакией тлел, но ярко не разгорался. Однако именно межнациональная проблема послужила катализатором многих негативных процессов. К этому добавились безработица, заметное расслоение общества, стали настораживающе заявлять о себе прежние обиды части лиц, исключенных из партии, урезанных в правах и т. и.

Разрыв с Советским Союзом, развал Организации Варшавского договора, Совета экономической взаимопомощи, новая политическая ситуация в центре Европы, новая обстановка в самой Чехословакии, в частности проявление антисоветизма в общественно-политической жизни, ничего доброго народам страны не сулили. Не трудно было предположить, к чему все это приведет. Если до последнего времени Чехословакия опиралась на мощный тыл в лице Советского Союза и других социалистических стран, которые обеспечили ей пятьдесят лет спокойной жизни и безопасность ее послевоенных границ на будущее, то сейчас Чехословакия этого лишена. Ну а когда вместо единой Чехословакии появились два государства — Чехия и Словакия, то ситуация разом подорвала внутренние и внешние позиции обоих государств…

Чехия и Словакия разом лишились гарантированной

безопасности, прочности своего положения и вернулись в состояние, в котором они пребывали накануне Второй мировой войны.

В послевоенные годы неровно складывалась судьба румынского народа. Румыния по уровню промышленного и сельскохозяйственного производства отставала от многих европейских стран, бросалось в глаза социальное неравенство, демократические институты не получили заметного развития в жизни государства. В первые послевоенные годы сказывались последствия участия Румынии в войне на стороне гитлеровской Германии, хотя для страны мирный договор благодаря роли Советского Союза и лично Сталина был выгодным.

После 1945 года историю Румынии можно разделить, конечно весьма условно, применительно к личностям, ее возглавлявшим, на три периода: до 1965 года, то есть до смерти Георгиу-Дежа, затем до 1990 года, то есть до казни Чаушеску и его супруги, и настоящее время.

Мудрый от природы, профессиональный революционер, человек высоких волевых качеств, ставший крупным политиком, Георгиу-Деж прошел тяжелый путь борьбы, лишений, тюремные застенки.

Он ходил в любимцах Сталина и мог позволить себе то, что не было позволено другим. В строительстве нового государства ему удалось в значительной мере сохранить румынский национальный колорит, причем не поднимая особого шума по этому поводу. При его жизни в стране была установлена жесткая власть — сверху донизу — на основе строго централизованных плановых начал. Из системы выжималось все, на что она была способна.

На первом этапе централизованная система действительно позволяла решать многие задачи. Сам Георгиу-Деж был от природы рачительным хозяином, того же требовал от своих подчиненных, а в подчиненных у него, как у первого секретаря ЦК Румынской компартии, по тем временам и порядкам ходили все.

Незадолго до его смерти мне, как заведующему сектором отдела ЦК КПСС по Венгрии и Румынии, приходилось несколько раз встречаться с Георгиу-Дежем. Был он не словоохотлив, любил послушать, но и сам активно задавал вопросы, с готовностью рассказывал о положении дел в своей стране. У него совершенно отсутствовала такая черта, как бахвальство. К Хрущеву относился с внешним уважением, но только с внешним. По отдельным признакам можно было заметить его, по крайней мере, сдержанное и даже скептическое отношение к Хрущеву. Он не только не понимал, но и не одобрял многие, отличавшиеся

крайностями и импульсивностью мероприятия в Советском Союзе.

Как-то в разговоре Георгиу-Деж с улыбкой сказал, что коллеги в соцстранах называют его «кулаком» — выражение Хрущева, — и тут же добавил, что это не такое уж плохое качество. Важно, чтобы в стране были резервы, запасы, и, показав на карманы брюк, заметил: чтобы в них было полно. По его твердому убеждению, превыше всего важны результаты хозяйственной деятельности. Повышение жизненного уровня должно быть постоянным фактором, однако, говорил он, нельзя выбрасывать все на прилавки магазинов. В Румынии есть запасы золота, его должно быть столько, чтобы выдержать два-три тяжелых года, рассчитывать на чужого дядю, во-первых, опасно, потому что никто не даст денег даром, а во-вторых, «я не хочу портить свой народ иждивенчеством», — произнес как-то Георгиу-Деж.

Этот разговор я вспомнил, услышав по радио сообщение о том, что после смерти Сталина золотые запасы Советского Союза составляли 2500 тонн, а к октябрю 1991 года они сократились до 240 тонн.

В 1960—1970-х годах я познакомился в Москве с Чаушеску. Знакомство было фактически протокольным, но наслышан о нем был много. После смерти Георгиу-Дежа он стал его преемником.

Румынское руководство рассматривало его фигуру как временную, переходную. Понимал это и сам Чаушеску. Однако, пробыв во главе страны более двадцати лет, Чаушеску подтвердил еще раз известную мудрость, что нет ничего более постоянного, чем временные решения.

Чаушеску производил впечатление нервного, болезненного, неуравновешенного человека. Очень быстро выходил из себя, терял над собой контроль, отличался властолюбием, нетерпимостью к иному мнению, был болезненно самолюбив.

Бесконечные перетряски кадров на всех уровнях, выдвижение на руководящие уровни родственников, лиц по признаку личной преданности, откровенная подготовка в преемники своего сына, никоим образом не подходящего для этого, вызывали растущее недовольство в обществе. Были и открытые попытки проявления недовольства, выступления против Чаушеску, но они решительно пресекались.

Страна держалась на жестких административно-командных методах управления, ни о каких демократических началах речь не велась, процветал культ супругов Чаушеску. Страна шла к пропасти и рано или поздно должна была в нее свалиться. Это произошло в результате решительного и массового выступления

рабочих, поддержанных армией.

Я не касаюсь способа смещения Чаушеску с поста руководителя партии и главы государства. Организацию суда над ним, казнь супругов Чаушеску многие расценили как внутреннее дело Румынии, однако думаю, что в Румынии еще вернутся к этому вопросу и, вполне возможно, еще дадут окончательную оценку. Нет-нет да проскальзывают призывы внести полную ясность во все обстоятельства смещения Чаушеску и казни супругов. До сих пор еще не ясны внутренние и внешние пружины этих событий, последние наверняка имели место.

Многое будет зависеть от того, как пойдут дела в Румынии в самое ближайшее время, удастся ли преодолеть серьезные кризисные явления, охватившие страну после смещения Чаушеску, насколько будет поправлено положение с жизненным уровнем, удастся ли сбить социальную напряженность, остановить брожение в настроениях общества. Во всяком случае, после смещения Чаушеску Румыния вступила в переходный период, который может продлиться довольно длительное время, но все-таки он будет переходным.

Трудные испытания выпали в последние полтора десятка лет на долю Польши. Их остроту обусловило сочетание в одном клубке нескольких факторов, которые с разной степенью воздействия определяли политический климат в стране и в конце концов привели к смене общественного строя.

К числу важнейших факторов следует отнести роль и место католической церкви. Долгое время между официальными властями и церковью шло открытое противостояние. В этой борьбе партия допустила исторический просчет. Церковь развивалась, укреплялась веками, пустила глубокие корни в обществе, вошла в жизнь практически каждой семьи. Мимо церкви не проходило ни одно крупное событие в стране; ее неофициальное влияние на человека, а через него и на массы было постоянным и огромным. Когда-то в Польской объединенной рабочей партии считалось несовместимым посещение костела и членства в партии. Из запрета ничего не вышло. Соединение церкви и членства в партии происходило в душах людей тайно, благодаря чему больше стало лицемерия. В итоге в морально-нравственном отношении выигрывала церковь: она не отлучала тех, кто вступал в партию.

В Польше отношение к церкви и глубокая вера в Бога, да просто религиозные традиции привычны. Польская церковь не стоит на месте, не застыла в одном состоянии — она современна, современны ее формы и методы деятельности, ее священнослужители улавливают настроения людей, особенно

молодежи, и не столько приспосабливают ее к церкви, сколько приспосабливаются к ней сами. Церковь активно откликается на важнейшие политические события.

Избрание поляка Войтылы папой римским — предмет особой гордости поляков. Правда, в последнее время влияние Ватикана в Польше поубавилось. Во время первого посещения папы своей родины в 1979 году на улицах городов, на дорогах его встречали миллионы граждан, а в четвертый приезд в 1991 году — лишь десятки тысяч человек. Из-за рубежа прибыли только пять процентов того числа иностранных корреспондентов, которые освещали его предыдущую поездку в 1987 году. Обратило на себя внимание значительно меньшее число паломников из Белоруссии, Украины, России и даже преимущественно католической Литвы.

Кстати, это было одним из проявлений серьезных подвижек в польском обществе в пользу социализма. Однако руководство страны прошло мимо этого.

Одна из важных особенностей польского уклада жизни состоит в индивидуализме поляка — собственный участок земли, дом, семья, свой мир. Чувство коллективизма находится на уровне, который не делает погоды, не определяет в существенной мере какого-либо влияния на общество.

Пожалуй, следует сделать одно отступление — в забастовках, митингах, демонстрациях, протестах поляки участвуют охотно и даже с каким-то чувством гордости, действуют активно, но в тех случаях, когда это отвечает их личным потребностям. Индивидуалистические особенности поляков, кстати, предопределили в принципе и их негативное отношение к общественной форме хозяйствования на селе.

В силу исторических особенностей в польском обществе сохраняются антирусские настроения. В последние годы они видоизменились и стали носить антисоветский характер. Антисоциалистические настроения также по сути отождествлялись с антисоветскими. Надо признать, что эти негативные аспекты так и не удалось ослабить.

Значительная часть польского населения не считала Советский Союз, наш образ жизни, порядки в нашей стране примером для подражания. Тяга к Западу и в прошлом и сейчас присутствовала и присутствует.

Прямая пропаганда Советского Союза приносила мало пользы. Только добрые дела в нашей стране, новое качество и высокий уровень нашего внутреннего развития, соответствующая внешняя политика — все это в сочетании позволит в какой-то исторический промежуток времени, притом достаточно

длительный, дать положительные результаты и кардинально изменить в лучшую сторону отношение поляков к Российскому государству и его людям.

Польская объединенная рабочая партия не избежала тех же ошибок, что и родственные ей партии в других социалистических странах. Чем же занимались всевозможные партийные структуры и институты в своих научно-практических исследованиях? В значительной мере они были поглощены обоснованием официальной политики, принимаемых программ, а не объективным анализом, изучением состояния партии, ее роли и места в обществе, чтобы на основе глубоких выводов помогать партии выходить на новые рубежи, обретать новое качество.

Несмотря на тяжелые уроки венгерских, чехословацких событий, у многих членов партии, беспартийных, не говоря уже о руководстве, подспудно возобладало убеждение в невозможности поражения социализма как идеи и общественного строя — в силу его народного характера. Исходили из того, что социальное недовольство не перейдет опасные пределы, строй сохранится, ошибки будут исправлены, все пойдет в ранее определенном историей направлении. Однако реальность распорядилась совсем иначе.

В 1979–1981 годах накал социальной напряженности в Польше громко заявил о себе. Крупные промышленные центры фактически игнорировали власть центра, они полностью подпали под влияние руководителей вновь созданного профсоюза «Солидарность». Именно этот альтернативный профсоюз принимал активное участие в акциях по захвату власти.

Во главе оппозиционного движения оказался Лех Валенса, электрик судоверфи в г. Гданьске. Он хорошо знал рабочих, понимал их чаяния и нужды, умел точно схватывать их настроения, обладал удивительной способностью выдвигать лозунги, понятные и импонирующие рабочему человеку. Валенса — верующий католик, решительный сторонник церкви, усиления ее позиций в государстве, не скрывал своих антисоциалистических взглядов. Его критика руководства страны, правительства была бескомпромиссной. Он открыто заявлял, что речь идет о власти. Все попытки правительства договориться с руководством «Солидарности» ни к чему не приводили.

Нельзя сказать, что в 70—80-х годах страна переживала пик трудностей. Жизненный уровень не находился на низкой отметке, безработицы не было. Судостроительная промышленность получала в достаточном объеме заказы. Однако поводы для массовых выступлений были иного порядка.

В декабре 1981 года судостроители Гданьска отмечали 10-ю

годовщину со дня гибели рабочих во время пресечения беспорядков в городе. По этому случаю состоялись траурные мероприятия с участием значительного числа рабочих. Обстановка все больше накалялась, выходила из-под контроля. Стало очевидно, что вопрос о власти будет решаться на улицах.

Обстановка обострялась и в других городах, в том числе и в Варшаве. Количество забастовок, нарушений общественного порядка росло, начало падать промышленное производство, ухудшаться снабжение продовольственными и промышленными товарами. Недовольство приобретало массовый характер.

Польское руководство посчитало, что одними политическими средствами проблем не решить, поддерживать порядок обычным путем невозможно. Дальнейшее снижение жизненного уровня недопустимо.

События десятилетней давности, когда на улицах пролилась кровь, были жертвы, вызывали у властей и другие опасения: возможность новых кровавых беспорядков с более тяжелыми последствиями. Требования лидеров «Солидарности», по сути дела, вели к смене общественно-политического строя, причем способом, включавшим в себя и политические и насильственные пути, а это могло привести к хаосу в стране. «Солидарность» опиралась тогда на поддержку значительного числа граждан Польши, но все же большая часть поляков была за улучшение социализма в рамках общественно-политической системы, существовавшей в стране. И эту точку зрения правительство не могло не учитывать.

13 декабря 1981 года в Польше было введено чрезвычайное положение. Эта акция обошлась без жертв, без крови, была неплохо обеспечена пропагандистски.

В 6:00 утра 13 декабря по радио выступил первый секретарь ЦК ПОРП, премьер-министр Польской Народной Республики Ярузельский, обратившийся к народу с глубокой содержательной речью. Она не содержала угроз, была выдержана в спокойных тонах, звала поляков к согласию и миру, предлагала переговоры, политический диалог со всеми политическими силами, заинтересованными в нормализации обстановки.

Спустя несколько дней обстановка в стране стала спокойной, промышленность начала работать, набирать темпы, и это внушало надежды.

С Ярузельским мне довелось встретиться несколько раз и в Польше и в Советском Союзе. Думается, это один из выдающихся польских деятелей. Прежде всего обращал на себя внимание его глубокий патриотизм, любовь к своей родине, преданность ей. Все его рассуждения, помыслы, дела исходили из интересов

Польского государства.

Несмотря на то что Ярузельский профессиональный военный, предпочитал носить военную форму, в которой чувствовал себя удобнее, по своим убеждениям, способу мышления он скорее деятель гражданского типа. Он умел и мог мыслить, рассматривать не один вариант возможного решения, прежде чем принять его. Ярузельский был начисто лишен налета демагогии и популизма, вел себя естественно. Будучи широко образованным, начитанным, мыслил глубоко и всесторонне, на перспективу, ценил мнение других, тянулся к мыслящим деятелям. Не случайно он поддерживал близкие отношения с Кадаром.

Будучи сторонником социалистического выбора, Ярузельский считал, что Польша должна идти своим путем, и тут был последователен. Он никогда не использовал в демагогических целях такой прием, как обещания.

К сожалению, мы живем в то время, когда на обещаниях и посулах многие делают большую политику, добиваются амбициозных целей, выигрывают политические битвы, приходят к власти. Расплачивается же народ.

Спустя несколько лет, после декабря 1981 года, Ярузельский в одной из бесед сказал, что, введя чрезвычайное положение, руководство Польши одержало военную победу, но потерпело политическое поражение. Пожалуй, с этим можно согласиться, но с одним уточнением: после декабря 1981 года в Польше были упущены возможности для политического согласия и мира, чтобы объединить на здоровой основе самые различные социально-политические силы.

Ярузельский никогда не держался за власть. Мне никто никогда не говорил об амбициозных устремлениях генерала — он был лишен их. В 1991 году Ярузельский ушел с поста президента Польской Республики, не сделав попытки побороться за этот пост. Время рассудит, многое расставит по своим местам, каждому воздаст должное, однако и для Польши, и для нас важно, чтобы укрепление польско-российских отношений — отношений дружбы и сотрудничества — произошло как можно скорее.

В 1989 году я последний раз посетил Польшу. Незапланированно был принят премьер-министром Мазовецким. Во время беседы я спросил премьера, не считает ли он, что Польша во внешнем плане живет в условиях комфорта.

На вопрос г-на Мазовецкого, что следует понять под определением комфорта, я пояснил: на западе Польша граничит с дружественным государством — ГДР, на юге — с дружественной Чехословакией, на востоке — дружественный Советский Союз. Ни одно из названных государств не имеет к Польше каких-либо

территориальных претензий, а это очень важно. Ну а если ситуация изменится? Реакция польского премьера была понимающей.

С особым чувством и теплотой неизменно думаю о Болгарии, ее народе, болгарских друзьях. Тут не только родственная принадлежность к славянскому миру, но и глубокая историческая общность судеб, совместная борьба за свободу, независимость, неисчислимые жертвы на ратных полях, удивительно полное совпадение коренных интересов двух наших народов и государств. Мне неоднократно доводилось бывать в Болгарии, посетить немало городов, сел, достопримечательностей, и всюду — зримые свидетельства болгаро-русской дружбы и братства, уходящие своими истоками в далекое или совсем недавнее прошлое. В жизнь болгар влилась большая часть русской и советской культуры и искусства, то же самое можно сказать и применительно к нам.

В 70—80-х годах, казалось, ничто не угрожает социализму в Болгарии, а возникшие трудности в экономической и политической жизни преодолимы. Ведь речь шла не о каком-то глубоком кризисе, тем более общем, а лишь о снижении темпов роста промышленного и сельскохозяйственного производства (значение чего, разумеется, тоже нельзя недооценивать). Но все же успехи в социалистическом строительстве были очевидны. По сравнению с довоенным периодом в несколько раз выросло промышленное производство, повысился жизненный уровень, продолжительность жизни за это же время увеличилась более чем на 20 лет. Полная занятость, всеобщая грамотность, низкий уровень преступности. Далеко не каждая европейская страна могла похвастаться такими результатами. Конечно, все это далось не само собой. За всем этим стояли огромный труд и прилежание болгарских трудящихся.

Разрушительный поток, в зоне действия которого оказались страны социалистического содружества, становился все мощнее, сокрушительнее, и в начале 1990-х годов его воздействию подверглась и Болгария.

Как в Советском Союзе и других европейских социалистических странах, в Болгарии вскипела волна огульной критики, преподносившей положение таковым, что в стране-де все плохо, а вот если придут так называемые демократы, то все будет хорошо, и люди заживут богато, счастливо и свободно. Во времена демагогии, популизма, размашистых привлекательных обещаний подобные приемы на время срабатывают. Разочарование наступает потом, когда уже задний ход просто так не дашь.

В начале 90-х годов в Москве обратили внимание на то, что, пожалуй, впервые за всю многовековую историю среди болгарского населения уже нет однозначного отношения к нашей стране, к СССР. Речь не шла о массовых антирусских и антисоветских настроениях. Но значительная часть болгар перестала считать Советский Союз единственным гарантом безопасности своей страны и не видела целесообразности дальнейшего пребывания ее в Варшавском договоре и Совете экономической взаимопомощи.

Помимо общих причин и факторов поражения социализма в европейских странах есть и национальные. Они также сыграли свою роль, и политологам, ученым еще предстоит в них разобраться, извлечь уроки, сделать выводы. Стремление в ходе социалистического строительства обогнать течение времени, истории неизменно оборачивалось серьезными издержками, ломало обычаи, нравы, уклад жизни людей, сознание которых не воспринимало такую поспешность. Так, безмерное насаждение коллективных начал упиралось в устоявшийся сугубо индивидуальный образ жизни, и человек подобное вторжение не воспринимал душой. Отмена института частной собственности была декретирована, хотя на современном этапе развития этот институт естественным образом под соответствующим контролем вписывается и в производственные отношения, и в рамки социалистической системы.

Длительное время на высших партийных и государственных постах Болгарии находился Тодор Живков — ветеран коммунистического и рабочего движения, много сделавший для своего народа, для развития болгаро-советской дружбы.

Касаясь деятельности Т. Живкова в целом, хотелось бы отметить, что отдельные его шаги представлялись импульсивными, эмоциональными и, как следствие, недостаточно взвешенными. От некоторых инициатив впоследствии он отказывался сам. (Вопрос о возможном статусе Болгарии как шестнадцатой по счету республики Советского Союза.) Видимо, и сам Т. Живков понимал свой недостаток. В Советском Союзе в период антиалкогольной кампании получила хождение история о том, как в Болгарии одно время законом запретили заниматься традиционным изготовлением в личных хозяйствах крепких спиртных напитков, но, когда убедились в никчемности и даже вреде этой меры, пошли на отмену запрета. Об этой истории поведали Горбачеву, процитировав намеком вывод Живкова: «Плохой тот водитель, который не умеет давать задний ход».

Запомнилось мне выступление Т. Живкова на одном из съездов КПСС в Кремле. Заканчивая приветственное слово, он

сказал: «Братушки, так держать!» Зал взорвался овацией, одобрительными возгласами. И дело было не в совете Живкова — так держать. Коммунисты всегда «держали» так, как определялось на съездах. Болгарское слово «братушки» тронуло сердце делегатов, запало в души, вошло в русскую речь своей проникновенностью. С тех пор и у нас повелось при встречах с болгарами называть их теплым словом «братушки».

Русские люди сохраняют глубокое чувство любви и уважения к болгарскому народу.

Я испытываю почти физическую боль, когда думаю о Кубе и анализирую нашу политику по отношению к ней.

Волей-неволей на эту страну в последние более чем три десятилетия смотришь через призму многогранной энергичной деятельности ее первого руководителя.

Есть личности, которые в силу своей исторической значимости и индивидуальных особенностей надолго остаются в делах и памяти человеческой, переживают время, в котором живут, не оставляют безразличными к себе ни друзей, ни врагов. Они становятся нетленной политической, духовной ценностью не только для своей страны, но и мира в целом.

К таким личностям я отношу Фиделя Кастро Рус, лидера кубинской революции середины XX века, вождя кубинского трудового народа, человека, радикально изменившего историю Кубы и через свою относительно небольшую по численности населения и территории страну оказавшего заметное влияние на жизнь многих стран и даже континентов.

В январе 1967 года с группой товарищей я провел отпуск на Кубе и впервые увидел эту страну, соприкоснулся с жизнью ее народа. Тогда мне не довелось лично познакомиться с Фиделем Кастро. Правда, дважды видел и слышал его: один раз на центральном стадионе в Гаване во время бейсбольного матча, а в другой — на массовом митинге в небольшом городке недалеко от кубинской столицы.

Говорил Кастро зажигательно, увлекательно, не было монотонности даже в отдельной фразе. Владел аудиторией, казалось, беспредельно, чему способствовали выразительные жесты, мимика лица и умные, живые глаза Фиделя. Все свидетельствовало о высочайшей природной культуре человека, ставшего во второй половине сложного, жестокого и малопредсказуемого XX века кубинским лидером.

После нам подробно изложили содержание речи.

Кастро говорил о тяжелой, но славной борьбе кубинского народа за свободу и человеческие условия жизни, объяснял, что такое социализм, тепло высказался о Советском Союзе, остро

критиковал политику Вашингтона. «Американский империализм стремится задушить кубинскую революцию. Не выйдет! Мы выдержим и победим!» — под овации участников митинга сказал Фидель. Много внимания он уделил образованию, ссылался на Ленина. «Куба будет самой образованной латиноамериканской страной».

Спустя десять лет эти слова стали реальностью. Куба покрылась всеохватывающей сетью детских учреждений, общеобразовательных и специальных школ, институтов. Всеобщим стало бесплатное медицинское обслуживание.

После митинга всех его участников ждал солидный горячий ужин с фруктами и соками. Начался карнавал. Темпераментные танцы, веселые мелодичные песни — все смешалось в один веселый поток. Рассказывали, что веселье продолжалось до утра. Кубинцы умеют работать, любят и умеют отдыхать.

Лишь в 80-х и 90-х годах мне довелось поближе познакомиться с Фиделем. Последняя встреча с ним состоялась в июне 1991 года в Гаване, куда я выезжал по поручению Горбачева для обсуждения принципиальных вопросов состояния советско-кубинских торгово-экономических отношений.

К тому времени они окончательно разладились. Советский Союз, по сути, прекратил поставки на Кубу нефти и зерна, некоторых других товаров, затягивал, а затем и вовсе приостановил поставку оборудования для строящейся там атомной электростанции. Кубинская экономика, многие годы ориентированная на сотрудничество преимущественно с СССР, тотчас же оказалась в кризисном состоянии.

Одновременно свернули торгово-экономическое сотрудничество с Гаваной и бывшие социалистические страны. Правда, с Кубой начал развивать торговлю Китай, но в полной мере заполнить образовавшуюся брешь не представлялось возможным — для этого требовалось по крайней мере время.

Инициатива моей поездки на Кубу, собственно, не принадлежала Горбачеву, он уже махнул рукой на эту страну, смотрел на нее как на обузу, как на помеху в реализации его планов развития диалога с Вашингтоном.

Резкое ослабление советско-кубинских торговых связей ударило по обеим сторонам. Возникшие трудности в снабжении нашего населения, к примеру сахаром, давали остро о себе знать, и никакой благоприятной перспективы на ближайшее время не просматривалось. Под угрозой оказались поставки к нам кубинского никеля — товара стратегического назначения. Далеко не лишним для советского рынка был широкий ассортимент кубинских фруктов, не говоря уже о фармацевтических

препаратах, чья эффективность обрела признание в мире. Мою поездку инициировал председатель Кабинета министров Союза Павлов, отлично понимавший значение экономических отношений с Кубой.

Я провел на Кубе пять дней, и все это время было посвящено встречам, беседам, поездкам по стране, и прежде всего интересным переговорам, обмену мнениями, общению с Фиделем Кастро.

Я много читал, слышал о Кастро, знаком с политико-психологическими портретами кубинского лидера, составленными советскими и западными политологами, специалистами. Много о Фиделе мне рассказывал ответственный сотрудник советской внешней разведки Николай Сергеевич Леонов, которого за любовь к Кубе называли советским кубинцем. Однако в ходе пятидневного общения с Фиделем меня ни на минуту не покидало ощущение, что передо мной открывается как бы не изведанный доселе человек с интересным, содержательным миром, личность, устремленная вперед, в будущее, с огромной жаждой к познанию, к поиску истины, для которого сугубо личное — не суть важное, служение же людям — все, весь смысл жизни.

Став руководителем государства, возложив на себя ответственность за судьбу целого народа, Фидель пытается разобраться во всем: в политике, экономике, науке, культуре, социальной сфере. Он окружил себя умными советниками, друзьями, единомышленниками, внимательно прислушивается к ним, хотя решения и ответственность за них берет на себя. Он знает каждый уголок Кубинского острова, историю своей родины, обладает великолепной памятью на людей, безмерно любит их, хочет счастья не для какой-то горстки избранных, а для всех живущих на Кубе. Особенно безгранична любовь к детям, молодежи. Он одевается так же скромно, как и все, довольствуется простой пищей, не строит себе роскошных дворцов, готов помочь тем в других странах, кто посвятил жизнь борьбе за национальное освобождение.

Начиная в 50-х годах революционную борьбу, Фидель Кастро не был коммунистом. Он стал им позже, воспринял марксистско-ленинскую коммунистическую идеологию и сделал своей целью построение социализма на Кубе. Этой цели, этим убеждениям он остался верен на протяжении всех последующих десятилетий.

В книге «Фидель и религия», в которой излагаются его беседы с религиозным католическим деятелем Фреем Бетту, приводится следующее признание Кастро: «Я должен был преодолеть длинный путь, чтобы развить свои революционные идеи. Они представляют для меня огромную ценность, потому что я пришел

к ним самостоятельно».

Фидель искал и нашел в разных регионах мира идейных и политических друзей Кубы. Он был признан в движении неприсоединения, его полюбили советские люди, он стал желанным во всех социалистических и многих других странах.

И вот к 1991 году Куба, не по своей воле, оказалась в состоянии изоляции. Она лишилась былой политической и иной поддержки Советского Союза и других социалистических стран. По сути, полное сворачивание советско-кубинских торгово-экономических отношений поставило Кубу в крайне тяжелое положение. Так, норма выдачи хлеба по карточкам была сокращена до 80 граммов в день. Прекращение поставок нефти вызвало острый энергетический кризис. Без советских средств передвижения, сельхозтехники в особенно трудном положении оказалось сельское хозяйство. Сократилось производство сахарного тростника — основной сельхозкультуры. А ведь оно было сориентировано в основном на потребности Советского Союза.

Фидель Кастро с готовностью согласился на приезд представителя советского руководства, расценив этот визит как возможность получить из первых рук информацию о ситуации в Советском Союзе и рассказать об обстановке на Кубе.

То, что Кастро интересный собеседник, разносторонне образован, компетентен в вопросах политики, экономики и других, обладает цепким практическим умом, недюжинными способностями к глубокому и всестороннему анализу, философскому осмыслению событий, — все это я знал. Но то, что, несмотря на присущую ему эмоциональность, он от природы одарен в полной мере таким качеством, как удивительная во всем тактичность, для меня явилось еще одним открытием.

За время многочасовых бесед Фидель не допустил ни одной колкости по адресу своих советских коллег. Был исключительно корректен в вопросах, в изложении своей точки зрения. Лишь в жестах, выражениях лица можно было прочитать недоумение, боль, тревогу по поводу происходящего в Советском Союзе.

«Так случилось, — говорил он, — что значение Советского Союза для мира переоценить невозможно. Мы все в долгу перед советскими людьми». Кастро с гордостью заметил, что Куба приняла на отдых и лечение несколько тысяч детей-чернобыльцев и готова делать это и впредь. «Я внимательно слежу за сообщениями из Москвы и о Москве. На развитие обстановки у вас оказали влияние нечистоплотные политики из определенных стран, да хватает, видимо, у вас и своих. У них далеко идущие цели».

По словам Фиделя, он никогда не верил в миролюбие вашингтонского руководства по отношению к Кубе. «Оно преследует лишь эгоистические интересы. Советский Союз для него противник. И этим все сказано».

Он хорошо понимал, насколько реальна угроза для существования самого СССР. «Это было бы самой тяжелой трагедией для всего мира». Кастро подчеркивал стремление Гаваны найти возможность для взаимовыгодного развития советско-кубинских отношений. «Советский фактор был определяющим во всей кубинской политике», — заметил он.

Мы посетили ведущееся с помощью Советского Союза строительство атомной электростанции. Казалось, Фидель знал там всех и вся. Объем уже выполненных работ превысил 80 процентов. Сами советские специалисты жаловались на нарушение сроков поставки комплектующих и многочисленные случаи несоответствия поставляемых изделий проектной документации.

«По возможности, — говорил Фидель, — дефекты надо устранять на месте и лишь в крайнем случае обращаться к советским производителям».

Куба переживала острейший энергетический кризис и в сооружении АЭС обоснованно видела выход из тяжелого положения. На следующий день мы побывали на построенном по новейшей технологии предприятии по переработке нефти производительностью до 12 миллионов тонн в год.

Имелось в виду, что на нем будет частично перерабатываться нефть, поставляемая нам в порядке взаиморасчетов из Латинской Америки, в частности из Венесуэлы. Короче говоря, было найдено оптимальное решение, поскольку транспортировка значительных объемов нефти не потребовала бы больших расходов из-за близости источников ее получения.

Перед глазами открывалась горестная картина: огромная территория нефтеперегонного завода, сплошь усеянная серебристого цвета трубами, котлами, резервуарами, противопожарными сооружениями, была безжизненной. Лишь немногочисленная охрана являла собой признаки жизни. Рядом, на берегу моря, таким же мертвым стоял мощный терминал по приему судов с нефтью. Он был также пуст…

К тому времени в СССР возникли серьезные трудности с сахаром. Грубо просчитались те, кто с пеной у рта доказывал, что советский рынок вполне может обойтись без кубинского сахара.

Фидель с полным пониманием отнесся к нашей просьбе об увеличении поставок сахара и на следующий день сообщил, что мы можем рассчитывать на поставку в самое ближайшее время 3–

3,5 миллиона тонн сахара, и лишь попросил изучить возможность увеличения объемов поставок на Кубу продовольственного зерна и сырой нефти в счет ранее заключенных соглашений. И в данном случае, во избежание излишних расходов на транспортировку, на Кубу завозилось бы канадское зерно.

Кстати, наши специалисты в Кабинете министров СССР высоко оценили решение кубинской стороны по сахару и считали его более выгодным для нас. Срыв прежних договоренностей с Кубой был делом рук либо лоббистов, действовавших в рамках нового мышления в пользу американцев, либо являлся результатом некомпетентности, грубого просчета отдельных наших экономистов.

Ведь такие деятели, как А. Яковлев, Шеварднадзе, Арбатов, Аганбегян, Шмелев и другие, считали наши отношения с бывшими социалистическими странами, в том числе и с Кубой, невыгодными для Советского Союза. В жизни оказалось все не так!

После перевода в 1989 году торговых расчетов с бывшими социалистическими странами на долларовую основу началось стремительное разрушение экономических отношений в социалистическом содружестве в целом. Некоторые же экономисты утверждали, что одно лишь введение в действие такого порядка расчетов даст Советскому Союзу дополнительно 12 миллиардов долларов в год. То, что это липа, стало очевидно в первый же год.

Не мог не видеть этого и Горбачев. Разрушение экономической основы сотрудничества между бывшими социалистическими странами немедленно повлекло за собой слом всей политической системы взаимодействия.

Фидель Кастро надеялся на то, что в Советском Союзе кризис будет преодолен. Тем не менее он не мог предугадать сроков и потому думал над способами и путями выживания (в полном смысле этого слова) Кубы. Кубинское руководство решило постепенно предпринять шаги по введению рыночных отношений, шире использовать материальное стимулирование с учетом имеющихся возможностей, активнее налаживать трудоемкие производства, развивать фармацевтическую промышленность, предоставлять небольшие наделы земли для горожан в районах, где есть возможность. Вовне — попытаться наладить торговые отношения с новыми странами, развивать иностранный туризм, активно используя природные условия острова. По убеждению Кастро, строительство новой жизни должно неизменно подчиняться одному — интересам подавляющего большинства населения, что позволит обеспечить социальную справедливость

и социальный мир.

Я часто вспоминаю свою поездку на Кубу, и, конечно, передо мной возникает образ Фиделя Кастро. Он был тверд в своих убеждениях. Его цель — процветающая социалистическая Куба. Вопрос в том, будет ли обеспечена преемственность курса Кастро и в будущем?

В последнее время уверенности в этом у меня прибавилось. Куба, Вьетнам, Китай непременно учтут трагические уроки Советского Союза. Жаль, что полигоном служит Советский Союз.

Здравомыслящие люди, сторонники социалистической идеи, социальной справедливости после всего случившегося поняли одно: судьбами людей труда шутить нельзя, народный режим должен уметь защищать себя, адекватно поступать по отношению к силам разрушения. Думаю, что наш отечественный урок, наши ошибки пойдут впрок, в том числе и нам самим.

Итак, мы потеряли всех своих друзей, они стали бывшими, новых еще не приобрели, для этого требуется время и соответствующая основа, которой пока нет, и появится она не вдруг.

В считаные месяцы геополитическая картина мира изменилась кардинальным образом. Разрушены плоды не последних десятков лет развития, в частности на Европейском континенте, а результаты развития многовековой истории, создавшие предпосылки для великих свершений XX века. Развал Организации Варшавского договора, Совета экономической взаимопомощи, всесторонней системы отношений между Советским Союзом, с одной стороны, и социалистическими странами — с другой, решающим образом сказались на расстановке сил в мире, изменили их баланс, предопределили неблагоприятное для нас развитие событий в Европе и на территории бывшего Советского Союза.

Трудно сказать, какими будут последствия в ближайшее время, какие еще беды нас ожидают. Мир, история социально-политических катастроф не знают аналогов.

Сдача Советским Союзом, а затем Россией позиций в бывших социалистических странах больше походила на поспешное отступление после военного поражения. Сначала договорились о сроках вывода войск, объявили об этом в форме торжественного обязательства, а затем стали договариваться об имуществе, расчетах, оплате транспортных расходов, компенсационных выплатах и т. д. И ни слова не замолвили о проблеме прав человека, о судьбе после нашего ухода тех, с кем десятки лет были вместе, кто стали нашими друзьями и не только получали помощь от нас, но и нам оказывали не меньшую поддержку и

содействие.

Уверен в том, что если бы советская сторона поставила вопрос об уважении прав, к примеру, сотрудников государственного аппарата, то получила бы соответствующие гарантии.

Таким образом, кризис, охвативший советское общество и государство, был глобальным. Он не обошел стороной ни одну область социально-политической и экономической сфер. Потряс внутренние и внешние аспекты существования нашего государства, подвел его к гибельной черте.

Летом 1991 года многие еще не представляли себе, что это не конечная станция кризиса, что еще большие беды и трагедия ожидают нас впереди. Те, кто располагал открытой и тем более закрытой информацией, четко представляли себе это.

Горбачев же и его единомышленники, располагая всей полнотой информации, прибегали к настоящему обману, скрывали от людей правду, не говоря уже о том, чтобы поступать адекватно складывающейся обстановке. В распоряжении Горбачева были глубокие, правдивые, объективные аналитические и документальные материалы, в частности Комитета госбезопасности, где скрупулезно анализировалась ситуация в стране, ее мрачные перспективы в самом обозримом будущем, сообщалось о действиях сил разрушения внутри и вовне страны, подчеркивалась необходимость принятия срочных мер для спасения Отечества.

В то время еще трудно было четко обозначить грань между осознанными действиями по разрушению державы и произвольными действиями сил, которые оказались обманутыми, введенными в заблуждение, объективно действовавшими в направлении развала страны. Это в 1992–1993 годах многое встало на свои места и внесло ясность в развитие негативных тенденций. Стремительность, глубина и размах деструктивных процессов не носили стихийного характера, а умело и целеустремленно направлялись определенными силами внутри страны и за ее пределами. Поэтому не случайно мощный поток разрушения коснулся не только Советского Союза, но и практически всех бывших социалистических стран, которые в условиях кардинального поворота московских властей в политике были бессильны что-либо сделать, тем более скоординировать свои защитные меры.

Для меня, как председателя Комитета госбезопасности, для сотрудников комитета, располагавших широкой информацией по линии разведки и контрразведки, было совершенно очевидно, что подрывная деятельность против Советского Союза ведется в

условиях полной парализации потенциальных возможностей государства защитить себя.

В реализации разрушительных планов в Советском Союзе, других социалистических странах, несмотря на различие условий, особенностей той или иной страны, идейных подходов и деятельности основных политических сил просматривался один сценарий, одна идеология и методология.

Приведенные выше фактологическая справка и анализ развития событий не могут оставить сомнений в том, что дело обстояло именно так. Правящие круги капиталистических стран, их специальные службы одерживали существенную, можно сказать, определяющую победу в противоборстве двух систем. Звучавшие, хотя и слабо, трезвые голоса об опасности для самой западной цивилизации разрушительных процессов в Советском Союзе и других социалистических странах тонули в слепом угаре победных реляций, эйфорических заявлений представителей сил, боровшихся против социализма. Потерпели историческое поражение те, кто стоял преградой на пути установления на земле господства мира капитала и его цитадели — Соединенных Штатов Америки.

Осталось осуществить формальный акт — вопреки воле народа, высказанной им на всесоюзном референдуме, объявить потерявшим силу Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик от 1922 года, поставить точку в борьбе двух социально-политических систем и тем провозгласить «торжество» капитализма над социализмом.

Глава 7
Три самых трудных дня

Уважаемые читатели! Я сейчас обращаюсь к тем, кто разделяет взгляды автора этих строк, и тем, кто стоит на противоположных позициях. Я хотел бы попросить вас мысленно перенестись в тот исторический миг, к тем трем августовским дням, и вместе со мной вспомнить и осмыслить, что же тогда случилось. Дать полную и четкую картину происшедшего невероятно трудно, потому что тогда в одном водовороте событий смешалось все: всплеск правды и потоки лжи, луч надежды и горечь поражения, ликование обманутых, торжество подлецов и страдания честных людей.

К августу 1991 года Конституция СССР, Конституции союзных республик были отброшены в сторону как ненужный хлам, в стране наступили хаос и беспредел. Между центром и союзными республиками воцарилась атмосфера раздоров и противостояния.

Попытки с помощью «демократических», популистских заявлений исправить положение, напротив, лишь ухудшали его. Разрушительные силы делали свое дело: держава катилась в пропасть. Во многих регионах страны возникла обстановка морально-психологического террора.

Любой голос в защиту институтов советской власти — легитимной, конституционной — встречал град нападок. Огульно охаивалось все: история, настоящее, а будущее в условиях советской власти рисовалось как мрачная перспектива. Не буду повторяться, выше мы уже этого касались.

К концу июля 1991 года был готов проект нового Союзного договора, фактически денонсирующий Союзный договор 1922 года и открывающий «новую эру» в отношениях между народами и республиками, входившими в состав Советского Союза.

Проект Союзного договора готовился и обсуждался за закрытыми дверьми, келейно, без привлечения общественности.

29—30 июля 1991 года в Ново-Огареве состоялась встреча Горбачева, Ельцина и Назарбаева. Как потом стало известно, на этой встрече речь шла о широком круге вопросов, касавшихся судьбы Советского государства, предстоящего заключения Союзного договора, прекращения деятельности союзных законодательных и исполнительных органов и создания взамен их новых. Обсуждались также кадровые вопросы.

Обо всем этом общественность, советские люди не были тогда информированы. Все это всплыло позже, после августовских

событий, когда фатальные перемены, разрушения затронули все стороны жизни государства, когда, как говорят, дело было сделано.

С проектом Союзного договора, а следовательно, с самим Союзом поступали так, как заблагорассудилось узкой группе руководителей. И союзные, и республиканские законодательные органы были в полном неведении относительно происходившего, и если бы ничего не произошло, то 20 августа 1991 года, когда должно было состояться подписание Союзного договора, советские граждане оказались бы перед свершившимся фактом прекращения существования Советского Союза и появления на свет нового образования — Союза Советских Суверенных Республик. Аббревиатура та же — СССР, однако содержание совсем другое…

И все шло к этой трагической неожиданности, если бы 15 августа 1991 года «Московские новости» не дали утечку информации и не опубликовали проект Союзного договора, который всего через несколько дней предстояло подписать представителям некоторых союзных республик.

В общем-то «Московские новости» была прогорбачевским, во всяком случае, не враждебным ему печатным органом, и причина решимости редакции пойти на публикацию Союзного договора мне до сих пор представляется неясной. Думается, газета не упустила возможность преподнести публике сенсацию и ради этого пошла на подобный шаг. Я полагаю так потому, что газета отнюдь не была против подписания нового Союзного договора и исходила, видимо, из того, что все равно этому уже ничто помешать не может.

О положительном отношении «Московских новостей» к подготовленному Союзному договору свидетельствует заголовок, под которым он был опубликован: «Мы еще не знаем, что надежда уже есть».

В небольшом вступлении «Московские новости» сделали одно примечательное пояснение. В нем отмечалось, что публикуемый документ до сих пор хранится в секрете, но первоначальное согласие между участниками ново-огаревских переговоров достигнуто, и через несколько дней, а именно 20 августа, его подпишут первые республики.

Публикуя договор, редакция, замечает газета, исходит из главного: «Общественное обсуждение определяющего судьбу миллионов людей документа должно начаться как можно раньше».

Таким образом, газета вполне сознательно — и правильно сделала! — пошла на нарушение секретности вокруг Союзного

договора.

Я помню, что у Горбачева и тех, кто готовил новый Союзный договор, публикация вызвала своего рода шок. Горбачев звонил из Фороса, метал громы и молнии, возмущался произошедшей утечкой, требовал выявить «виновника» этой акции. Его расчет был на то, чтобы подписанием договора 20 августа поставить советских людей перед свершившимся фактом.

Но делать было нечего, и 16 августа Союзный договор пришлось опубликовать во многих центральных газетах. Так сделали хорошую мину при плохой игре.

Ознакомление с подготовленным Союзным договором, я думаю, ни у одного здравомыслящего человека не оставляло сомнений, что с его подписанием Союз Советских Социалистических Республик прекращает свое существование и вместо федеративного государства появляется новое образование, где федерация заменяется в лучшем случае конфедерацией.

В первом разделе, озаглавленном «Основные принципы», прямо указывалось, что «каждая республика — участник договора является суверенным государством. Союз Советских Суверенных Республик (СССР) — суверенное федеративное демократическое государство, образованное в результате объединения равноправных республик и осуществляющее государственную власть в пределах полномочий, которыми его добровольно наделяют участники договора».

Вместо Союза Советских Социалистических Республик — совершенно иное образование. Слово «Социалистических» опущено, «Советских» для проформы оставлено. Ведь это же коренным образом противоречило состоявшемуся референдуму 17 марта 1991 года, где было упоминание о характере государства, социально-политического строя, четкой преемственности между СССР и новым государственным образованием. Причем в соответствии с решениями Съезда народных депутатов СССР и итогами упомянутого референдума существо государства в смысле его социально-политического строя оставалось неизменным.

Далее, в первом разделе отмечалось, что «Государства, образующие Союз, сохраняют за собой право на самостоятельное решение всех вопросов своего развития, гарантируя равные политические права и возможности социально-экономического и культурного развития…». О каком же федеративном устройстве может идти речь, когда делается упор на самостоятельное решение «всех вопросов своего развития»?

Обращает на себя внимание явное пренебрежение национальным законодательством нового государственного

устройства. В договоре говорится: «Государства, образующие Союз, считают важнейшим принципом приоритет прав человека в соответствии со всеобщей Декларацией прав человека ООН, другими общепризнанными нормами международного права».

О каком же суверенитете нового государственного образования может идти речь, если устанавливается приоритет прав человека не в соответствии с национальным законодательством, а с «общепризнанными нормами международного права»?

В этом же разделе читаем следующее: «Государства, образующие Союз, обладают всей полнотой политической власти, самостоятельно определяют свое национально-государственное и административно-территориальное устройство, систему органов власти и управления. Они могут делегировать часть своих полномочий другим государствам — участникам Договора, в состав которого входят».

Куда же больше прав государствам, образующим Союз? Как видно из текста, они получили все, что надо для любого самостоятельного государства, включая решение вопросов, связанных с административно-государственным устройством.

Далее, в первом разделе содержалось следующее положение: «Государства, образующие Союз, являются полноправными членами международного сообщества. Они вправе устанавливать непосредственные дипломатические, консульские связи и торговые отношения с иностранными государствами, обмениваться с ними полномочными представительствами, заключать международные договоры и участвовать в деятельности международных организаций, не ущемляя интересы каждого из союзных государств и их общие интересы, не нарушая международные обязательства Союза».

Таким образом, ни о какой единой внешней политике речь не шла. В лучшем случае можно уловить лишь следы конфедеративных начал. Роль центра сводилась лишь к созерцанию, к наблюдению, и не более того.

Помню, как после согласования этого пункта Горбачев бахвалился: «Я добился того, чтобы государства, образующие Союз, имели право устанавливать дипломатические связи, а не дипломатические отношения. На этом мы их потом прижмем!» Поистине мелкий игрок в большой политике. Ведь строкой выше в упомянутом тексте говорится о том, что «государства, образующие Союз, являются полноправными членами международного сообщества».

Немало любопытного содержится и во втором разделе Союзного договора, который называется «Устройство Союза»,

например, что «членство государств в Союзе является добровольным».

Ну, с этим спорить невозможно, положение верное, оно содержалось и в прежнем договоре. Но, как известно, у государства есть много важнейших аспектов. Один из них — проблема территорий. В статье 3 второго раздела записано следующее: «Участники Договора признают границы, существующие между ними на момент подписания Договора.

Границы между государствами, образующими Союз, могут изменяться только по соглашению между ними, не нарушающему интересы других участников Договора».

Никаких строгих предписаний относительно порядка изменения государственной границы, никаких санкций в случае нарушения границ договор не предусматривал.

Формулировка позволяла довольно вольно трактовать смысл соглашений. А ведь речь идет о наиважнейшем аспекте межгосударственных отношений и вообще жизни государства — его территориальной целостности. Повторимся, скажем, что в Соединенных Штатах Америки только постановка вопроса о возможности изменения границ, когда-то установленных между штатами, уже являет собой состав преступления.

В следующей, 4-й статье второго раздела Союзного договора фиксируется положение о том, что его участники строят свои взаимоотношения в составе Союза на основе равенства, уважения суверенитета, территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела и т. д.

Сплошь одни пожелания, моральные посылки, что совершенно недостаточно, когда речь идет о жизнеспособности государства в целом. Федеративное государство строится не на таких основах, и договор говорит о создании образования, лишь приблизительно напоминающего конфедерацию, причем весьма слабую, мало к чему обязывающую ее участников.

Для иллюстрации непрочности нового Союза, отсутствия гарантий, условий, вселяющих уверенность в его жизнеспособность, можно привести следующий пример. В 5-й статье второго раздела договора отмечается, что к сфере ведения Союза ССР относится: «обеспечение государственной безопасности Союза; установление режима и охраны государственной границы, экономической зоны, морского и воздушного пространства Союза; руководство и координация деятельности органов безопасности республик».

В опубликованном проекте Союзного договора слово «руководство» выделено жирным шрифтом и помечено звездочкой, отсылающей к примечанию. Вот это примечание:

«Предложение т. Крючкова В.А. согласовано с руководством республик».

В этой связи крайне важно сделать некоторые пояснения для того, чтобы читателю было понятно, о чем в данном случае идет речь.

Уже после согласования проекта Союзного договора его текст попал ко мне. Я обратил внимание на то, что положение об обеспечении государственной безопасности Союза сформулировано таким образом, что нарушается сама система, сам механизм безопасности страны со всеми вытекающими отсюда крайне нежелательными последствиями. Роль союзного ведомства по государственной безопасности сводилась лишь к координации деятельности органов безопасности республик.

Что такое координация, понятно. Это диспетчерская работа, не наделенная строго определенными правами и обязанностями. Хочу — координирую деятельность, хочу — нет. Да помимо этого все зависит от желания местных органов, в данном случае республиканских.

Я собрал коллегию Комитета госбезопасности, обсудили вопрос и пришли к выводу, что одного лишь упоминания о координации совершенно недостаточно для решения вопросов безопасности государства. Это положит конец всей цельной системе органов безопасности, она будет разрушена, прекратит свое существование.

Повторится ситуация с Министерством внутренних дел СССР, когда в 1990 году усилиями тогдашнего министра Бакатина были ликвидированы централизованные начала в его деятельности и его органы лишились центрального руководящего звена.

Последствия не заставили себя ждать. Резко ослаб общественный порядок в стране, стала расти преступность. Из довольно мощной системы, слаженного механизма, каким это ведомство было прежде, оно превратилось в аморфную организацию без прав, без обязанностей, без возможности руководить и влиять на правопорядок в стране.

Я обратился к Горбачеву и сказал, что в таком виде положение, касающееся обеспечения государственной безопасности Союза, не может быть принято, если мы хотим хоть в какой-то мере сохранить целостность ее механизма. Необходимо упомянуть о том, что система государственной безопасности должна иметь руководящий центр, без чего она прикажет долго жить, превратится в аморфную, бесправную организацию, и что упоминание лишь о координации деятельности органов госбезопасности республик дело не спасает.

Это замечание Горбачев воспринял с явным недовольством.

Он сказал, что удалось достичь максимума и что союзные республики на усиление руководящего начала в системе органов госбезопасности вряд ли пойдут.

Тогда я попросил его согласия в рабочем порядке обговорить этот вопрос лично с руководителями всех союзных республик и попытаться найти решение, которое позволяло бы спасти систему безопасности. Горбачев дал согласие, снова, однако, усомнившись в успехе этой акции.

Я стал мучительно согласовывать с первыми лицами всех союзных республик поправку, предусматривавшую упоминание о руководстве, а не только о координации деятельности органов госбезопасности республик. Мне удалось их убедить, но каждый из них спрашивал: а как на это посмотрит российское руководство? Я отвечал, что питаю надежду уговорить и Ельцина, потому что без упоминания о руководящих началах в работе органов безопасности в рамках всего государства система будет нежизнеспособной и, на мой взгляд, российское руководство должно понимать это обстоятельство.

По этому вопросу я дважды переговорил с Ельциным, объяснил ему ситуацию, подчеркнул, что упоминания о координации совершенно недостаточно, что это положение нужно усилить руководящим началом, в противном случае нам придется распроститься с возможностью на сколько-нибудь серьезном уровне обеспечить государственную безопасность Союза в целом.

Ельцин не сразу ответил, заметил, что внутренне не готов к положительному решению, но на следующий день после второго разговора все-таки дал согласие, и слово «руководство» в упомянутом выше положении было добавлено.

Но обратите внимание, как это было сделано. Слово «руководство» было выделено курсивом, была сделана сноска, что предложение исходит от Крючкова, и, таким образом, как бы давалось понять, что к этой проблеме можно еще раз вернуться. А каким будет окончательное решение, станет видно.

Так составлялся новый Союзный договор, так решались важнейшие вопросы, а по сути, так велась игра, так решалась судьба великого Союзного государства.

Много любопытного содержится в статье 6 второго раздела «Сфера совместного ведения Союза и республик». Даже такое важнейшее положение, как военная политика Союза, относилось к сфере совместного ведения Союза и республик. Известно, что военная политика государства — одна из важнейших функций федерации, при отсутствии или размытости которой ничто другое не может восполнить возникающего пробела.

Статья 8 второго раздела касается собственности, то есть

вопроса, составляющего основу могущества, жизнеспособности государства в целом. В этой статье содержится следующее положение: «Земля, ее недра, воды, другие природные ресурсы, растительный и животный мир являются собственностью республик и неотъемлемым достоянием их народов. Порядок владения, пользования и распоряжения ими (право собственности) устанавливается законодательством республик».

Уже одно это положение говорит о бутафорном характере создававшегося Союза. Как же оно могло осуществлять свои права и полномочия, не имея соответствующей собственности, материальной основы, реальных источников дохода? Более того, в этой же статье предусматриваются права государств на долю в золотом запасе, алмазном и валютном фонде Союза, имеющихся к моменту заключения настоящего договора. Короче говоря, у центра отнималось даже то, что было накоплено за годы существования Советской державы.

И наконец, совершенно убийственная для Союза статья 9, которая называется «Союзные налоги и сборы». Положение, касающееся налогов и сборов, заслуживает того, чтобы его привести.

«Для финансирования расходов союзного бюджета, связанных с реализацией переданных Союзу полномочий, устанавливаются единые союзные налоги и сборы в фиксированных процентных ставках, определяемых по согласованию с республиками на основе представленных Союзом статей расходов».

Таким образом, устанавливалась одноканальная система налогов и сборов, не указывалась фиксированная доля поступления налогов и сборов в союзный бюджет, в союзную казну. Возможная доля отчисления налогов устанавливалась по согласованию с республиками, причем на основе представленных Союзом статей расходов. Получалось, что отдельные республики могли установить, условно говоря, десять процентов, другие полпроцента, а третьи, если сочли бы представленные Союзом статьи расходов малоубедительными, могли вообще отказаться от перечисления налогов и сборов в союзный бюджет.

Это положение вызвало острые дискуссии у всех государственников.

Незадолго до этого Горбачев заявлял, что в вопросе об установлении отчислений от налогов и сборов в союзный бюджет в строго определенных процентах и в рамках соответствующего федерального канала он, Горбачев, никогда не отступится, потому что это будет означать конец союзному государству, поскольку оно не сможет обеспечить себя материально, содержать центральные органы, финансировать федеральные программы,

целиком и полностью попадет в зависимость от воли, настроения, желания руководителей союзных республик.

Короче говоря, и с этой точки зрения просматривался неизбежный конец союзному государству. Ни о какой федерации, конечно, при таких условиях и речи быть не могло.

В конце июля 1991 года я с Болдиным был у Горбачева. Ему позвонил Павлов, разговор зашел о федеральном налоге. Горбачев успокаивал, а вернее, обманывал премьера, заявляя, что ни за что не уступит по этому вопросу. «Отказ от федерального налога — конец союзному государству. Я скорее уйду в отставку, чем соглашусь с этой убийственной формулировкой», — заявил он.

Однако из-за отрицательной позиции руководителей отдельных государств, а также из-за нежелания вести борьбу Горбачев «плыл», сдавал одну позицию за другой и в конце концов пошел на последнюю губительную уступку, сдачу предельного рубежа, о чем совсем недавно он и думать не хотел.

Стоит также остановиться на 11-й статье второго раздела, которая касается соподчиненности законов. Воспроизведем ее главное положение:

«Законы Союза по вопросам его ведения обладают верховенством и обязательны для исполнения на территории республик.

Законы республики обладают верховенством на ее территории по всем вопросам, за исключением тех, которые отнесены к ведению Союза».

Совершенно ясно, что установление верховенства законов республики над всеми иными на ее территории делает излишними все другие ссылки, туманные оговорки, положения. Это тот пункт, через который центр никогда не смог бы перешагнуть. Он превратился бы в игрушку в руках местных органов, получавших возможность за счет легкой манипуляции подводить союзные законы под республиканское верховенство тогда, когда это кому-либо заблагорассудилось бы.

И пожалуй, есть смысл остановиться еще на одном положении, зафиксированном в четвертом разделе Союзного договора. «Настоящий договор, — говорится в статье 23, — одобряется высшими органами государственной власти государств, образующих Союз, и вступает в силу с момента подписания их полномочными делегациями.

Для государств, его подписавших, с той же даты считается утратившим силу Договор об образовании Союза ССР 1922 года».

Эта основополагающая статья сформулирована таким образом, что трактовать ее можно по-разному. На первый взгляд,

вступление Договора в силу следовало после утверждения его законодательным органом той или иной республики. С другой стороны, в статье говорится о том, что он вступает в силу немедленно после его подписания.

Так вот, Российское государство взяло за основу именно последнюю посылку и в лице президента Ельцина заявило о том, что 20 августа 1991 года после подписания проекта Союзного договора Договор о Союзе 1922 года прекращает существование и начиная с 21 августа 1991 года никакие союзные органы действовать уже не будут. Исходя из этого Ельцин заявил о том, что стремление Горбачева собрать Совет Федерации 21 августа для обсуждения некоторых вопросов не имеет никакой юридической силы и потому ни о каком созыве Совета Федерации и речи быть не может.

Если исходить из буквы только что процитированной статьи 23, можно сказать, что Ельцин был не так уж далек от истины. Таким образом, 20 августа 1991 года, в случае подписания Союзного договора представителями пусть даже части союзных республик, стало бы последним днем в жизни Союза Советских Социалистических Республик.

И никто из инициаторов этой акции не обращал внимания на то, что есть Конституция Союза ССР, что есть итоги всенародного референдума 17 марта 1991 года, что договор собирались подписать только шесть республик из пятнадцати. Все это не помешало бы 20 августа объявить о кончине великого государства, сконцентрировавшего в себе итоги тысячелетней истории.

Разрушители Союза с нетерпением ждали этой даты, потирая руки в предвкушении увидеть ненавистную «империю» разрушенной, получить независимость, суверенитет и полную «свободу» действий. Основная масса людей заблуждалась, четко не представляя себе, что все это означает, потому что все делалось втайне. Ведь большинство людей и мысли не допускало, что с великой державой может что-то случиться.

И только немногие отчетливо понимали, что происходит. Они видели, что гибнет государство, что происходит великая геополитическая катастрофа и на пространстве, которое недавно именовалось Советским Союзом, возникнет не только правовой беспредел, хаос, но и разразится трагедия, масштабы которой потрясут весь мир.

В числе тех, кто отдавал себе в этом отчет, были члены Государственного комитета по чрезвычайному положению и те, кто активно поддержал его создание.

Теперь, спустя несколько лет, следует признать, что, хотя

большая часть граждан СССР и не помышляла о смене политического строя, общество не было готово к протесту. Оно было сбито с толку, разобщено, лишилось институтов, составлявших сферу управленческой деятельности и к которым оно привыкло. Местные органы советской власти были абсолютно не готовы, да и не пригодны — по опыту, практике своей работы, профессиональной подготовке кадров — к тому, чтобы возглавить политическое движение в стране. Критика всего и вся была относительно легким делом, ложилась на благодатную почву, потому что в массах действительно накопилось и проявлялось большое недовольство. Трудности, особенно в последние годы, все возрастали, и определенные силы ловко увязывали это с результатами деятельности советской власти на протяжении десятков лет, чем подогревали ситуацию.

Горбачев вел двурушническую политику в отношении КПСС и союзного государства. Как уже говорилось, к этому времени уже достоверно было известно, что у Горбачева и его ближайших единомышленников, в частности у Яковлева, созрел план раскола партии, образования на ее базе социал-демократической партии, возможно, и других партийных образований. Что касается коммунистического ядра, то его, как «догматическое» и «сектантское», Горбачев должен был бросить на произвол судьбы.

Я посоветовался с Болдиным и Шениным и решил откровенно поговорить с Горбачевым. Этот разговор состоялся в конце июля 1991 года.

Горбачев бегло пробежал доложенную ему информацию и, не дочитав до конца, сказал, что она настолько серьезна, что требует детального изучения. Но обещал вернуться к этому разговору по поводу ее несколько позже, в ближайшие дни.

Я понял, что он уходит от вопроса; он, как всегда, вилял, отделывался малозначащими фразами, было видно, что на путь раскола он встал окончательно и бесповоротно.

К тому времени съезд народных депутатов, а также Верховный Совет СССР доставляли Горбачеву все больше и больше беспокойства. Настроения в этих органах, их деятельность, принимаемые решения никак не укладывались в рамки проводимой им линии на разрушение Союза. Мягко выражаясь, многие народные депутаты вели себя странно. Они понимали, что наступает конец законодательной власти, а следовательно, их личной карьере, и тем не менее делали вид, что можно кое-что исправить, подправить, не допустить крайнего варианта, — короче, надеялись на чудо.

В личных разговорах со мной некоторые народные депутаты поднимали острые вопросы, связанные с существованием

Советского Союза. Высказывали озабоченность, однако ни о каких конкретных действиях речи не вели, да мне было просто неловко их к этому подталкивать.

Отчетливо видел ситуацию председатель Верховного Совета СССР Лукьянов. Он переживал, его здоровье тогда было не блестящим, давали о себе знать сосуды, мучило давление, но он держался, пытался не допустить самого страшного в развитии ситуации в стране.

А тем временем активно шел процесс разрушения центральных органов союзного государства.

К августу 1991 года было покончено с централизованным планированием. Прекращали свою деятельность одно центральное ведомство за другим. Но неуправляемость экономики мало кого беспокоила. На каждом большом или малом совещании, заседании все взахлеб говорили о рынке, и создавалось впечатление, что рынок — это панацея от всех бед. Вот наступят рыночные отношения, спасут страну от всяких невзгод и предупредят наступление не только экономической, но и социальной катастрофы.

За полтора-два года перед августом 1991 года в результате этапа наиболее интенсивной перестройки, когда ломалось все, что попадалось на пути, кризис экономики начал проявляться драматически.

Люди не знали подлинных причин надвигавшейся катастрофы, путей выхода из создавшегося положения, а сверху на их головы обрушивалась уничтожающая критика в адрес советской власти как виновницы происходящего, неспособной выправить положение в стране.

Но зрели и другие настроения. Люди стали разочаровываться в ходе и целях перестройки. Они хорошо помнили, что до 1985, даже до 1988 года в стране дела обстояли не так уж плохо. Полки в магазинах не были пустыми, продукты питания и промышленные товары стоили дешево. На зарплату 100–200 рублей можно было сносно прожить и, более того, обеспечить себя кое-чем впрок. Миллионы людей ежегодно отдыхали в южных краях. Трудящиеся Крайнего Севера позволяли себе проводить отпуск у Черного моря, и для них это было не так уж обременительно. Миллионы детей воспитывались в детских яслях и садах, летом выезжали в пионерские лагеря по льготным путевкам или вообще бесплатно.

Мучительно вставал вопрос: что же делать в этой ситуации? Как спасти Родину? Как уберечь ее от неизбежного хаоса, до которого оставалось всего полшага?

4 августа 1991 года Горбачев отправился отдыхать на юг, а

страна вышла на финишную прямую к своему развалу.

Могу категорически сказать, что для уведомления об этом по линии КГБ СССР было использовано все: официальная информация, информационно-аналитические записки, мои личные разговоры с Горбачевым, прямые предупреждения о надвигающейся беде.

Горбачев как бы соглашался с выводами, сетовал на тяжелую ситуацию, крутил, вертел, словоблудничал, а в последнее время вообще перестал реагировать на тревожные разговоры, стал отделываться ничего не значащими фразами. Не хотелось в это верить, но было совершенно очевидно: президент СССР или бессилен, или не хочет предпринять реальные меры для спасения государства.

Я часто встречался с представителями советской общественности, с государственными деятелями, руководителями министерств, ведомств. Ко мне напрашивались с визитами общественно-политические деятели из зарубежных стран, по тому или иному поводу приезжавшие в нашу страну. Бесед было много, и все они носили настораживающий характер. Собеседники не скрывали своих тяжелых впечатлений о нашей ситуации, говорили о необходимости решительных действий для предотвращения окончательного разрушения государства.

Сотрудники органов госбезопасности также имели многочисленные встречи с представителями советской общественности и приносили такую же информацию. Стоило собраться на совещание в ЦК КПСС, в Кабинете министров, в Верховном Совете СССР или в Совете безопасности или на какую-либо рабочую встречу для обсуждения текущих вопросов, как речь неизменно заходила о критической ситуации в стране. Всем была очевидна неминуемость трагедии, никто не понимал бездействия Горбачева.

Никто не ждал ничего хорошего от предстоящего подписания нового Союзного договора.

После каждого разговора об обстановке в стране Горбачев, как правило, давал указания, поручения продолжать анализ ситуации, готовить на всякий случай соответствующие материалы, предложения. Не исключал возможности введения то ли президентского, то ли чрезвычайного положения в стране или отдельных ее регионах, использования жестких мер в экономике для предотвращения ее полного краха. Все чаще такие поручения он давал председателю Кабинета министров Павлову, министрам Язову, Пуго, мне, ответственным сотрудникам аппарата Президента СССР, руководителям ЦК КПСС. Все подготовленные материалы затем возвращались на доработку или с командой

«ждать момента».

При каждом таком поручении Горбачев обычно говорил: «Поднимите старые материалы, актуализируйте их, подправьте с учетом происшедших изменений и будьте наготове». Правда, уже мало кто из нас верил в решимость и способность Горбачева отважиться на решительные меры. Одни списывали это на его характер, на нерешительность, другие приходили к тяжелому выводу, что целью его действий, всей политики являлся развал Советского Союза, смена общественного строя, раскол КПСС, дальнейшее проведение пагубного курса перестройки, полностью себя скомпрометировавшей. Но большинству было очевидно, что президент, лидер партии встал на путь обмана, политического двурушничества и ренегатства.

Перед своим последним отъездом на юг Горбачев поручил Язову, Пуго и мне еще раз проанализировать обстановку, посмотреть, в каком направлении может развиваться ситуация, и готовить меры на случай, если придется пойти на введение чрезвычайного положения.

Я понимал, что Горбачев боялся исключительно за себя, боялся, что с ним могут рассчитаться те, кому он когда-то, как он выразился, «насолил», имея в виду прежде всего Ельцина. В последнем разговоре со мной перед отъездом в отпуск он многозначительно заметил: «Надо смотреть в оба. Все может случиться. Если будет прямая угроза, то придется действовать».

5 или 6 августа 1991 года я встретился с Язовым, и мы во исполнение поручения Горбачева договорились изучить обстановку, подготовить предложения, полностью отдавая себе отчет в том, что ситуация ухудшается с каждым днем.

Было еще одно поручение Горбачева, связанное с нашим военным разведчиком, вокруг которого сложилась ситуация, грозившая нежелательными осложнениями в отношениях с одной западноевропейской страной; важно было принять предупредительные меры.

Тем временем продолжались рабочие контакты с Горбачевым. Ежедневно с ним связывались по телефону председатель Кабинета министров В.С. Павлов, председатель Верховного Совета СССР А.И. Лукьянов, министр обороны СССР Д.Т. Язов, руководитель аппарата президента В.И. Болдин, первый заместитель председателя Совета обороны О.Д. Бакланов, член политбюро, секретарь ЦК КПСС О.С. Шенин, осуществлявший во время отсутствия Горбачева руководство партией. Почти каждый день разговаривал по телефону с Горбачевым и я.

Все мы докладывали Горбачеву об ухудшении обстановки, о том, что ситуация выходит из-под контроля. Страна становится

неуправляемой. Конечно, эти темы мало подходили для отдыха, они раздражали Горбачева, — другой реакции у него не было.

После опубликования Союзного договора брожение в обществе резко усилилось. Люди недоумевали, выражали явное несогласие с положениями, содержащимися в Союзном договоре. Они только сейчас стали понимать, что речь идет о кончине государства, но их реакция не могла вылиться в какие-то организационные формы и обрести необходимую силу, поскольку до подписания договора осталось всего несколько дней, из которых два приходилось на дни отдыха, субботу и воскресенье.

Не раз в те дни мне приходилось говорить по телефону с Язовым, Шениным, Павловым, Баклановым, Болдиным, другими товарищами; все полагали, что Горбачев вот-вот прервет отпуск, прилетит в Москву, вернется к рассмотрению Союзного договора и примет решение, которое позволило бы избежать беды. Но, к сожалению, этого не произошло.

В дни, предшествовавшие подписанию договора, Горбачев стал жаловаться на состояние здоровья, на радикулит, который якобы не позволял ему передвигаться и активно работать, говорил, что интенсивно лечится, поскольку 20 августа совсем близко. Все свидетельствовало о том, что он и мысли не допускал, чтобы как-то прервать нежелательный процесс и еще раз вернуться к Союзному договору. Было ясно — он взял курс на подписание договора и ни о чем другом не хотел слышать.

Горбачев никогда не признавал своих ошибок, ни в чем не раскаивался, на все смотрел через призму своего «я». Главным для него была карьера! Как-то один его давний сослуживец, близко знавший Горбачева многие годы, разоткровенничался со мной. Он заметил, что у Горбачева осталось мало совести. Но ведь совесть или есть, или ее вовсе нет. Так вот на мой взгляд, Горбачев совести лишен напрочь. Возможно, в данном случае мы имеем дело со своеобразной нравственной патологией. Но от этого никому не легче. Сейчас, когда результаты «деятельности» Горбачева оказались столь трагичны для нашего Отечества, а его роль в этом даже непосвященному очевидна, с него как с гуся вода. Всмотритесь в его глаза, посмотрите на его поведение, послушайте, что он глаголет, — ни тени раскаяния. Хотя кому его раскаяние сейчас нужно!

Когда я стал председателем КГБ, а затем членом Политбюро ЦК КПСС и у меня появилась возможность и необходимость чаще с ним общаться, поближе наблюдать его, мое в целом положительное отношение к нему стало быстро меняться в худшую сторону. Сначала вызывали недоумение его отдельные высказывания, шаги, потом становилось все более очевидным

несоответствие между словами и делами. С одной стороны, говорил о преданности КПСС, чести быть ее членом, а с другой — всеми своими действиями наносил по ней один разрушительный удар за другим. Вдруг бросал: «Ничего с этой партией не сделаешь. С этим ЦК ничего не выйдет. Надо реформировать партию». Это не были слова, сказанные в пылу эмоционального накала. Это были пробные шары с намерением проверить реакцию людей, подготовить их к очередному роковому повороту.

Под лозунгом укрепления государственности он бил по плановым началам, централизации, разжигал местничество, националистические настроения, безудержно сносил союзные структуры, под корень рубил основы управления экономикой. Все это порождало в стране хаос, обусловливало стремительный рост социальной напряженности. Именно Горбачев своей политикой лишал Советский Союз всех его союзников и друзей, свел его роль как великой державы до уровня второразрядного государства, лишенного позиций, влияния и веса в мире, жалкого просителя кредитов.

Все больше и больше членов партии, советских людей начинали понимать, что надвигается большая беда, что страна идет к пропасти, но пороки внутрипартийной жизни, государственной системы делали их беззащитными перед лидером, оказавшимся не тем человеком, за кого он себя выдавал и кем он на поверку оказался. Беззащитность народа перед высшим руководителем! Не с этим ли мы сталкиваемся и сегодня?

В условиях жесткого цейтнота у перечисленных выше лиц созрела мысль собраться, обсудить обстановку и решить, что же делать, то есть попытаться найти выход из создавшегося положения.

17 августа 1991 года было решено собраться для этой цели на одном из объектов Комитета госбезопасности, который носил условное название АБЦ.

Примерно в 14 часов туда приехали Павлов, Бакланов, Шенин, Язов, Болдин и я. Во встрече принимали участие также заместители министра обороны СССР В.А. Ачалов и В.И. Варенников, заместитель председателя Комитета госбезопасности В.Ф. Грушко.

Всем было ясно, в какой момент мы собрались, и потому сразу же приступили к обсуждению ситуации.

Павлов подробно рассказал о положении в экономике, глубоком кризисе, в который страна уже вползла и который нас в самое ближайшее время в еще больших масштабах ожидает. Он подчеркнул, что на кредиты рассчитывать не приходится, нам их

просто не дают, потому что мы больше не платежеспособны. Советский Союз не имеет даже средств рассчитываться по процентам за ранее полученные кредиты. Импорта зерна не избежать, а это еще более усугубит положение. Премьер подчеркнул, что делится не личными впечатлениями, а передает оценку Кабинета министров СССР, с заседания которого он только что вернулся.

Я также проинформировал о ситуации в стране, об усилении социально-политической напряженности, росте центробежных тенденций, осложнении криминогенной обстановки. Я заметил, что еще пару лет назад мы говорили о начальных проявлениях организованной преступности, сейчас это уже реальность. Преступность не ограничилась рамками отдельных регионов страны, вышла за пределы государства.

В аналогичном духе выступали Язов, Шенин, Бакланов.

В числе прочего Язов сказал, что плохо обстоит дело с призывом в армию. Престиж армейской службы упал, а травля вооруженных сил, продолжающаяся уже несколько лет, делает свое дело. Молодежь отказывается идти в армию, укомплектованность отдельных воинских подразделений и целых родов войск снизилась до недопустимо низкой отметки.

Он также подчеркнул, что разоружение благодаря усилиям Шеварднадзе приобрело нежелательный для нас характер, идет с явным перекосом в пользу западных стран. Баланс вооруженности нарушен, это обусловливает снижение боеспособности вооруженных сил Советского Союза и затрагивает интересы безопасности государства.

Почти все говорили о плачевном положении в партии, отмечали, что она сбита с толку, коммунисты дезориентированы. Советы после отмены статьи 6 Конституции еще не успели набрать силу и обстановкой не владеют. Процветает местничество, снижается роль государственного и общественного секторов в экономике. Спекуляция самыми различными товарами приобрела настолько широкий размах, что угрожает экономическим основам государства. Если не принять действенных мер по прекращению дестабилизации в народном хозяйстве, то в ближайшее время снабжение населения ухудшится так резко, что приведет к усилению социальной напряженности. Проблема усугублялась резким сокращением жилищного строительства, причем повсеместно в городах и селах.

Отмечалось усиление сепаратистских настроений в Прибалтике, на Украине, в Грузии, Армении, других республиках. Даже в Белоруссии обстановка осложнилась, хотя эта республика до последнего времени считалась благополучной.

Подавляющая часть средств массовой информации вносит свою лепту в усиление разрушительных явлений, подхватывает любую клевету в адрес центра, подогревает сепаратистские настроения, выступает за развал Союза, обещая рай, если страна пойдет по пути непонятно каких экономических реформ, отказа от планирования, централизации, передачи все большего объема прав и полномочий из центра на места.

На встрече говорили о резком падении престижа Советского Союза в мире. Мы лишились друзей, впервые остались, по сути, в одиночестве. Если до Второй мировой войны Советский Союз имел дружественную Монголию, то сейчас мы бросили и ее, предали всех, включая Кубу, ни с одной страной нас уже не связывали союзнические отношения. Никто не ушел от нас сам, мы отказались от всех или поставили наших союзников в такие условия, когда их отход от СССР стал неизбежным. Разговоры об установлении партнерских связей с ведущими капиталистическими странами — блеф, рассчитанный на простачков.

Десять веков Отчизна шла к своему могуществу, к славе, достойному положению в мире, и вдруг полный провал! Таковы плоды так называемой перестройки.

Для участвовавших в этой встрече было очевидно, что после 20 августа пойдут обвальные процессы по всем направлениям жизни общества и государства. На этот счет поступала достоверная информация — с одной стороны, из различных уголков Советского Союза, а с другой — из многих стран мира по разведывательным и другим внешнеполитическим каналам.

В общем плане я сказал собравшимся о поступлении в Комитет госбезопасности настораживающей информации из-за рубежа, а про себя думал об одной свежей телеграмме, которую я получил от нашего разведчика-нелегала всего несколько дней назад. В донесении, адресованном лично мне, разведчик сообщал, что в ведущих капиталистических странах в ближайшее время ожидают самого тяжелого развития ситуации в Советском Союзе. «Речь идет, — писал он, — о прекращении существования нашего государства. Осведомленные источники говорят об этом как о факте, который наверняка свершится, потому что, судя по всему, в Москве никто не пытается предупредить такое трагическое развитие событий».

Сам нелегал отказывался понимать, почему нельзя помешать всему этому, почему не соблюдается Конституция Советского Союза, почему игнорируются итоги всенародного референдума 17 марта 1991 года, почему президент и те, кто работает вместе с ним, проявляют безволие, пустили дело на самотек, более того,

даже не говорят правды? Нелегал сообщал: под предлогом того, что наша страна чрезмерно велика и не в состоянии переварить занимаемое ею пространство, ставится под вопрос территориальная целостность Советского государства.

Кстати, одна ремарка по территориальному вопросу. Приведенные выше строки я писал еще в «Матросской тишине», а просматривал их 19 мая 1994 года. В этот день в телепрограмме Останкина «Новости» диктор шустро говорил об обременительности нахождения в составе России нашего далекого, но вместе с тем родного и близкого нам края — Чукотки. По словам комментатора, в последнее время Соединенные Штаты Америки и Канада оказывают чукотскому населению помощь в снабжении продовольственными и промышленными товарами. Получение помощи из этих стран, утверждал комментатор, обходится куда дешевле, чем если бы эта помощь поступала из России. По его словам, Чукотка страшно обременительна для России, которая вынуждена вкладывать в нее средства в три раза большие, чем получает от нее.

Вывод напрашивается сам собой — надо освободиться от Чукотки и передать ее США или Канаде.

Я слушал и диву давался подобной безответственности! Во-первых, комментатор говорит неправду. Чукотка дает России значительно больше, чем получает. Во-вторых, Чукотка — это государственная безопасность, это возможность беспрепятственно пользоваться проливом из Северного Ледовитого океана в Тихий. И в-третьих, при освоении этого действительно сурового края пролиты кровь и пот многих поколений русского и других народов. До недавнего времени Чукотка получала все необходимое и нормально существовала. Лишь в последнее время, из-за разорительной, бездумной политики в отношении этого края, население Чукотки доведено до весьма низкого жизненного уровня, а многие жители вынуждены уезжать, потому что не видят перспективы для дальнейшей жизни.

Десятки лет занимался я международными проблемами. Более или менее знаю обстановку в мире. И не помню ни одного случая, чтобы какое-нибудь государство, даже самое слабое, добровольно отдало хотя бы квадратный метр своей территории. Ни одно уважающее себя государство не позволяет покушаться на свою территорию, использует все возможности, все ресурсы, отстаивая, защищая ее!

Можно привести свежий пример. В 1954 году Хрущев, пользуясь тем, что в те времена в руках лидера КПСС была сосредоточена огромная власть, совершил незаконный акт и передал Крым Украине. Правда, Севастополь остался в составе

России.

Тогда этот номер прошел по одной причине — Советский Союз казался незыблемым, что делить между народами-братьями. В конце концов, какая разница, в составе какой республики будет находиться та или иная административно-территориальная единица, в данном случае Крым?

Прошло время, обстановка изменилась, и Киев потребовал разделить Черноморский флот между Россией и Украиной, отдать во владение Украины Севастополь и военно-морскую базу и вообще сделать так, чтобы в Крыму и духу российского не было.

Крымчане возмутились. Крымский вопрос обрел резонанс и в Российском государстве. И хотя нынешнему российскому режиму не жаль Крыма — ради сохранения власти можно было бы им поступиться, — тем не менее настроение общественности таково, что отказаться от Крыма — дело для России совершенно невозможное. Российское правительство, которое пойдет на этот шаг, будет обречено.

А как ведет себя украинская сторона? 20 мая 1994 года тогдашний министр обороны Украины Радецкий заявил, что Крым — это украинская территория, что Украина не позволит кому-либо покушаться на ее территориальную целостность и любой ценой будет отстаивать свои интересы. При этом Радецкий уточнил: «Чего бы нам это ни стоило!»

Видите, как четко и понятно говорят государственные мужи, когда речь заходит о территории?

Причем весь так называемый «цивилизованный» мир мгновенно заступился за «бедную» Украину, игнорируя спорность перехода Крыма в состав Украины в 1954 году. В адрес России из-за рубежа посыпались предупреждения о необходимости соблюдения территориальной целостности Украины, требования учитывать позицию Запада по этому вопросу. На Западе ведь не хотят усиления России и прекрасно отдают себе отчет в том, что территориальный вопрос — это то направление, где можно наиболее существенно ослабить любое государство, в том числе и Российское, с тем чтобы в будущем (недалеком) выстроить уже целую цепочку территориальных притязаний к России и со временем, при определенных обстоятельствах, создать возможность вынашивающим эти притязания странам приступить к их реализации.

А кое-кому в Москве, оказывается, в тягость стала Чукотка!

Итак, вернемся к упомянутой встрече 17 августа 1991 года. Шел мучительный поиск выхода из создавшегося положения. На той встрече не было вице-президента СССР Янаева, Председателя Верховного Совета Лукьянова, но все знали их принципиальную

патриотическую позицию. Была уверенность в том, что они также проявляют большую озабоченность и наверняка думают над теми же проблемами, что и мы.

С тяжелым грузом на душе решили все-таки еще раз обратиться к Горбачеву с призывом верно оценить ситуацию и принять меры к спасению Отечества, отказаться от подписания Союзного договора в том виде, в каком он был представлен, потому что развал Советского Союза в этом случае был очевиден. Оставалась все же и небольшая надежда на то, что Горбачев должен понять и выполнить свой президентский долг, к которому его обязывала Конституция СССР, клятва, данная им при вступлении в должность президента.

Какое решение примет Горбачев? Никто из собравшихся не имел на этот вопрос однозначного ответа. Но было большое желание предпринять еще один шаг, еще раз обратиться к Горбачеву и попытаться убедить его. Условились еще раз собраться и обсудить принятое президентом решение. Там же наметили состав группы для поездки в Форос. В нее вошли Бакланов, Шенин, Болдин, Варенников и Плеханов.

Плеханов должен был выехать, как начальник Девятого управления КГБ, ответственный за безопасность президента СССР. Исходили из того, что, возможно, Горбачев вылетит в Москву и тогда присутствие Плеханова будет тем более необходимо. Я дал поручение Плеханову сопровождать товарищей, не посвятив его в детали вопроса. Тянуть было нельзя, и договорились о том, что группа вылетит в Форос на следующий день — 18 августа 1991 года.

Окончательно определили цель — доложить Горбачеву обстановку, посоветоваться с ним и попытаться получить от него конкретные соображения относительно того, какие меры он намерен предпринять для спасения государства. Решили, что сразу по возвращении из Крыма группы встретимся в Кремле — для того чтобы окончательно определиться.

Одновременно условились предпринять некоторые меры — на случай, если придется пойти на введение чрезвычайных мер, как того требуют обстоятельства. Разумеется, в случае развития ситуации в таком направлении предполагалось обратиться к народу, объяснить ситуацию в стране и причины чрезвычайных мер.

Для решения текущих задач следовало создать какой-то орган или комитет, названия его тогда еще не было. Возможно, это будет форма президентского правления. Над этим договорились подумать. Было также сочтено необходимым подготовить проект постановления от предполагавшегося органа

с определением неотложных мер по нормализации обстановки и о первоначальных мерах по выходу из кризиса.

На случай провокаций деструктивных сил, организации ими общественных беспорядков правоохранительные органы должны были продумать меры по пресечению их действий, при этом не исключалась возможность задержания отдельных экстремистски настроенных элементов. Поскольку подобные документы ранее по поручению Горбачева составлялись, неоднократно дорабатывались, то не составляло особого труда довести их до окончательной редакции.

Мы были глубоко убеждены в том, что с самого начала поступаем в строгом соответствии с Конституцией СССР, в рамках существующего советского законодательства, а те, кто пытается разрушить Союз, действуют вопреки законам. Право и правда были на нашей стороне. Никто из названных мною лиц ничего лично для себя не искал, не преследовал никаких корыстных целей. Все руководствовались высшими интересами государства, подчиняя им свои личные интересы.

Исходили из различных вариантов реакции Горбачева на предложения, с которыми поехала группа. Реально оценив ситуацию, он мог дать согласие на введение чрезвычайных мер, то есть на реализацию своего же предложения, даже пойти на президентское правление и тем самым сделать шаг в сторону приостановления губительных тенденций. Он мог пойти и на репрессивные меры в отношении выезжавших к нему лиц, поставив, таким образом, под вопрос их безопасность. Но наиболее вероятный вариант состоял в том, что Горбачев, как всегда, не скажет ни «да», ни «нет» и сохранит за собой возможность принять окончательное решение в зависимости от того, как будут развиваться дальнейшие события.

Не исключалось, что он откажется вылететь в Москву, предпочтет остаться в Форосе, сославшись на какие-нибудь причины, для того чтобы выждать и не проиграть лично в принятии окончательного решения.

При этом для всех было ясно, что Горбачев будет заботиться главным образом о политическом самосохранении. Нам казалось важным дать ему возможность остаться как бы в стороне. Но в то же время у нас были опасения, что Горбачев попытается выйти на своего «друга» Буша, чтобы на всякий случай заручиться его поддержкой.

Исходя из этих соображений еще до прибытия группы наших товарищей в Форос я дал указание отключить связь у Горбачева и тем предупредить развитие ситуации в резиденции в нежелательном направлении. В соответствии с моим

распоряжением все виды правительственной связи были отключены за несколько минут до встречи с Горбачевым приехавших из Москвы.

Те, кто остался в Москве, в ожидании результатов встречи с Горбачевым еще раз «прокручивали» обстановку в стране, уточняли наиболее важные моменты ее развития, выясняли, какая ситуация складывается в различных регионах Советского Союза.

Не раскрывая существа предполагавшихся мер и, более того, не ставя об этом в известность своих подчиненных по работе, я встретился с руководителями КГБ различных уровней и еще раз обсудил с ними обстановку. Все их суждения были тревожными, безрадостными.

Переговорил с руководителями ряда местных органов. Обстановка аналогичная — ничего утешительного. Недоумение, непонимание по поводу бездействия центра, резко негативное отношение к опубликованному Союзному договору.

Российское руководство не скрывало своих намерений и далее «укреплять суверенитет и независимость» Российского государства и отводило дальнейшему существованию Советского Союза всего несколько дней. В открытую говорилось о необходимости ликвидации союзных структур, что должно было последовать сразу после 20 августа.

Особенно тревожная информация продолжала поступать из Прибалтики, где резко ухудшилось отношение к иноязычным, не только к русским, но и представителям других национальностей. Все громче заявляли о себе так называемые «бывшие», особенно те, кто принимал активное участие в бандподполье. Они уже не скрывали своих контактов с загранцентрами, с иностранными спецслужбами, выдвигали задачу выхода из Советского Союза и изменения существовавшего социально-политического строя.

На установленный порядок выхода из Союза, который предусматривал целый комплекс мер и временной срок до семи лет, никто, попросту говоря, не обращал внимания. Планы по выходу из Союза готовились осуществить явочным порядком. Угрозы в адрес иноязычного населения раздавались громогласно, причем речь шла не об оскорблениях, а о намерениях совершить террористические акции. Уже имели место случаи избиения. Поскольку жить становилось небезопасно, начался отток иноязычного населения из Прибалтийских в другие советские республики.

Словом, по всей стране ничего утешительного. Это подтверждало правильность нашего анализа относительно перспектив развития событий в самые ближайшие дни, не говоря уже о более отдаленном времени.

Первое сообщение о характере и результатах встречи с Горбачевым я получил от выезжавших товарищей из машины на обратном пути следования из Фороса на аэродром Бельбек. Затем была связь с самолетом.

Как и ожидалось, ответ был таков: и «да» и «нет». Рукопожатия на прощание, заключительные слова Горбачева: «Валяйте, действуйте!» По мнению Болдина, через несколько дней Горбачев однозначно должен был склониться к положительному решению. Сейчас же он вроде решил выждать, посмотреть, как будет развиваться обстановка, чья возьмет. Короче говоря, напрашивался вывод: как только Горбачев убедится в успехе выступления и меры чрезвычайного характера дадут первые положительные результаты, он открыто и самым активным образом поддержит их.

После отлета группы настроение у Горбачева было нормальное, на вечер он заказал приключенческий фильм. На просмотре фильма был со всей семьей, затем — ужин с винами по его заказу. В общем, все как обычно. Видимых перемен в настроении Горбачева, в распорядке его отдыха и режима в последующие дни охранявшие его сотрудники также не заметили. К отключению телефонной связи он отнесся довольно спокойно, как к шагу, продиктованному заботой о его «имидже», желанием предоставить ему возможность побыть как бы в стороне до того дня, когда в стране воцарится элементарный порядок, и людям будет предложена программа выхода из губительного кризиса. Вся его личная охрана осталась при нем, никаких ограничений в передвижении не было. О своих дальнейших планах он не распространялся. Тот факт, что к нему приехали из Москвы посоветоваться, говорил о многом, ничто не угрожало его личной безопасности. Последнее для него было определяющим.

Забегая вперед, следует сказать, что подобная линия ГКЧП в отношении Горбачева была нашей грубейшей ошибкой. Выступившие 19 августа на заботе об «имидже» Горбачева потеряли многое, а главное, не обрели доверия и активной поддержки значительных масс населения. Дело даже не в том, что к тому времени авторитет Горбачева дошел практически до нулевой отметки. Тогдашний президент СССР уже прочно встал на путь разрушения Советского государства, повязал себя с определенными силами внутри страны и за ее пределами. Таким образом, отступать он не только не хотел, но и не мог, думая лишь о том, как выкрутиться из этой ситуации с наименьшими издержками лично для себя. В результате этого ГКЧП разом лишил себя возможности проводить последовательную и решительную политику и таким образом показать обществу и

миру, что он порывает со всем тем, что привело сверхдержаву к краху. Понимание этого пришло, к сожалению, слишком поздно, а тогда мы еще не были до конца свободны от иллюзий, сомнений, мучительных раздумий о Горбачеве, еще надеялись, что он встанет на путь оздоровления обстановки и предупредит самое страшное — развал государства.

18 августа около восьми часов вечера мы собрались в Кремле — Павлов, Язов, Пуго, днем вернувшийся из Крыма, где он отдыхал; несколько позже подъехали Янаев, Прокофьев, бывший тогда первым секретарем Московского городского комитета КПСС, и я. Ждали возвращения товарищей из Фороса. Тем временем Павлову еще днем удалось созвониться с Лукьяновым и попросить его приехать в Москву. Часов в десять вечера подъехал в Кремль и Лукьянов.

Около 11 вечера вернулись товарищи из Фороса. Никто не ждал каких-либо сенсаций, реакцию Горбачева можно было просчитать. И когда товарищи рассказали, что прямой санкции на введение чрезвычайного положения Горбачев не дал, но после беседы обронил фразу «Что ж, валяйте, действуйте», — все поняли, что это в духе Горбачева, что он остался верен себе: в любой острой ситуации никогда не давать определенного ответа.

В целом, по оценке беседовавших с Горбачевым лиц, последний вел себя спокойно, разговаривал, можно сказать, по-товарищески. На предложение поехать в Москву отказался, сославшись на неважное самочувствие и необходимость принятия еще некоторых процедур.

Всем было ясно: в этот критический момент рассчитывать на Горбачева — дело зыбкое, мешать он не станет, подождет развития событий, а потом будет действовать в зависимости от развития обстановки с одинаковой силой как против, так и за. В этом — его цинизм и коварство.

Предстояло принять тяжелейшее, но исторически ответственное решение, касающееся судьбы Союза. Если оставаться в роли свидетелей, то крушение СССР неизбежно, и тогда мы тоже будем виновниками происшедшего. Речь шла о том, чтобы уберечь Союз от действий весьма незначительной по числу группы высокопоставленных руководителей государства и некоторых союзных республик.

Нас одолевали противоречивые раздумья. Мы понимали необходимость этого шага, но вместе с тем нас мучили сомнения: поймут ли нас советские люди, сможем ли мы доказать неизбежность такого выбора? Думали над вопросом, как отнесутся к чрезвычайным мерам высшие законодательные органы страны. Не спровоцируют ли экстремистские силы

кровавые конфликты, резкое осложнение обстановки? Размышляли и над тем, все ли сделано для спасения Отчизны, помимо мер чрезвычайного характера? Ответ на последний вопрос пришел быстро. Было предпринято все, включая последнюю поездку к президенту! Ничто не помогло, ничто не принесло спасения. Впереди лишь трагический финиш державы, до которого, если оставаться в бездействии, всего лишь двое суток.

Была относительно твердая уверенность в том, что Верховный Совет и Съезд народных депутатов СССР поймут наш шаг, по крайней мере, должны понять. Ведь народным избранникам, в конце концов, не может быть безразличной судьба народа, судьба самих высших законодательных органов страны, конец которых также неизбежен, после чего они уже окажутся не в состоянии что-либо предпринять, чему-либо помешать.

Правда, смертельная опасность, если она не глядит в глаза человеку, не ощущается как нечто реальное. Человек в такие минуты продолжает жить в мире свойственных ему иллюзий, ложных надежд и далеко не всегда прибегает к решительным мерам, которые, по сути, являются единственным спасением.

Меня лично не покидала мысль, что ценность Союза для миллионов людей не сравнима ни с чем. Она дороже всех высших руководителей, вместе взятых.

Все присутствовавшие на встрече в Кремле вечером 18 августа понимали остроту шага, его государственную правомерность и поэтому выразили согласие. Мы обратились к вице-президенту СССР Янаеву с просьбой взять на себя исполнение обязанностей президента.

Для Геннадия Ивановича этот момент был, пожалуй, самым тяжелым в его жизни. Стремление спасти общее сопровождалось огромным риском для него лично. Все это отчетливо понимали, понимал это и Янаев.

Состояние здоровья Горбачева в тот момент, его жалобы на недомогание подсказали нам возможность прибегнуть к ссылке на его болезнь. Разумеется, самочувствие Горбачева не было настолько опасным, чтобы послужить причиной его отстранения от исполнения обязанностей президента. Однако желание сохранить его лицо, дать ему возможность на какое-то время остаться в стороне от предстоящих событий обусловили появление в официальном документе ссылки на болезнь Горбачева как предлога для обоснования временной передачи дел вице-президенту.

Предполагалось в самые ближайшие дни внести в этот вопрос полную ясность, и, кстати говоря, во время пресс-конференции на

следующий день, 19 августа, Янаев выразил надежду, что в самое ближайшее время Горбачев поправится и приступит к работе.

Итак, в ночь на 19 августа 1991 года был принят ряд документов, на которых представляется целесообразным кратко остановиться. Уверен, что к этим документам история еще не раз вернется и их положительное значение будет должным образом оценено. Во всяком случае, они свидетельствовали о намерении группы лиц из числа высшего советского руководства предпринять отчаянную попытку спасти державу и уберечь наш народ от бед, которые так щедро свалились на него. Причем в тот момент лица, подписавшие документ, и не подозревали, каких огромных масштабов достигнут эти беды: они превзошли самые мрачные прогнозы.

Первый документ — Указ вице-президента СССР Г.И. Янаева по поводу вступления в исполнение обязанностей Президента. В нем говорится: «В связи с невозможностью по состоянию здоровья исполнения Горбачевым Михаилом Сергеевичем своих обязанностей Президента СССР, на основании статьи 127 (7) Конституции СССР вступил в исполнение обязанностей Президента СССР с 19 августа 1991 года».

Датирован указ 18 августа 1991 года. Причины появления такого указа я уже объяснил.

Следующий документ — «Заявление советского руководства» о введении в стране чрезвычайного положения в отдельных местностях СССР на срок 6 месяцев с 4 часов по московскому времени 19 августа 1991 года». В заявлении указываются причины и цели этой меры. В частности, говорится, что введение чрезвычайного положения предпринято в целях преодоления глубокого и всестороннего кризиса, политической, межнациональной и гражданской конфронтации, хаоса и анархии, которые угрожают жизни и безопасности граждан Советского Союза, суверенитету, территориальной целостности, свободе и независимости Отечества.

В этом же заявлении устанавливается, что на всей территории СССР безусловное верховенство имеют Конституция СССР и законы Союза ССР.

В пункте 3 этого заявления говорится, что для управления страной и эффективного осуществления режима чрезвычайного положения необходимо образовать Государственный комитет чрезвычайного положения в СССР (ГКЧП СССР) в следующем составе: Бакланов О.Д. — первый заместитель председателя Совета обороны СССР, Крючков В.А, — председатель КГБ СССР, Павлов В.С. — премьер-министр СССР, Пуго Б.К. — министр внутренних дел СССР, Стародубцев В.А. — председатель

Крестьянского союза СССР, Тизяков А.И. — президент Ассоциации государственных предприятий и объектов промышленности, строительства, транспорта и связи СССР, Язов Д.Т. — министр обороны СССР, Янаев Г.И. — и. о. Президента СССР.

Заявление, датированное 18 августа 1991 года, подписали Г. Янаев, В. Павлов и О. Бакланов.

Состав ГКЧП был определен там же, в Кремле, 18 августа. Особых разногласий по его составу не было. Кто-то внес предложение включить в состав Комитета председателя Верховного Совета СССР Лукьянова А.И., однако было признано целесообразным не делать этого, поскольку Анатолий Иванович представлял законодательную власть, а она должна была быть в стороне, потому что именно ей предстояло в самое ближайшее время решить вопрос об отношении к созданному ГКЧП, подтвердить или, наоборот, не дать полномочий для действий этого органа.

Обсуждался также вопрос о включении в состав ГКЧП министра иностранных дел СССР А.А. Бессмертных.

В то время он отдыхал в Белоруссии. Я нашел его, сославшись на ряд обстоятельств, каких не раскрывал, попросил срочно приехать в Москву. Он дал согласие и военным самолетом прибыл в Москву. В Кремле он появился часов в десять вечера, в общих чертах его ввели в курс дела.

Конечно, можно было понять состояние человека, который и не подозревал, с какой целью его пригласили в Москву. По ходу разговора он внутренне решал для себя вопрос об отношении к созданному комитету, к возникшей ситуации и тем выводам, к которым мы пришли.

Он не высказал положительной или отрицательной реакции на созданный комитет, но возразил против включения своей кандидатуры в список его участников, поскольку нетрудно было предвидеть реакцию в мире на происходящие события в Советском Союзе и то, что его участие в составе ГКЧП затруднило бы контакты и связи Министерства иностранных дел с представителями зарубежных стран. Эти сомнения и опасения были разумными, с ними согласились все присутствовавшие товарищи. Таким образом, вопрос о вхождении Бессмертных в ГКЧП отпал.

Состав ГКЧП говорит о том, что в него вошли руководители высшего эшелона власти, занимавшие ключевые позиции. Вопросы существования Советского государства для них не были праздными: по долгу службы они обязаны были проявлять об этом заботу и нести ответственность. Высшие органы власти — Верховный Совет и Съезд народных депутатов СССР вправе были

спросить именно с этих лиц за судьбу Союза, потому что Основным законом — Конституцией СССР именно на них возлагалась ответственность за жизнедеятельность и безопасность государства.

Созданный Государственный комитет по чрезвычайному положению принял «Обращение к советскому народу». Это документ, адресованный разуму и сердцам патриотов, призывающий тех, кому дорого Отечество, прозреть, оценить обстановку и поддержать стремление остановить произвол и творившиеся беззакония.

«Соотечественники! Граждане Советского Союза!» — так начиналось обращение.

«В тяжкий, критический для судеб Отечества и наших народов час обращаемся мы к вам! Над нашей великой Родиной нависла смертельная опасность! Начатая по инициативе М.С. Горбачева политика реформ, задуманная как средство обеспечения динамичного развития страны и демократизации общественной жизни, в силу ряда причин зашла в тупик. На смену первоначальному энтузиазму и надеждам пришли безверие, апатия и отчаяние. Власть на всех уровнях потеряла доверие населения. Политиканство вытеснило из общественной жизни заботу о судьбе Отечества и гражданина. Насаждается злобное глумление над всеми институтами государства. Страна, по существу, стала неуправляемой».

Поздно вечером 18 августа 1991 года было принято «Обращение к главам государств и правительств и генеральному секретарю Организации Объединенных Наций».

В нем сообщалось, что 19 августа 1991 года в соответствии с Конституцией и законами СССР в отдельных местностях Союза Советских Социалистических Республик сроком на 6 месяцев вводится чрезвычайное положение.

Подчеркивалось, что принимаемые меры являются временными, что они никоим образом не означают отказа от курса на глубокие реформы во всех сферах жизни государства и общества.

Отмечалось, что «временные меры чрезвычайного характера ни в коей мере не затрагивают международные обязательства, принятые на себя Советским Союзом в соответствии с действующими договорами и соглашениями… Мы уверены, что наши нынешние трудности носят преходящий характер, и вклад Советского Союза в сохранение мира и укрепление международной безопасности будет по-прежнему весомым. Руководство СССР надеется, что временные чрезвычайные меры найдут должное понимание со стороны народов и правительств,

Организации Объединенных Наций». «Обращение» было подписано исполняющим обязанности президента СССР Янаевым.

На следующий день это «Обращение» было по посольским каналам направлено в страны, где были наши представительства, для последующей передачи адресатам.

Разумеется, мы не ожидали немедленной реакции на «Обращение», понимали, что требуется время для обдумывания, для выработки позиции каждой страной и группой стран, потому исходили из того, что время сделает свое дело и реакция последует позже.

…18 августа было принято также «Постановление № 1 Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР». Оно содержало перечень неотложных мер, которые предстояло реализовать в интересах стабилизации обстановки и приостановления падения общества и государства в пропасть.

Пункт 2 гласил: «Незамедлительно расформировать структуры власти и управления, военизированные формирования, действующие вопреки Конституции СССР и законам СССР».

Представим себе на мгновение, что это положение было бы реализовано. Сколько человеческих жизней можно было бы сохранить. Понятно, что сослагательное наклонение не лучшая форма для большой политики, однако обрушившиеся на нас жертвы и разрушения оправдывают использование такого приема, и людям сегодня особенно очевидно, от какой беды ГКЧП хотел уберечь нашу державу.

Рано утром 19 августа 1991 года, перед оглашением документов ГКЧП, по телевидению и радио было зачитано заявление председателя Верховного Совета СССР. Этот документ был подготовлен Лукьяновым не 18 августа, а несколько раньше — 16 августа 1991 года и содержал в себе его принципиальную позицию, оценку создавшегося положения в Советском Союзе и характеристику возни, связанной с разработкой проекта нового Союзного договора и его предстоящим подписанием. Лукьянов не скрывал своего несогласия с рядом принципиальных положений проекта нового Союзного договора и говорил об этом открыто, в том числе и Горбачеву.

В принципе поддержав идею заключения нового Союзного договора, Лукьянов подчеркнул его несоответствие с итогами всенародного референдума от 17 марта 1991 года. Он отметил, что абсолютное большинство граждан страны высказалось за сохранение Союза Советских Социалистических Республик как обновленной федерации равноправных суверенных государств. Однако итоги референдума не нашли своего отражения в подготовленном проекте нового договора.

«Естественно, — говорилось в заявлении Лукьянова, — что данный вопрос, несомненно, потребует дополнительного обсуждения Съездом народных депутатов СССР, а возможно, и всесоюзного референдума, связанного с принятием новой Конституции».

После одобрения названных выше документов и решения неотложных текущих задач собравшиеся в Кремле постепенно стали разъезжаться. Кто в полночь, а кто и позже. У каждого из нас дел и забот было много.

По линии Министерства обороны, Министерства внутренних дел, Комитета госбезопасности предстояло в считаные часы реализовать принятые в ГКЧП решения о вводе воинских подразделений в Москву. Цель этой меры была в общем-то единственная — предупредить возможные попытки экстремальных групп учинить беспорядки, спровоцировать кровавые конфликты.

При обсуждении вопроса о вводе войск в столицу было категорично оговорено: в случае возникновения опасности кровопролития, человеческих жертв выступление ГКЧП будет прекращено на любой стадии.

Войска вошли в Москву в первой половине дня 19 августа. Высокая степень боеготовности вооруженных сил позволяла в то время решить такого рода задачу в считаные часы.

Принятые решения психологически облегчили душу, однако наложили на нас еще большее бремя ответственности.

Уже за полночь Шенин передал утвержденные на ГКЧП материалы средствам массовой информации, чтобы их утром 19 августа обнародовали по телевидению, радио и опубликовали в центральных газетах.

Представители средств массовой информации принимали поручение к исполнению с готовностью, с пониманием важности исторического момента, и это тоже придавало нам уверенности.

Примерно в два часа ночи 19 августа я вернулся в Комитет госбезопасности. Ожидавшие меня товарищи не знали всего, но, разумеется, ощущали необычность происходящего. Удалось часа полтора отдохнуть, в семь часов утра я был уже за рабочим столом.

Утром собрал совещание руководящего состава, рассказал о событиях последней ночи, принятых документах, попросил всех быть на месте и выполнять возложенные на них задачи. Совещание было кратким, усталость еще не прошла, забот и дел — уйма, поэтому никаких прений не было. Кстати, на совещании я счел нужным сказать, что всю ответственность за развитие событий в той части, которая касается Комитета госбезопасности,

я беру лично на себя. Этой позиции я придерживался на протяжении всего следствия и на судебном процессе по делу.

А тем временем по радио и телевидению стали передавать документы ГКЧП. Посыпалась масса звонков. Звонили из Москвы, Московской области, из других регионов. Потоком лились слова поддержки, желали успехов, предлагали услуги и помощь.

Высказываний по телефону в поддержку позиции ГКЧП было невероятно много — личных и коллективных. Поначалу я на отдельном листочке делал пометки, имея в виду в последующем прибегнуть к помощи тех, кто предлагал свое содействие. Затем я прекратил фиксировать это, а 21 августа перед отлетом в Форос уничтожил записи, дабы не осложнять судьбы тех, кто поддержал ГКЧП.

19 августа произошел первый сбой в работе ГКЧП: заболел премьер-министр Павлов. Дело в том, что 18 августа условились на следующий день провести встречу с российским руководством, а точнее с Ельциным. Встречу намеревались провести или в загородной резиденции Ельцина, или на его рабочем месте — в зависимости от того, как сложатся обстоятельства. Полагали, что на встречу пойдут Павлов и еще два представителя ГКЧП — Бакланов и Язов.

Однако Павлова свалил тяжелый гипертонический криз, и утром 19 августа он был практически неработоспособен.

Накануне, 18 вечером, Ельцин прилетел из Алма-Аты, где находился с визитом, и из аэропорта проследовал в дачный поселок Архангельское. По моему поручению сотрудники группы «Альфа» осмотрели дачный поселок в Архангельском, что в 15 километрах от Москвы, на предмет обеспечения безопасности встречи с президентом России. Обстановка была нормальной и никаких опасений не вызывала.

Шло время, но ни в восемь, ни в девять часов утра Павлова не было. Вскоре доложили, что состояние его неважное. Пока мы думали, как поступить, Ельцин в одиннадцать часов проследовал в Белый дом — здание Верховного Совета РСФСР.

Сколько в последующем было различного рода спекуляций по поводу обстановки вокруг Ельцина вечером 18 и утром 19 августа! Якобы группа «Альфа» намеревалась арестовать Ельцина по пути следования из аэропорта Внуково в Архангельское. И вообще, самолет, следовавший из Алма-Аты, Комитет госбезопасности и Министерство обороны намеревались якобы посадить не в аэропорту Внуково, а на военном аэродроме Чкалово, для того чтобы там арестовать Ельцина. Затем будто бы в ночь на 19 августа Ельцина хотели уничтожить в дачном поселке. По следующей версии Ельцина собирались арестовать 19

августа и не допустить его прибытия в здание Верховного Совета РСФСР.

Выезд Ельцина из дачного поселка утром 19 августа и его приезд в Белый дом преподносились чуть ли не как героический поступок российского президента в условиях посягательств на его жизнь со стороны Комитета госбезопасности. Много было высказано и других домыслов.

Несмотря на то что события опровергали эти слухи, клеветнические утверждения, спекуляции вокруг них продолжались. Средства массовой информации, ближайшее окружение Ельцина делали все возможное, чтобы создать героический образ российского президента.

В ходе следствия сотрудники прокуратуры из кожи лезли вон в стремлении подтвердить хотя бы одну из приведенных выше версий. Но из этого ничего не получалось.

На самом деле все обстояло иначе. Сотрудники Комитета госбезопасности в ночь на 19 августа вступили в контакт с личной охраной президента Российской Федерации и сказали им, что имеют поручение обеспечить безопасные условия проведения встречи на высоком уровне между руководством Союза и России. Это делалось в открытую, ни от кого не скрывалось. Естественно, в ГКЧП и в КГБ испытывали серьезные опасения по поводу возможности провокации с нежелательными последствиями, и на этот случай приняли необходимые меры безопасности. Кстати, в этом не было ничего необычного, поскольку полностью укладывалось в рамки служебной деятельности при решении охранных задач.

Когда Ельцин в сопровождении нескольких машин решил проследовать к месту своей работы, ему никто не мешал, никто не препятствовал. И никакого риска для его личной безопасности не было.

Как только Ельцин покинул Архангельское и стало ясно, что из-за болезни Павлова встреча с Ельциным не состоится, вся комитетская охрана, включая группу «Альфа», была снята. Вот и все, что произошло.

Конечно, никаких трудов не составляло бы задержать Ельцина, сопроводить его, как утверждалось некоторыми, в другое место, не допустить проезда в Москву и вообще сделать все что угодно. Но таких намерений не было, а всякие слухи на этот счет были чистейшей воды провокацией, дабы представить ГКЧП в виде какого-то монстра, готового совершить любое злодеяние, а Ельцина и его приближенных как героев.

Уже позже меня как председателя Комитета госбезопасности многие осуждали за нерешительность, в частности по отношению

к Ельцину. Что ж, трудно возражать после всего случившегося с нашей страной. Но разве в августе 1991 года была очевидна для значительной части граждан глубина падения и разрушения державы? Прозрение наступило позже, под влиянием трагической реальности.

А в те дни в наши планы не входили жесткие меры по отношению к Горбачеву и Ельцину.

С самого начала российское руководство, и прежде всего его высший эшелон в лице Ельцина, Руцкого, Хасбулатова, Силаева, Бурбулиса и некоторых других, встали на путь острой конфронтации с ГКЧП. Его действия объявили незаконными, а членов ГКЧП и хоть в какой-то степени причастных к нему лиц — изменниками Родины, чем предопределили все дальнейшие действия Прокуратуры России. Так что вопрос о возбуждении уголовного дела, квалификации действий членов ГКЧП был предрешен российским руководством, а то, что это является прерогативой другой, судебной власти, в тот момент, да и в дальнейшем никого не смущало.

Подобное поведение российского руководства объяснялось просто. 20 августа прекратил бы свое существование Советский Союз, Договор о союзном государстве 1922 года, что давало бы России «вольную» от ненавистного центра. И вдруг достижение столь желанной цели ставилось под вопрос!

Выше я уже упомянул, что 21 августа должно было состояться заседание Совета Федерации, однако Ельцин в разговоре с Горбачевым прямо заявил, что никакого Совета не будет, ибо Союз прекратит существование и, следовательно, никакие союзные структуры действовать не должны.

Таким образом, все действия российского руководства с самого начала были продиктованы стремлением не сохранить Советский Союз и придать ему новое дыхание, а, наоборот, довершить работу по его разрушению. Доказать обратное невозможно, потому что все последующее развитие событий лишь подтверждает этот вывод.

Тактика российского руководства в отношении ГКЧП в общем-то имела двойственный характер и позволяла искать выходы из создавшегося положения в зависимости от развития событий. Официальная позиция — осуждение ГКЧП, его деятельности, объявление его вне закона. В неофициальном же плане представители российского руководства старались установить закрытые контакты с лицами, действовавшими в рамках ГКЧП, стремились сгладить ситуацию, снять острые вопросы и создать видимость рабочего обсуждения возникших проблем с целью поиска приемлемых вариантов их решения.

Чувствовалось, что они напуганы обстановкой, опасаются влияния ГКЧП и его усиления, боятся возможных жестких мер в отношении тех, кто выступил против созданного Комитета.

19—20 августа 1991 года ГКЧП провел ряд заседаний, совещаний и тотчас же столкнулся с лавиной вопросов и проблем. У многих в центре и на местах появилась надежда остановить кризисные явления, поправить положение в стране, оживить экономику, помочь селу. В ближайшие дни предполагалось обсудить программу действий в области сельского хозяйства, принять меры по борьбе с преступностью и в срочном порядке навести порядок хотя бы на улицах и в общественных местах, где от бандитов и хулиганов не было покоя. С наступлением темноты люди боялись выйти на улицу, отказывались работать в ночных сменах. Чувствуя безнаказанность, преступники наглели, их ряды, к сожалению, все в большей мере пополнялись молодежью.

В середине дня 19 августа на заседании ГКЧП появился Павлов. Бросилось в глаза его болезненное состояние. И немудрено: давление за 220, аритмия сердца, головные боли. Чувствовалось, что ему трудно воспринимать разговор, как говорится, «врубаться» в него. Как раз речь шла о предстоящей пресс-конференции. Конечно, участие в ней Павлова исключалось, как и его участие в текущей работе. Это в корне меняло ситуацию. Через несколько минут Павлов покинул заседание ГКЧП, он спешил в Совмин, куда все-таки отважился сходить, несмотря на плохое самочувствие.

А тем временем российское руководство не дремало. Ельцин обратился к гражданам России с призывом начать всеобщую политическую стачку, организовывать забастовки, митинги протеста, акты неповиновения.

Сработай этот призыв, и дело могло принять самый неблагоприятный оборот; в ГКЧП это хорошо понимали. Однако поступавшая в то время с мест информация обнадеживала. Призыв к стачкам, забастовкам, митингам не нашел поддержки. В течение 19 и 20 августа по всему Советскому Союзу с населением почти 300 миллионов человек в забастовках и митингах приняли участие не более 150–160 тысяч человек, и то условно. Нередко на митингах присутствовали те, кто активно поддерживал ГКЧП, многие приходили просто из любопытства.

Самый большой митинг, на котором присутствовало около 50 тысяч человек, прошел в Ленинграде 20 августа. Однако устроители митинга не могли не понимать, что он не носил однозначной направленности против ГКЧП.

Одновременно в Кремль шли массовым потоком телеграммы, письма, звонки с поддержкой образования ГКЧП и его первых

шагов. С мест раздавались требования более решительных мер, конкретных действий по нормализации ситуации. Поступали телеграммы и с осуждением создания ГКЧП, но их было значительно меньше. Комитет не встретил противодействия в сколько-нибудь существенных масштабах, наоборот, он ощутил активную поддержку, хотя и при пассивном отношении значительной части населения.

Для решения текущих задач 20 августа в ГКЧП была создана группа по координации, обработке поступающей информации и подготовке рекомендаций, конкретных предложений во главе с Бакланов. В эту группу вошли представители ряда министерств, ведомств, аппарата Кабинета министров. Она приступила к работе сразу после создания.

Однако из-за болезни Павлова не работал Кабинет министров. В.И. Щербаков, которому Павлов поручил исполнять обязанности председателя правительства, был для этой роли самой неподходящей фигурой. Его политическая ориентация никогда не отличалась четкостью и откровенностью. В этом отношении он был непредсказуем. Точнее, можно было безошибочно предположить, что его деятельность примет негативный характер. Так оно и случилось.

Российское руководство занервничало. Тогда оно предприняло еще один шаг.

20 августа в Кремле у Лукьянова состоялась встреча с Руцким, Хасбулатовым и Силаевым. Они пришли заявить требования, которые сводились к прекращению деятельности ГКЧП, возвращению в Москву Горбачева, но особых угроз при этом не высказывали. У Лукьянова создалось впечатление, что требования не носили ультимативного характера, это объяснялось отсутствием у российского руководства рычагов воздействия на ГКЧП и на обстановку в стране в целом.

Уже позднее стало известно, что поход Руцкого, Хасбулатова и Силаева к Лукьянову рассматривался ими как прощание с жизнью. Российские руководители всерьез полагали, что в Кремле их могут подвергнуть аресту или сделать с ними что-нибудь посерьезнее. И когда они совершенно беспрепятственно проехали в Кремль, увидели там обычную, нормальную, деловую обстановку, характерную для будничных дней, когда их всюду без всяких помех пропускали, а во время беседы с Лукьяновым угостили чаем, их настроение изменилось. После встречи они совершили небольшую прогулку по Кремлю и спокойно вернулись в Белый дом. Но, видимо, не это нужно было российскому руководству.

Накануне, 19 августа, Ельцин произнес известную,

облетевшую весь мир речь с танка у Белого дома. Он осудил ГКЧП, призвал к сопротивлению, к защите Белого дома, хотя никто на него и не собирался нападать.

В разное время у Белого дома находилось от 3–4 до 30–35 тысяч человек. Это были как лица, активно поддерживавшие российское руководство, так и люди, оказавшиеся там из любопытства.

Конечно, среди лиц, находившихся в те дни у Белого дома, было немало сбитых с толку, заблуждавшихся. Они верили в то, что защищают идеалы свободы, и, следовательно, оказались там по зову сердца.

Пришедших к Белому дому щедро угощали, в том числе и спиртными напитками. Взбудораженные настроения «защитников» Белого дома всячески подогревались провокационными заявлениями, особенно сообщениями о предстоящем с часу на час штурме.

В здании Верховного Совета РСФСР и вокруг него появились люди с оружием, с намерением в случае штурма пустить его в ход, а может быть, с прямо провокационными целями. В течение 20 августа в Комитет госбезопасности поступала информация о якобы произведенных выстрелах в районе Белого дома. По одним сообщениям, это были выстрелы со стороны здания Совета экономической взаимопомощи, по другим — из района гостиницы «Украина», по третьим сообщениям, выстрелы были произведены из самого Белого дома. Позже эти сведения не нашли подтверждения.

В этой связи в ГКЧП думали о том, как поступить в такой ситуации. Однако никакого решения не было принято, полагались на действия органов Министерства внутренних дел, Комитета госбезопасности, а также Министерства обороны.

Утром 20 августа по договоренности между Язовым, Пуго и мною было сочтено необходимым на всякий случай разработать меры по локализации возникшей напряженности в районе Белого дома. Исходили из того, что если какие-то группы лиц пойдут на кровавый конфликт, стрельбу, массовые беспорядки, то, естественно, возникнет вопрос о предупреждении подобных провокационных действий.

В связи с этим в Министерстве обороны, при участии представителей МВД и КГБ СССР, было проведено рабочее совещание с обсуждением возможных мер. Поскольку ситуация не дошла до критической отметки, никаких указаний на проведение мероприятий в отношении вооруженных лиц в Белом доме не давалось. Таким образом, этот вопрос отпал как бы сам собой.

Никакой команды на проведение штурма тем более не

отдавалось, никаких попыток взять Белый дом силой не предпринималось, однако всевозможных спекуляций на этот счет тогда и в последующее время было в избытке.

В 1993 году Ельцин в одном из выступлений даже сказал, что якобы было предпринято восемь попыток штурма Белого дома. Интересно, о каких восьми попытках говорил президент, если не было предпринято даже одной?

И несмотря на то, что эти лживые утверждения опровергаются событиями тех дней, тем не менее было инспирировано движение «защитников» Белого дома. Им воздавали должное за героизм и мужество, проявленное при отражении мифического штурма, наградили медалями. Были проведены торжественные мероприятия по вручению этих наград. И все это делалось совершенно серьезно! Воистину театр абсурда!

Вечером 19 августа я решил проехать по улицам Москвы и лично ознакомиться с обстановкой в столице. В целом она была нормальной. Скопление людей в районе Белого дома не показалось мне значительным. На Калининском проспекте, в районе Садового кольца, я вышел из машины, подошел к группе молодежи, поговорил с ними. Они не узнали меня, но, видимо, поняли, что я представитель центральной власти. Разговор был спокойным и отнюдь не политизированным. На вопрос, что они тут делают, ответили — гуляем. Собираетесь ли тут оставаться дальше или уйдете домой? Ответили — посмотрим. Шутки, смех, настроение совсем не агрессивное. На вопрос, кого они опасаются, последовал ответ — никого.

Тут же рядом еще одна группа молодежи, по поведению явно навеселе. Рядом с Белым домом — тоже ничего необычного, нормальный ритм жизни. Кто-то спешит домой, кто-то просто гуляет, чувствуется, людей тянет на разговоры, тем более что и в самом деле есть о чем потолковать.

19-го, а затем 20 августа члены ГКЧП переговорили по телефону с руководителями всех союзных республик, многих краев и областей. Кравчук (Украина), Назарбаев (Казахстан), Акаев (Киргизия), Дементей (Белоруссия) и другие отмечали сложность ситуации, осуждения по поводу ввода чрезвычайного положения не высказывали, а Кравчук даже сказал, что он не исключает возможности введения чрезвычайных мер в западных областях Украины, где обстановку считал наиболее настораживающей.

Спокойный разговор состоялся с Назарбаевым. Положение в стране он также оценивал как критическое, не испытывал никакого восторга от предстоящего подписания нового Союзного договора. Условились поддерживать контакт и обмениваться

информацией.

Из многих регионов страны звонили руководители и предлагали ввести в том или ином городе или области чрезвычайное положение, ссылаясь при этом на серьезную криминогенную обстановку, на невозможность иным способом создать нормальные условия для жизни людей. В каждом случае мы категорически не советовали делать этого. Рекомендовали немного подождать и только потом принимать окончательно решение.

К исходу дня 20 августа нормализовалась обстановка в Ленинграде, а точнее, она и не обострялась до опасной степени, во всяком случае, никакой информации на этот счет из этого города не поступало. Мэр города Собчак занял в целом негативную, но осторожную позицию по отношению к ГКЧП, он явно выжидал.

Во всем Союзе, всей России не встало ни одно промышленное предприятие, ни один трудовой коллектив не прекратил работу и не вышел на митинг протеста или демонстрацию. Люди спокойно работали, предоставив Москве самой разобраться с проблемами, решить вопрос о власти и о том, что следует предпринять для стабилизации обстановки в государстве.

И все это явно не устраивало российское руководство. Ему нужны были обострение, конфликты, жертвы для осуществления на этой волне далеко идущих амбициозных устремлений. И такой повод нашелся.

Во второй половине дня 20 августа Янаеву, Язову, Пуго, мне и другим членам ГКЧП от российского руководства поступило немало беспокойных звонков с целью прояснить планы ГКЧП в отношении Белого дома. Прямо говорили о якобы намечающемся штурме.

Мы неизменно отвечали, что никакого штурма не будет, что это провокационные слухи, желание подогреть обстановку. Одни верили и высказывали удовлетворение по поводу полученных ответов, другие не воспринимали этих слов и твердили, что им достоверно известно — штурм Белого дома будет, а это приведет к серьезному кровопролитию, к непредсказуемым последствиям.

У меня лично неоднократно состоялись разговоры по этому поводу с Силаевым. Несмотря на полученные заверения, он продолжал считать, что штурм будет. Звонил по этому поводу Язову, Янаеву, но и там получал такие же ответы, однако разуверить его в ложности этих слухов было невозможно. Было видно, что он полностью в плену ложных слухов.

Позже из публикаций я узнал, что Силаев в ночь на 21 августа решил покинуть Белый дом, так как был уверен, что

находящиеся в нем лица будут уничтожены в результате штурма. На всякий случай он даже попрощался с Ельциным. Зато насколько смелым он стал после 21 августа! Требовал даже расстрела «путчистов». Эх, горе-политик! Лучше бы этот герой поведал, где он провел время в ночь на 21 августа 1991 года…

В ночь на 21 августа в Белый дом прибыли Попов и Лужков вместе с семьями. Они решили укрыться там из опасений быть арестованными, хотя никто не собирался их задерживать. Все это было глупостью или нагнетанием обстановки, или они стали жертвой нелепых слухов, которые сами же и распускали.

С изумлением из последующих сообщений в печати узнал историю с планом прорыва Ельцина на бронированном ЗИЛе в американское посольство. Вот что пишет Хасбулатов в своих воспоминаниях: «…Жизнь Президента России слишком дорога, чтобы ею рисковать. «Считаю, — сказал Хасбулатов, обращаясь к Ельцину, — вы сделаете правильно, если прорветесь в посольство, расположенное рядом. Я же должен быть с депутатами и остаюсь с ними». Повернулся и пошел к лифту».

Вот как «драматически» разворачивались события внутри Белого дома. Вряд ли стоит подробно комментировать этот эпизод, предоставим читателю самому разобраться в этой истории и дать ей оценку, тем более что события 1993 года показали истинное отношение Хасбулатова к Ельцину.

Каких только утверждений не содержится в публикациях! Оказывается, находившиеся в Белом доме ждали вертолетной атаки, высадки таким путем десанта на крышу здания, снайперских выстрелов из близлежащих домов. И все это утверждается даже в наши дни, несмотря на то что само прошедшее время показало абсурдность этих россказней.

Вопрос о так называемом штурме (следствие и суд по делу ГКЧП это подтвердили!) ни разу не обсуждался на заседаниях ГКЧП, никто этого вопроса даже не поднимал. Когда 20 августа на вечернем заседании комитета Янаев, учитывая широко распространившиеся слухи о штурме, предложил опубликовать в печати, в средствах массовой информации официальное опровержение по этому поводу, у всех, в том числе и у меня, это вызвало недоумение. Все высказали опасение, не породим ли мы этим опровержением волну новых слухов, потому что их беспочвенность очевидна. Было признано целесообразным ограничиться заявлениями, сделанными по телефону членами ГКЧП звонившим им представителям российского руководства. Считали, что вопрос закрыт, его попросту нет!

К сожалению, до сих пор на нем продолжают играть заинтересованные в спекуляциях лица. В противном случае им

придется признать несостоятельность их утверждений о штурме, сослаться на то, что они были заурядными провокаторами.

Обстановка тем временем продолжала накаляться. На той стороне кто-то был явно заинтересован в том, чтобы произошло нечто «горячее». Обитатели Белого дома и те, кто находился с ним рядом, постоянно подпитывались информацией о предстоящем штурме. Женщин просили покинуть опасное место, предлагали уйти тем, кто был недостаточно храбр и не готов принять «бой». Стоявшие у Белого дома несколько танков не представляли никакой опасности. Экипажи танков свободно общались с людьми, да и сами эти танки находились там по просьбе начальника штаба обороны Белого дома Кобеца. Более того, когда была предпринята попытка увести от Белого дома танковое подразделение, российское правительство воспротивилось и попросило его оставить. Просьба была удовлетворена.

И вот долгожданное «горячее» событие произошло. В ночь на 21 августа между часом и двумя ночи по Садовому кольцу от площади Восстания двигался взвод БТР, патрулировавший улицы Москвы. Он подошел к Калининскому проспекту и по тоннелю намеревался проследовать дальше, в сторону Смоленской площади. Никаких мыслей повернуть на Калининский проспект в сторону Белого дома у экипажей не было, поскольку выполнялось совершенно другое задание.

Но тем не менее в тоннеле под Калининским проспектом несколько БТР были заблокированы троллейбусами, грузовыми машинами, причем с обеих сторон. Не было возможности ни повернуть обратно, ни продолжать движение вперед. На машины посыпался град камней, тяжелых предметов, полетели бутылки с зажигательной смесью. Машины загорелись, на них лезли возбужденные, а некоторые явно нетрезвые молодчики. Попытки экипажей образумить людей не увенчались успехом. В результате провокации трое из числа нападавших погибли.

Следствие установило, что гибель людей произошла не в результате выстрелов на прямое поражение, а в сутолоке; двое из них были задавлены машинами, одного сразила пуля, которая срикошетила от стен тоннеля. Несколько человек получили ранения, были раненые и среди военнослужащих.

Московская городская прокуратура, проводившая следствие по этому факту, прекратила уголовное дело, посчитав, что нет состава преступления ни со стороны нападавших, ни со стороны военнослужащих, которые подверглись нападению.

Таким путем решили замять этот «эпизод», однако в последующем при расследовании уголовного дела по ГКЧП

обвиняемые настояли на приобщении материалов происшествия в тоннеле под Калининским проспектом к общему делу для того, чтобы в ходе открытого судебного процесса показать всю абсурдность обвинений в гибели трех гражданских лиц в результате защиты ими Белого дома и якобы неспровоцированного нападения на них военнослужащих патрульного взвода.

А в августовские дни этот случай эксплуатировался вовсю. Спекуляций было невероятно много. Раздавались звонки Янаеву, Пуго, Язову, мне с обвинениями и угрозами.

ГКЧП по этому поводу немедленно опубликовал свое заявление, в котором осудил провокацию против военнослужащих, в результате которой погибло три гражданских лица.

По этому поводу примерно в два часа ночи 21 августа у меня состоялся разговор с Бурбулисом. Я обратил его внимание на провокационные действия лиц из числа так называемых защитников Белого дома. Сказал, что никакого нападения со стороны военнослужащих не было, напротив, в отношении последних была совершена грубая провокация. Бурбулис обещал разобраться и принять меры.

Далее я вновь сказал, что никакого штурма Белого дома со стороны ГКЧП не намечается, что кому-то надо подогревать слухи вокруг этого и что части, которые якобы будут принимать участие в штурме, продолжают находиться в местах постоянной дислокации и никуда не выдвигаются. Если, допустим, кому-то даже захотелось бы провести такой штурм, то это невозможно сделать по той простой причине, что специальные подразделения просто не успели бы подойти к назначенному времени к Белому дому. Бурбулис, в свою очередь, ссылался на достоверную информацию, называл час штурма — два часа ночи, три часа ночи, затем пять часов утра.

Проходил один срок, второй — никакого штурма не было, однако мне не показалось, что у обитателей Белого дома от этого поднялось настроение. Более того, создавалось впечатление, что они были явно разочарованы.

В ночь на 21 августа у меня состоялись два или три разговора с Ельциным. Ему я тоже говорил, что никакого штурма Белого дома не намечается. Разговоры были вполне спокойными. Я не почувствовал какого-то раздражения, более того, Ельцин сказал, что надо искать выход из создавшегося положения, и хорошо было бы ему, Ельцину, слетать вместе со мной в Форос к Горбачеву для того, чтобы отрегулировать ситуацию. Он предложил мне выступить на открывавшейся 21 августа сессии

Верховного Совета РСФСР с объяснением обстановки и ответить на возможные вопросы.

Я посоветовался с Янаевым и дал согласие на вылет к Горбачеву в Форос и на выступление на сессии Верховного Совета России. Мы условились утром 21 августа решить технические вопросы и реализовать договоренность.

Теперь интересно посмотреть, как эта история выглядит в уже упоминавшемся опусе Хасбулатова «Технология переворота». Бывший спикер российского парламента утверждает, что «обманщик» Крючков якобы решил устранить Ельцина. С этой целью он пригласил Ельцина полететь вместе с ним и Лукьяновым в Форос к Горбачеву. С какой же целью? Оказывается: «…путчисты, конечно, начали готовиться к тому, чтобы сбить самолет, на котором будет лететь Ельцин. Тем более что они планировали сбить и тот самолет, который должен был привезти из Алма-Аты Ельцина еще 18 августа после подписания договора о сотрудничестве России и Казахстана».

Сделаем скидку на то, что эти строки писались в 1992 году. Тогда Хасбулатов был в зените своего положения. Он не предполагал, что вскоре сам окажется в чрезвычайно деликатной ситуации. Ну а путчистов, как он, видимо, предполагал, сгноят в тюрьме, поэтому о них можно говорить все, что угодно.

Удивляет странная логика его рассуждений. Если хотели сбить самолет, на котором Ельцин полетит к Горбачеву в Форос вместе с Крючковым и Лукьяновым, то выходит, что Крючков и Лукьянов решили заодно уничтожить и себя? Да, конечно, в те дни в ГКЧП не представляли себе, насколько может разыграться воображение у руководителей Белого дома, какие фантазии оно может породить.

Интересно, что думает по этому поводу Хасбулатов сейчас, после того как по воле Ельцина сам побывал в Лефортовской тюрьме?

Истекала ночь на 21 августа. Никакой штурм не состоялся, никакой атаки на Белый дом не произошло, не раздавались и снайперские выстрелы по его обитателям. Однако ночные события ясно показали одно: кое-кто в российском руководстве готов был пойти на жертвы, на кровь, жаждал их, и если надо, то, не задумываясь, бросил бы в огонь смерти столько жизней, сколько потребуется для достижения своих целей. Расчет был вполне очевиден.

Перед ГКЧП четко замаячила опасность кровопролития, вот этого Комитет никоим образом не хотел допустить.

Как упоминалось выше, еще вечером 18 августа мы условились, что ни в коем случае не пойдем на кровопролитие, и

если появится такая опасность, то остановим свое выступление. И вот такой момент наступил!

Появились настораживающие сведения о поведении тех, кто с самого начала был на стороне ГКЧП. В Комитет госбезопасности, да и к Язову, поступили сведения о контактах одного из заместителей министра обороны СССР, а также командующего воздушно-десантными войсками Грачева с представителями российских властей.

Грачев, надо сказать, с самого начала, с утра 19 августа, стал устанавливать контакты с представителями российского руководства, в рамках которых бросал шары и в ту и в другую корзину. Так, на всякий случай, мало ли как будут развиваться события!

Утром 21 августа мне доложили о ночной коллегии Министерства обороны СССР, на которой был поставлен вопрос о необходимости вывода войск из Москвы, и прежде всего тяжелой бронетехники.

В постановке этого вопроса не было ничего необычного. Дело в том, что к тому моменту стало ясно, что ввод войск в Москву был ошибкой. Ситуация не требовала этого, и можно было бы вполне обойтись без этой меры. Поэтому уже 19 августа часть бронетехники стала выводиться из Москвы.

Это продолжалось и 20 августа, и в последующие два-три дня войска и техника были бы выведены из столицы. Но те, кто поднимал этот вопрос на заседании коллегии Министерства обороны, «пускали стрелы» в адрес ГКЧП, предлагали Язову отказаться от его поддержки.

Надо отдать должное мужеству и порядочности Язова. Он дал указание о выводе войск из Москвы, но не поддался на провокацию, не изменил делу, своим товарищам по ГКЧП. Решение маршала было правильным. Оно, конечно, не подняло ему настроения. Мы все почувствовали это утром 21 августа, когда он вдруг не явился на заседание ГКЧП, а направил своего представителя Варенникова.

Пройдет несколько дней, и в печати появится заявление маршала авиации Шапошникова о том, что он держал в резерве самолеты для нанесения удара по Кремлю в случае, если гэкачеписты не прекратят своей деятельности и попытаются силой захватить Белый дом. Было такое намерение или нет, или это было сказано Шапошниковым для повышения своего престижа перед российскими властями, сказать трудно, но слово не воробей, вылетит — не поймаешь. Если Шапошников произнес такие слова для того, чтобы выслужиться перед российским руководством, то это тем более его не украшает. Во всяком

случае, такая идея могла прийти только ненормальному человеку. Ведь Кремль — это не просто место, где заседали гэкачеписты! Это же святыня России!

В 10 часов утра 21 августа несколько членов ГКЧП, а также Шенин, Прокофьев и Плеханов, который был приглашен несколько позже в связи с предстоящей поездкой к Горбачеву, отправились к Язову на Фрунзенскую набережную в Министерство обороны.

Хозяин кабинета встретил вежливо, внешне спокойно, но на лице было написано, что в нем все бурлит: огромная напряженность, усталость, страшные переживания и даже какая-то отрешенность. На замечание, что мы приехали посоветоваться с ним лично о дальнейших шагах, Язов, как показалось, с укоризной и обидой заявил, что в ответ на бездействие ГКЧП, а также других ведомств коллегия Министерства обороны приняла решение о выводе войск из Москвы, и вывод войск уже начался. Я с глубоким сочувствием и даже пониманием смотрел на маршала, слушал его и мысленно представлял себе, какой мучительный душевный надлом он сейчас переживает.

Кстати, хотелось бы сказать о Язове несколько слов.

Он родился в 1924 году. Но в документах стоит другая дата — 1923 год. Он приписал себе один год для того, чтобы пораньше попасть на фронт.

Всю свою сознательную жизнь Язов отдал военной службе, прошел Великую Отечественную войну, начал с командира взвода, окончил командиром полка. Получил не одно ранение, был справедливым командиром и храбрым воином, до сих пор свято бережет фронтовую дружбу, о друзьях-однополчанах говорит с чувством глубокого уважения и любви.

Его служебная карьера в армии складывалась благополучно. В 1956 году окончил Военную академию им. М.В. Фрунзе, в 1967-м — Военную академию Генерального штаба Вооруженных сил СССР им. К.Е. Ворошилова. В 60-х годах стал командующим армией, был руководителем групп войск, командовал военными округами.

С января 1987 года — заместитель министра обороны СССР, а в мае того же года назначен министром обороны. В 1987 году избран кандидатом в члены политбюро ЦК КПСС, избирался народным депутатом СССР.

Всегда ставил интересы Родины превыше всего, что особенно проявлялось, в частности, в его позиции на международных переговорах о разоружении, на которых он решительно выступал против одностороннего сокращения вооружений Советского Союза и стран Организации Варшавского договора. Не раз

вступал в острые дискуссии с бывшим министром иностранных дел Шеварднадзе, с которым придерживался, по сути, противоположных взглядов на проблему разоружения. Как министр — был заботлив, остро ставил вопросы о социальном положении военнослужащих.

За внешней солдатской выправкой и суровостью кроется легкоранимая душа, тонкая, даже в чем-то сентиментальная. Он великолепно знает русскую и советскую историю, большой знаток поэзии, любит художественную литературу, часами может воспроизводить по памяти поэмы, стихи, сам пишет их, и, по-моему, неплохо. При случае непременно вспомнит строчку из стихотворения, и всегда это оказывается кстати. В августовские дни о себе не думал, был поглощен заботами о государстве и поступал так, как подсказывала совесть.

…Из кабинета Язова мы позвонили Лукьянову и попросили его приехать в Министерство обороны. Вскоре он прибыл.

Обсудили обстановку, ночное кровопролитие и пришли к выводу, что далее рисковать нельзя, и потому решили прекратить деятельность Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР, выехать в Форос к Горбачеву, еще раз доложить ему обстановку, попытаться убедить предпринять какие-то шаги для спасения государства от развала. События последних дней ясно показали: с помощью чрезвычайных мер далеко не жесткого характера можно было бы переломить развитие обстановки, да, собственно говоря, и переламывать было нечего.

Правоохранительные органы были на стороне ГКЧП. Обстановка в стране была в целом нормальная. Ситуация вокруг Белого дома вполне могла быть взята под контроль.

Все отдавали себе отчет в том, что идут на риск в личном плане, что Горбачев займет сторону сильного, а после того, как мы прекратим деятельность ГКЧП, инициатива, бесспорно, окажется на стороне российского руководства. К тому времени Павлов продолжал болеть, и поэтому полагаться на Кабинет министров у нас оснований не было, а подключать кого-то еще — это была уже прерогатива не ГКЧП, а Верховного Совета или даже Съезда народных депутатов СССР. В то же время раньше чем 26 августа Лукьянов собрать Верховный Совет по ряду технических причин был не в состоянии.

Условились, что, если в ближайшие часы придется решать какие-либо вопросы, прибегать будем только к политическим средствам. Ни о каких силовых приемах речи не велось.

В Форос решили отправиться в 13 часов 21 августа. Условились, что полетят Бакланов, Язов, Тизяков и я. Тем же

самолетом выразили желание полететь Лукьянов и Ивашко, к тому времени вышедший из больницы. Плеханов, как руководитель службы охраны, должен был лететь туда в любом случае.

По пути на Внуковский аэродром из машины я позвонил Янаеву. Сказал ему, кто в итоге отправляется в Форос, и еще раз поинтересовался, не считает ли он нужным к нам присоединиться. Он ответил, что кому-то ведь надо оставаться в Москве, а в сложившейся ситуации ему непременно надо быть здесь. Условились созвониться, он пожелал успешной поездки.

Мы оба понимали, что это, возможно, наш последний разговор по телефону. Я хорошо представлял состояние Янаева, думал о нем с уважением как о человеке, взявшем на себя в эти три августовских дня тяжелый груз ответственности. Это, бесспорно, был поступок патриота, близко к сердцу принимавшего свой долг перед страной.

Янаев был сравнительно молодым государственным деятелем высшего эшелона власти. Получил два высших образования — сельскохозяйственное и юридическое. Был на комсомольской работе. До 1980 года в течение 12 лет возглавлял Комитет молодежных организаций СССР; после этого семь лет был заместителем председателя президиума Союза советских обществ дружбы и культурных связей с зарубежными странами. Именно эта работа помогла ему сформироваться как интернационалисту, сторонникудружбы между народами нашей страны и других государств мира. С 1990 года Янаев возглавлял советские профсоюзы и за короткий период профсоюзной работы успел приобрести авторитет и уважение среди трудящихся. Они сразу почувствовали в нем участливого, заботливого, неконъюнктурного человека.

Янаев решительно выступал в защиту интересов людей труда. Помню, как на заседании Президентского совета, куда Янаев был приглашен впервые как профсоюзный лидер, он вступил в спор с Горбачевым и некоторыми другими, высказав свое несогласие с политикой, ущемлявшей интересы трудящихся. Он сказал, что рассматриваемый подход к зарплате и ценообразованию противоречит интересам трудящихся, которые и без того страдают от ряда законодательных актов, принятых в самые последние годы, что нельзя испытывать терпение рабочего класса. Его выступление было горячим, острым и произвело на присутствующих большое впечатление. Свою позицию Янаеву удалось отстоять.

В декабре 1990 года на Съезде народных депутатов СССР Янаев был избран вице-президентом. Его кандидатура прошла не

сразу, вопрос решился во втором туре голосования.

Настроение в зале было таково: Горбачев подобрал лично преданного ему человека и решил во что бы то ни стало протащить его на пост вице-президента, чтобы удобнее было и дальше проводить политику, с которой уже тогда значительная часть депутатского корпуса была не согласна.

Действительно, Янаев не давал повода усомниться в благожелательном отношении к Горбачеву. А последний уже раздражал депутатов, и потому они нередко принимали решения как бы в пику Горбачеву. В такой переделке оказался и Янаев.

Но он быстро разобрался в Горбачеве. И очень скоро стал выражать несогласие с его действиями, политическими шагами, причем голос его звучал все острее и острее. Он не мог безучастно смотреть, как разваливается держава, рушится социально-политический строй.

В августе 1991 года Янаев принес себя в жертву, но от принципов не отступился. Его последующее поведение, реплики, заявления на судебном заседании по тому или иному поводу убедительно показывали, что поступок в августе 1991 года был не случайным, а отражал его жизненную позицию. Янаев вступился за интересы державы, когда обстоятельства этого потребовали.

Уже после прекращения дела ГКЧП он в разговоре не раз возвращался к августовским событиям, не сожалел по поводу драматичности личной судьбы, а переживал за то, что случилось со страной.

В самолете мы больше молчали, изредка созванивались с Москвой, узнавали обстановку. Линию поведения на встрече с Горбачевым не вырабатывали. Намеревались объективно доложить обо всем и попытаться убедить Горбачева принять меры к спасению Союза. Питали слабую надежду на понимание с его стороны, однако все больше склонялись к выводу, что путь разрушения Союза он пройдет до конца, постарается воспользоваться ситуацией и сполна реализовать свои намерения.

В полете получили сообщение о вылете из Москвы в Крым спецсамолета с представителями российского руководства. На запрос, на какой аэродром должен приземлиться этот самолет, мы ответили — на любой, какой ими будет выбран: Симферополь или Бельбек, военный аэродром, находящийся в другой части Крыма, но поближе к Форосу.

По пути получили еще одно любопытное сообщение о том, что от российского руководства поступила команда сбить самолет, на котором мы направлялись в Форос, однако охотников совершить эту акцию не нашлось.

Тем временем из столицы поступали сообщения о начавшихся

беспорядках в городе, и в частности на Лубянке, у памятника Ф.Э. Дзержинскому. Группы экстремистски настроенной молодежи потянулись на площадь, раздавались призывы к захвату здания Комитета госбезопасности, высказывались угрозы разрушить памятник.

В аппарат к Янаеву, в Верховный Совет, в МВД, КГБ, Министерство обороны, Кабинет министров поступали телефонные звонки с мест, люди спрашивали, почему молчит ГКЧП, почему не принимаются решительные шаги по наведению порядка. Просили указаний, однако в ситуации, сложившейся в тот момент, какие-либо решительные действия в защиту советской власти не были предприняты, люди, готовые к этому, были дезорганизованы.

Что бы потом ни говорили, но ГКЧП не призвал своих сторонников выходить на улицу и в случае необходимости силовым путем защищать советскую власть. Партийные организации на местах, как и КПСС в целом, были растеряны, большая часть коммунистов пребывала в состоянии полного бездействия, подавляющее большинство граждан находилось в состоянии пассивного ожидания и не примыкало ни к той ни к другой стороне.

В таких условиях даже незначительное меньшинство могло овладеть ситуацией, сделать со страной что угодно, в том числе и добиться целей, противоречащих воле и чаяниям подавляющего большинства. Такова была реальность.

У меня нет никакого намерения обелять деятельность ГКЧП, напротив, с позиции последующих лет его деятельность заслуживает серьезной критики, и она обоснована. Однако тому, что мы не пошли до конца, были причины, и об этом я скажу ниже.

В самолете находились люди, разные по своим личным качествам, служебному положению, по привязанностям к тем или иным лицам из руководства, взглядам на решение социально-политических проблем. Различным был их жизненный путь, но объединяла их озабоченность за судьбу Родины. Каждый в отдельности и все вместе они понимали и видели смертельную опасность, нависшую над страной, однако степень готовности каждого к практическим действиям была неодинакова.

Напротив меня за столиком в самолете сидел А.И. Лукьянов. В недавнем прошлом кандидат в члены политбюро ЦК КПСС, Председатель Верховного Совета СССР. Начал свою трудовую деятельность в 1943 году рабочим оборонного завода. Работал в аппарате ЦК КПСС, последняя должность в ЦК КПСС — заведующий общим отделом, секретарь ЦК КПСС. 15 марта 1990

года на съезде народных депутатов был избран председателем Верховного Совета СССР.

Лукьянов — доктор юридических наук, один из крупнейших знатоков права. Как специалист имеет мало себе равных в нашей стране. Разносторонне образован, великолепно знает отечественную и зарубежную литературу, поэт, член Союза писателей. Убежденный коммунист, приверженец советской власти. Решительно выступал и выступает за Союз, видя в этом гарантию жизнеспособности государства.

На протяжении 40 лет был знаком с Горбачевым, учился с ним в Московском государственном университете, периодически вместе работал. Однако в последнее время, по всему было видно, они отдалялись друг от друга. Давала о себе знать несовместимость взглядов, оценок, разное понимание происходящего. Я был свидетелем неоднократных стычек Лукьянова с Горбачевым на заседаниях политбюро, причем по принципиальным вопросам. Когда Горбачеву нечего было возразить, он просто просил Лукьянова прекратить спор.

После каждой такой перепалки они объяснялись друг с другом. Горбачев пытался доказать Лукьянову, что тот не так его понимает, даже обижался за подозрения в отходе от социализма и партийных позиций.

Лукьянов в совершенстве овладел профессией спикера советского парламента. В трудных ситуациях благодаря его усилиям Верховный Совет, как правило, находил приемлемое решение. В случаях, когда Лукьянов терпел поражение, он относился к этому с пониманием. «Демократия есть демократия», — с улыбкой говорил он.

В самолете я подумал, что Лукьянову, как и нам всем, не хватило решимости занять четкую, принципиальную позицию по отношению к Горбачеву и решительно от него отмежеваться. К такому пониманию он пришел чуть позже, через водоворот августовских дней и личные потрясения обретя ту твердость, какой ему и нам на том этапе борьбы недоставало.

Это, бесспорно, человек с большим потенциалом, о чем говорит его опыт политика, ученого и практика в области права, человека, выступающего за возрождение Союза и в защиту целостности России. Эти качества оказались востребованными избирателями в 1993 и 1995 годах, и он уверенно, с большим отрывом от своих соперников, прошел в Государственную думу по одномандатному округу в своей родной Смоленской области.

В самолете у нас не было разговора с Лукьяновым о том, какой линии будем придерживаться при встрече с Горбачевым. У меня была уверенность, что Анатолий Иванович займет

объективную позицию, но, какой бы она беспристрастной, аргументированной ни была, вряд ли он сможет, думал я, разубедить в чем-то Горбачева и заставить его встать на спасительный путь. На мой взгляд, это было исключено хотя бы по одной причине: приезд группы ГКЧП в Форос означал перемещение политического центра сил к российскому руководству, а для Горбачева это было определяющим ориентиром.

Разумеется, эту флюгерскую особенность Горбачева знали Ельцин и его сторонники и поэтому очень спешили попасть к нему как можно раньше. Понимал это и сам Лукьянов. Его предстоящая беседа с Горбачевым мне виделась еще одним этапом борьбы, который ему предстояло пройти по пути окончательного прозрения в том, что касается личности Горбачева.

Рядом с нами в самолете находился Бакланов. Свою трудовую деятельность он начал монтажником на заводе, затем стал мастером, начальником участка и так прошел все производственные управленческие структуры. В 1983 году стал министром общего машиностроения СССР. Слыл большим специалистом своего дела, принимал активное участие в разработке ряда новейших технологий и образцов военной техники. В 1987 году стал секретарем ЦК КПСС, ведал вопросами промышленности. Народный депутат СССР, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской премии.

Мало кто знает, что он один из создателей «Бурана». Об этом уникальном космическом аппарате распространяется много всякого рода небылиц, как якобы технически отсталом, ненужном для Советского Союза и тем более для России. Но все это неправда! Наш «Буран» по основным параметрам не уступал американскому «Шаттлу», стоил же значительно дешевле, создан был в кратчайшие сроки. Для того времени это была вершина технической и научной мысли.

Американцы активно охотились за информацией о «Буране», с этой целью задействовали возможности своей разведки. Их интересовали технические решения, экономичность, особенности эксплуатации. Американские специалисты давали «Бурану» высокую оценку. Придет время, люди объективно разберутся в значении этого летательного аппарата, воздадут должное его создателям, достойно оценят результаты труда многочисленного коллектива конструкторов и ученых.

В 1990 году Бакланов назначается первым заместителем Председателя Совета обороны СССР. Он хорошо знал обстановку в народном хозяйстве и, когда на его глазах стала рушиться

экономика, пришел к однозначному выводу, что это не стихийный процесс, а сознательное разрушение экономической мощи государства. Он понимал, куда идет дело, решительно протестовал, пытался поправить положение, но все было тщетно. Как патриот, интернационалист и коммунист, он не мог примириться с тем, что происходило в стране, не раз на заседаниях политбюро ЦК КПСС, Совета министров остро поднимал вопросы о положении в промышленности. Но каждый раз его, порой грубо, осаживал Горбачев, объяснявший провалы трудностями переходного периода.

Бакланов не мог без боли смотреть, как разрушается Советский Союз, но чувствовал себя бессильным помешать этому. Горбачев считал его близким человеком, понимая под этим личную преданность. На каком-то этапе так и было. Но когда действия Горбачева стали противоречить интересам государства, Бакланов не остался равнодушным.

Бывший президент Союза не учел одного, что Бакланов — человек принципа, что он лишен каких-либо карьеристских, амбициозных устремлений. Когда интересы Родины оказались несовместимыми с политическим курсом и практическими действиями Горбачева, Бакланов не мог изменить Родине, которая дала ему высшее образование, вывела на широкую дорогу жизни. Он ведь рано осиротел, был детдомовцем, хлебнул горя на оккупированной немцами территории, когда ему не было еще и десяти лет.

Спустя пару лет после августовских событий Бакланов сказал: «Я не жалею о своем участии в августовских событиях, иначе бы меня всю жизнь мучила совесть. Вот только жаль, что наша попытка окончилась неудачей».

Через два часа самолет пошел на посадку на военный аэродром Бельбек. Нас встретило местное военное начальство — полупротокольный разговор, и с ходу в машины.

Наши мрачные предположения стали оправдываться с первых минут нахождения в резиденции.

Горбачеву доложили о нашем приезде, но к нему не провели, попросили подождать. В комнате находились все вместе — Лукьянов, Ивашко, Бакланов, Язов, Тизяков и я. Плеханов был где-то рядом. Работал телевизор, передачи из Москвы шли по нескольким каналам, самые разные. За три-четыре часа ожидания мы наблюдали, как менялась их тональность: от нейтральных по отношению к ГКЧП до крайне недоброжелательных.

Продолжая игру, Горбачев мошенничал, периодически давал знать, что вскоре примет то всех нас сразу, то по отдельности. Спустя несколько дней жена Горбачева заявит, что, узнав о

приезде в Форос группы членов ГКЧП, они с мужем решили, что сейчас с ними разделаются.

Вскоре к президенту были приглашены Лукьянов и Ивашко. По возвращении оба отметили относительно спокойный разговор с Горбачевым, сказали, что скоро он примет остальных лиц, прибывших из Москвы, но предварительно встретится с делегацией российского руководства, которая уже на подъезде к Форосу.

Делегация прибыла в резиденцию часов в шесть вечера, энергично проследовала к президенту и пробыла там около двух часов.

В ожидании встречи с Горбачевым мы обменивались короткими фразами, в основном на самые отвлеченные темы, хотя телевидение постоянно возвращало нас к событиям в Москве.

Дикторы от весьма осторожных высказываний в адрес ГКЧП все явственнее переходили на более осуждающий тон, а к вечеру стали в открытую клеймить ГКЧП, его действия, призывать строго покарать его участников. Затем было передано сообщение об освобождении Тизякова от выборного поста председателя Всесоюзной промышленной ассоциации, о том, что какая-то группа лиц в Свердловске осудила его деятельность.

Тизяков отнесся к этому внешне спокойно, заметив, что переживает не за себя, а за крушение надежд на спасение Родины. Душевная боль дополнялась разыгравшейся болезнью сердца, от которой он страдал последние годы.

Вскоре передали, что Горбачев собирается побеседовать со мной не в Форосе, а в самолете по пути в Москву.

Я зашел в комнату, где находились Лукьянов, Бакланов, Язов, Тизяков, и попрощался с ними, прямо сказав, что нас ожидает задержание и вряд ли будет возможность повидаться в Москве.

Дальнейшее развитие событий подтвердило мои предсказания. Дело было проиграно, попытка спасти Союз потерпела неудачу.

Это было не только нашим личным поражением, но и поражением народа, защитные, созидательные силы которого оказались незадействованными.

Глава 8
В тюрьме

В общем кортеже в отдельной машине я проследовал из Фороса в аэропорт Бельбек. Радиостанция в машине уже была выключена, поэтому связаться я ни с кем не мог. Да, собственно, и сообщать особенно было нечего.

В аэропорту из-за возникшей суеты произошла несогласованность. Сначала мне указали один самолет, затем повезли в другой и только затем нашли самолет, в котором летел Горбачев, и последним усадили в него.

В самолете меня встретил Стерлигов, бывший сотрудник КГБ, в то время работавший помощником Руцкого. Он объяснил, что ему приказано меня сопровождать, и поэтому он хотел бы сесть рядом.

Пишу об этих подробностях только по одной причине: было много спекуляций об обстоятельствах моего задержания, и теперь мне хочется воспроизвести действительную картину.

Самолет был набит пассажирами, сопровождавшими, корреспондентами, охраной. Настроение у всех было невеселым, задумчивым. Стерлигов в разговоре со мной был сдержан, корректен. Я больше молчал. Впервые за несколько дней я немного подремал, и, по-моему, сосед удивлялся, как в этой ситуации я могу спать.

Вскоре от Горбачева передали, что, к сожалению, в самолете нам переговорить не удастся, так что моя встреча с ним состоится завтра, то есть 22 августа, о времени мне сообщат дополнительно. К этому сообщению я отнесся довольно безразлично, понимал, что со мной играют. Мысли опять ушли в прошлое. В голове пролетали картинки из жизни, последние дни почему-то всплывали реже.

Уже во время посадки я спросил у Стерлигова, сразу ли будет проведено задержание. Он ответил, что я верно оцениваю ситуацию. Никаких сколько-нибудь значащих разговоров я с ним не вел, не хотел подвергать его и себя искушению, ставить в неловкое положение, да и зачем? Было большое желание попросить передать слова утешения жене, семье. Воздержался.

Как только самолет произвел посадку, рядом со мной появились мощные охранники с автоматами наготове.

Мимо меня прошли на выход Бакатин, Примаков и как-то подчеркнуто вежливо попрощались со мной, пожелав всего хорошего.

Из самолета вывели не сразу, подождали, пока завершится церемония, связанная со встречей Горбачева. Провели к машине санитарного типа и там объявили о моем задержании. Сделал это Степанков — Генеральный прокурор России.

Я уточнил, от имени какой прокуратуры задерживают — союзной или российской? Получил ответ — от российской. Мое недоумение было оставлено без ответа.

В машине меня продержали около часа, как я позже понял, ожидали Язова и Тизякова, чтобы в одной колонне проследовать к месту содержания под стражей. Отправились из аэропорта в четыре часа ночи. Добирались медленно, часа три-четыре, с поломкой машины и небольшими остановками.

На место прибыли рано утром, едва рассвело; погода была слякотная, моросил колючий дождь, все выглядело мрачно, мерзопакостно. Разместили по отдельным небольшим домикам, с внешней и внутренней охраной.

Слегка привел себя в порядок; завтрак и сразу же первый допрос. Физическое и моральное состояние было тяжелым: бессонные ночи, полет в самолете, дорога в Солнечногорск. Сон буквально валил с ног, глаза открывались с трудом.

Личный обыск, протокол, другие формальности, связанные с задержанием, понимание разумом своего состояния — все сливалось вместе в какую-то огромную давящую тяжесть. Адвокат не присутствовал, что было грубейшим нарушением процессуальных норм — к сожалению, далеко не последним.

Первый в жизни допрос оставляет глубокий след, а точнее рану, на всю жизнь. Дело не в следователе, он выполнял свой служебный долг. Первый допрос врывается в душу, в сердце как совершенно противоестественное событие, задевает твое человеческое достоинство, не считается с тобой как с личностью, ломает привычный ритм жизни и, словно непомерный гнет, заставляет согнуться, ввергает в состояние беспомощности, бессилия.

Обед, небольшой, получасовой отдых и новое предложение — снять теледопрос. В ответ на возражения следователь обрушил целый поток доводов, уговоров, доказательств правомерности мероприятия с позиции уголовно-процессуального кодекса. «Никто не поймет, если вы вдруг откажетесь», — последний, пожалуй, увесистый аргумент. В конце концов дал согласие.

Начинается откровенно жесткий теледопрос, с неудобными, даже садистскими вопросами. Следователь явно работает на публику, по крайней мере, на социальный заказ руководства. Понимание этого приходит уже в ходе допроса. А голова от усталости и напряжения гудит, временами даже отключается

сознание; отвечать надо с ходу, подумать некогда, на тебя смотрит камера, и ты чувствуешь себя вынужденным говорить, давать показания.

Попросил прокрутить мне сделанную телезапись. Мое право. Но не вышло, потом объяснили, что не сработала техника. Явно обманывают. Настроение неважное, душевное неспокойствие, что-то идет не так.

И вдруг новое предложение. В Солнечногорск прибыл репортер Центрального телевидения Молчанов и хотел бы взять у меня интервью. Решительно возражаю, ссылаюсь на свое состояние, на неважное самочувствие. Опять настойчивые уговоры, особенно со стороны Степанкова: телерепортер ехал издалека, речь, мол, идет о пяти минутах, только два вопроса, и тому подобное. На возражения приводится решительный аргумент — Язов уже дал интервью, не возражал; что скажут телезрители, узнав, что Крючков отказался.

Как и следовало ожидать, телеинтервью затем обыграли в весьма невыгодном для меня свете. Среди прочего я сказал, что, если бы можно было прокрутить пленку жизни в обратном направлении, то 19 августа я поступил бы иначе, то есть в том смысле, что избрал бы другой вариант и, таким образом, не оказался бы под стражей. Прокомментировали же это так, будто бы я сожалею лишь о том, что не действовал решительно, то есть не пошел на кровопролитие и т. п.

После телепередачи аналогичные утверждения распространялись и высокопоставленными лицами, в том числе Ельциным.

После столь кошмарного дня я свалился, словно подкошенный, и погрузился в тяжелый сон. Но спустя час был разбужен. Команда — собирать вещи и быть готовым к выезду. В 24:00 22 августа колонна машин отправилась к новому месту содержания. Как выяснилось, это был следственный изолятор в г. Кашине Тверской области. В пути находились девять часов. Раз-другой сбивались с дороги, возвращались, уточняли у встречных водителей. Наконец к 9:00 23 августа добрались до места. Вновь личный обыск и прочие тюремные формальности.

Все в изоляторе дышало мрачной стариной. Здание тюрьмы было построено более 300 лет назад. Видимо, во всем мире нет ничего более прочного и незыблемого, чем тюрьма. Здание строилось на века, выстояло. Все как и три века назад, пояснили мне. Претерпели изменения лишь кое-какие внутренние детали, не все уцелело. Стены в метр толщиной казались не тронутыми временем. Массивные, в несколько рядов ворота, двор, коридоры, камеры, небольшое окно наверху с решетками — все как было

когда-то.

…Трое суток провел в камере один. Мозг воскрешал события последнего времени обостренно, болезненно, переоценивал все как бы заново. Появилась жажда поговорить с родными, с женой, сыновьями, друзьями, но, понимая, что сделать это невозможно, стал писать.

Написал большое письмо жене, еще больше сыновьям, друзьям. Это были излияния души с описанием случившегося, моим видением обстановки до 19 августа и в последующие дни. Не забыл в письмах невесток, внучку и внука. Пожалуй, так откровенно я никогда не разговаривал с собой и родными. Многое, о чем я передумал, что переоценил, к каким выводам пришел, будет со мной словно тень до конца жизни.

Содержанием в одиночке, видимо, преследовалась цель надломить мое душевное состояние и таким образом сделать более удобным для следствия. Но вышло иначе. Одиночество помогло мне собраться с мыслями, прийти к пониманию своего положения как начала нового этапа в жизни, а точнее борьбы.

В первый день пребывания в кашинской тюрьме и в последующие два дня я делал часовую гимнастику, что вызывало у охраны нескрываемое удивление. Это была единственная привычка из моего многолетнего отрезка жизни, которую я имел возможность сохранить для себя в тюрьме.

Важный момент. В изоляторе мне предъявили ордер на арест. Я хорошо знал, что арест — серьезное психологическое испытание для человека. Далеко не каждый выдерживает, сдают нервы, как-никак — шаг от свободы к несвободе. Арестованный вдруг ощущает, что тюрьма становится в его правовом положении реальностью на неопределенный срок. Я воспринял предъявленный мне ордер на арест удивительно спокойно, как будто ознакомился с ничего не значащим документом.

Расписался. Следователь посмотрел на меня и спросил: «Внимательно ли вы прочитали документ? — И уточнил: — Ордер на арест». Я ответил утвердительно и слегка улыбнулся. Он удивленно посмотрел на меня.

Этот момент я с болью вспоминал позже, когда мыслями как бы заново переживал первые часы и дни моего задержания. Разве еще несколько дней назад я мог представить, что меня, председателя КГБ СССР, подвергнут аресту!

В ночь на 26 августа поступила очередная команда: собрать вещи и быть готовым к отправке. Куда, зачем? Вопросы, которые, разумеется, не задают, а задав по неопытности, ни один из арестованных не получит на них ответа.

Полночь. Кортеж машин двинулся из Кашина. По некоторым

признакам определил направление — на Москву.

Пребывание в Кашине оставило у меня и одно трогательное воспоминание. Руководство изолятора, охрана были внимательны, проявляли чуткость и даже заботу. Предлагали горячую воду, гасили днем свет, желали доброго утра и спокойной ночи. Почти все обращались ко мне по имени и отчеству. Перед отъездом начальник изолятора предложил пачку чая и буханку черного хлеба. Я отказывался, посчитал неудобным. Тогда он сказал: «Владимир Александрович! Вы в этих делах человек неопытный. Еще не знаете, что вас ожидает. У вас будут трудные дни. Чай пригодится, да и не только вам, но и сокамерникам. Возьмите!»

Я взял, и чай мне действительно пригодился уже на следующий день. Не знаю, как сложится моя судьба, но как хотелось бы в одно прекрасное время отблагодарить его за чуткость!

В «Матросскую тишину» прибыли часа в четыре утра.

На окраине Москвы сделали остановку минут на десять. Редкое движение на дорогах, в основном из центра, одиночные пешеходы, тусклые силуэты погруженных в ночной сон зданий. Старший сопровождающей охраны сказал: «Не спешите, можно подышать еще». Но особого смысла в этом не было, и мы тронулись дальше.

Вновь тюремные формальности и очередная камера. В камере содержались двое. Встали со шконок, как называют в тюрьме места для лежания — койки.

Я представился. Удивлению их, казалось, не было предела. По-моему, на какое-то время они лишись дара речи. Переспросили. Я еще раз повторил. Предложили согреть воды, достали сухари, сахар, конфеты, помогли освоить немудреное камерное хозяйство. Попросили разрешения закурить, кратко объяснили порядки. Рассказали, что пару дней назад в камере было шесть человек. Срочно отселили четверых, оставив только двоих.

Помогли разобрать тюремные принадлежности, выданные мне только что. Несмотря на понятный интерес и любопытство, заметив мой усталый вид, сокамерники предложили отдохнуть, что мною с благодарностью было принято.

Уснул я моментально, но в 7 часов утра был уже на ногах. Мои новые знакомые признались, что не спали, обсуждали ситуацию… О них я расскажу чуть позже.

Вообще первые свои тюремные ощущения вспоминаю как тяжелый, навязчивый сон. Постоянная тревога за родных, чувство горькой вины перед сослуживцами, да и вообще перед народом за

то, что не получилось так, как хотелось, ради чего рисковал. Но, пожалуй, самое гнетущее — это смерть людей, с которыми очень многое связывало, которых хорошо знал и глубоко уважал.

Сейчас я хотел бы помянуть Бориса Карловича Пуго…

Мои воспоминания касаются не только его лично, но и отдельных возникших перед нами проблем. Как известно, Пуго входил в ГКЧП и, по сообщению средств массовой информации, 22 августа покончил жизнь самоубийством. Вместе с ним из жизни ушла его жена. Уже позже из дела я узнал, что первой смертельное ранение получила от мужа именно она. Так по официальной версии, по материалам дела, чета Пуго решила рассчитаться с жизнью. Прежде всего это огромная личная трагедия семьи. С Пуго я познакомился, когда он в конце 70-х — начале 80-х годов работал председателем КГБ Латвийской ССР. Встречался на совещаниях, но в близких отношениях не был. Как-то я посетил Латвию, по-моему в 1981 году, где провел кустовое совещание по линии разведки. Пробыл в Риге несколько дней и узнал Бориса Карловича поближе.

Побывали в колхозе, на заводе, в университете и, как водится, в ЦК Компартии Латвии у тогдашнего первого секретаря ЦК, ныне покойного, Восса.

По рассказам и по всему, что удалось увидеть, республика жила полнокровной жизнью, в магазинах широкий ассортимент продуктов питания и промышленных товаров. Жаловались на трудности с продажей, на затоваривание. Теперь трудно поверить, но было и такое.

В один голос все говорили, что нет каких-то особых настораживающих проблем в отношениях между коренным и некоренным населением. Даже подчеркивали, что из Прибалтийских республик Латвия к Москве всех ближе, ее народ интернационален по духу и в силу исторических традиций: красные латыши принимали участие в охране Ленина, Кремля и т. д. Но, по словам Пуго, национальную проблему нельзя упускать из виду, нужно проявлять осторожность, внимательность, предупреждать появление или усиление моментов, могущих вызвать социальное обострение на почве национализма. Сам Пуго был интернационалистом, большим патриотом своей республики, пользовался уважением в народе и в руководящих кругах слыл серьезным, рассудительным человеком.

В 1984 году Пуго избрали первым секретарем ЦК Компартии Латвии. Это был верный выбор. На этой должности он пробыл до 1988 года. Возник вопрос об укреплении Комитета партийного контроля при ЦК КПСС, и выбор пал на Пуго. Сыграли роль такие его качества, как принципиальность, честность, требовательность

и вместе с тем чуткость к людям. На посту председателя Борис Карлович подтвердил эти свои качества.

В 1990 году Пуго назначается министром внутренних дел СССР. Кстати, при назначении учитывалась его принадлежность к национальным кадрам.

К тому времени национальные проблемы становились наиболее трудными, сложными, все острее заявляли о себе и прямо касались работы органов внутренних дел. В своей деятельности Пуго уделял большое внимание именно этим проблемам.

У меня было с ним немало разговоров о судьбе Союза, о положении в Прибалтике и, разумеется, о Латвии. Латвия беспокоила его и в личном плане — там его родные, домашний очаг, с ней он был связан тысячами нитей, там хотел провести остаток жизни.

Запомнился еще один момент. Недалеко от Риги сооружен внушительный памятный мемориал жертвам фашизма в годы Великой Отечественной войны. Достойный памятник тем, чья борьба и жизнь — в фундаменте нашей общей победы.

Пуго рассказал, что среди латышей высказывается мнение о сооружении памятника всем погибшим, независимо от того, по какую сторону баррикад они сражались и отдали жизнь. Пуго не исключал такого варианта воссоздания памяти всем погибшим в знак примирения и согласия. Мне эта идея показалась разумной.

В случае победы националистических, сепаратистских сил в Латвии Пуго не видел места для себя и многих на своей родной земле. Может быть, сооружение общего памятника и явилось бы вкладом в мир и согласие?

Шли дни. Каждый день одно и то же от подъема до отбоя. Неволя пронизывает все клеточки. Радиоточка да одна-две газеты — вот и весь источник информации. Узнать можно многое, однако объем информации — голодный паек по сравнению с тем, что несколько дней назад было в моем распоряжении. Счет ведется на недели, от бани до бани. Тюремные радости — лишняя газета, хороший матрац, второе одеяло, чудом полученная весточка от родных и друзей. Вот, пожалуй, и все. Иногда даже не знаешь, то ли радоваться им, то ли печалиться.

Среди сокамерников царит дух равноправия. В одночасье все становятся зэками, их объединяет одно горе, одинаковые условия, неизвестность судьбы, беспомощность каждого и всех вместе.

Здесь никто не спрашивает друг у друга о деле. Рассказывают сами, если сочтут нужным, слушают, но любопытство непозволительно, даже осуждается. Вот чего в изобилии, так это успокоительных слов, потому что каждое утешение, даже

иллюзорная надежда — бальзам на рану. Человек действительно не может жить без веры. Любой из охраны — над тобой начальник. Следует немедленно исполнять любое указание.

Как-то сокамерник попросил охрану изменить очередность бани и прогулки, пояснив при этом, что, как он думает, так будет удобнее. Дежурный не без юмора ответил: «В тюрьме не надо думать, тут думают за вас. Сидите спокойно».

Ежедневные прогулки поначалу воспринимаются как нечто полезное и приятное, ждешь приглашения. Но очень скоро они становятся обузой, и многие, за исключением достаточно уже насидевшихся, стараются уклониться от них. Часовая прогулка позволяет физически размяться, но усугубляет постоянное неприятное ощущение: ни на минуту не отключаешься от тюрьмы, неволю чувствуешь еще острее. Подумать над чем-то не удается. Мозг не сосредоточивается, тем более что по этому маленькому бетонному пятачку мечутся в ходьбе кроме тебя еще три-четыре человека. И здесь — под постоянным надзором. С громким железным скрипом захлопывается за тобой массивная дверь, но не останешься наедине с собой — смотровое отверстие напоминает, что за тобой ведется постоянное наблюдение.

Вызов на допрос — событие и для тебя, и для сокамерников. Последние провожают тебя, словно на бой, желают успеха, дают советы, ждут возвращения, чтобы услышать хоть что-то новенькое. Оценят твой вид: хорошо или плохо выглядишь, каково настроение; по сути же дела — никогда ни одного вопроса. Расскажут о своем опыте общения со следователями и адвокатом.

При вызове на допрос — тщательный личный обыск и осмотр бумаг, с которыми ты направляешься к следователю или адвокату. Что же, к этому заключенный относится с пониманием, нет, не с пониманием, а как к чему-то неизбежному.

У подследственного, в отношении которого мерой пресечения избрано содержание под стражей, по ходу следствия есть несколько особо значимых моментов, играющих в его деле ключевую роль. По крайней мере, эти моменты говорят о многом, приоткрывают результаты следствия, его планы, позволяют подследственному оценить свое положение.

Одним из таких моментов в уголовном процессе является предъявление постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

Первый раз обвинение было предъявлено мне 31 августа 1991 года. Постановление подписал заместитель Генерального прокурора РСФСР Лисов. Статья 64, пункт «а» УК РСФСР — измена Родине. Постановление с большими заявками

относительно «преступных» действий, которые в нем обозначены и которые, как можно полагать, следствие собирается доказывать. Тут и захват власти, и корыстные мотивы, ущерб безопасности и обороноспособности страны, и ликвидация властных структур. И тем не менее чувствовалось, что обвинение сугубо прикидочное, предварительное, серьезной доказательной базы у следствия нет.

Как юрист по образованию, сам находившийся в прошлом, в начале своей трудовой деятельности, на прокурорской работе, я думал над замыслом составителей первого постановления о привлечении меня в качестве обвиняемого.

Следствие, хотя я, конечно, понимал, что дело не в нем, пошло по максимуму и включило в обвинение позиции, которые, как мыслилось режиссером будущего процесса, могли образовать состав преступления в виде измены Родине, якобы совершенного мною и другими. Исходя из этого в постановление включили все мыслимое и немыслимое.

С самого начала была также очевидной полная нестыковка между составом преступления, предусмотренного 64-й статьей, и действиями, совершенными лицами, привлеченными по делу ГКЧП. Напрочь отсутствовала субъективная сторона — умысел совершить измену Родине; много несуразного было с объектом преступления — на что же мы покушались?

В связи с этим стоит рассказать о том, как к этому выводу пришло само следствие. В декабре 1991 года, за день-другой до предъявления второго по счету обвинения, дежурный по коридору через окошко передает мне в камеру бумагу, на которой после ознакомления просит расписаться. Это было короткое письмо из Генеральной прокуратуры России, адресованное всем проходящим по делу ГКЧП лицам. В нем сообщалось, что Генеральная прокуратура приняла решение о прекращении уголовного дела по факту измены Родине, то есть по статье 64 пункт «а» УК РСФСР. Основание — отсутствие состава преступления, которое бы квалифицировалось как измена Родине.

Решение и сама бумага были весьма странными, но одно было ясно — следствие пришло к выводу, что измены Родине обвиняемые по делу ГКЧП не совершали. Тогда что же остается? В очередном постановлении о привлечении меня к уголовной ответственности в качестве обвиняемого от 13 декабря 1991 года остался, таким образом, заговор с целью захвата власти. Статья та же, а обвинение другое.

Для того чтобы понять, что никакой измены Родине и в помине не было, следствию потребовалось четыре месяца!

Итак, новое обвинение гласит, что я совместно с группой лиц организовал и осуществил заговор с целью захвата власти, то есть

совершил преступление, предусмотренное статьей 1 Закона СССР «Об уголовной ответственности за государственное преступление» (статья 64, пункт «а» УК РСФСР).

По смыслу статьи эта формула тоже предусматривает сотрудничество с иностранным государством, но на это следователи просто закрывали глаза. По их словам, ничего более близкого в уголовных статьях к тому, что содеяно привлеченными по делу ГКЧП лицами, якобы нет.

Таким образом, Генеральная прокуратура под предлогом несовершенства законодательства пошла на приблизительную квалификацию, допустив тем самым полный разлад с правом! Вот только интересно, при чем тут обвиняемые?!

Вскоре после начала общения с адвокатами у меня сложилось впечатление, что с ними мне повезло. Со временем это мнение только усилилось. Старший из них — Юрий Павлович Иванов, второй — Юрий Сергеевич Пилипенко. Оба знающие, энергичные. Первому в 1991 году было 47 лет, второму — 32 года.

Иванов — личность во многих отношениях колоритная. Блистает умом, знаниями, логичность мышления — близкая к совершенству. Принципиальность и в малом, и в большом. Есть твердая жизненная позиция. Поначалу у меня не сложилось о нем какого-то четкого представления, да и не в моих правилах судить о человеке по первому знакомству. В ходе нескольких встреч я узнал, что он не коммунист, в партии никогда не состоял. В идейно-политическом плане мы с ним придерживались различных точек зрения, не все ему было ясно в выступлении Государственного комитета по чрезвычайному положению. К Комитету госбезопасности Иванов относился неоднозначно.

К ноябрьским праздникам 1991 года я с огромным удовлетворением отметил, что наши позиции сблизились практически по всем параметрам, чему в значительной мере помогала динамика развития обстановки в стране — она все более ухудшалась, социальное напряжение росло, государство приближалось к своему краху.

Иванов — большой, сознательный и страстный патриот Родины. Его отец был адмиралом, верно и доблестно служил Отечеству, Юрий Павлович в нем души не чаял.

Короче говоря, я ему поверил. И не потому, что не было другого выхода, а потому, что увидел в нем единомышленника, а он поверил в меня и проникся ко мне добрыми чувствами.

В 1993 году Коммунистическая партия Российской Федерации пригласила Иванова в качестве беспартийного для участия в выборах в Государственную думу по партийному списку. Он согласился и был избран. Перед ним открылось новое

поприще — работа в Государственной думе.

В 1995 году Юрий Павлович вновь избирается в Думу.

Иванов, насколько я знаю, очень хотел выступить на нашем судебном процессе с защитительной речью. Однако по известным причинам до речи дело не дошло. Как профессионал, он, видимо, сожалел об этом, но как человек, ставший мне близким товарищем, отнесся к этому с удовлетворением и чувством исполненного долга.

У второго адвоката — Пилипенко — не было такой большой практики, как у Иванова. Иванов пригласил его, поскольку объем работы был значительным и ему требовался помощник.

Мы сходились с Пилипенко медленнее, чем с Ивановым. Он дольше приглядывался ко мне, поначалу не шел на разговоры на крупные политические темы. Мягко, но решительно давал понять, что во взглядах на многие политические проблемы у нас с ним разные точки зрения. Я не пытался его в чем-то переубеждать и полагал, что за меня это сделает жизнь. Она перековала даже некоторых рьяных «демократов», которые в свое время забрались на Олимп власти и думали, что никогда с него не сойдут. Но решились сойти, поняв, что к чему. Правда, для такого шага кроме способностей требуются честь, совесть и чувство справедливости. И те, кто этими качествами обладает, вернулись или со временем вернутся на путь праведный. Что касается заблуждений и ошибок прошлого, что же — с каждым бывает.

Пилипенко глубоко изучал дело, точно улавливал все, что может нам повредить, и очень скоро понял, что моя защита может успешно строиться только на принципиальной основе. Для меня это было очень важно, из этого мы исходили, когда вели разговоры о концепции защиты, а главное — о предъявлении политического счета тем, кто разрушил Союз и довел страну до столь плачевного состояния.

Пилипенко быстро пришел к выводу о бесперспективности обвинения, считая, что судебное разбирательство неизбежно причинит немало неприятностей властям, поскольку вскроет их неприглядную роль в развале государства, а это — самое крупное противоправное деяние.

Я дал письменные показания по существу предъявленного обвинения, обстоятельно изложил мотивацию своего участия в августовских событиях. Считаю нужным воспроизвести свои показания по отдельным позициям, тем более что в прессе был целый поток негативных публикаций в мой адрес в связи с делом ГКЧП.

В тяжелое для страны время, писал я в своих показаниях, у группы лиц созрело решение выступить с тем, чтобы изменить

положение дел, остановить кризисное развитие обстановки в стране. Дело не в том, что я, как председатель КГБ, пошел на это из-за того, что разделил их взгляды и озабоченность. Со всеми участниками отношения у меня были обычными, служебными. Некоторых я знал мало, а со Стародубцевым вообще не был знаком. Конечно, какие-то договоренности играли свою роль, однако главное в другом.

Благодаря своему служебному положению я располагал обширной информацией об обстановке в стране, анализом перспектив ее развития. Информация поступала от наших отечественных источников, было немало важных, достаточно глубоких аналитических материалов, которые направлялись в КГБ советскими научно-исследовательскими институтами.

Поступали представляющие большой интерес зарубежные материалы, продолжал я. Ценность последних в том, что они готовились не для нас, а в первую очередь для внутреннего использования, для руководителей тех или иных стран. Из всего этого потока информации следовало, что Советский Союз в самое ближайшее время ожидают трагические события, тяжелейшие потрясения: развал страны, падение промышленного и сельскохозяйственного производства, опасное снижение жизненного уровня, нехватка продуктов питания, а в целых регионах страны просто полуголодное существование значительных масс населения.

Отношение сокамерников к событиям в стране и мире было самое заинтересованное. Суждения откровенные, никакой дипломатии. Друг перед другом никто не подхалимничал, да и к критическим замечаниям относился правильно, не обижался. У каждого был свой рецепт выхода из кризиса. Надо отметить, что в этих суждениях было много объективного, принципиального.

27 ноября 1991 года произошел такой случай. По радио шла передача о Ленине, приводились добрые высказывания о нем. Говорили в основном простые люди. Слова были какие-то проникновенные, теплые.

Один из сокамерников, подчеркивавший свою принадлежность в прошлом к элитной среде (доктор наук), остро среагировал на положительные высказывания о Ленине, к которому относился резко отрицательно, не жалел соответствующих эпитетов. Перешел на действительность, стал ругать советскую власть, всю ее историю. И вдруг раздался голос другого сокамерника: «Слушай, не плюй в колодец, из которого ты пил воду все свои 53 года».

Сказавший это считался «мафиози», в прошлом был неоднократно судим, находился в заключении по делу, которое

он сам считал тяжелым. Но чего у него не отнимешь, так это природный ум, смекалку и житейскую справедливость.

Камера для заключенных — целый мир! В ней проходит тюремная несвободная жизнь — переживания, думы — неотступные и тяжелые. Мысленное общение, диалоги с родными, друзьями и, далеко не самое легкое, с самим собой.

В четырех мрачных стенах еще и еще раз прокручивается долгая или короткая жизнь. С тюремных позиций в деталях воссоздаются жизненные эпизоды, явственно видишь, где ты совершил неверный шаг, и даже удивляешься тому, как могло такое случиться, ведь ясно, что шаг этот не был всесторонне и глубоко продуманным. Думаешь, не сон ли это? Но смотришь вокруг, и перед глазами — те же стены, и они возвращают тебя в мрачный, но реальный на сегодня мир. Проблеск иллюзорной маленькой надежды на что-то благополучное быстро исчезает, и опять — черная действительность.

Если когда-нибудь эти строки увидят свет и с ними ознакомится широкий читатель, на что у меня смутная надежда, то может возникнуть вопрос: «Но разве автор не знал многое из того, о чем пишет? Ведь он должен был бы знать об этом по долгу службы».

Трудный вопрос, но правомерный. На посту председателя Комитета госбезопасности я работал недолго, около трех лет, срок не такой уж большой для того, чтобы разобраться во всех сторонах деятельности большого ведомства, но не хочу искать себе оправданий, просто все дело в том, что до сих пор на всю судебную систему, включая содержание под стражей в местах лишения свободы, я смотрел исключительно сквозь служебную призму, как говорится, с одной колокольни. Сейчас к этому добавился чисто личный аспект.

23 декабря 1991 года все радиостанции передали сообщение, которое удивило меня больше, чем что-либо другое в то время: против Бакатина возбуждено уголовное дело по обвинению в измене Родине! Да ведь это же статья 64 УК РСФСР, то есть «моя» статья! Сообщение передавалось многократно.

Несколько дней назад радио, печать поведали миру историю, уникальную по своему содержанию, исполнению и даже по тому, каким путем о ней стало известно миру.

5 декабря 1991 года Бакатин, будучи председателем КГБ СССР, передал американскому послу Роберту Страусу материалы о внедрении техники для съема информации в недавно построенное здание американского посольства США в Москве. Вместе с материалами были переданы образцы специальной техники.

Мне известно, что Комитет госбезопасности в свое время действительно занимался этой проблемой. Были там и новинки, составлявшие тогда вершину наших фундаментальных научно-технических исследований, аналогов которым не знал мир.

Судя по сообщениям, Бакатин передал американцам эти материалы конфиденциально, но посол объявил об этом в одном из своих заявлений для печати. При этом Страус отметил экстравагантность шага советской стороны и не скрыл своего крайнего удивления по этому поводу. Примечателен еще один аспект американской реакции: они выразили сомнение, а все ли им передано, возможно, кое-что все же оставили, и это обеспечит российским спецслужбам съем информации.

По российской официальной версии, в основе жеста Бакатина лежало желание предотвратить снос здания американского посольства и тем самым сэкономить до 300 миллионов долларов. Таким образом американцы, по мысли инициаторов этой затеи, как бы вознаграждались за оказываемую нам помощь.

В отечественной печати появилось довольно много публикаций по этому чрезвычайному происшествию, и ни одна из них не поддержала шага Бакатина.

В органах КГБ, как писала пресса, возмущение сотрудников вылилось в открытый протест. Он был направлен против Бакатина, его политики и действий. Оно и понятно: ущерб многоплановый — политический, экономический, оперативный, морально-психологический. Беспокойство оперативного состава имело еще одну сторону: где предел, как далеко новое руководство КГБ может зайти в своей «откровенности» со спецслужбами других стран.

Бакатин ссылался на согласие, полученное им «наверху». Но ведь дело в разумности данного решения, не говоря уже о том, что подобный шаг никого не освобождает от ответственности. И хочется надеяться, что когда-нибудь Бакатин и те, кто санкционировал это предательство, за него ответят!

В этот же день 23 декабря 1991 года было передано сообщение об интервью Горбачева американской газете. В ближайшие дни, судя по его словам, он подает в отставку, но из политики уходить не намерен. Оценил как интересные сделанные ему предложения о работе в ряде университетов США, Германии, Японии, Франции, отметил, что мог бы совмещать продолжение политической деятельности с чтением лекций за границей.

Что ж, примечательная заявка! Для него даже не находилось места в России или где-нибудь на территории бывшего Советского Союза. Ну а что касается приглашения за границу, то это он, безусловно, заслужил.

В том, что Горбачев и еще кое-кто намерен отправиться в зарубежные странствия, ничего неожиданного для меня не было. Можно сказать, я знал об этом и раньше.

По сообщению радио в декабре 1991 года Горбачев заявил, что даже после Беловежских соглашений и ликвидации поста президента СССР вместе с Союзом он испытывает удовлетворение от начатых им преобразований. Каков извращенец!

Я слушал радио, и меня интересовал один прозаический вопрос: Горбачев уже не президент, да к тому же уедет, к примеру в Америку, а гэкачепистов собираются судить за то, что они за несколько месяцев до этого усомнились в целесообразности его пребывания на посту президента СССР, потому что было ясно, в какую бездну он вел страну. И привел.

Могут в который раз спросить: где же были раньше, почему молчали? Не молчали! Поднимали голос, спорили, получали обещания, заверения, но только к середине августа 1991 года я, да, уверен, и другие поняли, что его заверения — пустые слова, обман.

Понимал ли Горбачев, куда идет страна? Теперь, после всего произошедшего, можно с уверенностью ответить: да, понимал, во всяком случае, не мог не понимать!

25 декабря 1991 года Горбачев заявил о своей отставке. Высказал негативное отношение к созданию Содружества Независимых Государств, но одновременно заявил, что будет его поддерживать. Видите — опять и так, и эдак! Дал абсолютно положительную оценку своему периоду деятельности, но итоги этой деятельности обошел.

Вскоре Горбачев получил еще одну заслуженную пощечину: ему было отказано в праве на неприкосновенность, вместо просимых им 200 человек охраны оставлено в 10 раз меньше — 20 человек.

26 декабря он сообщил, что три недели не будет появляться перед общественностью, затем объявит о своих планах. Заявил также, что не собирается уезжать из страны, будет жить здесь. Не упустил случая еще раз боднуть партию, свалить все грехи на нее, пожаловаться, как он настрадался, борясь с партократами. Интересно, в чем же они ему мешали? Видимо, итогов 1991 года он хотел добиться на пару лет пораньше, а ему все время чинили препятствия. Невольно напрашивается именно такой вывод.

Любопытна реакция на уход Горбачева. Запад рассыпается в похвалах — «историческая личность», «выдающаяся», «эпохальная», «реформатор», «спаситель» народов бывшего Союза от тоталитаризма, полуфашистского режима и т. д.

Руководители Германии благодарят за то, что «отдал ГДР»,

США — «за демократию и свободу для народов Союза». В том же духе высказываются и лидеры Англии, Японии и других стран.

Китайская сторона резко критически оценила период деятельности Горбачева, возложив на него ответственность за развал Союза, хаос, кризис в экономике и т. п. Столь откровенно Китай выразил свое отношение к Горбачеву впервые.

Все было бы хорошо, если бы похвалы Запада дополнялись пусть не такими же восторженными, но положительными оценками советских людей. А вот тут-то картина иная.

Кое-кто благодарит Горбачева за то, что он подарил нашим людям «демократию и свободу». Но это идет от примелькавшихся представителей средств массовой информации и некоторых политических деятелей определенной направленности. Народ же дает бывшему президенту крайне отрицательную характеристику, и общего плача по его уходу что-то не слышно. Более того, раздаются требования предать его суду за государственную измену!

Думаю, время, обстоятельства определят многое в проблеме Горбачева. Счет к нему продолжает расти. И в том, что он будет значительным, лично у меня нет никаких сомнений.

…Одолевают думы все более тревожные. Проблемы нагромождаются одна на другую, трудности растут, жизнь страны, народа на глазах ухудшается. Мучительно преследует вопрос: что же произошло?

Можно с уверенностью сказать, что с уходом Горбачева закончился самый трагический период в жизни народов СССР.

Да, нет никакого преувеличения — именно с Горбачевым, именно с этим человеком связаны самые драматические страницы в многовековой истории Отечества. Горбачев положил начало событиям, которые в одночасье сделали большинство населения, миллионы граждан Советского Союза несчастными. Это время разрушения, вхождения в хаос, неимоверных лишений, до боли обидного трагизма. Своими руками мы уничтожили великое творение тысячелетней истории.

Сколько крови, пота было пролито, сколько миллионов жизней стоило это предыдущим поколениям! Мне, человеку, в общем-то прожившему жизнь, больно думать о детях, внуках, об их судьбе. Что ожидает их, с чем они столкнутся?

Содружество Независимых Государств — это последняя, но очень скользкая подножка уходящего поезда Истории, за которую мы уцепились, связывая с ней последние надежды. Но насколько она прочна и неиллюзорна? Не обман ли? Разъединение противоестественно, и сколько продлится оно — сказать невозможно.

Находясь в тюрьме, чувствуешь, как напряженно работает мозг, как без всякой шелухи выдает оценки, ищет выход. Главная забота — Россия. Все больше и больше появляется признаков ее возможного распада. Он зреет и может остро проявиться в любое время и в любых формах. Прямая конфронтация для урегулирования назревших проблем — сегодня уже не метод, он принесет еще больше издержек, не говоря уже об опасности гражданской войны. В этом случае — большая кровь. Рядом с национальным сепаратизмом очевиден региональный, и он не менее опасен.

В силу тяжелейшего положения в стране мы, естественно, столкнулись с внутренними проблемами и пока не соизмеряем внутреннюю опасность с опасностью внешних факторов. А они уже отчетливо обозначились и открыто ломятся в дверь.

Территориальные вопросы дают о себе знать вдоль всей границы бывшего Союза. Особую деликатность проявляет пока Китай, хотя стоит вспомнить и всесторонне проанализировать его негативную реакцию на деятельность Горбачева. Материалов для анализа пока недостаточно, но они, несомненно, будут появляться по нарастающей.

Однако есть один аспект, который требует к себе особого внимания. Как ни тяжело признавать, но ослабленный бывший Союз, появившиеся на его месте независимые государства кое-кому могут показаться легкой добычей. Во всяком случае, никто не пожелает оказаться в числе опоздавших или позволить кому-то урвать слишком много.

Думая об этом в тюрьме, отчетливо представлял, сколько людей, считающих себя политиками, обрушились бы на меня за эти высказывания. Но в большой политике должен присутствовать реальный подход, учет всех возможных вариантов развития обстановки, и прежде всего — самых неблагоприятных.

Пошел пятый месяц пребывания в заключении. Медленно тянется время. Постоянно ощущаешь боль от всего, в первую очередь от тупого, бесполезного однообразия. Появляется какое-то безразличное отношение к окружающей действительности. Единственно, к кому волей-неволей присматриваешься, кого стараешься понять, — это сокамерники.

За время заключения их у меня было восьмеро. Все разные по возрасту, характеру, семейному положению, по профессии, местожительству, причине ареста. Но есть общее — все они оказались близкими по несчастью, и горе, независимо от его конкретной сути, сделало их единострадальцами, понимающими, сочувствующими друг другу, короче говоря, товарищами по беде. Среди них были по-своему яркие, неординарные люди — по

колориту прожитого или по числу лет, проведенных в заключении, по ту сторону закона, по мукам, на которые они себя обрекли.

Каждый живет своим миром, своим несчастьем, копается в своей душе, своей памяти, выискивает любую зацепку для защиты, испытывает сожаление по поводу происшедшего. «Терзать себя прошлым не стоит», — много раз говорили они.

Не знаю, возьму ли я когда-нибудь на вооружение этот постулат. Горечь от тяжелых дум, убежденность в том, что ты хотел только хорошего, ничего не желая лично для себя, постоянно держат душу и сердце в напряженно-тягостном состоянии. Привыкнуть к столь узкому миру теоретически и практически невозможно, вынужденно смириться — да.

Так кто же эти люди — товарищи по тюремному несчастью? Начну с первого, с кем познакомился.

26 августа я, как сказано выше, прибыл из следственного изолятора г. Кашина в «Матросскую тишину». Часа в четыре утра вошел в камеру, прошу прощения, меня ввели. Я представился, назвал свою фамилию, имя, отчество. В ответ — изумленные лица находившихся в камере заключенных. Сказал, что очень трудно перехожу на «ты», этой особенности верен постоянно. Они восприняли мое замечание с удивлением, но впредь никто из них не отступил от такой формы общения со мной.

Первому было 47 лет, небольшого роста, крепкого телосложения. На груди, руках обильная татуировка. Следит за собой, идет ли к следователю, адвокату или на прогулку, всегда опрятно одет: выходные брюки отглажены под матрацем, ботинки блестят от постного масла.

Жизнь свою вспоминает с болью в душе. Родился в тюрьме в небольшом городке недалеко от Оренбурга. Мать вместе со своей сестрой за хищение государственного имущества была осуждена на десять лет лишения свободы и отбывала наказание в исправительно-трудовом лагере. В то время порядки были строгие, беременность, а затем ребенок не являлись основанием для освобождения от наказания. В лагере отбыла наказание полностью.

Двухлетним ребенком его отдали бабке, у которой он воспитывался до пяти лет, потом жил у дяди, а по выходе матери из тюрьмы в 1953 году стал жить у нее.

В школе учился так себе, переходил из класса в класс с посредственными оценками, убегал с уроков, пропускал занятия.

Жил в разных городах Средней Азии — в Самарканде, Ташкенте, Душанбе. Рано, в 15 лет, стал работать — строителем. Дело спорилось, на работе ценили, заработки были хорошие.

Товарищи подметили у него смекалку, старание, руки умели многое.

Подошло время идти в армию, служить хотелось. В армии стал связистом, специальность освоил быстро, получалось все здорово. Срок службы подходил к концу, и ему предложили остаться в армии на сверхсрочную службу.

Решил демобилизоваться. Вспоминает об этом с сожалением, считает, что, останься он в армии, жизнь его могла бы сложиться иначе: не видел бы тюрем да лагерей, не пришлось бы испытать столько мучений и горя.

После армии вернулся к матери в Душанбе. То ли в силу какого-то внутреннего влечения, то ли из желания пожить получше начал понемногу приворовывать, занялся спекуляцией. Появились деньги, а с ними веселая жизнь — рестораны, женщины.

В 21 год — прочная связь с женщиной. Ей было уже за 25. С ее стороны любовь была большой, настоящей. Она захотела стать матерью, иметь от него ребенка без всяких обязательств. Родила двойню, замуж не вышла и счастливо живет. Он бывал у нее, и не раз, помогал материально.

В 25 лет получил первый срок — пять лет лишения свободы за кражу. Отбыл два года, освободили досрочно.

Совершил еще одно преступление — кражу, и новый срок — пять лет лишения свободы. Уже находясь в заточении, совершил еще одно преступление, да еще плюс побег — и к старому сроку добавили новый — шесть лет. Итого 11 лет — и все день в день отсидел.

Тяжкими были эти одиннадцать лет. Особенно трудной была тайга, до 50 градусов мороза, к месту работы восемь километров; преодолевали пешком, туда и обратно.

Лесоповал валил и людей, многие не выдерживали, умирали. По его рассказам, за два года работы на лесоповале из 130 заключенных выдержали только девятнадцать. Остальные или не выжили, или больными были возвращены в лагерь.

В третий раз он был арестован в январе 1991 года за незаконное хранение и продажу оружия. Взяли с поличным.

Дело групповое, по нему проходят жители Таджикистана, Москвы, Владимира. Если признают виновным, то многое зависит от квалификации: по одной статье — до пяти лет, а по другой — до десяти.

По своим личным качествам — волевой человек В среде заключенных — хозяин, прибирает власть быстро и решительно. Если надо, использует силу.

Рассказал такой случай. Как-то поместили его в камере с

большим числом заключенных. В ней был главный — пахан. Лучший кусок ему, все передачи тоже. Пахан распоряжался всем и всеми. На требование пахана рассказать о себе он, оценив обстановку, выплеснул ему в лицо чашку растительного масла, пояснив, что это в порядке ответа на вопрос. Впечатление было ошеломляющим, власть немедленно перешла к нему.

Не терпит даже малейшей несправедливости, остро, порой неадекватно резко реагирует на ее проявления. Карцеры, лишения, ограничения терпел в основном из-за этого. Не лишен достоинства и каждый пустяк, ущемляющий, по его мнению, его права, встречает в штыки.

Нервы на пределе, начинает терять здоровье. Сказывается одна серьезная травма. В 26 лет автомашина с людьми (он был водителем) попала под снежный завал. Под снегом находились семь суток, часть людей погибла. Только благодаря мужеству, выносливости и смекалке он и его напарник не погибли. Получил тяжелые травмы, воспаление легких, лишился глаза. Так что в глаза смерти он смотрел не раз.

Природа одарила его многими редкими качествами. Он поет, играет на гитаре, гармони, лепит удивительные фигурки из хлеба, строит, казалось бы из ничего, дворцы, церкви. Материалом служат спички, пачки из-под папирос, бумага.

К Новому году украсил камеру серебристыми гирляндами (пачки из-под чая), елкой (использовал зеленку), снежинками (вата), большими бумажными шарами (газеты), которые кружатся от легкого дуновения воздуха. На окно наклеил большой разукрашенный лист с надписью «С Новым, 1992 годом!». Нам сказали, что во всей «Матросской тишине» не была украшена ни одна камера. Из хлеба смастерил небольшую гитару, приспособил к ней струны, и, представьте, она издавала звуки!

Он начитан, активно пользуется тюремной библиотекой, любит Пикуля, Шолохова. Благоговеет перед русской народной музыкой, любимая певица — Валентина Толкунова. С нетерпением ждал музыкальные радиопередачи Татарского, который уже в течение 25 лет вел задушевный разговор со слушателями с помощью диалога, писем и музыки. От проникновенного текста может пролить слезу. Несмотря на биографию, связь с преступным миром, удивительно сентиментален.

А вообще, он был самым занятым и работящим обитателем нашей камеры. Постоянно что-то делал. Если к этому добавить, что он отлично готовит, шьет, сам построил себе в Душанбе большой дом, невольно задумываешься над возможностями русского человека. Своей родиной считает Таджикистан, тянется

туда, о таджиках говорит с уважением. На вопрос, знает ли таджикский язык, ответил: «А как же?

Знаю киргизский, узбекский, таджикский, туркменский». Оказывается, не только говорит на этих языках, но пишет и читает. Как жаль, что его жизненный путь не сложился, смешался с преступным миром!

Ну а ко мне он с самого начала отнесся как-то предупредительно, а вскоре стал вести себя и вовсе уважительно. Дал много полезных советов, по-детски удивлялся моей «наивности».

Быстро приобщился к политике и, по-моему, от души желал мне быстрее «выпутаться» из случившейся истории, выйти на свободу. Любил говорить: «Моя бестолковка думает, что так скоро и будет». Бестолковка — это значит голова.

Теперь еще об одном — личности, бесспорно, колоритной, известном специалисте в своей области и, даже можно сказать, авторитете. Не буду называть его имени и указывать точный возраст, постараюсь зашифровать этого человека, хотя близкие к нему люди узнают, о ком идет речь.

Он выходец из Средней Азии, наполовину (по отцу) русский, около 50 лет. Большую часть жизни прожил в Москве, однако сохранил многие восточные привычки, остался верен обычаям узбекского народа, что в какой-то мере предопределило его образ жизни, отношения с людьми.

В жизни пошел дорогой отца, избрал относительно редкую специальность психиатра. Дело шло неплохо, в 40 лет — доктор наук, научная работа в одном из институтов, чтение лекций, широкая медицинская практика. Умение находить общий язык с коллегами, контакты с пациентами сделали его широко известным, люди тянулись к нему, обращались за помощью.

Не все делал бескорыстно, не отказывался от вознаграждений, подарков, но делал это практически открыто, считал, что такое — в порядке вещей.

В 1985 году против него было возбуждено уголовное дело по обвинению во взяточничестве, мерой пресечения избрано содержание под стражей. Больше года — предварительное следствие, около двух лет — судебное разбирательство, затем процесс подачи кассационной жалобы. В итоге — шесть с половиной лет продержали в следственном изоляторе.

В ходе расследования проверялось более 200 эпизодов, из них осталось 27. Общая сумма взяток около 20 тысяч рублей. По делу проходило четверо подсудимых. Двое из них были приговорены к небольшим срокам, отбыли их и уже находятся на свободе. А двое отбывают наказание.

Так вот мой сокамерник, о ком пойдет речь, получил одиннадцать лет, другой его подельник — семь лет. Оба не признали себя виновными, а те, кто на свободе, вину признали полностью.

Он считает, что полученные им вознаграждения были не взятками, а благодарностью, платой за услуги в нерабочее время. Он не был должностным лицом, от него не зависела судьба тех, кого он лечил, вымогательства не было, о чем показывают все проходящие по делу свидетели.

По его рассказу, в ходе следствия ему настоятельно советовали признать вину, тогда, мол, мера наказания будет небольшая и дело, таким образом, завершится для него с минимальными издержками. С таким настроением он шел на суд. Но когда увидел заполненный зал, знакомых и родных, отказался от первоначального намерения и решил занять позицию, подсказанную совестью: не признал себя виновным и стал опровергать предъявленное ему обвинение.

Год и семь месяцев с перерывами шел судебный процесс. Это было состязание его и товарища с судом и государственным обвинителем. Но его подвел характер: взрывной, резкий, он способен на оскорбления. За вызывающее поведение его несколько раз удаляли из зала суда, иногда он отказывался отвечать на вопросы. Когда совсем сдавали нервы, оскорблял прокурора и судью (обе женщины) как должностных лиц, не щадил их человеческого достоинства.

С тех пор ни о каком помиловании даже не помышлял, готов отбыть срок в одиннадцать лет, и если не добьется правды, то после освобождения намерен продолжать борьбу за полную реабилитацию.

По его словам, ни один из выступавших на суде из числа тех, кто давал ему вознаграждение, не сказал о нем худого слова, благодарили за помощь, особенно когда речь шла о детях. Некоторые из свидетелей отказались от первоначальных показаний и вообще отрицали факты дачи вознаграждения.

Оставим в стороне юридическую сторону дела. В конце концов, в этом должны разобраться юристы и суд. Хотел бы вернуться к его личности и поярче показать ее. Он автор многих научных трудов по медицине, психиатрии, имеющих специальное и общеобразовательное значение. Многие из них переведены на иностранные языки. Он решил посвятить жизнь психически ущемленным людям — слабо изученному в медицине направлению. Главную причину видел в недостатке кадров и их слабой подготовке, вел большую работу по совершенствованию их знаний — курсы, симпозиумы, практические занятия и т. д.

Непосредственно курировал научную работу целой группы молодых специалистов. Имел отделение для больных в клинике.

Знание иностранных языков — английского и немецкого — позволило ему проложить путь к зарубежному опыту, чем он активно пользовался. Поездки в другие страны, переписка с зарубежными научными центрами и специалистами помогали расширять его познания, сравнивать отечественные достижения с мировыми.

Он внимательно следил за нашим самочувствием, ставил диагнозы, давал советы. Его диагнозы затем полностью подтверждались тюремными врачами, что еще больше повышало его авторитет.

Помимо всего прочего, он владеет гипнозом, способностями экстрасенса. В этом я имел возможность убедиться лично. Его сеансы перед ночным отдыхом оказывали благотворное воздействие. Он давал массу полезных практических советов. Чувствовалось, что он страдает от безделья и несказанно рад, когда к нему обращаются как к врачу, пусть даже по пустяковому поводу.

В политическом плане — антисоветски настроенный человек, лютой ненавистью ненавидит Ленина, КПСС, социализм и все, что с этим связано. Для негативных эпитетов в адрес Ленина и партии не жалел слов и пускал в ход все свое красноречие. Ратовал за деление общества на бедных и богатых. Никаких ограничений для богатства! Каждый живет в соответствии с доходами. Таланты должны вознаграждаться без ограничений. Главная забота государства — держать под контролем «люмпенов». Запад и Япония для него — образец благополучия и справедливости. После освобождения из тюрьмы намеревался уехать в другую страну. Мечтал о Южно-Африканской Республике, где думал начать безбедную жизнь.

Он жизнелюб, имел достаток, гурман, любит Россию, но не хочет жить так плохо, как большинство россиян. Интеллектуально богат, эрудирован, великолепно знает отечественную и зарубежную литературу — прозу и поэзию, древнюю историю.

Хорошая память позволяла ему воспроизводить большие выдержки из прочитанного. Сам сочинил несколько сот коротких стихотворений — сонетов, продолжает работать над ними, мечтает издать, имеет на этот счет договоренность с издательством. Знаток и ценитель музыки, прежде всего классической. Многие оперы знает наизусть — и либретто, и музыку. Сам играет на фортепьяно.

8 ноября 1991 года по радио передавали оперу Беллини «Норма». Надо было видеть, с каким самозабвением он

прослушал ее от начала до конца, а затем долго переживал, воспроизводил отдельные отрывки из арий. Одинаково любит восточную и западную музыку.

В семейной жизни несчастлив — второй брак оказался таким же непрочным, как и первый. Жена расторгла брак вскоре после вынесения ему приговора. Сын остался с женой, и он считает, что потерял его навсегда. Лишился жилья, у него нет даже скромного угла в стране, которой тоже не стало.

В тюрьме провел шесть лет — по времени и значимости целую эпоху. За это время полностью обнищал, нет денег, но появились долги, считает, что на нем клеймо преступника. Здоровье основательно подорвано, астма разыгралась не на шутку и делает свое дело. По ночам его мучил кашель, курение отнимало последние остатки здоровья. «Выйду из тюрьмы — запью, чтобы через полгода уйти в лучший мир», — говорил как о давно решенном.

Не знаю, какое постановление примет суд высшей инстанции по его кассационной жалобе. Возможно, освободит из-под стражи, ограничившись отбытым сроком наказания. Но вопрос не только в этом. Ценность его как специалиста несомненна. Специальные знания — не его личное достояние, а достояние государства. Знания, способности, опыт деньгами не измеришь.

Как-то в камеру пришел врач, осматривал пациента. Сокамерник очень деликатно дал ему один совет, другой. Врач согласился, и между ними произошел профессиональный разговор не без пользы для врача. Я спросил третьего сокамерника, используют ли его в тюрьме как врача-психиатра? Он с горечью ответил, что его услугами ни разу не воспользовались. Кстати, его ждут в прежнем институте, он имеет неофициальные приглашения еще в некоторые учреждения. Но как он поступит, еще не решил.

Неужели после освобождения он уедет в ЮАР, а не останется в России, чтобы лечить, приносить пользу людям здесь?

…В 22:00 8 ноября 1991 года выключили радио, а я мысленно пробежал все 74 года советской истории.

Разными они были. Были годы поражений, позора, унижений, репрессий. Но были годы побед, подъема, движения вперед, возрождения. Были годы усиления советского влияния в мире, под воздействием которого менялся в лучшую сторону облик человеческого общества на планете. Было все, и ни от чего мы не вправе отказываться!

1991 год лично для меня был самым тяжелым, драматическим, не считая, разумеется, 1941 года — начала Великой Отечественной войны. В 1991 году у меня рухнули

надежды на сохранение Советского Союза, гражданином которого я являлся. Участие в августовских событиях перевернуло мою личную жизнь, обрекло на страдания и душевные муки родных и близких, а я лишился свободы, не добившись спасительной для страны цели.

Сокамерник, что недавно с воли, рассказывает о житье; слушая рассказ о тяжелой жизни, мытарствах людей, порушенном государстве, один из сокамерников с горечью произнес: «А Родину-то нашу распяли…»

Огромный, порой нечеловеческий труд оказался вдруг лишним, иногда, казалось, напрасным. Самые добрые намерения обернулись тяжелым поражением. С нуля не начнешь — слишком много лет позади и совсем мало впереди. И все же человек редко вовсе теряет надежду.

Мне в тот день, 8 ноября, тоже хотелось верить в то, что еще не все потеряно. И я верил!

Каждый человек связывает с Новым годом личные надежды.

Тюрьма настолько прижимает, что разогнуться, подняться до состояния, когда человек мечтает об осуществлении желаний, почти невозможно. Нет легкости полета мысли, не хватает рвущейся ввысь энергии, ощущаешь одну тяжесть.

Сокамерники заметили, что я больше говорю об общих делах, о трудном времени для страны. По их мнению, в моем положении все думы должны быть обращены лишь к семье, дому и собственной судьбе. Пришла пора, говорили они, расстаться с политикой, она для меня раз и навсегда осталась в прошлом. Но как быть, если она стала неотъемлемой частью моего существования, второй натурой. Видимо, вырвать политику из моего сердца уже невозможно ни обстоятельствам, ни времени.

Без сомнения, 1991 год будет предметом изучения политиков, историков, социологов, ученых. В этом году произошло многое, что зрело, копилось и наконец прорвалось. К этому году будут возвращаться не раз, и, вполне возможно, издалека кое-что увидится в другом свете.

В первый день нового, 1992 года передачи по «Маяку» носили далеко не оптимистический характер. Делалось это даже нарочито. Прозвучал репортаж с улицы: большинство не верит в улучшение положения в 1992 году, меньшинство выразило готовность ждать, проявить терпение. Люди со страхом относятся к либерализации цен. По официальным данным, большинство населения немедленно окажется за чертой бедности.

Вообще в последнее время содержание радиопередач изменилось, но этот сдвиг еще не слишком заметен. Различные точки зрения по основополагающим проблемам, действительное

положение в стране объективно не отображаются. В условиях острой социальной обстановки, естественно, появляется соблазн успокоить, умиротворить народ на потребу скорее тактическим, чем стратегическим нуждам. Ну а если завтра наступит большее обострение ситуации? Видимо, ни одного рецепта, кроме объективности, не придумаешь.

От уходящего года осталась заметная, зловещая тень гражданской войны. Она не исчезла, не ушла, она в нашем доме. Ее очаги полыхают в Нагорном Карабахе, в конфликте участвуют две республики, точнее два государства — Армения и Азербайджан; там идут настоящие бои, каждый день убитые и раненые, разрушения. То же самое происходит в Грузии. На грани военного конфликта обстановка в Молдавии, жертвы уже есть.

В этом году мы ходили по опасной грани конфликтов во многих районах бывшего Союза. Крупномасштабных взрывов удалось избежать, но ситуация непредсказуема, и, как пойдет развитие в самом ближайшем будущем, сказать трудно.

Высказывается надежда, что роль сдерживающего фактора будет играть Содружество Независимых Государств. Создание СНГ почти всеми средствами массовой информации преподносится как наиболее значительное свершение в жизни народов бывшего Союза, «победа разума», «историческое дело», «прорыв» — в общем, в нашей истории ничего более грандиозного, чем встреча в Беловежской Пуще, не было.

Наступил 1992 год. Для меня он был тюремным, полным раздумий, мучительных оценок, воспоминаний, непредсказуемости.

2 января с либерализацией цен Россия сделала, пожалуй, самый значительный шаг в рынок; правда, по весьма узкой группе продуктов установили потолок. Энтузиазма у населения это не вызвало. Пошли тревожные сообщения о реакции людей на повышение цен. Никого не успокаивали расчеты наших официальных экономистов, в соответствии с которыми обстановка должна была стабилизироваться, а к концу 1992 года даже улучшиться. Гайдару, который (вот оптимист!) предсказал увеличение цен в три-четыре раза, не больше, мало кто верил.

Люди устали от всего — от огульного охаивания прошлого, мрачного настоящего, они потеряли веру, оказались бессильными в своей обреченности смириться с нечеловеческими условиями, потратить впустую еще какую-то часть своей жизни.

Я мучительно думал над происходящим и невольно приходил к выводу, что на навязанном народу пути перехода к рынку творится безумие. Социальные потрясения могут толкнуть страну на путь с неясными, непредсказуемыми последствиями. Сами

люди не хотят потрясений, но власть своей политикой создает для этого все условия.

4 января 1992 года впервые познал, как сказали сокамерники, настоящий «шмон». В камеру шумно и демонстративно вошли два охранника — оба офицеры.

Надо сказать, что арестованных по делу ГКЧП охраняло особое подразделение, состоявшее из иногородних сотрудников. Они сменялись примерно раз в три-четыре недели, жили тут же, рядом, в следственном изоляторе.

Один из вошедших — омоновец в малиновом берете, рослый, плотного телосложения, сравнительно молодой. Его вид и поведение сразу выдали в нем человека жесткого, бесцеремонного, для которого приличия, этикет, манера обращения — вещи не суть важные. Видимо, он и в жизни пренебрегает ими. Он резко спросил, кто дежурный, и, не получив ответа, приказал самому молодому сокамернику оставаться в камере, а остальным выйти в коридор.

В коридоре он приказал встать лицом к стене, руки заложить за голову, ноги приказал расставить шире, при этом бесцеремонно, грубо, ударом ноги раздвинул пошире ноги у моих сокамерников. Меня, правда, не тронул. Делал все быстро, жестко, как будто работал не с человеком, а с манекеном. Непроизвольное движение стоящих у стены — кто-то чуть опустил руки, повернул голову, сменил позу — «поправлял» окриком: «Стоять на месте, положение не менять!»

Пока мы находились в коридоре, другой офицер со своим напарником производили в камере тщательный обыск. Осмотрели вещи, одежду, постели, пробежали записи по делам, документы. Внимательно исследовали стол, представлявший собой сооружение из железа, вцементированное в пол. Сантиметров на двадцать ниже верхней части стола приварен из железа второй, нижний уровень, где и хранятся записи, документы, книги и кое-что по мелочи.

Нашли спичечный коробок с лекарствами. Спросили у моего соседа, почему он хранит таблетки. По правилам лекарства должны приниматься немедленно и в присутствии врача. Сокамерник ответил, что принимает их в случае появления болей. Объяснение было сочтено неубедительным, и таблетки полетели в унитаз.

Кстати, там были и мои таблетки. Врач настоятельно рекомендовал мне лекарство для нормализации кровообращения, от усталости. Я согласился, но принимать таблетки не стал, а мой товарищ по камере попросил отдать их ему. Другого ничего не взяли, сделали по мелочам замечания и снова препроводили нас

в камеру.

Мне очень хотелось посмотреть офицеру в малиновом берете в глаза. Лишь на одно мгновенье наши взгляды встретились, и он сразу отвел взгляд. То ли понял неловкость, то ли ему было наплевать на происходящее.

Второй офицер тихо сказал мне: «Владимир Александрович! У вас на столе лежат письма от родных. В тюрьме не положено хранить личную переписку, поэтому или найдите возможность вернуть письма родным, или уничтожьте». В его словах чувствовалось желание помочь мне. Два человека — два мира!

В коридоре находилось несколько человек из охраны. Они словно застыли, внимательно наблюдая процедуру обыска, их взгляд я ощущал на себе, в нем были изумление, удивление и, по-моему, неприятие.

Вдруг в конце коридора появилась врач — пожилая женщина, чуткая, заботливая. Работала она в тюрьме недавно, к здешним порядкам только привыкала. Увидев сцену обыска, от неожиданности остановилась, наши взгляды встретились, она смутилась и тотчас удалилась. В тот день она больше не появлялась.

После сокамерники сказали мне, что к такому обращению они привыкли, что часто грубости отдельных сотрудников, обслуживающего персонала по отношению к заключенным являются поводом для возмущения и разного рода чрезвычайных происшествий.

Но я понимал и другое: на меня пытаются оказать психологическое давление: стали чаще менять сокамерников, их число увеличивалось, ужесточался порядок общения с адвокатом, в очередной раз отказали в телевизоре, пояснив, что по завершении моего ознакомления с делом вернутся к этому вопросу.

К условиям содержания под стражей в общем-то у меня особых претензий не было — тюрьма есть тюрьма, тем более что и на свободе жизнь для большинства людей становилась все тяжелее.

Трудно представлять, описывать, анализировать события, жизнь, сидя за тюремной решеткой. В твоем распоряжении радиоточка с одной программой, не тобой отобранные две-три газеты, твоя память и весьма скудное, случайное общение с ограниченным кругом людей. Вот и все! Нет контактов с широким кругом лиц, разных, занимающих интересное положение в обществе. Не знаешь реакцию на события; фон, на котором они разворачиваются: улицы, площади, общественные здания, наконец, небо, — все это отсутствует и видится лишь в твоем

воображении, да и то в какой-то дымке.

К тому же появляется такой фактор, как легкоранимая, чувствительная душа, в которой легко может разыграться фантазия и тут же угаснуть. Эта фантазия часто заводит тебя в тупик. Есть только один плюс — твое независимое от многих обстоятельств положение способствует формированию объективных выводов. И еще одно — ты не обременен ответственностью, и это не сковывает, не ограничивает, по крайней мере в мыслях.

В декабре 1991 года следствие подходило к завершению. Предстояло ознакомиться с делом. Материалов набралось много, 125 томов. Внимательное прочтение, выписки, советы с адвокатами, — по одному тому в день, и то четыре месяца! Так что перспективы финала были неблизкими. А к этому моменту истекало пять месяцев моего содержания под стражей. Для меня это время было прежде всего наполнено общением со следователями и адвокатами.

Следователи изучали меня, я же изучал их, причем как бы машинально, поначалу не задумываясь над этим специально.

Очень скоро понял, что самое главное для следователя — доказать вину, все подчиняется этому. Шаг за шагом он собирает улики, увлекается именно этой стороной, а все, что оправдывает подследственного, как бы не замечается, а точнее, игнорируется. При этом игнорируются обстоятельства, поясняющие предмет расследования и снимающие или уменьшающие вину подследственного.

Лично убедился в том, что право на участие адвоката с самого начала расследования дела — одно из важнейших достижений уголовно-процессуального законодательства.

Неравенство сторон — следователя и подследственного — ощущается практически во всем. Во-первых, следователь хозяин времени: день, час, продолжительность допроса, перерывы в работе с подследственным — все в его власти и зависит только от него. Характер, направленность допроса также определяются следователем: он подбирает вопросы, очередность их постановки, вокруг одних может кружить часами, а по другим как бы скользить.

Внезапность темы допроса — излюбленный прием, хотя, мне кажется, он мало что дает.

Многократный допрос по одним и тем же эпизодам, дополнительные вопросы, уточнения сопровождаются, как правило, подчеркиванием, что он, следователь, только и думает, как мне, бедолаге, помочь. Иногда становится даже как-то неудобно оттого, что он усердствует, а ты не ценишь его

стараний. Вдруг следователь выходит из себя, изображает обиженного, утверждает, что хотел бы помочь, а подследственный делает себе хуже.

Много и других приемов, довольно дешевых, примитивных, но они, как ни странно, иногда срабатывают, помогают следствию.

Причина, как мне думается, все в том же незавидном положении подследственного — он готов ухватиться за любую соломинку, связывая с ней надежды на спасение. И самое, пожалуй, удивительное — подследственный может наговорить на себя лишнее!

Все эти уловки могут принести временный успех, но только в ходе предварительного расследования, о чем следователи забывают. В судебном заседании этот «успех», как правило, оборачивается брешью и компрометацией следствия.

Первый мой следователь начал работать со мной в Солнечногорске 22 августа. Он оказался сравнительно молодым сотрудником Российской прокуратуры. По складу характера был он человеком невеселым, я сказал бы, даже постоянно чем-то удрученным. Взгляд у него был задумчивый, угрюмый, в глаза почти не смотрел.

У меня появилось естественное желание составить о нем более полное представление, заглянуть в него поглубже, но все мои попытки разглядеть его глаза ни к чему не приводили — лишь на секунду наши взгляды встречались, а потом он тут же отводил глаза в сторону.

Он начал с личного обыска, составил протокол, выполнил некоторые другие формальности. Проделал все это молча, корректно, реагируя на мои вопросы односложными ответами. Объяснил, что я имею право на адвоката, но сделал это мимоходом, так, что я не придал этому значения, и следствие началось без адвоката.

Это была моя первая ошибка. Но одновременно совершило ошибку и следствие, потому что допрос подозреваемого в совершении преступлений, предусмотренных статьей 64 УК РСФСР, производится при обязательном присутствии защитника, а в случае его отсутствия теряет юридическую силу.

Следователь попросил меня рассказать об августовских событиях и приготовился писать протокол. Конечно, он не владел материалом, и все, что я говорил, было для него и ново и, более того — интересно. Спустя минут сорок он взял перерыв и бросил фразу: «Прямо доклад, вот как у вас получается».

На мой уточняющий вопрос, что я, мол, что-то не так говорю, последовал ответ: «Все так и можно продолжать». Никаких

дополнительных вопросов у него не возникало. По окончании допроса он долго молчал, затем, не сказав ни слова, удалился. Через несколько дней он продолжил работу со мной уже в Москве.

Я понимал, что у следователя появится много вопросов и что, наверное, следственная группа будет готовить их за кулисами.

Мне показалось, что следователь без особого желания взялся за работу со мной, а точнее, принял дело к производству. Во всяком случае, он все время был скован, инициативы с его стороны не чувствовалось. Иногда беспричинно прорывалась раздражительность, но не в мой адрес, а по поводу всего происходящего. Будучи человеком неконтактным, он не использовал допрос для углубления отношения с подследственным, просто плыл по течению, а затем неожиданно прерывал допрос.

Я силился понять его личное отношение к ГКЧП, но он так его и не проявил. Это наводило меня на размышления. На мои вопросы, как правило, не реагировал, отводил в сторону взгляд и, немного помедлив, продолжал допрос, то есть выполнял свою программу. На контакты с моей семьей шел неохотно, но письма передавал, соблюдая при этом установленные формальности. Вскоре я понял, что он тяготится делом и поэтому постарается отойти.

И действительно, перерывы между допросами становились все больше, а в октябре со мной стал работать новый следователь. Кстати, потом я случайно узнал, что мой первый следователь вообще уволился из органов прокуратуры по собственному желанию.

Новый следователь был чуть старше 40 лет, активный, контактный, тонкий, понимающий ситуацию. У него была своя позиция, которую, правда, он полностью не раскрывал, любил и мог порассуждать о сложных проблемах, но делал это осторожно, границ дозволенного почти не переступал. Следствие с первых дней повел активно, главный метод — вопросы, ответы, уточняющие вопросы. Никакого понуждения. Внешне удовлетворялся любым ответом, но дополнительные, более детальные вопросы не заставляли себя ждать.

Широко использовал мимику, жесты, давая понять, доволен или нет ответом подследственного.

Очень скоро я заметил у него один существенный недостаток в тактике допроса: он любил задавать неожиданные, так называемые коронные вопросы, призванные захватить врасплох, и таким образом получить нужную следствию информацию. Но слабая сторона такого метода состояла в том, что некоторые из

этих вопросов задавались, как говорится, на авось. В результате он сам нередко попадал в неловкую ситуацию или сбивал с толку подследственного.

Вот пример. Спрашивает: «Владимир Александрович! 5 августа 1991 года на объекте КГБ состоялась ваша встреча с Язовым и Пуго. Расскажите, о чем шел разговор на встрече?»

На мой уточняющий вопрос, уверен ли он, что встреча состоялась именно в тот день и в том составе, он ответил утвердительно. Я попросил его уточнить, был ли Пуго 5 августа в Москве.

На следующий день следователь снял вопрос, поскольку выяснилось, что Пуго улетел из Москвы накануне — 4 августа.

Зато им активно использовались вежливость, предупредительность, сочувствие и еще кое-что в этом духе. А еще он обожал затевать дискуссию и по ходу выводить подследственного на интересующие следствие вопросы. Ни разу не повысил голоса, не допустил грубости. По-моему, искренне сокрушался по поводу утечки в средства массовой информации материалов расследования. В отличие от первого следователя мгновенно наладил контакт с адвокатом, что к тому времени стало чуть ли не главной проблемой, вызывавшей раздражение у всех сторон — следователя, адвоката и подследственного, поскольку адвокат требовал строгого соблюдения уголовно-процессуальных норм, и неизменно оказывался прав.

Этот следователь был старшим группы, которая вела дело ГКЧП в части, касавшейся КГБ СССР, Тизякова и Стародубцева. Нагрузка была приличной, и вскоре он заболел — не выдержало сердце. Я сожалел по этому поводу, ибо мне казалось, что он склонен к объективному расследованию.

И все же он успел провести со мной две очные ставки — с бывшим министром иностранных дел Бессмертных и бывшим первым секретарем Московского горкома КПСС Прокофьевым. Очные ставки объективно осветили ряд важных моментов, показали тому и другому мою порядочность и, самое главное, подкрепили уверенность следствия в правомерности нахождения на свободе Бессмертных и Прокофьева, как не совершивших какого-либо преступления.

Удивительное дело, несмотря на мои неоднократные просьбы, больше ни с кем очных ставок у меня не было. А ведь они были нужны не только мне, но и следствию.

Вскоре второй следователь заболел и его заменил третий: 58-летний сотрудник прокуратуры одной из республик Российской Федерации.

С самого начала он стал играть роль рубахи-парня. Рассказал

о себе, семье, внуках, как жил в прошлом, о своей принадлежности к КПСС. Сокрушался по поводу экономических реформ, из-за которых его семья попала в бедственное положение, лишившись сбережений, хотя и скромных. Жалел Союз, по-доброму вспоминал прошлую жизнь. Любил поговорить на отвлеченные темы, внимательно слушал меня, соглашался с моими рассуждениями, советовал кое-что из сказанного включить в показания. Проявлял заботу о моем здоровье, давал добрые советы и даже пытался угощать чаем, конфетами. Предсказывал мне перспективу, намекая, что все обойдется малыми издержками.

Как бы доверительно говорил мне, что, судя по показаниям моих подельников, я оказываюсь во главе всего дела, или, как принято говорить, «паровозом». Исправить это можно моими откровенными показаниями о деятельности других обвиняемых. В доказательство следователь иногда показывал мне, разумеется «доверительно», выдержки из показаний отдельных обвиняемых, компрометирующих меня.

В ответ я улыбался, а он корил меня, приговаривая, что напрасно я не придаю этому значения. Вообще подобный прием оказывает воздействие, выводит из равновесия, тем более когда речь идет о неправде. Навлекали на раздумья отказы в проведении очных ставок для выяснения разночтений. Причем упорство, с которым следователь уходил от удовлетворения просьбы, еще больше настораживало, но вместе с тем говорило о том, что у следствия не все получается.

Третий следователь, надо признать, был большим мастаком по части психологического воздействия. Он мог с утра прийти весьма «удрученным» и доверительно шепнуть о недовольстве, которое проявляет его начальство по поводу моего поведения.

На мой недоуменный вопрос, чем я его прогневил, он пояснял, что якобы моей неоткровенностью. По его словам, мои ответы слишком обтекаемы, дипломатичны, мало названо фамилий. Только из желания сделать мне добро он настоятельно советовал привести побольше «фактуры» и подумать о себе, так как «другие поступают именно таким образом».

Особенно «тонкую» работу он проводил со мной накануне предъявления постановления о привлечении меня в качестве обвиняемого.

Руководство следствия заинтересовано в том, «доверительно» говорил он мне, чтобы обвиняемые по делу ГКЧП не признали себя виновными. В этом случае они покажут себя в невыгодном свете — совершили преступление и не признаются, чем вынудят ужесточить (?!) позицию обвинения.

Когда же я не признал себя виновным, он порекомендовал мне признать свою вину частично. «Выиграете в глазах людей», — заметил он.

Как-то я спросил у него, на чем основано предъявление мне обвинения по пункту, в котором утверждается, что я совершил противоправные действия из-за угрозы своему личному благополучию.

Он откровенно признал, что не может объяснить, так как пункт был вписан не им, а какой-то «аналитической» группой.

Было одно обстоятельство, которое, как мне кажется, отрицательно сказывалось на исполнении следователями своих служебных обязанностей.

В связи с кончиной Союза сворачивала свою деятельность союзная прокуратура. Остро встал вопрос о трудоустройстве ее сотрудников. Повисла в воздухе и судьба моего следователя. Он был весьма расстроен ситуацией, ведь до пенсии ему оставалось всего два года, и, когда ему поручили вести дело бывшего председателя КГБ СССР, он расценил это как хороший шанс. Очень боялся осложнений с адвокатом и, разумеется, с подследственным, так как отвод от работы со мной мог отразиться на прохождении им дальнейшей службы.

Как-то он пришел на допрос весь сияющий, со словами «Владимир Александрович, можете меня поздравить. Я зачислен на работу в Российскую прокуратуру». Я, конечно поздравил его, пожелал успехов, а конкретно — объективности по делу, не упустил также возможности немного съязвить, спросив у него, нет ли в этом событии моей заслуги.

После снятия с нас обвинения в измене Родине у следователя чувствовалась, как мне показалось, какая-то растерянность, неловкость, ведь именно на этом фокусировалось многое. Что касается заговора с целью захвата власти, к которой мы не стремились, то здесь следствие так и не смогло включить в обвинение конкретную аргументацию.

У меня сложилось впечатление, что в ноябре — декабре 1991 года следствие вдруг здорово заспешило. Торопливость чувствовалась во всем. Подгоняли с показаниями по предъявленному обвинению, в отличие от недавнего довольствовались краткими показаниями, работали почти каждый день.

И еще одно — в отношении подследственных проявлялось больше внимания и предупредительности. В частности, просьбы об очередных свиданиях удовлетворялись незамедлительно.

Думаю, причиной этого явилось то, что в печати появился ряд публикаций, в которых поднимался вопрос о судебной

перспективе дела ГКЧП. Следователь с интересом и беспокойством следил за сообщениями на этот счет, как-то даже заметил, что, мол, некоторые в следственной группе поговаривают о статье 5 УПК РСФСР, предусматривающей прекращение уголовного дела вследствие изменившейся обстановки.

15 января 1992 года третий следователь объявил мне об окончании следствия и фактически со мной распрощался. Он не скрывал радости по поводу прекращения работы по делу, сказал, что не испытывал желания в нем участвовать, в том числе и по соображениям морального плана. А в общем-то я был для него всего лишь субъектом в деле по исследуемому составу преступления; служба, профессия делают свое дело.

Он наверняка переживал, как пойдет дело в суде, то есть как будет оценена его работа. Вряд ли он верил в то, что перед ним изменник Родины.

Я же иногда думал о том, что он в КПСС состоял 31 год, я — 49 лет. Три месяца мы находились друг против друга: следователь и обвиняемый. Оба мы были за Союз, переживали его развал, знали, что история нам не простит, и тем не менее находились по разные стороны закона, потому что какая-то сила не позволяла нам быть вместе и спасать Отчизну.

В январе 1992 года началась изнуряющая процедура ознакомления с материалами дела. 125 томов! Каждый приблизительно по 300 страниц. Не все они равнозначны, не все материалы следовало скрупулезно читать. Однако большую часть, даже, пожалуй, подавляющую, нужно было изучить внимательно.

Каких-то особых, принципиально новых открытий материалы не содержали, однако ярко высвечивали облик некоторых лиц, которые под влиянием конъюнктурных соображений или из-за трусости в августе 1991 года или вскоре после него давали показания, порочащие отдельных обвиняемых, представляя себя как борцов за демократию, решительно выступивших против «путчистов» и готовых в случае необходимости совершить геройские поступки в защиту дела демократии.

Однако таких было немного, можно сказать, единицы.

Показания обвиняемых подтверждались практически всеми допрошенными свидетелями и другими материалами, приобщенными к делу.

«Забойные» положения обвинения, несмотря на старания следствия подвести под них «фактическую» базу, придать им доказуемый вид, повисали в воздухе.

Обращало на себя внимание, что повторные и более поздние допросы свидетелей были куда благоприятнее для обвиняемых,

чем те, что были сделаны в августе или начале сентября 1991 года. Люди пришли в себя, отбросили опасения и начали давать объективные показания. Они освободились от негативного влияния мрачной обстановки, необузданного разгула «демократии», от давления «демократических сил» в первое время после августовских событий.

Из материалов следствия было совершенно очевидно, что отпадают так называемые корыстные мотивы действий гэкачепистов.

Лопнули как мыльный пузырь утверждения о составлении списков на аресты и физическое уничтожение людей, конечно «демократов», якобы вынашиваемые намерения физического уничтожения Горбачева, Ельцина и некоторых других членов российского руководства.

Выглядели бездоказательными утверждения следствия о готовящемся штурме Белого дома и срыве его только потому, что исполнители отказались выполнить соответствующий приказ.

Явно ничего не клеилось у следствия с попытками доказать измену Родине, заговор с целью захвата власти.

Что касается разгона высших законодательных органов Союза и республик, в частности Российской Федерации, то все имеющиеся в деле материалы говорили совершенно об обратном: на 21 августа 1991 года было назначено заседание Верховного Совета РСФСР и без всяких помех проведено.

Генеральный прокурор России Степанков и другие лица, руководившие следствием по делу ГКЧП, хорошо отдавали себе отчет в том, что ни с фабулой обвинения, ни с доказательной базой у них не клеится, что концы не сходятся с концами.

Прекратив в декабре 1991 года уголовное дело по факту измены Родине и оставив только обвинение в заговоре с целью захвата власти, Генеральная прокуратура, по сути дела, привлекала членов ГКЧП к уголовной ответственности по не существующей в уголовном праве норме. Многие первоначальные пункты обвинения не нашли в ходе следствия не только сколько-нибудь приблизительного подтверждения, но были вовсе опровергнуты материалами следствия.

Далее, со стороны обвиняемых был поставлен вопрос о приобщении к делу ГКЧП другого уголовного дела по факту столкновения военнослужащих с гражданскими лицами в ночь на 21 августа в тоннеле под Калининским проспектом. Тоже деликатный вопрос, поскольку Московская городская прокуратура прекратила его за отсутствием состава преступления.

Явно не в пользу Генеральной прокуратуры складывались настроения среди общественности, широких групп населения

России.

Мощно поднимала свой голос оппозиционная пресса, да и не только оппозиционная. В ряде даже проправительственных газет и журналов публиковались статьи, в которых выражались откровенные сомнения в правовой состоятельности дела ГКЧП и реальности перспективы судебного процесса.

Вокруг «Матросской тишины» все чаще проводились демонстрации, митинги протеста с требованием освободить узников, прекратить позорное дело ГКЧП. Опросы общественного мнения, проводимые социологическими службами проправительственной ориентации, со всей очевидностью показывали рост поддержки привлеченных по делу ГКЧП лиц со стороны широких слоев общественности, среди рабочих, крестьян, интеллигенции.

Все чаще раздавались требования о прекращении дела. Но у высшей власти, у режима были свои расчеты, что не могло не сказываться на позиции Генеральной прокуратуры России.

…В этом контексте следует рассматривать вышедшую в свет книгу генерального прокурора Степанкова и его заместителя Лисова под названием «Кремлевский заговор». Название книги сопровождалось небольшой припиской — «Версия следствия».

До направления дела в суд, до предъявления последнего обвинения Генеральная прокуратура публикует материалы следствия, проверенные и непроверенные сведения, опровергнутые в ходе следствия первоначальные утверждения о виновности привлеченных к уголовной ответственности, домыслы генерального прокурора и его заместителя! Невесть откуда взяты «документы», якобы изобличающие обвиняемых, на самом же деле унижающие их человеческое достоинство, в таком же духе даются им характеристики.

И это делает прокуратура, призванная следить за неукоснительным соблюдением законности, пресекать всякого рода нарушения, быть на страже правопорядка, и если не подавать в этом доброго примера, то, по крайней мере, не призывать других нарушать законы!

Книга изобилует выдержками из протоколов допросов обвиняемых, свидетелей, приобщенных к делу документов, а то и просто умозаключениями ее авторов. Каких только фантастических пассажей не содержится в этой книге! Не стоило бы занимать внимание читателей, но для иллюстрации хотелось бы привести некоторые из них.

Оказывается, в Форосе президентский пляж охраняла сверхчуткая система сигнализации, реагирующая даже на проплывающих дельфинов. А в том сезоне эту систему

подстраховывали еще десять водолазов. Какая чепуха!

Далее идут цифровые сведения о количестве охраны президента, ее глубокой эшелонированности, о многочисленных охранных постах за резиденцией, о том, что все охранники, включая миловидных горничных, получали зарплату в КГБ, благодаря чему самым большим начальником для них был Крючков, а вовсе не президент.

Что взбрело в голову, то и писали «великие» блюстители права!

Драматически описана обстановка в резиденции, когда туда 18 августа прибыли Бакланов, Шенин, Варенников, Болдин и сопровождавший их Плеханов, «трагические» моменты переживаний Горбачева. Но авторы не поведали читателям о том, что он мило попрощался с упомянутыми лицами, после их отъезда попросил принести грузинского вина, заказал приключенческий фильм и вместе с семьей отправился его смотреть.

Авторы книги уделили особое внимание моей персоне. Касающуюся меня часть книги они озаглавили так: «Портрет председателя КГБ, который считал, что страна находится во власти «агентов влияния».

Действительно, я говорил об «агентах влияния» и ни от одного своего слова, сказанного по этому поводу, не отказываюсь и сегодня.

До августа 1991 года я считал, что страна в опасной мере находится во власти «агентов влияния». Они действовали, проводили политику, чуждую интересам нашего народа и государства. Я утверждаю это и сегодня. Впервые сказал об этом на закрытой сессии Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года. Мое выступление было подхвачено значительной частью средств массовой информации, во всяком случае, никто не остался равнодушным.

Чего только не написано авторами книги обо мне! Был социальный заказ, и они действовали. Вот одна из цитат: «Крючков, знавший Андропова лучше, чем Горбачев, был убежден, что Андропов никогда бы не позволил покушаться на систему. Действия Горбачева он воспринимал с недоумением, они ставили его в тупик, порождая подозрения в искренности клятв Горбачева в «верности» социалистическому пути».

И далее: «Всю жизнь он боролся с оппортунизмом. Гордился, что отстоял социализм в Венгрии в 1956 году. Горбачев перед всем миром признал события в Венгрии преступлением. Крючков принимал участие в осуществлении ввода войск в Чехословакию в 1968 году. Горбачев принес свои извинения народу Чехословакии

за «вмешательство во внутренние дела, допущенные КПСС в 1968 году». Крючков приветствовал возведение Берлинской стены и все делал, чтобы сохранить ее в целости. Горбачев разрушил ее. Крючков с ликованием встретил вторжение войск в Афганистан. В Кабуле его боевики штурмовали дворец Амина. Горбачев назвал афганскую войну «исторической ошибкой».

Думаю, что подобные пассажи делают мне честь.

В 1992 году, когда писалась книга «Кремлевский заговор», ее авторы, видимо, еще не предполагали столь низкого падения России, какое произошло спустя совсем короткое время. Поэтому они позволяли себе такие высказывания: «Крючкову всюду мерещились «агенты влияния», он все время ссылался на какие-то только ему одному известные источники информации о том, что Запад вынашивает идею «сокращения» населения СССР» — и т. д. Для того чтобы это утверждение прозвучало более убедительно, Степанков и Лисов не побрезговали даже ссылками на предателей: «В КГБ вообще большие параноики. Воображают порой нечто невероятное», — считает бывший советский разведчик Олег Гордиевский».

Так пошли в ход заявления человека, приговоренного к расстрелу Военной коллегией Верховного суда СССР за предательство Родины и агентурную работу в пользу английской разведки!

В 1993 году в России умерло на 800 тысяч человек больше, чем в 1992 году, а в 1994 году уже более чем на один миллион. Когда такое наблюдалось в нашей стране? Даже в суровые годы Великой Отечественной войны такого не бывало.

Население России продолжает сокращаться вследствие повышенной смертности, а также выезда в другие страны. Прокурорам столь высокого ранга стоило бы над этим задуматься. А они нет — делают из этого насмешку.

Тут же авторы книги вспомнили мое выступление на сессии Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года и с издевкой упомянули: «Крючков сообщил депутатам, что стране грозит катастрофа». А что, разве катастрофы не произошло?

Интересно было бы спросить Степанкова и Лисова, какие предсказания, сделанные Комитетом госбезопасности в его официальных записках высшему руководству страны, выступлениях председателя КГБ на сессиях Верховного Совета, не нашли подтверждения? Что, разве сохранился, укрепляется, процветает Советский Союз? Наша экономика на подъеме? Наши внешнеполитические позиции укрепились, мы приобрели новых друзей и никого из прежних не потеряли?

«Старательность» авторов книги превзошла мыслимые и

немыслимые границы. Вместо приобретения политического багажа, укрепления позиций режима и разоблачения «преступлений» членов ГКЧП они оказали режиму медвежью услугу. Вынудили даже проправительственную печать высказать серьезные нарекания в адрес книги и ее авторов.

Сошлюсь на статью Валерия Руднева в газете «Известия» за 21 августа 1992 года. Она называется «Дело ГКЧП: следствие еще не закончено, но книга уже написана». Ссылаюсь на эту статью, потому что ее автор никак не может быть заподозрен в каких-то симпатиях к лицам, проходящим по делу ГКЧП. Руднев пишет, что главный вопрос — имеет ли вообще генеральный прокурор право обнародовать следственные документы, которые составляют суть публицистического замысла авторов. Ссылаясь на мнение Степанкова о том, что обвиняемые точно следят за тем, как ухудшается социальное и экономическое положение в стране, и что их действия все меньше теперь осуждаются российской общественностью, Руднев пишет: «Вот так безо всяких затей сформулировал Степанков свой публицистический замысел — чтобы российская общественность больше осуждала (?!) обвиняемых по делу ГКЧП. Чем, видимо, по мысли Степанкова и будет поправлено социальное и экономическое положение в стране».

Воспроизвожу примечательный вывод Руднева: «И такое говорит Генеральный прокурор России, чья важнейшая должностная обязанность в сфере уголовного судопроизводства — блюсти принцип презумпции невиновности при любой политической ситуации. Прокурор, который — цитирую кодекс — «обязан обеспечить обвиняемому возможность защищаться установленными законом средствами и способами от предъявленного ему обвинения и обеспечить охрану его личных и имущественных прав». Уж простите, но более пренебрежительно относиться к закону просто невозможно. А мы еще рассуждаем сегодня о правовом нигилизме рабочего или колхозника, служащего или бизнесмена…»

Лучше, как говорится, не скажешь. Для того чтобы поставить точку в рассуждениях по поводу публикации книги «Кремлевский заговор», стоит воспроизвести заключительные слова Руднева: «Одно меня беспокоит. Когда произошла утечка информации в «Шпигель» (помните знаменитые пленки с признанием главных «путчистов»?), генеральный прокурор справедливо возбудил уголовное дело. Кто нынче будет решать подобный вопрос, если следственные документы, изобличающие обвиняемых по делу ГКЧП, до решения суда будут разглашены самим генеральным прокурором?»

В книге муссируются слухи, домыслы, предположения относительно судьбы «денег КПСС», нахождения их на счетах в зарубежных банках, в коммерческих структурах и совместных предприятиях.

Какое же государство после всего этого будет иметь контакты с нашей страной по вопросам, составляющим ту или иную степень тайны, без опасения, что это может быть предано гласности?

И это делается в то время, когда Соединенные Штаты Америки и другие западные страны не отрицают проведения ими тайных операций, признают оказание помощи организациям и движениям в других странах, занимающим проамериканские позиции. Эта помощь во много крат превышает ту, которую КПСС оказывала братским партиям. Нет признаков, указывающих, что Соединенные Штаты Америки и другие западные страны отказались или намерены отказаться от этой практики.

Вскоре после августовских событий в средствах массовой информации на территории бывшего Советского Союза и в зарубежных странах были опубликованы некоторые материалы Комитета госбезопасности и ряда других ведомств. Они касались вопросов внешней и внутренней политики и представляли собой документы, содержащие совершенно секретные сведения. По этим материалам можно было легко выйти на наши агентурные источники, доверительные связи в других странах и подставить под удар тех, кто помогал нашему государству, рисковал собой. Разумеется, это не может быть оправдано никакими политическими соображениями.

Мир узнал о наших сугубо внутренних оценках ситуаций в отдельных регионах, на международной арене в целом, об отношениях Советского Союза с другими странами, узнал, из каких источников мы получали информацию. Все это дало определенным кругам богатую пищу для размышлений и действий, в том числе в провокационных целях.

Судя даже по сообщениям печати, после этого мы лишились многих важных позиций. Какая другая уважающая себя страна поступила бы таким образом?

Мы поставили под удар не только связи КПСС с коммунистическими и иными партиями, раскрыли их содержание, каналы реализации, передачи информационных материалов. Мы поставили под угрозу жизнь и безопасность многих лиц, целых организаций, движений и даже стран.

В 1993 году, когда я уже был на свободе, один иностранный журналист обратился ко мне с просьбой дать ему интервью. Я согласился. В числе других вопросов он коснулся связей КПСС с

другими партиями, и в частности передачи денежных средств, приема в Советском Союзе групп функционеров и отдельных представителей коммунистической партии его страны.

Я, разумеется, давал дипломатичные ответы, стараясь не поставить под угрозу ни наших оперативных работников, ни разведку в целом и, разумеется, наши контакты и связи по ту сторону границы. В конце концов иностранный журналист разоткровенничался и, видимо стремясь разговорить меня, рассказал о том, что ему известны достоверные факты передачи денежных средств КПСС конкретным коммунистическим партиям.

Я усомнился, хотя и допускал такую возможность, поскольку в нашей печати об этом писалось. Нашлись люди, решившие свести политические счеты с прошлым, в том числе со своим. В стремлении доказать лояльность новому режиму и очернить, что было прежде, шли на все.

Тогда журналист показал мне целую кипу копий документов, подписанных мною, как бывшим начальником Первого главного управления, и адресованных в ЦК КПСС. В частности, некоторые из них представляли подробные отчеты о выполнении заданий по передаче финансовых средств. Назывались даты, суммы, лица, получившие их, короче говоря, все! На документах стоял гриф «особой важности», они составлялись в двух экземплярах, один из которых шел в соответствующий отдел ЦК КПСС, а другой оставался в Комитете госбезопасности.

На мой вопрос, каким путем были добыты эти документы, журналист спокойно ответил, что это стоило определенных денег. Судя по всему, этим сообщением он надеялся побудить меня к большей откровенности. Я сказал, что тайн и секретов не выдаю, и пусть то, что он получил, будет на совести тех, кто пошел на передачу этих документов.

Со своей стороны хочу заметить, что преданием гласности оперативных секретов был нанесен огромный политический ущерб и нынешнему режиму, потому что в результате этого руководство страны потеряло доверие к себе. Вряд ли кто теперь пожелает откровенно обсуждать с нами конфиденциально вопросы, не опасаясь, что со временем они станут известны всему миру.

Для характеристики того времени и моего отношения к происходящему я хотел бы остановиться на одном эпизоде — о направлении мною письма президенту Российской Федерации Ельцину. Письмо было написано 3 июля 1992 года и неделю спустя опубликовано в газете «Правда». Начиналось оно так:

«Г-н Президент, 11 июня с. г. по телевидению показали ваше интервью, в котором речь шла о том, что произошло в России и

вокруг нее за истекший год после начала вашего президентства. Итоги могут оценить сами россияне, они их видят, ощущают на себе, своих родных. Впрочем, это касается не только жителей России, но и всех граждан бывшего Союза.

Во время телеинтервью вам было задано много вопросов. Еще больше тем вы затронули в своих ответах. В этой связи мне хотелось бы остановиться на одной, самой главной проблеме: что же случилось с великим Советским Союзом? Соотечественники должны знать не только то, как эту проблему понимаете вы, но и насколько соответствует действительности ваше утверждение, что виновны в распаде Союза те, кого в интервью вы называете «путчистами».

В своем телеинтервью Ельцин приписал «путчистам» главную вину за развал Союза. Я, разумеется, решительно не согласился с этим и видел главный смысл своего обращения к Ельцину в том, чтобы доказать обратное. «Очень многие уже подметили, — писал я, — главную черту, присущую всей вашей деятельности, — тягу не к созиданию, а к разрушению. Последние два года до августа 1991 года вы всю свою энергию направляли исключительно на разрушение центра, «имперского союза», разносили в пух и прах буквально все, что было сделано до вас. Показывали, как плохо живут люди, щедро рассыпая при этом обещания».

Я также напомнил Ельцину, что подготовленный с его участием проект Союзного договора практически ничего не оставлял от федеративного характера СССР, он предусматривал в лучшем случае лишь некое конфедеративное образование под названием Союза Суверенных Республик.

Конечно, я был далек от мысли валить всю вину на Ельцина и потому в письме заметил, что все это очень хорошо понимал Горбачев. Тем не менее он шел на такой договор в жалкой надежде уцелеть, хотя бы на какое-то время покрасоваться в положении пусть даже бесправного, марионеточного, но все же президента Союза Суверенных Республик. На мой вопрос, как он оценивает ситуацию и какая судьба ожидает предполагаемый Союз, Горбачев ответил: «Ну, года полтора продержимся».

«А вы, Борис Николаевич, — подчеркнул я в своем письме, — продолжали наносить удар за ударом по Советскому Союзу. Сейчас вы говорите, что били, дескать, не по Союзу, а по центру, борясь за права России. Странная логика. Во-первых, такие понятия, как «союз» и «центр», взаимосвязаны. Что же это за Союз без центра?»

Но кое-где Ельцин явно проговаривается, что видно, например, из следующего его заявления в упомянутом выше интервью: «Путч 19–20 августа перевернул все. Он разрушил

все… Но зато открылась другая возможность — стать независимым Российским государством с независимой внутренней и внешней политикой».

Это заявление говорит о многом. Ведь стоит только вдуматься — «стать независимым»! Но от кого и от чего?!

В своем письме Ельцину я воспроизвел выводы главного редактора «Независимой газеты» Третьякова, касающиеся последней точки в судьбе Союза. Вот что пишет Третьяков: «Да, Ельцин был одним из трех участников формальной ликвидации СССР, участником государственного переворота, в результате которого Михаил Горбачев более удачно и куда более безболезненно, чем в августе 1991 года, был отстранен от власти…» И далее пишет Третьяков: «Нет никакого СНГ. И еще вопрос — возникнет ли оно (это содружество) в будущем. Есть некая аморфная структура с неким аморфным названием, фиксирующая неподвластные ей процессы завершения распада СССР. Геннадий Бурбулис, если я не ошибаюсь, признавался, что концепция СНГ так и была задумана еще весной 1991 года».

В своем письме я привел также выдержку из показаний Силаева на допросе по делу ГКЧП в октябре 1991 года, из которой видно истинное отношение тогдашнего российского руководства к развалу Союза.

Вот что было сказано Силаевым: «Что касается последствий путча, то его провал привел к новому качественному состоянию в стране. Была приостановлена деятельность компартии, прекратили работу руководящие органы КПСС, и особенно реакционная Российская Коммунистическая партия. Поэтому можно сказать, что это сыграло свою положительную роль. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло!»

Я писал также Ельцину: «Чем больше вы, господин Президент, будете искать причины не там, где они в действительности находятся, тем более тяжкими последствиями обернется это для народов бывшего Союза, в том числе и России. Неужели личные амбиции, безудержная жажда власти стоят крови стольких людей, страданий целых народов? Неужели вам, г-н Президент, ни о чем не говорит опыт других стран — наших недавних друзей и союзников, которые ввергнуты в пропасть жесточайших междоусобиц и в этот тяжкий для них момент преданы Россией? Но Россией ли?!»

«Я достаточно хорошо знаю вас, — говорится в моем письме Ельцину, — и полагаю, что это письмо не пройдет мне даром, но мне уже 69-й год, так что жизнь в любом случае уже позади. Оглядываясь назад, могу сказать, что мне нечего стыдиться, сожалеть приходится не о содеянном, а о том, чего не успел или

не сумел сделать».

Заканчивал я свое письмо следующими словами: «Во время богослужения 14 июня в Сергиевой лавре вы призвали людей к «терпению, смирению и очищению». Да, действительно, народ пока терпит, но это только пока. А что касается смирения и очищения, то очень важно, чтобы этот призыв относился ко всем, в том числе и к вам. Особенно в части, касающейся очищения».

…Вскоре после моего письма к Ельцину «Матросскую тишину» посетил генеральный прокурор Степанков. У меня спросили, нет ли у меня вопросов к Степанкову. Я ответил, что нет. Тогда мне дали понять, что Степанков хотел бы встретиться со мной. Уходить от встречи не было, разумеется, никакого смысла, и на такую встречу я пошел.

По ходу разговора Степанков сказал, что читал мое письмо к Ельцину. Считает его резким и даже непозволительным по тональности и содержанию и полагает, что вряд ли оно будет полезным для меня, тем более в моем положении.

Я понял его намек и даже какую-то степень откровенности и сказал, что прекрасно это знал, когда выступил с таким обращением, но, поскольку в данном случае речь идет не о моей личной судьбе, а о державе, я вполне сознательно пришел к выводу о необходимости именно такого письма к президенту. Я сказал также, что хотя оно и адресовано Ельцину, но важно, чтобы о нем знало как можно больше людей, и потому оно было по моей просьбе направлено в газету «Правда».

На следующий день после опубликования письма к Ельцину представитель администрации тюрьмы сказал, что на мое имя поступило много телеграмм, в которых читатели одобряют мою позицию, дают положительную оценку обращению.

Спустя пару часов мне показали несколько телеграмм, которые прибавили мне настроения, однако в последующие дни ни одного письма, ни одной телеграммы я уже не увидел; мне было сказано, что больше их не поступало.

Конечно, это была неправда. Телеграммы и письма свидетельствовали о многом, говорили в мою пользу, и потому было решено больше мне их не показывать. Я же, пользуясь случаем, хотел бы поблагодарить всех тех, кто в тот трудный для меня час поддержал мою позицию и открыто выразил свое к ней отношение. Эта поддержка много для меня значила.

Итак, 20 августа 1992 года мне было предъявлено еще одно постановление о привлечении в качестве обвиняемого — третье по счету. Фабула обвинения и на сей раз была изменена.

Как видно из материалов дела, 12 августа 1992 года Степанков дал указание своему заместителю Лисову

скорректировать обвинение. В своем указании он прямо писал, что «…действиям обвиняемых дана неверная уголовно-правовая оценка».

В соответствии с указаниями Степанкова в очередном постановлении о привлечении в качестве обвиняемых наша вина уже квалифицировалась как измена Родине в форме заговора с целью захвата власти. Таким образом, после мучительных поисков формулу обвинения наконец-то «приспособили» к действующему законодательству. Хотя натянутость была совершенно очевидна и наши действия никоим образом не подпадали под предъявленное обвинение, следствие формально соблюло видимость правового подхода и «нашло» законодательное обоснование привлечения нас к уголовной ответственности.

Обвиняемым было также сообщено, что в соответствии с нашим ходатайством к уголовному делу приобщено другое уголовное дело по факту столкновения военнослужащих и гражданских лиц в ночь на 21 августа 1991 года в тоннеле под Калининским проспектом, в результате чего погибли три человека и несколько человек из числа гражданских лиц и военнослужащих были ранены. К 125 томам основного уголовного дела добавилось еще 15 томов. Ознакомление с материалами было продолжено.

Естественно, мы стремились глубоко и всесторонне ознакомиться с ними для того, чтобы основательнее подготовиться к суду. Обвинение было многоплановым, содержало немалое количество эпизодов. Было много натяжек, противоречий, очевидных несовпадений между пунктами обвинения и материалами следствия — все это привносило свои трудности. Помимо прочего, мы чувствовали просто физическую усталость.

В декабре 1992 года Степанков вновь посетил «Матросскую тишину» и вызвал меня на беседу. Не нажимая, поинтересовался, как идет ознакомление, проявив при этом полнейшую осведомленность.

Я сказал, что потребуется еще какое-то время, но затягивать не в моих интересах. Из его слов я уяснил, что он заинтересован в завершении ознакомления с материалами дела и быстрейшем направлении его в суд.

Я сказал также, что готов сделать это немедленно при условии, что будет изменена мера пресечения моим бывшим подчиненным — Плеханову и Генералову и они будут освобождены из-под стражи.

После некоторых раздумий Степанков дал на это согласие. Я

обещал, не откладывая, завершить ознакомление с материалами дела.

Итак, сделка состоялась. Вскоре дело было направлено в Военную коллегию Верховного суда Российской Федерации.

Тут мне хотелось бы немного остановиться на отдельных моментах моего пребывания в «Матросской тишине», порядках в ней, небезынтересных во многих отношениях.

В тюрьме большую роль играет начальник этого заведения. Его власть над человеком, оказавшимся под арестом, порой, кажется, не знает границ. Ведь к каждому закону, к каждой норме можно подойти «творчески», в результате условия содержания под стражей можно сделать сносными или, напротив, невыносимыми. Участливым словом, послаблением в режиме, предоставлением возможности получать побольше газет и журналов почти удовлетворяются небольшие потребности лишенного свободы, и для поддержания его морального состояния этого оказывается достаточно.

Содержание в «Матросской тишине» арестованных по делу ГКЧП лиц вынудило Министерство внутренних дел России укрепить руководство следственного изолятора и заменить охрану. В общем-то оно и понятно: такого букета арестованных «Матросская тишина» прежде не знала: вице-президент, премьер-министр, председатель Верховного Совета страны, первый заместитель председателя Совета обороны, министры, другие высокопоставленные государственные и общественно-политические деятели.

Конечно, не заботой об узниках были продиктованы упомянутые меры. Заграждения из мешков с песком в коридорах и на лестничных клетках, гнезда с амбразурами для автоматчиков и пулеметов, БТР во дворе тюрьмы говорили о характере озабоченности властей.

Но тем не менее я хотел бы сказать и другое. Назначение в августе 1991 года начальником «Матросской тишины» подполковника Панчука, в 1993 году ставшего генерал-майором, оказалось неплохим вариантом и для обитателей тюрьмы.

Панчук проявлял беспокойство по поводу здоровья арестованных, и в том числе тех, кто проходил по делу ГКЧП. Достоверно известно, что он сыграл основную роль в освобождении из-под стражи Болдина и Грушко, состояние здоровья которых вызывало серьезные опасения и в условиях тюрьмы могло привести к летальному исходу.

К ноябрю 1991 года пресса стала уделять больше внимания делу ГКЧП, а патриотическая печать забила тревогу по поводу состояния здоровья гэкачепистов.

Панчук как начальник следственного изолятора, естественно, не мог не думать о своей ответственности, поскольку по заведенному правилу в случае каких-либо неприятностей отыгрались бы в первую очередь на нем.

О том, что общественное мнение со временем стало меняться в пользу арестованных по нашему делу, можно было судить и по отношению к нам сотрудников следственного изолятора. Подавляющая часть их с самого начала относилась к нам сочувственно, и мы ощущали это по многим признакам, не говоря уже об отдельных высказываниях, которые прямо подбадривали нас. Некоторые сотрудники охраны вступали со мной в разговоры, обменивались мнениями, иногда приносили газету с важной для меня статьей, что было особенно ценно, поскольку в информации я особенно нуждался.

В марте 1992 года мне сделали операцию по удалению опухоли на спине, которая появилась давно, но в тюрьме стала напоминать о себе. Операцию решили сделать в амбулаторных условиях, прямо в изоляторе, хотя между врачами были разговоры о необходимости сделать ее в условиях госпиталя, потому что ни характер, ни размеры опухоли врачи определить не смогли. Операция началась под местным наркозом. Однако, как только вскрыли опухоль, врачи пришли к выводу, что требуется общий наркоз, и ввели мне соответствующее лекарство.

После операции, которая продолжалась около часа, я, естественно, чувствовал себя неважно, и с помощью медперсонала и охраны меня повели в камеру. По пути меня перехватил Панчук, пригласил в свой кабинет, угостил чаем. Я полностью еще не пришел в себя, разговор вел несвязно. После того как я почувствовал себя лучше, меня доставили в камеру. На другой день я стал работать со следователем и адвокатом.

Тюремные условия, напряженная работа с материалами дела, необходимость подачи ходатайств по вопросам, возникавшим в ходе следствия, отнимали много сил, сказывались на здоровье. Не обращать внимания на самочувствие не всегда удавалось: то сердце, то простудные заболевания, то просто недомогание давали о себе знать.

Впервые я почувствовал себя неважно в конце ноября — начале декабря 1991 года. Но врачам особенно не жаловался. Во время свиданий с родными уверял, что все в порядке, хотя внешний вид говорил об обратном.

В середине декабря 1991 года как-то ночью почувствовал себя совсем плохо, но и в этот раз решил к врачам не обращаться, хотя сокамерники заметили что-то неладное, корили меня за то, что я пренебрегаю здоровьем и ничего не говорю медперсоналу.

Именно в это время шла напряженная работа со следствием — предъявление обвинения, допросы; а тут еще возникла необходимость в реакции с моей стороны на инсинуации и клеветнические заявления, в изобилии появлявшиеся в средствах массовой информации… Все это заставляло думать не о здоровье, а совсем о другом. Долго скрывать плохое самочувствие не удалось — где-то в марте 1992 года произошло первое кровоизлияние в глаз.

В июле 1992 года как-то ночью я почувствовал себя плохо, и мои сокамерники, о которых я неизменно вспоминаю с теплотой, решили рассказать врачу и медицинской сестре о моем состоянии.

После обследования невропатологом и окулистом было признано необходимым срочно госпитализировать меня с подозрением на микроинсульт. В Центральном госпитале МВД России диагноз подтвердился, однако через 15 дней меня вернули в «Матросскую тишину».

Никаких возражений с моей стороны не было, более того, я и не жаловался. Из разговоров с врачами было понятно, что я нуждался в длительном лечении, и мое преждевременное возвращение в следственный изолятор вызывало у них недоумение. Но в силу различных причин врачи возражать против этого не стали, хотя один из них заметил, что, наверное, скоро я вновь окажусь в госпитале. Он дал мне немало добрых советов, но в тюремных условиях соблюдать их было просто невозможно.

Какое-то время я чувствовал себя примерно так же, как до госпиталя. Затем все нормализовалось и вопрос о новой госпитализации отпал. Врачи осматривали меня почти каждый день и чего-либо тревожного не находили.

Но вот в декабре 1992 года, а точнее 17-го числа, ко мне пришли врач и медсестра для того, чтобы сделать очередную процедуру — закапать лекарство в глаза. В тот день капли вводились мне и утром, и в обед, и все было как обычно. Настроение у всех было нормальное, я даже пошутил, что зрение не улучшается, но и не ухудшается, так что для судебного процесса хватит.

Буквально после введения одной-двух капель в правый глаз, который был поздоровее левого, я почувствовал необычно резкую боль в глазу, вокруг него и, как мне показалось, во всей правой части головы. Я только успел сказать: «Что вы сделали, не ввели ли вы мне серную кислоту?» — а также бросить фразу, чтобы не выбрасывали ампулу, из которой было взято лекарство, и посмотрели, что же там находится.

Сразу же хотел бы заметить, что до этого у меня и у других

арестованных об этой медсестре сложилось хорошее мнение. Она всегда оказывала нам помощь, мы ценили ее доброе отношение.

После этого я сполз со стула и потерял сознание. Очнулся уже на кровати. Сестра оказывала помощь, чувствовались сильные боли в области сердца, и мне попеременно делали массаж то медицинская сестра, то один из сокамерников.

Сколько я был без сознания, сказать не могу, но, придя в себя, ощутил потерю зрения в обоих глазах; сильно кружилась голова, меня прошиб холодный пот, ноги и руки свела судорога. Все, что можно было, набросили на меня, однако дрожь в теле устранить не удавалось.

Медсестра заявила, что она не уйдет из камеры до тех пор, пока в этом не отпадет надобность. Через час или полтора, не помню, вернулось зрение сначала в левом глазу, а где-то спустя час я стал ощущать свет и другим глазом. Но глаза открывались с трудом, от чего-то слиплись.

Принимал какие-то лекарства от сердца, что-то мне давали нюхать, и примерно к часу ночи боли несколько утихли, хотя острые ощущения периодически давали о себе знать, но уже только в области правого глаза. Была невероятная слабость, несколько раз проваливался в бессознательное состояние, пока наконец к середине ночи от усталости не уснул.

Мое состояние, как мне показалось, не вызывало особого беспокойства у тюремного начальства, хотя к середине ночи я заметил в камере представителей руководства СИЗО; был кто-то еще, но кто — сказать не могу, было не до этого.

В течение 18 декабря ко мне приехала сначала одна пара врачей — невропатолог и окулист, спустя два часа другая — тоже невропатолог и окулист.

К вечеру мне сделали электрокардиограмму, и тут я заметил беспокойство руководства СИЗО. Мне запретили подниматься с постели и вскоре объявили, что я буду госпитализирован. Примерно в 19 часов приехала бригада врачей из госпиталя ГУВД, осмотрели меня и приняли решение о госпитализации. В госпитале я попал в палату реанимации: капельница, лекарства, процедуры. Спустя три дня меня переместили в обычную палату, и началось мое сорокадневное пребывание на госпитальной койке.

Вся эта история по времени совпала с передачей уголовного дела из Генеральной прокуратуры в Военную коллегию Верховного суда России. Короче, я оказался как бы ни за кем не числящимся. Ни адвокат, ни мои родные ко мне допущены не были, хотя они и я требовали свидания. Только 25 декабря 1992 года, то есть на девятый день, ко мне был допущен адвокат

Иванов и узнал от меня о случившемся. Он-то и забил тревогу.

31 декабря 1992 года в печати было опубликовано его заявление на имя Генерального прокурора России, в котором кратко излагались суть происшедшего с его подзащитным и требование провести необходимое расследование.

Тем временем в госпитале, пожалуй впервые за последние полтора года, начали проводить всестороннюю проверку состояния моего здоровья. По результатам исследования поставили диагноз — микроинсульт, причем, по заключению врачей, это был третий микроинсульт на протяжении года с небольшим. Первый приходился на декабрь 1991 года, второй — на июль и третий — на декабрь 1992 года.

Врачи не делали никаких пояснений относительно возможной взаимосвязи между тем, что произошло со мной 17 декабря во время закапывания лекарства в глаза, и микроинсультом. Некоторые говорили, что, возможно, это совпадение, другие глубокомысленно давали понять, что со всем этим надо разобраться.

19 января 1993 года на имя адвоката Иванова поступило письмо начальника отдела по надзору за соблюдением законов при исполнении уголовных наказаний Российской прокуратуры Авдеева. До этого он регулярно посещал «Матросскую тишину», заходил в мою камеру, справлялся, нет ли жалоб, так что был мне известен.

Упомянутое письмо Авдеева было отпиской, причем малоубедительной, поскольку она совершенно не соответствовала тому, что произошло. Очевидно, у проверявших не было желания или указания разобраться в том, что случилось 17 декабря.

В ответе отмечается, что я не терял сознания, жаловался только на острую резь в глазу, что у меня не было каких-либо следов химического ожога, телесных повреждений в области глаза, что в госпитализации я не нуждался, потому что речь шла только о конъюнктивите, который можно лечить амбулаторным путем.

Но далее в ответе содержится любопытная констатация. Я привожу ее полностью. «Комиссия врачей-специалистов установила, что госпитализация 18 декабря 1992 года была проведена по медицинским показаниям в силу возникновения у Крючкова В.А. острого повторного нарушения мозгового кровообращения на фоне атеросклероза сосудов головного мозга». И далее: «Специалисты исключили возможность развития или ухудшения неврологического или сердечно-сосудистого заболевания в результате применения «офтана» (глазные капли)». Вот и пойми! С одной стороны, 17 декабря кроме конъюнктивита

ничего не было, но тут же признают, что на следующий день врачи констатировали микроинсульт. Думаю, что для каждого мало-мальски разбирающегося в медицине ясно, что одно никак не вяжется с другим.

26 января 1993 года заместитель председателя Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации Анатолий Тимофеевич Уколов принял постановление о назначении судебного заседания. К тому времени в печати уже появилось сообщение о том, что он назначен председательствующим на судебном процессе по делу ГКЧП.

Начало судебного разбирательства было назначено на 14 апреля 1993 года. Дело подлежало рассмотрению в открытом судебном заседании с участием государственных обвинителей и защитников. В суд предполагалось вызвать более 120 свидетелей из общего числа допрошенных — около двух тысяч человек.

Что касается меры пресечения, то в постановлении содержалось следующее положение: «Ходатайство обвиняемых, содержащихся под стражей, и их защитников об изменении меры пресечения удовлетворить. При этом учитывается, что предварительное следствие по делу окончено, а также принимаются во внимание их возраст, длительное пребывание в изоляции, состояние здоровья и резкое обострение хронических заболеваний».

Таким образом, Янаев, Павлов, Крючков, Язов, Бакланов, Тизяков были освобождены из-под стражи.

Ходатайства обвиняемых и защитников о прекращении дела за отсутствием состава преступления Уколов счел нужным оставить без удовлетворения, «поскольку добытые по делу доказательства, — говорится в постановлении судьи, — требуют проверки, дополнительного исследования и коллегиальной оценки судом».

Председательствующий суда также удовлетворил ходатайства Павлова и Бакланова, поддержанные защитниками, о приобщении к делу материалов, связанных с утечкой информации в журнал «Шпигель», а также записки Тизякова, упомянутой в предисловии к книге Степанкова и Лисова «Кремлевский заговор». Уколов постановил истребовать из редакции журнала «Огонек» названную записку, а из Генеральной прокуратуры — сведения о видеоматериалах следствия, ставших достоянием прессы, и результаты разбирательства по этому факту.

Забегая вперед, следует сказать, что никаких материалов по утечке информации из Генеральной прокуратуры в суд так и не поступило. Когда-то, разумеется, вся история с утечкой станет ясной, но можно предполагать, что в ходе проверки материалов

об утечке вышли на таких должностных лиц, во власти которых было остановить дальнейшее, более глубокое расследование.

После более чем 17-месячного пребывания в тюрьме я и мои товарищи оказались на свободе. В то время я находился в госпитале, еще не завершил курс лечения, поэтому несколько дней оставался на больничной койке и только позднее выписался из госпиталя и получил свободу.

Я сразу понял, что попал совсем в другую страну. Вроде и знакомую, но иную. Первые впечатления были тяжелыми. Увиденное, рассказы моих друзей, более широкий доступ к информации привели меня к однозначному выводу: страна в корне изменилась и продолжает меняется. О том, что процесс идет в неблагоприятном направлении, говорили даже внешние признаки: грязь на улицах, торговля старьем, продовольственными товарами при бросающихся в глаза антисанитарных условиях, неулыбчивые, грустные лица людей, множество нищих, бомжей, людей вконец опустившихся, пьяных. А рядом немало роскошных, вызывающе богатых машин иностранных марок. В магазинах товары по большей части иностранного происхождения, их немало по ассортименту, но цены страшно высокие.

Все говорило о том, что народ расслаивается, идет поляризация. Вражда в социальном плане, масса проблем. Радость освобождения никак не увязывалась со всем этим, и вскоре сердце и душу заняли новые заботы и тревоги.

Глава 9
Суд

В феврале 1993 года обвиняемым было вручено обвинительное заключение. Довольно объемное — в пяти томах. В каждом томе до 250 страниц. Началась подготовка к очередному этапу юридической процедуры по делу ГКЧП. До начала судебного процесса — почти три месяца. Время достаточное для того, чтобы все его участники, особенно судьи, успели подготовиться.

Накануне процесса появилось много статей, выступлений о предстоящем процессе, прогнозов о его возможных перспективах, предположений о том, в каком направлении может пойти судебное разбирательство, какой позиции будут придерживаться обвиняемые, государственные обвинители, что интересного можно ожидать от защиты.

К проходящим по делу лицам проявлялся широкий интерес со стороны средств массовой информации, различных организаций, представителей общественности. Нас приглашали на собрания, митинги, пресс-конференции. Несколько раз поступили предложения выступить по Российскому телевидению, на радио, однако при этом ставились такие условия, которые исключали возможность доведения до общественности нашей позиции.

Нередко интервью в печати, по телевидению давались с произвольными сокращениями, искажениями, сопровождались необъективными комментариями. Поэтому чаще приходилось отказываться от таких предложений. Некоторые случаи нашего участия в телепередачах оканчивались просто скандальными историями. Так, Павлов, Шенин, Бакланов были вынуждены покинуть «Пресс-клуб» из-за недопустимых, оскорбительных выпадов против них со стороны отдельных «демократически» настроенных участников этой телепередачи.

Несмотря на трудности, в целом нам удалось довести до широкой отечественной и зарубежной аудитории свою позицию по делу ГКЧП, внести определенную ясность в августовские события и помочь значительной части людей составить объективное представление о том, что же случилось в те августовские дни. Да и сами люди к тому времени уже заметно прозрели, потому что окружавшая их действительность подчеркивала драматический характер развития обстановки в стране, а развал Союза окончательно прояснил для многих суть

происшедшего.

В день начала суда около 9:00 утра на Калининском проспекте собралась многотысячная группа представителей «Трудовой России» и других организаций, чтобы выразить поддержку лицам, привлеченным к уголовной ответственности по делу ГКЧП. Там были люди из Москвы, Московской области, из других регионов России, были представители из бывших союзных республик. Они сопровождали нас от Калининского проспекта до здания Верховного суда Российской Федерации. Не помогли и мощные милицейские кордоны — на них просто не обращали внимания. Окруженные поддерживающими нас людьми, мы с трудом пробрались к зданию. Все это произвело на нас сильное впечатление, и, как нам показалось, обстановка повлияла и на сам суд.

Массовая поддержка имела для нас большое значение, вдохнула новые силы, уверенность в правоту дела, в то, что мы не одиноки. Было много транспарантов, лозунгов: «Народ с вами!», «Держитесь. Мы окажем вам всяческую поддержку!», «Свободу ГКЧП!», «Истинных преступников — к ответу!», «Не допустим расправы!». Было много представителей отечественной и зарубежной прессы.

В давке пострадала находившаяся около меня испанская журналистка Пилар Бонет, о чем я до сих пор сожалею. Она — первая иностранная журналистка, которой в 1989 году во время одного мероприятия в Кремле я дал свое первое интервью как председатель Комитета госбезопасности. Основательных бесед у меня с ней не было, однако во время некоторых официальных мероприятий отвечал на ее вопросы, и эти интервью публиковались в испанской печати без каких-либо искажений.

Через адвоката я принес ей извинения, и она с пониманием отнеслась к происшедшему.

Следует с большой благодарностью и признательностью отметить усилия лидера «Трудовой России» Виктора Ивановича Анпилова в организации и проведении многочисленных мероприятий в поддержку обвиняемых по делу ГКЧП. Он не раз был у «Матросской тишины», у здания Военной коллегии Верховного суда, выступал на митингах, требовал прекращения незаконного преследования привлеченных к суду лиц. В этом он был последователен, принципиален, непримирим. Подобную позицию нельзя назвать иначе как гражданским поступком.

Во время судебных заседаний группа наших сторонников постоянно находилась у здания. В перерывах мы, подсудимые, наши адвокаты выходили к ним, информировали о ходе судебного процесса, отвечали на вопросы, выслушивали жалобы

на положение дел в стране.

Манифестанты просили нас держаться, давать достойный ответ обвинению, разоблачать истинных разрушителей Союза и тем вносить вклад в борьбу за его возрождение.

Так было вплоть до сентября — октября 1993 года. После этих событий люди перестали собираться по совершенно понятным причинам: дело ГКЧП было вытеснено октябрьскими событиями, расстрелом Белого дома, убийством мирных, ни в чем не повинных граждан. Да и в судебном процессе из-за событий в конце сентября был объявлен перерыв, и слушание дела возобновилось лишь 7 октября.

Итак, 14 апреля 1993 года начался судебный процесс по делу ГКЧП. Председательствующий — Уколов и два народных заседателя — Зайцев и Соколов (все трое в генеральских званиях), девять государственных обвинителей во главе с заместителем Генерального прокурора России Денисовым. Подсудимых защищали 17 адвокатов. Интересы троих погибших во время столкновения в тоннеле под Калининским проспектом в ночь на 21 августа и представленных на суде родственниками, защищал адвокат Лившиц.

На скамье подсудимых находились Янаев, Лукьянов, Павлов, Крючков, Язов, Шенин, Бакланов, Варенников, Плеханов, Генералов, Тизяков и Стародубцев.

Судебное заседание проходило в лучшем зале Верховного суда Российской Федерации. До этого он был капитально отремонтирован, приведен в порядок, радиофицирован, снабжен принимающими и передающими телеустановками. Как же, ведь шел суд практически над всем бывшим союзным руководством!

Ельцинский режим разрушил Союз, страна попала в тиски глубокого, всестороннего кризиса; в этих условиях очень важно организовать образцово-показательный суд и осудить, по возможности строже, тех, кто вознамерился выступить в защиту Конституции СССР, против тех, кто нарушил Основной закон, развалил государство! Такова была желанная цель российского режима!

Перед началом первого судебного заседания произошел один небольшой казус. Устроители процесса задумали рассадить подсудимых по своему усмотрению. Но получилось так, что последние заняли места как бы произвольно, в зависимости от того, кто первым вошел в зал. Распорядители забеспокоились, предложили рассадить подсудимых в соответствии с планом.

Подсудимые возразили и остались на своих местах.

Когда в зал вошел председательствующий, он обратил внимание, что подсудимые сидят не так, как было задумано, на

мгновение заколебался, но решил оставить все как получилось.

Этот момент мне показался примечательным: значит, судье не присуща мелочность. В дальнейшем его поведение подтвердило это.

В зале суда собрались представители общественных организаций, отечественные и зарубежные теле- и радиорепортеры, представители газет и журналов, родственники. Количество пригласительных билетов было строго ограничено, поскольку зал не позволял вместить всех желающих присутствовать на процессе.

В рабочем порядке подсудимые подняли вопрос о том, чтобы для судебного процесса был предоставлен другой зал, побольше, однако по техническим и иным соображениям эта просьба не была удовлетворена.

Итак, подается команда: «Суд идет. Прошу встать!» Зал встает, и входят судьи в мантиях. В зале воцаряется тишина.

Одни с интересом, другие с волнением ожидали начала суда, но все понимали, что он будет идти очень долго, что пройдут месяцы, а может быть, даже годы, пока суд дойдет до финиша, до приговора. И каким он будет, сказать трудно. Многое будет зависеть от участвующих в судебном процессе сторон, а также от того, как будет складываться обстановка в стране, в каком направлении пойдет ее развитие. Это понимали все.

С самого начала суд принял строгую линию ведения процесса, но отнюдь не жесткую. Не проходил мимо отдельных нарушений представителями сторон порядка ведения судебного заседания, в то же время, когда надо, успокаивал участников процесса и даже воспринимал шутку, шумную реакцию зала останавливал достаточно корректно. Не давил на стороны, позволял им проявлять состязательность.

Было видно, что к своим мантиям судьи еще не привыкли, и откровенно рассмеялись, когда адвокат Лившиц, кстати человек не без юмора, обращаясь к ним, сказал: «Импозантные мужчины в великолепнейших мантиях». Вместе с судьями смеялись над этим комплиментом все присутствовавшие в зале, после чего мантии воспринимались как нечто легализованное, по меньшей мере в глазах зала.

После выяснения личностей подсудимых, доклада о явке участников сторон, разъяснений их прав и обязанностей в ходе судебного заседания и некоторых других процессуальных вопросов в зале суда зазвучала специфическая речь — выступления, реплики, заявления представителей сторон, участвующих в процессе.

На всех обрушился поток отводов и ходатайств, заявлений,

отдельных реплик, возражений по поводу тех или иных неточностей, допущенных какой-либо стороной, выяснение процедурных вопросов, споры по поводу их значимости и очередности. Адвокаты внимательно следили за этим и, разумеется, не хотели упустить возможность блеснуть своим профессиональным искусством, эрудицией.

В зале постоянно находилось немало юристов, журналистов — специалистов по судебной тематике. Все это держало суд в напряжении, и его можно было понять. Он находился под пристальным вниманием не только тех, кто сидел в зале, но и тех, кто вечерами смотрел телевидение или на следующий день знакомился в газетах с отчетами о ходе процесса. Поэтому необходимость неукоснительного соблюдения уголовно-процессуальных норм заставляла суд в каждом случае обращаться к законодательству, к праворегулирующим нормам судебного процесса. При этом нередко выяснялись или отсутствие норм, соответствующих возникавшим вопросам, или их двусмысленность, что порождало споры и затрудняло разрешение даже небольших проблем.

Выступления, реплики, заявления практически всех адвокатов отличались хорошей аргументацией, завидной логикой, эрудицией. Не было представителей защиты, о которых можно было бы сказать, что это малоопытные адвокаты. Еще один, на мой взгляд, немаловажный момент: речь их была эмоциональной, что, как правило, придавало словам адвокатов большую убедительность и проникновенность.

Государственные обвинители выглядели менее выразительными. Их выступления, заявления были официальными, шаблонными. На аргументацию и логику они обращали меньше внимания. Высказывая какую-нибудь точку зрения, всем своим видом как бы подчеркивали: хотите — принимайте, не хотите — не надо, но будет лучше, если вы согласитесь.

По всему было видно, что они исходили из того, что в правовом отношении обвинение посильнее защиты. Ведь до этого вся наша юридическая, и в частности судебная, практика формировала именно такой подход. Для его преодоления нужны, во-первых, учитывающее новейший опыт юриспруденции законодательство и, во-вторых, соответствующая школа воспитания государственных обвинителей, для коих состязательность, аргументация, логика, основанные на бесспорных доказательствах, должны стать нормой.

Образно говоря, хлеб насущный для государственных обвинителей должен быть таким же тяжелым, как и для других

сторон в суде. В деле ГКЧП хлеб для прокуроров оказался очень тяжелым во всех отношениях, однако произошло это во многом по вине их руководства.

Первым ходатайством защиты было заявление об отводе всего состава суда. В обосновании указывалось на зависимость судей от Министерства обороны и, следовательно, от его министра, который проходит в качестве свидетеля по эпизодам, имеющим весьма существенное значение для дела. Являясь военнослужащими, судьи зависели от Министерства обороны в вопросах присвоения воинских званий, материального обеспечения и пр.

«Поскольку народные заседатели, — заявил адвокат Хамзаев, — по своему положению являются подчиненными нынешнего министра обороны России генерала армии Грачева, а тот, в свою очередь, проходит по делу как свидетель, то народные заседатели не могут объективно исследовать показания Грачева, роль которого в событиях 19–21 августа неоднозначна».

Разумеется, решая этот вопрос и учитывая изложенные аргументы, судьи оказались в довольно деликатном положении; суд отказал в удовлетворении ходатайства, сославшись на независимость судей, установленную законом. К вопросу об отводе состава суда полностью или отдельных его членов ни адвокаты, ни подсудимые, ни государственные обвинители в дальнейшем не возвращались.

…Следующим ходатайством было заявление об отводе всех государственных обвинителей. Главный аргумент — подчиненность обвинителей генеральному прокурору России Степанкову, в частности зависимость от него в продвижении по службе, поскольку все кадровые вопросы решаются на его уровне. Нахождение же в штате прокуратуры ставило их в уязвимое положение, и отрицать этого никто не мог.

В то же время Степанков и его заместитель Лисов еще до судебного заседания подверглись резкой критике со стороны проходивших по делу ГКЧП лиц, а также юристов — за их некорректную, противоречащую закону позицию и, следовательно, явную заинтересованность в исходе дела. Это было очевидно для всех.

Первым заявил отвод государственным обвинителям Янаев. Он сказал: «Заявляю отвод всем прокурорам, поскольку они являются подчиненными Генерального прокурора России Степанкова, который до судебного заседания, выполняя социальный заказ Президента России, неоднократно выступал перед прессой, другими средствами массовой информации с явно обвинительным уклоном в отношении меня и других

подсудимых». Янаев сослался также на утечку материалов следствия за границу, в прессу, издание Степанковым и Лисовым тенденциозной книги «Кремлевский заговор».

Как один из примеров аргументированности и логичности выступлений защиты, приведу высказывание моего адвоката Иванова в обоснование ходатайства об отводе государственных обвинителей.

«Наши процессуальные противники утверждают, — сказал он, — что никто не может предъявить им фактов их личной заинтересованности. На протяжении всего следствия ни один из 150 следователей не высказал ни единого возражения против генерального прокурора. Но сегодня перед нами другие люди, мы не сталкивались с ними на следствии. Но эти люди могли бы хоть одним словом сказать: защита правильно подчеркивает, что наш руководитель допустил публикацию книги. Это просто говорит об отношении к делу, о том, что они готовы выполнять новые указания. Только так я могу это понимать и трактовать это обстоятельство, которое, с моей точки зрения, свидетельствует о служебной зависимости…

Уважаемые судьи! Я не верю составу этой прокуратуры, любому составу. Я поддерживаю это ходатайство, которое здесь было заявлено, и думаю, что вы должны решить этот вопрос положительно».

Государственные обвинители, возражая против подобного ходатайства адвокатов и подсудимых, ссылались на то, что они в ходе судебного разбирательства будут подчиняться только закону и исходить из него. В конце концов государственные обвинители вынуждены были высказать свое отношение к факту опубликования Степанковым и Лисовым книги «Кремлевский заговор», выразив по этому поводу сожаление, однако уверяли суд в том, что это не скажется на их позиции.

Ходатайство об отводе государственных обвинителей явилось одним из важнейших моментов в ходе судебных заседаний. Аргументация адвокатов, подзащитных была убедительной и трудно опровержимой. Объяснения государственных обвинителей — неубедительными.

Для рассмотрения этого ходатайства по существу суд удалился на совещание и после довольно продолжительной паузы вынес определение, которое есть смысл изложить подробно, поскольку в данном случае суд проявил принципиальность. Определение суда наверняка станет предметом особого рассмотрения юристов, ученых, тех, кто имеет отношение к вопросам права.

В связи с ним адвокат Лившиц бросил примечательную

фразу: «Учились по одним учебникам, слушали одних профессоров, а говорим и понимаем все по-разному».

Определение Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации содержит объективные оценки грубейших нарушений предварительным следствием уголовно-процессуального права, неправомерности действий Генерального прокурора Российской Федерации Степанкова и его заместителя Лисова. Военная коллегия, как отмечается в определении, взвесила все обстоятельства по данному делу и приняла во внимание следующее.

«В июле 1992 года, — говорится в определении, — еще за пять месяцев до окончания расследования дела, Генеральным прокурором России Степанковым В.Г. и заместителем генерального прокурора Лисовым Е.К. была написана книга «Кремлевский заговор», которая вскоре вышла массовым тиражом в издательстве «Огонек». В этом произведении авторы, выборочно опубликовав материалы незавершенного предварительного следствия, обосновали свою оценку происшедших в августе 1991 года событий и участия в них обвиняемых. При этом обвиняемые неоднократно именуются «заговорщиками», а их действия называются «заговором» и «захватом власти», то есть практически квалифицируются как преступление, предусмотренное статьей 64 УК РСФСР…

Таким образом, — отмечается в определении, — посредством этой книги еще до суда действия обвиняемых публично объявлены преступными, а также дана оценка их возможным показаниям в предстоящем судебном заседании, достоверность которых вправе оценивать только суд».

В связи с этим суд счел, что подобные действия ущемляют права обвиняемых, охраняемые законом, нарушают ряд норм, содержащихся в Уголовно-процессуальном кодексе. Суд также отметил, что, использовав материалы дела вне рамок процесса, Степанков и Лисов вышли за пределы судебных правоотношений с обвиняемыми и поэтому за достоверность приведенных в книге сведений и сделанные в ней выводы несут персональную ответственность в соответствии с нормами гражданского кодекса.

Исходя из изложенного суд пришел к выводу, что авторы книги стали лично заинтересованными в подтверждении как предварительным следствием, так и судом выдвинутой ими версии, то есть лично заинтересованными в деле.

Далее в определении суда отмечается, что, вопреки соответствующим статьям Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, Степанков и Лисов не устранились от участия в деле и вплоть до окончания предварительного следствия продолжали

руководить следственной бригадой, а Степанков, помимо этого, осуществлял над следствием прокурорский надзор.

В определении суда имеется весьма важная констатация: «В связи с этим обращает на себя внимание тот факт, что содержащиеся в книге выводы были повторены затем в обвинениях, вновь предъявленных в августе 1992 года, а также в обвинительном заключении, составленном Лисовым Е.К. и утвержденном Степанковым В. Г.».

Суд выразил свое отношение также к опубликованным в журнале «Огонек» выдержкам из «документа», который, как утверждается, составлен обвиняемым Тизяковым и представляет собой инструкцию находившимся под стражей членам ГКЧП о поведении во время предварительного следствия.

«Несмотря на то что приведенные в этом документе «сведения», — отмечается в определении суда, — непосредственно относятся к событиям августа 1991 года и при их подтверждении могут иметь доказательное значение для установления истины по делу, данная «инструкция» вопреки требованиям статьи 20 УК РСФСР в рамках предварительного следствия процессуально не исследовалась, ее достоверность не проверялась, и имеет ли к ней отношение обвиняемый Тизяков, не выяснялось».

Суд также выразил отрицательное отношение к тому, что Лисов отклонил ходатайство обвиняемых и защитников о приобщении этого «документа» к материалам дела.

Суд своим определением поддержал ходатайство обвиняемых и их защиты об отводе государственных обвинителей, констатировав следующее: «Допущенные Степанковым В.Г. и Лисовым Е.К. нарушения закона дали повод о постановке под сомнение беспристрастности подчиненных им прокуроров, которым поручено поддержание государственного обвинения по данному делу, и для заявления отвода этим прокурорам со стороны подсудимых и их защитников».

Тем самым суд вынес также очень важное заключение по поводу беспристрастности государственных обвинителей, отметив их служебную подчиненность генеральному прокурору, лично заинтересованному в исходе дела, а также отсутствие в законодательстве реальных гарантий независимости обвинителей как участников процесса, что не позволяет быть уверенным в том, что эти лица не подвергнутся воздействию со стороны генерального прокурора.

«В сложившейся ситуации суд считает невозможным дальнейшее разбирательство дела и разрешение отвода, заявленного государственным обвинителям, до решения вопроса

об обеспечении их действительной самостоятельности в настоящем судебном процессе и полагает необходимым войти с таким предложением в Верховный Совет Российской Федерации, которому подотчетен генеральный прокурор. Этот вопрос может быть решен, в частности, путем создания в соответствии с пунктом 2 статьи 10 Закона о Прокуратуре Российской Федерации органа прокуратуры, не входящего в прокурорскую систему республики для поддержания обвинения по данному делу, в который могут быть включены уже участвующие в деле государственные обвинители».

В связи с изложенным Военная коллегия Верховного суда определила: «Обратить внимание Верховного Совета Российской Федерации на грубые нарушения закона, допущенные Генеральным прокурором Российской Федерации Степанковым В.Г. и заместителем Генерального прокурора Российской Федерации Лисовым Е.К., и предложить рассмотреть вопрос о реальном обеспечении независимости государственных обвинителей по данному делу.

Судебное разбирательство следует продолжить после получения ответа на это определение».

Таким образом, суд не пошел на нарушение закона и вынес это определение в точном соответствии с ним. На данной стадии судебного разбирательства восторжествовало право, и это вселяло надежду на возможность справедливого торжества правосудия.

Могут сказать, что суд просто выполнил требования закона, поступил в соответствии с его духом. Да, это верно, но важно учитывать, что в сложившейся ситуации, когда в стране господствует правовой беспредел, когда вмешательство в правосудие, в эту третью власть, осуществляется на всех уровнях, суд вполне мог не устоять и занять совершенно иную позицию.

Зал встретил решение суда бурными аплодисментами. Корреспонденты ринулись к выходу для того, чтобы первыми сообщить об этом сенсационном определении суда.

Итак, «мяч» был переброшен в Верховный Совет России, теперь слово было за ним. Но, к сожалению, Верховный Совет не использовал предоставленную судом возможность, начал тянуть дело и в конце концов спустил все на тормозах.

Лето 1993 года прошло в ожидании реакции Верховного Совета Российской Федерации на определение суда о назначении независимых государственных обвинителей. Верховный Совет и его спикер Хасбулатов явно тянули с рассмотрением этого вопроса, пытались вообще от него уйти. В конце концов, сославшись на отсутствие законодательной нормы, Верховный Совет определил, что этот вопрос не входит в его компетенцию.

Суду не оставалось ничего другого, как в рамках своих возможностей возобновить процесс по делу и самостоятельно искать выход.

7 июля суд собрался на свое заседание, объявил об отказе Верховного Совета назначить независимых государственных обвинителей и по просьбе сторон принял решение прервать работу на два месяца.

7 сентября 1993 года судебный процесс возобновился. Но лишь к концу ноября 1993 года основные процессуальные вопросы были рассмотрены и началось официальное судебное следствие.

По предложению государственного обвинения суд решил начать допрос подсудимых с меня, то есть не в том порядке, какой был определен обвинительным заключением. По словам государственного обвинителя, предлагаемый им порядок исходил не из значимости подсудимого по делу, а из хронологии развития событий.

Впрочем, лично я не придавал этому значения.

30 ноября 1993 года я дал свои показания суду. Мое выступление — свободный рассказ — продолжалось около трех часов. Не считаю нужным воспроизводить показания полностью, но наиболее важные выдержки из них хотел бы изложить.

Начал я свои показания так:

«Уважаемый суд!

Я хотел бы дать показания Военной коллегии Верховного суда Российской Федерации по существу основных пунктов обвинительного заключения Генеральной прокуратуры, в котором мне вменяются деяния, подпадающие под статью 64 пункт «а» и статью 260 пункт «б» УК РСФСР. (Статья 260 касается воинских преступлений и предусматривает ответственность за злоупотребление властью, превышение или бездействие власти.)

…Первая из указанных статей говорит об ответственности за измену Родине. Более нелепое обвинение трудно себе представить! Ведь брошено оно людям — я имею в виду не только себя, но и моих товарищей, — которые всю свою жизнь посвятили беззаветному служению именно своему Отечеству и которые в августе 1991 года предприняли попытку защитить и сохранить эту самую Родину, не дать развалить страну, уберечь наш народ от нищеты, унижения и кровопролития!

Не признаю и предъявленного мне обвинения в превышении власти — мой долг в качестве руководителя такого учреждения, как Комитет государственной безопасности СССР, состоял в том, чтобы охранять безопасность нашей страны, обеспечивать соблюдение законности, в том числе и Основного закона СССР —

его Конституции.

…Действовал я строго в соответствии со своими обязанностями — на основе Конституции СССР, в условиях крайней необходимости. Упрекнуть себя могу лишь в том, что нам так и не удалось выполнить свои обязанности и уберечь страну и народ от тех жестоких испытаний, в которые они ввергнуты политическими авантюристами.

…Суду преданы не те, кто развалил Союз, покончил с великой державой, насчитывающей тысячелетнюю историю своего становления, развития и укрепления, а те, кто выступил за сохранение Союза, в защиту Конституции СССР, союзных законов в точном соответствии с итогами референдума. В этом суть происходящего…»

В заключение своих показаний я сказал:

«Идет третий год после августовских событий. На глазах все страшнее становится народная трагедия, горю людскому не видно конца. Повсюду нищета, разруха, рост преступности. Выходит, сидящие здесь на скамье подсудимых оказались правы в своих опасениях за судьбу Родины. И не их вина, а беда в том, что их усилия не увенчались успехом. И все-таки я глубоко верю, что наша борьба была не напрасной.

Хочется верить, что суд по закону и справедливости разберется в этом деле, и истории не придется пересматривать ваше решение».

Затем в течение более чем трех рабочих дней я отвечал на вопросы суда, обвинения, адвокатов и подсудимых.

Вопросов от судей было сравнительно мало. Суд придерживался тактики — дать простор для состязательности сторон как важнейшего способа выяснения истины.

В условиях, когда позиции государственного обвинения и защиты по многим вопросам, а главное, по существу обвинения были диаметрально противоположными, такой подход был оправданным и в правовом отношении корректным.

Однако суд не был безучастным — он непременно вмешивался, как только в вопросах, заявлениях сторон, в показаниях подсудимых проявлялись неправомерные моменты или возникало нечто мешающее установлению истины.

Показания, ответы на вопросы, тем более что мне пришлось давать их первому, потребовали от меня большого морально-психологического напряжения. Должен сказать, что я постоянно чувствовал корректность суда и не заметил какой-то агрессивности со стороны государственного обвинения. Замечания председательствующего, возражения и реплики адвокатов, мои недоуменные высказывания в связи с некоторыми

вопросами государственных обвинителей встречались, как мне показалось, с пониманием и должным учетом.

Хотелось бы воспроизвести один момент, который, на мой взгляд, заслуживает внимания. Государственные обвинители долго и детально допрашивали меня по поводу моего указания о выключении связи у Горбачева. Видимо не удовлетворившись моими ответами, один из обвинителей поставил вопрос так: «Скажите, это указание о выключении связи у Горбачева было законным или незаконным? Скажите только: «да» или «нет».

Я заявил, что считаю подобный вопрос некорректным, напоминающим мне не лучшие времена из истории советской юриспруденции, что государственный обвинитель в данном случае вольно или невольно исходит из постулата Вышинского, сформулированного им в книге «Теория судебных доказательств» в пору репрессий в Советском Союзе, когда подчеркивалось чрезмерное, всеопределяющее значение признания подсудимым своей вины. Вышинский руководствовался известным принципом: «признание — царица доказательств». Во времена сталинских репрессий достаточно было кому-либо ответить на подобный вопрос «да», как он этим самым открывал себе прямую дорогу к эшафоту.

Примечательно, что задавший этот вопрос государственный обвинитель в перерыве подошел ко мне и принес извинения.

Кстати, во время невольного общения в перерывах обвинители, адвокаты и подсудимые в допустимой форме затрагивали отдельные вопросы, деликатные моменты, возникавшие на процессе. Со временем установились вполне корректные отношения, ни в коей мере не нарушавшие рамок служебного долга.

Уверен, что обвинители испытывали на судебном процессе определенную неловкость. Все они совсем недавно были членами партии, гражданами Советского Союза, о развале которого не могли не сожалеть. Что касается подсудимых, то они тоже не только были, но и остались членами КПСС, по-своему решив в критический момент выполнить свой гражданский долг и спасти Союз.

Помимо моих, суд заслушал показания Язова, Шенина и Варенникова, а по Язову и Шенину успел пройти стадию вопросов и ответов. До Варенникова очередь с вопросами не дошла. Их показания, как и мои, были опубликованы в некоторых центральных, краевых и областных газетах.

Судебный процесс проходил на фоне все более ухудшавшегося социально-политического положения в стране. Экономический кризис разрастался, ряды безработных

пополнялись все новыми и новыми людьми, жизненный уровень падал, в горячих точках — а их было немало — лилась кровь. Жертвы, разрушения, потоки вынужденных переселенцев — все это не смущало лишь режим. Он демонстрировал «спокойствие» и даже «равнодушие», то ли из желания сделать хорошую мину при плохой игре, то ли пряча свое бессилие.

21 сентября 1993 года — указ Президента Ельцина о приостановлении деятельности высших законодательных органов, об их роспуске, объявлении новых выборов, о так называемой нормализации обстановки в стране. Затем 3–4 октября — расстрел Белого дома, кровь, жертвы.

На этом фоне результаты выборов 12 декабря 1993 года показали, что не все так уж прочно у режима, он продолжал держаться на правовом беспределе, разгуле так называемой демократии, потоке лживой информации, манипуляции общественным мнением.

…Выборы в декабре 1993 года не дали властям желаемых результатов. Более того, они преподнесли сюрпризы, на которые режим никак не рассчитывал.

Еще в ходе предвыборной кампании кандидаты в члены Государственной думы и Совета Федерации давали обещания своим избирателям решить вопрос об амнистии политическим заключенным, и в частности тем, кто был предан суду за участие в августовских событиях 1991 года и в событиях сентября — октября 1993 года.

23 февраля 1994 года Государственная дума приняла закон об амнистии, на который она имела право по новой Конституции.

Сбылись многочисленные прогнозы о том, что процесс не дойдет до своего завершения, что дело приговором не закончится, что судебное разбирательство умрет. То, от чего ГКЧП пытался уберечь державу, свершилось в наихудшем варианте, историческая правота выступивших в августе 1991 года в защиту Конституции становилась все более и более очевидной.

Суд решил выяснить отношение подсудимых к акту об амнистии и в зависимости от этого решить вопрос о дальнейшем продолжении судебного разбирательства или прекращении дела.

Накануне этого заседания мы собрались, тщательно и всесторонне изучили создавшуюся ситуацию, основательно поспорили, взвесили все за и против и, несмотря на внутреннюю готовность продолжать процесс, чтобы доказать свою правоту и необоснованность привлечения к уголовной ответственности, решили все-таки согласиться с актом амнистии.

На наше решение повлиял ряд обстоятельств. Во-первых, мы не могли не считаться с постановлением Государственной думы,

которая неизменно проявляла заботу о нас, хотела облегчить нашу участь. Мы узнали, что постановление об амнистии нелегко досталось членам Государственной думы. Значительная часть проправительственной прессы, телевидение и радио занимали далеко не лояльную позицию по отношению к ГКЧП, а некоторые откровенно требовали кары. Во-вторых, судебный процесс отнимал у нас немало сил, остатки здоровья, поглощал все наше время. В-третьих, хотелось облегчить страдания родных, друзей и, по возможности, принять более активное участие в общественно-политической жизни страны.

Учитывая согласие подсудимых с актом амнистии, 1 марта 1994 года Военная коллегия Верховного суда Российской Федерации в составе председательствующего Уколова, народных заседателей Зайцева и Соколова приняла постановление о прекращении уголовного дела. Мера пресечения — подписка о невыезде, а также арест, наложенный на имущество подсудимых, были отменены. Гражданские иски, заявленные к подсудимым в связи с данным делом, оставлены без рассмотрения.

С самого начала суд и все стороны отдавали себе отчет в том, что по действующему уголовно-процессуальному законодательству амнистия применяется до судебного разбирательства, а не в ходе его. Если идет судебный процесс, то акт амнистии вступает в силу тотчас после вынесения приговора.

Суд же исходил из того, что постановление Государственной думы об объявлении политической и экономической амнистии предписывает немедленное исполнение пункта 1 этого акта, то есть предусматривает прекращение уголовного преследования привлекаемых к ответственности лиц непосредственно на той стадии, на которой находится процесс, то есть реализуется немедленно.

Но поскольку постановление Государственной думы является подзаконным актом и, следовательно, Уголовно-процессуальный кодекс, как закон, является по рангу определяющим, то Прокуратура Российской Федерации, воспользовавшись этим обстоятельством, внесла на рассмотрение Верховного суда протест, и 11 марта 1994 года президиумом Верховного суда Российской Федерации он был удовлетворен.

Постановление Военной коллегии Верховного суда от 1 марта 1994 года о прекращении дела было отменено, и уголовное дело было направлено на новое судебное рассмотрение в ином составе судей.

Итак, в деле ГКЧП начался новый этап. Был назначен новый председательствующий суда, член Верховного суда Российской Федерации Виктор Александрович Яськин.

Поскольку дело началось как бы с нуля, оно стало проходить все этапы судебной процедуры, при этом новый председательствующий имел полное право прекратить уголовное дело, поскольку судебное разбирательство еще не началось. Повторилась та же самая процедура, нас спросили об отношении к акту амнистии. Мы подтвердили, что не возражаем против применения акта, хотя виновными себя по предъявленному обвинению не признаем.

Но на сей раз изменил свою позицию Варенников. Разумеется, это было его право. Варенников решил бороться за правоту, за правду до конца. Он с пониманием относился к нашей позиции, а мы, остальные подсудимые, с пониманием отнеслись к его решению: так повелело сердце старого солдата, участника Парада Победы в Москве на Красной площади в 1945 году.

В то время, когда решался вопрос об амнистии, Варенников принимал участие в кампании по выборам в Совет Федерации от Челябинской области. В ходе избирательной кампании ему задавали немало вопросов по ГКЧП, почему в августе 1991 года дело не было доведено до успешного завершения, почему не предотвратили развал Советского Союза? Чтобы дать на них ответ, Варенников решил принять участие в дальнейшем судебном разбирательстве и поэтому отказался от амнистии.

В мае 1994 года на судебном процессе по делу ГКЧП, теперь уже по делу одного Варенникова, он произнес примечательные слова: «Мое душевное и нравственное состояние угнетено, как у любого гражданина Советского Союза, кому дорого Отечество. Угнетено тем, что я не сделал все необходимое для сохранения единства нашей державы, не предотвратил катастрофу, не пресек гнусные действия предателей — «архитекторов» и «прорабов» перестройки».

Это слова патриота, для которого главное — Родина, ее интересы. Валентин Иванович Варенников выиграл судебный процесс — он был оправдан. Протест Генеральной прокуратуры на приговор суда президиумом Верховного суда Российской Федерации был оставлен без удовлетворения. В жизни Варенникова это наверняка была победа — одна из наиболее ярких и особо значимых.

Так завершился судебный процесс по делу ГКЧП.

На основании определения суда нам были возвращены награды, воинские знаки отличия, изъятые в ходе предварительного следствия. В связи с окончанием процесса каждого из нас одолевали разные думы. Еще и еще раз мы прокручивали, анализировали все, что произошло не столько с нами, сколько с нашей страной.

Но, прежде чем сделать краткий анализ дальнейших событий, хотел бы сказать несколько слов о судьях, прежде всего о председателе суда, с которым мы имели дело более года.

У меня сложилось мнение, думаю, его разделяют и другие подсудимые, что суд под председательством Уколова подошел к делу непредвзято, насколько это позволяли обстоятельства и условия, в которых вершилось правосудие. Председательствующий предоставил сторонам возможность для широкой и активной состязательности, выяснения необходимых деталей и на этой основе установления истины.

Но суд, разумеется, не был безразличным к тому, что происходило в зале, проявлял заинтересованность, старался восполнить пробелы, если они вдруг появлялись, не оставлял без исследования любые моменты, которые имели отношение к делу и могли повлиять на окончательный приговор. Суд проявлял принципиальность там, где она была необходимой. Стремился неукоснительно соблюдать уголовно-процессуальные нормы, часто исправлял промахи и шероховатости, допускавшиеся сторонами, ссылаясь при этом на ту или иную юридическую норму. Ни к одной из сторон суд не проявлял пристрастия или бестактности. Председательствующий был сдержан, терпелив и проявлял разумную снисходительность там, где у него были поводы занять более жесткую позицию.

Теперь о причинах провала августовского выступления, его неудачи.

Во время многочисленных встреч с общественностью, с отдельными людьми, в разговорах с друзьями мне неизменно задают один и тот же вопрос: почему, в чем дело, как могли допустить провал, имея в своем распоряжении буквально все? Что помешало? В вопросах — сопереживание, горечь, недоумение и даже чувство обиды.

На эти вопросы я не обижался, но нередко спрашивал: а где были вы в те три августовских дня? Проявили ли вы свою гражданственность, сказали ли слова одобрения и поддержки в адрес ГКЧП?

Ответ, как правило, был отрицательный, хотя многие из них говорили: «А кто нас призвал к тому, чтобы мы активно и открыто выступили в поддержку ГКЧП?»

Причин провала выступления ГКЧП было немало. Это вопросы, над которыми еще следует основательно думать, но на некоторых из них мне хотелось бы остановиться, разумеется, не претендуя ни в коей мере на непререкаемость моих суждений.

Первое. Выступление ГКЧП носило верхушечный характер. Это была буря в общем-то наверху, в верхнем эшелоне власти,

хотя с самого начала выступление могло бы носить более широкий и глубокий характер. Программа действий, предложенная ГКЧП, его обращение к советскому народу были привлекательными, понятными для людей и вполне могли бы послужить основой его деятельности на ближайшее время.

Не случайно «демократические» средства массовой информации всячески избегали оценок «Обращения» ГКЧП к советскому народу, по существу его не критиковали: дальше общих обвинений в популизме не шли.

Второе. ГКЧП недооценил потенциальной поддержки своей программы и своего выступления в массах, хотя поддержка, безусловно, была, как я уже говорил. По всей стране с 300-миллионным населением в течение 19–21 августа, несмотря на активные призывы российского руководства, приняло участие в митингах протеста, забастовках, разного рода собраниях, пикетах не более 160 тысяч человек. На всю страну! Рабочий класс, крестьянство работали, государственные учреждения функционировали. Московский стачком принял решение не идти на забастовку, о чем 20 августа 1991 года была соответствующая публикация в газете «Известия».

Третье. Были переоценены возможности так называемого демократического движения. К тому времени оно уже начало терять свое влияние в массах. Несмотря на сохранявшиеся позиции в некоторых слоях общества, прежним запалом для действий оно уже не располагало. Пик своего влияния и своих возможностей «демократическое движение» прошло.

Четвертое. ГКЧП не проявил должной решительности, последовательности и организованности. Этому есть объяснение: для подготовки выступления, его обоснования и разъяснения было слишком мало времени, в связи с чем мы вполне резонно полагали, что более жесткие меры могут дать обратный эффект. К тому моменту значительные массы людей еще не осознали, не убедились в том, какая страшная беда надвигается на государство и, следовательно, на них. Вместе с тем спустя сутки после подписания Союзного договора нашего государства уже бы не стало, поэтому фактор времени подгонял и не позволял подготовить и осуществить все необходимые меры.

Пятое. Для успеха дела следовало пойти на решительный разрыв с Горбачевым. К тому времени его влияние и авторитет у людей были близки к нулевой отметке. Вера в него у советских людей была утеряна, пустословие раздражало, народ разочаровался в своем руководителе. Двойственная позиция ГКЧП по отношению к Горбачеву сбивала с толку общественность, советских людей и порождала сомнения в искренности

намерений ГКЧП.

Как теперь представляется, отмежевание от Горбачева не сузило бы, а значительно расширило массовую базу ГКЧП. Двойственная позиция по отношению к Горбачеву дезориентировала и руководство бывших союзных республик, чем не замедлило воспользоваться российское руководство.

Шестое. Пагубной оказалась затяжка с созывом Верховного Совета и съезда народных депутатов СССР. Более того, надо было одновременно созывать и Верховный Совет, и съезд. Если поддержка Верховного Совета была в какой-то степени под вопросом, то поддержка со стороны съезда народных депутатов сомнений не вызывала.

После августа 1991 года Горбачев в одном из своих выступлений прямо сказал, что съезд народных депутатов мог бы поддержать «путчистов». Но время было потеряно, и ГКЧП сам лишил себя широкой поддержки.

Седьмое. Благодаря усилиям Горбачева и его сподвижников Коммунистическая партия Советского Союза к тому времени почти потеряла свою боеспособность. Она была парализована, слабо сопротивлялась развалу государства и своему разложению. Бесплодные дискуссии, фракционность, предательство руководителя партии разъедали ее вконец. Но и в этих условиях откровенный призыв к рядовым коммунистам, к первичным партийным организациям выступить в защиту Союза мог бы сработать. Однако и этого не было сделано. Некоторые движения патриотической ориентации еще не набрали силу, организационно и политически не окрепли, поэтому они были обречены на роль пассивных наблюдателей за развитием событий.

Восьмое. Слабо использовались средства массовой информации, хотя у ГКЧП были возможности получить поддержку значительной их части для выступления в нужном направлении. Для этого надо было заблаговременно привлечь к выступлениям в средствах массовой информации — в газетах, журналах, на телевидении и по радио — политологов, экономистов, журналистов, деятелей искусства, представителей рабочего класса, крестьянства для показа бедственного положения в стране и предательской политики ее руководителей.

Девятое. Союзные республики были оставлены без должного внимания. С их стороны не было отмечено сколько-нибудь серьезной оппозиции по отношению к ГКЧП, но они не были соответствующим образом сориентированы, их потенциал не был задействован, хотя возможности к этому имелись. К тому времени во всех союзных республиках негативное отношение к политике и

деятельности Горбачева достигло высокой точки.

Десятое. Ввод войск и особенно боевой техники в Москву был ошибочным решением. Не стоило вводить и комендантский час. Как показали события, и первое, и второе было лишним. Эти меры давали повод думать, что те, кто ввел чрезвычайное положение, опасаются народа. Было бы вполне достаточно использовать подразделения Министерства внутренних дел и Комитета госбезопасности СССР, а также рабочие дружины, которые к тому времени уже были на некоторых предприятиях.

И все-таки в историческом плане создание ГКЧП и его выступление несли в себе больше положительного, чем негативного.

Августовское выступление позволило обнажить проблемы, вскрыть язвы и показать каждому, даже незрячему, куда идет наша держава. ГКЧП встряхнул общество, обнажил расстановку сил, события показали, кто есть кто. Если бы не 19 августа 1991 года, то Союз был бы задушен уже запланированным коварным и изощренным способом, и бороться с этим было бы значительно труднее. Разрушители из союзного и российского руководства наверняка сомкнулись бы в своих действиях и реализовали бы свои планы совершенно открыто и без промедления.

Происшедшее в последующем — убедительное доказательство этому. ГКЧП, те, кто выступил вместе с ним, со временем все больше будут ощущать свою положительную роль. События августа 1991 года стали водоразделом между разложением, с одной стороны, и действиями, обнажающими тяжелую реальность, но ведущими к благородным целям, — с другой.

Как ни силились те, кто бросил за решетку членов ГКЧП, доказать их корыстолюбие, из этого ничего не вышло. Пренебрегая личным благополучием, рискуя положением своих близких, мы выступили за идею — как государственники, сознающие свой долг.

Опыт исторического развития державы многогранен и неоднозначен, и мы хотели донести до общественности, до народа, до тех, кому небезразлична судьба Советского Союза, пусть трагическую, но правду, с уверенностью, что не все потеряно и прежнее Отечество будет восстановлено или возрождено.

Борьба продолжается, и участвующие в ней фигуры по мере развития событий высвечивают себя яснее и рельефнее. Настоящие патриоты, государственники, коммунисты, социалисты, в силу каких-то обстоятельств попавшие в так называемый демократический лагерь, порывают с ним, а те, кто

оказался там осознанно, проходят извилистую дорожку ренегатства и предательства до конца.

Вместо послесловия

Россию ожидает не одна смертельная опасность.

Речь идет об усилении ставших очевидными внешних факторов экспансионистского, разрушительного характера. Ряд западных стран, Япония и некоторые другие не ограничатся воздействием только на государства, появившиеся на базе бывших союзных республик. Начинается (оно уже идет) интенсивное проникновение иностранного влияния, утверждение зарубежных интересов в ряде российских территорий.

Подогреваются сепаратистские настроения. Следовательно, сохраняются и возможно усилятся действия центробежных сил в самой России — главной и последней надежды и базы возрождения Союза.

Стало очевидным обострение сепаратизма, пожалуй, во всех бывших союзных республиках. Разыгравшиеся сепаратистские, националистические настроения вылились в многочисленные кровавые конфликты.

Пламя войны заполыхало в самой России. В ноябре 1994 года ельцинский режим начал боевые действия в Чечне. Они приняли широкий размах, антинародный характер, превратив этот цветущий край в кровавое поле. Полностью разрушена 400-тысячная чеченская столица Грозный.

Главным врагом России объявлен генерал Джохар Дудаев. В конце 1990-го — 1991 году он возглавлял националистическое оппозиционное движение в Чечне. Будучи с июня 1991 года председателем исполкома негосударственного Общенационального съезда чеченского народа, Дудаев в августе 1991 года активно выступил против ГКЧП и тем завоевал расположение Ельцина.

Итог всей этой грязной игры известен — разрушенные города и села, десятки тысяч убитых, еще больше раненых, сотни тысяч беженцев, дестабилизация в северных районах Кавказа, трагедии в Буденновске и Первомайском. Осенью 1999 года в Чечне заполыхала вторая кровавая бойня.

Можно обоснованно предположить, что рано или поздно новая генерация людей поймет трагизм ситуации и под воздействием реалий заявят о себе интеграционные процессы. Время, которое до этого истечет, история объективно посчитает как потерянное, глубоко ущербное.

Серьезной проблемой на пути неизбежного объединения станут отношения новых суверенных государств с другими странами мира.

Раздел сфер влияния и интересов уже идет на наших глазах. Япония, Китай, Индия, Пакистан, Иран, Турция налаживают контакты, готовятся к развитию политических, торгово-экономических отношений с бывшими союзными республиками, подспудно проявляются экспансионистские поползновения, от последствий которых скоро не освободишься, да и не так-то легко будет от этих вновь возникших связей избавиться, если они станут хотя и скудным, но повседневным источником существования людей.

Все это будет неизбежно сказываться на внутренней политике бывших союзных республик, ныне самостоятельных государств, их общественном строе, государственном устройстве, на состоянии их будущих связей с Россией.

…Огромная опасность таится и начала уже проявляться в проблеме границ между бывшими союзными республиками, ныне суверенными государствами и даже внутри их самих. Многочисленные участки границ в разное время устанавливались волюнтаристски, на глазок, без четкого документального, исторически и всеми другими обстоятельствами обусловленного закрепления.

В последние годы в результате обострения межнациональных и межэтнических отношений на ряде участков границы произошли открытые конфликты, на других — назревает обострение, которое в любой момент может принять неконтролируемый характер.

Нынешние границы между республиками, другими территориальными образованиями в рамках единого Союза практически не оспаривались, не вызывала особой реакции передача из одних республик в другие значительных территорий (Крым), не говоря уже о небольших участках территории.

Ныне определение границ, тем более если возникнет необходимость их существенной корректировки, наверняка превратится в мучительный, болезненный процесс с возможными осложнениями, в том числе острого характера. В сравнении с ними Нагорный Карабах может показаться небольшим локальным конфликтом.

На территории бывшего Союза возникает множество и других больших и малых проблем.

До сих пор трудностей с передвижением, общением между людьми и обменом информацией не было, они появились в 1993–1994 годах и больно заявили о себе. Поездки к родственникам, знакомым, желание провести отпуск, совершить туристические поездки, отправиться на заработки и т. д. — все это совсем недавно, как и в течение многих веков, не составляло проблем.

Сейчас совершенно иная ситуация.

Если взять за отправную точку нынешний европейский уровень интеграции, то станет очевидным, что в сотрудничестве наших новых государств произошел откат до минимальной отметки, подходящей для сообщества или какой-нибудь формы многосторонней организации с весьма низкой степенью объединения. Опыт европейского сообщества важен, но в наших условиях может быть использован лишь в преломлении.

Европейское сообщество начало свой путь более сорока лет назад. Начнется ли наш путь с этой точки отсчета или с более высокого уровня — разговор не праздный. Именно здесь лежит ответ на вопрос, какова допустимая степень дезинтеграции отдельных частей Союза, удастся ли предупредить политическое и государственное размежевание, то есть историческое отступление.

Реальная возможность скрепить отношения между составными бывшего Союза заключается в сохранении хозяйственных связей, системы прежних расчетов на базе экономических соглашений. Переход на расчеты в мировых ценах и конвертируемой валюте — это эксперимент, который подавляющая часть государств или не выдержит, или он обойдется им невероятно дорого.

События на территории Советского Союза, и в том числе в России, в своем катастрофическом развитии и последствиях еще не достигли пика, поэтому об окончательных результатах говорить преждевременно. Но некоторые итоги «демократических» преобразований, «демократического» движения, политических устремлений и действий отдельных его представителей и элитарных групп подвести не только можно, но и нужно.

Они — эти итоги — печальны, трагичны, разрушительны, имеют долговременный характер, а по масштабам не знают себе равных.

Не думаю, что большинство тех, кто стоял у истоков разрушения державы, хотели или в полной мере предвидели отрицательные последствия реализации своих замыслов. Тем не менее их историческая ответственность очевидна, не говоря уже о тех, кто сознательно вел дело к гибели Советского государства и творил для этого все возможное и невозможное. Последние просто совершали преступление.

Если определенные силы на Западе использовали первую категорию лиц втемную, то со второй категорией у них была полная смычка по мировоззренческим убеждениям, практическим действиям и политическим целям. На этот счет выше приведено

достаточно фактического материала и выводов, логика и доказательность которых, на мой взгляд, неопровержимы.

К 1985 году мощь Советского Союза не вызывала сомнений. С ним считались — одни из уважения, другие — из-за боязни. По всем основным показателям своего развития мы уверенно удерживали второе после Соединенных Штатов Америки место в мире. Страна располагала мощной индустриальной базой, основные отрасли ее промышленности находились на вполне приличном уровне, сельское хозяйство в основном обеспечивало потребности в продовольственной и технической продукции, наука числилась передовой в мире, ее фундаментальные исследования вполне соответствовали мировым стандартам. По массовому охвату образованием, медицинским обслуживанием, культурой, по размаху жилищного строительства мы не знали себе равных. Народ был сыт, обут, одет, хотя по ассортименту, качеству и отдельным видам товаров, безусловно, ощущался большой дефицит.

Советский Союз занимал прочные позиции в мире. Политическое, военное сотрудничество с социалистическими государствами дополнялось взаимовыгодными торгово-экономическими отношениями. СССР имел тесные связи со многими странами так называемого третьего мира в Латинской Америке, Африке, Азии.

Наше государство было вполне кредитоспособным. Его безопасность была надежной на западе, востоке, юге и севере. Ни одна соседняя страна не предъявляла каких-либо территориальных претензий, за исключением Японии, периодически обозначавшей вопрос о Южно-Курильской гряде и сделавшей его перманентным, дежурным.

На огромных просторах Советского Союза в добром соседстве проживали более 150 наций и национальностей, народов и народностей. В общей атмосфере равноправия различных этнических групп националистические силы не решались поднимать голос, призывать к распрям, хорошо сознавая обреченность подобных попыток. Человек любой национальности, любого вероисповедания мог свободно передвигаться, проживать в любой части страны, везде и всегда пользоваться одинаковыми правами.

Уровень преступности занимал одну из последних строчек в мировых показателях. Страна считалась в этом отношении безопасной. Люди жили в едином пространстве, в условиях одного правового поля. Они как бы опередили среднеземное время и вышли в будущее человечества.

Конечно, жизнь в Советском Союзе была не без недостатков и

трудностей. Его общественно-политическая система оказалась в какой-то мере зажатой в жесткие рамки, огромные потенциальные возможности были лишены способности самовыражаться, самоизменяться, саморазвиваться. Социализм, как общество по своей природе нуждающееся в просторе для проявления свободы и вместе с тем в правопорядке, так и не приобрел гармоничного сочетания, органичного единения этих двух сторон.

Но все было поправимо, не было никакой фатальной неизбежности, тем более необходимости в разрушении государства.

И вот через десять лет после 1985 года, когда пишутся эти строки, катастрофические последствия крушения бывшего Советского Союза, а ныне отдельных его территорий, являют собой общенациональную трагедию с потрясениями глобальной значимости. Даже после Второй мировой войны, в ходе которой погибло более 50 миллионов человек, политическая карта мира не была так перекроена, как был изменен облик огромного геополитического региона в результате так называемой перестройки «а-ля Горбачев» и ельцинской политики разрушения.

Что ж, одни содрогаются от содеянного или без умысла сотворенного, другие (их большинство) — ужасаются происшедшему, третьи — испытывают удовлетворение или радуются кончине «империи», гордятся своим вкладом в это и идут дальше.

Итак, в порядке подведения предварительных итогов остановимся лишь на некоторых «достижениях» демократических преобразований.

Нет больше Союза Советских Социалистических Республик, произошел его развал, он распался на 15 государственных образований, объявивших о своем полном суверенитете, независимости, начале новой страницы в их истории.

Сепаратизм сравнительно небольших элитарных групп, состоящих из воинствующих политиканов, националистически, экстремистски настроенных лиц, в том числе и в России, восторжествовал и стал государственной политикой суверенных стран. Ничего, кроме разрушения, этот процесс не нес и не мог принести в силу отсутствия в нем конструктивных начал. Разговор о созидании — сплошь демагогия, потому что, кроме волны опустошения, ничего иного на территории Союза не происходило и не происходит.

По форме и по существу в значительной мере осуществлена смена социально-политического строя во всех бывших союзных республиках, правда, в различной степени. Смена строя произведена сравнительно узкой группой входящих в высшее

руководство лиц вопреки воле большинства народа, убедительно выраженной на общесоюзном референдуме.

Радикализм перемен в обществе нашел выражение в новом соотношении форм собственности путем разграбления государственного и коллективного достояния. Благодаря этому появился новоиспеченный, в основном криминальный, класс частных собственников, ибо их первоначальный капитал имеет криминальные источники накопления.

В ряде регионов бывшего Советского Союза полыхают гражданские войны. Их причины — межнациональные, межэтнические, территориальные споры, борьба за суверенитет территорий внутри административно-территориальных образований, стремление к переделу границ, схватка за власть.

Национальный эгоизм, доселе дремавший, не выходивший в основном за рамки бытовых отношений и полностью контролируемый, обрел условия для проявления и использования его в политических целях. Неисчислимые жертвы, кровь, страдания людей и целых народов, разрушения, беженцы, переселенцы окрасили мрачными тонами многие регионы, где еще совсем недавно царила мирная жизнь в рамках многонационального государства, в котором люди с детства воспитывались в духе дружбы и братства разных национальностей. Особенности, обычаи, нравы некоторых народов потребуют немало времени и усилий для преодоления вражды и восстановления добрососедских отношений, не говоря уже о совместном проживании.

Состояние экономики на всех без исключения союзных территориях можно охарактеризовать одним словом — катастрофическое. В 1994 году объем промышленного производства по сравнению с 1990 годом уменьшился вдвое. Такого не было даже в годы Великой Отечественной войны.

Все отрасли промышленности как бы рухнули. Обвальные процессы идут в сельском хозяйстве. Поскольку производственная сфера перестала быть безраздельным источником существования населения, то началось разворовывание, разграбление народного достояния в масштабах, немыслимых для здравого понимания. Процесс разрушения разрушил отлаженные за многие годы вертикальные и горизонтальные связи.

Преступная приватизация лишила народ общего достояния в форме государственной и общественной собственности, большая часть которой оказалась в руках небольшой группы лиц, а также у иностранцев. Отечественное производство оказалось беззащитным перед безудержным наплывом на наши рынки зарубежных товаров ширпотреба в обмен на ценное сырье.

Таким образом, отношения с бывшими союзными республиками, включая Россию, строятся как с колониями. Такого не допускала ни одна страна в мире за исключением случаев, когда она была силой поставлена на колени.

Социальное положение во всех 15 государственных образованиях драматично и имеет тенденцию к дальнейшему ухудшению. Поляризация в обществе, не сравнимая ни с одной капиталистической страной, обнищание, голодное существование большей части населения, растущая безработица, появление целого слоя бездомных, детская беспризорность, размах преступности, коррупция во всех эшелонах власти, в том числе в высших, криминализация общества — создали почву для социальных потрясений, непредсказуемых по глубине и масштабам.

Всего за несколько лет общество духовно и нравственно деградировало и само стало обеспечивать расширенное воспроизводство аномальных черт в своем развитии. Порочность социальной сферы, пожалуй, важнейший «успех» «демократического» движения.

Советский Союз имел надежно обеспеченную государственную безопасность. К настоящему времени на всей его территории ее не стало. Ни одно из 15 государств с точки зрения безопасности нежизнеспособно, не в состоянии обеспечить независимость, территориальную целостность, неприкосновенность границ.

Даже наиболее мощная по своим потенциальным возможностям Россия не может при сокращающейся численности населения и огромном пространстве отстоять целостность государства и в недалеком будущем столкнется с угрозой потери части территорий, причем подобное развитие событий может приобрести необратимый характер. Картину следует дополнить все ухудшающимся состоянием вооруженных сил России, ослаблением их по количественным и качественным параметрам.

Резко ослабли международные позиции территорий бывшего Союза, они утеряны или просто рухнули под напором обстоятельств.

Прекратил существование военный союз — Организация Варшавского договора, исчез из международной жизни Совет экономической взаимопомощи социалистических стран, прерваны союзнические отношения с Вьетнамом, Кубой, Монголией, Корейской Народно-Демократической Республикой, Югославия брошена на произвол судьбы, на растерзание. Прерваны дружественные, взаимовыгодные политические, экономические и иные связи со многими странами Латинской Америки, Африки,

Азии, а новые друзья не приобретены.

Бывшие наши союзники потянулись в НАТО. В центре Европы внушительно заявила о себе объединенная Германия. Бывшие союзные республики, как независимые государства, стали пограничными соседями России и устремились к окружавшим Союз капиталистическим странам, оставив заложниками российские пограничные войска, кое-где еще несущие охрану прежних рубежей.

В пространственном поле бывшего Советского Союза тлеет и все сильнее дает о себе знать одна губительная проблема, которая по вполне прогнозируемым показателям несет в своем развитии смертельную опасность для народа в целом и отдельных национальностей в частности.

Речь идет о политике геноцида в России и в некоторых других странах СНГ в отношении собственного населения. Итоги политики и дел «демократов», перечисленные выше, несмотря на их тяжелый характер, в общем-то поправимы, хотя, разумеется, с огромными издержками для государства.

Однако обозначившийся процесс вымирания народа, невосполнимое исчезновение этноса, уже ставшее очевидным в его значительной части, несет приметы необратимости.

В 30-х, 40-х, начале 50-х годов, то есть за 23 года, в ходе репрессий было расстреляно около 800 тысяч человек. Эти данные до сих пор ужасают.

Теперь обратимся к нынешней действительности и к нашему недалекому будущему. В 1993 году смертность превысила рождаемость на 806 тысяч, а в 1994 году уже на 1,2 миллиона человек. Этот показатель угрожающе рос в течение всех четырех лет — 1991–1994 годов. А ведь при желании власти могли бы исправить положение.

Вспомним хотя бы времена Великой Отечественной войны. 8 июля 1944 года был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о мерах по стимулированию рождаемости. Уже к концу 40-х годов положение с рождаемостью стабилизировалось, а 50-е годы по праву стали «золотым периодом» в приросте народонаселения. Причем многократно сократилась детская смертность. Были превзойдены позитивные показатели за всю историю России, наш опыт заимствовали многие страны мира.

Естественное и механическое сокращение населения на территориях бывшего Советского Союза активно наблюдается с конца 1991 года. Гибель людей в военных конфликтах от действий преступников, в результате самоубийств, травм на производстве, дорожных происшествий, пьянства исчисляется сотнями тысяч человек.

Изгоняют русских с земель, на которых они веками проживали и которые стали для них родными. Армяне расправляются с азербайджанцами, азербайджанцы — с армянами, грузины — с абхазцами, абхазцы — с грузинами, этот трагический список можно было бы продолжить.

В Таджикистане, на Кавказе и других районах исламские фундаменталисты не на словах проявляют нетерпимость к иноверцам, не останавливаясь перед их физическим уничтожением.

Католики в западной части Украины преследуют православных, силой забирая у них церковные здания, храмы, другое имущество.

Во многих регионах бывшего Союза люди одной национальности сбиваются в одно место поселения, ближе друг к другу, силой обеспечивая свою безопасность.

Становятся трагической реальностью самые мрачные прогнозы. Такое развитие является не результатом трудностей роста (никакого позитивного роста нет!), не временными издержками формирования нового прогрессивного строя (напротив, вместо строя справедливого, социалистического насаждается дикий капитализм!) или претворения в жизнь общечеловеческих идеалов (они грубо попираются в отношении подавляющего большинства!). Россия, страны СНГ низведены до положения третьесортных государств, так называемые цивилизованные страны унижают их, помыкают ими, грубо, бесцеремонно одергивают, когда кто-либо из них вдруг вздумает проявить самостоятельность. Дело доходит до откровенного окрика при попытке сменить, к примеру, несостоявшегося деятеля в высшем российском руководстве.

Сознательно принижается историческое значение России, ее народа, ставятся под сомнение ее государственность, способность управлять территорией, природными богатствами. И тут надо понять одну истину: вершится все это руками преступного руководства антинародного режима. Именно политика нынешних российских правителей убивает народ и тем самым совершает чистейшей воды уголовное преступление.

В конце прошлого столетия Фридрих Энгельс написал книгу «Положение рабочего класса в Англии». Этот труд явился результатом многолетних исследований и личных наблюдений его автора и не потерял своего значения и актуальности сегодня. Вот выдержка из книги: «Если один человек наносит другому физический вред, и такой вред, который влечет за собой смерть потерпевшего, мы называем это убийством; если убийца заранее знал, что вред этот будет смертельным, то мы называем его

действия предумышленным убийством. Но если общество ставит сотни пролетариев в такое положение, что они неизбежно обречены на преждевременную, неестественную смерть, на смерть насильственную в такой же мере, как смерть от меча или пули; если общество лишает тысячи своих членов необходимых условий жизни, ставит их в условия, в которых они жить не могут; если оно сильной рукой закона удерживает их в этих условиях, пока не наступит смерть, как неизбежное следствие; если оно знает, великолепно знает, что тысячи должны пасть жертвой таких условий, и все же этих условий не устраняет, — это тоже убийство, в такой же мере, как убийство, совершенное отдельным лицом, но только убийство скрытое, коварное, от которого никто не может себя оградить, которое не похоже на убийство, потому что убийца — это все и никто…»

Читатель, вдумайся в слова и выводы классика, сравни с тем, что происходит на твоих глазах, и задумайся. Осуществляется геноцид целого народа.

В толковом словаре Ожегова читаем: «Геноцид — порожденная империализмом и фашизмом политика истребления отдельных групп населения по расовым, национальным или религиозным мотивам. Геноцид — тягчайшее преступление против человечества».

По прогнозам отдельных социологов, в случае продолжения нынешней политики в России на ее территории к концу следующего, XXI столетия останется 26 миллионов русских.

При нынешнем развитии внутренних и внешних событий в России и вокруг нее будущее ее представляется весьма мрачным и трагичным. Она движется мучительной дорогой выживания, приспособления к новым противоестественным для нее обстоятельствам.

В случае продолжения движения России по нынешнему пагубному для нее пути разыгрывающаяся трагедия обернется разрушением прежде всего ее территориальной целостности, потерей значительных частей ее пространства. Все это осуществится или откровенно насильственным способом, или установлением при «согласии» Москвы политического, экономического, административного контроля, а точнее, жесткой власти со стороны других государств.

В среде животных есть эффект истребления тяжелобольной или опасно изувеченной особи, когда сородичи набрасываются на жертву и без жалости кончают с ней, удовлетворив таким путем на какое-то время жажду голода, крови. Образно говоря, Россия стремительно приближается к этому состоянию.

В то же время сейчас в принципе пока сохраняются основные

условия для возрождения, или воссоздания, или формирования обновленного Союза бывших советских народов — не всех, но подавляющего большинства их. Характерная для советского времени высокая степень интеграции, искусственно порушенная, единые транспортные магистрали, практически сохраняющаяся база единой энергосистемы, широкие и глубокие личные связи граждан — смешанные браки, родственные узы, совместно нажитое имущество, профессиональные отношения, общность культуры, бытовые отношения, взаимные поездки, ставшие традиционными, совместный отдых, дружеские встречи и многое другое. Сегодня люди просто не признают границ, игнорируют формальные препятствия, да границ, собственно, и нет.

Так возможна ли реанимация Советского Союза? Безусловно да!

При политической воле и решимости определенных властных сил в части стран СНГ это могло бы произойти хоть завтра.

Конечно, многое будет зависеть от позиции ведущих государств мира, и прежде всего США, Японии, Германии и других. Не будет безучастным наблюдателем и Китайская Народная Республика. Вряд ли Пекин позволит Вашингтону разбогатеть и укрепить уже и без этого огромную мощь за счет России. Есть определенные рубежи передела мира, нарушение которых таит в себе опасность чрезмерного риска для стабильности международных отношений. Политики должны учитывать это. Однако, помимо тактики, есть и политическая стратегия, безошибочно строить которую возможно, опираясь лишь на собственные силы. Для России это главный и единственный надежный выход из создавшегося положения. Безусловно, невозможна, да и нецелесообразна реанимация идеологических устоев общества и государства социалистического периода, но это обстоятельство нисколько не умаляет неизбежность процесса интеграции на постсоветском пространстве. Так почему же не происходит воссоединения исторически заинтересованных в этом бывших республик СССР?

Только из-за противодействия тех сил, которые усматривают в этом угрозу своим узкогрупповым эгоистическим интересам!

Достоин сожаления и, еще важнее, глубокого осмысления тот факт, что во главе этих сил стоят бывшие коммунисты, а точнее, бывшие члены партии — руководители еще вчера союзных республик. Они состояли в той партии, во всей теоретической и практической деятельности которой принципы интернационализма были основополагающими и, казалось, незыблемыми.

Тяжело в этом случае проводить исторические аналогии, но

ради объективности следует сделать это. После прихода в 1933 году в Германии к власти Гитлера основная масса членов социал-демократической партии заполнила ряда национал-социалистической партии и верно служила фашистскому режиму. В Советском Союзе после августа 1991 года этого не произошло, но масса членов КПСС была брошена Горбачевым на произвол судьбы и оказалась во власти анархии и стихии. Бывшие члены КПСС пополнили ряды самых различных политических партий и движений, в том числе антисоциалистических. Однако значительная часть руководителей различных звеньев стала, как у нас говорят, перевертышами, заняла оголтелые коммунистические позиции.

Я долго думал над своей гражданской позицией и считаю, что она должна иметь корни там, где интересы моего Отечества, соответствовать пути, осознанно выбранному народом, выбранному в честной борьбе и недвусмысленно. Не мыслю себя в роли стороннего наблюдателя происходящего в России и других странах СНГ, потому что небезразлично отношусь к результатам своей борьбы и труда, борьбы и труда своего народа, а также к тому, как будут жить мои дети и внуки.

Невероятно тяжело заканчивать книгу на пессимистической ноте, не хочется быть мрачным пророком. Однако боль за Отчизну, за народ, не заслуживший столь тяжелой и унизительной участи, заставляет говорить правду, хотя и очень горькую. Вместе с тем внушает оптимизм то обстоятельство, что дух, силы, стремление к сопротивлению не утрачены, они есть в чистых и честных душах людей.

Мне кажется, что очень скоро заставят заговорить о себе борцы за народную власть с мест. Там особая близость к жизни, там проблемы, заботы совсем рядом с людьми, и они не дают витать в облаках, ими надо заниматься, их надо решать. По возрасту — это еще молодые люди, именно они придут на помощь москвичам, а может быть, возьмут на себя лидерство.

Центр политической, духовной жизни в Москве уже не является всеохватывающим и всемогущим. Он будет перемещаться на периферию и сверкать целой гаммой политических красок. Таких центров будет все больше, но пройдет время — и начнут неизбежно выделяться отдельные из них, сменяя по очереди друг друга.

Видимо, географически сначала проявят себя восточные регионы страны, но дойдет черед и до центральных областей европейской части России, богатых талантами, пока не разбуженными. Далеко не все из них стремятся переместиться в Москву или Санкт-Петербург. Но и в Москву поедут таланты с

мест и помогут обновиться, возродиться столице России, а затем и новому союзному объединению. Вопрос во времени и в том, как дорого за все, прежде совершенное с нами, да и нами самими, придется заплатить.

Но всякая надежда будет потеряна, если русский и казах, украинец и киргиз, белорус и армянин, молдаванин и узбек, грузин и туркмен, азербайджанец и таджик — все другие народы не воспрянут и в борьбе не отстоят свое право на жизнь и счастье.

Верю, так и будет!

1991–2000 гг.

Приложения

* * *

Выступление председателя КГБ СССР В.А. Крючкова на закрытом заседании Верховного Совета СССР 17 июня 1991 года в Кремле

(Печатается с небольшими сокращениями)

Уважаемые товарищи депутаты!

Пользуясь тем, что заседание закрытое, позвольте мне, может быть, несколько обостренней, откровенней изложить, как Комитет госбезопасности видит ситуацию в нашей стране и вокруг нее.

Сегодня трудно давать оценку нынешней обстановке в стране, но реальность такова, что наше Отечество находится на грани катастрофы. То, что я буду говорить вам, мы пишем в наших документах Президенту и не скрываем существа проблем, которые мы изучаем. Общество охвачено острым кризисом, угрожающим жизненно важным интересам народа, неотъемлемым правам всех граждан СССР, самим основам Советского государства. Если в самое ближайшее время не удастся остановить крайне опасные разрушительные процессы, то самые худшие опасения наши станут реальностью. Не только изъяны прошлого и просчеты последних лет привели к такому положению дел. Главная причина нынешней критической ситуации кроется в целенаправленных, последовательных действиях антигосударственных, сепаратистских и других экстремистских сил, развернувших непримиримую борьбу за власть в стране.

Откровенно игнорируя общенациональные интересы, попирая Конституцию и законы Союза ССР, эти силы открыто взяли курс на захват власти в стране. Для реализации своих амбициозных планов они не остановятся перед попытками ввергнуть страну в пучину крайнего обострения обстановки.

В некоторых регионах гибнут сотни ни в чем не повинных людей, в том числе женщины, старики, дети. Тщетно взывают к проявлению политического разума, к справедливости сотни тысяч беженцев.

Пока мы рассуждаем об общечеловеческих ценностях, демократических процессах, гуманизме, страну захлестнула волна кровавых межнациональных конфликтов. Миллионы наших сограждан подвергаются моральному и физическому террору. И ведь находятся люди, внушающие обществу мысли, что все это —

нормальное явление, а процессы развала государства — это благо, это созидание.

Резко усилились процессы дезинтеграции экономики, нарушены складывающиеся десятилетиями хозяйственные связи, тяжелейший ущерб нанесли народному хозяйству забастовки. Крайне напряженная обстановка сложилась в сельском хозяйстве.

Все более угрожающие масштабы приобретает преступность, в том числе организованная. Она буквально на глазах политизируется и уже непосредственно подрывает безопасность граждан и общества. Недовольство народных масс ситуацией в стране находится на критическом уровне, за которым возможен небывалый по своим разрушительным последствиям социальный взрыв. О стремительном скатывании общества к этой опасной черте свидетельствует настроение простых тружеников. Они первыми испытывают на себе последствия кризиса и в политике, и в экономике. Все отчетливее проявляются апатия, ощущение безысходности, неверие в завтрашний день и даже какое-то чувство обреченности. А это очень тревожный симптом. Ясно, что такая пассивность на руку политиканам, теневикам, коррумпированным элементам, рвущимся к власти. При таком положении любой лозунг может обрести в нашей стране свою почву.

В период, когда исполнительные органы власти должны действовать особенно энергично и эффективно, не допуская возникновения всеобщего хаоса и анархии, их работу пытаются блокировать, мешают поддерживать конституционный порядок и стабильность в стране. Проявление терпимости, гибкости, стремление решать возникающие проблемы политическими методами понятны и оправданны. Однако есть пределы, за которыми просто необходимо и власть употребить. Нужны настойчивость и решительность в главном — в защите Конституции СССР, кстати, никем не отмененной, в выполнении воли народа, ясно выраженной во всесоюзном референдуме о сохранении Союза ССР, обеспечении прав и законных интересов граждан.

Общественно-политический строй, основы государственного уклада — это те вопросы, которые не могут решаться ни руководителями любого уровня, ни какой-либо партией, ни даже парламентом. Это исключительно прерогатива народа. Главное наше достояние — это складывающийся веками великий союз народов. Его сохранение — священный долг перед поколениями, которые жили до нас, и теми, кто придет нам на смену. Тут в полную силу пора говорить о нашей исторической ответственности.

Конечно, причина нынешнего бедственного положения имеет прежде всего внутренний характер. Но нельзя не сказать и о том, что в этом направлении активно действуют и определенные внешние силы. Хотел бы в этой связи сделать небольшое отступление и привлечь ваше внимание к одному весьма примечательному документу, подготовленному в 1977 году внешней разведкой Комитета государственной безопасности… Адресован он ЦК КПСС и называется «О планах ЦРУ по приобретению агентуры влияния среди советских граждан». Я зачитаю этот документ, он небольшой…

«По достоверным данным, полученным Комитетом государственной безопасности, последнее время ЦРУ США на основе анализа и прогноза своих специалистов о дальнейших путях развития СССР разрабатывает планы по активизации враждебной деятельности, направленной на разложение советского общества и дезорганизацию социалистической экономики. В этих целях американская разведка ставит задачу осуществлять вербовку агентуры влияния из числа советских граждан, проводить их обучение и в дальнейшем продвигать в сферу управления политикой, экономикой и наукой Советского Союза.

ЦРУ разработало программы индивидуальной подготовки агентов влияния, предусматривающей приобретение ими навыков шпионской деятельности, а также их концентрированную политическую и идеологическую обработку. Кроме того, один из важнейших аспектов подготовки такой агентуры — преподавание методов управления в руководящем звене народного хозяйства.

Руководство американской разведки планирует целенаправленно и настойчиво, не считаясь с затратами, вести поиск лиц, способных по своим личным и деловым качествам в перспективе занять административные должности в аппарате управления и выполнять сформулированные противником задачи. При этом ЦРУ исходит из того, что деятельность отдельных, не связанных между собой агентов влияния, проводящих в жизнь политику саботажа и искривления руководящих указаний, будет координироваться и направляться из единого центра, созданного в рамках американской разведки.

По замыслу ЦРУ, целенаправленная деятельность агентуры влияния будет способствовать созданию определенных трудностей внутриполитического характера в Советском Союзе, задержит развитие нашей экономики, будет вести научные изыскания в Советском Союзе по тупиковым направлениям. При выработке указанных планов американская разведка исходит из того, что возрастающие контакты Советского Союза с Западом

создают благоприятные предпосылки для их реализации в современных условиях.

По заявлениям американских разведчиков, призванных непосредственно заниматься работой с такой агентурой из числа советских граждан, осуществляемая в настоящее время американскими спецслужбами программа будет способствовать качественным изменениям в различных сферах жизни нашего общества, и прежде всего в экономике, что приведет в конечном счете к принятию Советским Союзом многих западных идеалов.

КГБ учитывает полученную информацию для организации мероприятий по вскрытию и пресечению планов американской разведки».

Подпись — председатель КГБ Ю. Андропов.

От такого рода тайной деятельности, уже принесшей определенные плоды, на Западе не собираются отказываться и сегодня, в эпоху нового политического мышления…

Через несколько дней будет ровно полвека, как началась война против Советского Союза, самая тяжелая война в истории наших народов. И вы, наверное, сейчас читаете в газетах, как разведчики информировали тогда руководство страны о том, что делает противник, какая идет подготовка и что нашей стране грозит война.

Как вы знаете, тогда к этому не прислушались. Очень боюсь, что пройдет какое-то время, и историки, изучая сообщения не только Комитета госбезопасности, но и других наших ведомств, будут поражаться тому, что мы многим вещам, очень серьезным, не придавали должного значения. Я думаю, что над этим есть смысл подумать всем нам.

Стремительное ухудшение ситуации в стране, небывалое ослабление Советского государства крайне отрицательно сказываются на международном положении Советского Союза. С нами фактически уже пытаются разговаривать как со второразрядной державой, лишь слегка прикрывая политику диктата благообразной дипломатической фразой.

Не надо питать иллюзий, на происходящее в Советском Союзе ведущие западные страны, и прежде всего Соединенные Штаты Америки, смотрят прагматично — исключительно через призму собственных интересов. Отсюда настойчивое, если не сказать — ультимативное выдвижение вполне конкретных условий, которые СССР должен выполнить уже сегодня в ответ на туманные обещания и благосклонность в экономической помощи со стороны Запада завтра.

В числе этих условий — проведение фундаментальных реформ в стране не так, как видится это нам, а так, как задумано

за океаном, сокращение Советским Союзом ниже допустимых пределов расходов на оборону, свертывание отношений с дружественными нам государствами, уступки Западу в так называемом прибалтийском вопросе и другие.

Кстати, у нас есть достоверная информация относительно кредитов. Разговоры о том, что нам могут выделить кредиты в размере 250 миллиардов, 150, 100 миллиардов, — это сказки, это иллюзии. Это или самообман, или обман других. Но представим себе, что можно получить 15–20 миллиардов долларов. Дорогие товарищи, это же не спасет, потому что здесь важнее другое — чтобы работала наша страна, работала наша экономика, потому что такая страна, как наша, может спастись и обеспечить себя только сама.

Западные страны используют наши внутренние трудности для достижения своих стратегических целей в ущерб территориальной целостности СССР. Не случайно было, например, заявление официального представителя США о признании Советского Союза лишь в границах 1933 года. Правда, это официальное заявление не получило подтверждения, однако вы знаете, иногда большая беда начинается с малой. Мне кажется, что стоит нам тронуть территориально-пограничный вопрос в одном месте, как это породит цепную реакцию.

Кстати говоря, по сообщениям, которые мы получаем, — это и в открытой печати проходит — в Соединенных Штатах Америки и в некоторых других западных странах считают, что развал Советского Союза предрешен. И уже раздаются не только за рубежом, но и у нас голоса о том, что нормализовать положение нашей страны можно якобы лишь с применением сил Организации Объединенных Наций. Скажу больше. Есть данные о разработке планов умиротворения и даже оккупации Советского Союза в определенных условиях под предлогом установления международного контроля над его ядерным арсеналом. Кстати говоря, нам все труднее приходится на наших границах…

Должен вам сообщить, что нет такого принципиального вопроса, по которому мы не представляли бы объективную, острую, упреждающую, часто нелицеприятную информацию руководству страны и не вносили бы совершенно конкретное предложение. Однако, разумеется, нужна адекватная реакция.

Совершенно очевидно, что одобренный 4-м съездом народных депутатов и Верховным Советом СССР комплекс мер по выходу страны из кризиса и мероприятия, намеченные на встрече президента с руководителями девяти республик, фактически не выполняются.

В то же время во всех слоях общества нарастают требования

навести порядок именно сегодня, пока дело не дошло до самого худшего. Обстоятельства таковы, что без действий чрезвычайного характера уже просто невозможно обойтись. Не видеть этого — равносильно самообману, бездействовать — значит взять на себя тяжелую ответственность за трагические, поистине непредсказуемые последствия.

Уважаемые товарищи депутаты! В ваших руках находится судьба народов нашей огромной страны, Советского государства, от вашей мудрости и решительности зависит — быть или не быть великой державе, сумеем ли мы сегодня остановиться на краю пропасти. Обстановка, видимо, сегодня такова, что требует от всех нас отрешиться от личного, придать должное общегосударственному и, прежде всего — борьбе за сохранение Союза. Все остальное, мне думается, должно быть подчинено этому.

Мы за рыночные отношения, но почему-то совсем забыли о том, что даже в цивилизованных, как часто говорим, странах рынок регулируется, что там не отказываются от плановых начал, а более того — все более и более широко внедряют это. И я уверен, что подавляющее большинство советских людей поддерживает усилия Верховного Совета СССР в этом направлении. Что касается Комитета госбезопасности, то мы есть и будем верны нашей Конституции, интересам нашего советского народа.

* * *

Открытое письмо В.А. Крючкова президенту Российской Федерации Б.Н. Ельцину

(Опубликовано в газете «Правда» 11 июля 1992 года)

Г-н Президент,

11 июня с. г. по телевидению показали Ваше интервью, в котором речь шла о том, что произошло в России и вокруг нее за истекший год после начала Вашего президентства. Итоги года могут оценить сами россияне, они их видят, ощущают на себе, своих родных. Впрочем, это касается не только жителей России, но и всех граждан бывшего Союза.

Во время телеинтервью Вам было задано много вопросов. Еще больше тем Вы затронули в своих ответах. Мне в этой связи хотелось бы остановиться на одной, самой главной проблеме: что же случилось с Великим Советским Союзом? Соотечественники должны знать не только то, как эту проблему понимаете Вы, но и насколько соответствует действительности Ваше утверждение,

что виновны в распаде Союза те, кого в интервью Вы называете «путчистами».

Свое интервью Вы начали с августовского «путча» и закончили им, с удовлетворением и даже нескрываемым злорадством отметив, что его участники находятся в «Матросской тишине». Главная вина «путчистов», как подчеркивается Вами в телеинтервью, состоит в развале Союза, именно они являются его могильщиками, а вот Вы, мол, и не помышляли кончать с Союзом. Подобное утверждение, не имеющее ничего общего с истиной, делается перед людьми нашей, да и не только нашей, страны, которые сами были свидетелями не столь уж давних событий и из памяти которых еще не стерлось все, что произошло за последние несколько лет. Они не могут не помнить в том числе и Вашу деятельность, высказывания, поступки. Люди, особенно в такой пока еще высокообразованной стране, как наша, научились самостоятельно анализировать, приходить к собственным выводам. Вы не могли не заметить, что в последнее время их оценки все чаще и чаще не совпадают с Вашими.

Очень многие уже подметили главную черту, присущую всей Вашей деятельности, — тягу не к созиданию, а к разрушению. Последние два года (до августа 1991-го) Вы всю свою энергию направляли исключительно на разрушение Центра, «имперского Союза», разносили в пух и прах буквально все, что было сделано до Вас, показывали, как плохо живут люди, щедро рассыпая при этом обещания. Люди действительно во многом нуждались, жили неважно, так что и критика, и Ваши обещания падали на благодатную почву.

После принятия летом 1990 года Съездом народных депутатов РСФСР декларации о провозглашении суверенитета России и приоритете российских законов над союзными в разрушении Союза наступил решающий этап. Не остановил этот губительный процесс и состоявшийся 17 марта 1991 года всенародный референдум. Более того, референдум в чем-то даже сыграл Вам на руку — он внес успокоение в народ, люди потеряли бдительность, посчитав, что Союз получил необходимое подкрепление в виде народной воли, поддержки подавляющего большинства советских граждан. Референдум отнюдь не остановил Вас и всех тех, кто выступал вместе с Вами против сохранения Союза. Складывалось впечатление, что именно после референдума противники Союза стали действовать еще напористее, хотя и хитрее.

На поверку вышло, что референдум провели как бы для отвода глаз, а для руководителей его результаты вовсе и не имели никакого значения. Подумаешь — воля народа! Когда с

ней особо считались те, для кого главным всегда была лишь патологическая жажда власти?

Подготовленный проект Союзного договора практически ничего не оставлял от федеративного характера СССР, он предусматривал в лучшем случае лишь некое конфедеративное образование под названием Союза суверенных государств. Впрочем, в проекте Союзного договора было заложено столько возможностей, лазеек для его дальнейшего размывания, что достаточно было лишь малой их толики, чтобы расшатать еще больше это хрупкое устройство и превратить его в фикцию. Кстати, это очень хорошо понимал М. Горбачев. Тем не менее он шел на такой договор в жалкой надежде уцелеть хоть на какое-то время, покрасоваться в положении пусть даже бесправного, марионеточного, но все же Президента ССГ. Как-то на мой вопрос Горбачеву, как он оценивает ситуацию и какая судьба ожидает предполагаемый Союз суверенных государств, последовал любопытный ответ: «Ну, года полтора продержимся».

А Вы, Борис Николаевич, продолжали наносить удар за ударом по Советскому Союзу. Сейчас Вы говорите, что били, дескать, не по Союзу, а по центру, борясь за права России. Странная логика! Во-первых, такие понятия, как «Союз» и «центр», взаимосвязаны. Что же это за Союз без центра? Во-вторых, само объявление приоритетности республиканских законов над союзными уже превращало Союз в бесправное образование, по сути дела, ставило на нем точку. Представьте себе подобную ситуацию в Российской Федерации. Что станет тогда с Россией? Кстати, такой процесс уже начался. Вы один из тех, кто активно подавал этому пример, прокладывая дорогу для того, что произошло и происходит сейчас. Вы очень старались! Когда Вам не хватало слов, Вы с помощью рук выразительно показывали, сколь мало полномочий будет предоставлено ненавистному центру и как много отойдет их России.

Почему Вы стремились во что бы то ни стало поскорее завершить разрушение Союза? Ответ и на этот вопрос есть, но эта тема для другого разговора — всему свое время…

Итак, стоит подробнее остановиться на том, кто же все-таки разрушил Союз? Понятно, что сейчас у меня под руками нет документальных материалов. Поэтому кое-что я буду воспроизводить по памяти, но основной упор сделаю на общедоступную информацию, которую можно почерпнуть из печати.

В упомянутом интервью Вы сказали, цитирую по газете «Известия» за 11 июня 1992 года: «События с 12 июня (имеется в виду 1991 год) до 19 августа шли таким образом, что основным

был Союзный договор. Мы рассчитывали на то, что будет Союз. Мы только боролись за свою большую самостоятельность, старались меньше отдать функций руководству Союза — это была наша главная задача.

Путч 19–20 августа перевернул все. Он разрушил все… Но зато открылась другая возможность — стать независимым Российским государством с независимой внутренней и внешней политикой».

Интересно, Борис Николаевич, стать независимым от кого и от чего? В последнее время Вы периодически возвращаетесь к событиям августа прошлого года и к печальной судьбе Союза. Что скрывается за Вашим беспокойством — ясно и понятно. Ведь уже сейчас судить о том или ином деятеле начинают по его вкладу в развал Союза. Понятно почему? Распад Союза — это самая тяжелая трагедия, последствия которой все мы будем долго еще ощущать, вплоть до начала реального процесса его возрождения, во что я глубоко верю. Этой же надеждой, убежден, живет подавляющее большинство советских людей. Россия всегда была оплотом Союза, но сейчас мы, россияне, наконец поняли, что, оказывается, и Союз в равной мере был оплотом России. До возрождения Союза всякие слова о величии России, сколь бы красивыми и громкими они ни были, останутся лишь пустым звуком. Вряд ли у кого возникнет желание отвечать перед народом, перед историей за сломанную судьбу Советского Союза. Отсюда ясно, почему Вы в том же телеинтервью сочли нужным сказать следующее: «Когда меня обвиняют в том, что я — виновник распада Союза, не могу согласиться и взять вину на себя. Это надо предъявить путчистам. Да и, наверное, руководству бывшего Союза».

Давно уже обращает на себя внимание, что Вы не вспоминаете референдум 17 марта 1991 года. Вы не касаетесь содержания проекта Союзного договора, а ведь именно он был бы первым комом земли в могилу Советского Союза. С Союзом Вы намеревались кончать решительно, не откладывая это дело в долгий ящик. Еще не успели подписать Союзный договор, а Вы уже заявили, что никаких созывов Совета Федерации СССР, как союзной структуры, не будет. Да и сам проект Союзного договора — я имею в виду его последний, разрушительный для страны вариант — готовился, по сути дела, втайне не только от народа, но и от руководства парламента и государства. Это, кстати, хорошо видно из материалов следствия. Окончательный текст Союзного договора не обсуждался в комитетах и комиссиях Верховных Советов Союза и республик, а абсолютное большинство руководителей страны увидели его в первый раз 16

августа 1991 года в газете «Известия». 17 и 18 августа были выходными днями, а на 20-е число уже было назначено подписание этого документа. Необходимость предотвратить развал Союза для меня, например, была основным мотивом участия в ГКЧП. Времени действовать иначе нам отпущено не было.

Собственно говоря, вопрос о роли «путча» в судьбе Союза для многих уже перестал быть загадкой. Прийти к выводу на этот счет, прямо противоположному Вашему, не так уж и трудно. Стоит лишь немного поразмыслить, проанализировать ход событий, объективно оценить их существо, задуматься над целями каждого из действующих лиц. В стратегическом плане две фигуры сыграли определяющую роль в развале Союза — М. Горбачев и Б. Ельцин. Примечательны в этой связи выводы главного редактора «Независимой газеты» В. Третьякова (которого никак не причислишь к Вашим противникам), касающиеся последней точки в судьбе Союза.

«Да, — пишет он, — Ельцин был одним из трех участников формальной ликвидации СССР, участником государственного переворота, в результате которого Михаил Горбачев более удачно и куда более безболезненно, чем в августе 1991-го, был отстранен от власти (которой, впрочем, тогда уже почти не имел — кроме ядерной кнопки, разумеется).

Однако даже в конце прошлого года еще была возможность сохранить, по меньшей мере внешне, союзное образование. Но и этот шанс был упущен, когда по Союзу был нанесен смертельный удар с созданием в декабре 1991 года Содружества Независимых Государств».

В этой связи характерно еще одно высказывание В. Третьякова: «Нет никакого СНГ, и еще вопрос, возникнет ли оно (это Содружество) в будущем. Есть некая аморфная структура с неким аморфным названием, фиксирующая неподвластные ей процессы завершения распада СССР. Геннадий Бурбулис, если я не ошибаюсь, признавался, что концепция СНГ так и была задумана еще весной 1991 года».

Весьма примечательные слова! Читатель подумает над ними и наверняка найдет в них даже больше, чем сам автор этих слов.

Мы подошли к завершению небольшого экскурса в историю с Союзом, но стоит вновь вернуться к Вашему телеинтервью. Закончили Вы его следующим высказыванием: «И прошу Вас, как это ни трудно, вспомнить 12 июня прошлого года и улыбнуться. Вспомнить и 19–20 августа прошлого года, когда в, казалось бы, совершенно невероятных условиях удалось отстоять мир, демократию, не допустить, чтобы пришли те силы, которые бы

превратили государство в страну рабов. И то, что удалось перехитрить тех, кто сегодня сидит в «Матросской тишине», что удалось отстоять Белый дом благодаря москвичам и поддержке всех россиян, остается залогом того, что наш народ целеустремлен — и в этом его истинный патриотизм».

Насчет превращения государства в страну рабов, уверен, что Вы и сами не верите в то, что сказали. Правда, если посмотреть на нынешнее исключительно тяжелое, беспомощное положение широких слоев населения, вконец обнищавших, живущих впроголодь, униженных, уставших от кровопролития, доведенных до отчаяния, то использованное Вами слово «рабы» для них, может быть, и подходит, как уготованная участь. Тем более что с другой стороны появился и набирает силу целый слой патрициев. У них недвижимость, усиливается их политическая власть, а в это время подавляющая часть людей, призываемая Вами к «терпению, смирению и очищению», нищает относительно и абсолютно. «Удалось отстоять Белый дом, — говорите Вы. От кого? Уж Вам-то известны все обстоятельства. Никакой угрозы нападения на Белый дом не было, и Вы, в частности, отлично знали об этом, получив на этот счет все необходимые заверения. Так к чему эти спекуляции? Утверждения о «штурме» Белого дома нужны, видимо, только для того, чтобы поддерживать миф о Вашем собственном героизме и мужестве других его главных «защитников». Вы с гордостью говорите, что «удалось перехитрить тех, кто сегодня сидит в «Матросской тишине». Тут с Вами, пожалуй, можно согласиться, только с одним уточнением: Вам удалось перехитрить не только «тех», но и кое-кого еще, а самое главное — народ.

Узники «Матросской тишины» не хитрили, они действовали открыто, своих целей не скрывали, никаких для себя лично выгод не искали. Ими двигало одно — стремление отвести угрозу от Союза, предотвратить наступление еще более опасных, кризисных явлений, свидетелями которых мы сейчас являемся, причем куда в больших масштабах, чем можно было предположить.

Именно Вы последовательно вели дело к развалу Союза, все Ваши действия лишь подтверждают это. А в «Матросской тишине» оказались как раз те, кто всегда выступал за сохранение Союза в соответствии с волей народа, выраженной на референдуме 17 марта, и никем тогда еще не отмененными Конституцией СССР и Союзным договором от 1922 года. Выступление 19–21 августа 1991 года, создание ГКЧП были криком души, отчаянной попыткой спасти Союз, тот самый, по которому Вы сегодня льете крокодиловы слезы и для которого Вы сами же с таким завидным упорством рыли могилу, а затем справили похоронный ритуал в

виде создания СНГ.

Осуждений в адрес ГКЧП раздается в избытке, но мало кто обращает внимание на существо документов, принятых им и, кстати, преданных гласности. А ведь все эти документы проникнуты заботой о сохранении Союза, Конституции СССР, в них есть уважение изменений, происшедших в республиках, в том числе и в России, осуждение тоталитаризма, решительная поддержка демократических преобразований, отстаивание суверенитета, независимости и территориальной целостности нашего государства. Разве в документах ГКЧП не подчеркивалась необходимость защиты прав человека, не высказывалось положительное отношение к предпринимательству, ко всем формам собственности? В них с особой силой говорилось о дружбе народов, о необходимости положить конец межнациональным распрям, вылившимся сегодня в реки крови и человеческих страданий. Причем речь шла не о пустых призывах — ГКЧП обращался к народу с открытой программой первоочередных мер, решительно выступил за наведение порядка, подчеркивая при этом верховенство Закона и Права. Те, кто поднял тогда голос за спасение Союза, Отечества, никакого СНГ за пазухой не держали. Все изложенное выше говорит только об одном — выступление 19–20 августа за Союз не могло быть причиной его развала. Оно было использовано Вами как повод, а точнее предлог для того, чтобы разом покончить с Союзом, Центром, со всеми союзными структурами.

В подтверждение этому небезынтересно будет привести выдержку из показаний И. Силаева на допросе по делу ГКЧП в октябре 1991 года: «Что касается последствий путча, то его провал привел к новому качественному состоянию в стране… Была приостановлена деятельность компартии, прекратили работу руководящие органы КПСС и особенно реакционная РКП. Поэтому можно сказать, что это сыграло свою положительную роль — как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло!»

По-моему, выразительнее и не скажешь!

Ответ перед историей за Союз будут держать не те, кто предпринял попытку спасти его, а другие, разрушившие наше могучее и единое Отечество. Среди ответчиков будете и Вы, господин Президент. Я думаю, что Вы очень хорошо понимаете это, поэтому так подчеркнуто и стали вдруг выражать свои сожаления по поводу прекращения существования Союза.

Видимо, и Вы отдаете себе отчет в том, что еще не все беды свалились на нашу Отчизну. Сейчас Россия, образно говоря, оказалась без панциря в виде дружбы народов, былого могущества державы, дееспособного промышленного

производства, задействованного огромного научного потенциала. В этих условиях Россия и другие бывшие советские республики легко могут стать (и заметьте, уже становятся) добычей определенных внешних и внутренних сил. Россия совсем не та ни по качественному, ни по количественному показателям. Вместо 300 миллионов человек — пока ровно половина. Сегодняшняя Россия — истерзанное, больное государство, раздираемое противоречиями, оказавшееся в пропасти кризиса промышленности, сельского хозяйства, науки, культуры, стремительно падающего жизненного уровня. Еще совсем немного — и Россия уже не в состоянии будет защитить себя. В так называемом «ближайшем зарубежье», которое люди моего поколения больше привыкли называть дальним пограничьем, формируется целый пояс государств с недружественными России режимами. А ведь совсем недавно многое выглядело совсем иначе. Более того, со всей ответственностью смею сказать, что в случае реализации мер, объявленных ГКЧП, в стране не было бы новых тысяч убитых, десятков тысяч раненых, сотен тысяч беженцев, которых мы получили после августа прошлого года. Один пример. 16 августа 1991 года в Нагорном Карабахе армянскими боевиками был захвачен 41 советский военнослужащий. Угроза расправы над ними была более чем реальной. Но уже 19 августа в советскую воинскую часть раздался звонок с просьбой не предпринимать каких-либо действий, а в середине дня все они были освобождены. Комментарии, думаю, здесь излишни.

Чем больше Вы, господин Президент, будете искать причины не там, где они в действительности находятся, тем более тяжкими последствиями обернется это для народов бывшего Союза, в том числе и России. Неужели личные амбиции, безудержная жажда власти стоят крови стольких людей, страданий целых народов?! Неужели Вам, г-н Президент, ни о чем не говорит опыт других стран — наших недавних друзей и союзников, — которые ввергнуты в пропасть жесточайших междоусобиц и в этот тяжкий для них момент преданы Россией? Но Россией ли?!

Я достаточно хорошо знаю Вас и полагаю, что это письмо не пройдет мне даром. Но мне уже 69-й год, так что жизнь в любом случае уже позади. Оглядываясь назад, могу сказать, что мне нечего стыдиться, сожалеть приходится не о содеянном, а о том, чего не успел или не сумел сделать. К предстоящему суду в личном плане отношусь скорее безразлично: с одной стороны, уверен, что объективное рассмотрение дела ГКЧП все поставит на свои места, а с другой — я не настолько наивен, чтобы рассчитывать сейчас на непредвзятый подход к себе и моим

товарищам, знаю истинную цену провозглашенной Вами законности и демократии. Вот и Ваши последние обвинения по адресу узников «Матросской тишины» представляют собой не только глумление над истиной, но и неприкрытое давление в преддверии суда. Вместе с тем меня не может не заботить то, как предстоящий суд отразится на политическом климате в стране. От решения суда по этому делу будет во многом зависеть, победит ли правда или ее постигнет еще одно поражение.

И последнее. Во время богослужения 14 июня в Сергиевой лавре Вы призвали людей к «терпению, смирению и очищению». Народ действительно пока терпит, но это только пока. А что касается смирения и очищения, очень важно, чтобы этот призыв относился ко всем, в том числе и к Вам, особенно в части, касающейся очищения.

Прошу настоящее обращение считать открытым письмом к Вам.

В. Крючков «Матросская тишина»,
3 июля 1992 г.